

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РУССКАЯ
НАРОДНО-БЫТОВАЯ
ЛИРИКА

РУССКАЯ
НАРОДНО-
БЫТОВАЯ
ЛИРИКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

РУССКАЯ НАРОДНО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА

ПРИЧИТАНИЯ СЕВЕРА
В ЗАПИСЯХ В.Г. БАЗАНОВА
и А.П. РАЗУМОВОЙ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИЙ
В.Г. БАЗАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

АННОТАЦИЯ

В книгу вошли записи фольклорного материала В. Г. Базанова и А. П. Разумовой, произведенные в 1942—1946 гг. на Печоре, в Заонежье и Пудожском крае. Записи состоят из традиционных причитаний и плачей, созданных в годы Отечественной войны. Годы записей определяют тематику новых плачей и плачей военного времени о жизни в фашистской неволе, о растерянных детях, о погибших в боях за Родину.

Материал в томе расположен по экспедициям (Печора, Заонежье, Пудожье), а внутри каждой экспедиции по исполнителям. Записи точно папиртизированы. Некоторые тексты даются в повторных записях. Вступительная статья состоит в значительной своей части из дневника собирателя, содержащего наблюдения над возникновением и бытованием причитаний.

ПРИЧИТАНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА В ЗАПИСЯХ 1942—1945 годов

ВСТУПЛЕНИЕ

«Женщина-поэт явление редкое в нашем отечестве...» Эти слова принадлежат В. К. Кюхельбекеру.¹ Кюхельбекер называет только поэтессу А. П. Бунину (1774—1829). Но и эта поэтесса, автор вялых элегий и дружеских посланий, не вышла на большую дорогу поэзии, она затерялась среди третьеразрядных и безликих эпигонов Карамзина.

Среди поэтов двух столетий, XVIII и XIX, женщина-поэт действительно «явление редкое». Русская женщина из помещичьей усадьбы и дворянского салона передоверила свои чувствования великим современникам. Пушкин открыл нравственную красоту русской женщины и показал ее душевное обаяние. И все другие русские поэты женщине посвящали свои лучшие лирические стихи. Певцом женского горя называли Некрасова. Некрасов широко использовал в своей лирике и в поэмах народные причитания. В поэзии Некрасова — вся крестьянская Россия.

Творцами фольклорной лирики, лирических народных песен и столь же лирических причитаний были простые русские женщины. Женщина-поэтесса — явление обычное в фольклоре и потому особенно примечательное.

Н. А. Добролюбов в статье «Черты для характеристики русского простонародья» отмечает, что «самая сущность дела оправдывает выбор женского лица для изображения живых стремлений мысли и воли в крестьянском сословии». «Девушка, как ни много

¹ В. К. Кюхельбекер. Взгляд на текущую словесность. «Невский зритель», ч. I, март 1820, стр. 78. В крепостном дневнике В. К. Кюхельбекер возвращается к прежней мысли (запись от 1 ноября 1833 г.) «У нас мало женщин поэтов: из известных одна только Бунина не совсем дурна. Тем приятнее было мне найти в „Сыне отечества“ (за 1823 г.) несколько стихотворений девушки не без дарований: подпись ее Е. Ф. Б. Последняя из ее пьес, напечатанных в этом журнале, — к Лире даже может назваться в своем роде (тоскливом) прекрасною» (Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, ф. 265, оп. 1, № 28, лл. 77 об. и 78).

разделяет она общие труды с мужчинами, все-таки имеет несколько более свободы предаваться своим мыслям. Самый род многих занятий благоприятствует этому: за пряжей, тканьем, шитьем и вязаньем гораздо удобнее думать и мечтать, нежели при сеянии, паханье, жнитве, молодьбе, рубке леса и пр. Притом же можно предполагать, что и у крестьян, как вообще при всех сословиях, восприимчивость и воображение сильнее у женщин, нежели у мужчин. И действительно, припомнив многие наблюдения над жизнью простонародья, мы находим, что женщины здесь вообще более мужчин склонны к рассуждениям о предметах возвышенных — о душе, о будущей жизни, о начале мира и т. п. Знахарство, врачебное искусство, знание трав и наговоров принадлежит преимущественно женщинам. Сказки, легенды (и всякого рода предания) хранятся в устах старушек; рассказы о святых местах и чужих землях также разносятся по Руси странницами и богомолками. На разговор о том, как на свете правды не стало, и как все в мире беззаконствует, можно в несколько минут навести всякую бабу».²

Народная поэзия во всем ее художественном и жанровом многообразии не знает тесных перегородок; исторические песни, былины, сказки являются общекрестьянским достоянием. Науке хорошо известны выдающиеся певцы и сказочники, — героическая былевая поэзия, поэзия мужественного красноречия, возникла в воинских походах и она безусловно была рассчитана прежде всего на мужскую аудиторию. Но Добролюбов совершенно прав в отношении традиционной обрядово-бытовой поэзии. Добролюбов обращает внимание на ту особенность фольклора, которая в какой-то степени является и характерной чертой великой русской литературы (образ русской женщины в поэзии Пушкина и Некрасова, в романах Тургенева, Гончарова, Толстого). В фольклоре сами женщины создают лучшие образцы поэзии лирической, в частности бытовые причитания.

И, может быть, именно здесь, в этой области лирико-эпической поэзии, русская крестьянка проявила наибольшую самостоятельность и достигла художественных высот. Многие талантливые вопленицы так и остались неизвестными, не вошли в литературу и науку, — причитания от них просто не были записаны. Долгое время причетъ считалась слишком обыденной, повседневной поэзией, имеющей исключительно обрядовое значение. Только в 70-е годы прошлого века читающая Россия узнала об олонекской поэтессе Ирине Федосовой. Трудно даже было поверить, что в Заонежье, по соседству с Петербургской губернией петрозаводский учитель Е. В. Барсов открыл столь самобытное дарование.

² Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч. в шести томах, т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 270—271.

Плачи Ирины Федосовой, опубликованные Е. В. Барсовым, привлекли внимание Некрасова, потом и Горького. А. М. Горькому удалось встретить Ирину Федосову на нижегородской ярмарке и посвятить ей восторженный очерк «Вопленица». «А вопли — вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле, — все рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций — да! — но полных чувств, искренности, силы — и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания. . .

Русская песня — русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей». ³ Блестящая характеристика, данная Горьким, — самый верный портрет народной поэтессы, ее внешнего и психологического облика.

Причитания — специфически женская поэзия, поэзия по преимуществу лирическая, лирика больших человеческих переживаний. И возникают они под впечатлением таких драматических событий народной жизни, как смерть близкого человека, тяжесть положения сироты или вдовы, пожар, рекрутчина и т. д.

Напомним, что народную бытовую лирику высоко оценивал В. И. Ленин. Он обратил внимание на «завоенные, рекрутские и солдатские» причитания, составляющие второй том «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова. В. И. Ленин не только внимательно просмотрел этот том, но и сделал на полях книги многочисленные пометки, как бы указывая на те места причитаний, которые заслуживают особого внимания. Отрывки из «Причитаний Северного края», отмеченные В. И. Лениным, составляют самые существенные страницы «летописи плачущей народной поэзии, рассказывающие о рекрутских наборах, народных бедствиях, об ужасах солдатской службы при «Наколае Палкине». Для В. И. Ленина было важно на примере причитаний показать значение фольклора в изучении истории трудового народа, народных дум и чаяний. Владимир Ильич особенно дорожил мнением народа, он не оставил без внимания рассказ вопленицы Ирины Калиткиной, — этот прекрасный комментарий к дореволюционным рекрутским причитаниям. Он подчеркнул в рассказе Калиткиной о своей жизни именно те строки, которые особенно важны для понимания социальной природы и драматизма бытовой лирики: «Потом хлеб-от был дорогой: тут бедно жили: уж так жили — с пудика на пудик, и горбушечкам-то займовали, и закройками-то займовали, а иное и без ужина

³ М. Горький. Собр. соч., т. 23, М., 1953, стр. 233.

спать ложились». В. И. Ленин говорил В. Д. Бонч-Бруевичу, что Барсов «сделал хорошее дело, собрав и записав все это». Читал «Причитания Северного края» В. И. Ленин по экземпляру, принадлежащему Демьяну Бедному. В. Д. Бонч-Бруевич рассказывает: «Возвращая книгу „Завоенные плачи“, Владимир Ильич сказал мне: „А я так увлекся этими записями, что забыл, книга-то не моя, и стал отчеркивать особо интересные тексты, на которые стоило бы обратить особое внимание“.

«Я с радостью сказал Владимиру Ильичу, что Демьян будет счастлив иметь книгу с его пометками и предложил еще оставить книгу. Он улыбнулся и сказал: «Да вот все дела и дела, а так хочется написать статью на основании этого интереснейшего настоящего народного материала: ведь это действительно народные думы, сама каторжная жизнь народа! Да вот некогда. Пусть другие пишут». И он — к огорчению моему — протянул мне книгу и сейчас же углубился в бумаги, лежащие перед ним».⁴

В. И. Ленин не оставил после себя специальной статьи о причитаниях в связи с народной жизнью. Но по его пометкам на полях «Причитаний Северного края» угадывается направление мысли и в какой-то степени содержание предполагаемой статьи. В. Д. Бонч-Бруевич передает смысл ленинских суждений о причитаниях: «Даже здесь, в этих скорбных „завоенных плачах“, раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер».

Для В. И. Ленина было ясно и то, что в причитаниях, как и в других жанрах классического фольклора, многие народные идеи и помыслы запрятаны в иносказания, что фольклору свойственна аллюдиозность. В связи с этим В. И. Ленин дает совет: «Надо докопаться до скрытых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного».

Причитания — жанр, исторически связанный с дореволюционной крестьянской Россией. После Великой Октябрьской социалистической революции плачи все больше и больше становились достоянием немногих, в основном пожилых женщин, свыхшихся с традиционными формами фольклора. Фольклористы и этнографы еще в 30-е годы XX века отмечали на севере России бытование похоронных и свадебных причитаний. Известны также немно-

⁴ В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 117—131, цит. стр. 120. О пометках В. И. Ленина на полях второго тома «Причитаний Северного края» см.: В. Базанов. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Госиздат К.-Ф. ССР, Петрозаводск, 1955, стр. 300—305; К. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Очерк жизни и творчества. Госиздат К.-Ф. ССР, Петрозаводск, 1955, стр. 10—17.

численные записи причитаний эпохи гражданской войны. Так, В. В. Чистовым в 1938 году в Карелии от А. Н. Корешковой был записан «Плач по мужу, погибшему в боях с белыми». В этом плаче содержатся и такие стихи:

А на чужой дальней сторонушке,
И на службе на военной,
И на стрельбе на великой,
Защищал он свою родину!⁵

В 30-е годы, в годы усиленного внимания к сказительскому фольклору, появились своеобразные плачи-сказы о В. И. Ленине, С. М. Кирове, А. М. Горьком, М. И. Калининe. Они широко публиковались в периодической печати, передавались по радио, и безусловно в какой-то степени способствовали пробуждению интереса к традиционным причитаниям. И все же плачи-сказы о вождях и героях были явлением временным, переходным, характеризующим сложный процесс становления нового содержания в формах несколько архаических, слишком традиционных. Судьба причитаний фактически была решена самой действительностью: старые причитания исчезали из быта советского народа, а новые плачи-сказы не превращались в поэзию массовую. К такому выводу должен был прийти каждый объективный исследователь фольклора. Однако процесс отмирания причитаний оказался более сложным и противоречивым.

«Бывает такая пора в народной жизни, — замечал в свое время П. Н. Рыбников, — когда поэтическое настроение и поэтический материал составляют достояние целого народа, и всякая живая, восприимчивая личность при первом возбуждении извне выделяет свое чувство или представление в поэтический образ и облекает его сейчас же в поэтическую форму, которая в ту пору под рукой у каждого. Таково, говорят, и теперь еще эпическое настроение Сербии. У нас на Руси, сколько я ее видел, подобное настроение бывает только у женщин, лирическое и в минуту сильного горя. Выражение его — заплачки, в которое чувство само собой выливается при свадьбах, при похоронах, при отправлении детей или родных в рекруты. В петрозаводском Заонежье и на Пудожском побережье каждая почти женщина умеет высказывать ощущение своей скорби или слагая новую заплачку, или применяя к обстоятельствам старую».⁶

П. Н. Рыбников точно определяет жизненные и социальные обстоятельства, способствовавшие широкой популярности причитаний в дореволюционной деревне. Советская действительность обрекла

⁵ Причитания. Вступительная статья и примечания К. В. Чистова. Подготовка текста Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова. Библиотека поэта, Б. сер., Л., 1960, стр. 339.

⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III. Петрозаводск, 1854, стр. XLVIII—XLXII.

этот жанр фольклора на постепенное исчезновение. Старые «заплачки» еще не были окончательно забыты; «в минуты сильного горя» (смерть близкого человека) крестьянки русского Севера по-прежнему обращались к похоронной лирике, утратившей обрядовое значение. И все же в довоенные годы наблюдался резкий упадок жанра, вытеснение причитаний более современными формами народной поэзии. Если бы не вероломное нападение в 1941 году на нашу Родину фашистских захватчиков, то, по всей вероятности, причитания имели бы исключительно историческое значение, как поэзия уходящего прошлого. В годы Великой Отечественной войны (несколько неожиданно для фольклористов) причитания получили довольно широкое распространение, они были возвращены к жизни событиями военного времени. Прежде всего матери, провожавшие на фронт сыновей, использовали для выражения своих переживаний ту поэтическую форму, которая была «под рукой у каждого»: они обратились к традициям русского классического фольклора и стали применять к обстоятельствам старые «заплачки», а также создавать новые, способные выразить современные чувства и настроения. Этой зависимостью от традиционных форм поэтического мышления объясняются и те бесчисленные заимствования из старой похоронной и рекрутской причеты, которые мы видим в причитаниях, представленных в наших записях. Широкому бытованию причитаний способствовали и те народные обряды, в частности проводы на войну, в которых самое непосредственное участие принимали вопленицы.

В «Причитания русского Севера» входят материалы трех экспедиций: Печорской, Заонежской и Пудожской. Первая экспедиция, организованная Петрозаводским государственным университетом и Пединститутом Коми АССР летом 1942 года, охватила район Средней Печоры (от Усть-Цильмы с ее окрестностями до деревни Климовка), а также селения, расположенные по берегам Ижмы и Цильмы. Вторая экспедиция состоялась осенью 1944 года, фольклористы Петрозаводского университета побывали во всех селениях Заонежского края, кроме Кижы и Сенной Губы. Экспедиция Научно-исследовательского института культуры (ныне Институт истории, языка и литературы Карельского филиала Академии наук СССР) в Пудожский край состоялась летом 1945 года, она охватила основные селения Пудожья: Шала, Семеново, Пудож, Колово, Водлозеро, Рагнозеро, Авдеево, Песчаное, Нигижма.

Проводы воинов на Отечественную войну, ожидание вестей от них, получение извещений о героической смерти, и, наконец, возвращение с фронта — таков основной тематический цикл, представленный печорскими и пудожскими записями. На Печоре, где полевые записи проводились в обстановке самого обряда, удалось зафиксировать плачи-проводы в их наиболее развернутом виде и в наиболее точной редакции. В Пудожском крае, по рассказам

самих женщин, причитаний было столько, что и «на возу не увезти». Однако летом 1945 года плачи-проводы представляли вчерашний день. Значительно полнее в пудожских записях отражена скорбь о погибших воинах (при получении похоронных извещений), а также чувство ожидания встречи. Самостоятельный цикл составляют записи из Заонежья, — заонежские причитания сложены теми, кто в течение трех лет жил на оккупированной врагом территории, вынес заключение и истязания в фашистских лагерях, потерял своих близких, был выселен из родной деревни.

Перед участниками экспедиций 1942—1945 годов открывались два возможных пути: иметь дело с избранными мастерами фольклора, максимально использовать творческие возможности отдельных сказителей, или стремиться к массовому обследованию одного из жанров народной словесности путем широко поставленной полевой записи и в сравнительно больших географических рамках (район, край и т. д.). Нас интересовал второй путь, т. е. путь массового обследования. Только на Печоре в какой-то степени удалось проявить должное внимание к индивидуальному репертуару, к отдельной личности. Печорская причеть почти не представлена в печатных публикациях, поэтому необходимо было собрать материал, характеризующий местную традицию, историю жанра. Среди печорских воплениц имеются безусловно выдающиеся: престарелая Авдотья Носова и совсем молодая Елена Поздеева. Записи причитаний происходили в летнее время, в пору сенокоса, когда колхозницы дорожили каждой минутой. В более благоприятных условиях, подобных тем, что имел Е. В. Барсов, записывая причеты от Ирины Федосовой в зимнее время в Петрозаводске в течение нескольких месяцев, можно было бы и от той и от другой печорской вопленицы записать значительно большее количество текстов и разнообразнее представить репертуар. Но и те записи, которые были произведены от Авдотьи Носовой и Елены Поздеевой в недельный срок, свидетельствуют о том, что на Печоре участники экспедиции встретили крупные дарования.

В годы Великой Отечественной войны отмечено массовое бытование причитаний, главным образом в районах русского Севера, где были особенно свежи фольклорные традиции прошлого. Причитывали по преимуществу женщины старшего поколения, от них и записаны основные тексты.

Собиратели почти всегда встречали искреннее желание поделиться своими переживаниями, чувствами и заботами. Рассказ о материнской кручине незаметно перерастал в причеть, которая тут же записывалась в походной тетради. Были и такие дни, когда участники экспедиции сами являлись непосредственными очевидцами проводов и встреч, вестей радостных и нерадостных. В таких случаях мы не только имели возможность записывать причитания в самой естественной и непринужденной обстановке, но и наблю-

дать самый процесс изменения обряда и связанного с ним словесного искусства. На Печоре мы наблюдали обряд проводов на фронт; в Заонежье — оплакивание разрушенных «хоромных строений», посещение кладбищ, где были похоронены родственники; в Пудожском крае записывали плачи при получении похоронных извещений и в дни встречи демобилизованных воинов.

ПЕЧОРСКИЕ ЗАПИСИ

Печорскую экспедицию интересовала проблема сохранности былинного эпоса (экспедиция условно называлась «По следам Н. Е. Ончукова и А. М. Астаховой»). Первые встречи со сказителями показали, что былины отжили свой век. С большим трудом фольклористы отыскивали стариков, сохранивших в своей памяти хотя бы несколько былинных сюжетов. Это был закат былевой поэзии и даже давно наступившие сумерки. Записанные на Печоре былины — поэзия для немногих. Былины исполнялись престарелыми сказителями и как воспоминание о когда-то петых ими «старинах».⁷ Наши наблюдения только подтвердили прежние выводы собирателей.

Записывая на Печоре былины, сказки и лирические песни, участники экспедиции наибольшее внимание уделяли причитаниям. Это необходимо было сделать потому, что собиратели и исследователи не обращали на причитания должного внимания, и особенно потому, что в 1942 году причет несколько заслонила другие жанры народной поэзии, прямым образом сопутствуя переживаниям военного времени. В свое время С. Максимов в книге «Год на Севере» (СПб, 1893, т. II, стр. 47—51) для примера привел несколько печорских свадебных причитаний. Фактически на Печоре у нас не было предшественников. Исключение составляет заметка «Недра Печоры» А. Е. <леон>ского, появившаяся первоначально в 1915 году в газете «Архангельск» и тогда же перепечатанная в «Голосе Москвы», — отклик современника, наблюдавшего в Усть-Цильме проводы мобилизованных на империалистическую войну 1914 года.⁸

⁷ См. более подробно в очерке: В. Г. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар. 1943. Записи былин печорской экспедиции 1942 года входят в «Памятники русского фольклора». Былины Печоры и Зимнего Берега, Л., Изд. АН СССР, 1961. Подготовили к печати А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов.

⁸ Приводим это описание:

«В белую ночь на главной улице села Усть-Цильмы вышла многолюдная процессия к берегу Печоры. По одну сторону женщины шли мужики чинно и медленно, по другую — сверстники и товарищи уходящих верхами на лошадях. Призванных вели под руку старики. За ними шел хор песенников с прощальными песнями.

С дворов, мимо которых проходила процессия, выходили родные и чужие целыми семьями, чтобы проститься с уходящими и проводить их до реки. Каждый

Чтобы иметь более или менее полное представление о причитаниях, с которыми матери и жены в 1941—1942 годах провожали своих сыновей и мужей на войну с немецкими захватчиками, нужно было послушать плач с голоса, на берегу «матушки-Печоры», при последнем прощании. Из Нарьян-Мара вышел пароход «Мо-локов». К маленьким избушкам, которые рассыпаны по всей Печоре, заменяя собой речные вокзалы, постепенно сходилась народ, подходили молодые парни с котомками за плечами и деревянными крашеными чемоданами в руках, а за ними тянулись бабушки, матери, жены, сестры и односельчане. Они провожали своих внуков, сыновей, мужей, братьев и «братанов» (двоюродных братьев) на фронт. Трудно было разобрать слова, но слова были протяжные. Это вопленицы любовно и нежно голосили свои «плаксы». Наконец показался пароход:

По тебя идет, да солнце красное,
По тебя идет, да обогрванное,
По старшо мое да солнце красное,
По старшо да обогрванное.
Мы садить станем да на большой пароход.
Провожать станем да в путь-дороженьку.

С той и с другой стороны, ухватив отъезжающего на фронт одной рукой за шею, другой крепко обняв за пояс, старые и молодые женщины, каждая по-своему, оплакивают свое «чадо» или «ладо» милое. Голоса сливаются в единый поток. Пароход подходит к берегу. Брошен трап. Капитан дает один за другим свистки к отпращиванию. Наконец пароход отчаливает, слышатся прощальные гудки. Вопленицы низко склоняют свои головы и, немного покачиваясь из стороны в сторону, продолжают причитывать.

подходил к призванному, опускался перед ним на колени, отвечивая земной поклон, и целовался с ним, благословляя на ратные подвиги.

Процессия подвигалась медленно и часто останавливалась перед падавшими на колени людьми. Пройдя всю длинную улицу села, процессия сворачивала к Печоре и остановилась на обрывистом песчаном спуске.

Началось последнее прощание.

Это последнее прощание поразительно. Матери оплакивают своих детей, а кругом все застыло в неподвижном почтительном молчании перед материнской скорбью... Потом подходили прощаться родные, знакомые и, наконец, все остальные односельчане.

И каждый говорил:

— Дай бог победить германцев...

... Потом все двинулись к лодкам.

Темно-бурая Печера пенилась и клокотала, как море, выбрасывая на песок волну за волной.

— Отчаливай!

Взвизгнули весла, и лодки медленно отделились от берега, но тотчас были подхвачены бурным течением и отнесены далеко в сторону...

А толпа стояла на берегу и не расходилась, пока лодки не исчезли в белых гребнях.

Проводы по старине...» («Голос Москвы», 1915, № 121).

Женщины идут по берегу, иногда садятся на лодку и, нажимая на весла, едут вслед уходящему пароходу... Причитают они на обратном пути в деревню, иногда голосят безудержно с утра до позднего вечера. В этой обрядовой форме заключен столетний быт, многовековые нравы и обычаи северного крестьянства. Молодое поколение, особенно сами призывники, которым посвящены эти «плаксы», относились к причети снисходительно или иронически. Отъезжающий в армию восемнадцатилетний секретарь Хабарицкого сельсовета, например, категорически потребовал от своей жены Елены Поздеевой, чтобы она провожала его без «плаксы». Елена Поздеева сдержала свое слово, она проводила мужа без причети, но при возвращении обратно в деревню все же оплакивала «ладо милое». Не менее показателен другой случай. Стоявшие на берегу во время ожидания парохода у пристани Среднее Бугаево молодые призывники переживали проводы с причетью как неприятную для них процедуру. В то время когда матери скорбили на берегу, сыновья под звуки вятского «страдания» ритмично выступили каблуками народный танец.

На берегах далекой Печоры в течение целого лета нам пришлось наблюдать «проводы по старинке».

Сам обряд проводов мало чем изменился. Изменился характер причитаний, сопровождающих старинный обряд, — в сознании современных воплениц удержались главным образом те мотивы и образы, которые соответствовали вечной теме жизни и смерти, выражали радость любви и боль разлуки, скорбь об утрате близкого человека и сетования на свою долю. Основным композиционным моментом печорской причети является развернутый монолог. Новое в причитаниях военного времени состоит в функциональном изменении старых поэтических образов, а также в параллельном развертывании образов, подсказанных логикой самой жизни. У большинства воплениц личный почин ограничивается только отсевом отживших мотивов, слишком явно противоречащих современности. Так, например, А. К. Носова, прекрасный знаток традиционной похоронной причети, частично отступает от композиционной схемы старого плача и устойчивых «общих мест», характеризующих положение женщины с малыми ребятами «без кормильца да чада милого». Провожая внуков на Великую Отечественную войну, она причитывала вполне традиционно. Чувство личной утраты определило все художественные компоненты причети, семейно-бытовой по своему содержанию. Но и семидесятитрехлетняя А. К. Носова не забыла напомнить о враге, с которым следовало бороться не щадя своих сил. Правда, характеристика врага в ее плачах ограничивается довольно односложным определением:

Они хитрые да они лютые,
Злы, лихие да эти вороги,
Они злы, лихи да эти гитлеры.

Следует прежде всего отметить исключительно хорошую сохранность причитаний в деревнях, расположенных по Печоре.

Записи 1942 года свидетельствуют о том, что традиционный обрядовый фольклор еще крепко держался в сознании печорских крестьянок, отнюдь не профессиональных воплениц, и под впечатлением военных событий как бы заново воскрес. Наивно объяснять столь широкое распространение обрядовой поэзии оторванностью печорских селений от больших культурных центров, своеобразной изоляцией края. Достаточно сказать, что почти все печорские деревни радиофицированы, повсеместно имеются школы и избы-читальни. В Усть-Цильме работает Опытная научно-исследовательская сельскохозяйственная станция. Грамотность на Печоре стала явлением обычным, даже старшее поколение крестьян за годы Советской власти приобщилось к книжной культуре. Культурная революция достигла самых глухих уголков. Но и традиционное фольклорное наследие не все забыто. Старинные «запалки» уживаются под одной крышей с новой песней. Ученые, изучающие народный быт и народную поэзию, не могут не считаться с местными традициями, которые часто оказываются более устойчивыми, нежели это можно предполагать, не выходя за пределы фольклорного кабинета. Печорские причитания тем и показательны, что в них закреплен большой художественный опыт прошлого. Стиль печорских причитаний несколько необычен: явное тяготение к устойчивым и сложным композициям, к замедленному повествованию, многосоставным словам. Отдельные слова и группы слов отрываются, скатываются из одной строки в следующую, образуют «рубцы». В таких случаях часто теряется смысловая синтаксическая связь, течение стиха трудное и медленное. Печорские причитания отличаются своей громоздкостью, тавтологичностью, риторичностью. Порой они больше напоминают эпос, нежели лирику. Печорские вопленицы стремятся точно следовать художественному канону. Они исключительно бережно относятся к стилистическому и жанровому нормативу, к поэтике старинных причитаний. В языке — нарочитое использование сложных словосочетаний, парных синонимов, повторений, постоянных эпитетов.⁹ Современность врывается в причет (почти в каждом плаче при провах на Великую Отечественную войну содержится проклятие «злыдня» Гитлера и патриотический материнский наказ), но эти новые мотивы часто существуют в качестве своеобразного привеса, дополнения к каноническому повествованию. Только у Елены Поздеевой, самой талантливой вопленицы, идет открытый спор с несколько

⁹ О функции эпитетов в причитаниях см.: А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). Труды отдела древнерусской литературы, т. VI, Изд. АН СССР, М., 1948, стр. 159—166.

ответшало поэтикой причитаний, с традиционными образами; у всех остальных, исключая еще М. В. Дуркину, сила художественного канона побеждает.

Ощущение традиции и склонность к импровизации здесь, как и в других жанрах народной поэзии, находится в неразрывном единстве. Не все вопленицы в одинаковой мере талантливы; среди печорских воплениц можно условно выделить четыре типа «плакальщиц».

I. Для большинства воплениц «плаксы» существуют только в момент эмоционального экстаза, а в памяти остаются общие места, мало связанные между собою. Так, например, Анисия Львовна Шишалова из Среднего Бугаево в августе 1941 года, провожая зятя в армию, долго и хорошо приплакивала. Об этом знала вся деревня. Через год, в августе 1942 года, она пыталась воспроизвести плач, но из этого ничего не получилось. Сама Анисия Львовна говорила нам, что любит «плаксы» слушать и даже часто думает, что она лучше могла бы выплакать, но если горя нет, так и «плакса на память не придет». Так рассуждают многие. Почти каждая пожилая женщина Печорского края может оплакать свое «ладо милое». «Горе есть, — говорят обычно, — так и плакать будешь. А горе пройдет, так и все забудешь». Это плачи для себя, они имеют исключительно семейно-бытовое значение.

II. Встречаются вопленицы, репертуар которых шире и устойчивее, но также связан с личными переживаниями. Они стремятся заполнить традиционную схему мотивов автобиографическими фактами. Т. Н. Тиронова из Усть-Цильмы принадлежит именно к этому типу воплениц. Рассказывая о своей жизни, Т. Н. Тиронова заметила: «Сколько я выплакала, столько отецкая дочь воды не выпила... и попела и поплакала. В молодости песни беда пела. С моих песен рот тесен, запою — так умна мать с ума сойдет. А горе придет, так хошь не хошь заплачешь». Тиронова, как и Авдотья Носова, в молодости была отличной песенницей. Ее «плаксы» являются в значительной мере продолжением песенного словотворчества. Почти каждая талантливая вопленица одновременно является хорошей песенницей или сказочницей, а иногда и хранительницей былевой поэзии.

От Т. Н. Тироновой записано 6 плачей. Все они являются живым откликом на прожитую и настоящую жизнь вопленицы. Татьяна Никифоровна оплакала первого и второго мужа. О втором муже, погибшем во время гражданской войны, она говорит образами самого происшествия:

Повстречалися тебе злы враги да супостатники
На той пути да на дороженьке,
Повстречали тя да добра молодца,
Отсекли у тя да руки белые,
Бросили да в мать быстру реку.

Мать быстру реку да златоструйную,
В темну пролубь да во глубокую,
Во глубокую да во подледную.

Эта вопленица может серьезно оплакать только человека близкого ей, а постороннего она не оплачет — не хватит ни слов, ни голоса.

В плаче Т. Н. Тироновой о племяннице и племяннике еще нет ясно выраженных событий военного времени. Но тем не менее все повествование связано с событиями 1942 года. Этот плач Тироновой есть не что иное, как воспоминание о племянниках, которых она растила, как родных детей, и о которых она постоянно думала. Все повествование построено на фактическом материале. Прежде чем приступить к своей «плаксе», Т. Н. Тиронова нам рассказала о своей жизни и о своих племянниках. В результате мы видим тесное переплетение этого рассказа с причетью.

1. Аркадий и Дуня, лишившись отца и матери, воспитываются у своей тетки: «Мать и отец умерли, а они все около меня жили».

Они в одном житье да были рощены,
За одним столом да были кормлены.

2. Аркадий уехал работать учителем на Украину, а Дуня осталась в Усть-Цильме:

Далеко ушел от вас, уехал он,
Далеко да на чужу сторонушку,
На Украину да он на хлебную,
На хлебную да хлебородную.

3. Там на Украине Аркадий женился: «Уехал туда и споженился там».

Нашел себе да пару-ровнюшу,
Прибрал себе да молодую жену
и т. д.

4. Аркадий просит сестру приехать к нему: «Все звал сестру, Дуня, приезжай ко мне, я живу добро».

Мы будем жить да в одном житье,
В одном житье да в одной семье.

5. У Аркадия осталась семья на территории, оккупированной немецкими захватчиками: «Они все, бедные, остались, отец-то убит, а где остальные и не знаю». И в плаче говорится об этой семье:

Опиши нам, да лебедь белая,
Можешь ли ты да их выискать,
Горьку семью да распастушенную,
Распастушенную да разоренную,
До мешка ведь да доведенную.

6. Аркадий сражается с немецкими захватчиками; Дуня едет на фронт медсестрой. Татьяна Никифоровна ждет от Дуни писем и каждый день вспоминает о ней. Отсюда мотив ожидания письма:

Ты пиши да письма-грамотки,
Голубушка моя бялянушка,
Про себя, моя да лебедь белая.

Ясно, что в основе этого плача лежит вполне реальная ситуация, только выраженная традиционными приемами повествования. Закончив плач, Татьяна Никифоровна снова принялась рассказывать о Дуне: «Хорошая девушка была, подходяще ходила, стройная, варовая, личико коротенькое, высокого росту и разговор чистенькой. Пойдет бывало, а я смотрю, как Дуня пошла, да люблюся». И тут же она стала приплакивать, в причети она дорисовала «портрет» Дуни:

Ты голубушка да моя Дунюшка,
Ты высокая была да стройная,
Тонка была да жаровая,
Ты молодехонька да зеленехонька,
Ты на завидность да людям добрым,
Черны брови да соболиные,
Черны глаза да соколиные,
На лицо была да круглоликая,
Ты пойдешь да моя оденешься,
Приставало тебе да платье цветное,
Приставало тебе да воскресенское.

Такова история возникновения и создания этого плача, такова лаборатория вопленицы, использующей в своей «плаксе» исключительно личный материал. И это не единственный случай, когда сюжетная канва причитаний соткана из автобиографических фактов.

III. К иному типу относятся вопленицы с большим и разнообразным репертуаром причитаний на любой случай. Их «плаксы» со временем отливаются в постоянную художественную форму, давстоявшиеся образы и поэтические формулы, типичные для данной традиции, или «школы». При каждом новом повторении плача эти образы еще более отшлифовываются и постепенно превращаются в художественный канон. К таким вопленицам-профессионалкам следует отнести Авдотью Кондратьевну Носову из деревни Карпушовка.

Творческий опыт этой вопленицы настолько разнообразен, что прежде чем начать причеть, она спросила нас: «по какому мужу плакать, по плохому или хорошему? Какой смертью дочка умерла — в огне сгорела, потонула, подстрелена или своей смертью умерла?» Тут же, тихонько покачиваясь из стороны в сторону, она заводила плач о дочке, которая погибла в огне. Она способна каждый зна-

чительный факт из своей жизни ввести в сюжет причети. Достаточно было вспомнить ей об организаторе Печорской опытной селекционной станции ученом-естествоиспытателе А. В. Журавском, с которым вопленица 40 лет тому назад ездила ловить рыбу «трепущую», как обычный рассказ об интересном знакомце, постепенно перерос в причеть (см. плач об А. В. Журавском).

«Плачу из своей головы, что на ум придет, то и плачу» — говорит о себе А. К. Носова. «Горюшко мучит, горе плакать велит, плохонько жила, вот и плакать умела». В этой формуле присутствует и социальная сторона плача: «плохонько жила». Плачет Аветья с 14 лет. Выросла она в семье «нужной», т. е. бедной, батрачила на чужих людей, жила, по ее словам, «в маеты да в позорны», пока не вырастила сыновей. От А. К. Носовой 28 плачей были записаны в течение трех дней: с утра до позднего вечера она способна была приглашивать.

IV. И, наконец, среди наиболее творчески одаренных воплениц имеются и такие, которые пытаются на традиционной поэтической канве вышивать собственные узоры. Иногда это сказывается в стремлении к объективному повествованию и к большему общественному содержанию. Первоначально в самой причети появляются моменты политического сказа, потом происходит дальнейшая трансформация: преодолевая замкнутость и слишком субъективную окраску семейно-бытовой поэзии, отдельные вопленицы используют публицистику и современный материал. Так, Елена Поздеева, несмотря на свою молодость, прекрасно владеет стилем традиционной причети, и одновременно она нарушает традицию, включая в свои причитания мотивы борьбы и мести.¹⁰ Нечто подобное (взрывание плача с помощью сказа героического и обличительного) мы видим и в причитаниях Ирины Федосовой («Плач о писаре», «Плач о старосте»). В результате причитание становится лирико-эпическим сказом.¹¹

Плачи Елены Поздеевой выросли на основе местной классической традиции. Гибель двоюродной сестры в Печоре, скоропостижная смерть единственной дочери, проводы матери на «дальнюю сторонушку» и, наконец, расставание с мужем и братьями — вот основные сюжеты ее причитаний. Некоторые плачи Е. Поздеевой, особенно «Плач по сестре, утонувшей в Печоре», представляют собой развернутые описательные поэмы, многим напоминающие

¹⁰ Подробное описание мотивов, содержащихся в причитаниях Е. Ф. Поздеевой, а также сравнительный материал, полученный в результате повторных записей см. в комментариях, стр. ...

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц считает возможным говорить о своеобразных «лирико-эпических сказах», пользовавшихся отстоявшейся постоянной фразеологией народных плачей-причитаний, в древней Руси. (В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. Труды отдела древнерусской литературы, т. VII, Изд. АН СССР, Л., 1949, стр. 8).

монументальные причитания Ирины Федосовой (см. «Плач об утопших в Онеге»), хотя ни о каком влиянии поэтического наследия олонечкой поэтессы на печорскую вопленицу говорить не приходится.

Елена Поздеева по своему художественному дарованию превосходит даже Авдотью Носову, она значительно свободней в своем поэтическом мастерстве. Для нее показательна преднамеренная ориентация на новаторство. Летом 1942 года она выходила на берег Печоры провожать своих родственников и односельчан на Великую Отечественную войну. И здесь использовала обрядовую причет для выражения чувств советского патриотизма как поэзию по-своему агитационную.

Защищать они пошли Россию-матушку,
Россию матушку от проклята Гитлера,
Проклята Гитлера да как разбойника.

Она не забывает напомнить и о том, что Гитлер

Искитается над нашей женщиной,
Колет ейны да груди белыс,
Вырезает звезды пятиконечные,
Вытыкает ихны да как мутны очи.

В дер. Уег не только Елена Поздеева, но и Мария Васильевна Дуркина понимала причет довольно широко как своеобразную поэтическую летопись. Можно говорить о уержской «школе»: творческий опыт одной из воплениц становился достоянием многих. О М. В. Дуркиной уержские женщины говорили, что «лучше ее никто причети не знает». У М. В. Дуркиной имеется дочь Парасья, которая тоже «голосом хорошо выводит и плачет сердечно». Веселая и добродушная старушка Мария Васильевна Дуркина делается задумчивой и серьезной, когда начинает «голосить свои плаксы», по ее словам «плаксы» требуют мысли и плана. «Говорить-то надо не с бору, да не с веретейки, а чтобы слово к слову родилось — замечает она. — Нянчу внучку-то, сижу у люльки, да день-то весь и борону, за день-то всех припомню».

От М. В. Дуркиной мы записали два плача, с которыми она проводила своих сыновей и внуков на фронт. Личная изобретательность и глубокое чувство патриотизма — основные черты Дуркиной как вопленицы. Они определили смелый переход от традиционного рекрутского плача к патриотическому причитанию. В подготовленную поэтической традицией словесную канву уержская вопленица вплетает новые образы и мотивы, которые образуют целое повествование о сыновьях-воинах. В ее плачи, наряду с мотивами «прощаница» и материнской кручины, входят: 1. Образ сына-воина, защищающего Родину от немецких захватчиков. 2. Картина,

изображающая героическую смерть сына-фронтовика. 3. Изображение чувств и дел дочерей-колхозниц, которые «отдают всю свою могучую силушку» для победы Красной Армии. 4. Образ матери-патриотки, которая желает своим «ясным соколам» разгромить врага и вернуться домой с победой и славой.

Подобные причитания не являлись поэзией искусственной, созданной для одного дня. Можно спорить об их художественных достоинствах, отмечать элементы стилизаторства, можно и нужно говорить об их временном характере (временная уступка архаическим формам фольклора). Но едва ли можно сомневаться в искренности воплениц, в их органической потребности именно так, а не иначе выражать свои чувства. В частности, причитания Елены Поздеевой вызывали большой интерес среди печорских женщин. Свои причитания Поздеева не раз повторяла и во время плавания на лодке по Печоре, и в поле, на отдыхе. В день отъезда участников экспедиции колхозницы из Уега сами попросили устроить читку записанных плачей. Поздно вечером, после полевых работ, женщины собрались за большим столом, внимательно слушали записанные от них же причитания, потом говорили: «Как это мы не замечаем, что наши бабы так славно плачут».

Возможно, что на Печоре, в тех селениях, где участники экспедиции производили записи, в какой-то степени оказалось влияние известной сказительницы М. Р. Голубковой. Сказы М. Р. Голубковой передавались по местному радио. По крайней мере, Елена Поздеева это влияние несомненно испытала, хотя в ее плачах и нет заимствований у Голубковой. Самое существенное, на наш взгляд, состоит в том, что причитания вызваны потребностями жизни, условиями военного времени и определены местной поэтической традицией.

ЗАОНЕЖСКИЕ ЗАПИСИ

Об олонекких плачах-«воплях» в связи с историей русской причеты писал еще в 1838 году Святослав Раевский, друг М. Ю. Лермонтова, сосланный в Петрозаводск за распространение стихотворения «На смерть поэта». Раевский указывал на историческую летопись, сохранившую свидетельство о древности похоронного обряда, сопровождаемого оплакиванием умершего: плач Ольги на земле Древлянской, плач слуги убитого князя Андрея Боголюбского, плач Евдокии по князю Дмитрию Донскому и т. д. Он же отмечал, что плачи продолжают составлять неотъемлемую часть народных обычаев и обрядов, являются неизменным спутником семейного и общенародного горя. В подтверждение Раевский в своей статье «О простонародной литературе» привел два плача — свадебный и похоронный, записанные им

в Олонецкой губернии.¹² Вслед за С. Раевским В. А. Дашков в своем «Описании Олонецкой губернии» (СПб, 1842) сообщает несколько ценных сведений о плачах. Ему же принадлежит специальная заметка «Похоронные обряды олончан», затерявшаяся на страницах «Олонецких Губернских Ведомостей» (1844, № 5). И, наконец, на плачи обратил внимание во время своей знаменитой поездки по Заонежью П. Н. Рыбников. По его словам, «заплачки» известны почти каждой «большухе и старухе». Возможно, поэтому собиратель и ограничился случайными записями; в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» опубликовано всего десять «заплачек» из 6. Олонецкой губернии.¹³

Заонежская причеть вошла в науку и литературу во всем ее своеобразии только после издания книги Е. В. Барсова «Причитания Северного края». Труд Е. В. Барсова следовало бы назвать «Причитания Ирины Федосовой», т. к. сборник составлен главным образом из плачей, записанных от заонежской вопленицы. Семнадцать текстов Федосовой занимают в «Причитаниях Северного края» триста страниц.

Заонежье выдвинуло и вторую крупную вопленицу — Н. С. Богданову. От Н. С. Богдановой в свое время записал 4 плача местный собиратель Н. С. Шайжин, причем и эта вопленица, особенно в «Приплаче вдовы по муже, погибшем в Киваче при славе леса», обнаружила тяготение к описательному плачу-сказу, к тринадцатичетырнадцатислоговому стиху и эпическим образам.

Публикация заонежских причитаний фактически закончилась трудами Барсова и Шайжина.¹⁴ В сборник «Русские плачи Карелии» вошло всего три плача, записанных в Заонежье.¹⁵ Новые записи ни в какое сравнение с причитаниями Федосовой и Н. Богдановой поставлены быть не могут. Они уступают по размеру (около 50 строк), и содержание их ограничивается двумя-тремя традиционными мотивами.

С целью дополнить наблюдения над современным состоянием русской причеты, работа фольклорных экспедиций, начатая в 1942 году на Печоре, была продолжена осенью 1944 года в Заонежье. Записи на этот раз проводились в специфических условиях. Заонежье почти три года находилось в оккупации. И та часть Зао-

¹² О престолярной литературе. О собрании русских народных песен, стихов, пословиц и т. п. см. «Олонецкие губернские ведомости», Прибавление, 1838, №№ 12, 13, 19, 21.

¹³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III, стр. 410—424.

¹⁴ Памятные книжки Олонецкой губернии 1910 г., стр. 144—212; на 1911 г., стр. 195—208.

¹⁵ Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Статья Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Под редакцией проф. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1940 г. См. плачи А. Ф. Касьяновой и А. А. Мошкиной, №№ 15, 25, 26.

нежского населения, которая не выселялась в лагеря, испытала на себе всю тяжесть рабского подневольного труда и фашистского произвола. Захватчики в Заонежье отобрали и угнали почти всех лошадей, из 3800 голов крупного рогатого скота они оставили местным жителям всего 400 голов. Земля, политая крестьянским потом, была превращена в пустырь. Из 10 900 гектаров ранее обработанной земли 9400 поросло за годы оккупации в Заонежье травой и кустарником. Захватчики систематически практиковали переселение жителей из одной деревни в другую, они гоняли детей и стариков по «чужим подворьям», грабили колхозное и личное имущество, разбирали дома и целые деревни. Все Заонежье было покрыто сетью трудовых лагерей. Молодежь была отправлена на строительство дорог и на лесоразработки, где царил тот же произвол, что и в концентрационных лагерях.

В «красовитом Заонежье», прославленном былевой поэзией, мы застали груды развалин. На каждом шагу виднелись следы недавних преступлений. Там, где колосилась рожь и наливался овес, вырос бурьян, и кустарники покрыли пахотную землю. От крестьянских изб и разной деревенской утвари остались жалкие остатки. Все было предано огню или расхищено захватчиками.

Первый плач был записан от шестидесятилетней А. И. Шаториной из Заонежья, которая почти три года томилась за колючей проволокой Петрозаводского лагеря № 4. Записывался он в сером лагерном бараке в присутствии других женщин, перенесших вместе с ней годы тяжелой неволи. Вместе с освобожденными заонежскими жителями фольклористы (В. Г. Базанов, А. В. Белованова и А. П. Разумова) поехали в Заонежье. Из Петрозаводска пароход пошел в Великую Губу, а потом прямо в Кузаранду, т. к. в Тамбицах и в Толвче были уничтожены пристани и причал.

В дер. Лисицыно, на родине Ирины Федосовой, экспедиция продолжила свои записи. Здесь мы встретили А. Ф. Касьянову, учившуюся искусству причети у Ирины Федосовой, и записали от нее плач о сыне, который замерз на подневольной работе в лесу (№ 33).

Нам не раз приходилось видеть в крестьянских избах небольшую книжечку «Причитания Ирины Федосовой» (Каргосиздат, 1938 г.). Сами женщины рассказывали, что «Ориньюшкины» плачи читались вслух в зимние длинные вечера, что чтение их сопровождалось горькими слезами «спорядовых соседущек». Федосова в свое время рисовала такую картину бедствий:

Как во эвтых два учетных долгих годышка,
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньце,
На слезах стоят стекольчаты околени,
Скрозь хоромишки воронишки летают,
Скрозь тынишки воробышечки падают,

Большака нету по дому-настоятеля,
По крестьянской нашей жирушке правителя,
Задержали все распашисты полосушки,
Лесом заросли луговы наши поженки.

Наш приезд в Заонежье совпал с моментом возвращения освобожденного народа. Вырвавшись из тяжелого плена, жители местных селений с огромной радостью стремились попасть в родные края. И здесь, у себя на родине, они или вовсе не находили своих домов или находили их полуразрушенными, без «косивчатых окошечек» и без «кирпичной белой печеньки». Подойдя к разрушенному дому, вопленицы обычно садились на крыльцо и заводили причеть о своем «хоромном строеньице»:

Как пришли в свою красивую деревенку,
Заросли да все пути широкие дороженьки,
Опустели все хоромные строеньица,
И поломаны косивчаты окошечка,
Порасшиблены хрустальные стеколышка,
Порастрепаны кирпичны белы печеньки,
Порассвистаны двери наши дубовые,
Приувезены хоромные строеньица,
Или пожганы палаты белокаменны.

(А. Ф. Стафейкова, № 79).

Редкая заонежская вопленица не вспомнит в своей причети о разрушенной «хоромине», о запущенных полях хлебородных и отобранной «рогатой скотинушке». Рассказывает ли вопленица о растерянных «роженных милых детушках» или обращается к умершей «законной семеюшке», она обязательно поведает о «хоромном строеньице», скажет о «злодеях супостатных», которые разрушили «красовитую» деревню. И так почти в каждом плаче. Можно сказать, что мотив о «хоромном строеньице» в современной заонежской причети стал столь же устойчивым, как и мотив о «трех учетных долгих годушках», проведенных в фашистской неволе.

В сентябре 1944 года воспоминания о жизни в оккупации были настолько свежи и памятны, что плачи, сложившиеся за колючей проволокой и у разрушенной «хоромины», отнюдь не являлись достоянием избранных воплениц. В абсолютном большинстве вопленицы, от которых мы записывали плачи, были самые обыкновенные заонежские женщины, пожилые и средних лет, не имевшие опыта в профессиональном приголашивании. Но в плачах о разрушенном Заонежье бесспорно сказалось мастерство Ирины Федосовой. Федосовские плачи перетолковывались на новый лад, в духе своего времени и мировоззрения. Из старой похоронной причети почти без всяких изменений в современные заонежские плачи входят те поэтические формулы и образы-символы, с помощью которых передается драматизм событий. Таков классический образ

женского горя: «В вешний день горя не высказать, на осенний лед не выписать». В записях 1944 года это «горе» имеет вполне конкретный смысл. Среди устойчивых художественных образов — образ «малолетней жалкой птиченьки», приглашающей «горюху горе-горюкую» на кладбище («раскат-гору высокую»). Эти и другие «окаменелые» образы и мотивы образуют общую схему причития, которая обычно заполняется более конкретным содержанием. Художественный канон предопределен в современных заонежских причитаниях структурными особенностями данного жанра.

В самом обращении к символике традиционных причитаний есть своя внутренняя логика. Конечно, бывают и просто механические заимствования, создающие стилистические парадоксы и смысловые алогизмы. Но чаще — сознательная попытка подчинить словарь и образы старых причитаний новым художественным и идейным замыслам. Семантика отдельных слов и выражений в заонежских плачах сравнительно легко расшифровывается. Сначала дается традиционная характеристика «горя», «обиды», «кручины», затем эти образы переводятся в план совсем близких ассоциаций: война, жизнь в оккупации, растерянная семья, разрушенное «хоромное строенье» и т. д.

Тяжелая жизнь в оккупации и те разрушения, которые причинили Заонежью захватчики, требовали суровых фабул, поэтики «жесткой», особой эмоциональной взволнованности. Заонежские причитания тем и своеобразны, что в них лирическая фабула значительно слабее описательной, отличающейся драматизмом и психологичностью. Для понимания истинного содержания причитаний необходим конкретный комментарий, т. к. почти всегда за риторическими фигурами и аллегориями скрывается жизненный конфликт, действительное событие, тот или иной реальный факт. Достаточно, например, сказать, что три лисицких мальчика — Вася Стафейков, Коля Стафейков и Петя Федосов — в один и тот же день погибли от вражеских мин. Убитые горем матери ходили в Тамбицы и искали во вздыбленной земле тела погибших. «Каждое утро, — говорит Авдотья Федоровна Стафейкова, — выходила на почтовую, которая идет на Тамбицы. Все причитывала, оплакивала своего сыночка». Трагическая смерть трех мальчиков нашла отражение в плачах, записанных в дер. Лисицино, на родине Федосовой.

Фашистские захватчики запрещали вопленицам посещать «умершую могилушку», они считали народные плачи вредной поэзией. В плаче, записанном от Е. В. Куликовой, содержится прямое указание на эти запрещения:

А там стоят патрули чужеродные,
Сторожа стоят да там не русские,
Не пропускают на могилушку умершую,
Не пропускают на раскат-гору высокую.

Несмотря на запрещения, в пленницы находили возможность оплакать свое горе, высказать свою тоску-кручину. Плакали они за колючей проволокой (см. плач А. Ф. Кочиной), плакали, скитаясь по «чужим подворьям», плакали на кладбище. В причитаниях они высказывали свои сокровенные чувства, чувства непокоренного народа. Так, например, на могиле мужа плакала старушка Порожская, рассказывая «законной семенюшке» о внуке, которого фашисты отправили в концентрационный лагерь.

На кладбище часто ходила А. М. Мухина и тоже приголаживала. Плач, записанный от А. М. Мухиной о дочери Тане, на первый взгляд, мало оригинален, он состоит из общих возгласов и «вопрошаний», в нем едва просвечивает конкретная фабула. «Горе у меня стало, так и заплакала, а так причитывать не умела» — говорила шестидесятилетняя А. М. Мухина. Только зная это горе» (старшая дочь убита осколком снаряда, на фронте погиб сын, оккупанты расстреливают Таню, дом разрушен, на руках остается восемь маленьких внуков), можно в традиционной по форме причети разглядеть автобиографическую канву, вполне реальные образы и мотивы, образующие второй семантический ряд. Сорвав покрывало традиционного иносказания, мы увидим Таню Мухину, суровую действительность фашистского плена. О Тане Мухиной, зверски убитой фашистами, говорится в официальных документах, вошедших в книгу «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сб. документов и материалов» (Госиздат КФССР, 1945, стр. 34):

«В Заонежском районе была зверски замучена, а затем расстреляна захватчиками секретарь сельской комсомольской организации и депутат Кузарандского сельсовета Мухина Татьяна Андреевна, 1921 года рождения. По данным, полученным от местного населения, установлены следующие обстоятельства убийства Мухиной.

«Финские военные власти в Кузаранде много раз избивали на допросе Мухину, после чего бросали ее в холодное помещение школы, служившее камерой предварительного заключения. Родных и знакомых к Мухиной не допускали. У школы была выставлена усиленная охрана. Во время одного из очередных допросов тов. Мухина вырвалась из рук карателей и хотела убежать, но уже на улице ее смертельно ранили солдаты и снова бросили в камеру. Здесь вскоре раздалось несколько выстрелов, и Таня Мухина была убита». Таню похоронили на сельском кладбище; мать-старуха часто посещала могилу и, припадая к сырой земле, слезно оплакивала свою дочь. Такова реальная основа плача А. М. Мухиной.

Действительность определяет сюжет и образную структуру многих причитаний Заонежья. Сошлемся хотя бы на плач Е. Ф. Санниковой (дер. Ильичевцы). В традиционную форму переселяется воспоминание о пережитом в оккупации. Когда в сен-

тябре 1944 года, после освобождения Заонежья от фашистских захватчиков, к Е. Ф. Санниковой приехал на побывку сын, мать пережитое горе вылила в причетъ. Этот плач, записанный нами в день встречи с сыном, содержит рассказ о «трех учетных долгих годышках» (три года, проведенные в оккупации). Здесь и метафорическое изображение появления фашистских захватчиков в Заонежье, — метафора, обычная для традиционных причитаний и народного эпоса:

Наставала туча темная,
Туча темная страховитая...

Здесь же — публицистические отступления, разговорная интонация, почти рассказ в лицах. Не образ-аллегория, а реальная картина, списанная с природы, без всяких условностей и шифра. Вопленица рассказывает о том же самом, о появлении захватчиков в Заонежье, но язык причитаний здесь подчинен индивидуальному повествованию:

Как со этой со злодейной со сторонушки
Налетели к нам фашисты окаянные,
Привалились на родиму на сторонушку,
Как уж стали оружием пристукивать
Колотить они в полы да все прикладами:
«Вы справляйтесь-ко, старухи стародревние,
Со свих-то со хоромин со колхозных»
Уж как я, горюха горегорьякая,
Как я начала справлять любимых детушек:
«Вы справляйтесь-ко, мои белые лебедушки,
Со своего да со хоромного строеньица».
Как пошли мы со хоромного строеньица
Горючими слезами обливаемся
И вопим горюхи, надрываемся.

Если говорить о сюжетных истоках этого плача, то они находятся в самой жизни, в биографии вопленицы и многих других заонежских жителей, испытавших ужасы фашистской неволи. За сбор колосьез в поле Е. Ф. Санникова была избита резиновой дубинкой и посажена в «будку». Дочь Е. Ф. Санниковой пыталась подойти к «будке», чтобы передать матери кусок хлеба, но ее грубо оттолкнули полицейские. Девушка отошла в сторону и громко запричитала. Из «будки» послышался ответный плач матери. Вопленица воспроизводит и плач дочери и свой собственный плач, но воспроизводит, конечно, неточно, дополняя новыми впечатлениями. Плач Е. Ф. Санниковой, как и многие другие заонежские причитания, имеют много общего с рассказами и показаниями советских людей о жизни в оккупации. Так, Д. Диева (Выгозеро) сообщает подобные же факты:

«Когда фашистские мерзавцы ворвались в наше родное село Выгозеро, каждый из нас почувствовал, что погасло над нами солнце яркое, наступили черные, непроглядные ночи. Захватчики

согнали все население в одно место, а затем партиями стали под конвоем уводить в отдаленные, глухие места Заонежья. Но прежде чем отправить выгозерцев с их насиженных мест, они учинили по-пальный грабеж. Они отбирали у колхозников хлеб, картофель, отбирали все, что попадалось под руку — часы, одежду, мыло, одеколон...

Горе было тому, кто пытался спрятать что-либо от грабителей. Жителя села — Петрова заподозрили в укрытии зерна и избili не только самого Петрова, но и всех членов его семьи. Звери, они с особенным остервенением избивали беззащитных детишек.

Страшная судьба постигла А. Галанина, проживающего в деревне Белохино, что недалеко от нашего села. Его долго избивали, допытывались, куда он спрятал продукты питания. Только смерть прекратила мучения страдальца.

Я в числе других жителей села был отправлен в деревню Зажогоино на дорожные работы.

Работать заставляли с восхода до захода солнца. Измученные, голодные, едва передвигая ноги, мы только поздним ночным часом возвращались в свои бараки. Кормили водой и мерзлой картошкой, хлеба выдавали по 150 граммов на человека». ¹⁶

В плаче Е. Ф. Санниковой об избии старухи-вопленицы захватчиками говорится с точностью исторического документа. Все, что выделено курсивом, образует в причети реальную фабулу, особый лексический ряд:

*Накололась на фашиста на проклятого,
Он ведь ехал на ступистой на лошадушке,
Он приотнял колосики да эти хлебные,
Изломил из лесу палку толстую,
Ислестал меня, горюху горегорькую,
Я во ноженьках у него клубышком каталась,
Я как червышком во ноженьках свивалась,
Уж я горькими слезами обливалась,
Извинялась у фашиста у проклятого,
Не пожалел меня, горюхи горегорькой.
Он повез меня во будку окаянную,
Как ворону со темна леса растрепану,
Посадили тут горюшу горегорькую
Как во эту будку да во темную,
• Как за эти за решеточки железные*

и т. д.

Не только в описательных плачах, имеющих по преимуществу социально-бытовой характер, но и в причети лирической, повествующей о материнской любви, произошли принципиальные изменения как в идейной, так и в художественной структуре. Конечно,

¹⁶ Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1945, стр. 47—48.

и в старой похоронной причете содержались художественные обобщения, «вековые» образы, не утратившие силы эмоционального воздействия в новых исторических условиях. Это своеобразие не только фольклора, большая лирика тем и показательна, что она не стареет, не обрывается, продолжает жить новой жизнью. Во всех плачах — печорских, заонежских, пудожских — встречается образ «горющицы», сожалеющей, что она не птица и не может слетать на «поле бранное». Образ матери, простой русской женщины, поднят в новых записях необычайно высоко. Традиционные лирические образы способны передавать исторические устойчивые чувства (материнская любовь). К тому же лирическая причеть несет отпечаток времени и может видоизменяться и осложняться новыми мотивами. Монолог горющей матери дает простор для заполнения традиционной схемы конкретным материалом. Сошлемся на один пример.

По дороге в деревню Паяницы участники экспедиции сделали привал, разместившись на груде камней, столь обычных для заонежских полей. На одном из самых больших камней были обнаружены строки, врезанные неизвестной рукой:

Прощай, гороховое поле,
Провел с тобой я много дней,
И не вернусь к тебе я боле.

В Паянице нам рассказали о смышленном и любознательном мальчишке, об авторе этих на первый взгляд наивных строк. Зимой мальчик учился в школе, а летом сторожил колхозное гороховое поле. После окончания семилетней школы он уехал в Петрозаводск. На самом краю деревни жила его престарелая мать — А. К. Калинина. От нее мы записали плач по дочери, погибшей во время оккупации на строительстве шоссейной дороги. Оплакивая свою «белую лебедушку», А. К. Калинина закончила свой плач обычной просьбой не забыть «кручинную головушку» (№ 30). Похоронив дочь, Александра Кирилловна не теряла надежды встретить сына, который жил по ту сторону Онежского озера и вместе со всем советским народом сражался против ненавистного врага. В сентябре 1944 года, когда в освобожденное Заонежье стали поступать письма с фронтов Отечественной войны, А. К. Калинина получила известие о героической смерти горячо любимого сына. Потрясенная горем, Александра Кирилловна пошла в поле, обняла серый камень, хранивший память о сыне и протяжным воплем огласила широкую путь-дорогу. Плач был записан на следующий день после получения похоронной повестки (№ 31):

Мне-ка сесть было, кручинной головошке,
Что ль на этот недвигучий серый камешек,
Прочитать мне скорописчатую грамотку —

Не знакомая ль рука да тут писала,
Не знакомая ль головушка сочиняла?
Эта грамотка написана у сердечного у дитятка!
Он во младости писал да все для шалости,
Он за шуточки друзьям своим товарищам.
Эта грамотка дождями не смывается,
В зимнюю пору бурей-снегом не стирается,
Знать, на память мне, кручинной головушке!

«Недвигучий серый камешек» и «скорописчатая грамотка» (стихотворные строки на камне) — только частности, но частности очень важные, ибо в них заключена предыстория всего плача. Скорбная лексика, весь стиховой стиль вступает в полное согласие с настроением вопленицы, потерявшей сына:

Потеряшечку горюша потеряла,
Я большой оброн, несчастна, обронила
Как за эти за учетны долги три года:
Что ль не шелковый ведь пояс со часами,
Я не золоту цепочку с орденами —
Потеряла я сердечных милых детушек,
Потеряла я наживных головушек!

Так может оплакивать сына только мать. Главное не в формальных особенностях стиха, вполне самобытного и сильного, а в том великом чувстве, которое выражают лирические причитания. Заонежская вопленица говорит о сыне-воине с такой эмоциональной взволнованностью и страстностью, что причеть ее становится в один ряд с лучшими образцами лирико-патриотической поэзии. Сын погиб, но осталась мать, способная на самый суровый искус ради спасения Родины и ее сыновей. В плаче А. К. Мишиной традиционный образ «горющицы» приобретает широкий смысл, общенародное значение. Это образ матери, матери-патриотки, потерявшей сына, для которой солдатская могила всегда останется священным местом:

Как бы были у кручинной головушки
Как бы эти легки малы сизы крыльышки,
Я от этой от кручинной от досадушки
Полетела бы, кручинная головушка,
Я во эти города да отдаленные,
Облетела бы всю Россию повселенную,
Облетела бы всю Советскую республику,
Я по этому письму да все по грамотке
Отыскала бы полки да все военные,
Отыскала бы солдатика знакомого,
Я бы этого соседа спорядового,
Попросила бы, кручинная головушка,
Показать бы мне могилушку умершую,
Где положено сердечно мое дитятко!

Осенью 1944 года нам не удалось побывать в Кижях, где стоит двадцатидвухглавый храм, гениальное создание безымянного зод-

чего. Население этих мест за связь с партизанами было поголовно выселено в концентрационные лагеря. Через год, в августе 1945 года, возвращаясь из Пудожского края, мы заехали в Кижы, побывали в Сенной Губе, частично прошли по прошлогодним местам (Толвуя, Выгозеро и Кузаранда).

В Кижях были продолжены прошлогодние записи. Первый плач мы записали в деревне Курьеницы от семидесятилетней крестьянки М. Г. Филиной, три года просидевшей за колючей проволокой. В своем плаче она рассказывает о возвращении в деревню и, независимо от воплений Кузаранды и Толвуя, рисует картину потрясающих разрушений, обращаясь к излюбленной фразеологии:

И зарослись-то все пути наши дороженьки,
Зарослись-то все ведь травушкой-муравушкой,
Приужахнулось ретивое сердечушко,
Там изломаны кирпичны были печенки,
Там привыняты поля белодубовые,
И приломаны косивчаты окошечки.

Причитания, как один из традиционных жанров народной поэзии, продолжают хранить воспоминания о вчерашнем дне и одновременно они обогащаются новым содержанием. В причети о разрушенном «хоромном строеньице» и растерянной семье появляется своеобразное продолжение: сразу же после освобождения Заонежья колхозники решают возродить запущенные хлебородные поля. Причитания принимают на себя не свойственную им функцию героической поэзии. В частности, плач А. Ф. Стафейковой (№) из деревни Лисицыно имеет следующее заключение:

И решили спорядовые соседушки
Выйти гуртом на поля да хлебородные,
Как на эти на лужка да сенокосные,
Как ходили до фашистов до проклятых,
Как до этих до злодеев супостатных.
Закипела у нас трудная работушка,
Пахать стали поля да хлебородные,
Стали скашивать лужки да сенокосные,
Протоптали все пути широкие дороженьки
Как во эту во любимую деревенку,
Как из нашей-то деревенки Лисицыно
Протоптали мы широкую дороженьку
Поведет эта широкая дороженька
В Москву-матушку великую
К дорогим сыночкам, красным воинам.

Новые записи причитаний из Заонежья представляют не только фольклорно-теоретический, но и общественно-политический интерес. В них запечатлены события и факты военного времени, а главное, патристические чувства заонежских крестьян, попавших во временную оккупацию. Трудно представить себе поэтическую ле-

топись Великой Отечественной войны без заонежских причитаний, в которых простые женщины-крестьянки сами рассказали о всех ужасах фашистской неволи, о бедствиях войны.

ПУДОЖСКИЕ ЗАПИСИ

Летом 1945 года состоялась третья экспедиция, — на этот раз был избран Пудожский край. По хорошей погоде фольклористы стремились попасть в самый глухой уголок этого края — в Водлозеро. В свое время этнографы здесь отмечали исключительную сохранность древних верований и поверий. Рассказы о водянике и лесовике были широко известны А. Ф. Гильфердингу, В. Харузиной и Б. М. Соколову. Мы считали, что эти предания — предания давно минувших дней, и никак не ожидали встретить их вновь. В действительности же оказалось, что народные суеверия окончательно не исчезли. Без знания местных суеверий нельзя понять живого звучания некоторых мотивов в причитаниях, представленных нашими записями. В частности, традиционный образ перелетной птички, без которого вообще редко обходилась похоронная причет, в современной пудожской причети сохраняет прямое отношение к суеверному понятию вещей птицы. Этот мотив в композиции причитаний, таким образом, не просто прием, с помощью которого движется повествование. Многие воплиныцы, от которых мы записывали плачи, уверяли нас, что перед получением нерадостного известия на подоконник их избы прилетала птица и стучала клювом в оконное стекло. Встречались и такие плачи, в основе которых лежит сновидение воплиныцы. Так, в дер. Малая Пога мы записали от С. Я. Егоровой (63 года) плач о сыне пограничнике, который погиб в первые дни Отечественной войны. В этом плаче говорится о проводах сына в армию, дается материнский наказ («Будь солдатушком примерным») и, наконец, повествуется о грозной туче, которая надвинулась на материнскую избу. Образ тучи («Со стрелой туча со огненной») встречается в традиционных свадебных плачах, обозначая собой «чужа-отцецкого сына», решившего похитить девичью волю. В эпосе туча — образ вражеского нашествия. В плаче С. Я. Егоровой образ тучи ассоциируется с началом войны, подобно тому как в «Слове о полку Игореве» проявление черной тучи предвещает кровавую битву. В плаче С. Я. Егоровой туча не просто метафорический образ; в основе этой метафоры лежит суеверное отношение к сновидению: если приснится туча и она сорвет с дома «посом», т. е. крышу, то это явно не к добру. После того как мы записали плач от Степаниды Яковлевны, она рассказала о своем сновидении, которое определило центральную часть и образы ее причети:

«Будто туча стала подниматься большая, большая, темная такая, с громом и молнией. А я гляжу в окошко из своей избы и

будто говорю: „С той тучи что-нибудь да будет“. А потом, будто села я в угол на кровать и сижу, не смею больше смотреть. И слышу будто, как гром треснул со всей силы и откуда ни возьмись огненная машина появилась. Нашла эта туча огненная и на угол моей избы и посом слетел с моей избы. Изба вся зашаталась. Ну, думаю, сон этот нехороший. Посом слетит, значит кто-нибудь из дому выбудет. Ну, и решила я, что с сыном что-то случилось, по моему сыну туча ударила. Сын тогда был пограничником. Так я сон разгадала, а через несколько дней война объявилась. Потом я и похоронную получила».

Суеверные пережитки в сознании безусловно способствовали бытованию причитаний в определенных кругах сельского населения, среди старшего поколения, свыкшегося с традиционными поэтическими формами. И сами причитания в известной степени — пережиточное явление, свидетельствующее о скованности художественного мышления, о господстве в ряде текстов поэтической схемы над материалом самой действительности. В пудожской причети остаются неприкосновенными многие традиционные лирические отступления, также как остаются в нашей памяти лучшие лирические стихи любимых поэтов. Но в причитаниях по инерции поэтического стиля продолжают сохраняться и такие образы и мотивы, которые противоречат современному сознанию крестьянина. Повторение общих поэтических формул и описаний в фольклоре составляет один из главных эстетических принципов («слово из песни не выбросишь»). Так, обращение к богу, предусмотренное идейной и образной структурой традиционных похоронных причитаний, остается и в некоторых современных плачах. Однако в редких случаях это обращение имеет чисто религиозный характер, чаще апелляция к богу и к стихийным силам природы присутствует в качестве своеобразного рудимента, отжившего мотива, но механически скрепленного со всем составом художественного повествования.

Первые записи причитаний в Пудожье принадлежат Е. В. Барсову и Н. С. Шайжину. Но записи их немногочисленны. В «Причитания Северного края» (Барсов, I, стр. 45—57) вошел один плач, записанный от пудожанки Анны Первенцовой. Н. С. Шайжиным в «Олонецких губернских ведомостях» (1902, № 119—124) опубликованы плачи Л. Ланевой и Н. В. Конихиной из с. Нигижма. От Л. Ланевой был записан похоронный плач о муже (650 строк), а от Н. Конихиной — плач о муже, убитом на войне с Японией (200 строк). Эти плачи весьма показательны — наши записи свидетельствуют о силе той традиции, которая в них сказалась. Наиболее широко представлена пудожская причеть в сборнике «Русские плачи Карелии», куда вошли записи 1938 года. Этот сборник дает сравнительно полное представление о сохранившихся в Пудожском крае похоронной и свадебной причети, однако в нем со-

вершенно отсутствуют так называемые завоенные плачи. В сборник «Русские плачи Карелии» входят плачи-сказы о вождях и героях советского народа, явившиеся в результате специальной творческой работы сказителей над современной темой и сюжетом. В нашем сборнике имеется ряд таких текстов, которые продолжают местную традицию 30-х годов.

В Пудожском крае для собирателей народной словесности снова представился случай наблюдать современное бытование причитаний и еще раз убедиться в тех сложных вариациях традиционных тем и поэтических формул, которые происходят под влиянием времени.

Показательна самая первая запись в Пудожском крае, произведенная от слепой старой крестьянки М. Р. Онтохиной. Ее рассказ о своей жизни — прекрасный комментарий к собственному плачу и вообще к бытовым причитаниям прошлого времени. «Моя жизнь, — говорила М. Р. Онтохина, — была такова, что жила в бедности, от молодости до старости не видела ничего хорошего.

Не видла я, беднушка,
Словца-то я гладкого
Да обеда я сладкого,
Уж как все да надругалися,
Уж как все напроклалилися.

Наколочена, да и всего было. Осталась сиротой от матери 6 лет, так всего увидела. Жила с мачехой, а после смерти отца пошла шататься по миру. Свекровь чуть головы не проколотила, только стеной не колотила; набьет, да кинет, как собачонку, на порог. От слез и горя свет потеряла, ослепла на оба глаза. До того накоплено обиды, что рот не растворяется. Ныне хоть в общежитие возьмут, а раньше сироты жили Христа ради».

Бытовая причеть не является уделом воплениц-профессионалок, она не имеет догматически-обрядового характера, всегда связана с повседневной жизнью. Отвлеченные восклицания и «вопрошания» — художественный канон — в ней тоже присутствуют. Но именно эти риторические возгласы помогают создать определенное эмоционально-психологическое настроение.

Записи плачей от молодого поколения единичны, но и они все же имеют место. В таких случаях несомненно сказывается влияние окружающей среды и влияние семейных традиций. Нам, например, представилась возможность написать плач об умершей матери от двенадцатилетней Насти Захаровой (дер. Большая Пога, Водлозеро). Настя слышала, как на могиле матери причитывала ее старшая сестра. Записанный от Насти плач оказался точной передачей (с пропуском лишь некоторых стихов) известного причитания Ирины Федосовой («Причитания Северного края», ч. I, М., 1872, стр. 68—69). «Плач дочери на могиле матери» Федосовой

вошел, между прочим, в сборник избранных причитаний, изданный Каргосиздатом в 1937 г. в Петрозаводске. Сборник этот довольно широко распространен в Карелии и безусловно оказал воздействие на некоторые из современных редакций плачей. Было ли данное причитание усвоено Настей, когда ей захотелось причитывать по своей матери, или еще ее старшей сестрой, от которой уже потом переняла его Настя, нам не удалось выяснить. Но самый факт исполнения двенадцатилетней девочкой причитания, конечно, чрезвычайно показателен для устойчивости пудожской традиции причети. Традиционные мотивы похоронной причети, подобно обращениям к буйному ветру с просьбой разметать «мать сыру-землю», в плаче Насти Захаровой сведены до минимума, и обострены лирические ноты. «Сиротинушка», двенадцатилетняя девочка, ранней весной, когда пробуждается природа, оплакивает свою мать. Сама сюжетная ситуация способствует эмоциональному эффекту. Для пудожской причети вообще характерно повышенное внимание к лирической фабуле, — отсюда субъективизм, своеобразная «камерность», замкнутость переживаний и тематическая узость.

С давних пор живет на Пудожском побережье традиция обряда проводов на военную службу. Эта-то традиция и стала основой для обычая прощания с призванными на Отечественную войну. Из старого обряда в него перешла и традиционная причеть, но перешла отчасти, изменив свои формы. Не имея возможности в Пудожье наблюдать этот обряд, мы ссылаемся на свидетельства самих воплениц. В дер. Теробовская, на самом берегу Водлы, А. Г. Кережина вспоминала, как в ноябре 1944 года ее сын Миша получил повестку из военкомата и в тот же день собрался в путь-дорогу. Александра Григорьевна пошла провожать сына до Пудожя. Миша просил свою мать: «Не плачь, мама, лучше не ходи провожать». За Пудожем настали минуты «последнего прощания». Матери стояли на горе, а их сыновья, с котомками за плечами, шли по почтовой дороге в направлении к Няндоме. Матери смотрели на удалявшихся сыновей и, забыв все свои материнские обещания, слезно приговаривали. Ветер подхватывал протяжные слова и уносил в сторону уходивших. «Ваш плач, — писал потом Михаил матери, — мы еще долго слышали, когда уходили от Пудожя». Плакала Александра Григорьевна и после проводов, когда вернулась домой. От А. Г. Кережиной мы записали большой лирический плач, в котором содержались почти все основные мотивы, предусмотренные местной традицией, в частности мотив «скорописчатой грамотки»:

Ты уж красно мое солнышко,
Уж ты пиши да мне, уписывай
Скорописчатую грамотку,
Уж как кладу, бедна горящица,
Скорописчатую грамотку

Ко тому личку ко другому,
Ко ретивому сердечушке.
На ретивом сердечушке
У твоей родитель-матушки
Есть запасы снежку белого,
Погребочки ледку ярого,
Не растают снежки белые
В вешню пору о христова дни,
А не растают ледки ярые
В летню пору о Петрова дни,
А как растают ледки ярые
В тую пору, в тое времячко
Как вернется мое дитятко
Как со службы со военной,
Ты с победушкой великой,
Так распекет тут красно солнышко,
Распекет оно светлѣшенько,
Обогреет жалобнѣшенько
Мою буйную головушку,
А на ретивом сердечушке
Порастают ледки ярые.

Тут же А. Г. Кережина достает из деревянного крашеного сундука ученические тетради сына. В альбоме для рисования — портреты Ломоносова, Пушкина, Лермонтова и Байрона. Здесь же хранятся фронтальные письма, ценнейшие документы эпохи. Это и есть те «скорописчатые грамотки», о которых говорится в причети. Среди пачки писем — письмо в стихах, своеобразный ответ на материнский плач:

Не скучай, дорогая мамаша,
И с соседкой не плачь по утрам.
Такова жизнь солдатская наша
И дорога такая уж нам.
Не грусти! материнские слезы
Ты не лей на сыновье письмо,
Ведь минуют военные грозы,
Будем знать только счастье одно.
И когда соберешься с ответом,
Лучше жизнь ты свою опиши,
Где слова так любовно одеты
Золотой материнской души.
Знаю я, ты солдата невзгоды
Сердцем чутким своим поняла,
Ведь не даром с любовью природа
Тебя матерью в жизни звала.
Не рыдай, если в письмах каемки
Сжег огонь и окрасила кровь,
Он пройдет все пути и дороги,
И увидимся, мама, мы вновь.
Не скучай! сквозь лихие метели
Он вернется с победой домой,
И тогда к продывленной шинели
Припади с материнской слезой.

В избе, приютившейся на берегу Водлы, живет вопленица, провожавшая сына на войну с материнской приплачью, а ее сын-сол-

дат — начинающий поэт. В этом содружестве старой (фольклорной) и новой (книжной) культуры — отличительная черта северной деревни 30-х годов.

Сравнительно небольшие размеры пудожской причеты и ее композиционный схематизм частично обусловлены тем, что плачипроводы записывались в Пудожском крае несколько лет спустя после самого обряда.

Почти в каждом пудожском плаче, связанном с моментом проводов, можно встретить мотивы:

1. Обращение с вопросом «Куда ты снаряжаешься?». В большинстве вариантов это обращение состоит из ряда дополнительных «вопросаний».

2. Ответ на поставленный вопрос: сын отправляется на «чужу дальнюю сторонушку».

3. Мотив родительского благословения.

4. Мотив материнской кручины.

5. Обращение с просьбой писать «скорописчатые грамотки». Иногда эта просьба развертывается в целое художественное описание:

Как пиши ты нам уписывай
Скорописчатые грамотки.
Не посылай-ко этой грамотки
Ни по гусям ни по лебедям,
Ни по серым малым утушкам,
Эта птиченька пугливая,
Как подмочит твою грамотку,
А посылай-ко свою грамотку
Ты по веснушке красивой
По косатым летним ластушкам.
Эта птиченька прилетная,
Принесет нам эту грамотку,
Насидимся да набаемся,
Твое письмо да начитаемся.

В записи Пудожской экспедиции вошли главным образом плачи, которые возникли в результате разлуки и особенно в связи с получением похоронных извещений, — они отличаются лирической задушевностью. Еще в Заонежье, наряду с плачами о тяжелой жизни в оккупации, было записано несколько материнских припадчей о сыновьях, погибших в борьбе за независимость Родины. В пудожской причете эта тема, тема павших смертью храбрых на поле брани, является основной. После проводов обычно наступали дни ожидания «скорописчатых» писем.

В минуту сильной тоски, когда подолгу не было вестей с фронта, матери и жены садились к окну и, глядя на почтовую дорогу, по которой были «снаряжены-сопровожены» их сыновья, начинали приголашивать.

В Пудожье отмечены далеко не единичные случаи посещения вопленицами кладбищ, причем в традиционную похоронную при-

чѣть, с которой они обращаются к «умершей могилушке», вставляются мотивы и образы, не имеющие непосредственного отношения к похоронной лирике. Наряду с обращением к умершему встать на «резвые ноги» и разделить тоску-кручину, вопленицы рассказывают о потерянных сыновьях и одновременно сетуют о том, что осиротевшие матери и жены не «птички-пташечки» и не могут лететь на «дальнюю сторонущку». Так, например, шестидесятилетняя М. Н. Ускова (дер. Бочалово) часто посещает кладбище, где похоронены ее братья, и обращаясь к ним с причетью, вспоминает о брате-фронтовике, от которого «никакой-то нету весточки»:

У меня-то как у беднушки
Приотправлен братец солнышко
На военное-то полюшко
Так никакой-то нету весточки,
Не могу дожидаться, беднушка,
Не могу глядеть повыглядеть
Видно ждѣть да не дождатися
Ни по голосу да ни по возрасту
Да и ни по желтым кудерышкам.

Бытование плачей при ожидании писем наблюдалось и в Заонежье. Получив «скорописчатую грамотку», мать заранее готовится к встрече своего сына-воина, выходит на почтовую дорогу или на берег Онежского озера и ждет его с часу на час:

И гляжу я на почтовую дороженьку,
Там не идет ли почтальон да шибко грамотный,
Не несет ли долгожданного писемущка.

(Д. И. Осова)

Широко в пудожских записях представлена причеть, бытовавшая в связи с получением похоронных извещений. В «похоронных» плачах особенно проявляется эмоциональный взрыв. Причеть звучит как вопль души. Все художественные компоненты строго подчиняются лирической композиции. Здесь все внимание сосредоточено на изображении утраты, драматизме переживаний «горющицы» (матери или вдовы). Сошлемся на плач А. А. Меньшиковой о муже (при получении похоронного извещения):

1. Возвращение с работы и получение «весточки нерадостной».
2. Изображение внутренних переживаний «горющицы».
3. Появление «вещей птицы», которая приглашает «горющицу» на «почтовую дороженьку».
4. Встреча в пути с «обидушкой» и «кручинушкой».
5. Посещение Пудожа, где вопленица получает «бумаги заслуженные» и «медали награжденные» за погибшего на фронте мужа.
6. Особенно подробно изображается обратный путь по «почтовой дороженьке». Вопленица садится отдохнуть на камень и вся

природа в эти минуты призвана выразить чувство тоскующей женщины: печально шумит лес, нагибается «шелкова трава», от горячих слез катятся серые камешки.

7. Вопленица сетует, что она не имеет крыльев и не может слетать за «лесушки дремучие» на могилу своего мужа.

8. Мотив обращения, но не к ветру, а к людям с просьбой оживить умершего мужа.

9. Признание невозможности встречи с погибшим мужем.

10. Надежда на встречу с сыном-фронтовиком.

Такова композиционная структура одного из пудожских плачей о муже-воине, погибшем на поле брани. Каждый плач имеет свои специфические мотивы и образы. Но в целом для причитаний показательны повышенная эмоциональность и самоанализ. Это поэзия рефлексивно-психологическая и скорбная, но отнюдь не пессимистическая. В основе причитаний — народный гуманизм, уважение человека, признание заслуг умершего и забота об оставшихся в живых.

Сами вопленицы прекрасно объясняют психологические истоки лирических причитаний по сыновьям, пропавшим без вести или в ожидании писем, которых долго не получали. М. А. Семкина из дер. Кашино очень точно определила возникновение своего плача о сыне: «Кручина на сердце падёт и начинаешь плакать. Дома поплачу и в лес сойду попричитаю и к коровушкам пойду — причеть вспомню:

Погляжу я, беднушка,
Во косивчато окошечко
На почтовую дороженьку
Куда скрылися-уехали
Рожены мои детушки.

Так и плачу. Наплачусь, наплачусь, да и зайдусь, слез не хватит». «Кручина на сердце падет» — вот собственно формула, поясняющая лирический субъективизм причитаний, особенно «похоронных» (в связи с похоронными извещениями) и при отсутствии вестей. От М. А. Семкиной плач записан в обстановке совсем обыденной: вопленица сидела в поле и вязала веники. Для возникновения лирико-элегической причеты не требуется особых обстоятельств, — душевное настроение здесь часто играет первостепенную роль, является главным стимулом. Вопленица настолько поглощена собственными переживаниями, что весь остальной мир для нее персонифицируется, отражается через призму причеты, как бы становится двойником лирического «я». М. А. Семкина обронила признание: «... и к коровушкам пойду причеть вспомню». Но это уже не просто припоминание прежней причеты (в какой-то мере безусловно так), — даже «коровушки» не могут оставаться безучастными к переживаниям вопленицы. Отсюда в пудожской причете великолепная структура:

Выходила я ведь, беднушка,
На сараи колесистые,
На дворы на хоботистые
К своим дойным коровушкам.
Наши дойные коровушки
Стоят в уброд да шелковой травы,
По колен да ключевой воды,
Не едят да шелковой травы,
В доме чувствуют невзгодушку
И в житье да переменушку.

«Колесистые» сараи и «дойные коровушки» вместе с вопленицей чувствуют «невзгодушку», — они прямые соучастники драмы человеческих чувств.

Если печорская причеть — причеть монументальная, эпико-лирическая, спокойно-величавая; заонежская в основном — сюжетно-описательная (почти повесть в стихах), насыщенная драматизмом самих событий, то пудожская — по преимуществу лирическая причеть, с мягкими задушевыми тонами, почти элегия (элегический плач).

Пребывание экспедиции в Пудожском крае совпало с возвращением демобилизованных воинов в родные края. Матери и жены готовились к радостной встрече. Из Авдеева, Водлозера, из самых глухих уголков Пудожского края звонили по телефону в районный Дом крестьянина и узнавали, кто приехал на пароходе из Подпорожья, спрашивали о земляках и родственниках. Из Пудожа обычно отвечали о прибывших и передавали приветы. Через несколько минут весть о приехавшем земляке в Пудож облетала деревню из конца в конец. Матери и жены выходили на почтовую дорогу и там ожидали появления грузовика. Как только машина появлялась, к зданию сельсовета собирались старые и малые, приходили из ближних деревень, чтобы приветствовать прибывшего воина. Каждый приглашал к себе на «гостибище» и тут же начинались расспросы: «не видал ли сродцев и сродничков?». Матери, не дождавшиеся своих сыновей, начинали причитывать. В причети появлялся вопрос к приехавшему: «не видал ли он, да добрый молодец, сыновей наших любимых?». Именно такой плач, плач-обращение был нами записан от А. М. Шельшаковой в дер. Ченежа.

Встреча с сыном-воином изображается с большим художественным тактом: мать прижимает сына к «ретивому сердечушку», рассказывает ему о пережитом и передуманном.

Среди пудожских записей имеются и такие редкие тексты, в которых ясно намечаются иные жанровые и стилистические возможности. Повествование А. Н. Корешковой начинается с изображения нападения немецких захватчиков на нашу Родину: «Напал зверь да со темна леса». За зачином следует описание проводов мужей и сыновей на фронты Отечественной войны. Сюда же входит материнский наказ в форме причети. Основная часть посвящена

изображению борьбы советского народа с фашистскими ордами. Параллельно разворачивается прифронтовая жизнь колхозников села Песчаное. В заключение изображается возвращение на Родину демобилизованных воинов. Основной мотив выражен в образе солнца, которое обогрело материнскую избу. Здесь же содержится другой вариант: мать оплакивает сына, который не вернется «во вито гнездо». Традиционная фразеология причитаний остается, но сам жанр разрушается.

Эта «причеть» сложена с профессиональным мастерством и в обстановке несколько необычной: А. Н. Корешкова готовилась к колхозному празднику, пекла пироги и одновременно сказывала свою «причеть». Все повествование дважды прерывалось лаконичным замечанием: «Прежде, пожалуй, нужно сказать бы так». В отличие от плачей, сопровождаемых бурными эмоциональными взрывами, сказы-причитания не приговариваются, поэтому их нельзя назвать «воплями» или «плаксами», как часто называют в народе плачи и причитания. В записанном нами сказе об Отечественной войне от А. Н. Корешковой безусловно сказался прежний опыт этой вопленицы-сказительницы. Еще в 1938 году В. В. Чистовым от нее были записаны «Плач по мужу, погибшему в боях с белыми», и плач-сказ о В. И. Ленине (фактически тоже сказ).¹⁷ Возможно также, что А. Н. Корешкова следовала за А. Т. Конашковой, опубликовавшей в 1944 году в петрозаводской газете «Ленинское знамя» свой плач по сыну, погибшему на фронте Великой Отечественной войны. В причети А. Т. Конашковой, тоже пудожанки, особенно подробно разработан мотив возмездия:

Уж мне жаль того тошнешенько,
Что года мои состарились,
Мои силушки ослабили,
А то я села б на добра коня,
Поскакала бы в Германию,
Уж я к Гитлеру проклятому!
Уж я Гитлеру проклятому,
Я с живого кожу б выдрала,
Изо лба глаза бы вырвала,
Отомстила бы я, беднушка,
Я за сынушка рожоного!
Уж я знаю, верно ведаю,
Что у нас в стране советской
Есть печальщики народные,
Есть ведь Красна-то Армия;
Наши верны корабельщики,
Наши верные кормильщики
Отомстят злодею Гитлеру
За меня старуху старую,
За рожоно мое дитятко!

¹⁷ Русские плачи Карелии, №№ 37 и 64.

Пудожские причитания легко подразделить на два вида: причеты в подлинном смысле этого слова, носящие по преимуществу лирический характер, и причеты-сказы, слагаемые отдельными вопленицами-сказительницами соответственно определенному художественному замыслу и теме. В поселке Стеклянное, например, в 1945 году жила сказительница Е. С. Журавлева, известная по сборнику «Русские плачи Карелии». Это памятливая и грамотная сказительница, расширяющая свою поэтическую культуру при помощи книги. Узнав, что мы приехали производить фольклорные записи, она достала из сундука целую связку своих произведений, частично перепечатанных на машинке. Здесь были и былины, и плачи, и сказы, и даже стихотворения. Здесь же целая переписка сказительницы с Домом народного творчества им. Н. К. Крупской, из которой следовало, что все эти произведения в собственноручной записи посылались во Всесоюзный дом народного творчества с просьбой опубликовать в печати.¹⁸

Собственноручные записи не включаются в наш сборник (исключение сделано для одного текста А. Т. Конашковой). Участники экспедиции ставили перед собой другую задачу: не придерживаться методики 30-х годов, не кружиться вокруг избранных мастеров фольклора. В какой-то мере и в плачах рядовых воплениц сказывается влияние книжных сказов-причитаний, — в пудожских записях это особенно заметно, но именно эти «книжные» мотивы чаще всего привносятся при повторном исполнении, при встрече с фольклористами.

Следует учитывать и технику записи. Плачи требуют немедленной регистрации. Только записи в момент самих событий, вызвавших тот или иной плач, могут считаться первой и самой точной редакцией. В дальнейшем, спустя некоторое время, вопленица не повторяет дословно эту первую редакцию, а ограничивается восстановлением самой общей схемы мотивов, или на основе этой схемы создает вполне оригинальное повествование. Обычно в записях фольклористов мы имеем дело с повторной редакцией причитаний. Конечно, и наши записи в своем большинстве не являются тем первым вариантом, который возник в момент того или иного обряда. Это не самые первые редакции, как почти всегда бывает в полевых записях причитаний, но довольно точные их варианты. Появляющиеся при каждом повторном исполнении отклонения от первоначального текста и новые словесные наслоения в конечном итоге не нарушают основных художественных компонентов и первоначальной

¹⁸ Записанные от Е. С. Журавлевой былины вошли в сб. «Былины Пудожского края», подготовленный к печати Г. Н. Париловой и А. Д. Соймоновым (Петрозаводск, 1941, стр. 449—458). Многие ее плачи вошли в сб. «Русские плачи Карелии» (см. №№ 29—32, 65, 68, 72, 75 и 80). Е. С. Журавлева пыталась складывать плачи-сказы о Ленине, Кирове, Крупской, Чкалове и др.

чального идейного замысла. Но все же в первоначальных своих редакциях причитания могут иметь принципиальные отличия. В наших записях особенно ценны те тексты, которые были записаны в «минуты горя», в момент проводов на фронт и при получении похоронных извещений, в дни тяжелых утрат и при воспоминании о недавнем пребывании в фашистском плену.

Однако было бы неверно проблему варианта понимать только в этом смысле, т. е. выдвигать на первый план методику записи и фактор памяти. Главное — в эстетическом своеобразии причитаний, в характере импровизации. Записывая причитания, мы убедились в том, что почти каждая вопленица, независимо от личного дарования, пыталась вместить в рамки причети свои воспоминания о пережитом, поведать о сегодняшнем дне, напомнить о далеком и совсем близком. Отсюда вполне закономерен переход от субъективного излияния собственных чувств к более объективному повествованию. В результате преодолевается инерция поэтического стиля. Поэтика остается в основном неизблема, но меняется повествовательная «замашка». Плач как бы перелицовывается в причеть, а причеть в сказ (от слова «сказывать»). В причитания врываються описательные эпизоды и само повествование теряет мелодику плача. Особенно это касается тех текстов, которые были исполнены без «вопля», сравнительно спокойным речитативом. Таким образом, вспоминая о пережитом, та или иная вопленица чаще не восстанавливает «обрядовый» вариант плача, но на основе его создает нечто новое, отличное от плача-прототипа. В результате происходит объединение разных жанровых и стилистических канонов.

Участники экспедиции 1942—1945 годов записывали все подряд, считая, что плач каждой вопленицы по-своему ценен. Пудожские крестьянки, привыкшие свои чувства выражать в образах лирической причети, рассказали о большой и благородной любви, которую они пронесли сквозь годы суровых испытаний и разлук. Суждено или не суждено встретиться с любимым человеком — они говорили об этом сильно и страстно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тексты причитаний, представленные записями 1942—1945 годов, только в незначительной своей части (значительной только для печорских записей) являются образцами традиционной причети, — причети, так сказать, нормативной, вызванной причинами исключительно семейно-бытового порядка. Основной массив — причитания военного времени, в них выражено не только личное горе, горе индивидуальное, но и тревога за судьбу Родины, народная ненависть к фашистским захватчикам, вера в победу и мечта о мирной счастливой жизни.

Причитания не могли появиться в печати в условиях культа личности, когда широко пропагандировался ходульно-воспевательный «фольклор», создаваемый отдельными сказителями. Этот сказительский фольклор далеко не всегда отражал подлинные думы и чаяния народа. И в наших записях имелись отдельные тексты, содержащие пустозвонные риторические обращения к Сталину.¹⁹ Народная обрядовая лирика тем и показательна, что в ней отсутствует ложная патетика. Только после исторических решений XXII съезда партии мы можем объективно разобраться в судьбах фольклора, отделить истинное народное творчество от случайного «фольклора», а, главное, понять, что сам народ не был склонен к лакировке действительности.

Ясно, что в причитаниях, скованных традиционной поэтикой, не могли отразиться все существенные стороны деревенской жизни в годы Великой Отечественной войны, переживания во всей их сложности. Но в них есть неподдельный драматизм событий, движение народной души, неиссякаемая любовь к Родине. Несмотря на скорбную поэтику, традиционную в своей основе, и горестные переживания, причитания лишены пессимизма. Плачи не «плаксивая» поэзия, а искренне взволнованная и суровая, не признающая слишком облегченного изображения трудного военного времени. Здесь уместно напомнить ответ Алексея Суркова одному из «маститых» поэтов:

«Когда я приехал в сентябре на два дня в командировку в Москву и прочитал свои стихи одному очень видному, еще не нюхавшему фронта поэту, он на меня набросился:

— Как ты смеешь? Ведь ты на войне, а плаксивые стихи пишешь!

Я тогда сказал ему, что у нас от барабанов мозоли на барабанных перепонках».²⁰

Научное изучение фольклора Великой Отечественной войны только еще начинается и нужно надеяться, что собранные нами причитания на Печоре, в Заонежье и Пудожском крае займут свое место в общем своде материалов, дополнят героический фольклор, созданный на фронте и в тылу. Ясно, что частушки, песни и предания составляют главный раздел фольклора Великой Отечественной войны. Но и причитания в какой-то степени характеризуют думы и переживания советских женщин, провожающих своих мужей и сыновей на кровопролитную войну с фашистскими захватчиками. Крестьянки русского Севера свои переживания выражали в форме традиционных причитаний. Святая память о погибшем сыне, горе утраты — вот, что делает северные причитания поэзией многих матерей. Можно было и не плакать о гибели сына на людях, но и

¹⁹ Эти тексты в данный сборник не вошли.

²⁰ А. Сурков. Лицом к огню. «Литературная газета», 1961, № 74 от 22 июля.

без слез матери переживали одно чувство, чувство огромной, нежной любви. Татьяна Тэсс в статье «Память сердца» рассказывает о матери из Одессы, потерявшей своего сына:

«Она не знала, где похоронен сын. Было известно лишь место боев. Бои были тяжкими, станция много раз переходила из рук в руки, разрывы бомб и снарядов перепахали землю. Ничего не осталось матери — даже могилки, которую можно было убрать цветами, даже холма земли, к которому можно было прижаться материнским телом, словно оно могло согреть и пробудить мертвого сына.

Но каждый год, когда наступала пора ее отпуска в больнице, мать ехала на ту станцию, где был убит в бою сын. Она выходила из поезда, шла в пустынное поле и опускалась на колени на сырую землю.

— Слышишь ли ты меня, сыночек? — говорила она и гладила руками траву и землю. — Чуешь ли ты, сынок, как плачет мама твоя?

В поле было тихо; молчали и трава, и ветер. И мать вставала со старых, усталых своих колен и шла дальше. И опять опускалась на колени и гладила землю натруженными руками, и окликала сына в могиле, и рассказывала ему, как тяжело ей жить без него.

Горе матери неутешно («Известия», 1961, № 79 (136225) от 2 апреля).

Именно эти благородные материнские чувства выражают причитания, представленные нашими записями: в них «память сердца».

Причитания 1942—1945 годов, сложенные под непосредственным влиянием военных событий, являются своеобразным документом истории. Не претендуя на строгий историзм, на точность в изложении фактов, причитания этих лет имеют общепатриотическое значение, в них на первом плане любовь к Родине, к тем, кто сражается с фашистскими захватчиками, выражение личного и общенародного горя. На причитания следует смотреть как на поэтические и исторические документы, отразившие трагизм и величие военных лет. Причитания неравноценны в художественном и идейном отношении, стиль их архаичен, перегружен устаревшими словесными формулами (в частности, обращением к богу, составляющим своеобразную окаменелость поэтического стиля). И несмотря на все это, причитания русского Севера — ценнейший памятник эпохи.

Но верно и то, что в настоящее время причитания выглядят анахронизмом, как поэзия недавнего тяжелого прошлого. По сборнику «Причитания русского Севера» можно судить о временном бытовании лирико-эпической причеты, богато представленной в записях XIX—XX вв.

Если представлялся случай произвести повторную запись, собиратели это непременно делали. Так, в 1945 году, ровно через год

после первой поездки в Заонежье, и в 1957 году были сделаны повторные записи в Толвуде, в Выгозере и Кузаранде, а также в Кижях и в Сенной Губе, где не удалось побывать в 1944 году. Сама проблема повторной записи в причитаниях имеет крайне условное значение. Но они важны для понимания эволюции жанра, для характеристики современного его состояния. Постепенное исчезновение причети зафиксировал один из участников трех экспедиций (В. Г. Базанов), посетивший Заонежье в 1957 году с целью произвести контрольные записи. Даже те женщины, которые в 1944 году оплакивали своих сыновей и «хоромные строеньица», через двенадцать лет с трудом воспроизводили общие формулы и схемы, не наполняя их конкретным содержанием. Показательно посещение в 1957 году знаменитых Гарниц, родины Трофима Григорьевича и Ивана Герасимовича Рябининых. Здесь доживал последний заонежский былинщик Ф. К. Завьялов, скончавшийся в семидесятилетнем возрасте незадолго до нашего приезда. От А. Я. Завьяловой, жены умершего сказителя, удалось записать два плача: по мужу и по сыну (№№ 113, 114). Охотно соглашаясь исполнить причеть, она говорила: «Будто не причитывала, причитывала!». Записанные от А. Я. Завьяловой плачи, как и другие редакции 1957 года, свидетельствовали о том, что причитания в Заонежье потухали, забывались.

Плачи или причитания относятся к тому «летучему» роду поэзии, который столь же быстро возникает, вспыхивает, как и угасает, уходит из народного быта. Лишь в момент большого личного и общественного горя, когда, по словам самих воплениц «горе учит причитывать», возможны новые сюжетообразования и композиции. И наоборот: когда горе проходит и острота впечатлений сглаживается, то причеть теряет свою власть над поэтическим сознанием, утрачивает злободневность, становится достоянием избранных воплениц. Этот процесс потухания, а затем и полного исчезновения причитаний из народного быта наблюдался в мирное время, до Великой Отечественной войны, и наблюдается сейчас, когда советский народ занят строительством коммунизма, мирным созидательным трудом. Не составляют исключения и те районы русского Севера, где сравнительно совсем недавно фольклористы отмечали активное бытование причети.

Вас. Базанов

І. ПЕЧОРА

А. Л. ДУРКИНА

1. О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Наглядитесь-ко, очи глупые,
На запас, мои да недовольные,
На кормилицу гору высокую,
На кормилицу стену камённую.
Ты куда, моя гора, снаряжаешься,
От меня, бедной, да от злосчастной,
От своего-то да от витá гнезда,
От своего-то да золотá кольца,
Ты от нас, бедных, да от злосчастных?
10 Ко своему-то да чаду милому,
Ко родному-то дитю сердешному,
Ко любимой-то молóдушке,
Ко четырем-то да милым внучушкам,
Ещё к двум своим да милым внучаткам,
Ко всем родным да ко родителям,
Ещё к своей затем да белой лебеди,
Ко званому да милу зятелку.
Ушла вся гора, уехала,
Случилась там ведь да хворая,
20 Хворая да нездоровая,
Умом-разумом стала неразумная.
Кормилица, гора высокая,
Когда была наша да здоровая,
В молоду пору была бойка, скорóбая,
Умная была, разумная,
Мог наш сробить да сделатьи,
Во руках его да как родилося,
В глазах у него да не двоилося,

- Свысока было постреляно,
30 Сглубока было почерпнуто,
Уж куда пошла, моя гора, поехала,
За свежой рыбой да за трепущеей,
Хошь за птицей-то да полетушеей,
За сербй уткой да за летушеей,
За промыслом да за богатыим,
За печорской рыбой да за красной,
За красной да за разной.
Кормилица, гора высокая,
Кормилица, мати родимая,
40 Уж мы жили у вас да красовалися,
Как сыр в масле будто купалися,
У вас еда была нам да по-сердцу,
Цветнó платье да было по-плечу,
Обуточка была поножная,
Упито у нас, уédено,
Баско-хóрошо было уношено.
Мы рощены у вас были, поды́маны,
Немноги-то да не артельные,
Три только да чады милые,
50 Унас одно было да солнце красное,
Две только да белы лебеди.
Уж мы в чести были, дети, при милости,
При одном дому да были рощены,
За одним столом да перекормлены,
Кормилицей горой высокой,
Кормилицей матерью родимой.
Кормилица, гора высокая,
Хошь он пил много да зелена вина,
Хошь он тратил да золотой казны
60 Уж мы ничем были не жадные,
Ничем мы были не щадные,
У кормилицы, горы высокой.
Только тем были мы жадные,
Нам не было даровá время,
Дарова время, свободного.
У кормилицы, горы высокой,
Мы ходили да, бедны, ездили,
На какой тяжкой да на работаньке,
Ловили мы да свежу рыбу.
70 Напъётся наша гора высокая,
Мы разгонены были, расшумлены,
Когда кормилицу мати родимую,
Когда нас, горей, бедных злосчастных.
Кормилица, гора высокая,

Кормилица, мати родимая,
Я жила хошь у них да красовалася,
Тогда придумали бедны родители
Отдавать меня да во чужи люди,
Во чужи люди да как во добрые,
80 За чужа сына да за отцовского.
Не сама я, горе, задумала,
Не сама, горе, да поохотилась,
Поневолила гора высокая,
Поневолила стена камённая.
А немного прошло времячка,
Жила я там да красовалася
Рассталася да разосталася
Со своей да ладой милой
Со кормилицей да думой крепкой,
90 Со крепкой думой да припостельной,
Припостельной да обручальной,
Обручальной да обвенчальной.
Тут ждала, горе, да дожидалася,
Писала да письма-грамотки,
Дожидала да вести-павести,
Не часто ходили письма-грамотки,
 «Он был уже в плену»
Уж я долго жила до поры-времячка,
Молоду пору да зелено время,
Прокатилася да пора-времячко,
100 Мне не год не два да, бедна, пять годов,
Много повылила да горячих слёз,
Я состарила да лицо белое.
Я за ту пору да ещё времячко
Дожидала свою да ладу милую,
Тогда была да рада-вёсела,
Я-то, горе, в уме да думала,
Что не бросит меня да чадо милое,
В середи веку да молоду пору.
Он ведь бросил меня, бедну злосчастную,
110 Я жена стала ему не милая,
И семья стала да нелюбимая,
Я тут реки лила горячи слёзы.
Тут прибрала меня гора высокая,
Затем кормилица мати родимая.
Уж и одно наше солнце красное,
Я опять, горе бедна, кинулась,
За друга сына да за отцовского,
За удалого да добра молодца.
Мы сошлись, бедны злосчастные,

- 120 Со другой да ладою милоею,
Со другой своею да думою крепкою,
Хошь не с венчалной, не обручалной.
Мы ходили да с ним мотались,
Из двора во двор да хрозькались,
У нас не было тогда вита гнезда,
Не было да золота кольца.
Мы поставили себе вито гнездо,
Мы построили да золото кольцо
Зажили будто по-старому,
130 Приобрели себе да добра житья,
Позабыли нужду великую.
Хошь пошли мои да дети малые,
Немногие мои дети да не артельные,
Одно моё да чадо милое,
Одна наша да лебедь белая.
Она в чести была у нас, при милости,
Мы сумели да её повьродить,
Хотели да её повьрастить,
Моей ли то да лады милоею,
140 Не судил ему дитю повьрастить,
Повьрастить да как повьздынуть
До большого-то ему да возраста,
До крепкого да ума-разума.
Уж и бросил нас ладо милое,
Не во-пору, да и не во-время,
Меня, бедну злосчастную,
Горюху её, горегорькую,
Маяться нас да позориться
Одну старую да другу малую.
150 При кормилице да ладе милоею
Уж ничем шибко жили не жадные
Ничем шибко были не щадные,
Уж наше-то да ладо милое,
Рабочее да было деловое,
Умело да сробить-сделати,
Во руках его да как родилося,
В глазах его да не двоилося,
Топором гладко повьтешет,
Он стружьё гладко повьстружит
160 И умел он сробить—сделати,
Он обуточку сошьёт поножную.
Уж мы жили у него да красовались,
Уж мы как сыр в масле купались,
Не расшумлены да не разгонены,
Не видали да венична прута,

- Не слышали слова бранного,
 Бранного слова доносного.
 Уж мы не знали до поры-времячка,
 Уж когда встать надо поутру рано,
 170 Побудить нас надо, бедных злосчастных.
 Уж как жили мы, горезлосчастные,
 Уж мы наробили дела-работаньки,
 Во большом житье да во артельном.
 По сегонному да году долгому,
 По сегодней-то зиме студёной
 Я вставала, горе, поутру ранó,
 Я ложилась, бедна, вечером позднó,
 Уж я робила да, горе, делала
 За ту, горе, да пору-времячко
 180 Не хватало нам да светла денечка,
 Наставляла-то да тёмной ноченькой.
 Тогда узнала всю печаль великую
 Как надо да мне перёд вести,
 Как надо да мне росу трясти,
 Надо всё робить да, горе, делати,
 У печи быть да хозяйкою,
 По житью-бытью да быть правительницей.
 Я раздумаюсь да в уме-разуме,
 190 Охти мнешенько да мне тошнёхонько,
 Я в своем житье да бабьем женском,
 Моему сердцу да тяжелёхонько,
 Уж мы много там-ка их спроводили,
 Уж мы много их отравили,
 В эту-ту да пору-времячко,
 По другому-то да году долгому,
 Как много мы отравили
 Удалых-то да добрых молодцев,
 Сыновей, детей да как отецкиих,
 Во-первых свою да ладу милую,
 200 Тогда любимых-то да трех племянничков.
 Мы ждали, горе, да дожидались,
 От всех от их да письма-грамотки
 Дождались мы да письма-грамотки
 От одной своей да лады милоей,
 От любимых-то милых племянничков,
 Будто от детей мне-ка да от сердешных,
 От сыновей будто мне как кормилицев.
 Я чтила их будто за рóдных
 За рóдных да за сердечных,
 210 В одном дому да были рощены,
 За одним столом да были кормлены

Любимые да наши племянники,
 Они статным-статны да большевозрастны,
 В крепких да умах-разумах,
 Они сумели да робить-сделати,
 Свѣсока было пострелено,
 Сглѣбока да как почерпнуто,
 Серá утка была добыта,
 Рысаки-звери были пойманы
 220 Во чистом полѣ да во раздольице.
 Умели сробить-сделати,
 Топором тесать да как пером писатьъ,
 Ко всему были наши приучены,
 Сызмалѣх лет да сызмалечества,
 У моей-то ли горы высокой,
 У кормилицы матери родимой.
 Их ведь ростила да их подымала
 Многих их гора высокая,
 Многих их да детей артельных,
 230 Их растила да ласкова бабушка,
 Их ведь растила да как подымала
 Молоду пору да на потехоньку,
 Их на то горе высокое.
 Он не знал да той поры-времячка,
 Как росли они да дети малые,
 Многие да как артельные,
 Они повыросли ваши, повицвели
 Как сыры дубы да как из коренья,
 Статным-статны да большевозрастны.
 240 Как пошли они на чужу сторону,
 Удалы добры молодцы,
 Пошли они да поехали
 Защищать они свою Родину,
 Свои-то да печорски края,
 Победить врага неверного,
 Неверного да, бат, изменного.
 От удалых-то да добрых молодцев
 Как от наших-то да красных соколов.
 Уж мы не знаем про их горе, не ведаем
 250 На каком они фронту положены,
 Засечены да буйны головы,
 Прострелены, бат, да груди белые,
 На ветру их, бат, да растащило,
 От пули, бат, они положены,
 От сабли были засечены
 Удалы да добры молодцы.
 Они бросили тогда, покинули

Своего-то да как отца-матери,
Свою семью да молодую жену,
260 Горьких детей да безотцовских,
Они горьки стали, дети безотцовые,
Кто их станет поить-кормить,
Как еговых-то да их пропитывать.
Некому будет их кормить-поить,
Некому да их пропитывать,
Пропитывать детей, воспитывать.
Есть ихний ласковый дедушка,
Растить их, горе, подымати
До бóльшого да больша возраста,
270 Он пособит да горе мыкати,
Повыростить да детей малых.
Пошло ихно да солнце красное,
Защищать своих братьей, родителей,
Бороться да со лютым зверем,
С таким врагом да с неприятелем,
Молодехонек да зеленехонек,
Оставил он отца, матерь,
Старых, залетных,
Бедных да нездоровых,
280 Остались да одни имячка,
Имячка на поминочки,
От старшего сына Степанушка,
От младшего сына Иванушка,
От третьего да Киприянушка.
Я возьму да ихни карточки,
Посмотрю на ихни карточки,
Посмотрю да на белы лица,
На бело лицо да на румяное,
На ихню да на складну тушу,
290 На складну тушу да на кирпичату,
На походочку баску упавую,
На поглядочку баску умильную,
Разговорюшку да тиху смирную.

Е. А. ДУРКИНА

2. О БРАТЕ-ФРОНТОВИКЕ

Потяните-ко, да ветры буйные,
Со всех-то четырёх сторон!
Вы раздуйтесь-ко, желты пески,

Расколись-ко, мать сыра земля,
Откройся-ко, да гробова доска,
Размахнитесь-ко, да белы саваны,
Раскатитесь-ко, да руки белые,
Откройтесь-ко, да вы мутны очи!
Отомкнитесь-ко, уста сахарные,
10 Поворотись-ко, да говорок язык,
У моей-то матери родимой,
У жалости да у сердечной!
Уж ты подай-ко се да звонку голосу,
Ты баска, звонка, да мне окатиста,
Окати моё да ретиво сердце,
Удобри да вережёное.
Худо оно у меня было, вережено,
Уж ты кормилица мати родимая,
Я пришла бедна к тебе побаяти,
20 Побаяти да посоветовать.
Уж я сперва-наперво да у тя спрошу:
«Каково живешь да в земляном бугре?»
Я тогда, горе, да тебе скажу
Про нынешню да жизнь советную,
Как живем да нынче маемся
На сём свете да мы на белоем.
Охти мнешенько, да мне тошнёшенько,
Моему сердцу да тяжелёшенько,
Уж ты кормилица мати родимая,
30 Уж я расскажу тебе, бедна злосчастная,
Про твоего-то да чада милого,
Про единого сына-кормилица,
Ростили его, подымали,
Молоду пору да на забавушку,
Среди веку да на заменушку,
На стары дни сына-кормилица,
При смерточке на погребеньице,
После смерточки да на поминочки.
Уж тебе судил бог сына повырастить,
40 Уж ты бросила, да нас оставила,
Малых детей да глупых,
Нас повырастил гора высокая,
Повырастил стена каменная,
Повырастил он да чадо милое,
Единого сына-кормилица
До полного да его возрасту,
До крепкого да ума-разума.
Как во ту пору, да в тое времячко
Напал на нас да нечистый враг,

50 Открылася да тут больша война,
На нашу-то да Россию матушку
Напал тут нечистый враг,
Ушел тут моё солнце красное
Защищать родиму сторону.
Уж написал он мне-ка письмо-грамотку:
«Дорога сестра да ты родимая,
Уж я пойду на фронт да на советский
На саму первую да линию,
Не пожалею я свою да буйну голову
60 Со всей своей силой мужицкоей,
Разбивать стану врага нечистого,
Нечистого врага, неверного.
Забрать он враг хочет Россию-матушку,
Забрать наши города богатые,
Забрать нашу землю-матушку,
Землю-матушку, да землю хлебную».
Ещё написал мне солнце красное:
«Дорога сестра да ты родимая,
Уж вы робьте на родимой стороне
70 Не жалея своей силы женской
Помогай ты фронту советскому,
Клади деньги помочь войны.
Если обложена ты налогом военным,
Заплати ты досрочно их».
Уж я слушаю брата-родителя,
Роблю я, да нонче делаю,
Вырабатываю трудодни колхозные,
Выполняю норму стопроцентную,
Не считаюся я ни с чим.
80 Дорого моё да солнце красное
Нонь не пишет мне да письма-грамотки,
Верно нету ему время свободного.
А уж я-то, горе, во уми думаю
Как живого нет моего брата любимого,
Бат, снята его да буйна голова,
Прострелены да груди белые
Во чистом поли да во раздольице,
Во большіх боях да во первіх полках
Уж там удалы-то да добры молодцы
90 Лежат они да не хоронятся,
Не копают им да земляна бугра,
Не делают да гробову доску,
Не шьют им да белы саваны,
Не смывается да кровь горячая,
Уж им постелюшка да мать-сыра земля,

- Им зголовице — зло кореньице,
Покрываньице да сине облачко.
Охти мнеченько да мне тошнёхонько,
Моему сердцу да тяжелёхонько.
- 100 Уж я где стану да брата сыскивать,
Где стану нонче его проведывать,
Во толпах его да во компаньцах,
Во дружьях-братьях его товарищах,
Не скопятся нонче да добры молодцы,
Не соберутся да сыновья отецкие,
Все отправлены они да направлены
На большу войну да кроволитную.
Уж мне тут нужно глядеть, бедной, приметити,
На таких надо глядеть да добрых молодцев,
- 110 На больших мне-ка да на взрослых.
Уж мне полных полны да полновозрастных,
Во красных да мне возрастных,
Во белых да во здоровых.
Охти мнеченько да мне тошнёхонько,
По другому-то да году долгому
Открылася да нонче больша война,
Больша война да кроволитная,
Кроволитная война, всемирная,
Столько не выпила я да ключевой воды
- 120 Больше вылила да слёз горячих,
Уж я повыплакала мутны очи,
Состарила своё бело лицо
Об едином да брате родителе.
Уж я чим стану да запивать его,
А чим стану да заедать его?
Заедать нет у меня баской еды,
Запивать нету у меня сладкой воды.
У меня отправлено да много роду-племени,
Дорогих любимых моих братанушек,
- 150 Пятнадцать у меня да милых брателков.
А по прошлому да году долгому
С почина-то да большой войны,
Во первых боях да во первых полках
Тут погинул мой да милый брателко,
Любимый мой братанушко,
Михаил да мой Ефимович,
Сняли его да буйну голову,
Прострелили да груди белые,
Погубили моего братанушка
- 160 Нечистые враги немецкие.
Много там моих милых братанушков.

Разобьют они врага нечистого,
За то, что погубили моего милого братанушка,
Защитят они страну Советскую.

Дождала я бы нонче брата-родителя,
Уж я встретила он да солнце красное,
Я взяла бы его да во белы́ руки,
Прижала бы да к ретиву́ сердцу,
Уж я сповыплакала бы да баско слезено,
150 Баско слезено его да с причетью,
Уж ты кормилица да солнце красное,
Расскажи-ка мне да родной сестрице,
Как воевал ты да на большой войне,
Как сражался ты с врагом немецким.

М. В. ДУРКИНА

3. ПРИ ПРОВОДАХ ВНУКА НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Я сидела, бедна злосчастная,
Я на притомном да баском местечке,
Я на тех лугах да на зелёных,
Я на крутом да славном бережке,
Я на пристани да пароходской.
Подле матушки да быстрой реки,
Ко славной я Пёчоры матери.
Я ждала, бедна, дожидалася,
Я большó судно да чернóй кóрабель,
10 На нём ждала, бедна, да дожидалася,
Дорогого я сердешна внукушка,
Николая я Митревича.
Уж я встретила да спроводила тут,
Нам немного было поры-времячка,
Минуточки были числёные,
Мы схватили его, чадо милое,
Целовали мы в уста сахарные,
Тут и сто́ль на него нагляделися,
Тут и сто́ль на него насмотрелися,
20 На складну тушу его кирпичату,
На круты плеча да молодецкие,
На баско лицо да на румяное,
На мутны́ очи да соколиные,

На черны брови да соболиные,
 На ресницы его сизобобровые,
 На желты кудри да на рассыпчаты.
 Кормилица ты чадо милое,
 Тут разостались мы с ним да распростилися
 На вечно житьё да бесконечное.
 30 Я из рук его да тут урбила
 Из мутных очей его потёрjala,
 Я отправила да чада милого
 На чужу его да дальну сторону,
 На большу войну да на всемирную.
 Там на большой войне да кроволитной
 Там летят да пули быстрые,
 Блестят да сабли острые.
 Уж вот эту пору да в жарко времячко,
 Жарко лето да еще тёплое,
 40 Рубят-губят да добрых молодцев,
 Не смывают с них да кровь горячую,
 Заползает на них да тварь бездушная.
 Ночь моя-то ли да лебедь белая
 Она растила сына сердешного,
 Первого да она старшего,
 Не доростила она злосчастливая.
 Он не в полном дитя еще возрасте,
 Не в крепком да уме-разуме,
 На почине был листа ербового,
 50 На расцвете цвета лазурьева,
 Уж как яблоня была кудрявая,
 Горька свеча да воску ярого,
 Уж он красно был да наше золото,
 Уж он чисто был да серебро,
 Дорогой же сын да он бесценный был,
 Он ценой у ней был не обложенной
 Хоть молодёхонек да зеленёхонек
 Он пошел да со желаньца
 Он стоять да за свою Родину.
 60 Он одну только думу думает:
 «Как сберечь бы им да свою голову,
 Не дать бы её да злему Гитлеру
 Не разорить чтобы да власть Советскую,
 Не запустить бы их да в стольни города
 Не дать землю да хлебородную».

Пособи ты бог да обессилить им
 Врага того да Гитлера,
 Назад притти бы им да на свою Родину,
 Ко своему да отцу-матери.

- 70 Егова-то мати родимая
 Тут об нем шибко печалится,
 Она осталась здесь с детьми малыми,
 Он один был у ней только на возрасте.
 Он рабочий был у их да деловой.
 Уж как вырос он да на пустом месте,
 В темном лесу да во дремучеем,
 У его не было ни дружбей-братбей,
 Ему столь было да как весельца.
 Он ходил да наш охотился,
- 30 Он за утками да наш за гусями,
 За свежой рыбой да он трепущеей,
 За серой птицей да полетущеей.
 (*«Баженой мой 18 уток враз носил»*)
 Он и ношей нес да он и возом вез.
 Уж как еговой-то матери родимоей
 Нынче кто несёт да нынче кто везёт?
 Хошь и есть у ней да чадо милое,
 Не за охотой он, не за работой он.
 (*Отец работает на баконах*)
- Моя-то да бела лебеди
 Они стараются всей могутой-силой
- 90 Помогать тому да тылу общему,
 Защищать да Россию-матушку.
 Там страдают их братья ясны соколы,
 Нонь любимой их племянничек.
 Они кладут подарки Красной Армии,
 Сечиной кладут они — деньгами и одежою.
 Они-то в уме да еще думают:
 У нас страдают там да ясны соколы,
 Их одеть надо да помощи надо.
 Уж работают они да от всего сердца,
- 100 Отдают всю могучу силушку.
 Они-то в умч да ещё думают:
 Как не прохолмонять бы им,
 Да не простоять бы им,
 Чтобы было им да сробить-сделати
 На защиту своей Родины,
 На пропитанье роду-племени.

4. ПО СЫНОВЬЯМ-ФРОНТОВИКАМ

У меня много было детей малых,
 Обуты, были, одеваны,
 Чистотны были да полновозрастны,

Умные были да разумные.
Старше-то мое да чадо милое,
Оно перво было по надобью,
Сорок недель я его изнёсила,
Девять месяцев я его исполнила
Я сумела ведь их да наро́дिति,
10 Сумела да их повыростить,
Я не сумела их счастьем надéлити,
Я середнему да чаду милому,
Не могла ему веку прибавити,
Он погиб моё да чадо милое,
В разведках да на добром коне.

(«Кавалерист он был»)

Моё старшо да чадо милое,
Оно статно тоё да полновозрастно,
Кормилица моё да чадо милое,
Оно удало было дитя могутное,
20 Его бросил ведь гора высокая,
(«Он остался от отца 14 лет»)

Меня бросил с има да ладо милое,
Они не в полном были возрасте,
Моё старшо-то да ладо милое,
Уж оно не больше-то да лет тринадцати,
Я тужила ведь об этом, печалилась.
У меня некому было робить-делати,
Малы дети да неполновозрастны,
Уж моё-то да чадо милое
По другому пошло году долгому,
30 Он находится да во больших боях,
Во больших боях, да во первых полках,
Защищает он да свою Родину.
Как ходил он дитя да двадцать три раза,
Двадцать три раза в бои кровавые,
Он повынес свою буйну голову,
Подынулась да как стальна птица,
Стальна птица как туча тёмная,
Разлеталася да расшумелася,
На наших-то да на добрых молодцев.
40 Уж как тут да был дитя сердечное,
Уж перенёс он много горя великого,
Уж голоду да он и холоду,
Он не спал да тёмны ноченьки,
Не стелено ему было мягко́ место,
Не налажено да круто зголовьице,
Ему постилочка да мать-сыра земля,
Ему зголовьице да зло кореньице,

Ему окуточка — шинель серая,
Шинель серая да сине облако
50 Он похвалился да чадо милое:
«Не тужите-ко да родны родители,
Я привык к делу военному,
Мы идём нонче да по охотушке,
Не страшат нас да пули фашистские,
Лишь разрушить бы нам Гитлера неверного».
Дождать бы мне детей сердечных,
Во своё-то да во вито гнездо,
Уж они везде пойдут да везде победут,
На тяжку-ту ли да на работаньку.

60 Я гляжу-смотрю, бедна злосчастливая,
Я на ихно-то тяжёлу работаньку,
Они сробят всё да мои сделают,
Не хуже они да людей добрых,
По своей силе да по могучеи,
Удобрят моё да ретивё сердце,
Развеселят мою да буйну голову.
Уж я-то горе в уме думаю,
Хошь и бросил меня ладо милое,
У меня не стала печаль великая,

70 Их работанька была мне не по разуму,
Летняя была да сенокосная,
Коса да была у меня вострая,
Уж у меня кучи да были скучены,
Зароды да были смётаны,
У меня не стала боле печаль великая.
Я горька вдова, бедна злосчастливая.
Не на то были да дети рощены,
Они не дедками были подыманы,
Они не бабками да были тешены,

80 Уж я растила да бедна тешила,
На своих-то на белых рученьках,
И повыростила их повьздыла.
Кормилица да чадо милое,
Кормилица дитя сердечное,
Без грозы он рос да без великойей,
Он не пьющий был да не мотущий был,
Уж он заходит во своё да во вито гнездо
Он ступает дитя да потихошенько,
Он заходит да во свою хату,

90 Он приходит ко мне да ко жаркой печи,
Говорит мне-ка, бедной злосчастнойей:
«Уж ты спи, моя мать родимая,
Не бранись, моя жалость сердечная,

Не расшумлю я вас, не разгромлю я вас».

 Кормилица моё дитя сердечное,

 Кормилица моё да чадо милое,

 Он жалеть меня да целовать станет,

 Ко кровати придёт да ко тесовой,

 Он жалеть станет да детей малых.

 100 Жил да мой ведь с молодой женой,

 Она не бита у него была не лóмлена,

 Кулаком была да не пристращена,

 Веничн́ым прутом да не отстёгнута

 По сегонному да году долгому,

 Променил он ум да на безумьице,

 Молоду жену на бесчестьице.

 На нынешних да тяжких годах,

 Четырёх-то да чадов милых,

 Проводила я, бедна злосчастливая,

 110 На чужу-то их да дальну стóрону,

 На злодейку там да незнакомую,

 На большу войну, на всемирную,

 На всемирную, на кроволитную.

 Средне моё да чадо милое,

 Он погинул ли дитя сердечное,

 На большой войне да на финской,

 На добром коне на кавалерском.

 Завидел он дитя сердечное,

 Фашистов да неприятелей,

 120 Он вернулся оттуль скорёшенько,

 Ко своим да ко товарищам:

 «Не плошайте-ко, мои товарищи,

 Открывайте-ко огонь пламенный,

 Не поддавайтесь-ко фашистам-неприятелям».

 Они пали все да со добрых коней,

 Открывали они огонь пламенный,

 Тут по первости да чаду милому,

 Погубили его тут да со добрым конём,

 Его пролили да кровь горячую,

 130 Погубили жизнь да молодецкую.

 Не ищи того да стара матери,

 Не досталася ему земля-мати,

 Не повырыто да земляна бугра,

 Не построена да нова горница,

 Не повыделана светла светлица

 Из новá теса да дорожёного,

 С него не смыта да кровь горячая,

 Со бела тела да со бумажного,

 Со баска лица да со румяного,

140 Со мутных очей да соколиных,
Со черных бровей да соболиных,
Со желтых кудрей да со рассыпчатых,
Не снаряжено платье умершее,
Не снаряжено да не уложено,
Не закрыто гробовой доской,
Не зарыто да со желтым песком
Его раскуркали да чёрны вороны,
Его разграяли да как сизы орлы.
Я горюха-то , бедна, стара мати,
150 Стара мати да бедна хвоя,
Уж не ходят нонче да письма-грамотки,
Не получаю да вести-павести.
Моя-то середняя да лебедь белая,
Спроводила она да чадо милое,
Она старшего да ещё первого,
У ней осталось много да детей малых,
Они малые все да беспомощные,
Молодой он был да не на возрасте,
Кормилец мой да чадо милое,
160 На зачине да шелковой травы,
На расцвете да цветов лазурьевых.
Любимый мой был да ты мой внучушко,
Николай да мой Митревич.
Жил ты да во худой хате,
Во худой хате да безоконной,
Ни роду было там ни племени,
Столъ было его весельице,
Он охотился наш чадо милое,
Он за утками да он за гусями,
170 За серой птицей за полетущей,
За свежой рыбой за трепущей.
У его толь было дитя весельица,
Ему все были да друзья-братья,
Тут все родные были его родители.
Уж его-то мати родимая,
Она ростила его да подымала,
На своих руках да горегорьких,
Не доростила его злосчастная,
До полного да его возраста,
180 До крепкого до ума-разума,
Спросили его да на большу войну,
Разлучили его с отцом-матерью,
«Мы убьём пойдём да неприятеля,
Фашиста да мы того Гитлера,
Мы вернемся, бат, родны родители,

Ко своему-то да ко жительство,
Мы погубить хотим да неприятеля,
Чтобы не зайти ему в Россию-матушку,
В города наши да как во стольные».
190 Не отнять нашу землю да хлебородную,
Не разорить нашу да власть советскую,
Не пообидеть нас людей крестьянских.
Помоги ты, бог, да детям отецкиим,
Отстоять Россию да нашу матушку
И моим сердечным да ясным соколам,
Стоять оптом да им повыдюжить,
Назад притти да на свою Родину,
Со победою да со вечною.
Уж я их ждать хочу да дожидатися,
200 Живых детей да сердечных,
Я не знаю, откуль их повыглядеть,
Я не знаю, откуль их повысмотреть,
Из каких путей да из дорожечек,
По зимним ли их да по трахтóвым,
На добрых конях да на езжалых,
Я дождусь их, бедна злосчастливая,
Я по матушке да по быстрой реке,
По кормилице по золотой струе,
По славной-то Печоре-матери,
210 Их синих морей да из широких,
На больших судах да чёрных кóраблях.
Пособи ты, бог, сыньвьям нашим отецкиим,
Детям нашим да сердечным,
Разорить того злыдня Гитлера,
Погубить его да злыдня лютого.

М. Г. ДУРКИНА

5. НА МОГИЛЕ ОТЦА

Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты кормилец мой, стена камённая,
Уж я как нонче стану жить-позориться,
Уж я как, горе, стану маяться?
Ты не построил мне да угла тёплого,
Не наделил меня житьём-именьицем.
Я шататься буду и скитатися
Из конца в конец да через волости,

Из двора во двор да через улицы,
10 Я всячины много да перевижу, бат,
Без тебя, моя гора высокая,
Ты кормилец мой, гора высокая.
Я просила тебя, канáлася,
Я говорила тогда да унижалася,
Не отдавай меня, бедну злосчастную,
Ты за вольного да за мотущего,
Ты за пришлого да за приезжего,
Ты за бездомного да за безжительского.
Вы меня, бедну, да не послушали,
20 На мои слёзы да не поверили,
Меня силою да, бедну, отдали,
Уж вы силушкой меня, неволюшкой.
Я не дитя была вам, видно, не сердечная,
Я не отцом была, видно, сеяна,
Я не матерью спорожена,
Меня, видно, засеяли да ветры буйные,
Меня породила да мать-сыра земля,
Я из чиста поля, будто, пригонена,
Меня сповыростили да люди добрые,
30 Мне родны родители, будто, леса тёмные.
Надо мною некому да было сжгаться,
Загубили вы мою жизнь жен кую,
Я скоро состарила лицо белое,
Иссушила своё тело женское
Среди веку да молодёшенька,
Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты моли-ко ся да бога-господа
Со того ли света белого,
Скоротайте мне веку долгого,
40 Чтобы не мучилась больше, не маялась.
Прибери меня к себе в товарищи.

6. ПО УМЕРШЕЙ СЕСТРЕ

Ты кормилица, сестра родимая,
Ты кормилица, жалость сердечная,
Ты чего так скоро побоялася,
Ты чего шибко да пострашилася,
Ты на тот ли свет да снарядилася?
Ты не состарила да лада милого,
Не повырастила детей малых,
Уж ты многих детей артельных.

- На кого ты их, да детей, бросила
10 Хоть твой женится да ладо милое,
Он возмёт к себе да молодую жену,
Заведёт ли в дом да любую семью,
Он не мать детям не родимую,
Он не жалость им да не сердечную,
Он ведь злу-лиху возмёт мачеху,
Злу расстройщицу возмёт, разгонщицу,
Они шататься будут и скитаться,
Не обшиты будут, не обмытые,
Не обуты будут, не одетые,
20 Они нагёхоньки будут босёхоньки,
Они всегда будут да виноватые.
Откуль гроза да не подымается —
На горьких детей да все спустится.
Ты кормилица, сестра родимая,
Ты кормилица, жалость сердечная,
Ты ходила ли ко мне по́часту,
Ты сидела ли со мной по́долгу,
Ты пособляла мне горе мы́кати,
Мы говорили с тобой, бедны злосчастные,
30 Нам не хватало будто да светла денечка,
Мы наставляли да поздним вечером,
Нам ещё мало того казалось,
Добавляли мы да тёмной ночью.
Ты кормилица, сестра родимая,
Что у узкого где — да разоставила,
У короткого — да мне наставила,
У тонкого — мне ты набавила,
Ума-разума ты мне прибавила.
Нынче с кем я стану думу думати,
40 Нынче с кем стану слово б́яяти,
С кем делить стану печаль великую?
Ты кормилица, сестра родимая,
Мы построили тебе нову горенку,
Без дверей только да без окошечек,
Без жаркой печи да без кирпичатой,
Без трубы тебе да дымоходной.
Хоть недалеко мы тебя спровóдили,
Хоть неглубоко шибко по́ложили —
Не дожждаться тебя больше, не наглядетися,
50 И ни письма не дождать от тебя, ни грамотки,
Ни вести не дождать, ни п́авести,
Ни низка поклона-челобитьица.
Ты кормилица, сестра родимая,
Я ходить нынче стану по́часту,

Я сидеть стану, бедна, по́долгу
На твоей могиле да на холодной,
Я будить тебя буду да кликати
Не подашь ли ты да звонку голосу,
Не обрадуешь ли ретиво сердце.

7. ПО БОЛЬНОМУ СЫНУ

Кормилица, дитя сердечное,
Я тя растила, дитя, поды́мала
На одной, дитя, руке на женской,
Я примала много да нужды-бедности
Я терпела много нужды-горести,
Тогда-то, горюха, в уме думала:
Я повырощу дитю, сповыучу,
Тогда забуду всё горе великое
Моя-то судьба знать несчастная,
10 Она несчастная да разнесчастная.
Я и выросила дитю, выучила,
А недолго только наслаждалася,
Скоро заболело моё чадо милое,
Захворал шибко дитя сердечное,
Он вередил моё да ретивó сердце
Я отправила дитю — стретила,
Я не на промыслы не на богатые,
Я больного-то его да хворого,
Его в больницу да во лечебницу.
20 Нынче ждать буду да дожидатися,
Уж я вести ли от него павести,
Я письма ли от него грамотки,
Я справляться ли да узнавать буду
Про его да про здоровьице.
Спроварила я дитю, отправила,
Я осталася с ним, разосталася,
На желтом песку — на крутом бережку,
У быстрой реки — у ключевой воды,
Меня не несут домой да ноги резвые,
30 Не ведут домой да очи ясные.
Я зайду домой, бедна злосчастная,
Я вперёд взгляну — у меня никого нету,
Я назад взгляну на чада милого —
У меня дитя нету сердечного.

По другому пошло году долгому,
Я не могу дождать да доглядетися
Я дитю своего сердечного,
Когда распалится да мать-быстра река,
Откроется да ключева вода,
40 Когда пойдут пароходы быстроходные,
Я пойду ходить-спроведывать,
Встречать дитю сердечного,
Не зайдет ли да красно солнышко,
Не обогреет ли меня злосчастную,
Не придёт ли дитя сердечное,
Не облегчит ли моё ретиво сердце.
Я гляжу, бедна злосчастная,
В окошечко да во косявчато,
Во стеколышко да во немецкое,
50 Я на матушку да на быстру реку,
Как увижу я, бедна злосчастная,
Пароходы я да скороходные,
Я бегом бегу да на больши шаги,
Я на пристань-то на пароходскую,
Хочу встретить я дитю сердечную.
Во туман солнце закатилося,
На меня туча да опустилася,
Я не встретила дитя сердечного,
Я не увидела да чада милого,
60 Я назад пойду, бедна злосчастная,
Я повеся держу да буйну голову,
Потупя держу да очи ясные,
Я не знаю куда с горя броситься,
Не знаю куда с горя кинуться.
Я пойду брошуся да лучше кинуся
Во быстрой субой да мать быстру реку,
Я потоплю себя, я погублю себя,
Либо пойду, бедна злосчастная,
Во темны леса да во дремучие,
70 Пусть заблужуся там, горюха несчастная,
Пусть растерзают меня звери лютые.
Вы кормилицы, родны родители,
Вы скажите мне, бедной злосчастной,
Вы прибавьте мне да ума-разума,
Как забывать мне дитю сердечного,
Моё тихо было дитя, смирёное,
Моё покорно было, уважительно,
Он с людьми-то был да обходительный,
Он умел сойтись да с людьми добрыми,
80 Мне не жалились да люди добрые,

Не обижались да пары-ровнюши,
Еговы-то друзья-приятели.
Он не шумливый был да не громливый,
Он не спорливый да был не вздорливый,
Моё не болело да ретиво сердце,
Де нашумит моё дитя сердечное,
Что нагромит ли дитя сердечное,
Что либо нассорится, либо раздерётся с кем,
Я не думала об этом в уме-разуме,
90 Хотя и долго не придёт дитя сердечное,
Я тогда в уме думаю —
Мой работает да занимается.
У меня не пьющий да не мотущий был,
Не ходячий да не гулячий,
Не ходил часто да во царёв кабак,
Он не тратил там да золоту казну,
Он не пил ли да зелена вина,
Не пропивал да своего ума-разума.
Охти мнешенько да мне тошнёхонько,
100 Я скоро ли дождуся того времячка,
Что дождусь своего дитя сердечного,
Догляжусь ли я до чада милого,
Скоро ли зайдёт ко мне, бедной злосчастной,
Он взвеселит моё да бело лицо,
Он обрадует да ретиво сердце.
По сегодняшней да тёмной ноченьке
Мне приснилось, бедной злосчастной,
Я со крутой горы будто спустилася,
Я ото сна скоро да пробудилася,
110 Зашло ко мне да красно солнышко,
Открываются да широки двери,
Во дверях вижу дитю сердечного,
Моё приехало да младо дитятко.
Я не помню тут, бедна злосчастная,
Как вставала я да со постелюшки,
Как бросилася к нему да на белы руки,
Целовала его уста сахарные,
Я не помню, как была радёхонька,
Я не помню, как была веселёхонька,
120 Сегодня светлее был всех да светлый денечек,
Жарчэй пекло да красно солнышко.

8. О ПЛЕМЯННИКЕ, РАНЕННОМ В БОЯХ
С НЕМЕЦКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

- Удалы да добры молодцы,
Они да ясны соколы,
Сыновья, дети отецкие,
Буйны головы да молодецкие,
Статным статны да полновозрастны.
Очи ясные да соколиные,
Брови чёрные да соболиные,
Ресницы да бобра осёстого,
Повыросли да на тяжки годы,
10 Повыцвели да цветы лазоревы,
На большу войну да кроволитную,
Во сильну драку да во биётную.
Протекали ручьи слезливые,
Протекали реки кровавые,
Подставляют белы груди,
Склоняются да буйны головы,
Падают да мужски тулова,
Стонет мать-сыра земля,
Съедник ты, Гитлер, да супостатник ты,
20 Разорить хотел Россию-матушку,
Душегубник ты, навязался да нарёзался,
Губитель да разоритель ты.
Как у моего племянничка
Залетело да пять осколочков,
Оторвало да руку правую,
Как сломило да ногу левую,
Удалы да добры молодцы,
Дорóдни да красны соколы,
Сыновья, дети отецкие,
30 Статным статны да полновозрастны.
Мне-ка снилися да сны приятные
Ко сердцу-то они да ко ретивому.
Пришел татенька, сел по праву руку,
Посказать он сел, гора високал,
Поспросить да мила чада:
«Ты куды, горе, сряжаешься,
Ты куды собираешься,
Во торги, базары ли во ярмарки,
Во лавки да сидеть за вырубкой,
40 Аршином ли сидеть, примеривать,
К весам приставят ли тя развешивать,

На счётах ли ходить, раскладывать?»
Сподобляешься ты, млад-ясен сокол,
Сподобляешься ты, красно золото,
Сторопишься да в чужу сторону,
Спешит-то вас да больша война,
Больша война да кроволитная,
Наступает-то да враг издолище,
Издолище-то он неверное.
50 Разорить он хочет Россию-матушку,
Сыновей-то всех отецкиих,
Всех отецкиих да молодецкиих.
Приколел ты да острым штыком,
Рассёк да саблей вострою,
Расстрелял да пулей немецкою,
Немецкою да неверною,
Издолище ты поганое,
Наделал да велика горя
Наделал горя великого,
60 Много стало больных, раненых,
Калек да и убогих.
Протекли ручьи слезливые,
Протекли реки кровавые.
Защитникам да нашим управителям
Дай бог веку долгого
.
На победу нашу да на великую,
Помоги да врага сломить,
Уж возврати да наших молодецв,
Сыновьев наши удалых,
70 Удалых да разудальных
Со войны-то той да с кровлитной.

У. Л. ЛАРИКОВА

9. НА МОГИЛЕ МУЖА

Дорога́ ты, дума крепкая,
Дорога́ да припостельная,
Крепка́ была дума, наде́йная,
Наде́йная была да неизменная,
По́ уму была да по разуму,
По́ лицу да по плечу.
Мы жили, горе злосчастные,

- Одну мы с тобой думу думали,
Одни мысли да мыслили.
- 10 Хошь не богаты мы были, не известные,
Сечиной мы были довольные,
Хлебом матерью были награждённые,
Землёй матерью не наделённые,
Не нарезаны нам полосы широкие,
Не наделены да гладки поженки,
Круты холмы окатисты.
Мы своим трудом секли леса тёмные,
Копали да землю-матерь,
Распахивали полосы широкие.
- 20 Моё-то чадо милое
Не здрящее было, неветрено,
А здря слова он не выбросил,
А здря речи да он не выкинул,
Покуль не обдумат своим умом-разумом,
Умом-разумом молодецким.
Во-пору было сроблено,
Во-время да заготовлено,
Нарощены у нас были добры кони,
Добры кони продажные.
- 30 Ездил в путях-дорожечках,
Наживал да золотой казны,
Кормил меня да с детьми малыми.
Во летнюю да в пору-времечко
Разольётся да мать-быстра река,
Пойдёт да как свежа́ рыба,
Ловил моё да ладо милое
На еловых лёгких лодочках,
На макарьевских да на желтых песках,
Свежу́ рыбу трепущую,
- 40 Крупну́ рыбу продажную,
Кормил нас, бедный злосчастной.
Откуль едет — нам возом везёт
Откуль идёт — нам ношей несёт.
Кормилца да ладо милое,
Дорога моя да дума крепкая,
Не из ста да моё верное,
Не из ста да из тысячи,
Не на смех жили людям добрым,
Не на смех да православным
- 50 Ростили да детей малых.

10. ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

- Кормилица да чадо милое,
Дитя мое да ты сердечное,
Семя мое да ты сахáрное,
Ты верба моя да леторощенная,
Яблонь ты моя кудрявая,
Свеча будто да воску ярого,
Умное моё, разумное,
Тихое моё, смирёное,
Неспорливое, нездорливое,
10 С суседями да не сакéгливо,
Статнým-статно да полновозрастно,
Складна тúша твоя кирпищата,
Круты́ плеча твои аршинные,
Головушка твоя мячёвая.
Кормилица да чадо милое,
Не пожалел свою да молоду пору,
Молоду пору да годы цвeтущие.
Что тебе да приключилося,
Что тебе да повстречалось?
- 20 Бело лицо твое румяное,
Брови твои да соболиные,
Ресницы да соколиные,
На головушке у ты желты кудри,
Желты кудри рассыпчаты,
Созади смотрю на складну тушу,
Сбоку-то да на круты плеча,
Наперёд гляжу да на бело лицо,
На походочку на ту упавую,
Разговорюшко да тихий смирный.
30 Что так на меня да осёрдился,
На меня, мати родимую,
Бросили меня мати, покинули,
Горьку вдову меня безмужную?
Мати стала я бессыновняя,
Уж вы роцены были, подыманы,
У своего ли горы высокой,
Обуточка-то вам была поножная,
Одеждочка-то была поплечная,
Не ходили вы да не шаталися,
40 Не робили на чужой работаньке,
Не мучены были, не мотаны,
Поутру были рано не бужены.
Правой рукой да вас побúдила,
Левой рукой пуще прикутала,

Мягко место было постелено,
Круто зголоввице было налажено,
Одеяло теплое было постлано,
Уж вкусна еда была настряпана,
На дубовый стол была наставлена.
50 Немноги мои да не артельные,
По надобью да дети были роцены
У одного да отца-матери,
Молоду пору да на забавочку,
Середы веку да на заменушку,
На старость да на пропитаньице,
После смертушки на покрываньице.
Не чала я да не думала,
Из белых рук я тебя урбила,
Из мутных очей да потеряла,
60 Недалеко я тебя спроводила
Неглубоко я тебя закопала.
Из той пути из той дорожечки
Ясным соколам да нету вылету,
Белым лебедям да нету выпуску.
Из матушки да из сырой земли,
Из сырой земли да земляна бугра
Ни письма не придут, ни грамотки,
Ни низки поклоны челобитные.
Не сыскать да не проведати
70 Мне в кружках да в красных девушках,
Ни в толпах да добрых молодцах,
Не состарил ты да молодую жену,
Не оставил детей малых.

11. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Кормилица да чадо милое,
Дитя моё сердечное,
Меньшо моё последнее,
На тебя да гуси выпали,
Спросили тебя, потребовали,
На чужу на дальнюю сторону,
Города смотреть да там столичные,
На большу войну да кроволитную,
Защищать свою родную Родину,
10 Защищать Россию-матушку,

От фашиста злого Гитлера,
Лютого да ядовитого.
Не любит видно нашу власть советскую,
Разоряет Россию-матушку,
Широку Россию великую.
Ой уж моё чадо милое,
Дадут тебе ружьё казённое,
Учить станут вас, добрых молодцев,
Ко ружью тебя да ко казённому,
20 Ко штыку да ко вострому,
Ко сабле вас да быстрей,
К большим снарядам да минным.
Молодёшеньки да зеленёшеньки,
Шелкова трава да невозрослая,
Расцвели цветы лазоревы,
Не на это были вы рощены,
Не про злого врага да ядовитого,
Ядовитого да лиховитого,
Ядовитый враг да скверный он,
30 Погубил много наших детей отецкиих,
Отецкиих да молодецкиих.
Пустошат наши города столичные,
Города столичные да места хлебные.
Чего ему гаду надобно,
Злому ли ему врагу поганому,
Худому фашисту ядовитому,
Ядовитому да лиховитому,
Чё он лезет, чё пихается,
Победить хочет, да разорить хочет?
40 Пособи ты, бог, нашим добрым молодцам,
Защищать нашу да свою Родину,
Защищать свою Россию-матушку,
Не пускать врага да ядовитого,
Во нашу да Россию-матушку,
.
На часах стоять да на минуточках,
У дверей да придверниках,
У ворот да приворотниках,
Повострей смотреть да ночью тёмными,
Почутчей слушать ушми молодецкими,
50 Побойчей быть да поувертистей,
Не сдаваться ему худу врагу,
Худу врагу поганому,
Поганому да лиховитому,
Лиховитому да ядовитому.
Уж ты дитя мое сердечное,

Не отдавай фашисту ядовитому
Ни одного лоскута России-матушки,
Мы пособим да вам повытерпеть,
Отстоять да вам повытерпеть,
60 За свою Россию-матушку.
Много вас да там уложено,
Много вас там угрублено,
Худым врагом да ядовитым,
Ядовитым да лиховитым,
С молоду веку да среди веку.
Учёны вы да были рощены,
Не заробили гроба соснового,
Гроба соснового да савана белого,
Не омыта ваша кровь горячая,
70 Не закопаны вы да во желты пески,
Не одето на вас платье чистое,
Прострелены да груди белые,
Оторваны да буйны головы.

А. К. НОСОВА

12. ПО БАБУШКЕ

Уж ты ласкова да моя бабушка,
Ты бабушка моя Огафьюшка,
Агафьюшка моя Обрамовна,
Уж спасибо тебе да очи за́ очи,
Ты водилася да со мной, тешилась,
Ты с мала с того да со робячества,
До четырёх да годов долгиих,
Я в полном была да в свете белом,
Ты делала мне всякие игрушечки,
10 Игрушечки всякие, бабушечки,
Тебе, горе, да я вернулася,
Я своим да очам глупым
На востры́ тебе да я на ножницы. . .
Потерялся тут да мой вольный свет,
Четырёх да годов долгиих,
Потеряла да свету белого,
Половиного да свету белого,
Я век живу да так корбтаю,
Я молоду пору да среди веку́,
20 Я хошь одним оком да со белым светом,

Не гнушались меня да люди добрые,
Меня не бегали да православные,
Уж не богата была, горе, не славная,
В нужде жила да хоть во бедности,
Уж у тебя, моя да ласкова бабушка,
Ты ласкова была, жалóслива;
Я до старости до твоей до дряхлости,
Я до дряхлости да до глубокойей.
Я с тобой жила, да ласкова бабушка,
30 Я не сердилась на то, не гневалась,
Что ты сповѣткнула да очи глупые,
Ты сповыняла да белый вольный свет,
Я не бросила тя да не спокинула,
Ты девяносто жила да годов долгиих,
Я не бросила тя да не оставила,
По сему свету да я по белому,
Я честь-честью да успокоила,
Во сыру зѣмлю да тя полóжила,
Вековечну да гробову доску,
40 В тонки белы да тя под саваны.
Я годилась тебе да пригодилась,
Я на стары дни те на скорменьице,
После смерти я на погребеньице,
Я на си веки на поминаньице,
Тебе, моя да ласкова бабушка,
Ласкова моя жалóслива.
Ты прости, моя да ласкова бабушка,
Ты отныне, моя, дó веку,
Нам последне ли с тобой прощаньице,
50 Больше на веки да несвиданьице.

13. ПО ДЕДУШКЕ

Уж ты ласковой ли мой дедушка,
Жалóсливой да Евдоким Абрамович,
Уж ты ласковой да мой жалóсливой,
Я жила с тобой да красовалась,
Я сыр в масле будто купалась,
Я ничем была, горе, не жадная,
Я ничем была, горе, не щадная,
Ни свежой рыбой да ни трепущеей,
Я ни птицей да полетушеей,
10 Ни цветным платьем да переменным,

Я ни ествами да не сахáрными,
 Не сахáрными да переменными,
 Переменными да всякими-разными.
 Я сама больша была да сама маленька,
 Куды задумала — пошла-поехала,
 Воля была у меня не у́нята,
 Гроза была да мне-ка не дана.
 Я не бита была, не лóмлена,
 Не бранёная, не матерёная,
 20 Я везде ходила да, бедна, ездила
 На добрых конях да на ежальных
 Я во славу да большу Ёсть-Цильму,
 Куда съезжались да люди добрые,
 Там сходилися да православные,
 Там на горочке да на катушечке
 Я тут же ходила да, бедна, ездила,
 Во толпах, в пирах да во компаньюшах,
 Хошь не богата была да неизвестная,
 Неизвестная была да неславная.
 30 Во сытом жили да во прожиточном,
 У тебя росла, горезлосчастная,
 У ласкового у тя у дедушки.
 Из-за тебя примáли меня да люди добрые,
 Все почитали да православные.
 Ты сто два года жил, да сто долгих,
 Всё на своих ходил на ногах резвых,
 Только пострéтилося тебе злосчастному,
 Скрылся твой да белый вольный свет.
 Столько не робил ты, да ласков дедушка,
 40 Только два года да ещё долгих,
 (*«Он ослеп»*)
 Я водилась с тобой, да ласков дедушка,
 Я не бросила тя, да не спокинула,
 За добрò твоё да за великое.
 Ты повыростил меня, повы́здынул,
 Горьку дочь да безотцовую,
 Я ничем была да не залишёная,
 Всё было да мне доверено,
 Всё доверено, да всё доверено.
 Замки от меня были не повешены,
 50 Ключи были да не заперты,
 Ты ласков да мой ли дедушко,
 Ты верный был да неизменной,
 Ты не хотел меня да изменить, бедnú,
 Не хотел меня бросить, оставити.
 Я не хотела, горе, да разлучитися,

Не хотела я от тебя остатися,
Я от ласкова да я от дедушка.
Разлучила нас да мать-сыра земля,
Распáрила нас да гробова доска,
60 Я одна, бедна горе, осталася,
Я на всí веки да на сусвётные.
В дому не стало ли хозяина,
По житью-бытью да управителя,
Уж у меня ласкова да ещё дедушка,
Ласкового моего, жалóбствивого
Евдокима ли да и Абрамовича,
У меня тужельщика ещё печальщика,
По житью-бытью у меня наживщика,
70 По сему житью да управителя,
Управителя да заготовщика.
Тя знали везде да люди добрые,
Почитали все да православные.
Ты легчил ходил до коней добрых,
Тебя водили везде да люди добрые,
По всем городам да по столишным,
Во матушку да во Москву-город.
Залóги клал да он великие,
Догóворы клал да он ли крепкие.

14. ПО ОТЦУ

Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты кормилица, стена камённая,
Ты камёная да городовая,
Ты куда ли, наш, да снарядился ли,
Ты куда ли, наш, да сподобился ли,
На каку ли мою дело-работаньку,
Ты подпрягать ли своих коней добрых,
Поезжать ли ты в путь-дороженьку,
Ты во славную ли, мой, во ёрмонку,
10 Ты возить ли клади накладные,
То обозы ли да доброконные.
Ты не в ту видно да в путь-дорожечку,
Споряжался ты да сподоблялся ли,
Во лёгком платье да ты во летнеем.
Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты кормилица, стена-камённая,

Ты каменья да городова,
Ты сряжался верно во сыру землю,
Во сыру землю — под гробову доску.
20 Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты не подростил да детей малых,
До бóльшого да полна возраста,
Ты до крепкого да ума-разума.
Ты убрался наш, да укатился наш,
Стена у нас будто рассыпалась,
Гора будто раскатилась.
Убрался мой, гора высокая,
Убрался мой, стена каменная.
Наглядитесь мои да очи глупые
30 На тебя, моя гора высокая,
На тебя, моя стена каменная,
На твое-то да на бело лицо,
На бело лицо да на румяное,
На бело тело да на бумажное.
Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты прости, моя стена каменная,
Нам последнее с тобой прощаньице,
Больше навеки да несвиданьице,
На си веки да на сысветные,
40 На си веки да маловременны.
Ты кормилец мой, гора высокая,
Ты не пьющее, да не мотущее,
Не ходячее да не гулячее,
Ты рабочее да было дёлово,
Во белых руках у ты родилося,
Во мутных очах да не двоилося,
У ты гора была да ума-разума,
Ты умная была, разумная.
Я жила у горы да у высокой,
50 У стены жила да у каменной,
Мы ничем были у ты не жадные,
Нынь осталось у меня, бедной злосчастной,
То не три горя да три великие:
Перво горе у меня до Питера,
Друго горе да дальше Киева,
Третье горе до матушки до каменной Москвы.
Четверто да горе великое
У меня летом летит, да колесом катит.
Кормилец мой, гора высокая,
60 Ты кормилец мой, стена каменная,
Я жила у ты да красовалася,
Как сыр в масле да я купалася,

Во цветно́ платье да снаряжалася,
 Во цветно́ платье да переменное.
 Ты кормилец мой, гора высокая,
 У тя ества были переменные,
 У тя кака пора была — така еда,
 У тя како время — тако цветно платье
 Ты кормилец мой, гора высокая,
 70 Кормилец, стена камен́ная,
 Я ничем была, горе, не жадная,
 Ничем была, горе, не щадная.
 Я ни пите́рой была, ни е́дерой,
 Я ни матушкой да каменной Москвой,
 Я тим только да стала жадная,
 Я тобой ли, гора высокая,
 Той ли, мой стена камен́ная,
 Я жадная да стала щадная.
 Не живёт по году да два христова дня,
 80 Не живёт на веку два отца-матери,
 Я осталася, горе злосчастливая,
 Я от горы нонче да от высокой,
 Я от матери да от родимой,
 От жалости да от сердечной,
 Я одна, бедна горе, злосчастливая,
 Я горюха да горегорькая.
 Я кукуха да горе соборная,
 На пустом месте да во темном лесу.
 Уж я не горой будто засеяна,
 90 Я не матерью будто спорожена,
 Меня засеяли, бедну, желты пески,
 Желты пески да как макарьевски,
 Спородила да мать-сыра земля,
 Повыкачали да ветры буйные,
 Возрастили да люди добрые,
 Воспоили да православные,
 Повы́здрел меня белый вольный свет,
 Уж у меня ель-сосна будто отец-мати
 У горюхи да горегорькой,
 100 Крестна матушка-горька осинушка,
 Кудреваты-те да баски сосенки,
 Те родимые ли да мои брателки
 Край пути стоят да край дорожечки
 Те белы стоят да те берёзаньки,
 Где милы мои да сестрицы,
 Леса тёмные — родны родители.
 Уж и меня искали нонь притти-зайти,
 Я кругом в роду да зеленом саду,

Кабы был мой гора высокая,
 110 Кабы был мой стена камённая,
 Я в чести была у всех, при милости
 Я у родных своих да у родителей,
 Я у родных своих, да у желанных.
 Уж я всех, горе бедна, положила,
 Я всех, бедна горе, спроводила
 Во матушку да во сыру землю.
 Ты кормилец мой, гора высокая,
 Ты кормилица, стена камённая,
 Я жила у тя да красовалася,
 120 Как сыр в масле купалася,
 Всего у тя было полного,
 Всего было у тя довольного,
 Я тя кормилицы, горы высокой,
 Молодехонького да зеленехонького,
 Я спроводила да, бедна, положила
 Во матушку да во сыру землю,
 Под вековечную да гробову доску,
 Молоду пору да среди веку.
 Уж ты стань, гора высокая,
 130 Уж ты стань-восстань, стена камённая,
 Видно земля-мати да не раздвинется,
 Грובה доска да не откроется.
 Уж сплотятся да твои белы руки,
 Со белых грудей да с ретива сердца,
 Пусть отопрутся да очи глупые,
 Пусть отомкнутся уста сахарные,
 Уж ты стань-восстань да на резвы ноги,
 Ты посидеть со мной да побеседовать,
 Поговорить со мной да посоветовать.
 140 Ты Расскажи мне-ка, бедной злосчастной,
 Про своё житьё да вековечное,
 Ты ничем мне-ка не рассказывашь,
 У меня, бедной, да ты не спрашивашь.
 Видно из той пути да из дороженьки
 Добру молодцу да нету вылету,
 Ясну соколу да нету вылету,
 Добрый молодец да не выхаживал,
 Млад ясён сокол да не вылётывал,
 Письма-грамотки да не вынашивал,
 150 Словесно нам бедным не сказывал,
 Видно стола нету там дубового,
 Видно стула нету перлового,
 Видно бумага нету там ербовой,
 Чернила нету тама орехова,

Пера нету да там орлового,
 Писаря видне да не заправлены,
 Не тем видно да они заняты,
 Писать письма да видно некому,
 Видно выходы да не поправлены,
 160 Разносители да не расставлены,
 Письма-грамотки да не разношиваны
 Видно по той пути да по дороженьке.
 Видно та ли путь да как дороженька
 Небесная да бесконечная,
 Ни слуху-то, ни духу-то
 Не дождать видно будет нам, бедным,
 До конца веку да сысветного,
 Никакой вести да нам ни павести,
 Со всех четырёх да дальних сторон
 170 Не досмотрелися не догляделися.
 Кормилица, гора высокая,
 Кормилица, стена каменная.
 Она тиха была гора высокая,
 Смирна была стена каменная,
 Умная была разумная.
 Кормилица, гора высокая,
 Уж я как, горе, да разосталася
 Среди пути-дороженьки,
 Уж я тут, горе, да разлучилася
 180 Позади двора, да среди поля,
 Я положила гору высокую,
 Спроводила стену каменную,
 Хошь поблизку, бедна, да поряду
 Я хожу к нему да, горе, почасти,
 Я сижу у него да, бедна, сподолгу,
 Не могу разбудить его, докликаться,
 Уж видно заспал он да крепким плотным сном,
 Не подават тонка да звонка голоса.
 Уж ты стань-восстань, гора высокая,
 190 Ты осердился ли шибко, пригневался,
 На меня видно на злосчастную,
 На горьку дочерь, да ты безматерну,
 На горегорькую да безотцовую,
 Ты подай мне-ка хошь звонка голоса,
 Ты удобри моё да ретиво сердце,
 Ты взвесили мое больно верёжено.
 Я не могу своё сердце удобрить,
 Я ничем, бедна, да упоместить,
 Уж я не ёствами да не сахарными,
 200 Уж я не сякими да переменными.

Ты окати моё да ретивó сердце,
Да взвесели моё да больно верёжено.
Ничем моё да не удóбрится,
Ничем моё да не умéстится,
Не поладится да не поправится,
Ничем моё да не упомéстится,
Кроме тебя, моя гора высокая,
Кроме тебя, моя стена камённая,
Видно на вси веки да вередýлося,
210 На сысветной си да понадобýлося,
Не поправится да не поладится
Ничем не упомéстится.
Кабы была у меня мати родимая,
Кабы была жалость сердечная,
Денна моя сухóтница,
Ночна да богомолщица,
Бат бы удобрила да ретивó сердце,
Поместýла бы больно верёжено.
Кабы были мои белы лебеди,
220 Кабы бы были сёстры родимые,
Родимые мои, любимые,
Кабы были мои милы брателки,
Я с нима, горе, да бы побаяла,
Я с нима, горе, да посоветовала,
А то мне ни днём, горю, поспеть,
Посидеть да побеседовать,
Поговорить да посоветовать.

15. ПО МАТЕРИ

Ты кормилица, мати родимая,
А господарыня, жалость сердечная,
А ты куды, моя, да снарядилася,
А ты куды, моя, да сподобилася,
Уж ты не во-пору, моя, не во-время,
Во лёгком платье, моя, во вешном,
А ты во вешном платье во летном,
Уж ты не в ту ли путь да во дороженьку,
Уж не на круты холмы не на высокие,
10 Не на полосы да на широкие.
Уж то пройдёт время это прокатится,
А дойдёт ли как до жаркó лето,
Уж жаркó лето да сеностáвное,
Все пойдут, поедут люди добрые,
Уж за матушку за быстру реку,
Во легкých лодках да во еловых,

- Уж косить-ломить да шелкову траву,
Уж грести ставить да зелёно сено,
Зелёно сено да летностáвленное.
- 20 Уж ты не тут, моя, да снарядилася,
Уж ты не тут, моя, да сподобилася,
Уж ты на круты холмы не на высокие,
Уж не на полосы не на широкие,
Уж не на луга ли ведь не на зелёные,
А не на площади не на широкие.
Уж ты снарядилась ли да сподобилася
Ты на вси веки да вековечные,
Ты во матушку да во сыру землю,
Под вековечную за гробовú доску,
- 30 Под тонкí белы да ещё саваны,
Под тонкí белы да под полотняны.
Уж нонь складут твои да руки белые
Уж на белú ли грудь да к ретивú сердцу,
А уж закроют тя да белым саваном,
А уж замкнут твои уста сахарные,
Уж запрутся твои да очи глупые.
А ты кормилица, мати родимая,
Уж господарыня, жалость сердечная,
Сы скорёхонько наша, крутехонько
- 40 Спрядилася да сподобилася,
Круто-накруто, да скоро-наскоро.
А ты чего шибко да пострашилася,
А ты чего шибко да побоялася,
Аль ты большой семьи да ты партейной,
Ты большой семьи да колхозной?
А того шибко да пострашилася,
А ты того шибко да побоялася,
А собралась наша да укатилася.
Уж наглядитесь, мои да очи глупые,
- 50 А на запас, мои очи завидущие,
А на вси веки да ещё навеки.
Уж и кормилица, мати родимая,
А ты денна была моя сухотница,
А ты моя да богомольщица,
А ты день и ночь обо мне да сохла-бóлела,
А госпóду богу, обо мне молилася.
А ты тужила обо мне, печалилася,
Как станешь ты ли жить-тужить
Уж ты кормилица, жалость сердечная,
- 60 Ты нужна была мне важно-шибко надобна.
А ты кормилица обо мне печальщица,
Ты по на́добью была на жа́лобу,

Уж ты изо ста́ была вы́бирана,
А ты из тысячи да была по́чата,
Изо ста тысяч была выхв́ачена,
Уж ты умная была, разумная,
А ты рабочая была, де́лова,
Уж ты ходила ли да ко мне по́часту,
А ты сидела у меня, бедной, по́долгу,
70 А говорили мы с тобой по́многу,
А мы думу да с тобой думали,
Уж мы одно с тобой да слово по́дали.
Уж мы сидели с тобой, бедны злосчастные,
На брусочатой белой лавице,
У кося́вчата да у окошечка,
Сквозь косявчато да сквозь стеколышко
Мы глядели-то, мати родимая,
Уж нынче кто придет да ко́ мне, кто зайдет,
Уж у меня не поно́шены да ясны соколы,
80 У меня не поро́щены да белы лебеди,
Белы лебеди да милы дочери.
У меня ни сестер нету, да ни родимых,
Ни братенков да ни родителей,
Ни горы нету да ни высокой,
Ни крепкой стены да городово́ей.
Стена моя да как рассыпалась,
Гора моя да раскатилась,
Давным давно да укатилась,
Кормилица, гора высокая.
90 Убралась ныче мати родимая,
Убралась моя жалость сердешная,
Я ото всех, горе, осталася
Ото всех, бедна, да разлучилася,
Сперва-на́перво от горы да от высокой,
Затем от ла́ды да я от мило́ей,
Затем от думы да я от крепко́ей,
Затем с тобой, мати родимая,
Затем с тобой, жалость сердешная.
Я безродная стала беспле́менна,
100 Сиротина я будто убо́гая,
Калика да перехо́жая,
Горюха я да горегорькая.
Ты кормилица, мати родимая,
Помолись-ко там госпо́ду богу,
Кормилица, да ещё́ Христу́,
Прибери меня, бедну злосчастную,
Уж я по́близку буду да с вами, по́ряду,
На си веки да на сы́светые.

16. ПО ДОЧКЕ, СГОРЕВШЕЙ В ОГНЕ.

А ты кормилица, моё чадо милое,
А ты дитя моё да ли сердечное,
А ты уж малинька моя ли глупинька,
Не больша моя, да не возрослая,
А ты повышла вся моя на улицу
А по жаркú лету, моя, по жаркому,
А уж ты стала, наша, ко жаркú огню,
К жаркú огню да к коварному.
А уж потянули на тя ветры буйные,
10 Нанесло на тя да как жаркí огни,
Уж жарки огни ещё помочные,
Уж загорелось ли на тебе цветно́ платье,
Уж цветно́ платье да переменное,
Уж помочил его жаркíм огнём,
Уж не погодилась тут да ключева вода,
А уж залить на те да как цветно́ платье,
Жарки огни да горячие,
Сохранить же да лебедь белую
От жарка огня да от горячего.
20 Уж ты не вовсе сгорела, да лебедь милая,
От жару да от горячего,
Постаралася, да перепáлася,
Подорвалось твоё да ретиво сердце,
Ты убралась, наша да лебедь белая,
Убралась наша да укатилася,
Ты ни с кем, наша, да не протилася,
Ты никому, наша, да не сказалася.
Мы сидели да во своей избе,
Во своей избе да во витом гнезде,
30 Мы не выбежали да вон на улицу,
Мы не знали, да мы не ведали,
Мы не знали, да мы не ча́яли
В уме в разуме да мы не дёржали,
Что ты сгоришь, наша да лебедь белая,
На жарком огне да на палючеем,
Не дай же бог да не дай господи
На палí сидеть, да во огне гореть,
Как помирать ли тут да смерточкой.
Не про это да была рожена,
40 Ты была да одинокая,
Ты не большá была да не возрósлая,
Ты рослая да малолетняя,
Мы бы чем да это думали,
Кабы в разуме да это дёржали,

Бросились бы вон на улицу
Мы с большим ведром да с ключевой водой,
Мы залили бы эти горечи,
Горячие огни жгучие,
Уж сохранили тебя, лебедь белую,
50 Слободили тебя, да пелядь свежую,
От жарка огня да от колючего.
Ты кормилица да чадо милое,
Ты любо дитя сысветное,
Сысветное да маловременно.
Я сорок недель да тебя нóсила,
Уж я нóсила тебя, принóсила,
Велику тягость да от тя приняла,
Из черной грязи тебя повыняла,
На белы руки да я на злыденны,
60 Я у ретивого да сердца дёржала,
Я от ретива сердца жалость прилóжила
Я дитя тебя да как любимого,
Я милу чаду да дорогú свою.
Ты нужна-важна да была надобна,
Ты одна моя да одинокая,
Ты по надобью да отцу-матери,
Ты на жалобу да роду-племени,
Ты родным своим да всем сысветным.
Я не могла на тя да наглядетися,
70 Спереди на тя да на бело лицо,
На бело лицо да румяное,
На румяное да на наглядное,
Созади на тя да на желты кудри,
На желты кудри да на те волосы,
Ты голубушка моя, белянушка,
Ты дорога моя да ты бесценная,
Ты бесценная да драгоценная,
Цены тебе да не обложено,
Золотой казной да не подсчитана,
80 Ты мила, да ты, моя сердечная,
Ты нужна-важна мне была, надобна,
Ты одна да одинёхонька.
Я из рук тебя нонче урóнила,
Уж я из мутных очей тебя потёрjala.
Уж я где стану тебя ссыскивать,
Уж я где стану да тя проведывать,
На жарких огнях да на палючих,
Или во матушке да во сырой земле,
Или под вековечной тя под гробовой доской,
90 Уж видно сыра земля не разодвинется,

Грובה доска да не откроетса.
Не размахнутса да белы саваны,
Не откатятса да руки белые,
Со белых грудей, да с ретивá сердца,
Не отомкнутса да уста сахарные,
Не отворятса да очи глупые,
Не восстанет ли да лебедь белая,
Не подаст видно мне-ка тонкá-звонкá,
Тонкá-звонкá да мне-ка голосу.
100 Голубушка, да Олександрушка,
Нам последне ли с тобой прощаньице,
На все веки да несвиданьице,
Уж ты маленька была да не возрослинька,
Ты бойка была да ты проворная,
Твои скоры́ были резвы́ ноги,
Твои варовые были белы́ руки.
По третьему да году долгому
Ты убралась, наша, да укатилася,
Не поскорбела да не побóлела,
110 Круто-накруто да скоро-наскоро.

17. ПО ДОЧКЕ, УТОНУВШЕЙ В ПЕЧОРЕ

Голубушка моя, белянушка,
Ты мила любá да дорога дочí,
Дорога моя мила бесценная,
Ты бесценная, драгоценная,
Ты изо сто была выбíрана,
Ты из тысячи да была пóчата,
Из ста тысяч да ты выхвачена,
Ты понáдобью да мне нажáдобью,
Нужна-важна да шибко надобна.
10 Ты одна была да одинёхонька,
Не на это была да ты у мя рощена,
Не на это ли была подымана,
Что случится над тобой да это сдéется,
Ты пойдёшь, моя да лебедь белая,
На матушку да на быстру реку,
Во кормилицу да золоту струю,
Ты станешь, моя, да купатися,
Во матушке да во быстрой реке,
Во кормилице да в золотой струе.

- 20 Подманит ты да мать-быстра река,
Обманет ты да ключева вода,
Снесло ты, да лебедь белую,
Смыла ты ключева вода,
Сгубила ты да душу грешную,
Без прощеньица, без покоеньица.
Ты убралась моя, да укатилась,
Мы пошли, горе, да мы поехали
Искать тебя, да лебедь белую,
Во матушке да во быстрой реке,
30 Во кормилице да золотой струе,
Мы нашли тебя, да лебедь белую,
Во быстрой, реке да в ключевой воде,
В ключевой воды да мы на самом дне,
Мы на самом дне да на желтом песке.
Брал тебя гора высокая,
Здымал тебя стена камённая
Из ключевой воды, да из быстрой реки,
Он брал тебя да во белы́ руки,
Повызнял ты со низ быстрой реки.
40 Тут я завидела, бедна злосчастная,
Я увидела очами глупыми
Я милу дочь да драгоценную;
Заболело моё да ретиво сердце,
Заболело моё да бедно верёжено,
Верёжено мое полюблено.
Не морозом да познобилось
Не вередом да вередилось,
Познобило моё да ретиво сердце,
Познобило моё да больно верёжено
50 На си веки да на сысветные.
Голубушка моя, белянушка,
Белянушка моя, крיןюшка,
Ириньюшка моя Ивановна,
Тебе на это была да путь поправлена,
Тебе на это была да путь-дороженька,
Не эта была да тебе смерточка
Не во матушке да во быстрой реке,
А лучше поскорбеть да во витом гнезде,
Не так бы болело да моё ретиво сердце,
60 Не так бы ныли мои да чёрны печени.
Уж я лучше бы тебя, горе, спровадила,
Уж я лучше бы тебя, горе, положила
Со боленница да со скорбленьица,
Поскорбела бы ты да поскорбела бы
Во своем ты да во витом гнезде,

Поводилась я бы с тобой, мати родимая,
С тобой, моё да чадо милое,
Со тобой, моё дитя сердечное.
Ты от крови у мя была да от горячеей,
70 От сердца да от ретивого,
Ты расстроила моё да ретиво сердце,
Ты расстроила — не успокоила,
Не все веки да на сысветные,
Не все веки да маловременные.
Я сорок недель да тебя несла,
Уж я несла тебя, спорóдила,
Из чёрной грязи тебя сповыняла,
Я брала тебя да на белы руки,
На белы руки свои на злыденны.
80 Я не чала да это не думала,
В уме-разуме это не дёржала,
Что ты уберешься ли у мя, укаتيشся,
Я хотела тебя, бедна, повырастить,
Я хотела тебя, горе, сповыздынуть
Я до полного да больша возраста,
Я до крепкого да ума-разума,
Я в житю-бытю да на сменушку
Себе на стары дни да на заменушку.
Мне судил бог, да царь небесный свет,
90 Тя повырастить да лебедь белую,
Тя повыздынуть да дочь милую,
Не удалось с тобой мне заместитися,
Мне не судил бог, да царь небесный свет,
Не удостоена я да господу богу,
Не доходна до тебя, да лебедь белая,
Ты прости, моя да лебедь белая,
Ты прости, моя да пелядь свежая,
Ты мила дочи моя сердечная,
Дорога моя да ты Ивановна.
100 Нам последнее с тобой прощаньице,
Больше на веки да несвиданьице,
На си веки да бесконечные,
Бесконечные да вековечные.
Мне нигде боле да не завидети,
Твоего голосу да не слышати,
Не последне ли с тобой прощеньице?
Я спроводила тебя, положила
Я во матушку да во сыру землю,
Под вековечну тя да гробову доску,
110 Под тонкí белы да тебя саваны,
Под тонкí белы да под полотняны.

Я сложила тебя, да горе злосчастливая,
Позади двора да среди поля,
Ночь сыра земля да не раздвинется,
Грובה доска да не откроется,
Не размахнутся да белы саваны,
Не откатятся да руки белые
Со белых грудей да с ретива сердца,
Не отпрутятся да очи глупые,
120 Не отворятся уста сахарные,
Не поворотится твой да говорок язык,
Ты не подашь тонка да звонка голоса,
Не восстанешь, моя да лебедь белая,
На свои-то да на резвы ноги,
Ты не пойдешь в своё да во вито гнездо,
Не зайдёшь в своё да золото кольцо,
Ты во злу-лиху да во хоромину,
Ты не придешь да по гладким полам,
По гладким полам да по еловым,
130 По частым мелким да перекладинкам,
Ты сядешь со мной, бедной злосчастной,
На брусчатку да белу лавицу,
Ко косявчату да ко окошечку
Посидеть со мной да побеседовать,
Поговорить со мной да посоветовать,
Со мной бедной да со злосчастной,
Развеселить моё да ретиво сердце,
Больно моё да как верёжено.
Из той пути да из дорожечки
140 Добру молодцу да нету выпуску,
Ясну соколу да нету вылету,
И тебе, моя тоже лебедь белая,
Ни выпуску нету, ни выходу.
Бат, ясён сокол оттуль не вылетывал,
Добрый молодец да не выхаживал,
Письма-грамотки да не вынашивал,
Словесно нам да не сказывал,
Там стола верно нет дубового,
Стульев нету перловых,
150 Писаря видно не заготовлены,
Бумаги ли нету ербовой,
Чернила ли нет орехова,
Пера ли нету орлового.
Выносчика нету из той пути да из дорожечки,
Из того там ли свету белого,
На здешний да свет белой.
Не выносят оттуль да письма-грамотки,

Сложено видно, уложено,
Черной печаточкой да запечатано.

18. ПО МУЖУ ПЬЮЩЕМУ

Ты кормилец мой да ладо милое,
А ты кормилица, да дума крепкая,
А уж ты пьющий был да мотуший был,
Шумучий да был громучий,
А уж ты наживал много да золотой казны,
Уж ты нёс платил из своего витá гнезда,
Из витá гнезда да из свой житья.
А уж ты не дай же бог да не дай господи,
А уж со пьющим жить да со мотущим,
20 Со шумучиим жить да со гремучиим,
Уж он не успокоит моё ретивó сердце,
Не успокоит мое больно верёжено.
Уж он часто ходил на больши кабаки,
А уж и по многу ли носил да золотой казны,
А уж он много водит друзей-приятелей,
Соберёт много голей кабацких,
Наведёт ли он да мою полnú избу,
Мою полnú избу да их целу семью,
Уж велит их поить-кормить да угощать их всех.
20 У меня недостатки ли да недохватки ли,
Уж я сечины-горя от него перевидела,
Уж я сечины-горя да перетёрпела,
Уж не снесла столько да мать-быстра река,
А не свезла столько да лошадь добрая,
А сколько я несла, да много тёрпела
От тебя, моя да лада милая,
Уж от тебя, моя да дума крепкая.
Уж ты бил меня да бедну вон гонил,
30 А уж ты почаству меня, бедну, пóзавси,
Уж я битая была, бранёная,
Уж за всё вон у тебя гонёная,
Уж я середка ночи была разбужена,
С малыми детьми была разгонена
По суседям я да приближённым,
Уж я ко своим родным да ко родителям.
Уж не была на мне да только ма́тица,
Уж не была на мне да только грядочка,
Уж ты сечинóй меня да бедну бил-ломил,
Уж я никак не могла тебе, лада милая,

40 Уж я никак не могла уноровить-уладити,
А не своим добром да я великиим.
Уж я без вины была тебе виноватая,
Уж без причины была, горе, причинная,
Уж ко времячку была да подвинная.
Уж откуль ветры да раздуваются,
Уж откуль тучи да поднимаются,
А на меня, бедну, да собираются.
Уж не дай же бог да не дай господи,
Уж за пьющим жить да за мотущим быть,
50 Уж меня отдал ли, гора высокая,
Уж за пьющего да за мотущего,
Уж я бросилась да бедна кинулась
Уж из жарка огня да в полынью,
С крута бережка да в мать-быстру реку,
За худа мужа во бедно житье
Во бедно житье да во скудное,
За худа мужа неразумного.
Я докуль с тобой буду маяться,
Докуль стану, бедна, позориться
60 Я со пьющим да со мотущим,
Со гулячим да со ходячим?
Я худа жена лучше вдовой сижу,
Худой лошади лучше пешком иду,
Ты у работаньки — да нету пособи,
Ты у горя — мне нету помочи.
У меня болит шибко да ретиво сердце,
У меня ноют да чёрны печени
Со того бытья, да со худа житья,
Ты во всяку да пору времячко
70 Ты меня бил, бранил, да все ведь вон гонил
От тебя, моя да лада милая.
Ни у работаньки да нету пособи,
У великой да нету помочи,
Не избавлял мне да много тягости,
Не убавлял у меня дела-работаньки.
Кабы была моя мать родимая
Не отдала за тебя, жалость сердечная,
За пьющего да за мотущего.

19. ПО ХОРОШЕМУ МУЖУ

Ты кормилец мой да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Я хошь молодёхонька пошла да зеленёхонька,

Меня просвтал хошь гора высокая,
Просвтала мати родимая
Молодѣхоньку да зеленѣхоньку,
Обзарились да обзадорились
На теремы да на высокие
На роду да широкого,
10 Роду племени да как богатого,
Ты за умного да за разумного
Не за пьющего, не за мотущего,
За тихого да за смиренного,
За умного, да за разумного,
За рабочего да за делового.
Где твои очи, да чѣ завидели,
То белы руки да твоѣ сробили,
Ты путной да толковатой был,
Ты смышлѣной да ремесленной.
20 Ты кормилица да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Припостельная да обручельная,
Я за тобой жила да красовалася,
Как во сыр масле да я куплася,
Не житьѣ жила да я красованье.
Не забыть мне будет тя, ладо милое,
Не запить тебя да зеленым вином,
Не заесть тебя да мѣдом-патокой,
Яствами да тя сахарными,
30 Тя сахарными да переменными.
Я как стану да забывать тебя,
Крепким плотным сном да засыпать стану,
Тя кормилицу да ладу милую,
Тя кормилица да думу крепкую,
Ты по уму да был по разуму,
По белу лицу да по крутѣ плечу,
Ты по крови да по горячеей,
Ты по сердцу да по ретивому.
Мы ходили да с тобой ездили,
40 Нам не стыдно было с тобой в пир итти,
Ты не бесчестил меня за собой вести,
Мы нигде с тобой да не мешалисе,
Да ни в каких пирах, да ни в компаньюшах,
Мы друг дружи обоих стоили.
Я не бита была, да не бранѣная,
Ты в чести держал да ты при милости,
У тя нигде от меня было не заперто,
Не заперто было не замкнуто,
Крепки замки да не повешены,

50 Ключи от меня да были не запрятаны,
Всё было да мне поверено,
От тебя было да всё заверено,
Кормилицей да ладою милою,
Кормилицей да думою крепкою.
Я ничем была не заобижена,
Ни в каком месте да не замечена,
Всё доверял мне-ка, да оставлял мне-ка
На временном житье да на сысветном.
Я ничем была за ним не жадная,
60 Я ничем была за ним не щадная,
Ни свежо́й рыбой да ни трепущеей,
Я ни птицею да полетущею,
Я ни ествами да ни сахарными,
Я ни сменными, да переменными,
Мне всё горе да не привыплакать,
Мне всё горе да не привычитать,
Мне всё горе да не привысказать.
Я поплачу хоть, горе, послёзнее,
Причитаю я да всё пожалобней,
70 Уж своего-то ладу милую,
Своего-то да думу крепкую.
Ты кормилец мой, да ладо милое,
Я осталася да разосталася,
Не хотела я да разлучитися
Не хотела я да распаритися.
Разлучила нас да мать-сыра земля,
Мать-сыра земля да гробова доска
На си веки да на сысветные.
Кто станет да наживать мне-ка
80 Кто станет да приносить нонче,
Кто станет помогать мне-ка
Малых детей да мне-ка рóстити
До полного да больша возраста?
Уж как подымутся да ясны соколы,
Повыростут да белы кречеты,
Зайдут мои да как запишутся
Во большú семью да во колхозную,
Во партейную да во артельную.
Нонь всё доверил да оставил мне,
90 На сй веки да на сысветные,
На сй веки да маловеремненны.
Ты оставил мне, бедной злосчастной,
Всё житье-бытьё да всё имущество
На сй веки да на сысветные,
Ты бросил меня, бедну, оставил ли

С малыма детьми да не с возрослыми,
Ты не повырастил да детей малых,
Не состарил меня да ты со старыми,
Не еоровнил да со залетными
100 Середі веку да молодú пору,
Горюху да горегорькую,
Кукуху да соборную,
Во темном лесу да во дремучеем.
Уж я как стану да проживать, бедна,
Молоду пору да середи веку,
Я как стану да детей рогити,
Я как стану, бедна, подымати?
Не брала меня печаль великая
Когда был ли мой да ладо милое,
110 Мой несец-везец да был промышленник,
Кормилец мой, да ладо милое,
Кормилица да дума крепкая.
Он ловил да рыбу свежую,
Стрелял когда птицу полетúщую,
Полетúщую да он подстреливал,
На сыру землю да не уранивал,
На белы руки да он подхватывал,
Промышленник был да ладо милое,
Он артельный да семейной был.
120 Поминать стану да ладу милую,
Поминать да думу крепкую
На сих веках да на сысветных.
Жизнь стала ноне сменная,
Сменная да переменная,
Добры люди да переменные
Во большой семье да во колхозной,
Привыкать будет да во большу семью,
Приставать будет да к людям добрым,
К людям добрым да колхозным,
130 Колхозным да православным,
Припадать будем да ретивым сердцем,
Приставать будем да умом-разумом:
«Примите меня вы, люди добрые,
Горьку вдову да немужню жену».
Я горька вдова, бедна, убогая,
Калика да перехожая,
С малыма детьми да не с возрослыма.
Помогите мне, да люди добрые,
Вы добрые люди да все артельные,
140 Партейные да все колхозные
Мне повырастить да как малых детей,

Малых горьких да безотецких,
До полного да больша возраста,
Да крѣпкого да ума-разума,
Чтобы они годны были да во добры люди,
Во большу семью да во колхозную,
Чтобы не на смех выросли людей добрых
Не на смех да провославных».
Кабы был моя да лада милая,
150 Кабы был да дума крепкая,
Он прибавил бы мне да ума-разума,
Поставил он их бы да на ум-разум.
Разосталися да с ладой милоей,
Разосталися да рассталися,
Распарилися да разлучилися.
Охти мнеченько да мне тошнѣхонько,
Уму-разуму да тяжелѣхонько,
Привелось мне так и жить и быть
Си веки да прокорѳтати.

20. ПО СЫНУ

Наглядитесь-ко да мои очи глупые,
На тебя, моѣ да чадо милое,
На тебя, дитя любимое,
Нам последнее с тобой прощаньице,
Последнее да расставаньице,
Больше навеки да несвиданьице.
Ты кормилица, да чадо милое,
Ты кормилица, дитя сердечное,
Ты обзарился да обзадорился
10 На работаньку да на казѣнную,
На золоту казну да безрасчетную,
Ты не жалел свою да могучу силу,
Ты наждабил да ретивѳ сердце,
Ты надорвал да становы жилы.
Во добрых людях да мало деется,
Чѣ случилось так, да чадо милое,
Чѣ случилось так, дитя сердечное,
Коротал мой да веки долгие.
Ты получил себе да ещѣ смертушку
20 На работаньке да на казѣнной,
Ты оставил своих детей малых,
Ты не состарил да молоду жену,
Не соровнил еѣ со старыма

Не соровнил да со залётныма.
Твоя-то ли да молода жена,
Она бросила своих малых детей,
Оставила сирот убогих,
Калик да перехожиих,
Она нашла себе да пару-ровнюшу,
30 Она пришлого, она приезжего,
Чужого да чужестранного
Он сосланный да был высланный
Из городов да из столичных,
Из чужой да дальней стороны,
На меня, бедну, да их ли бросила,
На меня, горьку, да их оставила.
Уж я старая стала, залетная,
Уж я дряхлая да, горе, хворая,
Больная, горе, увечная
40 Залетная да не надейная,
Не по-старому хожу да не по-прежнему,
На своих да на резвых ногах.
Мои резвы ноги да были пёшечки,
Мои белы руки да как игрушечки,
Ничего, горе, я не боялася,
Никакой работаньки да не страшилася,
Во белых руках да у меня родилося,
Во мутных очах да не двоилося.
Я все бедна, горе, робила,
50 Всяку всячину да, бедна, делала,
Я умела, бедна, сошить-скроить,
Я часто, горе, да сповышила,
Я бело, горе, да сповымыла,
Не могу, горе, да робить-делати,
Мои мутны очи да пригляделися,
Белы руки мои приробилися.
Ты кормилица да чадо милое,
Ты дитя моё любимое,
Ты по двенадцату да году долгому,
60 Я спроводила тебя, положила,
Я во матушку да во сыру землю,
Вековечну да гробову доску,
Я хожу, бедна, горе, ежду ли
Я во славну да, горе, Усть-Цильму,
Не ходил-ездил, ты мое чадо милое,
Не ходил-ездил, дитя сердечное,
Во мужских толпах да во кампаньюшках,
В дорогих гостях да во почтенных
К богоданной да теще-матушке.

70 Я хожу-езжу, бедна злосчастливая,
Я не могу найти да ты спроведати
Ни во пирах-толпах, ни во кампаньюшках,
Тя кормилицу да чадо милого.
Я спроводила тебя, положила,
Позади двора да среди поля,
Я во матушку да во сыру землю,
Я хошь поблизку да тебя поряду,
Кормилица ты, чадо милое,
Не придёшь ко мне, бедной злосчастной,
80 Во своё-то да во вито гнездо,
Во своё-то да в золото кольцо.
Уж не закатится мне солнце красное,
Во моё-то да во вито гнездо,
Не удобришь моё ретиво сердце,
Ретиво сердце да верезёное,
Вережёное да позноблёное.
Моё болит шибко да ретиво сердце,
Мои ноют ли да чёрны печени,
Моё так болит да как огнём горит,
90 Как огнём горит да как ключём кипит.
Ты кормилица да чадо милое,
Ты не пьющее было да не мотущее,
Ты не вольное да не ходячее,
Ты не прохаживал, мой, светла денечка,
Ты не прогуливал да тёмной ноченьки,
Ты не носил ли, мой, да золоту казну
Ты во чарё да больши кабаки,
На кружало мой да государевы,
Не пропивал ты, мой, да золотой казны
100 На чаевых да больших кабаках,
На кружалах да государевых.
Ты не пришел ли да тёмной ноченькой,
Не разбудил свою да молоду жену,
Не расшумел да детей малых,
Не разбудил меня, не потревожил ли
Свою да мать старую.
Ты в чести меня держал да при милости,
Ты умное было, разумное,
Ты тихо было всё, смирёное
110 Хошь не большо было да не вóзрастно,
Маленькой да аккуратненькой,
Небольшой хошь был да мой увёрточной
На работаньке да на тяжёлой,
На всякой да на разной.
Ты подпрягал ли, мой, да хошь добрых коней,

Добрых коней да, мой, ежжалых,
На борá ли, мой, да на сосновые,
На ворúи да на высокие,
Ты за брёвнами да за сосновыми,
120 Ты возил много брёвен сосновых,
На работах да на казённых.
Ты сдымался, мой, да на круту гору,
(«К Муравскому вон какая гора-то высокая»)
На круту гору да на высокую,
Ты возил много брёвен сосновых,
Ты зарабатывал да золоту казну,
Ты получал много да золоту казны,
Ты не пропивал свою да золоту казну,
Ты давал мне-ка, бедной злосчастной.
Ты нужён-важён да шибко надобен
130 Ты для малых детей не для взрослых.
Ты не вырастил да детей малых,
До полного до бóльша возраста,
До крепкого да ума-разума,
Ты помолись-ка там да господу богу,
Ты прибери своих да детей малых,
Ты повали себе да подле правый бок,
Ты своих-то да ясных соколов,
Я докуль с ними да, горе, маюся
Я докуль с ними, горе, позорюся,
140 Мое позорное житье сысветное,
Суетливое да маятливое,
Маятливое да маловременно.
Я горюха ли, горе злосчастная,
Я злосчастная да, горе, злыденна.
Я со всех злыдень да верно сграбила,
На себя горе да я положила,
Я никому стала да, горе, негодная
На дело да на работаньку,
Во семье жить да неудобная.
150 Я куда, горе, стану деватися,
Я к кому приклоню да буйну голову,
Ко какому да кусту-дереву,
Ко какому да роду-племени,
Я кругом в роду, как в зеленом саду,
Мне некому приклонить да буйну голову,
У горя да нету помочи,
А у грязи да нету по́соху.
Я на ногах хожу да зипинаючись,
Я на речах баю да ошибаючись,
160 Я старая стала, залетная,

Я хвора́я да нездо́ровая,
 Я больна́я, горе, да я увечна́я.
 По погоды́щу моё здоро́выице,
 По вре́мячку да одева́ньице,
 Во ны́нешню да пору-вре́мячко,
 Как кака́ пора — так така́ еда
 Не по-ста́рому да не по-пре́жнему,
 У меня́ не ста́ло ны́нь да нажи́вщи́ка,
 Корми́лица да ясна́ со́кола,
 170 Нажи́вщи́к мой да в сы́рой земле́,
 Во сы́рой земле́ под гро́бово́й до́ско́й,
 Не восста́нет мой да ча́до ми́лое,
 Не прине́сёт, не привезёт дитя́ се́рдечное.
 Уж мой не но́шей нёс —
 Да всё мне возом вёз,
 Ты корми́лец мой да ча́до ми́лое,
 Ты дитя́ моё да ты се́рдечное,
 Я не зна́ю тя к чему́ приложи́ти
 К вербы́ тебя́ да лето́ро́щенно́й,
 180 Ко свече́ тебя́ да воску́ярово́й,
 Я ко чи́стому тебя́ да ко сере́бру,
 Я ко краси́мому тебя́ да ко золо́ту,
 Я ко россы́пчату тебя́ да ко жемчу́гу,
 Я ко яблони́ да ко кудря́вое́й,
 Я ко луны́ тебя́ да ко меся́цу,
 Ко ча́стым мелки́м звёздочка́м,
 (*«Так сы́на сво́его це́ню»*)
 Затем к схо́димому да солнцу́ краси́мому,
 Ко те́плому да ко моря́ному.
 Я це́ню тебя́, да ча́до ми́лое,
 190 Доро́жу тебя́, дитя́ се́рдечное,
 Ты позабы́л меня́, да ча́до ми́лое,
 Пожабы́л меня́, дитя́ се́рдечное,
 По двена́дцатому да го́ду до́лгому
 Ты не прише́л ко мне, бедный́ злосча́стный,
 Ты во злу́ лиху́ да во хоро́мину,
 Котора́ повы́жила́ тя да повы́гнала́,
 Ты, корми́лица да ча́до ми́лого.
 Ты осерди́лся ши́бко, да ты прогне́вался,
 Ты для́ чего́ да приу́прямы́лся,
 200 Ты не у́прямо́ был, неугрю́мое,
 Ты не спо́рное́ было́ моё́ нездо́рное.
 Тебя́ спроси́л ли бо́г да ца́рь небе́сный свет,
 Укори́тил тво́й да ве́ки до́лгие,
 Убави́л тво́й да гре́хи́ тя́жкие,
 Видно́ удо́стои́л ты да госпо́ду бо́гу,

Кормилицу да истинну Христу.
Ты кормилица, дитя сердечное,
Ты прибери меня, бедну злосчастную,
Я докуль, горе, живу-маюся,
210 Я докуль живу, бедна, позорюся
По сему свету да я по белому,
Мне наскучило житьё сысветное
Мне наскучило да напрокучило.

21. ПО СЕСТРЕ

Ты кормилица, сестра родимая,
А ты родимая, моя любимая,
Уж ты однокровная моя, одноутробная,
Уж мы у одной белой груди да выросли,
Уж от одной ли матери да от родимой,
От одной жалости да от сердечной,
Уж мы от одной крови да от горячейей.
Уж у нас одна была мать родимая,
У нас одна была с тобой жалость сердечная.
10 Уж она на нас на двух жалость положила,
Уж она ретиво сердце да нам удобрела,
А уж кормилица ты, сестра родимая,
Уж ты государыня, жалость сердечная,
Уж ты долго наша скорбела, болела,
Уж день и ночь лежит, болью коротала.
Уж ты убралась от нас да укатилась,
Ты почему скоро поторопилась,
Уж ты молодёхонька да зеленёхонька,
Будто шелкова трава да во чистом поли
20 Уж ты яблонь кудрява да в зеленом саду.
Уж ты убралась наша да укатилась,
Будто повяла у нас да шелкова трава,
Уж будто потравилась у нас яблонь кудрявая,
Яблонь кудрявая да в зеленом саду,
Уж я не знаю тя к чему приложитьи,
Уж я ко чистому тебя ко сёребру,
Али ко красному тебя ко золоту,
Аль ко рассыпчату да тебя жемчугу,
Уж кормилицу сестру родимую,
30 Одноутробную тебя, однокровную.
Уж мы вместях с тобой ходили, ездили,
На добрых конях да на ежалыих,

Уж мы на чисты-то на гладки поженки
На луга с тобой да на зелёные,
Али на площади да на широкие,
А уж мы за сеном да за зелёным,
А со тобой ли, сестра родимая,
Уж советно мы жили, дружно ли,
Уж мы одну думу да с тобой думали,
40 Уж мы в одно слово с тобой падали,
Уж мы робили работаньки всё заёмно,
Уж я нынче с кем пойду да бедна поёду,
А на добрых конях да на езжалых,
А уж как за сеном да за зелёным,
А уж я приду ли, бедна горе, приеду,
Уж на чисты ли да гладки поженки,
А на лугах, горе, да на зелёных
А уж на площади да на широкие,
А я одна, бедна, да одинёхонька.
50 Уж я сяду ли, горе, расплачуся,
Я кому ли тут да приразжалюся,
Уж я поплачу по тебе, моя сестра родимая,
Уж я поплачу тут, горе, послёзное,
Попричитаю тут, горе, пожалобнее,
По тебе, моя сестра родимая,
По тебе, моя жалость сердечная.
Уж мы как с тобой, бедны, робили,
Уж мы клали ведь с тобой зеленó сенó,
Уж мы возили ведь да в вито гнездо,
Про добрых коней да про езжалых.

22. ПО ДЯДЕ

Уж ты ласковой да мой ли дядюшка,
Ты жалóсливой Павел Евдокимович,
А хоть ты не вместях с нами жил, а во раздёлюши,
А мы ходили друг к дружке по́часту,
Мы сидели друг у друга по́долгу,
Уж мы вместях думу да думали,
И вместях с вами слово говóрили,
Уж ты хоть молодёхонькой был, да зеленёхонькой
Уж ты прибавлял мне да ума-разума,
10 Уж ты пособлял мне-ка, делу-работаньке.
Уж на кого стану я жить-надеяться,
У меня старой стал ласков дедушка,

Уж залётной стал Евдоким Абрамович,
 Уж мы на тя жили, горе, надеялись.
 А ты надейный был да неизменной был,
 А уж ты не хотел ли нас изменить, бедных,
 А ты не ладил нас да, горе, бросити,
 Уж ты старых да нас ведь малых...
 А и не судил бог да божей господи,
 20 А уж как вместях жить с нами, как коротати,
 Уж ты убрался, наш, в середі веку,
 А середі веку да молоду пору.
 А уж ты бросил сих да нас оставил ли,
 А ты единого своего чада милого,
 А ты единого дитя сердешного,
 А затем молоду жену свою любу семью.
 Уж твоя-то ли молода жена
 Ненадейная стала, изменная,
 Уж не на много ли да поры-времени,
 30 А она бросила своё чадо милого,
 А уж оставила дитю сердешного,
 Уж она нашла себе да ладу милого,
 Уж она нашла себе да думу крепкую,
 Уж по белу лицу да по круту плечу,
 А уж пару себе она ровнюшу.
 Уж как остался твой да млад ясён сокол,
 Млад ясён сокол да чадо милое,
 Милое твоё дитя любимое.
 Уж его не знали никто да люди добрые,
 40 Уж его будто не видели да православные,
 А помогчи пособить да его ротити,
 А уж мы повыростили его, повыздынули,
 Уж до полного да ума-разума,
 Уж до большего да больша возраста,
 Уж до солдатов ли да новобранных,
 Уж до присусьва ли да до допросного,
 Уж его взяли моего мила супротівного,
 Еще брателка уж по большим наборам да по солдатским,
 По присусьвам ли да по раскрытым.
 50 Уж мы отправили его добра молодца,
 По пути его да по дорожечке,
 Уж на чужу ли как да ещё сторону,
 Уж по столбам его да по числѣным,
 А по числѣным по номерѣным.
 Уж отрядили мы супротівника мила братенка,
 Уж его так в большом городе в Архангельском,
 Уж признали хворым да нездоровым,
 Уж больным его, ещё увечным.

Уж он пришёл приехал мой да во вито́ гнездо,
60 Уж мы опять стали да жить и быть,
По старому жить да по досельному,
У нас надея стала да он великая.
Вместо ты ли мой да ласков дедушка,
Уж он помогать как стал делу-работаньке.
Заменять стал нас во всяком житье-бытье,
Во житье-бытье да во прожиточном.

23. ПО СВЕКРОВИ

Ты богоданна да свекрова матушка,
Ты несознательна, неуважительна,
Неуважительна и необходимительна,
Я не милá тебе да не любá тебе,
Я белым телом себе и делом-работанькой
Никак я не могла тебе унаровить, горе,
У большой семьи да нерассудной,
Во скудном житьи да малоскудным,
Я не нужна-важна тебе, не надобна,
10 Во добре житьи да я жить негодна,
На работаньку да неудобная.
Не пристава́т моя дело-работанька,
Богоданна свекрова матушка,
Богоданная моя да мила Павловна.
Только я нужна-важна да так милóй ладе,
Милóй ладе, да думе крепкой.
За милу ладу́ я походи́лася,
Пходи́лася да я влюби́лася
О своего-то да ладу милую,
20 О своего-то да думу крепкую.
Уж ты жури, брани хошь день и ночь меня,
Распаряй хошь да с ладой милоей,
Разлучай хошь детей сердешных,
Не распарить тебе да с ладой милоей,
Не разлучить да с думой крепкой,
Твое-то да чадо милое,
Твое-то ли дитя сердешное,
Он по белу лицу мне по круту плечу,
Он по крови да по горячеей,
30 Он по совести да по сусветной,
Он мне по́ уму да и по ра́зуму,
По сердцу да по ретивому,

Я на его сердце да положила,
Им сердце да я удобрела.
Не того ли я, свекрова матушка,
Хошь ты шумливая, хошь ты громливая,
Ты зубастая, да ты ругатлива,
Ты ругатлива да вечкотливая.
Я не гляжу на тебя, бедна злосчастливая,
40 Я перенесу, бедна да горе злыденна,
Я для лады да всё для милой,
Я для думы да всё для крепкой,
Я всё стерплю да, горе, всё смолчу,
От тебя, моя свекрова матушка.
Не свезла столько да лошадь добрая,
Не снесла столько да мать-быстра река,
Сколько я терплю да сколько я несу,
Тебе спасибо ли, свекрова матушка,
Тебе большо спасибо да с благодарностью,
50 Ты за что меня, бедну, журишь-бранишь,
Ты во всяку да пору-времечко.
Только в ту пору да не бранишь меня,
Когда накатится на тя да крепкий тёплый сон,
Только о ту пору да я спокойная,
О ту пору да не бранёная.

24. ПО НЕВЕСТКЕ

Уж ты богоданна да лебедь белая,
А богоданна ты да мила́ дочи,
А те спасибо, моя да лебедь белая,
Уж те большое спасибо с благодарностью,
А ты в чести держала меня, при милости,
Уж ты вместо матери вместо родимой,
Вместо жалости держала сердешной,
Ты ни в чем меня не избидела,
Ты ни в чём меня не изли́шела,
10 Уж ни в чем была не залишёная,
Я ни в чем была не оговорёная,
Уж ќлючи от меня были не запрятаны,
А крепки замки были не повешены,
Ества сахárные были не запрятаны
От меня, бедной, да от злосчастной,
От горюхи ли да горегорькой,
У богоданной свекрови матушки.

Ты голубушка моя, белянушка,
 Богоданная да лебедь белая,
 20 А ты чего, наша, пострашилася,
 Ты чего, наша, побоялася,
 Отчего круто поторопилася
 В молоду пору да середи веку,
 А молодёхонька, да зеленёхонька,
 Шелкова трава да во чистом поли,
 В зеленом саду яблонь кудрявая,
 Ты богоданная да лебедь белая?
 Ты не состарила да ладу милого,
 Ещё оставила да думу крепкую,
 30 Ты крепку думу свою венчальную,
 А ты венчальную да обручальную.
 Уж ты не повырастила ясных соколов
 Уж ты двух своих да белых кречетов,
 А ты удалых да добрых молодцев.
 Уж они малы дети да не возрósные,
 Уж их кто станет да бедных рóстити,
 Кто станет их подымати?
 А хошь есть у них гора высокая,
 А хошь есть у них стена камённая,
 40 Уж как моё-то да чадо милое,
 Дорогó мое дитя сердешное,
 Уж он найдёт себе молоду жену,
 Он возьмёт себе да любу семью
 А по белу лицу да по круту плечу.
 Уж ему молода жена будет опять люба семья,
 А твоим-то ли да белым лебедям,
 Твоим-то ли дитям сердешным
 Уж не мати она будет не родимая,
 Уж не жалость будет не сердешная,
 50 Уж не дай же бог, не дай господи
 Уж как рóстити да как малых детей,
 Малых детей да как безматерных,
 Они насидятся бедны по конец стола,
 Нахлебаются да синей сыворотки.
 Уж горьки дети ещё безмáтерны
 Уж хоть есть у них гора высокая,
 Уж и есть у них стена камённая,
 Уж его мужско сердце да его жес́токое
 Уж он словами-то ещё неласковый,
 60 Речами-то не окатистой
 Уж моё-то ли да чадо милое,
 Моё-то ли дитя сердечное,
 Уж как твоё ли да ладо милое,

Твоя-то ли да дума крепкая,
 Не замотается с детьми малыми,
 Не многие да не артельные,
 Во большой семье да не семейной,
 Они два только да ясных сокола.
 Уж моё-то ли да чадо милое,
 70 Оно путное да толковатое,
 Оно рабочее да оно делово,
 Оно смышлѣно, оно ремесленно,
 Ко всякой работаньке он приученой,
 Уж он умел ли, моё чадо милое,
 С глубока да он почёрпнути,
 С высока да он подстрѣляти
 Птицу да полетушую,
 Уж каких зверей да он ли разных,
 Уж он умел добыть, да мое чадо милое,
 80 Хошь лисиц, куниц да всяких зверей,
 Во лесах да он во тѣмных,
 По росохам, да по пригрубым,
 По ворьям да по высоким,
 По борам да по сосновым
 Он сѣльями да он капканами,
 Сечиной умел да он лóвити,
 Он путней да толковатой.
 Он не ношей нѣс да он возом вѣз
 Во житьѣ-бытьѣ да во вито гнездо,
 90 Он умел ли мой да в житьѣ ли жить,
 Во житьѣ ли жить да поряд вести.
 Моё-то да чадо милое,
 С рядовых летов да с родовых годов,
 На производствах он да на производствах всё,
 На работах ли да на казѣнных,
 На казенных на круглогодних,
 На расчетных да золотой казной.
 Уж удалый мой, да добрый молодец,
 Моё дитя да он сердешное,
 100 Оно не пьющее, да не мотущее,
 Не ходячее, да негулячее,
 Уж он не похаживал да светлы денечки,
 Не прогуливал да тѣмной ноченьки,
 Твоя-то ли да ладо милое,
 Богоданна ты да лебедь белая.
 Уж он не ходил на чаре да в больши кáбаки,
 Уж он не носил свою да золоту казну,
 Золоту казну да безрасчѣтную,
 Он не пил да зелена вина,

- 110 Зелена вина да зелья лютого,
Не прибрал себе дружней-братей,
Дружней-братней — голей кабацких,
Не пришел домой середка тёмной ночьюки,
Не разбудил тебя, лебедь белая.
Уж богоданна ли моя мила́ дочь,
Уж он в чести держал тебя при милости,
Уж ты ему по белу́ лицу́ была, да по круту́ плечу́,
Уж ты по крови, да по горячеей,
Уж ты по сердцу ему по ретивому,
- 120 А уж ты по́ уму была, по ра́зуму,
А вы друг дружки обои стóбили,
Вместя́х ходили — вместе ездили
Уж на добрых конях да на езжалых,
А хошь во лёгких лодках во еловых,
Во каки гости хошь долгожданные,
Во какие да во почтенные,
Во всих своих ранних развитиях.
Вы в чести были да все при мило́сти,
Вас любили все родны родители,
130 Встречали всех да на крутом крыльце,
Спровожали вас со полу́пути,
До полу́пути, да до дорожечки,
Моего-то да ладу милого,
Со тобой, да лебедь белая.
Дороги мои были хорошие,
Баски́ были да драгоценные,
Уж вы мои изо ста́ были выб́раны,
Из тысячи были выхв́ачены,
Из тысячи да были по́чаты.
- 140 Я не знала вас к чему приложитьи,
Богоданна ты да лебедь белая,
Вы нужны-важны мне были, надобны.
Ты богоданная моя да лебедь белая,
Ты нужна-важна да была надобна,
Ты мне для маленьких детей да новоро́жденных,
Для своих маленьких да для глупеньких.
Ты бросила да их оставила,
Ты жалела своих да детей маленьких,
Ты оставишь когда да на светлый денечек
- 150 Поедешь когда от малы́х детей,
Ты тужишь об их шибко, печалишься.
Ты нонче бросила да их оставила
На вси веки ли на сыветные.

25. ПО ВДОВЕ

Я горюха бедна злосчастливая,
Я осталась да разосталась,
Я от лады да я от милой,
Я от думы да я от крепкой,
Я горька вдова да не мужня жена,
Я со ребятами, горе, со малыми,
С сиротами да со убогими.
Я как стану, бедна, да жить и быть,
Я как стану да век коротати,
10 С малыми детьми да не с взрослыми,
Я со старыма да со убогими,
Со каликами да перехожими,
Я как стану да их воспитывать?
Мои многие, мои артельные,
В большой семье да во семейной,
Моя больша семья да как целá куча
Малых детей да не взрослых,
У меня некому да наперёд послать,
У меня некогда позади дождать
20 Со работаньки да со тяжёлой.
Я положила, горе, спроводила,
Я рабочего да, горе, делового,
Я нужного да, бедна, надобного,
Я кормилицу да ладу милую,
Я кормилицу да думу крепкую.
У меня кормилица да лада милая
Была надейная да неизменная,
Моя рабочая да была деловая,
Не пьющая, да не мотущая,
30 Тужливой мой да был печальливой
Для малых детей да не взрослых.
Уж ты стань-восстань, да ладо милое,
Пусть разодвинется да мать-сыра земля,
Разокроется да гробова доска,
Пусть размахнутся да белы саваны,
Пусть откатятся да руки белые,
Со белых грудей, от ретива сердца,
Пусть отпрутятся твои да очи* глупые,
Отомкнутся уста сахарные,
40 Пусть поворотится да говорок язык,
Поговори со мной, да бедной злосчастной.
Ты встань-восстань, да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Посидеть со мной да побеседовать,

Поговорить со мной да посоветовать,
Со мной, бедной да со злосчастной,
Со горькой вдовой да не с мужнёй женой,
Ты прибавь-ко да мне ума-разума,
Как рóститъ да детей малых,
50 Помоги моему да горю великому.
Ты кормилец мой, да ладо милое,
Ты чё шибко да осердился ли,
Ты чё шибко да так прогневался
На меня бедную, на злосчастную,
Ты вси веки да вековечные?
Ты не сердитое было не гневное,
Ты не гневное было, не злобное.

26. ПО А. В. ЖУРАВСКОМУ

Уж ты удалый наш был добрый молодец,
Твоя мозгова была да буйна́ голова,
Гора ума да друга разума,
Уж чё у добрых людей было задумано,
У тебя было да то ли сделано,
Ты умён ли наш да как читать-писать,
Уж ты план вести да умом-разумом.
Уж ты пришёл, приехал со чужо́й дальней,
Со чужой дальней да ещё сто́роны,
10 Уж из больша города да из Архангельская,
Ты не глупой был да ты глупо́ сделал,
Уж ты бросил свою молоду жену,
Ты оставил там да любу семью
Во большом городе да во Архангельском,
Ты прибрал себе да другу жену,
Не венчальную, не обручальную.
Ты оставил там жену да венчальную,
Венчальную жену, законную,
Ты уехал во матушку да во быстру реку,
20 Во быстру реку да во Печорушу,
Ты поднялся с матушки с быстрой реки,
Уж на круту́ гору да на высокую,
Уж во темны леса да во дремучие,
Уж ты нагонил силу да молодецкую,
Уж ты удалых да добрых молодецв,
Уж вы повырубили да все темны́ лесы,
Повыворочали да все кореньца,

Все кореньица да злы зельица,
Всё повыпахали да все сповьюралы,
30 Матушку да сыру землю
Привёл ты в хорошу пахоту,
Тут да было много людей добрых,
Ещё боле коней езжалых.
Тогда ездили да люди добрые
На боры да на сосновые,
Навозили себе брёвен сосновых,
Ты наставил теремов высоких,
Расселил целу деревнюшу.
Я ходила да, бедна, с тобой ездила,
40 По лугам, бедна, да по зелёным,
По озёрам да по глубоким,
Ловили мы да свежую рыбу
Со друзьями ты да со приятелями,
Со второй ты да молодой женой,
Со второй да со названной
Во лёгких лодках да во еловых,
Во грабилушках да во ходячих,
Мы за матушку да за быстрú реку.
Мы ловили да рыбу свежую,
50 Мы стреляли птицу да всяку разную,
Серых утицей да гусей-лебедей,
Со друзьями-то да со приятелями,
Один да у тебя друг-приятель был,
Он крутёхонько да он скорёхонько
Поторопился он да домой ехать
За матушку назад да за быстрú реку,
Он оставил нас да пять человек
За матушкой да за быстрой рекой.
Мы пришли да на желты пески,
60 На крутой да на бёрежок,
Уведёна у нас да лёгка лодочка,
Перевезли нас да люди добрые,
Перевозчики да православные,
Мы переехали да за быстрú реку,
На домашнюю да сторону,
Подниматься стали на крутú гору,
На крутú гору да на высокую,
Он впереди пошёл да во вито гнездо,
Андрей-то наш Владимирович.
70 Он подходит да ко круту крыльцу,
Ко круту крыльцу да ко виту гнезду
Егов-от ли да друг-приятель,
Уехал которой да в нашей лодочке,

Он во своей сидел да во комнате,
(«Сидел ли, стоял ли, чёрт его знает»)
У которой было два косявчаты,
Два косявчаты да два окошечка,
Брал ли он ружьё казённое
Во свои-то да белы́ руки.
Поднялись егóвы руки белые,
80 Из ружья да он повыстрелил,
Сквозь окно да сквозь косявчато,
Сквозь стеколышко да сквозь немецкое.

Его пробили да пули быстрые,
Быстры́ пули эти свинцовые
Из казённого ружья он повыстрелил
Удалого да добра молодца,
Андрея да он Владимирыча,
Расшибло его да буйну гóлову,
Повылетели да егó мозги

90 Из егóвой да буйной гóловы.
Он упал тут да на крутó крыльцо,
Со своих-то да со резвых ли ног.
Его резвы ноги да были пёшецки,
Белы́ руки да игрушечки,
Не заревел он тут да звонким голосом,
Заревели все да испугались,
А тут во комнату свою залóжился.

(«На крючок двери-те заложил, никого не пускает»)

Тут бросился удалый да добрый мóлодец,
На добрых коней да на езжалых,
100 Во славну да большу Усть-Цильму
(«Тогда ведь надзиратели были»)

За тюремными да надзирателями,
Затем за общей да за милицией.
Привезли тут да милицию
Тогда не отпирал он да крепкí двери
На крючку сидит, залóжился.

(«Сидит и ревёт: „Ой, что я наделал!“ — Полиция-то канаётся,
просит её запустить: „Отложишь, мы тебя никуда не деваем“»)

Он ревёт своим да звонким голосом:
«Что наделал я да добрый мóлодец,
Подстрелил я Андрея да Владимирыча».
Поднялись его да руки белые,
110 Прострелил он да буйну гóлову,
Забрала его да тут милиция
Под замки да под тюремные,
Его признали да лёгким умом,
Лёгким умом да глупым.

Тут судили его суды, большие органы,
Признали его да глупым.
Похоронила Андрея Владимырыча,
Его названная да молода жена,
Свезла его да за пятнадцать вёрст,
120 За пятнадцать вёрст да за числёных
Во легкой лодке да во еловоей,
Сложили его положили,
В матушку да сыру землю,
Где отведёна была да мать-сыра земля,
Отведёная да наделёная,
(«Тридцать десятин дано было ему»)
Там жить ему да век корóтати.
Его остались да дети малые,
Один остался да ясён сокол,
Две да белы лебеди,
Первой жены венчальной,
130 Венчальной жены законной.
Тогда приезжала его да молода жена,
Прибирала она да детей мальких,
Всё житье-бытьё его имущество.

27. ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ

Я жила да со робячества,
Я у матери да у родимоей,
У жалости да у сердешноей,
До шестнадцати годов долгиих,
Тут наняла меня мати родимая
Во работницы да во пострóчины,
Во пострóчины да круглогодние,
Круглогодние да во наёмные.
Я по три года жила да годов долгиих,
10 Я у двух жила да у хóзяев,
Мне цена, бедной, не убавлялася,
Всё цена мне да прибавлялася,
Потом сменила честь да на бесчестьице,
Променяла ум да на безумьице.
Родила я да сына-отрока,
Себе, бедной, горе злосчастноей,
Я не чала того, горе, не думала,
Молодым умом да своим разумом,
Что привяжутся мне часты дети,

20 Часты́ дети да повсегодние,
Я спорóдила да сына-отрока,
Затем другого дитя малого,
Затем третьего ещё дитятка,
Затем была у меня да лебедь белая,
Затем двойней да я зарóдила,
Сорок девять недель да они жили.
Когда померли там дети малые,
Тут сечиный-горя я перевидела,
Всякой тягости я перетёрпела,
30 По сорок овíнов я вымолочу,
По сорок избов я весной повымою,
Не наняла детей я в работаньки,
Всё по силе своей женской выростила,
Не спустила просить их по́ миру,
Из двора во двор да через улицу,
Не скупíли они меня сиротские,
Уж не мужски мои плечи да не аршинные,
Женскими плечами я их растила
(«И женила двух, дом новой поставила»)
Я держала, горе, пять коров,
40 Коров дойных да подоконных,
Подокóнных, да подповетных,
И три было да добры лошади.
У меня два было тогда да ясных сокола,
Новы́ дети да тогда померли,
Померла моя да дочь милая,
Три мои да ясны сокола,
Три мои да укатилися,
Перешло через меня горе велико́,
Не снесла столько да мать быстра река,
50 Не свезла столько да лошадь добрая,
Сколько я, горе, да перетёрпела,
Сколько я, горе, да перевидела
На своем да на ретивом сердце.
Уж я растила да детей малых,
Уж я растила, горе, маялась,
Маялась, горе, позорилась,
Позорно было житье сусветное,
Маятлívое да позорлívое.
Я растила, горе, двух ясных соколов,
60 Я на стары дни себе на сменушку,
На житьё-бытьё да переменушку,
Я со милым да ясным соколом
Разделилася да распарíлася,
Я со доброй да я со волюшки

Я с малым пошла да ясным соколом.
Малый мой да, бат, ясён сокол,
Он завёл себе да молодую жену,
Он привёл себе да люблю семью,
Она расплодила себе детей малых,
70 Расплодила себе да чада милое,
Разгнездила дитя сердешное.
Не состарил он да молодую жену,
Оставил да детей малых,
Малых детей да не взрослых,
Егова-то да молода жена,
Ненадежная она изменная,
Изменила она своих ясных соколов,
Променяла она на чужа сына да на отецкого.
Она бросила да меня оставила
80 Маяться да меня позориться.
С малымá детьми да не с взрослыми,
Я маюся с ними, позорюся,
Не молодёхонька, не зеленёхонька,
Не в молодых годах ,не в средних годах,
Мне уж семьдесят да четвертый год,
Мне их рóстити да подымати.
Всё мое горе да не привыплакать,
Не привыплакать да не привысказать,
Не привысказать да не привычитать.
90 Не избавит никто меня от тяжкой работаньки,
Заменить меня да, бедной, некому,
Замена моя во сырой земле,
Защита моя в гробовой доске,
Некому меня зашчítити,
Некому меня заслóвити.
У моих тоже детей да не взрослыхих,
Защита моя лежит позади двора,
Позади двора, посреди пóля,
Не поможет мне горю великому,
100 Не поможет да не убавити
Горюшка моего великого,
Нужно-важно оно мне да шибко надобно,
(«Да где возьмешь?»)
При старости я да при глубокой,
При белой да при сединошке,
На ногах хожу да запинаяся,
На речах баю да ошибаюся,
Мои приробились да руки белые,
Приупешились да ноги резвые,
Приутупились да очи глупые,

110 Вся прошла да моя жизнь великая,
Не житьё жила, не красовалася,
Как сыр в масле да не купалася,
Всё в нужде жила да горе, в бедности,
Уж во всякой да бедной скудости,
Я во хлебной, горе, в осенней,
Золотой казной да безрасчётной,
Не во полной, не во довольной,
Всё брала меня худоба великая,
Я нынь состарилась, горе, со старыма,
120 Я соровнилась, горе, со дряхлыма,
Не могу, горе серое, по-старому да робить-делати,
Я по-прежнему да по-досельному.

28. ПРИ ПРОВОДАХ НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Кормилица да чадо милое,
Дитя мое да ты сердечное,
Ты милое было, любимое.
Не на это был да ты рощенный,
Не на это был да ты подыманой.
Я не чала то да не думала,
В уме-разуме да я не держала,
Я растила, бедна злосчастная,
Я во нужды тя, горя, во бедности,
10 Я во всякой да крайней скудости.
Я на стары дни да на скормленьице,
Я житью тебя да на сменушку,
На работаньку да на заменушку.
Я хотела тобой да заместиться,
На стары дни да на залетные,
Я при старой да при старости,
Я при белой да при сединушке,
Я на стары дни да на скормленьице,
Я при смерти-то на погребеньице,
20 После смерти я на поминаньице.
Мне не судил бог, да царь небесный свет,
Не на это был да ты рощенной,
Не на большу войну да кроволитную,
На кроволитную да на семірную.
Поднялися да нынче добры молодцы.

Под ружья, бат, да под казённые,
Под ядра да под едровые,
Под пули да под свинцовые,
Под мины-т да под разрывные,
30 Под окопы да под земельные,
Под земельные да под холодные.
Ты белеюшко да соколеюшко,
Ты белеюшко да мой Михайлушко,
Ты Михайлушко да Тимофеюшко.
Отрядила да тя спровóдила,
На чужу да тя дальну сторону,
На злодейку тя да чужестранную,
Там ни постилочки, да ни окуточки,
Тебе постилочка да мать-сыра земля,
40 Те зголовьице да зло кореньице.
Окуточка да сине облако.
Чужа та да дальня стóрона,
Она не мёдом ли да была мазана,
Не сахаром была посыпана,
Она помазана кровью горячею,
Кровью горячею да молодецкою,
Она посыпана только земелюшкой,
Удалыми да добрыми молодцами,
Затем она слезми горячими.
50 Ты кормилица да чадо милое,
Ты мило дитя да ты сердечное,
Ты пиши мне-ка да письма-грамотки,
Хошь тим взвесели моё да ретиво сердце,
Окати моё больно верёжено,
Верёжено сердце позноблено.
Не морозом ли да познобилося,
Оно не вередом да вередýлося,
Ты вередýл мое да ретиво сердце,
Ты познобýл мое позноблено,
60 Ты на вси веки на сысветные.
Вередýлося мое да познобýлося,
Оно намелко да раздробилося,
Не собрать будет мне ретиво сердце,
Не скласть будет да в одно место,
По-старому его, по-прежнему,
По-прежнему да по-досельному,
Расстроилось моё да распокоилось.
Кормилица да чадо милое,
Ты понадобу было мне на жадобу,
70 Ты нужно-важно да шибко надобно,
Ты из тысячи мой да был выбраной,

Изо тьма тысяч да мой выхваченой
У меня на тя было сердце положено,
Тобою было да упомещено.
Я не могла на тя да наглядеться,
На бело лицо да на румяное,
На желты кудри да молодецкие.
Тя кормилицу да чада милого
Я спроводила, бедна злосчастливая,
80 На чужу, бедна, да дальню сторону.
Я со той поры да поры-времени
Не сыпала я да крепка плотна сну,
Не едала я да как плотной выти,
На чужу, бедна, на дальну сторону.
Я со той поры да, горе, времени
Не сыпала я да крепка плотна сну,
Не едала я да как плотной выти,
Я о ту пору да в это времечко
Забываюся да горе злосчастное,
90 Когда искатится да крепкой, плотной сон,
Серёдка ли да темной ноченьки,
Только сойдешь ты у меня с ума-разума,
Я вставаю, бедна, да по утру рано,
Я топлю когда да жарку печеньку,
Я поправлю всю дело-работаньку,
Я пойду, бедна, да горе победу
По весны, горе, да я по красной,
На круты холмы пойду высокие,
Я на полосы да на широкие.
100 Где орал-пахал ты мать-сыру землю,
Где трусил-сеял да ядрено жито.
Я слезми, горе, да заливаюся,
Я тим, горе, да занимаюся,
Не делом да не работанькой.
Я гляжу-смотрю, бедна злосчастливая,
По крутым холмам да по высоким,
По полосам да по широким,
Я зрю-смотрю да во вси стороны,
Где ты робил, да мой чадо милое,
110 Где ты делал, мой дитя сердечное,
Я не могу тебя, горе, завидети,
Нэгде тебя, горе, заслышати,
Твоего да звонка голоса.
Ты за морями, мой, да ты за синима,
Ты за горами, видно, да за высокими,
Ты за лесами, мой, да за темными,
За городами, мой, да за столичными,

На большой войне на кроволитной.
Я не могу дождать да письма-грамотки
120 Я от тебя, да горя злосчастного,
Верно, бумаги нет да у тя ербовой,
Пера нет верно орлового,
Чернила верно нет орехова.
Уж верно не дождать мне да письма-грамотки,
Верно положил ты там да буйну голову,
На чужу-то наверно сторону,
На злодейку там да чужестранную.
Верно попал ты там, чадо милое,
Под орудия да под казённые,
130 Под пули да под свинцовые,
Под мины да под разрывные,
Под пушки да многозарядные,
Разнесло тебя, видно, да по чисту полю,
Оне разрядили да тя разорвали
Намелко тебя видно да намелко,
Где рука, где нога, где буйна голова.
Уж верно не дождать боле да вести-павести,
Тебе, бат, мать-сыра земля да не досталася,
Грובה доска не присчиталася,
140 Не сошиты там да белы саваны,
Не покрыто там твоё ретиво сердце,
Ретиво сердце да белó лицо,
Не провёл поклон да по-писаному,
По-писаному да по уставному,
У тя не было там да роду племени,
Собрать твои да по чисту полю,
Твои белы руки, твои резвы ноги,
Сложить ли их под гробову доску,
Положить да в мать-сыру землю
150 Пó-людски да по-хорошему,
По-хорошему да по-настоящему.
Кормилица да чадо милое,
Дитя да ты сердечное,
Безродно было будто бесплеменно,
У тя не было будто отца-матери,
Ты не горой будто да был засеянной
Будто не матерью был спороженный,
Тя засеяли будто желты пески,
Тя спородила да мать-сыра земля,
160 Тебя повыкачали да ветры буйные,
Тя повыздрел будто вольный свет,
Тя вскормили да люди добрые,
Тя воспоили да православные,

- У тя ель-сосна будто́ матери,
Крёстная матери — горька осинушка,
У тя темны леса те род-племени.
Тя некому было успокоити,
Тебя некому было спроводити,
Твои сестрицы-белы берёзаньки.
- 170 Ты стань-восстань, чадо милое,
Ты стань-восстань, дитя сердечное,
На свои-те да на резвы ноги,
Пусть отворятся уста сахарные,
Отопрутся твои да очи ясные,
Пусть поворотится да говорок язык
Со мной, бедной, да со злосчастной
Ты подай тонка да звонка голоса,
Посидишь со мной да побеседуешь,
Поговоришь со мной да посоветуешь.
- 180 Уж ты помоги-ка мне горю великому,
Разделим с тобой, бедна злосчастная,
Мы всё горе да всё великое.
Всю забудешь нужду да всю бедность,
Видно, вся пора да вся сменилася,
Видно, всё время переменялося,
Верно, не потянут ведь да ветры буйные,
Нынче не развеют да как желты пески,
Желты пески да как макарьевски,
Видно да не раздвинется мать сыра земля,
- 190 Уж видно не откроется да гробова доска,
Уж видно не размахнутся да белы саваны,
Не отворятся да очи глупые,
Не отомкнутся уста сахарные,
Уж верно не поворотится да говорок язык,
Не восстанет видно чадо милое.
Не восстанешь ты, дитя сердечное,
Посидеть со мной, да побеседовать,
Поговорить, да посоветовать.
Уж видно не поможешь ты моему горю великому,
- 200 Разосталися да мы осталися
Во большом горе да во великом.
Уж я старая стала, залетная,
Уж я хворая да нездоровая,
Я больная, горе, да я увечная,
Приупешили мои резвы ноги,
Приупали мои да могучи плечи,
Приробились да руки белые,
Притупились да очи глупые,
Притупилися да примутилися,

- 210 Смешался мой да ещё ум-разум,
Ум-разум да мой с разумом.
Я на ногах хожу да запинаяся,
На речах баю да ошибаюся,
Ошибаюся да забываюся,
Меня некому да, бедну, приздрети,
Меня некому да приголубити.
Спроводила я да в путь-дорожечку
На чужу да дальну сторону
Я любимого да внукушка,
220 Я двоюродных да милых брателков,
Я двух своих любимых племянников,
Я двух любимых да милых зятелков,
На чужу да дальну сторону.

29. ПО ВНУКАМ, ОТЪЕЗЖАЮЩИМ НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

- А ты белеюшко да мой сердюшко,
А ты последне сидишь в моём витом гнезде,
А ты последне сидишь да в золотом кольце,
А наглядитесь мои да очи глупые,
Уж мутны очи да мои ясные,
У тебя, моё да солнце красное,
Уж на тебя, моё тепло моряное,
Нам последнее ли с тобой прощаньице,
А больше навеки будут несвиданьице.
10 А ты уйдешь-уедешь, наш добрый молодец,
На чужу дальну да ещё сторону,
На злодейку ли да чужестранную.
Уж чужа-то ли дальна сторона,
Уж не мёдом она помазана,
Уж не сахаром была посыпана,
Уж посыпана удалыма добрыма молодцами,
А уж как сполита кровью горячею,
Кровью горячею, а молодецкою.
Уж не на это ты мой был ли рошеной,
20 Уж не на это был подыманой,
Вы не многи были да не артельные,
Уж небольшой семьи да не семейной,
А уж вы два только да ясны сокола,
Уж вы два мои да белы кречета,
А уж любимые мои два ли внукушка,

Да любимые два бесценные,
Уж цены было вам не обложено,
Золотой казны было не ряжено
Дороги мои два ли внучушка,
30 Дороги мои вы бесценные.
Уж не могу на вас, горе, наглядеться,
Спереди на ваше да на бело лицо,
Созади на вашу мужску тушу,
А на мужски плеча да на аршинные,
А на желты кудри на ваши волосы,
Мои статным-статны, да полновозрастны,
Уж ни в какой толпе да ни в компаньюшке
Вы не терялися, мои да ясны соколы,
Дороги мои два внука бесценные,
40 А золоты мои да драгоценные.
Уж я знала как дорожить вами,
Я не знала как обложить вами,
А к чему же всё горе приложити,
А уж к чему вас, горе, положить,
Ко вербе ли вас леторощеной
Ко свече ли вас воску ярого.
Уж я спровадила да вас положила,
Не во матушку да во сыру землю,
Не в вековечну да гробову доску,
50 А то не в ту ли путь да во дороженьку,
А на чужу дальну на сторонущку.
На чужой-то да дальней стороне,
На злодейке да чужестранной,
Там не будут вам да разны завтраки,
Крепки плотны да вам ли паўжины,
А мягко место да не постелено,
Круто зголовице да не налажено,
Тёпла окуточка да не окутана.
Вам постилочка да мать-сыра земля,
60 Вам зголовица будут белы руки,
Вам окуточка да сине облако,
Вам окопы будут да подземельные,
Мины вам да там разрывные,
Оружье вам да там казённое,
Пули быстрые будут свинцовые,
Вам пушки там многозарядные,
У злых людей да там у ворогов,
У злых людей да не разживчатых,
Не разживчатых да несчастных.
70 Нападают они да завсеременно,
Они хитрые да они лютые,

Злы лихи да эти вóроги,
Они злы лихи, да эти Гитлеры,
Их белы руки на нас поднимаются,
Со пушками да со многозарядными.
Вы удалы да наши добры молодцы,
Не давайте им да во белы руки,
Не поддавайтесь да лихим врагам.
Вы горьки дети да горегорькие,
80 Вы позорные да маятливые,
Одни росли, мои да ясны соколы,
На тяжкó время да на тяжёлое,
На большу войну да кроволитную,
На кроволитную да на всемирную.
Как больша война да вся подынулась,
По всему свету да как по белому,
По всему житью да по сысветному,
По сысветному да маловременну.

А. А. НОСОВА

30. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

По сегодняшнему светлу денечку,
Последнее у нас с тобой прощаньице,
Веково больше несвиданьице,
Из рук я тебя уронила,
Из глаз я тебя потёрjala.
Недалеко, будто, я тебя спровóдила,
Не глубоко я тебя положила,
Во матушку да во сыру землю,
Во кормилицу да во родимую,
10 Из этой ли пути-дорожечки
Добру молодцу нету вылету,
Ясну соколу нету выезду.
Уж я с молодых лет тебя растила,
И тогда в уме все думала,
С малых лет с тобой забавлялася,
Среди веку я заменялася,
А на старости думала на вскармленнице,
После смерти на поминаньице,
Уж не хотела с тобой разлучаться я,
20 Не хотела с тобой расставаться я,

- Разлучила нас мать-сыра земля,
Распарила нас гробова доска.
Где тебя я стану ссыскивать,
Нонче где стану спроведывать,
По буйным ветрам во темных лесах,
Нонче где стану зреть, примечивать,
Во толпах столах, во компаниях,
На колхозных заседаниях?
Уж мне нэгде вас спроведати.
- 30 Откуды стану дожидатися,
Аль со свежой рыбы трепущей,
Аль со серой птицей полетущей?
Аль я в горький час вас засеяла,
В бесчастну пятницу вас спородила,
Во слезливый час на свет попустила?
Я умела вас спородити,
Я умела вас спородити,
Не умела вас счастьем наделити,
Наделила вас злы великие.
- 40 Я спроводила да добрых молодцев,
На чужу да дальну сторону,
На чужу злодейку незнакомую,
На грозную службу на тяжелую,
На тяжелу службу кровавую,
Уж как под пули да под быстрые
Под орудия да под тяжёлые.
Уж кто станет вас защитывать,
Уж некому вас зазнобити,
Уж вы горьки дети там безродные,
- 50 Горьки дети бесприютные,
Уж к кому станете припадывать,
Уж ко темным лесам, дубу-дереву,
Ко сырой земле, шелковой траве,
Цветам да как лазоревым.
Уж я, бедна, растила в уме думала,
Уж я взрощу до полна возраста,
До зрелого ума-разума,
И рукой тогда будет правойей,
Уж плечо будет удалое,
- 60 Замена будет великая.
Изменили мне сынки сердечные,
Они выросли до полна возраста,
До крепкого ума-разума,
Разделила нас судьба злодейная,
Распарила нас жизнь несчастная,
Уж везде сыны разбросалися,

Разошлись да все разъехались,
Я хотела всё горе убавити,
Хотела горя уменьшити.

70 Не убавилось горя — прибавилось,
Впереди меня горе бегом бежит,
По бокам горе колесом катит,
Позади горе числа-смёту нет,
Я не знаю куда с горя броситься,
Я с великого рада кинуться,
Оно так болит, моё ретивó сердце,
По сегодняшнему году долгому,
Оно болит шибко ретивó сердце.

80 Оно так болит — ключом кипит,
Оно так болит — огнём горит,
Я не знаю, куда с горя броситься,
Уж я с великого рада кинуться
В жаркой огонь али в прорубь-пóлынью,
Али с крута берега в мать-быстру реку,
Не могу горя нигде убавити,
Не могу нигде оставити.

Кабы могла горе взять во белы руки,
Я бы привязала ему сер-горюч камень,
Я бы бросила его на быстру реку,

90 Я бы отправила его по синю морю,
Уж на большу волну, на золоту струю,
Уж я тогда дождуся дня весёлого,
Уж я когда дождусь часу счастливого,
Уж когда взойдёт солнце красное
Во моё-то во витó гнездо,
Уж как придут мои дороги дети,
Уж когда зайдут во витó гнездо,
Уж когда схвачу во белы́ руки,
Прижму их к ретивú сердцу,

100 Уж когда взвеселю буйну голову,
Уж когда сойдёт моя печаль великая.
Уж по шестому идёт году долгому,
Спроводи́ла я чадо милое,
Я отправила дитя сердечное,
Я по чужой реке да постороннейей,
По конец-то свету белого,
Какого живет он роду-племени,
Я не знаю про них не ведаю.

110 Они на мягкó место не увалены,
Тёплым одеялом не укутаны,
Словом ласковым не разбужены,
По охоту они не разбужены,

Уж по сети они не наряжены.
Уж как была бы я птица крылатая,
Я слетала бы к ним во единый час,
Посмотрела бы с нима, побаяла,
Сколько горюшка поубавила,
Не слетать, видно, не побаяти,
Горюшка, видно, не убавити.

К. К. ОСТАШОВА

31. ПРИ ПРОВОДАХ ПЛЕМЯННИКА НА ВЕЛИКУЮ
ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Наглядитесь-ко, мои мутны́ очи,
На запас, очи, да навеки,
На дорогого моего племянничка,
На любимого моего да крестника
На восприёмного будто да чада милого,
На твоё-то да на белó лицо,
На белó лицо да на румяное,
На складну тушу да на жирпищату,
На круты плеча да на аршинные.

10 Я гляжу-смотрю, бедна злосчастная,
На тебя, любимый мой племянничек,
Повеся держишь ты буйну голову,
Потупя держишь да ты мутны́ очи,
Снарядился ты, направился
В невесёлую да путь-дороженьку,
На службу да на военную,
По пушки да заряжены.

20 Защищать походишь родну сторону,
Разбивать походишь врага немецкого,
Защищать страну советскую,
Защищать родиму сторону,
Ты горько дитя моё бесщастное,
Ты отцом дитя было засеяно,
Матерью да было спорóжено,
Ею только да было рощено
Горькóй вдовой да был сиротскою,
Молодёхонек да зеленёхонек,
На зачине только да зеленóй травы,
Из расцвета цвета лазурьева,

30 Не ухожено было, не угулено,
Баско-хóрошо было не уношено.

Не успел да ты повырасти,
Не успел да ты повыздынуться
В юных годах да малолетних,
Спросила тебя на службу военную,
Не во́-пору тебя не во́-время,
Не дали тебе повырасти
До полных годов да полновозрастных,
Поспешили, скоро тебя потребовали.
40 Напал на нашу страну советскую
Злой враг да немецкий,
Потому тебя потребовали —
Защищать Россию-матушку.
Соймут твою, бат, буйну голову,
Прольют твою да кровь горячую
Во чистом поле тебя да во раздольице,
Разнесёт тебя, бат, на буйнóм ветре,
Растаскают тебя, бат, чёрны вороны,
Не узнам про тебя да не споведаем.
50 Далеко от нас шибко отправился,
Некому будет подать да вести-павести,
Ни друзей, бат, не будет своих да ни приятелей,
Не узнаёт твоя мати родимая,
Не узнает твоя мати сердешная,
Затем я, горе бедна злосчастливая,
Горька тетка жалость сердешная.
Я тобой, бедна, сердце удобрила,
Над тобой да наслаждалася,
Мне-ка-то, бедной, да чадо милое,
60 Мне-ка жаль тебя, да чадо милое,
Не отцом был ты рощенный,
Я не знаю как тебя, бедна, повыплакать,
Не знаю как, бедна, повычитать,
Не знаю я к чему, бедна, тебя приложить,
Не могу ценой тебя обложить.
Я приложу тебя, бедна злосчастливая,
Я ко красному тебя да солнышку,
Ко закату тебя да месяцу,
Я приложу тебя, бедна злосчастливая,
70 Ко ильинской да зрелой морощечке,
Я ко здвиженской да сладкой репочке,
Ко покроской тебя да зрелой грудочке.
Уж распрощаюсь с тобой да расставаюся,
Тяжело моему да ретиву сердцу,
Кипит во мне да кровь горячая,
Бежат мои да горючи слезы.

32. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Кормилица да мати родимая,
 Оставила меня мáлу да глупую,
 Не запомнила, не заприметила,
 Свою мать родимую,
 Многи мы были семейные,
 Семейные да артельные.
 Не у матери родной росла я,
 Не у жалости сердечной,
 По утру рано не побúдила,
 10 Правой рукой не покутала,
 На работу не порýдила,
 Во сердце была не испечена,
 По утру я была не накормлена.
 Кормилица да мати родимая,
 Вторая мати была да не родимая,
 Не по́ сердцу она мне да не по́ уму.
 Кормилица, мати родимая,
 Где ты меня засеяла,
 Девять месяцев выносила,
 20 В смертный ли час да попустила,
 С белым светом прощалася,
 В темном лесу родилася,
 В сыром бору да заблудилася,
 Земля мати нам была постилочка,
 А зло кореньице да изголовьице,
 Окуточка — нам сине облачко.
 Потяните-ко, да ветры буйные,
 Со всех да четырёх сторон,
 Приклонитесь да лесы тёмные
 30 Ко матушке-сырой земле,
 Расколись-ко, да мать-сыра земля,
 На четыре на мелки жеровья,
 Вы раскурьте, да все желты пески,
 Ты откройся, да гробова доска,
 Расколися-ка, баска еловая,
 Разошейтесь-ко да бёлы саваны,
 Разошейтесь-ко, баски полотенны,
 Размахнитесь-ко да руки белые
 От ретива сердца да от чёрных печеней.
 40 Отопритесь-ко, да мутны́ очы́,
 Отомкнитесь-ко, уста сахарные,
 Поворотись-ко, твой да говорок язык,

Подай-ко мне да звонку голосу,
Голосу да мне окатиста.
Ты кормилица, мати родимая,
Я пришла, бедна, к тебе приехала,
Поговорить с тобой, побаяти,
На крутой носок, да на желтой песок,
На божье к тебе да кладбище.

33. ПО УМЕРШЕМУ МУЖУ

Ты кормилица да ладо милое,
Кормилица да дума крепкая,
Ты бросил меня, оставил,
С малыма детьми да со глупыма,
Не подрошены да не подыматы,
До полного да, бедны, возрасту,
До крепкого да ума-разуму.
Ты кормилица да ладо милое,
Ты не пил у меня да зелена вина,
10 Не тратил да золоту казну,
Не разгонена была да не расшумлена,
Во темной ночи да не разбужена,
Ты умная была, разумная,
Был тихая да смирёная,
Я ничем была, бедна, не жадная,
Не жадная, бедна, не щадная,
Ни свежей рыбой да ни трепущеей,
Ни птицей да полетушеей,
Ни уточкой да я плывушеей,
20 С горы-то он ношей вёз,
С подгорья возом вёз.
(«Больше ничего не знаю»)

34. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Ты кормилица, дитя сердешное,
Кормилица да чадо милое,
Кормилица, семья сахарное,
Молодехонек да зеленехонек
Не чаем мы тя да не знаем,

Кормилица, дитя сердешное,
Чужа тебя дальня стóрона.
Уж я помню да, бедна, вздумую,
Как я с тобой разлучилася,
10 Разлучилася да разосталася,
Кормилица, дитя сердешное.
Я созади гляжу да на баску тушу,
На баску тушу да на кирпичату,
Я сбоку-то гляжу да на круты плеча,
На круты плеча да на аршинные,
На головушку да на мячёвую,
На желты кудри да на русы волосы,
На бело лицо да на румяное,
На мутны очи да на умильные
20 На ресницы-то да соболиные,
На черны брови да соколиные,
На бело лицо да на бумажное,
Разговорюшко да тихо смирной,
Походочка да щепетливая.
Уж я подумаю да в уме-разуме,
Как я тебя да, бедна, растила,
Одна я, бедна, растила,
Без кормилицы, горы высокой,
Без кормилицы, стены камённой,
30 Сечины-горя да перевидели,
Сечины-горя да переслушали,
В радости да не в весельице,
Я во горюшке да во печалюшке,
В слезах, бедна, да во бедности,
Во всякой да, бедна, скудости,
Без кормилицы да лады милоей,
Без кормилицы да думы крепкой.
(«Боле не умею»)

Е. Ф. ПОЗДЕЕВА

35. ПО БАБУШКЕ

Уж подуйте-ко, да ветры буйные,
Со всех четырёх дальних стóрон,
Со той пуще да со сторонушки,
Со дальней да со восточной,
Расколися-ко, да мать-сыра земля,

Раздувайтесь тут да вы желты пески,
Откройся тут да гробова доска,
Размахнитесь тут да белы саваны,
Отойдите тут да руки от сердца,
10 Разомкнитесь-ко уста сахарные,
Откройтесь-ко да очи глупые,
Тут ли стань, моя ласкова бабушка,
Дорога моя затем Максимовна.
Я пришла, бедна, к тебе, злосчастная,
Побудить пришла тебя, покликати,
Из твоего-то да из вита гнезда,
Из кормилица да золота кольца.
Тебе построили да нову горенку
Без единого да без окошечка,
20 Без дверей тебе да без ходячих,
Без окошечка да без косявчата.
Уж мы ждали все тебя да ведали,
А везде горе да мы споведали,
Мы писали тебе да письма-грамотки,
Посылали там да лёгки весточки.
Не доходят там да письма-грамотки
Не доносят там да лёгки весточки,
Ясну соколу да нету вылету
А тебе, моя, да нету выезду,
30 Ни пешим путём да ни добрым конём,
И ни еловой оттуда да лёгкой лодочкой.
Хоть недалеко мы тебя спроводили,
Не глубоко мы тебя полóжили,
А нарыли мы на тя желты пески,
И наклали мы на тя мать-сыру землю,
Уж ты плотно спишь да не пробудишься,
Тяжело лежишь, не поворотишься,
Не подавашь мне-ка да звонку голосу,
Звонку голосу мне-ка окатиста.
40 Не окатишь ты да ретиво сердце,
Не окатишь да вережёное.
Ты кормилица, ласкова бабушка,
Ты кормилица моя, жалостливая,
Ты чего на меня, бедна, осердилася,
А ты пошто шибко да прогневилася?
Уж я сама знаю да, горе, ведаю,
Потому ты на меня да рассердилася,
Уж не случилась я да при смертном часу,
При твоём-то ли да при последнем,
50 Уж я не поблизку была, не порядку,
Уж я шла, бедна, да торопилася, \

Тихи мои были да ноги резвые,
 А коротки были, стать, да руки белые,
 И не здристы мои, поглядеть, были да очи глупые
 На тебя, моя ласкова бабушка,
 На тебя затем, моя Максимовна.
 Уж не хотела я с тобой растатися,
 Разлучила нас да чужа сторона,
 А злодеюшка да мать-сыра земля,
 60 Али зла шибко да гробова доска.
 Уж потому моя да осердилася,
 Потому на меня да прогневилася,
 Когда занесли твою да нову горницу,
 Повалили тебя да в светлу светлицу,
 Не наладила я тебе мягко место,
 Не наклала тебе круто зголовьице,
 Не надела я тебе цветно платье,
 Цветно платье да переменное,
 Не снарядила я тебя по-людски.
 70 Ты велела мне, бедной злосчастной:
 «Ты случись, моя дорога ли внучечка»,
 Уж я тешила тебя, да важила,
 Уж я кормила тебя, бедна, скусной едой,
 Я скусной едой да переменной,
 Уж я жалела тебя, бедна злосчастливая,
 Дорогу свою да я ли бабушку,
 Дорогу свою да я Максимовну.
 Уж мы жили все да красовалися,
 Семейошка была аккуратная,
 80 Аккуратная была, смиренная,
 Не спорная да не зубастая,
 Уж мы робили да все ли делали,
 Наживали мы да все в одно место,
 Заводили мы да все в одно гнездо.
 Завела ты мне-ка много цветна платья,
 Цветна платья да переменного,
 На завидость да людям добрым,
 На завидость да православным,
 Обуточка была поножная,
 90 Одежда вся была поплечная.
 Уж дорога моя да ласкова бабушка,
 Уж ты старая была, не дряхлая,
 Уж ты робила да много делала,
 Уж ты жила да будто много лет,
 Уж ты годики жила да сотенные,
 Уж ты робила да всё ли делала,
 Уж ты не лежала долго да не скорбела ли,

Не намотала нас, не напозорила,
Уж ты круто-накруто да снарядилася,
100 Скоро-наскоро да сподобилася
От життя ты наша да от тяжёлого,
От тяжёлого да от военного.
Дорога моя, ласкова бабушка,
Уж не судил бог мне да наглядетися,
На бело лицо да насмотретися,
Уж я хожу нонь на твою да на могилушку.
Побужу тебя, бедна, от крепка сна,
Добиваюся твого да звонка голоса,
Звонка голоса твого окатиста.
110 Уж не удабривашь мого ты ретива сердца,
Не успокаивашь да вережёное.
Уж не сыскать мне-ка тебя, не спроведати,
Ни во толпах тебя, ни во компаньюшах,
Ни во старых-то тебя во вдовушках,
Ни во дряхлых-то да во старушечках.
Уж я знаю, что ты, моя, положена,
Уж ты в сыру землю, моя, закопана,
Уж ты не придёшь к нам больше, не приедешь,
Уж ты прости, моя ласкова бабушка,
120 Ты прости, моя затем Максимовна,
Вечно нам да несвиданьице,
Не обойтись больше нам, не свидеться
Из той пути да из дорожечки.

36. ПО СЕСТРЕ, УТОНУВШЕЙ В ПЕЧОРЕ

Охти мнеченько да мне тошнёшенько,
Моему сердцу да тяжелёшенько,
Уж я повыплачу да велико горе,
Велико горе наше случилось,
В нашем-то да в роде-племени.
Дорога моя, сестра родимая,
Дорога моя, жалость сердешная,
На лицо была она румяная,
Румяная была, наглядная,
10 А крута наша была, спешливая,
На работаньку была рабочая,
Она могла наша да робить-делати,
Наживать она да золоту казну,

Заводить она себе цветнó платье,
Приготовить она себе вкуснó еду.
Уж она вздумала да лебедь белая,
Итти-ехать за золотой казной,
Продать она свои товары крестьянские,
Она села, наша, да в лёгку лодочку,
20 Со своими-то да со суседками,
Собрались — они да все скопилися,
Тут они да белы лебеди,
И пошли они, наши, поехали,
Во лёгкой-то они во лодочке,
Во лодочке да во еловойей,
Во еловойей да во стрóевойей,
По той реке да по Печоре-то,
По славной-то они по матери,
По матери да по быстрой реке,
30 По волнам-то да серебристым.
Уж как дула тут погодушка,
Погодушка была дождливая,
Уж как хотели они вернуться да белы лебеди,
Она над ними будто горе смеялася:
«Какие вы эки трусливые,
Пойдём мы скоро, проедем-то,
По реченьке да по быстройей,
По Печоре мы по серебристойей,
По волнам мы да по огромным,
40 По большим волнам да по рассыпчатым».
Они подвезжать стали к пароходу-то,
К пароходу-то да ко буксирному,
Тут гудки пошли им неподходимые,
Не пропускали их да к пароходу-то,
Они сами быстро тут подъехали,
К борту они да к пароходскому,
Ко большим волнам да серебристым.
Пароход идёт да не тихим ходом,
Не тихим ходом да он полным летом,
50 Вдруг обернулася да лёгка лодочка,
Заплеснуло её волнами серебристыми,
Не успели сберець да люди добрые,
А команда-то да пароходская.
Две-то женщины да как спаслись они,
Одна-то ли да как на лодочке,
А вторая-то да как на якоре,
А моя-то ли сестра родимая,
Евдокия-то моя Ильинична,
Крутá она была, спешливая,

60 Умела плавать да по быстрой реке,
 На ней одето было много цветна́ платья,
 А обуточка была тяжёлая,
 Не смогла она, да наша, оправиться,
 Поднесло быстро её да к пароходнику,
 Затопило её да во быстрой реке,
 Далеко она да показалася,
 Ей ли кинули круги спасательны,
 Не могла она да поймать их там,
 Вся она верно расстроилась,
 70 И осела она до ко желту песку,
 Ко желту песку там ко Макарьевску.
 Уж мы стали тут да ей искать, горе,
 Всей силушкой да мы колхозной,
 Не могли найти да мы спроведати,
 Глубока Печора, славна матушка,
 Глубока она да была быстрая.
 Как на самой-то да на серёдке
 Тут осталася сестра родимая,
 Уж мы все, горе, тужим-печалимся,
 80 Где искать её, спроведывать,
 У людей-то мы да как у добрых,
 У рыбаков-то мы да у колхозных,
 У ба́конщиков да мы у пурповских,
 Никто её нигде не видывал,
 Уж мы думали да в уме-разуме,
 Унесло нашу сестру родимую,
 Родимую, не одноутробную,
 Во синё море да во холодное,
 Вниз по матушке да по быстрой реке,
 90 По Печоре-то да как по славной.
 Подошла ли тут зима студёная,
 Заморозило да мать-быстру реку,
 Смостило да как мосты крепкие,
 Мосты крепкие да сини толсты льды.
 Шла долго зима, катилася,
 Подошла быстра весна красная,
 Ломать стало толсты сини льды,
 Стало гнуть-ломать да на быстрой реке,
 Наше болеть стало да ретиво сердце,
 100 Нашу мнёт, ломает лебедь белую,
 Её мыло там да ключевой водой,
 Пересыпало её да как желтым песком,
 Окружало её да там по доньшку,
 По кустам её там да по крутым кряжам.
 Прошли затем да прокатилися,

Льды наши да будто зимние,
Открылася да как быстра река,
Пошли пароходы-то да пассажирские,
Пассажирские пошли, буксирные.
110 Наше всё болит да ретиво сердце,
Где наша да лебедь белая,
Дорога наша сестра родимая?
Вдруг пришла нам да лёгка весточка,
Весточка да нам весёлая,
Што подынуло нашу да дорогу сестру,
Несёт её да по быстрой реке,
По славной-то Печоре-матери.
Поймали её да люди добрые,
Подтянули её да ко круту кряжю,
120 Привязали её да ко белому кусту,
Уж мы скоро тут да как свернулись,
И поехали да в лёгкой лодочке,
Ейна-то сестра родимая,
Старшой ейной солнце красное,
Её-то ли да крестна матушка,
Они шли будто да все ли ехали,
До того места да до известного,
До того куста да до указанного.
Подъехали да к краю, берегу,
130 Вдруг увидели да дорогу сестру,
Задрожали ихни руки белые,
Полились ихни да горячи слезы,
Подъехали да к тому местечку,
Ко сестре они да ко родимой,
И не знают как её брать в руки,
Брать она да неподсильная,
А запах от неё да нехорошенькой.
Направили да они вывозки,
Постелили паруса да полотняные,
140 Закатили тут да лебедь белую,
Затянули её да как во лодочку,
Во лодочку да во еловую,
И поехали да по быстрой реке,
Уж они шли, тянули да пешим путём,
Эта реченька да была быстрая,
Быстрая да серебристая,
А кряжи круты были, обрывные.
Они шли долго да тут ли ехали,
Приехали да тёмной ноченькой,
150 Привезли её да, бедну горе злосчастную,
Повымыли с неё грязь кипучую,

Надели ей тут цветно платье,
Построили да нову горницу,
Положили тут лебедь белую,
Повалили её да в мать-сыру землю.
Все мы видели родны родители,
Уж на старый лик да непохожая,
На бело лицо да некрасивая,
А на тушу-то да неукладная,
160 Набрала много да ключевой воды.
Уж её-то ли да белы лебеди,
Две её да серы утицы,
Уж они кличут её да дорогу мати:
«Наша маменька да непохожая,
Непохожая будто не нашая».
Уж ей повырыли да мать-сыру землю,
Отвезли её да как на кладбище,
Зарыли её да там желтым песком,
Не бьёт её да ключева вода,
170 Не моют её боле желты пески,
Знаем мы про неё да ведаем.
Тут наша положена,
К местечку да наша прибрана,
По-людски да похоронена,
По-хорошему наша снаряжена.

37. ПО МАТЕРИ, УЕХАВШЕЙ НА ЧУЖУЮ СТОРОНУ

Ты кормилица, мати родимая,
Ты кормилица, жалость сердечная,
Уж ты куда, наша, да собираешься,
Ты куда, наша, да отправляешься,
Круто-накруто да скоро-наскоро,
Со родимой ты да со сторонущи?
Тя повыжили да люди добрые,
Тя повыжили да православные,
Уж как ваша-то да зла лиха хата,
10 Зла лиха хата, она выжівчата,
Выжівчата да не разживчата,
Повыжила в доме хозяйошку,
Дорогу мою мать родимую,
Дорогу мою жалость сердечную.
Тяжело мне-ка да расставатися,
Со матерью да распрощатися,

Уж ты одна мати да ты родимая,
 Ты единственна жалость сердечная,
 Ты повыростила нас детей малых,
 20 Ты до полного да полна возраста,
 Ты до крепкого да ума-разума.
 Уж ты стала нас детей раскидывать,
 По всему свету детей разбрасывать,
 Ты отправила да дорогих детей,
 Уж моих-то ли да дорогих братьей,
 Ты на службу-то да их на верную,
 А дочерей-то нас да белых лебедей,
 Уж как сестёр нас да серых утицей,
 Уж мы станем жить этта, позориться,
 30 Мы без матери да без родимоей,
 Без отца-то мы да без родителя,
 Мы к кому придём, горе, пожалимся,
 Мы к кому придём да разобидимся,
 Про своё-то ли да про большо горе,
 Про большо горе да про великое.
 Ты кормилица, мати родимая,
 Ты подумай-ко да в уме-разуме,
 Ты сама мати да расставалася,
 Со своей матерью да распрощалася,
 40 Твоё так болело да ретиво сердце,
 Твоё так кипело да вережёное,
 А бежали твои да горячи слезы.
 Дорога моя, мати родимая,
 Ты единственна, жалость сердечная,
 Ты поверь нашему да велику горю,
 Бат, одолят нас нонь да дети малые,
 У нас кто соймёт их да со белых-то рук,
 Трудно нам да детей растити,
 Не бабкою детей воспитывать.
 50 Дорога моя, мати родимая,
 Дорога моя, жалость сердечная,
 Уж как всяко мы нонче намучимся,
 Всяко мы да намотаемся,
 Заберёт, бат, нас да нужда крайняя,
 Некому ума прибавити,
 У узкого да разоставити,
 У короткого у нас наставити,
 Ума-разума да нам прибавити,
 Или поддержать-то нас да золотой казной,
 60 Золотой казной да нас бессчётной.
 Уж ты кормилица, мати родимая,
 Ты кормилица, жалость сердечная,

Уж вы жить станете на дальней стороне,
 Уж вы старые будете, дряхлые,
 Уж вас кто там будто приютит-то,
 Уж как некому да приголубить-то,
 Обстирать вашу грязь кипучую,
 Обрать вашу да вошь едучую,
 Уж повыстирать ваше цветно́ платье,
 70 Переменить ваше да как мягко́ место,
 Перетрясти ваше круто зголовице,
 Посмотреть на вас по тёмным ноченькам,
 По темным да по осенним,
 По осенним да по долгим,
 Подать вам воды да кипячёной,
 Побудить вас да по утру рано,
 Покормить вас да как вкусной едой,
 Приготовить вам да переменной,
 Уж как старо́ ваше да ретиво́ сердце,
 80 Уж залетное да вережёное.
 Дорога моя, мати родимая,
 Ты уйдешь наша мати, укатишься,
 Со своей-то ты да ладой милоей,
 Со нашей-то горой высокой,
 Уж как с нашей-то стеной каменной.
 Помяните нас да белых лебедей,
 Помяните нас да серых утицей,
 На нас дуть будут да ветры буйные,
 На нас клонить будут да лёсы тёмные,
 90 А дождить будут дожди мокрые.
 Мы придём домой да со большим горем,
 Во своё-то мы да во вито гнездо,
 Во свое-то мы да в золото кольцо,
 Уж мы вспомним тут да дорогу мать,
 Уж мы вспомним тут да дорогу жалость,
 Потекут наши да горячи слёзы,
 Заболит наша да буйна́ голова.
 Разобьётся наш да ум со разумом,
 Расшатается да как морска волна,
 100 Расходится да буря тёмная,
 Тут мы вспомним как мать родимую,
 Уж мы вспомним тут жалость сердешную,
 Кабы была мая мати родимая,
 Я сходила бы к ней да поутру рано,
 Или по тёмной к ней да я по ноченьке,
 Попросила бы да ума-разума
 Или защитушку себе да верную,
 Или заславушку да неизменную.

Ты кормилица, мати родимая,
 110 Ты живешь, наша, нынче в сытѣм житѣи,
 В сытѣм жытѣи наша довольная,
 Со своей-то ты да ладой милоей,
 У тебя свѣсока будто постреляно,
 Сглубока да у тебя добыто,
 Ты не жадная, наша, серѣй птицей,
 Ты не щадная, наша, свежѣй рыбой,
 Ты поставила себе да золото кольцо,
 Заимела ты да скота чистого
 Со своей-то ты да ладой милоей.
 120 Когда гнутся ваши да руки белые,
 Не лежат мои да как трудливые,
 Вы ничем живѣте не жадные,
 В ту порушку да вы не щадные.
 Ум мы тѣм бедны да в уме думаем,
 Уж я тѣм, бедна, да в уме держу,
 Хоть далеко живѣт наша мати родимая,
 Далеко живѣт жалость сердечная,
 По конец живѣт да мать-быстрой реки,
 Позавони она да роду племени,
 130 Около морюшка да около синего,
 Около синего, около холодного,
 К ней не ходят там да люди добрые,
 К ней не ездят там родны родители,
 Уж я горюха-то да горегорькое,
 Я горька дочѣ да безотцовая.
 Уж как нету мне-ка да бедной вылету,
 Нету мне-ка да бедной выпуску,
 Уж к отцу-то ли да мне ко матери.
 Уж по пятому да году долгому,
 140 Уж по пятой-то зиме холодной,
 Не бывал у нас гора высокая,
 Не бывал ты, да дорога мати.
 Дорога мати, жалость сердечная,
 Уж мы как, мати, да с тобой сойдемся,
 Уж как мы с тобой теперѣ увидимся,
 Уж мы как с тобой будем здороваться,
 Одолят видно да горячи слѣзы,
 Уж я стану тут у тя выспрашивать,
 Про житѣе хороше у тебя выведывать,
 150 Про горьку участь буду рассказывать.
 Я живу, бедна, да во большой семье,
 Во большой семье да во казѣнной,
 Нечем у меня сердце удабривать,
 Нечем моѣ да упомещивать,

Мне не катится, бедной, скусна еда,
 Мне не пьётся, бедной, да ключева вода,
 Вы не сходите да с ума-разума,
 Дорога моя, мати родимая,
 Дорога моя да ты ли матушка.
 160 Кабы были у меня да дети малые,
 Я не так бы, горе бедна, бат, печалилась,
 Уж я днём хожу, бедна, в уме держу,
 Уж я ночью сплю, бедна, во сне вижу,
 По утру встану да будто нету вас,
 Тут болеть будет да ретиво сердце,
 Уж не дай же бог жить детям без матери,
 Без матери да без родимой,
 Без жалости да без сердечной.
 Скоро та дочи состарится,
 170 У которой нет да отца-матери,
 Уж та льёт слёзы век свои горячие.
 Я тужу, горе, да всё печалюся,
 Об отце да я об матери,
 Обо всем, бедна, да о большом роду.
 Я така, бедна, да беспокойная,
 Беспокойная да я расстройная.
 Меня повьучило да велико горе,
 Без отца меня, горе, без матери.
 Уж я хожу, бедна, горе злосчастливая,
 180 На работаньку да на тяжёлую,
 На гульбу, горе, да на весельице,
 Уж я всё дочи да безотцовая,
 Уж я всё будто, горе, безматерная.
 У меня спрашивают да люди добрые:
 «Уж как где ваша мати родимая,
 Пошто мати да вас побросила,
 Уж не ходит к вам мати, не ездит-то,
 Не пускает её, бат, гора високая,
 Не пускают её, бат, да дети малые».
 190 Нынче времячко будто военное,
 Военное да не свободное,
 Ходить им да веселитися
 Уж как робить всё да надо делати,
 Не на кого им да надеяться,
 Некому их будет кормить-поить,
 Некому да их пропитывать.
 Уж как пишут нам да дороги братья:
 «Не забудь ты, наша да дорога сестра,
 Прибери свою гору високую,
 200 Дорогу-то ты мати родимую,

Она денна об нас тужельщица,
Она повыростила нас да дорогих братьей.
Мы везде дети да нонче годные,
Мы везде вести да нонь достойные,
Мы на службу-то да как на верную,
Защищаем мы да родну сторону,
Отбиваем назад да проклята врага.
Приберите вы да отца-матерь,
Вы не бросьте их да как ли старых,
210 Дорожите вы да отцом-матерью.
Мы дорожим, ценим да родной стороной,
Вместо отца да вместо матери,
Мы вернёмся назад да со победою,
Со победою да со великою,
Со великою да со свободною,
Свидимся тогда, увидимся,
Наживём себе житья спокойного,
Мы заменим тогда гору высокую,
Уж как матерь да жалость сердечную,
220 Не дадим тогда им да робить-делати,
Будем мы да их кормить-поить,
Мы до волосу да их до белого,
До белого да их до старого».
Дорога моя, мати родимая,
Дорога моя, жалость сердешная,
Ты надейся на своих да солнце красных,
На дочерей на нас да белых лебедей,
Мы не бросим вас да как при старости,
Приберём к себе да приголубим вас,
230 Не дадим вам одним шататися,
Не дадим вам да искитатися.

38. ПО ДОЧКЕ, УМЕРШЕЙ В ОТСУТСТВИЕ МАТЕРИ

Охти мнеченько да мне тошнёхонько,
Не несут меня да ноги резвые,
Не ведут меня да очи глупые,
Ко своему-то да ко виту гнезду,
Ко своему-то да к золоту кольцу.
Уж ты зла хата моя уживчата,
Ты уживчата да не разживчата,
Ты повыжила мою да лебедь белую,
Ты повыжила да серу утицу;

10 Уж ты злу змею да из чиста поля,
Мою дитю да из вита гнезда.
Не на то я её да видно засеяла,
Не на то дитя да я спорóдила,
Молоду веку да на забавочку,
Среди веку да на заменушку,
Я на стары дни себе кормилицу.
Дорога моя да лебедь белая,
Одна моя да одинокая,
Я ли растила тебя, подымала,
20 До полна хотела полна возраста,
До крепкого да ума-разума,
Я с тобой хотела жить да молоду пору,
Своё хотела да зелено время,
Я на тя склала да велику жалость,
Уж я всё своё да, бедна, весельице,
Не ходила я, не веселилася.
По тёмным я да тёмным ноченькам,
По осенним-то да по вечёрочкам.
То пришла, бедна, да я приехала,
30 Я не знала, где тебя ли сыскивать,
Я не знала, где тебя спроведывать,
Попросила я да людей добрых,
Я узнать про тя да лебедь белую,
Где моё дитя положено,
Куда мое дитя отправлено.
Положено да в мать-сыру землю,
Поставлено ей да нова горница,
Не светла ей да будто светлица.
Я разрыла тут да мать-сыру землю,
40 Я подынула да ейну горницу,
Я открыла ейну да светлу светлицу.
Тут дитя мое положено,
По-хорошему оно снаряжено,
Одэнута да ей цветно платье,
Изукрашена она цветом лазорьевым,
Обложено ейно кругом бело лицо,
Бело лицо да её белы руки.
Поглядела я ей тут на бело лицо,
Полились мои да горючи слёзы.
50 Тут я всё горе стала приплакивать,
Тут я всё горе стала причитывать:
«Дорого моё да чадо милое,
Дорого моё дитя сердечное,
Ты чего, моя, да побоялася,
Ты чего, моя, да пострашилася?»

Того видно да побоялася,
Того видно да пострашилася,
Не отцом видно была засеяна,
Не матерью да ты спорожена.
60 Уж я бросила тебя, покинула,
Променила я тебя да на чужих людей,
Я на службу да на колхозную,
Доставать пошла да я себе грамоту,
Улегчить хотела да труда женского,
Чтобы мне легче растишь тебя, да лебедь белая,
До полного да тебя возрасту,
До крупного да ума-разума.
Не смогла я видно все это сделатьи,
Коротки твои да веки детские,
70 На родимых-то тебе написано,
Разостаться нам с тобой да распроститися,
Я из рук тебя, бедна, упустила,
Я из глаз тебя потеряла.
Где я стану тебя сыскивать,
Где буду тебя спроведывать?
Тут матери да буду сыскивать,
Тут матери дитю буду спроведывать,
Во яслях-то я да во колхозных,
Во детях-то я да во сторонних,
80 Не зазреть нигде, не заприметити,
Уж я на чём буду сердце удабривать,
Уж я на чём сердце да буду упомещивать
Я слезами-то да как горячима,
Я тоской только да как кручинушкой,
Я пойду на твою да на могилушку,
Уж я сяду тут на мать-сыру землю,
Побужу тебя, бедна, покличу тут,
Я у ты спрошу, лебедь, тебе скажу,
Про твоё житье там, про тёмное,
90 Про моё житьё да про мучинное.
Дорого моё да чадо милое,
Дорого моё, дитя сердечное,
Я не могу на тебя да наглядетися,
Не могу я да насмотретися.
Ты прости, моё да чадо милое,
Ты прости, моё да дорого дитя,
Я положу ты да в мать-сыру землю,
Я закрою ты да гробовой доской,
Уж зарою ты да я желтым песком,
100 Я на няньку ты да на надейную,
На надейную да неизменную,

Тешить она будет тебя по-людски,
Кормить будет да по-хорошему,
Ты прощай, моё да дорого дитя,
Ты прощай, моё да дорого чадо».

39. ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ

Охти мнеченько да мне тошнёхонько,
Уж я села, бедна, да в лёгку лодочку,
По реке пошла да я по матушке,
Я разыскивать пошла родных родителей,
Я сказать пошла да про своё житьё,
Про своё житьё да я про вдовое
Уж как я живу, горе, позорюся,
Провожу свою да молодú пору,
Провожу своё да зелено время.
10 Уж о чём буду да вам рассказывать?
Уж я расскажу да про житьё-бытьё,
Про девьё житьё да безродное.
Я повыросла да без отца, бедна,
Без отца, бедна, да и без матери,
Меня повыростили да люди добрыё,
Меня повыростила ласкова бабушка
До полного да меня возрасту,
До крепкого да ума-разума.
Я жила у них да красовалася,
20 Я как сыр в масле у них купалася,
Ничем жила у них не жадная,
Я ничем была у них не щадная,
Ни свежей рыбой да ни трепущеей,
Ни серой птицей да полетущеей,
Свысока птица была пострелена,
Сглубока рыба да была добыта
У старой да моей тетушки,
У залетной у моей бабушки.
Без удалой жили мы мужской головы,
30 Они не перву меня, бедну, повырастили,
Меня пятую они повырастили,
Меня пятую они повыздынули,
Уж я тогда повыросла, бедна, повызрела,
До цвету-то да до лазорьева,
До ягоды баской малиночки,

Тогда я бросилась да, горе, кинулась,
Во чужи люди-то да в добрые,
За чужа сына да за отецкого,
За отецкого да за приезжего,
40 Уж я жила с ним до поры-времячка,
Уж я два жила да, бедна, годика,
Уж отправлять стала да ладу милую,
Я на службу-то его на верную,
Я во Красну-то его да Армию,
Уж мы стали с ним да расставатися,
При славном-то при городе
Мы при городе да Нарьян-Маре.
Уж стала с ним да расставатися,
Уж я стала с ним да распрощатися,
50 Уж я села тут к нему повыплакать,
Уж я рядом с ним, бедна, повычитать,
Уж я привыплакала девёе житьё,
Я девёе житьё да положеньице.
Уж мы сходилися да в тиху пору,
Расставалися да при больших людях,
Тут моя ладо да как расстроилось,
Тут расстроилось моё, расплакалось,
Не велел тужить мне-ка печалиться,
Велел жить мне, да веселитися:
60 «Не тужи, моя да молода жена,
Ты не плачь, моя любя семья,
Я не долго буду служить, бедной злосчастной,
Это пройдёт скоро да пора-времечко,
Буду писать тебе да письма-грамотки,
Ты пиши мне-ка, бедну злосчастному,
Весело нам будет жить да пору-времячко,
То пройдут скоро да будто годики».
Он послал мне да фотокарточку,
Я ждала, бедна, всё любовалася,
70 Дождала его да я бело лицо,
Дождала я его, бедна злосчастливая.
Я вела всё-то, бедна, во умі думала,
Я дождусь свою да ладу милую,
Я буду жить, бедна, да жизнь спокойную,
Продолжать буду да молоду пору,
Продолжать буду зеленó время,
Вспоминать буду свое девёе житьё.
То пришла моя да ладо милое,
Меня бросило, бедну, покинуло,
80 Тут болеть стало моё да ретивó сердце,
Тут болеть стало да вережёное.

Не на то, бедна, я за него бросилась,
Тут схватилась я, бедна, не во-пору,
Не во-пору да не во-время,
Я бранить стала родных родителей,
Проклинать стала да молодú пору,
Вспоминать стала свою русу косу,
Русу косу да свою дёвьюю,
Тут болеть стало да ретивó сердце.
90 Тут ушла, бедна, я оттуль уехала,
На свою-то я на родну сторону,
Ко своим-то я родным родителям,
Тут пришла я, бедна злосчастливая,
Со своим-то со большим горем,
Я вдова пришла да к ним безмужняя,
Безмужняя вдова, бездетная.
Тут жила я, бедна, до пор-времячка,
Продолжала дела да жизнь сысветную,
Я стала тут да веселиться,
100 Уж я пить стала да зелено вино,
Запивать стала да ладу милую,
Тут забыла я, бедна, да припостельную.
С той поры, да с того времячка,
Ходить стала да я по горочкам,
По горочкам, да по катушечкам,
По юсенним-то да посиделочкам.
У меня обуточка была поножная,
Одеждочка была поплечная,
На завидость да людям добрым,
110 На завидость да православным.
Уж мы ли робили дело-работаньку,
Мы колхозную, да как казённую,
По лесам будто да по тёмным,
По сырým борам да по дыбúчим.
Тут я робила да много делала,
Уж пять, бедна, да зим студёных,
Уж я эту нынь да пору-времечко,
Жила я на работе на лёгкой,
Я на службе-то жила на казённой,
120 На казенной да на счётной.
Тут бросилась да, горе, кинулась,
Уж за чужа сына да за отецкого,
За отецкого да деревенского,
За ближнего да подокóнного.
Я хотела жить да молоду пору,
Провожать своё да зелено время.
Мы недолго жили да пору-времечко,

- Мы два жили да будто месяца,
 Мы ли жили с ним да веселилися,
 130 Мы не пóблизку жили, не пóряду
 Мы сходилися с ним, съезжались,
 При своем-то мы да при витом гнезде,
 При еговом-то да при подворьице.
 Тут услышала я весть невесёлую,
 Невесёлую я, нерадостную,
 Уж я стала ему, бедна, высказывать,
 Уж я стала, бедна, его выпрашивать:
 «Уж мы пошто, ладо, с тобой сходилися,
 На коротку мы да пору-времячко.
 140 Кабы знала я, бедна, да горе ведала,
 Не пошла я, бедна горе злосчастное,
 Не пошла бы я, горюха бедная».
 Тут мне-то, бедной, ладо ответило
 Тут ли то, бедной горюхе злосчастнойей:
 «Я не в эту думал да пору-времечко,
 Я при лете думал да при жарком,
 Я не думал при осени холодной,
 Тогда не хотел с тобой расставатися,
 Поторопило как время военное
 150 Военное да неотсрочное.
 Пришлось с тобой да расставатися».
 Мы последню-ту с ним тёмну ноченьку
 Не засыпали с ним да крепким плотным сном,
 Одну мы с ним да думу думали,
 Одну мы с ним да речь говорили.
 Говорил мне-ка да ладо милое:
 «Не забывай меня, молода жена».
 Тут бежали мои да горючи слезы,
 Не подсыхало моё да белó лицо.
 160 Унимал меня да ладо милое,
 Не велел плакать мне-ка злосчастнойей:
 «Ты не плачь свои мутны очи,
 Не мочи своё да ты белó лицо,
 Не расстраивай у меня ретиво сердце.
 Когда уйду, бедной, да уеду ли,
 Ты не плачь тогда, да молода жена,
 Ты состаришь тогда своё лицо белое,
 Расскорбишь своё да ретиво сердце,
 Не признать мне тогда будет тебя,
 170 Не признать, бедной злосчастнойей».
 Я ли тó ему да все говорила:
 «Я оплачу тебя да ладо милое».
 Не примал плакать да дума крепкая:

«Когда плачут мои родны родители,
Не обидно мому да ретиву сердцу,
Не обидно да молодецкому,
Когда заплачешь ты, да молода жена,
Ты приплачешь всю да жизнь сусветную,
Ты приплачешь свое да похоженьице,
180 Ты запортишь мою да кровь горячую.
Ты расстроишь моё да ретивó сердце,
Я пойду да буду всё думати,
Тяжело будет переносить мне-ка».
Я не стала, бедна, горе выплакивать,
Я не стала ему да причитывать,
Когда увидели да мы большой пароход,
Мы большой пароход да пассажирскойей,
Из-за лесу-то да из-за тёмного,
Из-за желтых песков, из-за макарьевских,
190 Из-за крутых носков, из-за обрывистых
Пароход идёт не ходом течёт,
Он идёт-течёт да как скорой птицей,
Подошёл он к нашей да как ко пристани,
Он ли дал свистки да как приходные,
Приходные да как ли встречные,
Тут выскакивали да добры молодцы,
Тут я встретила любима братанушка:
«Ты куда, наше солнце, отправилось,
Во путь ли ты да во дальнюю?»
200 Он топнул, солнце, да правой ногой,
Правой ногой да правым каблуком:
«Защищать пошёл я родну сторонушку
Я родных своих родителей».
Тут я с ним, бедна, да разосталася,
Я стояла тут да с ладо милоей,
Около края да около берега,
Около кормилицы быстрóй реки.
Он обнял меня да ладо милое,
Своей меня да рукой правойей,
210 Прижимал меня да к ретиву сердцу,
Распростились мы рукой правойей,
Отпустила я его да в дальну сторону.
Тут пошла моё да ладо милое,
Я из рук его тут упúстила,
Из мутных очей его утёрала,
Он пошёл да в путь-дорожечку
Во дальнюю да во печальную,
Во печальную да незнакомую,
На большую войну да кровлитную,

220 Под пушку да под быструю,
Под саблю-ту да под вострую,
Под штыки-те да, бат, под долгие,
Под мины-те да под разрывные.
Ты ушла, моя ладо, уехала.
Бат разыскивать да распроведывать,
Дорогих моих родных родителей,
Дорогих моих да дорогих братьев.
Тут подсекло мои да ноги резвые,
Побежали мои да горючи слёзы,
230 Тут я стала всё горе приплакивать,
Всё приплакивать да всё причитывать,
Тут приплакала гору высокую,
Свою-то ладо милую,
Тут дорогих своих да солнцей красных.
Я ли шла да путь-дороженьку,
Уж я ехала, бедна, добрым конем,
Со мужниной ласковой тётушкой,
Со еговой-то да крестной матушкой,
Ко своему шла да ко виту гнезду,
240 Ко гнилому-то да золоту кольцу,
Ко худой хате да ко уживчатой,
Ко уживчатой да не разживчатой.
Уж я едва утихла, бедна злосчастная,
Успокоила да ретиво сердце,
Не катилася мне-ка скусна еда,
Не катилася да ключева вода.
Я легла, бедна, да во мягко место,
На мягко место, круто зголовнице,
Я покрылася да одеялицем,
250 Вспомянула да ладу милую,
Я на то, бедна горе, решилася,
Я дожду ладу да со победушкой,
Со победушкой да я со верной,
Со верной да неизменной.

40. ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ

(Повторная запись)

Охти мнеченько да мне тошнёхонько,
Моему сердцу да тяжелёхонько,
Уж я села нынь, бедна, на лавочку,

Я на лавочку да на брусовую,
Ко окошечку да ко косявчату,
Ко стеколышку да ко заморскому.
Я гляжу-смотрю да вон на улицу,
Я удабриваю да ретиво сердце,
У помещиваю да вережёное,
10 Уж я всё кругом да в уме думаю,
Я во всём бедна да в уме дёржаю,
Я повыплачу, горе злосчастное,
Про свой-то я да молоды года,
Про свой-то я да как цветущие,
Про свое-то я да про девьё житъе,
Про свое-то я да про красовное.
Уж я ли горюха-то да горегорькая,
Я горющица, горе несчастное,
Не отцом я, бедна горе, засеяна,
20 Я не матерью, бедна, спорожена,
Засевала меня гора высокая,
В несчастный день меня, во средущку,
Спородила меня мати родимая,
А во злыденный день, во пятницу,
Уж я повыросла, бедна злосчастливая,
У своей-то я горы высокой,
Не до полного да я ли возрасту,
Не до крепкого да ума-разума,
Я повыросла да до малых лет,
30 До молодых лет, до школьна возраста,
Тогда отдал меня гора высская,
Да отдала меня мати родимая,
Кормилица жалость сердечная,
Меня растити, бедну, подымати,
И с полного да полна возраста
До крепкого да ума-разума.
Не в чужи люди меня во добрые,
Ко ласковой меня ко бабушке,
Ко жалостливой меня, ко тетушке.
40 Уж я тут росла, бедна, да красовалася,
Уж я как сыр в масле, горе, купалася,
Я ничем жила у них, не жадная,
Ни свежой рыбой да я трепущеей,
Ни серой птицей да полетущеей.
У нас свысока да было постреляно,
А сглубока было почерпнуто,
У ласковой да моей тетушки.
У жалостливой да старой бабушки
Заведёно мне было цветно платье,

- 50 Цветно́ платье да переменное,
А обувочка да мне поно́жная,
А одеждочка была поплéчная,
Мне гроза была бедной не придана,
Воля девичья была не унята.
Я везде ходила да везде ездила,
Я по горочкам ходила, по камушечкам,
По осенним да посиделочкам,
Я на завидость да людям добрым,
Я на завидость да православным.
- 60 Не худого мы были роду-племени,
А почётного да отца-матери,
Уж я горюха-то да горегорькое,
А как горька дочи да я безродная,
А горче того да бесприютная,
Уж я не во́-пору ли, бедна, бросилась,
Уж я не во́-время да, горе, кинулась,
На приходе я да весны красной,
На зачине я да лета жаркого,
Я ушла, бедна, да там уехала,
- 70 Ко родным-то я да ко родителям,
Ко тётушке да я ко ласковой,
А к Анне я да к Аверьяновне.
Я жила у них недолго времечко,
Две у них да я неделюшки,
Уж я бросилась да там ли кинулась,
За чужа сына да за отецкого,
За отецкого да за крестьянского
А еще горче — за молодёхонького,
Во большу семью да многодетную,
- 80 Многодетную да я во общую.
Уж я жила да молода жена,
Уж я жила, бедна, да там ли рóбила,
Уж я рóбила да там ли делала,
Со своей-то я да ладой милоей,
Со своей-то я да думой крепкой,
Думой крепкой да припостельной,
Уж мы жили с ним да красовались,
Уж мы два были да с ним ли имечка,
У нас не было да детей малых.
- 90 Уж я жила с ним да два ли годика,
Потом потребовали мою да ладу милую
На службу-ту да на действительну,
А во Красну-то его во Армию.
Уж я стала тут да провожать ладу,
Я ли с пристани да с пароходской,

С пароходской да с Нарьян-Марской,
Уж мы стали с ним да расставатися,
Уж мы стали с ним да распрощатися.
Говорил мне-то да ладо милое,
100 Говорил мне-то да дума крепкая:
«Ты уедешь, моя да молода жена,
На свою-то ты да родну сторону,
Уж я служить буду службу военную,
Военную да я недолгую,
Недолгую да двухгодовую,
Уж я писать буду да письма-грамотки».
Уж я тут, бедна горе, осталася,
Я у пристани да пароходской,
Пароходской да заморской,
110 И ушла моя лада, уехала,
Уливалася я горячьми слезми,
Я не видела да свету белого.
Тяжело было мне расставатися,
Молоды годы да разъезжатися,
Молоды годы, время цветущее
Уж я пошла, бедна горе, поехала,
На свою-то да я родну сторону,
Ко своей-то я, бедна, ко тётушке,
Ко ласковой да старой бабушке,
120 Они приняли меня, приютили,
Горьку солдатку-то да приголубили,
Уж прислал мне-ка да ладо милое,
Уж как письмо-то да он ли грамотки,
Лёгки-то да мне как весточки;
«Ты живи, моя да молода жена,
Не скучай, моя да ты любя семья,
Я приду скоро к тебе ли приеду,
Пройдёт скоро да это времячко,
Пройдёт скоро, оно прокатится».
130 Уж я ждала, бедна, да дожидалася,
Всё лила свои да горячи слёзы
Не гуляла я, не веселилася,
Что придёт моя да ладо милое,
Что придёт моя да дума крепкая,
Дума крепкая да припостельная,
Нахожусь я с ним да нагуляюся.
То пришла моя да лада приехала,
Он со службы-то да со военной,
Со военной, с красноармейской,
140 Уж он нашёл там себе жену новую,
Изменил мне, бедной злосчастной,

- Изменил мне, горюхе бедной,
Горьку дочь-то меня безродную.
Тяжело моему да ретиву сердцу,
Уж я ещё пуще, бедна, расстроилась,
Я ещё пуще да прирасплакалась.
Унимать стали да люди добрые,
Унимать стали дружны подружечки:
«Ты не плачь, наша, да не печалися,
150 Ты ходи гулять да веселися-ко,
У тя нету да детей малых,
Ты не старая да не залетная,
Молоды годы твои цвѣтушие».
Уж я ли тут жила, бедна, да веселилася,
Я везде гуляла да наслаждалася,
У своей-то ли да я у тѣтушки,
У ласковой да я у бабушки.
Уж они не бросили меня злосчастную,
Горьку вдову меня безмужнюю,
160 А солдатку-то да позаброшену.
Уж они не первую да меня растили,
Они пятую меня подымали,
Вместо дочери да белой лебеди,
Вместо дочери да серой утицы,
Уж они взяли растить да чада милого,
Чада милого себе наёмного,
Наёмного да безотцового,
Мы повырастили его до полна возраста,
До крепкого да ума-разума.
170 Потом умерла моя да ласкова бабушка,
Мы остались, бедны злосчастные,
Без ласковой да мы без бабушки.
Уж мы жили, бедны горе злосчастные,
Всѣ стало да не по-старому,
Не по-старому, да не по-прежнему,
Не стало у нас в доме хозяйюшки,
По житью-бытью да управительницы,
Утренней да разбужельницы,
Денной нашей да посидельщицы,
180 Вечерней да жалельщицы,
Дорогой моей ласковой бабушки.
Не была я, бедна, при похороньце,
При главной да её смерточке,
Мы из рук-то её нонь упустили,
Из глаз навек да мы потеряли,
Не знаем мы где да её сыскивать,
Не знаем мы где да её спроведывать,

Во старых да во бабушках,
 Во горьких да ей во вдовушках,
 190 Уж мы знаем да, горе, ведаем,
 Недалеко наша она спровóжена,
 Не глубоко она у нас положена.
 Из той пути, из той дорожечки,
 Не дождать нам будет письма-грамотки,
 А хороши-те да лёгки весточки,
 Ясну соколу да нету вылету,
 Моей бабушке да нету выезду.
 Уж я не знаю как забывать её,
 Не могу запить да ключевой водой,
 200 Не могу заесть горе вкусной едой,
 Только сплю когда да крепким, плотным сном,
 Тогда забуду я свою старую бабушку.
 Уж я живу, бедна горе злосчастливая,
 Я горюха-то да горегорькая,
 Я горька дочи да безотцовая,
 Я горче того ещё безматерна.
 Я горька вдова безмужняя,
 Горька мати бездетная.
 Уж я по прошлой-то да весне красной,
 210 А по лету-то да как по жаркому,
 Уж я бросилась да бедна кинулась
 За чужа сына да за отецкого,
 За отецкого да за крестьянского,
 А горче того сына за вдовьего,
 За вдовьего да подоконного,
 За соседа то да порядовного,
 Не за пару себе да не за ровнюшу.
 Я повыбрала да ладу милую,
 Молоду ладу да неженатую.
 220 Уж мы жили с ним недолго времячко,
 Уж мы не всё жили да бедны поблизку,
 Уж мы на службах были на казённых,
 Он на службе да сельсоветской,
 На сельсоветской, на секретарской,
 А я на службе была на сельповской,
 На сельповской, на магазинской.
 Уж как пришло ладо моя, приехала,
 Со вестями мне да со слезливыми,
 Как сказало мне да ладо милое:
 230 «Меня требуют на службу военную,
 На военную, красноармейскую».
 Уж я стала тут, бедна, печалиться,
 Вся я тут, горе, расстроилась,

Мне опять пришлось да расставатися,
Тяжелее того да распрощатися,
Уж я знала всё ли это, ведала,
У кого это да будто водится,
А мне-ка, горькой бедной, случается,
Уж приходит как да светлой денечек,
240 Приходит как да тёмна ноченька,
Уж мы стали тут да собиратися,
На добрых коней да мы садитися,
Мы на пристань да на пароходскую,
На гладки-те да мы на поженки,
На Дунай-те да на широкие.
Уж как много было людей добрых,
Провели мы эту тёмну ноченьку
Во горюшке да во великом,
Наступил второй да светлый денечек,
250 Уж мы ждём бедны да дожидаемся
Парохода да пассажирского,
На котором шли наши родны родители,
Уж как два ли шло мои братанушка,
А вторы мои да дороги братья.
Уж нам долгой был да светлый денечек,
Мы поехали да по быстрóй реке,
По Печоре мы да славной матери,
Во еловой-то да лёгкой лодочке,
Во еловой-то да со товарищем,
260 А с Игнатъем мы да со Иванычем.
Переехали да мы быстру реку,
И пошли мы будто да по желту песку,
По желту песку да по рассыпчату,
И пришли мы тут да ко колхозникам,
Старичкам нашим да к рыболовщикам
Мы покушали у них свежóй рыбы,
Они дали нам да как свежóй рыбы,
Свежой рыбы да на дороженьку,
На дорженьку да добрым молодцам,
270 Подарком им да как колхозным.
Вдруг услышали свистки приходные,
Мы ли сели-то во лодочку,
Переехали да на ту сторону,
К пароходу мы да к пассажирскому,
Стали мы тут направлятися,
Уж как сплакали да люди добрые,
Уж я хотела, бедна, повыплакать,
Свою ладу да я повычитать.
Не давал ладо мне-ка повыплакать:

280 «Набери себе силы-мужества,
Не расстраивай мое бедное сердце».
Я смогла, бедна горе, повитерпеть,
Уж бежали мои да горячи слезы,
По моему-то да по белу лицу,
По моему-то да как по женскому.
Тут пошла моя да ладо милая.
Спустилася да со крутá кряжа,
С крута кряжика да со обрывного,
Ко реченьке да как ко быстрой
290 К пароходу то да к пассажирскому,
К тра́пу-то да к пароходскому,
Уж мы с ладой тут да распростилися,
Тут мы с ним и рассталися.
Потом увидела я двух тут братанушков,
Одной рукой я с нима встретилаься,
А второй рукой да распростилася,
С Киприяном я да со Васильевичем,
А Меркурьем-то да как Петровичем,
И пошли наши да добры молодцы.
300 Вдруг свистки пошли тут да прощальные,
Прощальные да расставальные,
Уж тут заболело моё да ретиво сердце,
Закипела во мне да кровь горячая,
Побежали мои да горячи слёзы,
Полились они да как быстрым ручьем,
Крутой реченькой да серебристой,
Из моих-то да из мутных очей,
Не увидела я свету белого,
Не несли меня да ноги резвые,
310 Не глядели мои да очи глупые,
Не вели меня да руки белые.
Поднялась я, бедна, к круту бережку,
Подошла я, бедна, да к доброй лошади,
К лошади да ко ежжалоей,
Ежжалоей да ко колхозной,
Села я тут, бедна, поехала,
С ласковой егóвой тетушкой,
С егóвой да крёстной матушкой,
С бригадиром да с производственным,
320 С производственным да со колхозным,
Со Ксеньей я да со Кондратьевной.
Мои не действовали да руки белые,
Всё расслабло моё да тело женское,
Вся я тут, бедна, расстроилася.
Уж я последних там родных отправила,

Уж я всё жду, бедна, да дожидаюся,
Уж я хоть раненых да хоть контуженных,
Уж я ли ехала да пять километров,
По гладким я все чистым поженкам,
330 Мне-ка встречались да тут колхозники,
Колхозники да мне колхозницы,
Родны мои да как родители,
Не велели мне да, бедной, плакати:
«Не ты одна да там спровóдила,
У нас, бедных, да там отправлено,
Дороги наши да лады милые,
Лады милые да многодетные,
А ты осталася да как бездетная.
Ты везде будешь наша свободная».

340 Уж я пришла, бедна горе, приехала,
Ко своему-то да ко виту гнезду,
Ко виту гнезду да к золоту кольцу,
Зашла, бедна, да во вито гнездо,
Села я, бедна, на лавицу,
Поглядела я да на вокруг его,
Нету моей лады милоей,
Оно пусто стоит, порозное,
Боле не придёт мне да ладо милое,
Не приедет да дума крепкая.

350 Он не в ту дороженьку отправился,
Он во дальнюю да во печальную,
На большу войну да кроволитную.
Будем просить мы ему да веку долгого,
Силушки-то богатырскойей,
Ждать будем да со победою,
Со победою да со великоюей,
С речью-то да со покатоюей,
Со жизнью-то да неизменноей,
Не изменять нам чтобы да друг друга,

360 Провести свою да молоду пору,
На завидость да людям добрымим,
До волосу да нам до белого,
До зуба-то да до последнего.

41. По ДЕВУШКАМ, ОТЪЕЗЖАЮЩИМ НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Ты дружна моя ближна подружечка,
Ты втора моя сестра родимая,
Ты куда круто да снарядилася,

Ты куда, моя, да сподобилася,
Ты на промысли ли на богатые,
На свежѹ рыбу да на трепушую,
Иль во путь, моя, да во дорожечку,
Ты во дальнюю да во печальную?
На большу войну да кроволитную,
10 Ты под пулюшку да там под быструю,
Ты под саблю-ту да там под вострую,
Под гранаты-те да под разрывные,
Под танки-те да под огромные.
Ты кормилица, дружна подружечка,
Ты напиши мне-ка да письма-грамотки,
Ты сообщи мне-ка да лёгки весточки,
Будет та да пора-времячко,
Свободная будет минуточка,
Удели на то да ты вниманьице,
20 Потужи обо мне да попечалься-ко.
Я осталася да во большой семье,
Во большой семье да во обширной,
Во обширной да во колхозной,
Буду робить я да тут ли делати,
Выполнять нормы колхозные,
Колхозные да стопроцентные.
Ты дружна, ближна моя подружечка,
Ты ходить будешь да во больших полках,
Ты ходить будешь да во первых строях,
30 Ты не бойся там да пули быстрой,
Уничтожай врага, проклята Гитлера,
Он докуль губит да людей добрых,
Забирает он нашу Россию-матушку,
Пустошит наши города центральные.
Дорога наша, дружна подружечка,
Ты дружна, ближна да порядовная,
Нас две было да буйны головы,
Как одно было да ретиво сердце,
Одну с тобой да речь советовали,
40 Ходили мы с тобой почасти,
Сидели с тобой да мы ли подолгу,
Нехватало нам ли светла денечка,
Наставляли с тобой тѣмну ноченьку,
По часам делили да мы ли денечки,
По минутам ли да тѣмны ноченьки.
Уж мы жили с тобой да красовалися,
Мы как сыр в масле с тобой купалися,
Ничем были с тобой не жадные,
Ничем жили не щадные,

50 У своих-то мы горы высокиих,
У матерей жалостей сердешных.
Обуточка у нас была понóженная,
Одеждочка была поплéчная,
Цветно́ платьё было переменное,
Ухожено было, угулено,
Не держала нас гора высокая,
Не держала нас мати родимая.
Не судачь, моя да лебедь белая,
На свою-то ты гору високою,
60 На матерь ты да на родимую,
У них так нонче да велико горе,
Проливают они много да слёз горячих,
Тужат о тебе нонче, печалются,
На тя они будто надеялись,
Вместо сына на тя глядели,
А на дочь ты на лебедь белую.
Дорога моя дружна подружечка,
Ты дружна, ближна да подокóнная,
Не хотела я с тобой расстатися,
70 Не хотела я да распрощатися,
Круто пришло да расставаньице,
Али спешное да распрощаньице,
Во лесах нам с тобой да во дремучиих,
Во бараках-то да во казенных,
О середке нам да тёмной ноченьки,
Во часику да во двенадцатом.
Не несут меня да ноги резвые,
Не глядят мои да очи глупые
На тебя, моя дружна подружечка,
80 Спереди гляжу да на бело лицо,
На бело лицо баско румяное,
На румяное да ненаглядное,
Со боков гляжу да на круты́ плеча,
На круты́ плеча да на женские,
Созади́ смотрю да на складну тушу,
На складну тушу да на кирпичату.
Дорога моя дружна подружечка,
Не судачь на свою гору високою,
Что тебя отправила гора высокая,
90 Тебя отправила мати родимая,
Тебя отправили да люди добрые,
Ты нужна, видно, им да надобна,
На посту стоять да на военном.
Ты ли стой, моя дружна подружечка,
Выполняй наказы ты военные,

Военные-красноармейские.

Не сдавайся ты да прокляту врагу,
На искитанье прокляту Гитлеру,
Пусть не гáлится над тобой, да лебедь белая,
100 Над твоим-то да над белым лицом,
Над твоим телом над бабьим женским.
Ты дай себе да пулю быструю,
Пролей свою да кровь горячую,
Всему роду на похваленнице,
Прольешь ты кровь за родну сторонушку,
За отца, за мать да за родителей,
Уничтожите да проклята врага.
Вернётся твоя судьба великая,
Мы ли сойдёмся с тобой,
110 Сойдемся с тобой да увидимся,
Наживём мы житья спокойного,
Отстоим мы Россию-матушку,
Отобьём назад от проклята врага,
Не дадим ему да красоватися,
Ходить по ей да наслаждатися,
Восстановим назад города центральные,
Направим жизнь стару, прежнюю,
Как мы ране жили да веселилися.
Я ли ждать буду тебя да дожидатися,
120 Я просить буду тебе здоровьица,
Просить тебе да веку долгого,
Уж мы сойдёмся да с тобой свидимся,
Поговорим с тобой да посоветуем,
Про дела да наши подвиги,
Про армию да нашу славную.

42. ПРИ ПРОВОДАХ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОЛХОЗА НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Уж как наглядитесь-ка мои очи глупые,
На запас, мои да недовольные,
На любимого моего братанушка,
На Василиса сына Ефимовича.
Уж ты куды, наше солнце, снаряжаешься,
Уж ты куды, наше, сподобляешься
Скоро-наскоро, да круто-накруто,
Ты во путь, видно, да во дорожечку,
Уж ты на славную да, видно, ярманку,

- 10 Уж ты за птицею да за куницею,
Уж за свежбй рыбой да за трепущеей,
Уж за серой птицей да полетушеей?
Тебе назначена да путь-дорожечка,
Путь-дорожечка да незнакома.
Ты любимой милой братанушко,
Посиди у меня да во витом гнезде,
Посиди у меня да в золотом кольце,
Ты во дальний путь да направляешься,
Ты во печальный да снаряжаешься.
- 20 Вокруг сидят твои да дети глупые,
Малые твои да дети глупые,
Ты прибери их к себе да на белы руки,
На белы руки да ко белой груди,
Ты последний раз да со малыми детьми.
Посиди-ка ты да во витом гнезде,
Вам с има надо да распрощатися,
Твои чисты дети да были рощены,
Не дождите на них да дожди кануты,
Не дуйте на них да ветры буйные,
- 30 У них есть хоть мати родимая,
У них есть, бедна, жалость сердечная,
Как она их будет растити,
Как она их будет воспитывать.
Ты любимый мой да милый брателко,
Хоть не одноутробный да однокровный, ты,
Прибавляя ты мне-ка ума-разума,
Наставляя ума бабья женского,
Ты круто было, спешливое,
Ты бойко было, урывное,
- 40 Я спереди гляжу да на бело лице,
На лицо бело баско наглядное,
Созади гляжу да на складну тушу,
На складну тушу твою кирпичату,
Со боков гляжу да на круты плеча,
На круты плеча да на аршинные,
Не могу на тя налюбоватися,
На твои гляжу да на желты кудри,
На желты кудри твои красивые,
На причёсочку да на важивную,
- 50 На твои-те ли да на мутны очи,
На твои, бедна, да на печальные.
Ты повесил свою да буйну голову,
Потому ли, мой, да запечалился,
Хоть и есть твоя да молода жена,
А не крута она да не урывная,

Не крута шибко да не рабочая,
Тяжело ей будет детей рóстити,
Тяжело будет детей воспитывать.
Ты вечером робил и по утру рано,
60 Среди денечка ты весёлого
Управляя ты делом казённым,
Казенным да как колхозным,
Вёл колхоз по-большевицкому,
Вёл колхозников по-хорошему.
Уж ты, любимой ли мой братанушка,
Повесил ты буйну голову
Над своей-то белой лебедью,
Над своей-то да серой утицей,
У тебя не многи дети, не артельные,
70 У тебя два чада милые,
У тя единственна да лебедь белая.
Тут он дал наказ мне сестринской:
«Ты приголубь, сестра моя родимая,
Приголубь моих малых детей,
Ты нейди детей да словом ласковым,
Словом ласковым, речью покатою,
Я любил детей красноармейских,
Пусть взамен не бросят да как мою семью,
Моя тиха жена да нескорóстная,
80 Неграмотна она, неразвита,
Она не робила у меня много, не делала».
Ты любимая моя молодушка,
А ты была у него при милости,
Уж ты схватишься не вó-пору,
Не вó-пору да как не вó-время,
Уж ты вспомянешь да ладу милую,
Ты кормилицу да солнца старшую,
Расшибут тебя слёзы горячие,
Пришибёт тебя тоска-кручинушка.
90 Скоро наш да снарядился ли,
Скоро наш да сподобился ли,
Он пошёл у меня да из вита гнезда,
Он повёл с собой да-ко малых детей,
Я пристала к нему да ко складной туше,
Я повыплакала да баско-слёзено,
Уж я повыказала да баско-хóрошо
На завидость да людям добрым,
На завидость да православным.
Мы шли ко лодочке да ко еловой,
100 Ко еловой, да ко струёвой,
Уж как стали мы да расставатися,

Расставатися да распрощатися,
Дал наказ он мне красноармейский-то:
«Выполняйте норму да стопроцентную,
Крепите тыл по-большевистскому,
Буду писать вам письма-грамотки,
Буду сообщать вам лёгки весточки».
Как ушло солнце да укатилось
Во славную да славну Усть-Цильму,
110 Ко пристани да пароходской.
Присылат он нам да письма-грамотки
Даёт он нам да легки весточки:
«Уж вы робьте, да больше делайте,
Я учусь делу великому,
Я хочу итти бить врага коварного,
Защищать страну родных родителей.
И пришлю я вам заметочку
Уж лёгку будто весточку».
Он даёт наказ да по-военному,
120 Он велит робить, да пуще делати:
«Освободим мы родну сторону
От проклята врага несносного,
Придём домой да со победою,
Со победою да со великою».
Заметочку мы заприметили,
Заприметили да все увидели,
Пошёл в бои он да во всемирные,
Велит робить всем, да робить-делати.
Мы живем нонче да во большой семье,
130 Мы робим да нонче делаем,
Выполняем норму стопроцентную.
Я ходила, бедна, по темным лесам
По темным лесам да по сосновым,
По сырým борам да по широким,
Я рубила леса строевые,
Выполняла норму я стопроцентную,
Ему сообщала про то да письмо-грамотку.
Будем ждать его да дожидатися,
Руководителя своего колхозного,
140 Уважительна да обходительна,
Любимого моего братанушка,
Дождёмся да скоро увидимся,
По зиме студёной, да по весне красной,
По лету дождём его по жаркому
Со победою да со великою.

43. ПРИ ПРОВОДАХ МУЖА НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Ты кормилица да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Ты крепка была, моя надейная,
Ты надейная да неизменная.
Уж ты куда, наша, да снарядилася,
Ты куда, наша, да сподобилася,
Ты на промыслы да на богатые,
По сено ли да по зелёное,
По жаркí дрова ли да по берёзовы?
10 Не туда, моя, да снаряди~~л~~ася,
Не туда, моя, да сподобилася,
Ты во путь-то мой да во дорожечку
Ты во дальнюю да во печальную,
На большу войну да на всемирную,
На всемирную да кроволитную.
Уж я не это ли да в уме думала,
Уж я не это ли да в уме держала,
Уж не на то, горе, да я сходилася,
Уж я хотела жить да в молоду пору,
20 Я хотела жить да зелено время,
С тобой, моя да лада милая,
С тобой, моя да припостельная.
Ты ли з~~н~~аема, да ты ли ведома,
Уж что вдовья я была да подоконная,
Подоконная да порядовная,
Уж мы знали друг про друга, ведали,
Про совести да наши молодецкие,
Мы сходилися с тобой в чистом поле,
Разостанемся да при раздольце.
30 Уж ты кормилица, да ладо милое,
Ты скорёхонько да снаряжаешься,
Во путь-то ли да во дорожечку,
Куда ушли, будто много уехали,
Удалы-те да добры молодцы,
Сыновья-та ли да как отецкие,
А отцы ушли да многодетные.
А уж как я-то ли, бедна злосчастная,
Уж я остануся горюха-горькая,
Я горька вдова буду безмужняя,
40 Горька мати да я бездетная.
Уж я с кем буду да проводить свою,
Проводить свою да молоду пору,
А свое-то ли да зелено время,

Не в гульбе верно да не в весельице,
А во слезах только да во горячиих,
А во тоске большой да во кручинушке.
Ты кормилица да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Ты напиши-ка мне да письмо-грамотку,
50 Ты сообщи-ка мне да лёгку весточку,
Про свое-то ты житьё военное,
Про военное, красноармейское.
Чтобы знала я да горе ведала
Про тебя, моя да лада милая,
Про тебя моя да дума крепкая,
Чтобы не болело моё да ретиво сердце,
Не кипала бы моя да кровь горячая,
Не старилось да лицо белое.
Уж говорил мне да ладо милое:
60 «Не тужи, моя да молода жена,
Не печалься-ко, моя любя семья,
Не расстраивай моё больно сердце,
Больно сердце, красноармейское,
Ты не лей при мне да горячи слезы».
Я сумела себя, горе, повыдержать.
Мы не знали куда, горе, деватися,
Мы ли сели с ним да в лёгку лодочку,
Пошли мы да поехали,
По матушке да по быстрой реке,
70 По кормилице да золотой струе.
А уж как в ту-то ли да в пору-времячко,
Дули шибко да ветры буйные,
Качала шибко тут морска волна.
Не страшилося моё ладо милое,
Что мы съездим там да к роду-племени,
Поедим у них да там скусной еды,
Скусной еды да как свежой рыбы,
Как услышали мы крики крестьянские,
Что кричит наша мати родимая,
80 Что нас требует жалость сердечная,
Уж мы с ним горе поторопилися,
Прибежали мы да к лёгкой лодочке,
Поехали да по быстрой реке,
Ко своему-то да краю-берегу,
Где стояло много да людей добрых,
Где стояло много да православных.
Спровожали мою да ладу милую,
Мы пришли, бедны, да тут приехали,
Ко круту кряжу да ко обрывному,

90 Поднялось круто да ладо милое,
Дал мне-ка да руку правую,
Подынул меня да на крутой берег
И пошли мы, горе злосчастные,
Тут подходит пароход да пассажирской-то,
Не ходом он шел да он летом-летел,
Под мою-то шёл да ладу милую,
Под мою-то шёл да думу крепкую,
Подавал свистки да он приходные,
Взволновались тут люди добрые.
100 Поторопился да наше ладо милое,
Взял котомочку военную,
Взял меня, бедну злосчастную,
Под свою-то ли да под праву руку,
Мы спустилися да ко быстрой реке,
Тут пошла моя да ладо милая,
По желту песку да по макарьевску,
А ко трапу-то да пароходскому.
Закипела тут моя кровь горячая,
Распростилися да ружой правой,
110 Повесил он да буйну голову,
И пошел он на пароход пассажирской-то,
Тут подсекло мои да ноги резвые,
Подкоротались да руки белые,
Я присела тут да к мать-сырой земле,
Я взвыла тут да, горе, заплакала,
Когда повышло моё да ладо милое
На палубу на пароходскую,
Я заздрила его да заприметила
Во последний раз, а во последний час,
120 При последнем я да расставаньице
Вековом с ним да несвиданьице.
Тут ли стал давать пароход свистки пращальные,
Прощальные да расставажные,
Жалобные да как печальные.
И пошел пароход да на полон ход,
Я осталася на краю пристани
Возле кормилицы быстрей реки.
Я не видела да свету белого,
Я подынулася да на круты кряжа,
130 На круты-те да на обрывные,
Я ко лошади, бедна, ко доброей,
Ко доброей да ко ежалоей.
Я пошла, бедна, домой, поехала,
Вспоминала всё да ладо милую,
Что шла туда да ладо ехало,

Уж как на память мне его только бело лицо,
 А на память мне его да речь-говоряшка,
 Уж я ли шла да долго ехала,
 Уж я всё плакала да б́аско-слезено,
 140 Все причитывала да ладу милую.
 Дивовалися да люди добрые,
 Всё жалели меня да православные:
 «Уж ты где-ка, лебедь, да научилася?»
 Уж я не с первой ладой да расставалася,
 Уж я знала жизнь да, бедна, вдовьюю,
 Вдовьюю да красноармейскую,
 Уж я подъехала, бедна, да ко виту гнезду,
 Где ходил моё да ладо милое,
 А зашла, горе, да во вито гнездо,
 150 Села я на лавочку брусковую,
 Ко окошечку да ко косявчату,
 Тут я всё, бедна горе, раздумалась,
 Не судьба мне спроводить да ладу милую,
 До славной мне его до Усть-Цильмы,
 До пристани да до центральной.
 Откуда спровожают все да белы лебеди,
 Расставаются да они навеки,
 Распрощаются да по-хорошему.
 Уж не што делаешь во пору-времячко,
 160 На спустила меня служба казённая,
 Казённая меня сельповская.
 Уж я едва коротала да тёмну ноченьку,
 Уж я все думала об ладе милоей,
 Все печалилась да припостельнойей,
 Мне не елася да как скусна́ еда,
 Не катилася да ключева вода,
 Не катилось мне-ка зеленó вино,
 Я не знала тут куда с горя девáтися,
 Где и чем сердце удóбрить,
 170 Постелила как я да мягко́ место,
 И наклала круто зголовицко,
 И заснула я да крепким плотным сном,
 Только забыла в ту пору-времячко
 Про свою-то я да ладу милую.
 Уж я жду, бедна, нонь дожидаюся,
 Уж не пишет мне-ка да письма-грамотки,
 Не веселит моё да ретиво сердце.
 Уж я везде хожу да везде роблю,
 Уж я у всех прошу да у людей добрых,
 180 Я у всех спрошу да православных:
 «Нет ли у вас да письма-грамотки.

Не сообщают ли про мою да ладу милую,
Не сообщают ли про думу крепкую?»
Его, бат, раскуркали да черны вороны,
Расклевали, бат, его сизы орлы,
Растаскали, бат, да звери лютые,
Уж как мою-то ли да ладу милую.
Уж я ходила сей год да, бедна, ездила,
По лесам-то я да по дремучим,
190 По борам-то я да по широким,
По снегам бродила да по глубокиим,
Я рубила, бедна, леса строевые,
Строевые леса, еловые.
Все ходила да в уме думала
Об своей-то я да ладе милоей,
Об своей-то я да думе крепкой.
Уж я приду, бедна, да приеду,
Будет мне да письмо-прамотка,
Будут мне да лёгки весточки,
200 На них хотела сердце удобрить.
Лучше ждать буду да ладу милую
Со победою да со великою,
Наживу тогда житья спокойного,
Спокойного житья весёлого.

44. ПРИ ПРОВОДАХ БРАТЬЕВ И «БРАТАНОВ» НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

По тебя моё идёт да солнце красное,
По тебя идёт да обогривное,
По старшо моё да солнце красное,
По старшо да обогривное.
Мы садить станем на большой пароход,
Провожать станем да в путь-дороженьку,
Во дальнюю да во печальную,
Во печальную да во слезливую,
На большу войну да кроволитную,
10 Под пулюшку да ты под быструю,
Под саблю да ты под вострую,
Под снаряды-то да угробные,
Под пушки ты да под разрывные,
Разнесёт, бат, да твою буйну голову,
Прострелят ваши да груди белые,
Прольют твою да кровь горячую.

- Кто нам будет бедным описывать,
Нам сестрам, двум да белым лебедям,
Удобрять будет наши большы серыца,
20 Удобрять наши да верезённые?
Ты кормилица да солнце красное,
Ты кормилица да обогревное,
Ты живо наше будешь, здоровое.
Не забудь нас, худых сестёр,
Худых сестёр безродных,
Безродных да бозотцовых,
Горьче того нас безматерных,
Еще горьче сестёр безбратенных.
Горьки жены безмужние,
30 Горьки матери да бездетные,
Нас некому, бедных, сердце удобрить,
Наши некому сердца упоместить.
Кабы была наша гора высокая,
Сходили бы мы поговорить к нему,
Съездили бы да посоветовать
Во еловой-то да тонкой лодочке,
На доброй лошади да на ежалоей,
Рассказать, бедной, горе высокой,
Рассказать матери родимоей
40 Про свое житье да про вдовье,
Расспросить про вас, дороги братья,
Про ваши-то да письма-грамотки,
Про ваши-то да лёгки весточки, •
Что живы мои да дороги братья,
Что находятся да во большом бою,
Во большом бою да во всемирном,
Что живут братья да во чистом поли,
Во чистом поли да во раздолице,
Их постилочка да мать-сыра земля,
50 Их зголовычко — да зло кореньичко,
Одеваньице — да сине облако,
Умываньице — да заря утрення.
У моих-то ли да дорогих братьей,
Дорогих братьей, двух солнцей красных,
Солнцей красных, моих бесценных,
Бесценных да драгоценных,
Умных, моих разумных,
Тихих, моих смирённых,
Не пьющих да не гулящих.
60 Кормилица моё да солнце среднее,
Кормилица да обогревное,
Оно повыращено да солнце красное,

На пустом месте да на поплесиде,
 Поконец он жил да мать быстрой реки,
 Позавони да роду племени,
 Около синего да около морюшка,
 Около больших болот да зыбучиих.
 Не ходили к ним там да люди добрые,
 Только летала там да сера птица,
 70 Сера птица да бела утица.
 Ходили около вас да звери лютые,
 Звери лютые, звери бесценные.
 Не на гульбу уповал моё солнце красное,
 Ты за утками ходил да за лебёдками,
 Ты с горы идешь, солнце ношей несёшь.
 С под горы идешь, солнце возом везёшь,
 Ты ловил солнце да свежю рыбу,
 Заводил себе ты цветно платье,
 Цветно платье да переменное.
 80 Ты повыедешь да во большой город,
 Во большой город, славный Нарьян-Мар.
 Ты снарядишься да подготовишься,
 Ты на завидость да людям добрым,
 На завидость родным родителям,
 Ты мне видно горе злосчастной.
 Не могла над вами я налюбоватися,
 Над дорогим братом да бесценным,
 Я спереди глядела да на баско лицо,
 На баско лицо белорумяное,
 90 На румяное, белонаглядное,
 На твои-те да на круты плеча,
 На круты плеча да на аршинные,
 На твою-ту ли да на складну тушу,
 На складну тушу да на кирпичату.
 Тя отправили да в путь-дороженку,
 Ты велел встречать да солнце красное,
 Ты велел встречать да обогривное,
 На пристани около матушки да быстрой реки.
 Я ждала, сидела, сестра родимая,
 100 Старшая да лебедь белая,
 Уж как я, бедна горе злосчастное,
 Не была я в ту да пору-времячко,
 Не была, бедна горе злосчастливая,
 Я была во пути, бедна, во дальнейей,
 На Ижме была, горе, на матушке,
 Я училась да доставала большу грамоту,
 Не спроводила тебя да обогривное,
 Не на пути была, не на дороженьке,

Не знала я про то, не ведала.
110 Кабы я знала, бедна, да горе ведала,
Спроводила бы тебя да солнце красное,
На службу тебя, бедна, на верную,
На верную да на военную.
Защищать пошли да родну сторону,
Защищать Россию-матушку,
Уничтожать пошли да зла врага,
Зла врага, проклята Гитлера.
Он навёл да много горя великого,
Он сгубил много да добрых молодцев,
120 Сыновей много отецкиих,
Отцей многодетных.
Наоставляли сирот много убогих,
Сирот много безотцовских,
Кто их будет поить-кормить,
Тяжко время тяжёлое,
Тяжёлое время военное,
Военное время бесхлебное.
Отобрал у нас да злой, лихой ли враг,
Отобрал нашу Россию-матушку,
130 Россию-матушку, нашу Украину,
Украину да хлеботорную.
Нонь идёт там да больша война,
Больша война да кроволитная,
Разлилась нонь там да кровь горячая,
Нонь лежат там много трупов умерших,
Там лежит, бат, моё да солнце красное,
Там лежит моё да обогривное,
Бат, пролита его да кровь горячая,
Его протыканы, бат, да груди белые,
140 Протыканы да штыком острым,
Или прострелены да пулей быстрою.
Лежит, солнце, не похоронено,
Не одето на него платье умершее,
Не омыта с него да кровь горячая.
Его раскуркали, бат, да чёрны вороны,
Расклевали его да, бат, сизы орлы,
Растаскали, бат, да звери лютые,
Кабы я была в ту пору-времечко,
Собрала тебя бы, да солнце красное,
150 Я уложила бы тебя, да обогривное,
Я бы знала, что лежит тут моё солнце старшее
Ноне всё тужу, горе, печалюся,
Я ли всё об том да, бедна, думаю,
Я не знаю, где тебя, бедна, выпрашивать,

Я не знаю, где тебя, бедна, выведывать,
Я спрошу, бедна горе злосчастное,
У своих-то я родных родителей,
У своих-то я да приближённых,
У меня много там да роду племени,
160 У меня ли ласковых да много дядюшек,
У меня ли пять, бедна горе злосчастливых,
У меня, бедной, да у горющицы,
Зятевей много, бедной злосчастной,
У меня пятнадцать да добрых молодцев,
У меня любимых много братанушков,
У меня семнадцать да одноутробных,
Одноутробных да однокровных,
Защищать пошли они Россию-матушку,
Россию-матушку от проклята Гитлера,
170 Проклята Гитлера да как разбойника.
Уж как я, бедна горе злосчастное,
Уж как я жду их да дождаюся,
Уж со той-то жду да со сторонущи,
Из дальней да из печальной.
Победят они да зла-лиха врага,
Уничтожат они да зла проклята Гитлера.
Придут мои они, злосчастные,
Делать к нам да, бедны, робити,
Делать колхозы да большевистскими,
180 А колхозников делать зажиточными.
Как мы жили ране да веселилися,
Мы большой силой да ране робили,
Уж мы робим, бедны горе, делаем,
Выполняем наряды да колхозные,
Выполняем наряды бригадирские,
Будем крепить мы тыл от зла-лиха врага,
Не сдадимся в руки злу-лиху врагу,
Мы на гáленье ему да и на искитанье.
190 Мы ли знаем про то да, бедны, слушаем,
Искитается над нашей женщиной,
Колет ейны да груди белые,
Вырезает звёзды пятиконечные,
Вытыкает ихны да как мутны́ очи.
Я не то, бедна да горе, думаю,
Что галились над нашими девушками,
Над девушками да добрыми молодцами.
Я желаю нонь, бедна злосчастливая,
Я удалим-то да добрым молодцам,
200 Разгромить да зла-лиха врага,
Им вернуться да в обратну сторону

Разгромить проклятого да Гитлера,
Сохранить войска да добрых молодцев,
Их вернуть домой да со победою,
На пропитание их да отцу-матери,
Подымать своих да детей малых.
Я ль дождусь своих да дорогих братьей,
Я из службы их да я из верной,
Со победою да со великою.

45. ПРИ ПРОВОДАХ БРАТЬЕВ И «БРАТАНОВ» НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

(Повторная запись)

Вы кормилицы да дороги братья,
Вы кормилицы да дороги солнцы,
Вы куда, наши, да собираетесь,
Вы куда, наши, да сподобляетесь?
Наглядитесь-ко да очи глупые,
На запас, мои да недовольные,
На кормилицу да брата старшего,
На солнышко да обогривного.
Высоко взняслось да солнце красное,
10 Далеко ушло да обогривное,
Во путь оно да во дорожечку,
Во дальнюю да во печальную,
На большу войну да на всемирную,
Иль на службу ту да ты на верную.
Дорого моё да солнце красное,
Дорого моё да обогривное,
Уж я сяду с тобой да на крутой берег,
На крутой берег да на обрывистый,
Ко матушке да ко быстрой реке,
20 Ко кормилице да золотой струе,
На гладки-те да чисты поженки,
На Дунаи-те да на широкие.
Тут ходил моё да солнце старшее,
Уж как робил ты да обогривное,
Уж по этим ты ходил путям-дорожечкам,
Ты пешим путем ходил, добрым конем,
Во еловой-то да лёгкой лодочке,
На пароходах-то да на буксирных,
На буксирных, на пассажирных.

- 30 Уж ты везде ходил, да солнце красное,
Уж тебе всяко-то да как встречалося,
Всяко-то да приходилося,
Уж ты во темном лесу будто поимано,
Во сыром бору да было найдено,
Не отцом было да ты засеяно.
Не матерью было спорожено,
Засевали вас да ветры буйные,
Спородила тут да мать-сыра земля,
Ты повыросло да во темном лесу,
- 40 Ты повыздрело да во сыром бору,
Ягодой да ты ли красной,
Сладкой ты баской малинушкой.
Тебе мягко́ место было не направлено,
Круто зголовьице было не наложено,
У тя постилочка да мать-сыра земля,
А зголовьице да зло кореньичко,
Одеяльице да тепло облако,
Омываньице да зоря утрення,
Утираньице да как буйны ветры.
- 50 Уж дорого моё, да солнце красное,
Дорого моё да обогревное,
Уж я не знаю тя к чему приложити,
Я ко месяцу да тя ко ясному
Или ко звёздочкам да я ко частым,
Или ко солнышку да я ко красному,
Я ко красному солнышку да обогревному,
Уж ты ценой у меня было не обложено,
Уж ты из ста был у меня, из тысячи,
Уж ты бойко было моё, урывное,
- 60 На работаньке да ты рабочее,
На гуляньице да было развито,
Разговор вести да уважительный,
Ты умел сойтись да с людьми добрыми,
Умел разойтись да с православными.
Уж я где буду тебя сыскивать,
Уж я где буду тебя спроведывать,
Во толпах больших да во компаньюшах,
На вечёрочках ли, на катушечках,
Уж я нигде не могу тебя увидети,
- 70 Не заздрить тебя, не заприметити.
Далеко солнце моё находится,
Только жду я, бедна, да письма-грамотку,
Уж как лёгки-то ли я да весточки,
Уж не одно моё ты солнце старшее,
Уж я выплачу да про втора брата,

Про втора брата да брата среднего,
Уж мне ли в ту же да во сторонушку,
Отправлено да солнце среднее,
Уж как полно-то оно мое, полновозрастно.
80 На ходьбе идёт да он пером пишет,
На гульбе ходит да он не тряхнется,
Дорогой ты мой, да солнце среднее,
Уж я гляжу-смотрю да, бедна злосчастливая,
На твое-то ли да на бело лицо,
На бело лицо баско румяное,
На румяное да на наглядное,
На круты плеча да на аршинные,
На гладку спину да на кирпичату.
Уж я докуль буду да отправлять братьей,
90 Уж я докуль буду да отряжать солнцей,
Не наполнить нам да дальню сторону,
Нашему-то да роду племени,
Уж у меня много там да роду племени,
Уж у меня много там родных родителей,
У меня шестнадцать-то да как братанушков,
Одноутробных да однокровных,
А зятевей много да добрых молодцев,
Уж как пять у меня да ласковых дядюшек.
Я сижу, бедна, да дожидаюся,
100 Из большого я да роду племени,
Из большого да из почётного,
Со победой жду да со великою.
Не идут мои да как не катятся,
Уж кормилицы, родны родители,
Дороги мои, братья бесценные.
Уж только редко ходят нам да письма-грамотки,
Редко пишут да лёгки весточки,
Нет у им время свободного,
Уж они то пишут да нам злосчастливым:
110 «Не сердитесь, две сестры да белы лебеди,
На нас на двух да дорогих братьей,
Уж мы ходим здесь не за охотушкой,
Не за птицею, не за куницею,
Не за баским зверем да за лисицею,
Уж мы ходим вокруг да проклята врага,
Отбираю назад да родну сторону,
Родну сторону да хлебородную,
Не ходил бы по ней да проклятой, злой враг».
Уж как дороги мои да солнца красные,
120 Дороги мои да обогривные,
Они дают наказ нам да как ли братенский:

«Уж вы кормилицы да дорогí сёстры,
Уж вы приберите мою гору высокую,
Уж как мать-то нашу родимую,
Поберегите ихно да как здоровьице,
Пусть не ходят они да не мотаются,
Когда вернёмся мы да со победою,
Приберём себе да гору высокую,
Уж как мать-то да мы родимую,
130 Уж как станем мы тогда воспитывать.
Они сумели нас да как засеяти,
Сумели нас да как поростити,
Мы везде годны да будто надобны,
На защитушку да своей Родины».
Уж как кормилицы да дороги братья,
Я писала им да в письмах-грамотках,
Я писала им да в лёгких весточках
Им итти в боя да во всемирные,
Не бояться им да проклята врага,
140 Набрать силы да богатырской,
Уничтожать врага, проклята Гитлера.
Они писали мне да письма-грамотки,
Ответы мне красноармейские:
«Дорога сестра наша родимая,
Ты дала наказы нам да военные,
Не щадить нам бить да проклята врага».
Уж кормилицы вы дороги братья,
Буду ждать я вас, дожидатися,
Со победой да со великою,
150 Со жизнью вас да со весёлою,
Со весёлою да со спокойною,
Укротить войну да как всемирную,
Победить врага, проклята Гитлера.

И. Н. ПОЗДЕВА

46. ПРИ ПРОВОДАХ ПЛЕМЯННИКА НА ВЕЛИКУЮ
ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Наглядитесь-ко мои мутнѣ очи,
На запас мои да навеки,
На твоё-то ли да на бело лицо,
На твоё-то да на румяное,

На румяное да ненаглядное,
На твою-то ли да на складнѹ тушу,
На складнѹ тушу да на кирпичату,
На мужски плечи да на аршинные.
Поглядочка твоя баска умильная,
10 Разговорушка твоя покатая,
Походочка да установная,
Не могу на тя да насмотретися,
Не могу на тя да наглядетися,
На любимого да на племянника,
Я, горюха бедна, худá тётка.
Я пришла, бедна, к тебе приехала,
Я к матушке да к быстрой реке,
Ко пристани да пароходной,
Я спроводить тебя бедного злосчастливая,
20 Я любимого, бедна, тебя племянника,
Я любимого тебя Васильюшка,
Васильюшка да тебя Павловича,
На чужу-ту тебя дальну сторонушку,
На злодейну злу да незнакомую.
Чужа ты да дальна сторона,
Она не мѣдом там да полита,
Она не патокой да там помазана,
Она засыпана тоской-кручинушкой.
Охти мнешенько да мне тошнѣхонько,
30 Болит моѣ да ретиво сердце,
Болят мои да чѣрны печени,
Как с'гану да забывать тебя,
Чем стану да запивать тебя,
Не заись мне да будет баской едой,
Не запить буде да ключевой водой,
Днѣм хожу, бедна, в уме держу,
Ночью сплю — тебя во сне вижу.
Охти мнешенько да мне тошнѣхонько,
Болит моѣ да ретиво сердце.
40 Ноют да чѣрны печени,
Белеюшко мой, соколеюшко,
Любимый мой племянничек,
Расставаемся с тобой да навеки,
Распрощаемся, бедны злосчастливые,
По нонешнему по тяжкѹ время,
По тяжкѹ время да по тяжѣлому.
Идѣт там больша война,
Больша война да кроволитная,
Там летят, свистят да пули быстрые,
50 Больши снаряды разрываются,

Под пули вас, под быстрые,
Под сабли вас, под вострые,
Под стальные щиты четырёхгранные.
Поднялся враг Гитлер, неверный он,
На нашу на Россию-матушку,
Он валит, губит да добрых молодцев,
Сыновей, детей наших отецкиих,
Ты белеюшко мой, соколюшко,
Любимый мой племяненко,
60 Из белых-то рук тебя упúстила,
Из мутных очей, бедна, потёрjala,
Уж я где стану да тебя ссыкивать,
Уж я где стану да тебя спроведывать,
Я в которой-то пути-дороженьке,
Я письмом тебя да нонче грамоткой,
Я словесным-то да челобитьицем,
Телеграммным тебя да передаваньицем.
Не сыскать будет, не спроведати,
Не зазреть будет, не завидети,
70 Ты белеюшко мой, соколюшко,
Ты любимый мой племяненко,
Молодёхонек мой, зеленёхонек,
Ты на выходе да шелковóй травы,
На расцвете ты цвeта лазурьева.
Ты любимый мой племяненко,
Пúтнее да толковатое,
Пúтнее моё смышлёное,
Свысока птица была пострелена,
Сглубока рыба была почерпнута,
80 Накормлены были отец, мати.
Ты бросил свою гору высокую,
Спокинул свою стену камённую,
Ты кормилицу, мати родимую,
Ты кормилицу, жалость сердечную,
Горевать их да птицей-пташицей,
Куковать их горькой кукушицей,
Во сыром бору да ты на пёнушке.

М. Б. ПОЗДЕЕВА

47. ПО МАТЕРИ

(Плачет дома)

Господарыня да лебедь белая,
Ты кормилица, мати родимая,
Ты кормилица, жалость сердечная,
Убралась моя да укатилася,
Уж ты крепко спишь да не разбудишься,
Тяжело лежишь, не поворишься,
Не откроешь да очи ясные,
Не раздвинешь уста сахарные,
Не подашь больше да звонку голосу,
10 Подала бы мне да звонку голосу
Вместо мёду да мне тающего,
А вместо сахару да мне сыпучего.
Убралась наша да укатилася,
Уж ты бросила нас да всех оставила,
Уж как мы станем да жить — позориться
Мы без матери да без родимой,
Без милости да без сердечной,
Хошь недалеко да мы провóдили,
Не глубоко да хошь закóпали,
20 Не дождать будет да письма-грамотки,
Не дождать будет да вести-пáвести,
Ты кормилица, мати родимая,
Ты кормилица, жалость сердечная.
Нам последнее нонь да расставаньице,
Вековó да несвиданьице
Мы нигде больше с тобой не сóйдемся,
Мы не сóйдемся да не съедемся,
Не съедемся да не увидимся.

(Плачет на могиле)

Потянитесь-ко, да ветры буйные,
30 Со восточной да со сторонушки,
Разодвнись-ко, да мать-сыра земля,
Откройся-ко, да гробова доска,
Размахнитесь-ко, да белы саваны,
Отойдите-ко, да руки óт сердца.
Ты восстань, моя да мать родимая,
Ты восстань, моя жалость сердечная,
Помоги ты моему горюшку.
У бедной да у злосчастной
Есть три горя да три великих:

40 Перво горе да есть до Питера,
А друго горе да до Киева,
А третьему-то так и конца-то нет.
Впереди горе меня бегом бежит,
А позади меня да колесом катит.
Я жила, бедна горе, позорилась,
Я с измалых лет да с измалечества,
Я повыросла да во чужих людях,
Я ходить стала да по чужим людям,
По чужим людям да православным,
50 Я повыклала да могуту-силу,
Уж много им да верно робила,
Уж я много им да, горе, делала.
Я ходила да много ездила,
Я по матушке да по быстрой реке,
По быстрым тоням да по субойным,
По желтым пескам да по макарьевским,
Я ловила там много свежой рыбы,
Я свежой рыбы много трепущей,
На буяновых да шелкову траву,
60 Мы косили там да шелкову траву,
Уж мы ставили да зеленое сено,
Хоть я старостью да нонь не старая,
Хоть годами да не залетная,
Посереди веку да я состарилась,
Я повыклала да могуту-силу.

48. ПО БРАТУ

Ты кормилица да красно солнышко,
Ты кормилица да обогривное,
Уж ты крепко спишь да не разбудишься,
Тяжело лежишь — не поворачиваться,
Не откроешь да очи ясные,
Не раздвинешь уста сахарные,
Не подашь больше да звонку голосу,
Ты кормилица да солнце красное,
Ты кормилица да обогривное,
10 Уж ты умное было, разумное,
Уж ты путное было, толковое,
Уж ты большое было да наша корпусно,
У тебя белое тело было, бумажное,
У тебя баское лица было, румяное,

Как баски кудри были молодецкие,
По ушам они да раздвигались,
Во кольцо-кольцо да завивались,
Твои баски были да очи ясные,
Очи ясные да развесёлые.
20 Тя мочили да зори утренни,
На тя падали да росы сладкие,
Рано здымалось да красно солнышко,
Скоро грело твоё лицо белое,
Зрило твоё румяное,
Румяное твоё ненаглядное.
Ты из сотни у нас был выби́ранный,
Из тысячи да запримеченный,
Ты на завидость да людям добрым,
На похвальбу был да православным,
30 У тя в руках да всё родилося,
Во глазах да не двоилося,
Ты с глубока ловил много свежо́й рыбы,
С высока стрелял много бысто́й пти́цы,
Свежо́й рыбы да трепущеей,
Скоро́й пти́цы да полету́щей,
Помогал много стены ка́менной
Ты растить да детей малых,
Детей малых да детей глупых.
Да уж мы где станем тебя сыскивать,
40 Мы ведь где станем тебя спроведывать,
Нам не дождать больше письма-грамотки,
Не услышать да вести-пáвести
О тебе, моё да солнце красное,
О тебе, моё да обогрeвное.
Не далеко мы тебя спровóдили,
Не глубоко тебя полóжили
Во матушку да во сыру землю,
Не видать больше тебя, не видывать,
Твоего голосу больше не слыхивать,
50 Нам последнее да расставаньице,
Вековечное да несвиданьице.

49. ПО МУЖУ

Ты кормилица был да ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Уж ты пьющая был, мотущая,

Уж ты часто ходил да в царёв кабак.
Ты много пил там зелена вина,
Потребил много зелья лютого,
Зелья лютого да ядовитого,
Ты пропивал много да золотой казны,
Золотой казны да бессчётной.

10 Уж ты шумливое было, громливое,
Ты громливо было, ругáтливо,
Ты крутóрьево было, спешливое,
Ты спешливое было, ревнивое.
Я жила, бедна, с тобой позорилась,
Я своим умом нынче подумаю
Я про ту ведь жизнь да где с тобой жила,
Я с тобой жила да, горе, плакала,
Я о том о всём верно подумаю,
Я не могу скрепить да ретиво сердце,

20 Я не могу унять да горючи слезы.
Как жила с тобой да я позорилась,
Я со многими да детьми малыми,
Я со многими да со артельными,
Располна была, целá куча.
Уж я-то, бедна, да в уме думала,
Когда повыращу да детей малых,
Когда повыращу, да всех повыздыну
Я до полного да их до возрасту,
Их до крепкого да ума-разума

30 Заживу тогда я по-хорошему,
По-хорошему да по-счастливому.

50. О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Ты кормилица да молода пора,
Молода пора да зеленó время,
Прошло да прокатилось,
За единый час мне показалось,
Не во-пору прошло не во-время.
Я росла бедна, горе злосчастная,
Я с измалых лет да с измалечества
Во чужих-то да во добрых людях,
Не отцом будто была засеяна,

10 А не матерью была будто спорожена.
Меня засеяли будто буйны ветры,
Меня спородила да мать-сыра земля.

Я живу бедна, горе злосчастливая,
Во чужих-то да во добрых людях,
От буйна ветра нету заставицы,
Да от мокра дождя нету закрЫлины,
А от добрых людей да мне защитушки.
А хоть есть у меня отец-матери,
А хоть есть у меня братья да ясны соколы,
20 А хоть есть у меня сестры да белы лебеди,
Отдали да в чужий люди,
Я хоть сержусь да всё обижусь,
Но мы ведь многие были, артельные,
Артельные были, семейные,
Нас полна изба была, целá куча.
Мы в нужде жили да в бедной бедности,
Во великой да большой скудости.

(«Иной раз встанем и есть нечего»)

Уж судьба моя была несчастная,
Участь да бедна горькая,
30 Уж много я да, бедна, робила
На кулаков да на богатых,
На купцов да на торговых,
Я повыклала да могу-силу

(«Вот нынче оно бы мне и пригодилось, а то ведь никуда теперь
не пожу»)

Ни за грош да ни за денежку.
А хоть вышла я да во замужество
За удалого да добра молодца,
Обвязалась я да детьми малыми,
Детями малыми да ведь глупыми,
Детями глупыми да каждогодними.

40 Уж я растила их да их подымала,
Уж со пьющей да со милой ладой,
(«Попивать-то любил муж»)

Хошь многие были, артельные,
Я сорок недель да всех износила,
Девять месяцев да их исполнила,
Я на смертный час да попускалася,
Со белым светом да распрощалася,
Я смогла их всех да повырастить,
Я повырастить да всех повыздынуть,
Я повыздынуть да всех повыучить

50 Я до полного да больша возраста,
Я до крепкого да ума-разума.
Я отправила, да всех проводила
Я во дальнюю да путь дорожечку,
На чужу дальню да на сторонущу,

На большу войну да кроволитную.
По другому да году долгому,
По другому да по тяжёлому,
По времю да по военному
От моего-то да чада милого,
60 От моего-то дитя сердечного
Ни письма мне нет ни грамотки,
Ни вести да нет ни павести.
Не могу, бедна, придумати
Где моё бедно дитя находится,
Он ведь был моё да чадо милое
Во первых боях да кроволитных,
Защищал свою да Родину
От зла врага да от проклятого.
Уж я то, бедна, да, горе, думаю,
70 Сразила может пуля быстрая,
Во чистом поле да во раздольице,
Разнесли, может, да звери лютые,
Расклевали, может, да чёрны вороны.
Ты кормилица да чадо милое,
Ты тихое было смиренное,
Умное было, разумное,
Путное было, смышлёное.
Смышлёное да толковитое.
Мы живём да, бедны, остались,
80 Мы по-старому живем да мы по-прежнему,
Мы по-прежнему да в глубоком тылу,
Мы не слышим да больших выстрелов,
Мы не видим да хищных ястребов,
Помогаем да всеми силами
Разбить врага да проклятого,
Истребить да до единого
Тыловым да трудовым фронтом
На полях да на колхозных,
На лугах да на зелёных,
90 На заливных да на печорских.
Мы косим да шелкову траву,
Ставим мы да зелёное сено
Для доблестной да красной конницы,
На разгром врага да до единого.

51. О СЫНОВЬЯХ-ФРОНТОВИКАХ

- Я сижу, бедна, да горе серое,
Я одна сижу да одинёхонька
Во своей-то да злой хоромине,
На брусчатой да гладкой лавочке,
Я смотрю, бедна, горе злосчастливая,
Во окошечко да во косящато,
Я смотрю-гляжу да вон на улицу,
Где ведь ходят да люди добрые
Где ведь ходят да православные,
10 И много ходят да белы лебеди.
Я сижу тогда да верно думаю:
«У мя много было тоже рощено,
У меня много было подымано,
У меня полна изба была, целá куча.
Уж я растила их да подымала
Я в нужде ведь их да в бедности,
Я на них, бедна горе, надеялась,
Они все ушли у мя, уехали,
Они во разные да в дални стóроны,
20 Они одну почти меня оставили,
Не на луга они не на зелёные,
Не на площади не на широкие,
Не на широкие да мелкотравчатые,
Не на гладки да чисты поженки,
Не на работаньки не на тяжёлые,
Не на домашние да суетливые.
Они ушли у мя да все уехали
На чужú дальну сторонушку,
На службу да на военную,
30 На войну да кроволитную.
Уж я где стану да их сискивать,
Я где стану да их проведывать?
Мне ходить надо да на почтовой дом,
Мне проведывать да почты лёгкие,
Уж мне спрашивать да письма-грамотки,
Письма-грамотки да вести-павести.
Я ничего не знаю про них, не ведаю.
Их сразила, может, да пуля быстрая,
Пожила, может, да кровь горячая
40 Во чистóм поле да во раздольице».

52. О ДОЧЕРИ, УЧАСТВОВАВШЕЙ В БОЯХ С ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Ты прости, моя да лебедь белая,
Ты прости, моя да дорогá дочи,
Я отправила тебя, проводила,
Я во дальнюю да путь-дорожечку,
Я во дальнюю да во печальную,
За больши бора да за сосновые,
За темны леса да за дремучие,
За быстры реки да за субойные,
За сини моря да за глубокие,
10 На чужу дальнюю да на сторонушку,
На дальнюю да незнакомую.
Уж я где тебя да стану сыскивать,
Уж я где тебя стану спроведывать,
У кого про тя да стану спрашивать?
Ты кормилица да дорогá дочи,
Дорога была моя бесценная,
У тя гора была да ума-разума,
Уж ты тихая была смиренная,
Умная наша, разумная.
20 Ты пошла, наша, да шонь поехала
На большу войну да кроволитную,
Ты учись, моя, да по отличному
Ты работай да по-военному,
Ты лечи-спасай да добрых молодцев,
Добрых молодцев да белых лебедей,
Героев да ты советских,
Богатырей да ты всемирных.
Уж ты бей врага, наша, без промаху,
Истребляй да до единого,
30 Защищайте да свою Родину,
Свою Родину да жизнь счастливую,
Жизнь счастливую да равноправную.
Ты кормилица да дорогá дочи,
Дорогá дочи моя, сердечная,
Моя сердечная да бесценная,
Ты придёшь, наша, с победою,
Ты расскажешь нам да дорогá дочи,
Ты расскажешь нам о подвигах,
О подвигах да о великих.

53. О ПЛЕМЯННИКЕ-ФРОНТОВИКЕ

Сошлись да съехались
 Не надолго да поры-времячка,
 На одну то, бат, да на минуточку,
 Разостались да распростились,
 Мы из рук чада как урónили,
 Из мутных очей да как потёрjali
 Любимого да как племянника,
 На чужу его да дальню сторону,
 На злодейку да незнакомую,
 10 На большу войну да всемирную,
 На всемирную да кроволитную,
 Где губят много да добрых молодцев,
 Кладут там да буйны головы,
 Проливают да кровь горячую.
 Во чистом поли да во раздольице
 Летят там да пули быстрые,
 Блестят да сабли острые
 На удалых-то да добрых молодцев,
 Больши снаряды там заряжены,
 20 Больши пушки да разрывные,
 Убить хотят наших добрых молодцев.
 Вырос ты да во пустом месте,
 Во пустом месте да во темном лесу.
 Не было у тя друзей-братей,
 Нечем было веселитися,
 За одной он только да за работанькой,
 За утками да полетушими,
 За свежой рыбой да за трепущеей.
 Шла его да молода пора,
 30 Шло его да зелено время,
 Умой да разумной,
 Тихой да смирёной,
 Моей-то сестры родимой
 Слуга да была верная,
 Крыло да было правое,
 Дитя было безответное.
 Складна туша кирпичата,
 Плечи были да молодецкие,
 Баско лицо было румяное,
 40 Румяное да наглядное,
 Мутны очи да соколиные,
 Черны брови да соболиные

Ресницы да сизобобровые,
Желты кудри да молодецкие,
Походочка баска упавая,
Разговорушко да тихой смирной,
Поглядочка да умыльная
У любимого да у племянника.
Мы не знали к чему тебя приложитьи,
50 Ко ильинской да ко морощечке,
Ко петровской да ко пушечке,
Ко здвиженской да крутой репочке,
Ко покровской да снежной грудочке
Уж ты яблоня наша кудрявая,
Горька свеча да воску ярого,
Уж ты красно наше золото,
Уж ты чистое да наше серебро,
Пиши мне да письма-грамотки,
Не жалеи купить листа ербового,
60 Нанять писаря да мастерового,
Мы ждать станем да дожидатися
Твои-то да письма-грамотки.
Спроводила я много ясных соколов,
Трёх братьей да я родителей,
Да четвёртого еще племянника.
Мы откуль их дожидать станем,
Откуль станем их высматривать?
Со чужой-то дальней стороны,
Со большой войны, да со всемирной,
70 По каким путям да по дорожечкам,
По зимниим да по трахтовыим,
На добрых конях да на ежалых,
Мы по матушке да по быстрой реке,
По кормилице да золотой струе,
Мы по славной Печоре-матушке
Из больших морей да из широких,
На больших суднах да больших кораблях.
Ни откуль, быват, да нам не выгядеть,
Широки двери про их отворены
80 Про сердечного да солнца красного,
Не дождать мне-ка его, не выгядеть.

54. ПО БРАТУ, ПОГИБШЕМУ НА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Моего-то да солнца красного,
Середнего да обогривного,
Он молодёхонек да зеленёхонек,
Он не думал да в уме-разуме,
Он сряжался мой да как готовился
Со своим войском да во больши бои,
Он садился мой да на добра коня
(«*Был кавалеристом*»)

Во седло садился во черкальское,
Поехал он да по чисту полю,
10 Его постигла тут судьба несчастная,
Моего-то да солнца красного
Истекли его леты цветущие,
Его встретили да неприятели,
Фашисты-тё да неприятели,
Подсекли его ноги резвые,
Прострелили его буйну голову,
Его пролили да кровь горячую,
Прикончили жизнь молодецкую,
У моего-то да солнца красного
20 Погани-ти да неприятели.
Не досталася ему да мать-сыра земля,
Не повырыто да земляна бугра,
Не построена да нова горница,
Не сповыделана да светла светлица
Из нова теса да дорожёного,
Не смыта его да кровь горячая
Со его да тела белого,
Со баска лица да со румяного,
Со мутных очей да соколиных,
30 Со черных бровей да соболиных,
С ресниц сизобобровых,
Со желтых кудрей да со рассыпчатых.
Не сряженной в платье умершее,
Не сряженной да не уклаженной,
Не закрытой он да гробовой доской,
Не зарытой он да желтым песком.
Кормилица да солнце красное,
Его раскуркали да чёрны вороны,
Разграяли да сизы орлы,
40 Как моё-то солнце красное
Он вырастил ведь крылья правильные,
Навёл пуху да лебединого,

Поднялся он да высокошенько,
Улетел от нас да далечёшенько,
Далеко от нас да по поднебесью,
Откуль не бегаёт да скорá почта,
Нам не возят да письма-грамотки,
Не пересылают нам да вести-павести
По третьему да году долгому.

С. М. ПОЗДЕЕВА

55. О СЫНЕ, ПРОПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ

Кормилица да чадо милое,
Дорого дитя моё сердечное,
Я опять тебя да провожать стала,
Я опять тебя да провожать стала
Во дальнюю да путь дороженьку,
Во дальнюю да во печальную,
Во печальную да невесёлую,
На злу лиху, на большу войну,
На большу войну да ерманскую,
10 Под пулю да под быструю,
На смерть тебя, да чадо милое,
Под бой тебя, да чадо милое,
Под бой тебя, дитя сердечное,
Нам последнее с тобой прощаньице,
Вековечно, бат, да нам свиданьице.
Бат, не бывать больше да чаду милому,
Не видать боле дитю милого,
Умного тебя, разумного,
Тихого да смирёного,
20 Баска́ душа да молодецкая,
Брови ли его усовые,
Баски глаза его весёлые,
Походочка да его умная,
Поглядочка его умбильная,
Разговорюшко его да умное,
Умное его понятное.
Я ведь, бедна, где стану сыскивать,
Я где его стану спроведывать,
У соседей ли его да ближних,
30 Во друзьях братьях ли, во приятелях,
В кампаниях ли тебя весёлых,

Во играх ли тебя забавных?
Не найти тебя будет да злосчастной,
Не сыскать будет да бедной злодейной
Со той пути да со дороженьки,
Письмом будет его не выписать,
Судом будет его не высудить,
Не выплакать будет его не выкликать.
Я горюха ли, бедна злосчастливая,
40 Я горька бедна да мати злыденна,
Горька мати да бессыновья,
Я не могу дождать да чада милого,
Не могу дождать дитю сердечного,
Я белеюшка да бедна Титушка,
Я ведь зрю-смотрю, бедна, на улицу,
Из окна в окно, горе, бросаюся,
Всё ведь зрю-смотрю да чада милого,
Я ведь жду своего дитя сердечного,
Не могу, бедна, его дождатися.
50 Много ходят людей добрых,
Сыновья ходят да всё отцовские,
Моего нету да ведь чада милого,
Не могу дождать дитю сердечного,
Моё повыболело ретиво сердце,
Мои повыгнили да лёгки печени,
Я не пью столько да ключевой воды,
Сколько уронила да горячей слезы.
Не могла ничё да, бедна, выплакать,
Выплакать да, бедна, выкликать,
60 Не дождать видно будет, злосчастной,
Кормилицу да чада милого,
Дорогого дитя своего сердечного,
Одно моё да одинакое,
С тысячи да было выбрано,
Из сотни да запримечено,
Умной мой да разумной был,
Нету у меня да вести-павести,
Не идут больше да письма-грамотки.

Т. Н. ТИРОНОВА

56. ПО ПЕРВОМУ МУЖУ

Ты кормилица, ладо милое,
Ты кормилица да дума крепкая,
Мы не на это с тобой сходилися,

Не на это да с тобой венчались,
 Золотым кольцом да обручались,
 Под венцом стояли да мы венчались,
 Во одном житье да сокупа́лись,
 Во одном житье да мы во бедном,
 Во одном житье да мы во нужном,
 10 Обеи да были нужные,
 Обеи да были бедные,
 Не сводили нас да люди добрые,
 Мы сами сошлись да повенчались,
 Никому с тобой да не сказа́лись,
 Ни у кого с тобой да не спросились,
 Мы любя с тобой да, горе, сходились,
 Нам не су́лил бог да жизнь длинную,
 Разлучил нас да середí векú,
 Средí векú да в молодú порú.
 20 Мы были с тобой да молодёхоньки,
 Молодёхоньки да зеленёхоньки,
 Мы не во-пору с тобой да разлучились,
 Мы не во-время да разостались,
 На середке да на пиру́ честном,
 При сыто́м столе да при родных родителях.
 Я осталася посреди брусчатой лавочки,
 Кормилица да ладо милое,
 Дума да моя крепкая.
 Ты на што пошёл да ты на што побрёл,
 30 По той-то да пути-дороженьке,
 По трактовой да по широкой,
 По частым мостам да по стелёным,
 По стелёным да проведённым.
 Ты не сам пошел да верно рок повел,
 Ты понёс туда свою да буйну гóлову,
 Ты злу врагу да на покушеньице,
 Супостатнику да на повстречаньице,
 Супостатнику да кроволитнику,
 Он пролил твою да кровь горячую,
 40 Снял у тя да буйну голову,
 Зарезал тя да он вострым ножом,
 Вострым ножом да тя булатным,
 Подрезал твои да становы́ жилы,
 Проколот твои да груди белые,
 Ретиво́ сердце вынял да вострым ножом,
 На востром ножу да на булатном.
 Не легко же мне, да горю серому,
 Ты бросил меня на той пути-дорожке,
 Бросил меня бедну, оставил ты,

50 Горько́й вдовой да приубогоей,
Нището́й меня да пережо́жей,
В молодых годах да молодёхоньку,
Молодёхоньку да зеленёхоньку,
Двадцати годов да со прибаво́чкой,
Я не в пору с тобой да разоста́лася,
Я не в пору да разлучи́лася,
Разлучи́лася да распари́лася,
Ништо́ было да не думано,
А в уме́ разуме́ да не помы́слено,
60 Жалко́ мне да молодой поры́,
Когда́ была да молодёхонька,
Когда́ была да зеленёхонька,
Добры́ люди да весели́лися,
Я облива́юся да горю́чими слезми.
Расстава́юся да с ладо́й мило́ей,
Со мило́й ладо́й да повенча́льной,
С ду́мой крепо́й да припостельно́й.
Ты ладо́ да моё́ мило́е,
Дума́ да моя́ крепо́я,
70 Не на это́ да мы сходи́лися,
Думали́ с тобой да ве́ки жить,
Веки́ жить до старо́й старости́,
А мы мало́ жили до поры́-вре́мячка
Только́ шестна́дцать да мы неделю́шек,
Шестна́дцать да семиде́нных.
Разлучи́ла нас да мать-сы́ра земля́,
Распари́ла нас да гробова́ доска́,
Нас не во-пору́ да молодёше́ньких,
Молодёше́ньких да зеленёхоньки́х
80 Двадцати́ годов да со прибаво́чкой,
Не успело́ мне-ка да рассвета́тися
Как пришла́ пора́ да стемня́тися,
Не видала́ я да свету́ бело́го,
Не видала́ я да солнца́ на́ясни,
Я красна́ солнца́ да обогре́вного.
Не во-пору́ да мне стемни́лося,
Не во-пору́ да мне потеря́лося.
Я как положи́ла да тя в мать-сы́ру землю́,
Я положи́ла да тя, спроводи́ла,
90 Ты со той поры́ да с того́ вре́мечка,
Ты унес у́ мя да всё́ здоро́вьице,
Запусти́лась моя́ да жизнь сы́светная,
Запусти́лась да замеша́лася.
Ты корми́лица да ладо́ мило́е,
Ты ста́тным ста́тно да полно́возра́стно,

Настоящим был да полнокорпусным,
 Твоё бело тело да гумажное,
 Да кругло лицо было румяное,
 Твои круты плеча были аршинные,
 100 Черны глаза да соколиные,
 Черны брови да соболиные,
 Разговорушко было с умЫлочкой,
 А поглядочка была с усмешечкой.
 Я положила тебя, да ладу милую,
 Положила да тя спроводила,
 Я со той поры да с того времени,
 Я рассталася да разлучилася,
 Я не во-пору да не во-время,
 Молодѣхонька да зеленѣхонька.
 110 Ты умный был да мой разумный был,
 Кормилица да ладо милое,
 Ты умел сойтись да с добрымá людьми,
 Сумел сойтись да поздороваться,
 Посидеть с ними да побеседовать.
 Ты кормилица, да ладо милое,
 Мы думали с тобой да долги вѣки прожить,
 Ты бросил меня да среди пути,
 Среди пути да средь дороженьки
 При добрых людях да при компаньюшах,
 120 Расстался да разлучилися,
 Навеки да мы рассталися,
 У нас последнее с тобой прощаньице,
 Вековечное да больше несвиданьице.
 Ты кормилица да ладо милое,
 Понесли тебя да мы по той пути-дороженьке,
 На круты холмы да на окáтисты,
 На полосы да хлебородные,
 Я спровожать тебя да ладу милую,
 Класть тебя да во сырú землю.
 130 Ты прости, моё да ладо милое,
 Мы навеки да разостáлися,
 Нерушимые да разлучилися,
 Не видать нам да век-пóвеки,
 Ты покинул меня да горе серое,
 Горькóй вдóвой да приубóгой,
 Каликой да перехожеей,
 Укупíла-то звание да я сиротское
 Я как стану да ныне жить-позориться,
 Без тебя, моя да пара-рównюша,
 140 Я не красная да ныне девушка,
 Не молода буду ныне молодушка.

Горька вдова да приубогая,
Калика я да переходя,
Не от меня, бедной да от злосчастной,
Свежа рыба низко спустилася,
Во заструги да во глубокие,
Не от меня да горобедной,
Улетела да птица серая,
Высоко поднялася да по поднебесью,
150 У меня улетело да счастье великое,
Не причём нынче я бедна осталася.
Как буду да жить-позориться,
Я горькой вдовой да приубогоей?
Наб одеть нынче да платье цветное,
Одели мне-ка темнó платье,
Платье тёмное да мне-ка вдовнее.
Вся прошла моя да молодá пора,
Не видала я да свету белого,
Не видала я да молодой поры,
160 Не видала я да жизнь хорошую,
Не видала я да солнца нáясни,
Не видала я да свету белого,
Я не знаю, как живут да люди добрые,
Отецкие да честны дочери,
Жены как живут да мужние,
Живут они с мужем красуются,
Я не житьё живу, да муку мучаю.

57. ПО ВТОРОМУ МУЖУ

Я горюха да горе серое,
Я жила с тобой немного до поры-времячка,
Кормилица да ладо милое,
Я времячко да жила урочное,
Годы да жила числёные,
Я жила у тя да красовалася,
Как сыр в масле да я купалася.
Ты тихой мой да был смирёный мой,
Умной да был разумной,
10 Не на это да мы с тобой сходилися,
Не на это да сокуплялися.
Ты бросил меня да не во-время,
Не во-время да не во-пору,
Двадцати пяти да молодёхоньку,
Молодёхоньку да зеленёхоньку,

Ты со сыном мя да ясным со́колом,
Со дитём да со сердечным,
С чадом да со милым,
С малым да мя со глупым
20 Одно у мя да чадо милое,
Одно у мя да дитя сердечное,
Маленькое да моё глупенько,
Трёх годков да со прибавочкой.
В любях у нас да дитя найдено,
В чести оно да было дёржано,
При милости да было рожено.
Один у мя одинёшенек,
На всём свете да чадо милое.
Мы не во пору с тобой да разоста́лися,
30 Не во-время да разлучилися,
Не во-пору да не во-время,
Молодѣхоньки за зеленѣхоньки,
Не это да чадо думало.
Почто мы скоро рассталися,
Почто мы скоро разлучилися.
Не на это да тебя отправила,
Не на это да твоя отрѣдила,
Ты пошёл мой да как пбехал
По матушке да по быстрой реке
40 На концеу реки, на поплáв воды,
На добрых конях да ежжалых,
Не один ты да не одинѣхонек,
Цельй да вас отряд пошёл.
Повстречалися твое злы враги да супостатники
На той пути на дороженьке,
Повстречали тя да добра молодца,
Отсекли у тя да руки белые,
Бросили да в мать быстру реку,
В мать быстру реку да золоту струю,
50 Во темну прóрубь да во глубокою,
Во глубокою да тя подлѣдную.
Я с тобой да бедна разоста́лася,
Давным-давно да не видалася,
Разлучили нас с тобой да злы враги,
Злы враги да супостатники.
Меня одну, бедну, да оставили,
Одну, бедну, да одинѣхоньку,
Одинѣхоньку да молодѣхоньку,
Со кормилицей да ясным соколом,
60 Со дитем меня да со сердечным.
Со той поры да живѣм-маемся,

Маемся да мы позоримся,
Богоданный мой да свекор-батюшко
Повыгнал меня да вон на улицу,
Из вита гнезда да из золота кольца,
Ходили мы по чужим да витым гнёздам,
Потом он убрал от нас да всё имущество,
Богоданный мой да свёкор-батюшко.
Я со той поры да с того времени
70 Потеряла ты, да ладо милое,
Потеряла ты, да дума крепкая,
Не могла тебя да больше повиискать,
Не могла тебя да больше дожидатися.
Я ходила да, бедна, ездила,
Не могла тебя да я повиискать,
Не могла тебя да доискатися,
Я не верила да людям добрым,
Что убит мой да ладо милое,
Что убит он да в воду брошеной,
80 Брошеной да в реку спущеной,
Без гроба да без гробовой доски.
Я всё ждала да дожидалася,
Я не знаю больше, где ты сыскивать,
Сыскивать да распроедывать.

58. ПО ДЯДЕ

Ласковый мой да старый дядюшка,
Ласковый да ты мой жалобливый,
Ты тихой был, да ты смиренней,
Умное было ты разумное,
У ты гора ума да втора-разума,
Ты тихой был да ты смиренней был,
До меня бедной-злосчастной.
Я ходила к вам да, бедна, почаству,
Я сидела да, бедна, подолгу,
10 Говорила с тобой да, бедна, помногу,
Говорила с тобой да, бедна, баяла,
Ты всё у мя, бедной, выпрашиваешь,
Да всё, бедной, мне рассказываешь,
Не мог ты мне горя убавити,
Великого горя да немалого,
Обо мне бедной да всё печалился,
Ты ласковый да был находчивый,
Жалобливый, да сознательный,

Мало ты полежало да мало ты поблело,
 20 Скорёхонько ты крутёхонько
 Собрался ты да со белá светá,
 Со белá светá да со белого.
 Да чего же ты побоялся мой,
 Да чего же ты пострашился мой?
 Оттого ли ты да побоялся мой,
 От работушки да от тяжёлой,
 От тяжёлой да от трудной,
 Ты старое да было дряхлое,
 Дряхлое было залетное,
 30 Не было у тя да пары-рównюши,
 Пары-рównюши да молодой жены,
 У тя нету сына да ясна сокола,
 Давно лежит да во сырой земли
 (*Сын убит на фронте в 1939 году*)
 Во сырой земле да во матушке.
 Тя некому было нынче кормить-поить,
 Кормить-поить да пропитывать,
 Отца старого да отца дряхлого,
 Дряхлого тебя залетного,
 Некому было за тобой ухаживать,
 40 Ухаживать за тобою присматривать.
 Были у тя да белы лебеди,
 Они давно у тя да выданы,
 Давно от тя они оторваны,
 Один ты был да одинёхонек,
 Один ты жил да горе позорился,
 (*«Ни печь стопить, ни рубахи сошить, старый такой,
 80 лет ему было»*)
 У тя не было да скота чистого,
 Чиста скота да подповётного,
 У тя не было да коней добрых,
 У тя не на ком да итти-ехати,
 50 У тебя не на ком было пахати,
 Не на чего да было надеяться.
 У тя свежа рыба да была не добыта,
 Птица полетущая да не подстрелена,
 Одинёшенек жил да ты только позорился,
 По сему свету да ты шибко счастливой,
 Шибко счастливой да талáнистой,
 (*«Баско снесли его, похоронили в земельку суху, чего же
 несчастливый?»*)
 Прошла твоя да молода пора,
 Кончилась твоя да жизнь сысветная,
 Сысветна жизнь да маятливая,

60 Прошла твоя да молода пора.
В молоду пору да был хорошенькой,
Хорошенькой да зеленехонькой,
На завидость да людям добрым,
У ты бело тело было гумажное,
Кругло́ лицо́ было румяное,
Черны́ глаза да соколиные,
Черны́ брови да соболиные,
Носочек был да как у уточки.
Ты на завидость был да людям добрым,
70 На смётки был ты да смётливый,
На догадки да был догадливый,
Ты вострое было да шу́строе,
Ты умел всё да сробить-сделати,
У ты не выпадало ничё из белых рук,
Не столярихи да не малярихи,
(«Столяр был да маляр был!»)
На завидость да людям добрым,
Во белых руках да всё родилося,
Во мутных очах да не двоилося.
Ты ласков мой да старой дедушка,
80 Ласков мой да Петрованович,
Таких мало было да людей добрых,
Какой ты был да мой дядюшка.
У ты осталось да одно имечко,
Одно имячко на поминочки,
Мы где тебя да станем сыскивать,
Сыскивать да распроведывать,
Старого да ласкового дядюшку,
Во мужских толпах да добрых мóлодцах,
Во пирах тебя да во компаньюшах,
90 Во собраниях да во народных,
Не найти нам больше да видно не выискать,
Ласкового да старого дедушку.
Во плотнó место да ты положили,
На вечнó житье да успокоили,
В гробову доску да мать-сыру землю,
Похоронили да ты положили,
Распростíлися да разостáлися,
На долги́ веки да человечески.

—

59. ПО ПЛЕМЯННИЦЕ, ОТЪЕЗЖАЮЩЕЙ НА
«ДАЛЬНЮЮ СТОРОНУШКУ»

Ты голубушка моя, бялнушка,
Не на это я тя растила,
Хоть не мати тебе да не родимая,
Хоть не жалость да не сердешная,
Я маленьку взяла да глупеньку,
Я вырастила тя до полна возраста,
Учила тя да большой грамоте,
Хотела да тем проняться
Сорвали тя да с ретива сердца,
10 Разделили нас да горы серые.
Не причем нынче я осталася,
Одна, бедна, да одинёхонька,
Отняли тя от меня, злосчастной,
Оторвали да от ретива сердца,
От ретива сердца да материнского,
Одну, бедну, меня оставили.
Не причем нынче да оставаюся,
Я как стану нынче жить-позориться,
На ногах хожу да запиноюся,
20 Во речах баю да забываюся,
Я как стану нынче жить-кормиться,
Да нету у мя скота чистого,
Чиста скота да подповётного,
Подповётного скота-кормлёного,
И нету да коней добрых,
Добрых коней-езжалых.
Некому ловить да рыбу свежую,
Свежю́ рыбу да трепущую,
Рыбу свежую да половённую,
30 Последнюю да подлédную,
Не на кого мне теперь надеяться,
Улетели вы да белы лебеди,
Уехали да ясны соколы,
Меня, бедну, оставили,
На произвол судьбы да свету белого,
Мотаться да позориться.
Не проходит да светлый денечек,
Без слёз у мя да без горячиих.
Об вас живу да всё печалюся,
40 Со вас живу да думу думаю,
Где вы ездите да где вы ходите,
Не пройдёт ведь день да светлый денечек,
Об вас бедна всё печалюся,

С утра день до вечера,
Пойдёт да день ко вечеру,
Покатится солнце ко западу,
Я смотрю-гляжу да все на улицу,
Из окна в окно да я бросаюся,
Ожидаю вас да белых лебедей,
50 Не могу да вас дождаться,
Не могу да доглядеться.
Тогда повыйду да вон на улицу,
Где летают да белы лебеди,
Где ходят да ясны соколы.
Я гляжу-хожу да всё примечуся,
Не мои они да белы лебеди,
Не мои они да ясны соколы.
Где стану да вас ссыскивать,
Белых лебедей да в красных девушках,
60 Ясных соколов да в добрых молодцах.
Не найти будет да не спроведати,
Не найти мне-ка да не повыискать,
Во собраниях да во нарядных.
Во кругах мне да во партийных.
Ушли видно да вы уехали,
За круты холмы да за высокие,
За высокие да за степистые,
За большы ручьи да за приглубые,
За приглубые да за бровистые,
70 За темны леса да за дремучие,
За деревья да за высокие.
Далеко шибко столичны города,
Во Украйны да тёплы стороны,
Где собираются да где съезжаются,
Люди добрые да православные,
Удалые да добры молодцы.
Когда станем ждать тебя да дожидаться,
Голубушку тебя белянушку,
Я старая стала да дряхлая,
80 Дряхлая стала да залетная,
При сединушке стала при седатоей,
При старости стала, при дряхлости,
На ногах хожу да запинаяся,
Во речах баю да забываюся.
Недостаточно да светом белым
Недовольна я да белым светом.
Я годами да слишком не старая,
(«Мне 61 год, какая же я еще старая!»)
Сокрушилася да я состарилась,

Скорёхонько да крутёхонько.
90 Как не видела я да молодой поры,
Не видела я да молодёшенька,
Не бывала я да зеленёшенька.
Сокрушили вы да белы лебеди,
Состарили да ясны соколы,
Потому меня, бедну, состарили,
Что одну меня, бедну, оставили.
Сокрушили мя да вы состарили,
Одну меня, бедну, оставили.
Я как стану жить при старости,
100 При сединушке да при седатоей,
Приустали мои да ноги резвые,
Приупали да руки белые.
Как стану я робить-делати,
Как буду я, бедна, кормитися,
Жить да в старой старости,
Добиваться да до гробовой доски?

60. ПО ПЛЕМЯННИЦЕ И ПЛЕМЯННИКУ

Любимая моя племянница,
Любимая моя Ефимовна,
Горька дочь да безотцовская,
Горче того дочь безматерна,
Горька сестра нонче безбратенна
(«Брат один был да и пал на фронте»)
У тя нету да брата родителя,
Нету да солнца красного,
Нету да обогревного.
Родитель-то да твой брателко,
10 Он тихой был да твой смирёной был,
Далеко ушёл от нас уехал он,
Далеко да на чужу сторонушку,
На Украину да на хлебную,
На хлебную да на хлебородную.
(«Уехал туда, споженился и погиб там»)
Нашёл себе да пару-ровнюшу,
Прибрал себе да молодую жену,
Расплодил он да свою семью,
Свою семью да детей малых,
Потом бросил их да и оставил их,
20 Пошёл во жарки огни да во горячие,

Во больши огни да во ужасные,
Под ружья да заряжёные,
Под востры штыки да наточёные,
Под копы да под перёные,
Под пушки да заряжёные,
Под гранаты да наточёные,

(«Охти мне, да охти мне! Всё звал сестру, писал: „Дуня сестра,
приезжай ко мне, я добро живу“»)

Ты просил сестру да родимую:
«Ты приезжай ко мне, да лебедь белая,
Ты сестрица да моя родимая,

- 30 Мы будем жить да во одном житьи,
Во одном житье да во одной семье,
У нас ништо будет не разделено,
Одно житье будет да у нас общее».
Нынь пошла она, горе, поехала,
Разыскивать да брата-родителя,
Распроведывать да солнца-красного,
Не может она найти видно,
Не может его, видно, повыискать,
Дорога брата своего родителя,
40 Однокровного да одноутробного,
Они одного были да отца-матери,
Одного да роду племени,
Они в одном житье да были рощены,
За одним столом да были кормлены.
Где она будет там его разыскивать,
Где будет она его спроведывать,
Спроведывать да разведывать
Своего братца Аркатыюшка,
Брата родителя да солнца красного,
50 Солнца красного да обогривного,
Обогривного да солнца морявного?
Не найти тебе да, брат, не повыискать,
Свеча твоя да воску ярого,
Верба твоя да летом рощена
На зарях цвела, на солнце вызрела,
На солнышке да на красном утреннем,
Свеча твоя да воску ярого
Воску ярого да богу ставлена,
Ты голубушка моя да беднушка,
60 Ты постарайся да повбискать
Своих племянничков и племянницев,
Богоданную да свою сестрицу,
Горьких сирот да приубогих,
Горьку семью да их бессчастную,

Несчастную да разрушёную,
(«Они там все бедные остались, отец-то убит, А где остальные —
я не знаю»)

Опиши нам, да лебедь белая,
Можешь ли ты да их повыискать,
Горьку семью да распушёную,
Распастушёную да разорёную,
(«Ой я, да ой я!»)

70 До мешка да доведёную,
До нага да обнажёную.
Ты пиши нам да письма-грамотки,
Голубушка моя, белянушка,
Про себя, моя да лебедь белая,
Куколка моя да Дунюшка,
(«Мать и отец умерли, всё около меня жила»)

Дунюшка да моя думушка.
Я все думушки да передумала,
Я все мысли да перемыслила,
Одна дума у мя да не сходит с ума-разума,
Где ходишь да ты едзишь ты,

80 Про тебя, моя да лебедь белая,
Где ходишь ты да едзишь ты,
Каково живешь, да моя лебедь белая,
Я не знаю про тя, бедна, не ведаю.
Ты голубушка моя, племянница,
Я те на место матери, на место рóдной,
Я сижу да всё печалюся,
Бат, поищешь мне да брата-родителя
Бат, напишешь мне да письмо-грамотку,
Напишешь да отпечатаешь,

90 Про своё житьё да про военное.
Далеко ушла да ты уехала,
Во Украину да теплу сторону,
Во столичны да славны гóроды.

(«Хорошая девушка была, подходяще ходила, стройная, варовая,
личико коротенькое, высокого росту, и разговор был
чистенький»)

Ты голубушка моя да Дунюшка,
Ты высокая была да стройная,
Тонка́ была да жаровая,
Ты молодёхонька да зеленёхонька,
Ты на завидость да людям добрым,
Черны́ брови да соболиные,
100 Черны́ глаза да соколиные,
На лицо была да круглолицая,
Ты пойдёшь, да моя, оденешься,

Приставало тебе да платье цвѣтное,
Приставало тебе да воскресенское.
(«Пойдѣт, а я смотрю, как Дуня пойдѣт, да люблюся»)

61. ПО СЫНУ-ФРОНТОВИКУ

Дитя моё да ты сердечное,
Чадо да ты моё милое,
Не на это ты был рощенный, подыманный,
В молодую пору да на потехоньку
Среди веку да на работушку,
После старости на прокормленьице,
После смерти мне на поминаньице.
Пришло времячко да расставáтися,
Не во-время да не во-пору,
10 Далеко шибко за сини моря да за широкие,
За широкие да за глубокие,
За темны леса да за дремучие,
За горы да за степистые,
На ширóки поля да на колхозные,
Во Укра́йну тёплу сторону,
Во сибирские столичны гóроды,
Где не ходили мы да, горе, не ездили.
Всем удалым да добрым молодцам,
Пришлось вам да итти, ехати,
20 Биться там да ратиться
Со злым врагом да супостатником,
С супостатником да кроволитником.
Как пришлось вам итти да ехати
Под оружья да заряжёные,
Под остры штыки да наточёные,
Под пушки да начинёные,
Бить вам нужно да зла врага,
Зла врага да супостатника,
Не подавайте ему да слабости,
30 Бейте да его супостатника.
Много да вас отправили,
Много да вас отрѣдили,
Оторвали вас от матери,
От матери да от родимой, •
От больна́ сердца да от ретивого,
Уж мы ждать будем, дожидатися,
Дождать вас да добрых молодцев,

Ко своему да ко виту гнезду,
Ко своему да ко виту крыльцу.
40 Ждём мы да почты скорой,
Телеграммы да от вас лёгкой,
Лёгкой да весёлой,
Побейте вы зла врага,
Зла врага да супостатника.
Когда мы сойдемся с вами да увидимся,
Когда слетимся да поздороваемся,
Когда исправится наша жизнь по-старому,
По-старому да по-прежнему.
Когда жили мы да во одном месте,
50 Во одном месте да во одной куче,
Когда робить станем да сами делати,
Мы стали да бедны, старые,
Старые, да бедны, дряхлые,
Дряхлые да залетные.
Приробились наши руки белые
Приустила да ноги резвые,
Притупились наши мутны́ очы́,
Притупились да затупились,
На ногах ходим да запинаемся,
60 Во речах баём да забываемся.
Все, горе, да мы рассыпались,
Все, горе, да мы расстроились,
Приупало наше житьё бедное,
Бедное да житьё нужное,
Приупало всё да запустилося,
Опустилося да спорожнилося,
Мы денно-ношно по вас думаем,
Где наши да ясны соколы,
Где наши да добры молодцы.
70 Мы не знаем про вас, горе, не ведаем.
Во каком вы да полóженьице,
Во большом бою да во ужасном.
Во жарком огне, да во горячем.
Вам постилочка да мать-сыра земля,
А зголовьице да зло кореньице,
Окуточка да сине облачко,
Вас омоют да дожди мокрые,
Мокры дожди да вас заливные,
Повыжжет вас да солнце красное,
80 Солнце красное да обогревное,
Баско солнышко да всё морявное,
А удалых вас да добрых молодцев.
Вы все, горе, да поравнялися,

Поравнялися да подружилися,
Подружилися да попарілися.
Вы удалы добры молодцы,
Все вы да отцовы, матерны,
Все вы стали одинаковы,
Вы защитники да своей Родины,
90 Своей любимой да стóроны.

А. Л. ЧИПСАНОВА

62. ПО ВНУКАМ

Простите, мои ясны соколы,
Добры мои молодцы,
Внуковья мои дети кормилицы,
Вы вербы мои да леторощены,
Весной взошла да летом выросла,
По зарям цвела да солнцем вызрела,
Свеча моя да воску ярого,
Слуга нонче да государева,
Баски мои да хорошеньки,
10 Хорошеньки ясны соколы,
Яблони мои кудрявые,
Статны мои жемчужинки,
Кустовы мои да сладки ягодки,
Ильинска красна морошечка,
Ледениста моя конфеточка,
Петровска сладка пышечка,
Эдвиженска да сладка репочка.
Покровска да бела грудочка.
Простите мои да ясны соколы,
20 Не видать мне, бедной, да не видывать,
Худа стала, стара залетная.
Из белых рук нонче упустила,
Из мутных очей, бедна, потеряла.
Где стану вас я сыскивать,
Где стану, бедна, разведывать?
Не сыскать, бедной, да не найти будет,
Не разведывать да не наведывать
Ни на горочках, ни на катушечках.
Удалых да добрых молодцев,
30 Дородных да ясных соколов,
Во станицах да красных девушек,

Во племянницах да во молодушках.
 Тут я, бедна, стану сыскивать,
 Тут я, бедна, стану разыскивать,
 Уж я письмами, бедна, бумагами,
 Куда ходят да письма-грамотки,
 Я тут, бедна, стану разведывать,
 Своих-то да ясных соколов.
 Головушка баска весёлая,
 40 Баско лицо было румяное,
 Румяное да ненаглядное,
 На головушке желты кудри,
 Желты кудри да русы волосы,
 Складна туша кирпичата,
 Круты плеча аршинные,
 Аршинные да молодецкие,
 Разговорушко да тихой смирной,
 Тихо смирное да со умылочкой,
 Глупы́ очи да соколиные,
 50 Черны́ брови да соболиные,
 Ресницы у его — как у сиза бобра.
 Ни сётъ ни зётъ, да был промышленник,
 Свысока было постреляно,
 Сглубока было почерпнуто,
 Не ухожено, не угулено,
 Ни на горочках, ни на катушечках,
 Ни у красных да у девушек,
 Ни на пути ли ни на дорожечке,
 В пустом месте да захолустьице,
 60 В захолустьице да в однодворьице,
 Какого да роду-племени,
 По конец бы свету белого.
 («Жили они далеко»)

Наглядитесь-ко, да мои очи глупые,
 Насмотритесь, да недовольные,
 На моих да ясных соколов,
 На запас ли да навеки
 На кормильцев да ясных соколов,
 На любимых моих внучатков.
 Баски мои, хорошие,
 70 На завидость да людям добрым,
 Молоды мои да зелёны,
 Кормилицы мои белёюшки,
 Цветочки да виноградные,
 Виноградные да ненаглядные.

63. ПО ОТЦУ

Кормилица, гора высокая,
 Кормилица, стена камённая,
 Что с тобою случилось?
 Приключилась твое немочь великая,
 Привязалась к тебе боль тяжёлая,
 Не мог снести гора высокая,
 Ты ревел горе да из мужской силы,
 Не мог снести тягу великую,
 Бросил нас, горе злосчастных,
 10 Жалких детей-глупых,
 Недороженных, недоподыманых
 До полного до больша возраста,
 До крепкого да ума-разума.
 Уж мы как станем подыматься
 Без кормилицы горы высокой,
 Без кормилицы стены камённой,
 Нас как станет ростить мати родимая,
 Как станет подымать жалость сердечная,
 Одна она да одинёхонька
 20 Без своей-то она да лады милоей,
 Без своей-то да думы крепкой?
 Бросил ты свою да молоду жену,
 Покинул ты свою да любу семью,
 Не состарил ты, оставил её
 Молодёхоньку да зеленёхоньку,
 (*«Матери шел тридцать третий год»*)
 В молодых годах да во цветущих.
 Уж мы как, горе, станем маяться,
 Как станем позориться,
 Уж как станем расти-подыматься,
 30 Кто станет у нас перёд вести,
 Кто пойдет у нас росу трясти,
 Кто станет по утру раннему,
 Кто повалит нас по вечеру позднему,
 На кого бросил ты нас, гора высокая,
 На кого покинул, стена камённая?
 (*«Понесли на кладбище»*)
 Не на своих пошёл да ногах резвых,
 Понесли тебя да люди добрые,
 Прости, моя гора высокая,
 Прости, моя стена камённая,
 40 Нам последнее с тобой да расставаньице,

Веково больше да несвиданнице,
Веково да вековечное.
Уж я где стану тебя сыскивать,
Где стану тя спроведывать,
Во стадах тебя да во гусиных,
В перелётах тебя да лебединных,
Во мужских толпах да на собраньицах,
В удалых добрых молодцах.
Не сыскать будет тя, не спроведати,
50 Не заздреть будет, не увидети
Кормилицу гору высокую,
Кормилицу стену камённую,
Умная был, разумная,
Тихой был, смирённый,
Тиха весна да без буйна ветра,
Жарко лето да без мокра дождя,
Баска осень — непогодлива,
Баска зима — не морозлива,
Умная был, разумная,
60 Старое было, варо́вое,
В руках у тебя родилося,
Во мутных очах не двоилося,
Сроблено было да сделано,
Путный был, толковатый,
Не пьющий да не мотущий,
Не ходячий да не гулячий,
Не пил да зелена вина,
Не курил да проклятой травы.
Не тратил да золотой казны.

64. ПО МАТЕРИ

Кормилица, мати родимая,
Кормилица, жалость сердечная,
Убралась наша да укатилася
Со всего свету да белого.
Что тебе наскучило,
Что шибко тебе напрокучило,
Чего наша побоялася,
Чего наша да пострашилася?
Того видно да побоялася,
10 Того видно да пострашилася,
Что много у тебя детей малых,

Да много детей глупых.
То видно ты не подумала,
Что много у тебя детей малых,
Много детей глупых,
Что бросил тебя ладо милое,
Со детьми тебя со малыми,
Со малыми детьми да со артельными.
Голубушка моя, беянушка,
20 Кормилица, мати родимая,
Кормилица, жалость сердечная,
Где стану тебя, бедна, сыскивать,
Где стану спроведывать?
Во стадах тебя да во гусиных,
В перелётах да лебединых,
В женских тебя толпах-собраниях,
В красных ли тебя девушках?
Не сыскать будет, не спроведати.
Из той пути да с той дорожечки
30 Ни вести оттуль, ни павести,
Ни письма нету, ни грамотки,
Ни словесного наказанья.
Из той пути да из дорожечки
Ясну соколу да нету вылету,
Добру молодцу да нету выезду,
Красной девице нету выпуску.
Так жила мати родимая,
Кормилица, жалость сердечная.
Уж мы как станем жить на сём свете.
40 Уж мы как, горе, станем маяться,
Маяться да мы позориться,
Без кормилицов да отца-матери,
Уж мы всем будем да виноватые,
Всем будем да подначальные,
Без вины будем виноватые,
Без причины будем причинные,
От буйна ветра нету притульица,
От мокра дождя нету прикрытия,
От добрых людей нету защитушки.
50 Уж мы какие горе несчастные,
Какие горе да злыденны,
Во несчастный день видно засеяны,
Во злыденный день спорожены,
Во несчастный день бедны — во середу,
Во злыденный день — во пятницу,
Не отцом видно мы засеяны,
Не матерью бедны спорожены,

Засевали нас ветры буйные,
Спорожала нас мать-сыра земля,
60 Из темна леса да мы пойманы,
Во чистом поле да мы пойманы.
На кого мечешь нас, мати родимая,
На которых нас родных родителей,
Кто станет нас доразивать,
Кто станет доподымывать,
Куда приклоним буйну голову,
К которому да краю берегу,
Ко листу ли мы ко дереву,
Ко той мы да к шелковой траве?
70 Безродны мы, бесплеменны,
Бесприютны да бесприютельные,
У нас отец-мати нонче — ель-сосна,
Родны родители у нас — темны леса.

65. ПО СЕСТРЕ, УТОНУВШЕЙ В ПЕЧОРЕ

Голубушка моя, бялянушка,
Господарыня да лебедь белая,
Дорога сестра, жалость сердечная,
Однокровная, одноутробная,
Бросилась ты наша, кинулась
За большой наживой да за богатой,
Будто нужна была ты да бедная,
Голодная будто, холодная,
По матушке пошла по быстрой реке,
10 По кормилице по золотой струе,
Во еловой да лёгкой лодочке.
Чё с вами-то случилось,
Не сумели вы подойти-подъехатьи
Ко пароходу вы да со колёсами?
Голубушки вы да бялянушки,
Погинула ты, да лебедь белая,
Во матушке да во быстрой реке,
Полощет тя матушка да быстра река,
Моет тебя да сырым желтым песком.
20 Уж я где стану да тебя ссыскивать,
Уж я где стану да спроведывать?
Уж не сыскать мне тебя да не спроведати,
Не заздреть тебя да не увидети,
Ни в толпах тебя да ни в собраньицах,

Ни в скóпищах тебя женских,
Ни в красных тебя девушках.
Дорога моя сестра родимая,
Голубушка моя, бяланушка,
Господарыня да лебедь белая,
30 Бросила уж ты покинула
Двух своих да белых лебедей,
Двух своих да серых утицей,
Малых да глупых,
Недорощенных, недоподыманых.
Кто станет их у тя доращивать,
Кто станет их да доподымывать?
У одной-то у тя да белой лебеди,
У младшей-то да серой утицы
Есть у ней гора высокая,
40 Есть у ней стена камённая,
Ростить станет он её подымати.
А вторую-то да лебедь белую,
Кто станет её доращивать?
Рада бы была я, бедна, взять её,
Рада бы была я её подымати,
Да своих-то у меня много детей малых
Полна изба у меня, целá куча,
Четыре у меня белы лебеди,
Одно у меня да чадо милое,
50 Одно у меня дитя сердечное.
(Плачет у дома)
Лиха хата уживчива,
Уживчива да не разживчива,
Раскатайте это вы вито гнездо,
Вито гнездо да лиху хату,
Лиху хату да злу хоромину
По единому да по бревешечку,
Добудьте у ей да складно бревно,
За то вы ей да разворочайте,
Что повыжила мою сестру родимую,
60 Кормилицу да лебедь белую.
Какие мы с ней росли несчастные,
Росли мы с ней да подымались,
Без кормилицы росли горы высокой,
Без кормилицы стены камённой,
Без кормилицы матери сердечной.
Бросил нас гора высокая,
Кинул нас стена камённая
Малых да недорослых,
Малых да нас глупых,

70 Недорощенных, недоподыманных,
Многих нас артельных,
Артельных детей семенных.
Ростила нас мати родимая
Во нужды да во бедности,
Тоже бросила да она кинула
Малых нас да глупых,
Остались мы горьки дети,
Безотцовы дети да безматерны,
Сироты мы убогие,
80 Калики да перехожие,
Росли мы да подымались
Без отца да мы без матери,
Всем были да виноватые,
Всем были да подначальные,
Конному и горе пешему,
Пришлому и горе приезжому.
Твоя-то ладо милое
Возьмёт себе да молоду жену,
Заведёт себе любу семью,
90 Забудет своих да детей мальних,
Забудет своих да белых лебедей,
Все рассыплются да может разъедутся,
На четыре да дальних стороны.
Ты жила у него, сестра родимая,
Битая была, ломлена,
Бранёная была, ругана,
Всяко нелюдски была конфужена,
Без вины была да виноватая,
Без причины была причинная.
100 Ты жила сестра моя родимая,
Не ходила ко мне, бедна, не ездила,
Ты боялась своего ладу милого,
Не смела ходить ко мне, ни ездити,
Ко худой сестре ко мне, ко нужной,
Нужной ко мне да бедной.
Ты голубушка моя, бялянушка,
Господарыня да лебедь белая,
Дорога сестра, жалость сердечная.
Покинула, да лебедь белая,
110 Во середке да жарка лётчка,
Замыло тя желтым песком,
Заполоскала тя быстра река,
Не могла я тя сыскать-проведати
Во ту-то тя да пору-времячко,
Когда прошла осень да богатая.

Прошла зима холодная,
 Пришла весна красная,
 Подошло-пришло да лето жаркое,
 Когда страдать стали да люди добрые,
 120 Тебя подынуло, сестра родимая,
 Понесло тебя да на понíž воды,
 На понíž воды да на поплáв реки,
 Тя увидели да люди добрые,
 Увидели да православные,
 Прибрали тебя, приўтили
 Ко крутому тебя бережку,
 Повестили меня, бедну злосчастную,
 Горюху меня, бедну злосчастную.
 Робила, я бедна, делала
 130 Со кормилицем да ладо́й милым,
 Со кормилицем да солнцем красным,
 Старшим да обогрeвным.
 Сказал мне-ка чужой да добрый молодец,
 Что поймали твою сестру родимую,
 У меня повыпала из рук да коса острая,
 Заболело моё да ретиво сердце,
 Покатились мои да горячи слёзы,
 По моему да лицу белому.
 Села я да на добра коня,
 140 Поехала я к ладу милому,
 Сказала я вести нерадóсны,
 Что поймали мою сестру родимую,
 Кормилицу, жалость сердечную,
 Что поедem со мной да ладо́ милое,
 Да приберём мою сестру родимую.
 Сказал мне ладо́ милое:
 «Поезжай к своему брату родителю».
 Я пошла, бедна, поехала
 Ко кормилицу да солнцу красному,
 150 Подошла к нему, подъехала
 Ко кормилицу да солнцу красному,
 Сказала ему, бедна злосчастная:
 «Кормилица да солнце красное,
 Поймали нашу сестру родимую,
 Поймали ее да люди добрые,
 Приўтили ее к крутому бережку».
 Я пошла, бедна, поехала
 Ко добрым людям да православным
 Просить еловую да лёгку лодочку
 160 Съездить по свою сестру родимую,
 Прибрать свою жалость сердечную

На свою-то родиму сторону
Закопать ее в матушку-сыру землю,
Чтобы не болело моё да ретиво сердце,
Чтобы не нóяли да черны печени,
Что прибрана она у меня, положена
Во матушке да во сырой земле.
Кормилица да солнце красное,
Кормилица да обогревное
170 Поехало со мной, не подорожилось,
Не подорожились мы с ним летом жарким.
Я везла свою сестру родимую
По матушке да по быстрой реке,
Я брела, бедна злосчастливая,
По матушке да по быстрой реке,
По кормилице да золотой струе.
(«Брела водой и бичевой волокла лодку»)
Мы пришли, бедны, приехали
Ко вечеру да ко позднему,
По чистым да гладким поженкам,
180 Поезжают домой да люди добрые,
Походят да православные.
Привезла я её, бедна злосчастливая,
На свою-то я её родиму сторону,
Закопала её в матушку-сыру землю,
Успокоила своё да ретиво сердце,
Упоместила да вережёное.

66. ПРИ ПРОВОДАХ НА ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ

Наглядитесь-ко, да очи ясные,
На запас, мои да недовольные,
На кормилицу, на ладу милого,
На кормилицу да думу крепкую,
На его-то да на бело лицо,
На бело лицо его румяное,
На складну тушу да на кирпичщату,
На круты плеча да на аршинные.
Ты кормилица да ладо милое,
10 Ты кормилица да дума крепкая,
Не хотели мы с тобой расстатися,
Разостатися да распроститися,
Разлучитися да распроститися.

Разлучает нас с тобой да чужа дальня стóрона,
Разлучает нас война проклятая,
Проклятая война да кроволитная,
Напал на нас Гитлер несчастный, злой,
Нанёс на нас лапу фашистскую,
Разрушил да наши сёла, гóрода,
20 Разрушил наши дома житейские,
Сгубил много людей безвинных,
Безвинных да беспричинных,
Удалых наших да добрых молодцев
Пролил много да горячей крови,
Горячей крови да молодецкоей.
Кормилица да лада милая,
Кормилица да дума крепкая,
Крепка дума да припостельная,
Припостельная дума да бесценная,
30 Ценой ладо да не обценено,
Мерой дума да не обмерена.
Уж вы пойдёте ладо, поедете
На чужу да дальню сторону,
На большу войну да кроволитную,
Кормилица да ладо милое,
Кормилица да дума крепкая,
Про вас заряжены там да пули быстрые,
Наточены да штыки острые,
Про вас натянуты, ладо, туги луки,
40 Туги луки да с калянóй стрелой.
Тут кормилица моя, ладо милое,
Кормилица да дума крепкая,
Вы росли дума, подымалися
У кормилицы горы высокой,
Не многие да не артельные,
Не артельные да не семéйные.
Уж вы два росли да чада милые,
Одна росла да лебедь белая,
Вы ничím были не жадные,
50 Ничím были не щáдные,
Ни пítерой, ни ёдерой,
Ни свежóй рыбой да ни трепúщей,
Ни птицей да полетущей,
Ни цветным платъем да переменным,
Ни одждочкой были поплечной,
Ни обуточкой да поножной.
У кормилицы жили матери родимой,
У кормилицы жалости сердечной,
Связано было, направлено

60 Во-пору да было во-время,
 Уж вы пойдёте куда, поедете,
 На завидость да людям добрым.
 Кормилица моя да ладо милое,
 Кормилица да дума крепкая,
 Уж вы тем только были жадные,
 Тем только были щадные —
 Не построили нам витó гнездо,
 Не построили да золотó кольцо,
 Не стало у нас жилой хоромины,
 70 Не стало у нас будто витá гнезда
 Купили мы с тобой витó гнездо,
 Вито гнездо да золото кольцо,
 Кругом, горе, да' разорилися,
 Отдали с тобой скотину чистую,
 Остались мы, горе злосчастные,
 С детьми мы да со малыма,
 Без скотины да без чистой,
 Без коровы да без доялой.
 Кормилица да ладо милое,
 80 Кормилица да дума крепкая,
 На кого мечешь меня, ладо милое,
 Со детьми меня, бедну, со младыма
 Со малыма да со глупыма,
 Со многима да со артельныма,
 Со артельныма да со семейныма.
 Как стану их выращивать,
 Выращивать да доподымывать,
 До полного до больша возраста,
 До крепкого да до ума-разума,
 90 С кем стану думу думати,
 С кем стану слово баяти,
 Куда, бедна, стану припадывать,
 К которому да краю-берегу,
 Ко листу ли ко кедровому,
 Ко той, бедна, да шелковой траве?
 Кабы была у меня гора высокая,
 Кабы была стена камённая,
 Затем кормилица мати родимая,
 Кормилица жалость сердечная,
 100 Я бы к ним приклонила да буйну голову,
 Уж, бат, они бы мне прибавили,
 Пособили бы да детей ростити,
 Пособили бы да их подымати.
 Я горюха, бедна горькая,
 Я горька да горегорькая,

Я дитя да безотцовское,
Ещё горьчее дитя безматерно,
Я горька сестра да безбратенна,
Ещё горьче сестра бессестренна.
110 Я горька матери да многодетная,
Я горьче того жена безмуженна.
Охти мнеченько да мне тошнёхонько,
Моему сердцу да тяжёлёхонько,
Болит моё да ретиво сердце,
Ноют да лёгки печени.
Повыболело моё да ретиво сердце,
Повынояли да лёгки печени
Со тринадцати да годов долгих,
Сперва вередил сердце гора высокая,
120 Кормилица стена каменная,
Зазнобила его матери родимая,
Потом кормилица сестра родимая,
Прибавлял нонче да моему сердцу
Кормилица да ладо милое,
Моему сердцу да вережёному.
Как стану, бедна, маяться,
Как стану, бедна, позориться?
Ты здорова моя да солнце красное,
Дорого моё да обогривное,
130 Старшó да солнце бóльшее.
Я пришла, бедна, приехала,
На богату-ту да славну Усть-Цильму,
Спровадить тебя, да солнце красное,
Спровадить, да обогривное.
Отправлять стану да провожать тебя
На чужу-то ты да незнакомую.
Не страшнó итти тебе, да солнце красное,
Не страшнó, да обогривное,
На чужу да дальну сторону,
140 По второму разу доходить, да солнце красное,
По второму, да обогривное?
Уж ты ходил да годы долгие,
Болело моё да ретиво сердце
Об тебя, да солнце красное,
Об тебя, да обогривное.
Горьки дети да безотцовые,
Ещё горьче да безматерны,
Не отцом, вы дети, рощены,
Не матерью были подыманы,
150 Одни росли да одинёхоньки,
Уж вы всем были да виноватые,

Всем были да подначальные,
Конному да горе пешему,
Пришлому да вы приезжому,
От буйна ветра не было у вас притульица,
От мокра дожда не было закрытия,
От добрых людей не было зашитушки.
Кормилица да солнце красное,
Кормилица да обогривное,
160 У тебя денной нету тужельницы,
Ночной нету да богомольницы,
Некому тебя повымолить,
Повымолить тебя повыпросить,
Некому тебя повыплакать,
Повыплакать тебя повычитать.
Дорого моё да солнце красное,
Дорого да обогривное,
Однокровное, одноутробное.
Не забудь меня видно худу сестру,
170 Нужную меня да бедную,
Многодетную меня семейную.
Ты пиши мне письмо-грамотку,
Подай мне да вести-павести,
Сойми мне-ка бело лицо,
Бело лицо своё румяное.
Простите меня, удалы добры молодцы,
Первым делом да ладо милое,
Вторым долгом да солнце красное,
Кормилицы да обогривные,
180 Затем любимы мои братанушки,
Дороги мои да однокровные,
Затем простите все удалы добры молодцы,
Сыновья дети да вы отецкие.

II. ЗАОНЕЖЬЕ

М. Г. АКИНФИН

1. ПЛАЧ СТАРИКА

Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
Я на свое да на хоромное строеньице,
Как пустым стоит пустёшенько строеньице.
Уж я сяду тут с собой думу думати,
Как мне жить теперь да горе мыкати,
Как нет у меня да друга верного,
Да и нет теперь казны бессчётной.
Нет у меня теперь да друга верного,
Молодой жены и угла тёплого.
10 Тут я сяду нунь, победная головушка,
Я подумаю с собой совет да думу крепкую,
Как я буду жить да горе мыкати,
Уж как сяду я на кленовый стул,
Уж как сяду я за дубовый стол,
Уж я подумаю совет да думу крепкую,
Как мне жить теперь да одинокому?
Как у меня да у победной головушки
Нету в живности сердечных милых детушек,
Нету в живности законной семеюшки
20 Охти мнечушки тошнёхонько,
Как мне жить тяжелёшенько.

А. С. АКИНФИНА

2. ПО МУЖУ

Поприсесть было кручинной мне головушке
Как на эту на брусову белу лавочку,
Что ль под это под косивчато окошечко,
Ко своей милой законной семеюшке,

- На допрос возьму горюха горегорькая:
 Ты в котору путь-дороженьку справляешься,
 Ты ко этому ли ко владычному ко праздничку?
 Поглядела я, горюха горегорькая,
 По твоему я по цвѣтному по платьицу
 10 И по твоему я хоромному строеньицу,
 Ты справляешься на раскат-гору высокую,
 Что ль на эту на могилушку умершую.
 Только слухай-ко, законная семеюшка,
 Укажи-ка мне, кручинной головушке,
 Как мне жить, бедной горюхе горегорькой,
 Без тебя да без законной без семеюшки,
 Как мне растить свое рожѣно сердечно дитятко
 Без законной без семеюшки?
 У меня как у кручинной у головушки
 20 Придержалась вся несчастна бедная силушка,
 Притоптались мои бедны белы ноженьки.
 Примахались мои бедны белы рученьки,
 Помешался ум во младой во головушке,
 И помутился свет во ясных моих оченьках.
 Все ведь живут во бедной несчастной жирушки
 Уж как ростила малых стадных детушек
 Охти мнечушки тошнешенько,
 Как сердечку тяжелешенько,
 Схоронить тебя, законная семеюшка.
 30 Приди засмотрить горюху горегорькую
 Что ль ко этому ко позднему ко вечеру,
 Что ль по этому по раннему по утрышку.

3. О РАСТЕРЯННОЙ СЕМЬЕ

- Как сегодняшним господним божьим денечком,
 Прилетела перелѣтна мала птиченька,
 Всѣ садилась на бросову белу рамочку
 Она тоненьким носочком во слудочку клевала,
 Она жалким голосочком возжупляла,
 Говорила мне, кручинной головушке:
 «Тебя ждѣт мила законная семеюшка
 Во сердечно во любимое во гостьбище.
 Есть поставлен дом хоромное строеньице,
 10 Есть прорублены косивчаты окошечки,
 Обнесѣны кругом бросовы белы лавочки
 И там сложена кирпична бела печенька».

И как сегодняшним господним божьим денечком,
Я справляюся, горюха горегорькая,
И выхожу я на широкую на уличку,
Попадали две широкие дороженьки,
Одна путь-широкая дороженька —
Ко владычному ко праздничку,
А втора путь — широка дороженька —
20 На раскат-гору высокую, на могилушку умершую.
Ко владычному итти ко праздничку,
Мёдом дороженька залитая,
А как на могилушку итти дороженька
Горючими слезами залитая.
Я пришла как на раскат-гору высокую,
Что ль на эту на могилушку умёршую,
Обманула перелётна мала птиченька,
Не поставлен дом хоромное строеньице
И не прорублены косивчаты окошечки,
30 Не обнесены кругом брусомы белы лавочки
И не сложена кирпична бела печенька.
Обманула перелётна мала птиченька
И не ждёт меня законная семеюшка.
Вы завейте-ко с буйна да буйны ветрышка,
Вы снесите-ко пески да муравейные!
Приоткройся гробова доска сосновая!
Приоткиньтесь-ко холсты да белы тонкие!
Уж ты встань-восстань, законная семеюшка,
Поразей со мной великую кручинушку.
40 Как у меня, бедной кручинной головошки,
Порастеряны рожёны милы детушки.
И не получаю я радостной весточки.
Как одно мое сердечно мило дитятко
Он приобран в лагеря да во проклятые.
Поприсесь как на бросову белу лавочку,
Поприсесь как под косивчато окошечко,
Мне подумать теперь совет да думу крепкую,
Как мне жить теперь, горюхе горегорькой,
Как уехали все рожёны милы детушки
50 Как по службам государским,
Как по вóйнам да кроволитным.
Как наступили сюда враги да неприятели,
Призабрали да всю дворовую скотинушку,
И приразрушили хоромное строеньице.
Ещё сплачу я кручинная головушка:
Как в апреле конце месяца
Призабрали сердечно мило дитятко,
Что ль во эти лагеря да во проклятые,

- Как за эти проволоки за железные.
60 Как тоска возьмёт горюху горегорькую,
Не с кем разделить мне тоски-кручинушки.
Как ко этому кресту да страховитому,
Сердце червушком свивается,
Сердце кровью обливается
Об своих да милых детушках.
И ещё сплачу я, кручинная головушка,
Как я жить буду, горюха горегорькая,
Как нету при доме рожёных милых детушек,
Нет надеюшки горюхе горегорькой.
- 70 Как у меня да у победной у головушки
Притоптались мои бедны ноженьки,
Примахались мои бедны рученьки
И потерялся свет во ясных моих оченьках,
Помешался ум во младой во головушке
И придержалася несчастна бедна силушка.
Охти, мнешенько тошнёшенько,
Моему сердечку тяжелёшенько,
Как распустила моих сердечных милых детушек
Всех по чужой по сторонушке,
80 Нет надеюшки у горюхи горегорькой.

А. М. АЛЕШИНА

4. ПО СЫНУ

- Как сегодняшним господним божьим денечком
Уж я сяду на раскат-гору высокую,
Как на этую могилушку умершую,
Как ко этому кресту да страховитому,
Как ко этому к рождёному ко дитятку.
Уж я роспушу унылый жалкий голосок,
Уж я разбужу сердечно мило дитятко,
Бывает не встанет ли со сырой со земли-матушки.
Ты забай со мной единое словечушко,
10 Ты растай со мной ретивое сердечушко,
Ты обрадуй мои бедны очушки,
Успокой мою бедную утробушку.
Слухай, миленько сердечно мило дитятко,
Соскучаюсь я, горюшица победная.
Жаль-тошнешенько горюшице победной,
Тебя, мое сердечно мило дитятко,

Как долит меня тоска да неудольная,
Пораздумаюсь, горющица победная,
Не видать, верно, сердечна мила дитятка,
20 Не в чистом поле да не в чистом хоромном строеньице,
И скажи-ко ты, сердечно мило дитятко,
Хоть в темной ноченьке да во сне сладкоем.
Пораздумаюсь, горющица победная,
Не у нас да теперь уж было сказано,
Мертвый на ноги теперь да не поставится.

Ф. М. АЛЕШИНА

5. ПЛАЧ О СВОЕЙ ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

Уж я жила, многокручинная головушка,
Все при полном при довольствии,
Во своем да во хоромном во строеньице,
Со своей да со законной семеюшкой,
Со рождёнными со детушками.
Уж как сделалась война да кроволитная,
Уж как взяли у меня рождёного всё дитятка
И законную семеюшку,
Как на эту на войну на кроволитную.
10 И потом меня злодеи супостатые,
Колопаи да они проклятые
Уж повыгнали с хоромного строеньица,
Нажилась я бедна по подворьяцам,
Два я года все скиталась
Со рождёнными со детушками.
Отобрали у меня рогатую скотинушку,
Эти лайбаки проклятые,
И привидела я, беднушка,
Со рождёнными со детушками
20 Много холоду и голоду.
Ноньку пережила я эту жизнь несчастную,
Как приехала я во свою во деревенку,
Не стоит мое хоромное строеньице,
Все ведь сожжено у злодеев, у несчастных,
Ко хоромному строеньицу,
Нонь негде жить мне, бедной беднушке,
По чужим углам я бедна наскитаюся,
Со своими со рождёнными со детушками.
Как жила я три учётных долгих годышка

- 30 Не получала я не писем и не грамоток,
Не от законной от семейшки
И не от рождёного от дитятка.
Уж как вышли мы из под этой оккупации,
Как освободила нас Красная да Армия,
Уж я надеюсь нонь на эту Красну Армию,
Что не покинут меня ноньку, беднушку.
Сама знаю, сама ведаю,
Что защищает свою Родину
И моя-то да законная семейшка
- 40 И мое рождёно дитятко.
И не знаю, и не ведаю,
Что есть ли они во живности,
Убиты они или ранены,
И не приходят мне-ка писемка.
И посылала я все розыски,
По городам, столам да многописьменным,
Но ответа нету беднушке,
Но все надеюсь я на Красную Армию,
Что поддержат меня беднушку
- 50 И рождёных моих детушек,
И приобуют, приоденут их,
И как грамоте их выучат
Может, не построят ли мне хоромного строеньца.
-

6. ПРИ ВСТРЕЧЕ С ПЛЕМЯННИЦЕЙ

- Слава богу, слава господу,
Кого ждала — того дождалася,
Дождалась да срадовалася,
Свою миленьку племянничку родименьку,
Подневольну красну девицу;
Недорослу деревиночку,
Недозрелу боровую ягодиночку,
Не набравшу ума-разума в головушку,
Размышленьца в ретливое сердечушко.
- 10 Ты послухай, возлюблённа мила племянничка,
Что спрошу у тебя, кручинная головушка,
Что у тебя померли желанные родители,
Похоронены во сыру землю?
Расскажи-ко, возлюбленно мило племничко,
Как уж ты была ли при мёртвой при постелюшке,
Да у мёртвого у тельшка,

- Да и у личушка у белого,
 У родителя у маменьки?
 Ты спросила ли у родителя у маменьки
- 20 Как тебе жить-то да на белом-то на светушке,
 Круглой сиротиночке, недорослой ягодиночке?
 Как твоих-то всё желанных родителей
 Как схоронили на раскат-горе высокой,
 А на эту на могилушку умёршую,
 Как за это за шумячее Онегушко,
 В городах да незнакомых,
 Во прозваньицах тяжёлых.
 Уж мы бы съездили с тобой
 Да с красной девушкой,
- 30 Как на эту на раскат-гору высокую,
 Как на эту на умёршую могилушку,
 Порасспросила бы я у сестрицы у родимой,
 У твоей да у родимой у маменьки.
 Как мы не были при тяжёлой при постелюшке,
 При твоей да при злодейной смерётушке.
 Не было никого да братцев-сродничков,
 Не было порядовых соседущек.
 Так по уму ли по разуму,
 Ей приодели всю спорядовую покрутушку,
- 40 Да построили хоромное строеньице.
 Пораздвинься, мать-сыра земля,
 Расколись-ко, гробова доска,
 Прилетите-ко все ангелы, архангелы,
 Как ко этому ко мёртвому ко телышку,
 Ко личику да бледному,
 Дай-ко господи сестричушке во ноженьки хожденьице,
 А во рученьки маханьице,
 Во уста да разговорушки,
 Чтобы рассказала всё сестричушка.
- 50 Век чего не водится
 Живой с мёртвого не родится.
 И пораздумалась я, кручинная головушка,
 Если останется у меня законная семейшка
 И рождёное сердечно моё дитяtko,
 Как от войны да государевой,
 Так я возьму тебя, возлюблённо мило племяtko,
 Я рошу тебя, белая лебёдушка,
 Задушевна красна девушка,
 Если не могу я справиться тебе цветно платьице по
 плечушкам,
- 60 Так будешь жить-то со своей любимой тётенькой,
 А не в чужих людях скитаться

И слезами обливаться.
Как сказали мне люди добрые,
Про тебя да всё ведь белую лебёдушку
Задушевну красну девушку,
После своих да всё желанных родителей,
Как у тебя полюшко кручинушки рассеяно,
За три годушка три морюшка горячих слёз принáлито,
Я прознала всё, кручинная головушка,
70 Про тебя, про белую лебёдушку,
И мне-ка жаль стало тебя тошнёхонько,
Тебя, белую лебёдушку.
Как у тебя-то все у белой у лебедушки,
Есть тоже недоросла деревиночка —
Братец, красно твое солнышко,
Все скаченная жемчужинка
(«Брат ее был в плену»)

А. Н. АМБАРОВА

7. О СЫНЕ, ПОГИБШЕМ ВО ВРЕМЯ СПЛАВА

Как сегодняшним господним божьим денечком
Прилетела скоролётна жалка птиченька,
Она ко этому косивчату окошечку,
Она тоненьким носочком поклевала,
Она жалким голосочком закричала:
«Уж ты стань-восстань, вдова да горегорькая,
Как сегодняшним господним божьим денечком
Тебе две пути широкие дороженьки,
Одна путь — широкая дороженька —
10 Итти тебе на трудную работушку,
А другá путь-широкая дороженька —
Итти на эту на могилушку умёршую».
Я пришла, бедна, горюха горегорькая,
На эту могилушку умёршую.
Раскатитесь-ка, катуци сини камешки,
И расколись-ко, гробова доска дубовая,
Уж ты стань-восстань, законная семеюшка,
Ты на этии на резвые на ноженьки,
Поразвей со мной великую кручинушку.
20 Кабы знал-ведал про горюха горегорькую,
Я была, бедна горюха горегорькая,
Эти три учётных долгих годушка

Я под этиим врагом да супостатыим,
 И меня выгнали с хоромного строеньица,
 И как жила на безродной на сторонушке
 Я со своима с сердечными со детушками,
 И привидла много-множество я горюшка.
 И как я растила сердечных своих детушек
 Без родителя без татеньки,
 30 И у меня как у горюхи горегорькой
 Резвы ноженьки мои да притоптались,
 Белы рученьки мои да примахались,
 И моя силушка у горюшицы придержалась,
 Помутился свет во ясных во очушках.
 И я как рóстила станичушку детиную,
 И я думала, горюха горегорькая,
 Будут хлебушки как мне неужарённые,
 Пораспустила я сердечных своих детушек
 И потеряла я сердечно своё дитяtko.
 40 Потеряшку потеряла много тысячей,
 Я своего удала добра молодца,
 И во других-то знать сердечна дитяtko —
 Утонул сердечно моё дитяtko
 Он во этой во реке да во глубокой,
 Он во этиих порогах да во быстрых,
 Приоставил он горюху горегорькую
 Свою бедную родитель-матушку.
 Уж видно я горюшица не думала,
 Я не думала, бедна, да я не чаяла,
 50 Что распрощусь я со сердечным своим дитяtkom
 Из-за этого врага да супостатого.
 А после этого врага да супостатого,
 Как вернулась я к хоромному строеньицу,
 Прирастрёпано хоромное строеньице
 Приразломаны хрустальные стекoлышки
 А у этого врага да супостатого.
 Как я бедная горюха горегорькая
 Была брошена на чужу на сторонушку,
 Я со своими со сердечными со детушками,
 60 И вся растеряна была порода родовитая,
 И всё было расстроено ретливое сердечушко.

8. О СВОЕЙ ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

Уж как в этих три учётных долгих годышка,
 Наскиталась я, горюша горегорькая,
 Уж на этой на чужой я на сторонушке.

И повыгнана была с хоромного строеньца
И во этих три учётных долгих годышка,
Я не столько светлой водушки попила,
Сколько горьких слез я проронила.
Потеряла я сердечных милых детушек.
Как бы мне-то горюхе крылья-перья,
10 Облетела бы горюха всю Россию,
Поразыскала бы сердечных своих детушек,
Я во этих во окопах во несчастных.
Уж как растила сердечных своих детушек
Говорили мне-ка сердечны мои детушки:
«Будут хлебушки тебе да безыменные»,
А нонь нет надеюшки горюхе горегорькой,
А есть хоть при доме одно сердечно дитяtko
Враз кормит свою законную семеюшку.
Не до меня бедной кручинной головушки.
20 Потерян свет во ясных во оченьках
У моего у сердечного у дитятка,
Нету в живности надейной головушки,
Нет надеюшке горюхе горегорькой.
Как во этиих учётных долгих годышка
Принакоплено обидушки полюшко,
Принакоплено обидушки во ретивое сердечушко,
Принаронено горячих слез озерышко
У меня одной горюхи горегорькой,
30 Без своих да без сердечных милых детушек.
Как до этой до войны кровопролитной
Были при доме сердечны милы детушки,
Не спущали меня, горюху горегорькую,
Как на эту на трудну на работушку,
Приоставили родитель ноньку матушку,
А ноньку я, горюха горегорькая,
Мне приходится да на трудной на работушке.

И. А. АНДРЕЕВА

9. ПО СЫНУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Получила я несчастна-то головушка,
Со безродной, со чужой со сторонущи,
Что погибнул тут сердечно мое дитяtko,
Моя миленька скачёная жемчужинка.

Семь-то годишков его я не видала,
Принаесли тут враги да разнесчастные,
На наших-то удалых добрых молодцев,
Как на нашу-то на землю на советскую,
И на наших-то сердечных милых детушек,
10 На скачёных-то на наших на жемчужинок.
Пораздумаешь, кручинная головушка,
Я пойду ко старшим судьям да к многознающим,
 Попрошу я их, кручинная головушка,
Чтоб дали мне, несчастной, разрешеньице
Мне съездить-то на безродну чужу сторону,
Поразыскать мне там могилушку умершую,
Повыспросить у начальства у многознающа,
Как погибла моя скачёная жемчужинка.
Пораздумаюсь, кручинная головушка:
20 Как бы были у мня крылышки гусиные,
Облетела бы я всю да безродную сторонущу,
Я бы все эти лесушка дремучие,
Я бы все эти да горушки высокие,
Я бы все эти озерышки круглодонные,
Я бы все эти морюшка глубокие,
Я бы все эти города да незнакомые,
Разыскала бы да детушек сердечных,
Я бы все их братские могилушки,
Распустила бы унылый жалкий голосок
30 Я по этим городам да незнакомым
Я повыспросила бы у милых своих детушек,
Как с победным белым светом они расставались,
Свою молодость победну погубили.
Уж я растила вас, победная головушка,
Без своей да без любимой без семеюшки,
Без желанного без любимого без родителя,
Без великого желанного да папеньки.
Не покинута я, бедная головушка,
Ростить их, скачёных милых детушек.
40 Уродились все они мои умнешеньки,
Добрим людюшкам они на подивленьице,
Ростила я их да горевала,
А возростила я их да радовалась,
Не покинута я бедная головушка,
У скачёных жемчужинок у детушек.
Было вложено великое желаньице
У светушков братьев родимых
До своей да до любушки до сестры родной,
До обидной души да красной девушки.
50 Кабы я встретила светушков братьев родимых,

Я бы бросилась на ихни белы рученьки
 Не должна бы я, красна девушка, на ногах стоять,
 А я должна бы, да красна девушка, во ногах лежать
 За ихнее за большое да за желаньице.
 У своих светушков братцев родимых,
 Что у их вложено великое желаньице.
 Ты послухай-ко, моя белая лебедушка,
 В ком искать будем великое желаньице
 Получили мы ведь весточку нерадостну,
 60 Что потеряли свою скаченую жемчужинку —
 Светушка брата родимого.
 (*«Приду на могилу к мужу и расскажу ему»*)
 Мне бы сесть на могилушку умершую,
 Ко своей-ко родимой ко семеюшке,
 Раскатись-ко, мать сыра земля, да по сторонушке,
 Разорвитесь, саваночки тонкорядные,
 Уж ты стань-восстань, любимая моя семеюшка,
 На любимые на резвые на ноженьки.
 Уж ты сбей со мною великую кручинушку.
 Я порасскажу, кручинная головушка,
 70 Про свою да про великую невзгодушку.
 Получила я, победная головушка,
 Со войны со этой со несчастной,
 Что нету в живности сердечна наша дитятка.
 Рвутся рвет мою несчастную утробушку,
 Разрывает мое ретивое сердечушко.
 У сердечушка бы я их лучше не носила
 Белой грудью я да их бы не кормила,
 И на белый свет я да их бедных не спородила
 На издивленьице да бедным людям.
 (*«Еще воп весь впереди — глаза все впухли»*)
 80 Как пришла я ко хоромному строеньицу,
 Нарушено все хоромное строеньице
 Как у этых у врагов да у разнесчастных.
 Призадумалась кручинная головушка:
 Уж не жалко мне хоромного строеньица,
 И не жалко мне скота да мне рогатого,
 (*«Корова была, да все отнято»*)
 Когда были в живности сердечны мои детушки,
 Уж я все думала победная головушка,
 Не пожалела бы я хоромного строеньица,
 Они приобрели бы да меня родитель свою матушку,
 90 Только бы остались в живности сердечны мои детушки.
 (*«Не пожалела бы я ничем ничего»*)
 Не была бы я, победна, головушкой голоднешенька,
 Кабы вернулись бы сердечны мои детушки,

Со войны да с этой со несчастной,
Победили бы врага да разнесчастного,
Вернулись на родимую свою сторонку,
Ко мне бедной несчастной материшечке,
Ко своей любушке сестричужке родимой,
Собрались бы все на родиму свою родинку,
Мы бы победные да им бы срадовались.
(«Ой, тошнешенько да диется!»)

А. В. АРХИПОВА

10. В ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С СЫНОМ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Что ль не свет ли на улице расцветается,
Красно солнышко теперь да расцветается,
А уж как эти-то три учётных долгих годышка,
Была тьма теперь да беспросветная,
Я не знала уж, кручинная головушка,
Кое день было, а кое темна ноченька,
И когда были владычны божьи празднички,
Когда светлые христовы воскресеньица,
10 Столько водышки я горюшица не выпила,
Сколько горьких несчастных слез я вылила.
Не началась я, горюха, не надеялась,
Что получу я скорописчатую грамотку
От своих-то от сердечных от детушек,
А уж сегодняшним господним божьим денечком
Я увидела сердечно своё дитяtko.
Как уж этих-то учётных долгих годушка
Уж мы ездили по чужой по сторонушке,
Уж как с этими со малыми со детушками,
20 Приходилось мне, кручинной головешке,
Много вытерпеть великой невзгодушки,
Я привидела, кручинная головушка,
Холоду да много, бедна, голоду.
Как вернулась я в дом, хоромное строеньице,
Поразрушено все хоромное строеньице,
Поразломаны все косивчаты окошечка,
Поразломана кирпична бела печенька
И увезены полы да там дубовые.
Пораздумаюсь я, кручинная головушка,
30 Что уехали фашисты распроклятые,
Да как вернутся сердечны милы детушки
Так тут исправят все хоромное строеньице.

11. О РАЗРУШЕННОМ ДОМЕ

А уж как эти-то три учётных долгих годышка
Была тьма теперь да беспросветная,
Я не знала уж, кручинная головушка,
Кое день стоял, а кое тёмна ноченька.
Столько водушки я, горюшица, не выпила
Сколько горьких слёз, несчастна, я повылила.
Как уж в эти-то учётны долги годышки,
Уж мы ездили по чужой по стороншке,
Уж как с этими со малыми со детушками,
10 Приходилось мне, кручинной голове,
Много вытерпеть великой невзгодушки,
Я привидела, кручинная головушка,
Холоду, да бедна, много голоду.
Как вернулась я в дом хоромное строеньце,
Поразрушено всё хоромное строеньце,
Поразломаны косивчаты окошечка,
Поразломана кирпична бела печенька,
И увезены полы да там дубовые.
Пораздумаюсь, кручинная головушка,
20 Что повыгнаны фашисты распроклятые.
Как сегодняшним господним божьим денечком,
Что ль не свет ли на улице рассветается,
Красно солнышко теперь да появляется.

А. Г. БОГДАНОВА

12. ПО МАТЕРИ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Я вставала по утрашку ранешенько,
Не водой я умывалася,
А горькими слезами обливалася,
Возбуждала перелетна мала птиченька,
Говорила мне, кручинной голове:
«Ты вставай-ко поутру ранешенько,
Стряпай-ка стряпню да суетливую,
Да справляйся во любимое гостебище,
10 Ко своей-то ко родители ко матушке,
Ко своей-то ко законной семьеюшке,
Как на эту на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилушку умершую».
Уж я стряпала стряпню да суетливую,

Я справлялась ко законной ко семеюшке.
Три пути пришло да три широкие дороженьки:
Одна путь пришла на трудную работушку,
Втора путь пришла ко владычному ко праздничку,
А третья путь пришла на умершую могилушку.
20 Я пошла одна, горюха горегорьякая,
Как на эту на могилушку умершую,
Говорила мне малолетна мала птиченька,
Где построено хоромное строеньице,
И прорублено косивчато окошечко,
Обнесены да брусовы белы лавочки
И поставлены столы да все дубовые,
Кипячены самовары золоченые,
И поставлено все кушанье медовое.
А я пришла, бедная горюха горегорьякая,
30 Так не построено хоромное строеньице,
Обманула малолетна мала птиченька.
А завейте стонко буйны ветерочки!
Раскиньте-ко катуци сини камушки!
Порассыптесь-ко пески да все сыпучие!
Расколись-ко гробова доска сосновая!
Покажись оттуль родитель моя матушка!
Ты забай со мной единое словечушко!
Верно, век того не водится,
Мертвые с могилы не воротятся.
40 Потихошеньку вейте ветры, поравнешеньку,
Со домов да шоломов не срывайте,
На морях да кораблей не разбивайте,
Без родителей детей не оставляйте,
Тяжело расти без желанных родителей.

Е. Ф. БОРОВЛЕВА

13. ПРИ ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С СЫНОМ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Я повыстала по утрышку ранёшенько,
Своё белое лицо я умывала,
Тонколянным полотенцем утирала,
И исусову молитву сотворяла,
Три поклончика в сыру землю положила.
Уж как бедная кручинная головушка,
Как жила я без законной без семеюшки,

Уж проходит третий долгий годышек
 10 Как не приходят скорописчатые писемки.
 Как осталась я с сердечным малым детушкам
 Без своей-то без законной без семейшки,
 Уж я растила, горюха горегорькая,
 Своих миленьких сердечных малых детушек.
 Как у меня ноженьки от дороженьки притоптались,
 Белы рученьки от работушки примахались,
 Помутился свет во ясных во очушках.
 Уж как я бедная горюха горегорькая,
 Как повырастила сердечных своих детушек,
 20 Распустила их на службу на военную,
 И осталась я одна, горюха горегорькая.
 Как у меня, у горюхи горегорькоей,
 Как пошёл четвертый учётный долгий годышек,
 Не приходят скорописчатые грамотки,
 Много умышка надо разума в головушке,
 Размышления в ретливое сердечушке.
 Как подумаю, горюха горегорькая,
 Как приходит-то зима студёная,
 Приотпущены мои сердечны детушки,
 30 Я застыну на кирпичной белой печеньеке.
 И осталась я одна, горюха горегорькая,
 Без своих рождёных милых детушек.
 Уж как я приду, горюшица победная,
 Я со этой-то со трудной со работушки,
 Нету миленьких сердечных моих детушек,
 И нигде нету талоей талиночки.
 Хоть уж есть одно сердечно мило дитяtko,
 Глупа малая сердечная лебёдушка,
 Нету при доме родителя всё татеньки,
 40 И нету маленьких светушков братцев родименьких.
 Не с кем загдворить ни единого словечушка,
 И разделять мне великую кручинушку,
 Как я жить буду, победная головушка,
 Без своей да без законной без семейшки,
 Без своих да без рождёных малых детушек.

14. О СЫНЕ

Как уж сегодняшним учётным долгим годышком
 Получила я велико радованьице,
 Как уж сбыло мое сердечно мило дитяtko,

Как от этиих злодеев супостатных,
Как от этих лагерей да заключенных,
Как от этих от работ да от тяжёлых,
Как от этих страстей да от великих.
Уж как нонь да я, победная головушка,
Я отправила на службу на военную,
10 Как во этии ряды да Красной Армии,
Защищать свою родиму родну сторону,
На защиту светушки братца родимого.
Их ведь сбавить из под гнету-то тяжёлого
Как пошёл мое сердечно мило дитяtko,
Как во эти ряды красноармейские,
И я наказ дала кручинная головушка:
«Ты разбей-ка всё врага да супостатого,
И отомсти ему, злодею супостатому,
За эти за учётны за три годышка,
20 Перебей же ты гада ядовитого,
И приезжай домой с победой к родной матери,
Успокоится мое ретивое сердечушко,
И возрадуется несчастная утробушка».

В. И. БРОВИНА

15. ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ

Как родилась я в семье да маломошной,
Взросла когда до школьного до возраста
И настала мне пора тогда учебная,
Стала я проситься у желанных родителей:
«Отпустите вы меня учиться грамоте».
Отпустили они меня учиться,
Ненадолго открылось мне-ка это счастье,
Почуилась я лишь два месяца,
Как снял меня родитель татенька,
10 Со хорошей с этой со учебоньки,
Надо работать было во чистое во полюшки.
Как росла я все во трудной работушки
(«Отец был строгий, надо было работать»)
За строгим родителем за батюшкой,
Не была дана мне вольная да волюшка
Ходить-гулять по владычным божьим праздничкам,
По игрищам по прокладбищам,
И по этим тихим смирным беседушкам.

Как пойдут мои советны милы подружки,
На эту тиху мирную беседушку
20 Я паду да во подушечку пуховую,
Обольюсе я слезамы да горячим,
Провожу я всю эту темну ноченьку
Во своей я во пуховой во подушечке.
Вспоминали там советны милы подружки,
Дожидали там удалы добры молодцы,
Как уж строгий был родитель милый батюшко
Я не смела уйти на тиху смирну беседушку.
Как исполнилось семнадцать только годишков
Замуж выдали на чужу на сторонушку,
30 Мне не жаль было прикрашенна девичества,
И того не жаль прикрашенна девичества,
Что не налажена была любима мне покрутушка,
Не изнавешена бажена моя волюшка,
С того для того я вышла молодешенька
На эту на прокляту на остудушку,
Не пожалела прикрашенного девичества.
Только видела я добра доброумица,
За своей я за законной семеюшкой.
Уж как жила с ним четыре долгих годушка,
40 Будто сыр в масле лебедушка каталасе,
Будто жемчугом кажен день я обсыпаласе,
Так я в честь пришла законной семеюшке,
Не видала я обидушки от свекра батюшки,
Да недолго постояло мне это счастье,
Толь я счастлива на свете зародилася.
Как открыласе больша война германская,
Загубила мою законную семеюшку
И осталась я, победная головушка,
С одним я со болезненным со дитятком,
50 И того взяла да лютая смеретушка.
С тех я пор живу вдовой, горюха горегорькая,
Я горюха да весёлого весельица
Я за эти-то за годы за военные,
Не видали никакого мы весельица.
Придут празднички у нас да все годовые,
А нам ведь слезушки, победным, готовые,
Сердечушко мое как надробленное,
На кажинный день обидушка готовая,
Принакопилосе великой обидушки,
60 Принабиралосе большой да все кручинушки.
Сесть — на вешний день обидушки не выплакать,
На осенний лёд обидушки не выписать
(«Столько кручины, что не войдет на лёд»)

Ночь только держу великую надеюшку,
Что соберутся со войны с кровопролитной
Все наши удалы добры молодцы,
Не покинут меня, победную головушку,
Докормят до злодейной до смеретушки
И надеюсь на колхозы государственны,
70 Я работница была да не в последних,
Находилась у них да я ведь первая,
Мне-ка честь хвала была да многолюдная.

16. ПО МУЖУ

Тридцать годиков прожила вдовой да горегорькой
Как потеряла я тебя, законная семеюшка,
Как пошли эти злодейные-то годушки,
Напали на нас враги да супостатные,
Приотняли удалых добрых молодцев,
Нас повыгнали из хоромных из строеньицев,
Эти враги да окаянные.
Уж мы прожили на чужой да на сторонушке
Эти учётные да три годушка
10 Нама не было проходу по деревнице,
По чужим углам мы бедны наскитались
И чужих кусков мы бедны наглотались,
Три годушка были ножки холодны,
Три годушка было брюшко голодно,
А потом как приотогнали врагов да супостатных,
Наша могучая да мощна армия.
И мы поехали на родиму свою сторонушку:
Незнакомая широкая дороженька
Она заросла травую да зеленою,
20 Вот уж наши-то хоромные строеньица:
Сквозь хоромишко воронишко летает,
По углам везде пташки гнезятся.
Воротились старички да стародревние
На свои-то на поля да хлебородные,
Во лесах везде топорики призатюкали,
На полях у нас пахаря да призанукали.
Как у меня да у победной у головушки
В лесу нету да дроворубщика,
На пустом полюшке да нету пахаря,
30 На славном Онеге нету рыболовщиков,
С наша озера рыбушка ушла да в океан-море,

А рыболовщички уехали да на поле бранное,
Отбивать они врага да супостатного.
Я сама пошла во чистое во полюшко,
Взяла кирку я в свои да руки старые,
Да двоих еще детей я малолетних,
Расколачивать землю да все пустынную
(«Три года земля пуста»)

Мы разделали, посеяли два гектара,
Буду ждать своих любимых я племянничков,
40 Как вернутся на свою они на родину,
Покорят они врага да супостатного,
Не покинут они меня, горюху горегорькую,
Приобуют мне-ка резвые да ноженьки,
Уж как справят мне сапоженьки на ноженьки,
Уж как справят цветно платъице по плечушкам,
Безыменные сахарны будут хлебушки
От любимых от моих да от племянничков.
Как мы уехали на чужу да на сторонушку,
Много приняли великого там горюшка,
50 сторожила у двора я там у скотного,
Тут напали на меня да злые людюшки,
На мою да на кручинную головушку,
Что укрываю я партизан своих да красных,
Доказали самой главной-то полиции.
Тут наехала полиция военная,
Меня забрала, кручинную головушку,
Посадили за решеточки железные,
Во тюрьму меня они да заключенную.
60 Как допрашивали меня, кручинную головушку,
Я в речах стара да не мешалася,
А полиции я той да не боялася,
Я права была, кручинная головушка,
Я права была в своих да показаниях,
Я не выдала любимых партизанушек.
Просидела я в будке ровно двадцать денечков,
Дожидала себе лютую смеретушку,
От этой я от строгой от полиции.
Уж я думала все глупым женским разумом,
Лучше здесь я помру сама да я несчастная,
70 Тут не выдала своих да я партизанушек.
За мое как за правильное показание,
Отпустили как меня да на свободушку
(«Я бегу и думаю: „Я это или не я?“»)
Взрадовалися любимы мои дитятки,
Они пишут скорописчатые грамотки
Вот и пишут великую благодарность мне:

«Спасибо, дорогая наша тетенька,
Что ты не выдала любимых партизанушек».
Тут на их у меня великая надеюшка,
Как воротятся с войны да кроволитной,
80 Не покинут любиму свою тётеньку,
Как помогала я их растить, горюха горегорькая,
Положила на их женску свою силушку.
Как теперь-то я, горюха горегорькая,
Придержалась вся моя да сила женская,
Притопталисе мои да ноги белые,
Примахалисе мои да руки резвые,
Помутился свет в моих да ясных очушках,
А за эти-то за три страшных годушка,
Молю только владыку многомилослива,
90 Чтобы дал мне-ка могутной еще силушки,
Пособить поростить сирот бесприютных.

17. ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ В РАЗРУШЕННУЮ ДЕРЕВНЮ

Как поехали на родну на сторонушку
Незнакомая широкая дороженька
Заросла она травой да зеленою,
А как наши-то хоромные строеньица,
Сквозь хоромьишко воронишки летают,
По углам везде пташки гнёздышка свивают.
Воротились старички да стародревние
На свои поля да хлебородные,
Во лесах везде топорики призатюкали,
10 На полях у нас пахаря да признанукали.
Как у меня да у победной головушки
В лесу нету да дроворезчика,
На пустом полюшке да нету пахаря,
На славном Онеге да нету рыболовщиков,
С нашего озёрышка рыба ушла в океан-море,
А рыболовщички уехали да на поле бранное,
Отбивать они врага да супостатного.
Я сама пошла во чистое во полюшко,
Взяла кирку я да в свои руки старые
20 Да двоих ещё детей я малолетних,
Расколачивать пошла да землю старую.

18. О РАСТЕРЯННОЙ СЕМЬЕ

- Как сегодняшней господней темной ноченькой
 Тут не спала я, кручинная головушка,
 Подо мной спала пуховая периночка,
 Во слезах было крутоскладное сголовьице,
 Как я вспомнила сердечных своих детушек,
 Выходила я на широку на улицу,
 Выходила на две на три на сторонушки.
 Тут не катится ль карета темнобархатна,
 Не пришли ли тут сердечны милы детушки,
 10 Пораздумаюсь, кручинная головушка,
 Что не на своей на вольной нынче волюшке,
 Как не в этиих бурлаках петербургских,
 Они призваны на службу на военную,
 Нету нажитье золотой казны бессчётной,
 Им не до своих желанных нонь родителей.
 Как бы ведали сердечны милы детушки
 Как бедна живу, кручинная головушка,
 Как отправила сердечных милых детушек,
 Я отправила не во бурлакушки, а во солдатушки.
 20 Их не своих желанных родителей.
 Как были при доме сердечны милы детушки,
 Я на радости была да на весельице,
 Я на всем большом была да доброумьице,
 Все кипели самовары золоченые,
 Были куплены чай да самоцветные,
 Были куплены закусочки медовые.
 Проводила как сердечных милых детушек,
 Так все болит моя ведь бладая головушка,
 Унывает мое ретливое сердечушко.
 30 Уж как за этих за учётных за два годышка
 Мои ноженьки от дороженьки заболели,
 Белы рученьки от работушки примахались,
 Помутился свет во ясных во очушках.
 Как уж вспомню я сердечных милых детушек,
 Что были бы при доме сердечны милы детушки,
 То не отправили бы на трудную работушку.
 Призадумаюсь, кручинная головушка,
 Хоть и приду я со тяжелой со работушки,
 Как подходишь ко хоромному строеньицу,
 40 Как посмотришь во косивчато окошечко,
 Как ко этому столу да ко дубовому,
 Не идут ли мои сердечны милы детушки,

Они не спрашивают меня, кручинную головушку:
«Где была, родитель наша маменька?»
Вспамятуя тут, кручинная головушка,
Были малыньки пока сердечны детушки,
Приходила я с колхозной со работушки,
Они спрашивали кручинную головушку.
Уж приаздумаюсь кручинная головушка,
50 Что повернулась бы залетной малой птиченькой,
Облетела бы все горы я высокие,
Облетела бы леса все я дремучие,
Облетела бы все синие я морюшка,
Разыскала бы сердечных милых детушек,
Разыскала бы великую обидушку.
Уж пораздумаюсь кручинная головушка:
Нету в живности, верно, сердечна мила дитятка.
Было он в живности сердечно мило дитятко,
Он сходил бы во лавочку торговую,
60 Закупил он лист гербовой бумажечки,
Унывает мое ретливое сердечушко.
Уж как за этих за учётных за два годышка,
Мои ноженьки от дороженьки заболели,
Белы рученьки от работушки примахались,
Помутился свет во ясных во очушках.
Как уж вспомню я сердечных милых детушек,
Что были бы при доме сердечны милы детушки,
То не отправили бы на трудную работушку.
Пораздумаюсь кручинная головушка,
70 Хоть и приду я со тяжелой со работушки,
Как походишь по хоромному строеньицу,
Как посмотришь под косивчато окошечко,
Как ко этому столу да ко дубовому,
Не идут ли мои сердечны милы детушки,
Они не спрашивают меня, кручинную головушку,
Где была, наша родитель мила маменька?
Вспамятуя тут, кручинная головушка,
Были малыньки пока сердечны детушки,
Приходила я с колхозной со работушки,
80 Они спрашивали кручинную головушку.
Уж приаздумаюсь, кручинная головушка,
Что повернулась бы залетной малой птиченькой,
Облетела бы все горы я высокие,
Облетела бы я леса все дремучие,
Облетела бы все синие я морюшка,
Разыскала бы сердечных милых детушек,
Разыскала бы великую обидушку.
Уж пораздумаюсь кручинная головушка

Нету в живности, верно, сердечна мила дитятка,
90 Было бы в живности сердечно мило дитятко,
Он сходил бы во лавочку торговую,
Закупил бы лист гербовой бумажечки,
Он нанял бы писарей да скорописчатых,
Написал бы скорописчатое писемко
Ко своим-то ко желанным ко родителям,
Написал бы всю великую невзгодушку.
Мне бы знать-ведать, кручинной головушке,
Что не ходит туда почта скороходная.
Есть ли в живности сердечны мои детушки,
100 То читаете скорописчатое писемко,
Вспомните про желанных про родителей,
Что ноньку как живу, кручинная головушка,
Всю проплакала несчастную утробушку,
Проболело все ретливое сердечушко.
Только слушайте, сердечны милы детушки,
Как успокоится война кровопролитная,
Розыщу своих сердечных милых детушек,
Как посмотрю на своих сердечных милых детушек,
Так успокою я свое ретливое сердечушко.

Е. П. ГРИГОРЬЕВА

19. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Коль послухай-ко, рождёно мило дитятко,
Ты куды сегодня отправляешься,
Во бурлакушки ли ты да во солдатушки,
Али на службу отправляешься на военную?
Ты скажи-ко мне, кручинной головушке,
Когда ждать тебя домой да сождать,
Не по раннему ли тебя да по утрышку,
Аль к обеду тебя ждать да к полудённому,
Али во полночь тебя во первые во летушки.
10 Пораздумаюсь кручинная головушка,
Как раньше до сего до этого до времячка,
Как дома жил моё рождёно мило дитятко
Ты работал как во поле во колхозное,
Приходил домой, рождёно мило дитятко,
Приносил мне да кручинной головушке,
Приносил мне-ка закусочки медовой,
Приносил мне-ка пышечки хлебносолые.

Пораздумаюсь кручинная головушка,
 Как я буду жить, рождёно дитяtko,
 20 Резвы ноженьки в коленочках притоптались,
 Белы рученьки во плеченьках примахались,
 Ум со разумом в головушке помешался,
 Свет во ясных во оченьках потемнелся.
 Пораздумаюсь, кручинная головушка,
 Как уж дома был, рождёно моё дитяtko,
 Уж мне лёгкая была да переменушка
 Мне-ка скорое было да послушаньице,
 Была мне уж крепкая заступушка
 И от буйного от ветрушка заборонушка.
 30 Ты послухай-ко, рождёно сердечно дитяtko,
 Все я думала, кручинная головушка,
 Как растёт у меня белая лебёдушка,
 Уж я думала, кручинная головушка,
 Изукрасить ей бажёну вольну волюшку,
 Припосправить ей любимую покрутушку,
 Уж на плечи ей да тёплу зимню шубоньку,
 Припосправить ей платьица да ей новинных,
 Понакупить сарафанов раструбистых,
 На головушку платочков тых шелковистых,
 40 На руки ей колечек золотистых,
 В русу косыньку ленты алые.
 Уж ты прости-прости, рождёно мое дитяtko,
 Уж как ты съедешь на службу в Красну Армию,
 Ты держи свою головушку поклонную,
 Ты держи своё сердечушко покорное,
 Ты ко этому начальству государскому,
 Пошли мне скорописчатое писемко.
 Я проведуя, кручинная головушка,
 Про тебя, моё рождёно сердечно дитяtko.

А. Н. ДОРОХОВА

20. НА МОГИЛЕ МУЖА

Как сегодняшним господним божьим денечком,
 Мне-ка сходить было, горюхе горегорькоей,
 Что ль на эту на раскат-гору высокую
 И на эту на могилушку умёршую
 Мне ко своей ко законной ко семеюшке.
 Раскатись-ка, мать-сыра земля,

- Раскатись-ка, гробова доска,
Уж ты стань-посстань, законная семеюшка,
Ты забай со мной единое словечушко,
10 Ты не первое со мной, а всё последнее.
Уж только слухай-ко, законная семеюшка,
Как уж сегодняшним учётным долгим годышком
Я приехала в свою деревенку столбовую,
И пришла я ко хоромному строеньицу,
Всё нарушено хоромное строеньице,
Все разломаны полы да тут дубовые,
Тут разломаны потолки да все тесовые,
Тут приломаны окошечки косивчатые.
Так долит меня тоска великая кручинушка,
20 Как мне жить со малыма со детушками,
Уж я скитаюся, горюха горегорькая,
Как по этим по чужим да по подворьяцам.
Как ведь сегодняшним учётным долгим годышком,
У меня взяли ведь сердечко мое дитяtko,
Как на эту на службу государскую,
Как на эту войну да кровопролитную.
Жалко от тоски сердечно мило дитяtko,
Ушибат тоска великая кручинушка,
Рвутся привало ретливое сердечушко.

Е. Г. ЕГОРОВА

21. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА НА ФРОНТ

- Коль послухай-ко, рожёно мило дитяtko,
Ты куды сегодня отправляешься,
Во бурлакушки ли ты да во солдатушки,
Али на службу отправляешься на военную?
Ты скажи-ко мне, кручинной головушке,
Когда ждать тебя домой да сождать,
Не по раннему ли тебя да по утрышку,
Аль к обеду тебя ждать да к полуденному,
Али во полночь тебя во первые во летушки?
10 Пораздумаюсь, кручинная головушка,
Как раньше до сего до этого до времячка,
Как дома жил мое рожёно сердечно дитяtko,
Ты работал как во поле во колхозном,
Приходил домой, рожёно сердечно мило дитяtko,
Приносил мне, да кручинной головушке,

Приносил мне-ка закусочки медовой,
Приносил мне-ка пушечки хлебносолоей,
Пораздумаюсь, кручинная головушка,
Как я буду жить, рождёно мое дитяtko,
20 Резвы ноженьки в коленочках притоптались,
Белы рученьки во плеченьках примахались,
Ум со разумом в головушке помешался,
Свет во ясных во оченьках потемнелся.
Пораздумаюсь кручинная головушка,
Как уж дома был, рождёно мое дитяtko,
Уж мне легкая была да переменушка,
Мне-ка скорое было да послушаньице,
Была мне уж крепкая заступушка
И от буйного от ветрушка заборонушка.
30 Ты послухай-ко, рождёно сердечно дитяtko,
Все я думала, кручинная головушка,
Как растет у меня белая лебедушка,
Уж я думала, кручинная головушка,
Изукрасить ей бажену вольну волюшку,
Припосправить ей любимую покрутушку,
Уж на плечи ей да теплу зимнюю шубеньку,
Припосправить ей платьица да ей новинные,
Понакупить сарафанов раструбистых,
На головушку платочков тых шелковистых,
40 На руки ей колечек золотистых,
В русу косыньку ленты алые.
Уж ты прости-прости, рождёно мое дитяtko,
Уж как ты съедешь на службу в Красну Армию,
Ты держи свою головушку поклонную,
Ты держи своей сердечушко покорное,
Ты ко этому начальству государскому,
Пошли мне скорописчатое писемко,
Я проведу, кручинная головушка,
Про тебя, мое рождёно сердечно дитяtko.

А. А. ЖУРАВЛЕВА

22. О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Уж как я бедна кручинная головушка,
Что ль за эти за учётны за три годышка,
Распустила я всю семьюшку союзную,
Уж как я этых-то сердечных милых детушек,

Я на эту ли на службу на военную.
Уж свою законную семейшку
На эту на чужую на сторонушку.
Получила я ведь весточку нерадостну,
Что уж нет у меня законной семейшки,
10 И нету в живности сердечна мила дитятка,
Как убиты на войне да кроволитной.
А уж другой сердечно мое дитятко
Приоставлен на чужую на сторонушку,
Нет ни писемка, ни грамотки,
А уж у мня, горюха горегорькой,
Нет ни дому, ни хоромного строеньица.
Как я жить стану, горюха горегорькая,
Я со своим сердечным милым дитятком?

23. ПО СЫНУ

Уж как сегодняшним учётным долгим годышком
Распустила я сердечных своих детушек,
Распустила я удалых добрых молодцев,
Как на эту я на службу на военную,
Как на долгу пору это времячко.
Я взглянула как в косивчато окошечко,
Как на эту путь широкую дороженьку,
Так идет да все ступистая лошадушка,
Так везут моего сердечного да дитятка.
Как подъехали к перёному крылечушку,
Погляжу бедна кручинная головушка,
Во гробу лежит сердечно мило дитятко,
Тут как замерло ретливое сердечушко.
Я подумала, кручинная головушка,
Что несчастна я, горюха горегорькая,
Что лишилась я сердечна своего дитятка.
Занесли мы во хоромное добра молодца,
И снарядили да удала добра молодца,
20 Как на эту на раскат-гору высокую,
И на эту на могилушку умершую,
Разукрасила цветами я сердечно свое дитятко,
И осталась я со малыми со детушками,
Уж лета-то теперь престарелые,
Я думаю, кручинная головушка,
Мне-ка скорое бы было послушаньице,
Мне-ка лёгкая была бы переменушка.

У. П. ЗАРУБИНА

24. ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

Как пришла я, многобеднушка,
На умершую могилушку,
Я ко своему сердечному ко дитятку.
Не проторена путистая дороженька,
Зарослась да муравой травой.
Как зайти мне было беднушке,
Проторить да путь широкою дороженьку
Мне ко своему роженому ко дитятку.
Ты раздвинься, мать сыра земля,
10 Расколись-ко, гробова доска,
Налетите с неба ангелы,
С небес ангелы, архангелы,
Дайте в рученьки маханьце,
Дайте в ноженьки хоженьце,
Во уста да говореньце.
Ты скажи, мое рожёно дитятко,
Хоть одно да мне единое словечушко,
Как у моего рожёно у дитятка
Сторожа стоят, да не стареют,
20 Да замочки не ржавеют.
Верно век того не водится,
Что с мертвого живой не родится,
Из могилушки взад воротится.
Как живу я многобеднушка,
Без тебя, мое рожёное ведь дитятко,
Как на печке ножкам холодно,
Как у хлеба брюшко голодно.
Не могу дожждаться, беднушка,
От тебя, мое рожёно дитятко,
30 Не письма да я не грамотки
Не бесщётной золотой казны.

25. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Отправляю, многобеднушка,
Я рожёных своих детушек,
Не в бурлакушки я отправляю,
А в солдаты посылаю,
Я на службу государскую,

На войну я на германскую.
Вы рождены мои детушки,
Не забудьте вы родитель-матушки,
Соймите русые волосушки,
10 Своё личушко бумажное
На портрет, бумагу белую.
Вы пошлите-ко, пожалуйста,
Я держать буду ведь, беднушка,
Ваши русые волосушки,
Ваше личушко ведь белое,
Уж я в ночь стану держать
Да под пуховой подушечкой,
Уж я в день стану у ретливого сердечушка.

26. О СВОЕЙ ЖИЗНИ

Уж было сесть кручинной головушке,
Сесть не в ноги, сесть не в голову,
Сесть ко личушку ко блеклому,
А ко тельшуку ко мертвому,
Ко законной семеюшке,
Ты уж послухай-ко, законная семеюшка,
По уму ль тебе по разуму,
Сокрушила да наладила
Я хоромное строеньице,
10 Тут ведь новое холодное,
Не прорубила, многобеднушка,
Я косивчатых окошечек,
Не склала белой печеньки,
Сам ведь знаешь, сам ведь ведаешь,
Ты законная семеюшка,
Что ведь нет у нас рождёных детушек,
Хоть и есть они во живности,
Да ведь нет-то их при близности.
Приотправлены рождёные детушки
20 Все по разным губерниям,
А мы ведь прогнаны несчастные головушки,
Как со своего хоромного строеньица.
У злодейных этих врагов.
Мы уж, горе, наскитались
По деревням мы нашаталися,
Мы кусков насобиралися
Как мы прогнаны, несчастные,

Во леса да во дремучие,
Во болота во топучие,
30 Мы превидели ведь и несчастные
Мы и холоду и голоду,
На чужой да на сторонушке,
Как пришли удалы молодцы,
Наша славная да Красна Армия,
Как поехали мы в путь-дороженьку,
Как на свою-то на родиму на сторонушку,
Как приехали в деревенку,
Все приломано, прихрястано,
У врагов да у несчастных,
40 Запустошены все поляны хлебородные,
Запущены все лужка да сенокосные,
Обнесена да вся деревня проволокою,
Обминированы бережка да все Онежские.
(«Не было не выходу, не выезду»)

Е. В. ИВАНОВА

27. ПО БРАТУ-ПАРТИЗАНУ

Я осталась, многобеднушка,
У богоданного у татеньки,
У меня, у многобеднушки,
Все осталась станица неудольная,
Уж я жила все четыре долгих годышка,
Без законной семеюшки,
Уж я растила-то стадушко гусиное,
Все рожёных, милых детушек.
У меня был богоданный братец-светушко,
10 Он выросил моих детушек
(«С шестью я осталась»)
Он воздерживал-воспитывал,
И справлял обуточку по ноженькам,
Цветно платьца по плечушкам,
И спасет бог, да спасет господи,
Богоданного братца-светушка
И ветляную нештушку.
Ты сестрица богоданная,
Я не знаю, я не ведаю,
Я, горяша горегорькая,

20 У меня да многобеднушки,
Было стадушко гусиное,
Тут другое лебединое
Будто утица с утятами,
Будто курица с цыплятами.
Я со этой со кручинушки,
Я со этой со обидушки,
Я бы три поля кручиной призаसेяла,
Я бы три моря зазной зазнобила,
Я бы целый-то кораблик нагрузила бы,
30 Я за сине море кораблик спустила бы.
У меня-то многобеднушки,
Был скачѣная жемчужинка
Братец красное он солнышко
(«Погиб в партизанах, невестку увели финны»)
И приосталисе рожены милы детушки,
Как две белые лебедушки.
Как увезены ойны белые лебедушки
В города да незнакомые.
Как у их-то многобеднушек,
Нет великой надеюшки,
40 Нет соколов братцев родимых,
Нет ни роду, нет ни племени,
Одна есть сестричушка родимая.
У меня-то многобеднушки,
У горюши горегорьковой,
Нет ни роду, нет ли племени,
Сокола, братца любимого.
Нонче времячко военное,
Уж я стала нонь победная,
Нету сродцев у меня сродничков,
50 Нет ни роду, нет ни племени,
Нет во живности рожёных милых детушек.

28. О РАСТЕРЯННОЙ СЕМЬЕ

Мне-ко жаль да их тошнехонько,
А рожёных милых детушек,
Потеряла я победнушка,
Всех роженных милых детушек.
Уж как я стану жить, победнушка,
Без рожёных милых детушек.
Нет великой надеюшки

Как великой переменушки.
Как я бедная рассталася,
10 Три дня клубышком каталася,
Уж я горькими слезами обливалася.
Наживусь я, беднушка,
У меня на печке ножкам холодно,
У жаратка брюшку голодно.
Уж я растила станицу неудольную,
Нонь осталась одинешенька,
Умом-разумом глупешенька,
Нет великой надеюшки,
У меня нет переменушки.
20 Я соскучилась, победнушка,
Я по белой по лебедушке,
По задушевной красной девушке.
Я не знаю тут, победнушка,
Как увижу тебя, мое рожёно мило дитятко,
Уж я день бы шла по красному по солнышку,
Уж ночь бы шла по красному по месяцу,
Ко своему-то рожёному ко дитятку,
Я ко своей-то ко белой лебедушке.
Я вопила по рожёному по дитятку,
30 Я по своей-то по белой лебедушке,
Я ходила на искат-гору высокую,
Я на эту на умершую могилушку.
Видно век того не водится,
Живой с мертвого не родится,
Со могилы не воротится.
Я осталася, победнушка,
Я с законной семеюшкой,
Я с пристарелой головушкой.
Нет ни чашечки, ни ложечки,
40 Нет ни хлеба ни крохоточки.
Наставала туча темная,
Туча темная, страховитая,
По горам туча катилася,
С горы камешки скатилися,
По лесам туча катилася —
Лесы к земле приклонилися.
К нам фашисты привалилися,
Вы ведь их да устрашилися,
Да ведь тут да убоялися.
50 Мы три годушка по чужим углам наскиталися,
Но пришло да тое времячко,
Запустили нас в хоромное строеньице,
Дожидаю я, победнушка,

Всех рождённых милых детушек,
Я со службы со военной
И любимых милых внучаток.
Я бы встретила, победнушка,
Во широком, чистом полюшке,
Проводила бы я, беднушка,
60 На четыре на сторонushки,
Как увидела б, победная головушка.

Н. Г. КАДЕТОВА

29. ПО МУЖУ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Не на счастливую ступень да я ступила,
Не счастливое сердечко — получила я весточку,
Уж как помер-то́ законная семеюшка,
Уж осталась я горюха горегорькая,
Оставил он сердечных мне-ка детушек,
Недорослых в лесу да деревиночек,
Недозрелых в сыром бору да ягодиночек.
Мне-ка сесь было кручинной головушке,
10 Как ко этому ко складному сголовьицу.
Кабы знала я, горюшица победная,
Что придет скоро злодейная смеретушка,
Я бы заперла новы сени решетчаты,
Призадвинула заложечки железные,
Не пустила бы злодейной я смеретушки,
До своей да до законной до семеюшки.
Только слухай-ко, законная семеюшка,
Придь-ко засмотреть кручинную головушку,
Ты в день приди по светлому по солнышку,
20 А в ночь приди по светлому по месяцу,
Дождать буду, кручинная головушка,
Я встречать буду в новых сенях решетчатых,
Открывать буду заложечки железные,
А провожать буду во чистое во полюшко
Свою миленьку законную семеюшку.
Мне спросить было, кручинной головушке,
У своей-то у законной у семеюшки,
Как возростить мне сердечных милых детушек?
Я возростила сердечных милых детушек,
30 Распустила я по чужой по сторонushке,

А осталась я, горюшица победная,
Во своем да во хоромном строеньице.
Я возростила сердечно мило дитятко,
Я отправила на службу на военную,
Находилась я, победная головушка,
По чужим людям, горюха, намоталася,
По чужим углам, горюха, наскиталася.
А потом как началась война да кроволитная —
Нарушили дом хоромное строеньице
40 И осталась я, победная головушка,
Без своего да я хоромного строеньица,
Жаль-тошнешенько хоромное строеньице
(«Глазюньки призапухли, ноженьки приотпались, рученьки при-
махались, а нонь и жить негде»)
И хрустального стеколышка.
Не дожидаться мне сердечна мила дитятка,
Со войны со этой кроволитной.

А. К. КАЛИНИНА

30. О ДОЧКЕ, РАССТРЕЛЯННОЙ ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Нонь слава теперь да слава господу,
Кого ждала я, горюшица, — того дождалася,
Я дождалась знать советных милых подружек,
Что ль своей-то я ведь белой лебёдушки.
Вы скажите-ко, советны милы подружки,
Не затайте-ко вы, белые лебёдушки,
Как вчерашним-то господним божьим денечком,
Что случилось с моей белой лебёдушкой?
Получила она нечаянну смерётушку
10 И вы смотрели ли, советны милы подружки,
Что откуль пришла злодейная смерётушка,
Что ль от севера пришла она холодная,
Что ль от запада пришла она голодная,
Иль от юга пришла да недовольная,
Принабросилась на белую лебёдушку.
Мы в плену теперь живём да подначальные,
Не родной у нас язык, да переводчики,
Как раньше до сего до поры-времячка
Мы жили со своими с милыми товарищами,
20 Уж не спустила бы тебя я, белую лебёдушку,

Придержала бы у ретливого сердечушка,
 Не спустила бы на трудную работушку,
 Может этого тогда бы не случилось,
 Твоя жизнь назад бы воротилась.
 Мне-ка сесть было, кручинной головошке,
 Мне на эту на бросову белу лавочку,
 Мне-ка к этому крутоскладному зголовицу
 Побудить бы мне-ка белую лебёдушку:
 «Уж ты стань-восстань, белая лебёдушка,
 30 Чего дома ты так спишь да высыпаешься,
 Сегодням сном моя белая лебёдушка наслаждается.
 По крестьянским сараям петухи поют,
 По бобыльским домам да печки топятся.
 У меня, как у кручинной головошки,
 Уж истоплена кирпична бела печенька
 И состряпана стряпня да суетливая,
 Знать поставлены столы да всё дубовые
 И поставлены самовары золочёные.
 Ты справляйся, моя белая лебёдушка,
 40 Уж ко этим самоварам золочёным,
 Уж ко этому к обеду полудённому,
 На допрос возьму тебя, белая лебёдушка:
 «Ты в котору путь-дорожку отправляешься,
 Ты в котору путь широку снаряжаешься,
 Ко владычному ко божьему ль ко праздничку, —————
 Что ль на это на игрище на проклятое,
 Аль на трудную походишь на работаньку?»
 Пораздумаюсь кручинная головошка,
 Что ль по этому по белому по платьцу
 50 Отправляю свою белую лебёдушку
 Я на онный свет, на онно соживленьице
 Я на эту на могилушку умершую,
 Уж на эту на раскат-гору высокую.
 Как сегодняшним господним божьим денечком
 День ко вечеру теперь да коротается,
 Солнце к западу теперь да подвигается,
 Приукатится ведь красное да солнышко
 Что ль за этии за горы за высокие,
 Приукатится моя белая лебёдушка
 30 Как на эту на раскат-гору высокую,
 Как на эту на могилушку умершую.
 Только слухай, моя белая лебёдушка:
 На тот свет сойдешь, на онно соживленьице,
 Не увидишь ли желанных родителей,
 Да ещё-то богоданных родителей,
 Своих маленьких сестриц да ты родименьких,

Что ль моих-то ты сердечных милых детушек
И своего-то ты да братчика родимого.
От меня снеси поклон да понизёшенько,
70 Поклонись им с высоты да до сырой земли,
Расскажи-ко ты им, белая лебедушка,
Что ль про нашу про теперешнюю жирушку,
Как в плену жили да мы победные
Не получаем мы ни писем и ни грамоток
От твоих ведь от братцев от родимых,
Ты ещё скажи, моя белая лебедушка,
Про меня, да про кручинную головушку,
Что я без ветрышка теперь да всё шатаюся,
Без угару болит моя буйная головушка,
80 За стол сяду я, горюша, встану голодна,
Я на печь сяду я, горюха, ногам холодно.
Как рабочий хлеб у нас приобрали,
И рогатую скотинушку приобтняли,
Без обидушки ведь нас да приобидели,
Из своих ведь нас домов да всё повыгнали.
Ты еще слухай-ко, моя белая лебедушка:
Идь-ко засмотри меня, кручинную головушку,
В светлый день приди по красному по солнышку,
В тёмну ночь приди по ясному по месяцу,
90 Буду ждать тебя, кручинная головушка.
А когда пойду я на трудную работушку,
Ты из-под кустика выскочи серым заюшком,
Из-под камешка выпрыгни горностаюшком,
Хоть лихим зверем выдь на широку путь-дороженьку
Не убоюсь ведь я, кручинная головушка.

31. ПО СЫНУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Мне-ка сесь было, кручинной головешке,
Что ль на этот да двигучий серый камешек,
Прочитать мне скорописчатую грамотку,
Не знакомая ль рука да тут писала,
Не знакомая ль головушка сочиняла.
Эта грамотка написана у моего у сердечного у дитятка,
Он во младости писал да все для шалости,
Он за шуточки друзьям своим товарищам.
Эта грамотка дождями не смывается,
10 В зимню пору бурей-снегом не стирается,

Знать на память мне, кручинной головушке.
А теперь-то я, кручинная головушка,
Получила я ведь весточку нерадостну,
Получила я письмо да похоронное,
Что ль про своего про ясного про дитятка,
Я про своего про ясного про сокола.
Он склонил свою младую головушку,
Как на этой на битве, поле брани,
Он от этой от злодейной пули вражьей.

20 Кабы были у меня у кручинной головушки
Как бы эти легки малы сизы крылышки,
Я от этой от кручинной от досадушки
Полетела бы, кручинная головушка,
Я во эти города да в отдаленные,
Облетела бы всю Россию повселенную,
Облетела бы всю Советскую республику,
Я по этому письму да все по грамотке,
Отыскала бы все части, полки военные,
Отыскала бы я солдатика знакомого,

30 Я бы этого соседа спорядового.
Попросила бы я, кручинная головушка,
Показать бы мне могилушку военную
Где положен мой сердечно моё дитятко.
Мураву траву сама бы я порвала,
Я сыру землю сама бы откопала.
Я сыночка с сырой земли достала,
Близко прижала ко бслому ко личику,
Крепко обняла б к ретливому сердечушку,
Ясны очушки его бы приоткрыла,

40 Горючими слезами тяжелы раны бы обмыла,
И легче было бы ретливому сердечушку,
Поотраднее несчастной утробушке.
Что ль нашлись такие добрые бы людюшки,
Распоролы бы мою несчастную утробушку
И посмотрели бы мое ретливое сердечушко.
Там не лютая змея да все свивается,
Бурным пламенем сердечко разгорается,
Уж как я бедная кручинная головушка,
Я от малости во радости не живала,

50 От рожденьица весельица не видала,
Но не кручинила своей-то я головушки,
Не печалила ретливого сердечушка,
В явь горючих слез я бедная не лила,
Я законной семеюшки не гневила.
Все я думала, кручинная головушка:
Как подрошу я своих сердечных детушек,

- Легче будет нам жить, победным головушкам,
Всю мы силушку свою да положили,
Их возвышенным наукам научили.
- 60 А теперь-то нам, победным головушкам,
Нам удар идет теперь да за ударом,
Нам потеря теперь да за потерей,
Потеряшечку я горюша потеряла,
Я большой оброн несчастная обронила.
Как за эти за учётны долгиих три года,
Что ль не шелковый ведь пояс со часами,
Я не золоту цепочку с орденами.
Потеряла я сердечных троих детушек,
Потеряла я наживных головушек.
- 70 А теперь-то я кручинная головушка,
А белым-то я есть да все белешенька,
Хоть есть во живности законная семеюшка
Да пристарелый стал, законная семеюшка,
Его ноженки теперь да притоптались,
Его силушка теперь да придержалась,
Его рученьки теперь да примахались,
Помешался ум во молодой во головушке,
Помутился свет во ясных во очушках.
Как мы станем жить, победные головушки,
- 80 Как мы станем доразвивать победных своих детушек,
Недорослые в бору да деревиночки,
Недозрелые в бору да ягодиночки.
Будут босые они да необутые,
Будут голые они да неодетые,
Раньше до сего было до поря до времячка,
Приходили мне скорописчатые писемка,
Утешали меня ласковы словечушка:
«Не горюй-ко ты, родитель наша маменька,
Не тоскуй-ко ты, кручинная головушка,
- 90 Ты во старости будешь жить да все во радости».
Уж как настала война да всемирная,
Растеряла я сердечных своих детушек.
Во глаза они мне больше не покажутся,
На виду они мне да не появятся,
Укатилось тепло красное да солнышко,
Что ль за эти-то за горы за высокие,
Укатилось знать великое желаньице,
Как от этой кручинной головушки.
Знать несчастная я есть да неталанная,
- 100 Знать в несчастный день во середу посеяна,
Не на таланный день во пятницу споржена.

32. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Мне присесть было кручинной головошке,
 Как на эти на поля да хлебородные,
 Как на эти на луга да сенокосные,
 Как на это на полюшко на широкое.
 Вспомню я, кручинная головошка,
 Как бывало во прошлу во пору-времячко,
 Как на этих полях да хлебородных,
 Как на этих лугах да сенокосных,
 Тут работали сердечны мои детушки,
 10 Которых у сердечушка я бедная носила,
 Белой грудью я бедная кормила.
 Уж я мать есть да всё детиная,
 Головушка моя бедная кручинная,
 Мне во неделю кручинушки не выписать,
 И во вешний день досадушки не высказать.
 Как возростила я сердечных малых детушек,
 Уж я думала, кручинная головошка,
 Что мне будет вечна лёгка переменушка,
 Мне-ка будет вечная надеюшка.
 20 У меня как у победной у головошки,
 Резвы ноженьки да притоптались,
 Белы рученьки мои да примахались,
 Помутился свет во ясных моих очушках,
 Помешался ум во младой во головошке.
 Как отправила сердечных милых детушек,
 Четырёх своих скачённых жемчужинок,
 Недорослых в лесу да деревиночек,
 И незрелых в бору да ягодиночек.
 Как на моём на бедном ретливом сердечушке,
 30 Как разлил река да разливается.
 Я отправила, кручинная головошка,
 Не в бурлаки да в петрозаводские,
 Не в наживушку да я в молодецкую,
 Как на это на полюшко на бранное,
 Как на эту на войну кровопролитную.
 Уж я умышком того не думала,
 Я мыслями того да не помыслила,
 Что потеряю я сердечных милых детушек,
 Как одно есть у меня сердечно мило дитячко,
 40 Он убит есть на полюшке на бранном,
 Он зарыт в земелюшке нерусскойей.
 Уж как была бы свободна пора-времячко,

Заложила бы я всю домову пору жирушку,
Я согнала бы дворовую скотинушку,
Уж я справила бы золоту казну бессчётную,
Я бы съездила, кручинная головушка,
Разыскала бы могилушку умёршую,
Уж как эту да раскат-гору высокую
И успокоила да бы ретливое сердечушко.

А. Ф. КАСЬЯНОВА

33. ПО СЫНУ, ЗАМЕРЗШЕМУ В БОЛОТФ

- Мне-ка сесть было на бросову белу лавочку,
Как ко этому крутоскладному зголовицу,
Как ко этой ко постелюшке умершей,
Как ко миленькой скачёной жумчужинке.
Тут уж слухай-ко, сердечно моё дитятко,
Не носи гнева на кручинную головушку,
Как сегодняшним господним божьим денечком
Вставала я по утрышку ранёшенько
Не ключевой водой, горюха, умывалась,
10 А скорёшенько на работу собиралась,
И пришли ко мне злодеи супостатные:
«Пора будить сына со спальной со постелюшки,
И отправлять его на крестьянску на работушку».
И подошла верно горюха горегорькая
Как ко этой тепло-спальной ко постелюшке
Как ко этому ко крутоскладному зголовицу,
Подрочила тебя по младой по головушке,
Жаль тошнёхонько будить сердечно дитятко.
Отошла бедна кручинная головушка,
20 Я не буду будить скачёной жемчужинки,
Тут опять пришли злодеи супостаты,
Левой ноженкой они тут притопнули,
Правой рученькой они крепко прихлопнули,
Они взглядом зашипели по-змеиному,
Они крикнули на горюху по-звериному,
Что пора справлять на крестьянску да на работаньку.
Разбудила я тебя, скачёную жемчужинку,
Нарядила тя да на подневольную работаньку,
И ты вскочил, моя скачёная жемчужинка,
30 Ключевой водой ты не умывался,
А быстро-набыстро на работу собирался,

И скорёшенько встречал ступистую лошадушку,
И верно ведало моё ретливое сердечушко,
Что ходила вслед за тобой скачёная жемчужинка,
Что не спущала на тяжёлую работаньку.
Не послушал ты, скачёная жемчужинка,
И поехал в путь-дороженьку,
Иль боялся ты злодеев супостатных,
Иль тянула тебя злодейная смерётушка,
40 Как отпустила тебя, скачёная жемчужинка.
Рвутся рвало моё ретливое сердечушко,
Разрывало мою несчастную утробушку,
Верно ведало твою злодейную смерётушку.
Ты послухай-ко, сердечно моё дитяtko,
Как сегодняшним господним божьим денечком,
День ко вечеру теперь да коротается,
Моё дитяtko с работы не является,
И пошла, верно, кручинная головушка,
Я со этой со тяжёлой со работушки.
(«И сама я на работе была»)
50 Мне сказали тут, кручинной головушке,
Что сидит в воды твое сердечно дитяtko,
Под этой под ступистой под лошадушкой,
И побежала я, кручинная головушка,
Искать во диких, во темных лесах,
Не нашла тебя, сердечно моё дитяtko.
Час за часом будто время коротается,
Твоё тело во темном лесу замерзается.
И ещё слухай-ко, скачёная жемчужинка,
Когда увидела я ступистую лошадушку,
60 Как рыбинка в воды да бурыхлается,
То побежала к ней, горюха горегорькая,
Как ко этой ко ступистой ко лошадушке,
Что не видать моей скаченой жемчужинки.
Как пришла я ко ступистой ко лошадушке,
Там рядом лежит сердечно моё дитяtko,
Белы рученьки у тя да призастыли,
Ясны оченьки у тя да призакрылись.
Я схватила тя, да моя скачёная жемчужинка,
Стала кликать тебя, горюха горегорькая,
70 Не добилась я приветливых словечушек,
Рассердился видно сердечно мило дитяtko,
Что разбудила тебя по утрышку ранёшенько,
И отправила на крестьянскую на работушку.
Ещё слухай-ко, скачёная жемчужинка,
Как я буду жить, горюха горегорькая,
Что осталась я одна да одинёшенька,

Что нигде не стало никогошеньки.
Ещё слухай-ко, скачёная жемчужинка,
Когда осталась без законной без семейшки,
80 И росила я станицу неудольную,
А нонь распустила я сердечных своих детушек,
На две, на три, на четыре на сторонушки,
И осталась сиротой я бесприютною,
Ещё слухай-ко, скачёная жемчужинка,
Не сердись-ко на горюху горегорькую,
Придь-ко, зáсмотри кручинную головушку,
Ты не в день приди, по красному по солнышку,
А в ночь приди, по светлому по месяцу,
У окошечка да ты не стучáйся,
90 У дверей да ты не заложáйся.
Можешь знать вперёд, скачёная жемчужинка,
Что в чужом живу да во хоромном строеньице,
Не позволят пустить в хоромное строеньице,
Привести тебя во светлую во светлицу,
И грить про тебя самоварчики шумячие,
И наливать тебе чашечки горячие.
Ты послухай-ко, скачёная жемчужинка,
Буду ждать тебя под косивчатым окошечком,
И выходить буду на широкую дороженьку,
100 Встречать ходить во чистое во полюшко,
Может скажешь хоть единое словечушко,
Как мне жить, горюхе горегорьковой,
Так во этом во проклятом в одиночестве.

М. Н. КАШИНА

34. ПО ОТЦУ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Прилетела самолетна мала птиченька,
Она тонким голосочком все будила:
— Ты вставай-ко, вставай, горюха горегорькая,
Ты пойд-ко ко родителю ко татеньке.
Как у твоего родителя у татеньки
Есть построено хоромное строеньице,
Есть состроены окошечка хрустальные,
Поставлены лавочки дубовые,
10 И согреты самоварчики шумячие,
И налажены чашечки золоченые.

Уж я пришла-то, горюха горегорькая,
Что ль на эту на умершую могилушку,
Я ко своему родителю ко татеньке
Поглядела я на путь широкую дороженьку,
Там уж нету дома-хоромного строеньица,
Обманула самолетна мала птиченька,
А там да ведь все могилушка умершая.
Уж я села-то, горюха горегорькая,
20 Как на эту на умершую могилушку,
Я ко своему родителю ко татеньке,
Пропустила я унылый жалкий голосок
И поплакала у родителя у татеньки
Я по своей по законной семеюшке.
Нету в живности законной семеюшки,
Нету весточки от законной семеюшки
И оставил со сердечными со детушками.
Уж я бедная горюха горегорькая,
Прирастроено хоромное строеньице,
30 Приразбитые хрустальные стеколышка,
Как мне жить, горюхе горегорькой?
Прирастрепана кирпична бела печенька,
Прирастрепаны брусовы белы лавочки.
Уж я выростила сердечных моих детушек,
Прираспустила я на чужу на сторонушку,
А оставаюсь я со малыма со детушками.
Малы детушки приобижены,
Как я жить стану, горюха горегорькая,
Я со своими сердечными со детушками?
40 Много умушка наб во младу во головушку,
Размышленьица в ретливое сердечушко.
Как мне жить, горюхе горегорькой,
Нету в живности рогатой скотинушки.
Как я жить стану, горюха горегорькая,
Я со своими со малыми со детушками?

Е. В. КОСТИНА

35. НА МОГИЛЕ МУЖА

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Как спала я крепко-накрепко, горюшица,
Налетела тут залётна мала птиченька,
Колотила своим тонким носочком,

- Воспевала своим жалким голосочком,
Уж ты стань-восстань, победная головушка,
Уж иди-ка на раскат-гору высокую,
Ты на эту на могилушку умершую,
Ты ко милому родителю ко батеньке,
10 Во-вторых, да ко светушку братцу родимому.
Они ждут тебя в родимом гостебище,
Там построена палата белокаменна,
Приукладена кирпична бела печенька,
Тут прорублены косивчаты окошечки,
Обнесены белы лавочки тесовые,
Расставлены столы белодубовые,
Принакрыты скатерётки новобраные,
Тут наложены закуски всё медовые,
Прирасставлена посуда вся фарфорова,
20 Вскипячены самовары серебристые.
Тут проснулась я, горюша, со сна лютого,
Прибежала на раскат-гору высокую,
Я на эту на могилу на умершую.
Но обманула залётна мала пташечка
Меня да горюшу горегорькую,
Не построено палаты белокаменной,
Не поставлены кипячёны самовары серебристые,
Только тут стоит могилушка умершая,
Нету в живности желанного родителя,
30 Во-вторых-то, светушка братца родимого.
Никогда ведь не взойдёт да солнце с севера,
Не видать да мне горюше горегорькой,
Мне желанного родимого мила татеньки
Во-вторых, да света братца родимого,
Уж как сяду я к раскат-горе высокой,
Я ко этой ко могилушке умершей,
Расскажу-ко я, горюша горегорькая,
Про свое житьё да горемычное.
Как за эти за учётны за три годышка
40 Помешался ум во младой во головушке,
Помутился свет во ясных во оченьках,
Притопталися на ноженьках сапоженьки,
Цветны платьвица по швам да порасшились.
Всё горюше на вешний день не высказать,
На осенний лёд не выписать,
Все досадушки горюшице не выпомнить.
Как за этих за учётных за три годышка,
Накопилось у горюши много обидушки,
Растеряла всю любимую семеюшку,
50 Растеряла всех наживных головушек,

Я по чужой по дальней сторонушке.
Я ложусь когда по вечеру позднёшенько,
Я гляжу все во косивчато окошечко,
Ожидаю их, горяша горегорькая,
Уж я жду по утрышку по раннему,
Я по этому по вечеру по позднему,
Ожидаю их по месяцу по ясному,
Я по этому по солнышку по красному.
Пораздумаю горяша горегорькая,
60 Что потеряла я хоромное строеньице,
Перелопались хрустальные стеколышка,
Перетрескали косивчаты окошечка,
Разбежалась вся дворовая скотинушка.
Уж как выйду я, горяша горегорькая,
Посмотрю на улицу на широкую,
Я на бывше на хоромное строеньице,
Как не стало у меня витого гнёздышка,
Нет надеи у горяши горегорькоей
Мне на этих на наживных головушек.
70 Хотя есть сердечно мало дитятко,
Недорослая в лесу да деревиночка,
Недозрелая в саду да ягодиночка,
Уж как выйдет он на широкую на улицу,
Чёрны вороны его да приобграют,
Добры людюшки его да приобауют,
По годам он ещё да молодёшенек,
Умом-разумом ещё да глупёшенек,
Нет ему ещё да заборонушки.

А. П. КОТОВА

36. ПО СЫНОВЬЯМ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Как нашла я тут свободную минуточку,
И пришла я на раскат-гору высокую,
Я на эту на могилушку умершую,
Я ко этим ко желанным ко родителям.
Только слушайте, желанные родители,
Я порасскажу, кручинная головушка
Про свою да горегорькую-то жирушку.
Уж только слушайте, желанные родители,
10 Уж были повырощены рожёны милы дитятки,

Недорослые в лесу да деревиночки,
Недозрелые в саду да ягодиночки,
Приотпущены они не во бурлакушки все петербургские,
А во солдатушки да горегорькие.
Уж как я бедная, кручинная головушка,
Уж я так прожила учётных три да годышка,
Не получала я да ведь весточки радостной.
Уж как прилетела бы да самолетна жалка птиченька
Принесла бы она мне весточку да радостну.
20 Уж как я, победная кручинная головушка,
Уж как бы имела я да казну бессчётную,
Кабы уж наняла я самолетышки большекрылые,
Я слетала бы в города да во Кронштадтские,
Я во эти во роты во солдатские,
Поискала бы я там сердечных милых детушек.
Уж как у меня, кручинной головушки,
Помешался ум во младой во головушке,
Помутился свет во ясных во очушках.
И уж как встала я по раннему по утрышку,
30 Я горюшица, горюха горегорькая,
Как посмотрю я на портреты-личка белые,
Уж тут берет меня тоска да неудольная,
Уж убает-то тоска моя долинная,
Уж как бы у сердца я их бы не носила,
А белой грудью я их бы не кормила
Я от сердечушка да их не отпустила.

А. Ф. КОЧИНА

37. ПО МУЖУ И СЫНУ ПРИ ПРОВОДАХ НА ФРОНТ

Мне-ка сесь-присесь, кручинной головушке,
Как на эту на бросову белу лавочку,
Ай под это под косивчато окошечко,
И поглядеть было на широку на уличку.
А ко этому переному крылечушку
И в упрягу стоит ступистая лошадушка
И спереди ходит любимый повозничек.
И как повозят мою милую законную семеюшку.
Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
10 Я на свою на милую семеюшку
И на его-то на ретиво на сердечушко,
Он ведь чует переменушку великую,

Он справляется во путь широкую дороженьку.
И не на трудную крестьянскую работушку,
И не в бурлакушки ведь он да молодецкие,
А на службу он теперь да на военную,
И под снаряды он пойдет да страховитые,
Он ведь годышком да есть старёшенек,
И он здоровьем да стал теперь плохощенек.
20 И еще гляжу, победная головушка,
Я на своего сердечного на дитятка.
И отправляю сердечное мое дитятко,
Свою миленьку скачѣную жемчужинку
И недорослую в лесу я деревиночку,
И незрелую в кусту я ягодиночку.
Ростом-возрастом он есть да малешенек,
И умом-разумом да есть ведь он глупешенек.
Да я гляжу-смотрю, победная головушка,
И уныват его ретливое сердечушко,
30 Не на игрище он идет, не на прогульбище,
А он поедет ведь на службу на военную,
А он ко этим казармам ко солдатским,
И под эти под снаряды страховитые
Так приужахнется его ретливое младое сердечушко.
А уж ты слухай-ко, сердечно мое дитятко,
И ты поедешь как на службу на великую,
И приубавь-ко спеси-гордости ребячьей,
А ты прибавь-ко ума-разума во младу во головушку,
А ты ведь годушками есть да молодешенек,
40 А умом-разумом ведь ты еще глупешенек,
И будет по утру тебе рано разбуженьице,
И по вечеру будет поздно положеньице,
И не побудит тебя родитель твоя матушка,
И как будила я тебя, сердечно мое дитятко,
Левой рученькой тебя я побудила,
Правой рученькой тебя я призакрыла,
И по головушке тебя я подрочила,
И говорила я, победная головушка:
«Уж ты встань-восстань, сердечно мое дитятко,
50 Приходи-ко ты на трудну на работушку,
И не носи гневу сердечно мое дитятко,
На меня, многокручинную головушку,
И что я грубым словушком тебя приогрубила
И на крестьянскую работушку тебя я отправила.
И как съедешь ты на дальну на сторонушку,
Ты напиши мне скорописчатое писемышко,
И можешь знать-ведать, сердечно мое дитятко,
Что у меня ведь у победной у головушки

На развал пошло хоромное строенье
 60 И на расход пошла любимая семейшка.
 Хоть и есть у меня две белые лебедушки,
 А твои милые сестричушки любимые,
 Но нету при доми сестричушки любимой,
 И не видать мне белой лебедушки,
 На уход пошла наша лебедушка.
 Остаюсь я, горюшица несчастная,
 Одишенька в хоромном построенье,
 И западет нонька да путь широкая дороженька,
 Как во наше да во хоромное построенье
 70 И заколотятся косивчаты окошечки
 И не видать мне-ка сердечных милых детушек,
 И пораспущены по дальней по сторонушке,
 И поразвезены за лесушка высокие,
 И приугнаны как за Онегушко глубокое.
 И дожидать буду я, кручинная головушка,
 Скоро кончится война кровопролитная,
 К птичке птенчики во гнездышко сберутся,
 Как сберется и моя любимая семейшка,
 Во свое да во хоромно построенье
 80 И воротятся сердечны мои детушки
 И престарелая моя законная семейшка.

38. О ЖИЗНИ В ФАШИСТСКОЙ НЕВОЛЕ

Уж как мне-ка сесть-присесть, кручинной головушке,
 Как на эту на бросову белу лавочку,
 Как под это под косивчато окошечко
 И поглядеть было на широку на улечку.
 И по этой по пути широкой дороженьки,
 И во эту путь во дальнюю сторонушку
 И не бежит ли тут карета четырех колес,
 И тут не едут ли сердечны милы детушки,
 И во других моя законная семейшка,
 10 На раздень моей великой кручинушки,
 Не заговорят ли со мной ласковых словечушек.
 И призадумаюсь, кручинная головушка,
 Как увезены за лесушки за темные,
 И привезены за реченьки глубокие,
 И на мостах стоят патрули оружейные,
 И не пропустят моих сердечных милых детушек,
 И во других — моей законной семейшки.

И много-множество я кручинушки накопила,
 И как увидела бы свою любимую семейошку,
 20 И своих-то милых белых лебедушек,
 Так уж рассказала бы я, кручинная головушка.
 И как за этот за учётный круглый годышек,
 Если сесть за вешний день сказать —
 Всего не высказать,
 И на осеннем льду писать —
 Всего не выписать.
 Как была бы грамотная я, кручинная головушка,
 И я взяла лист гербовой бумаженьки
 И карандаш взяла бы во рученьки,
 30 И описала бы я своим бы белым лебедушкам,
 И как за этот за учётный долгий годышек,
 Белы рученьки мои да примахались,
 И резвы ноженьки мои да притоптались,
 И помутился свет во ясных во оченьках,
 И помешался ум во младой во головушке,
 И размышленьице в ретливоем сердечушке.
 Так вы распущены, сердечны милы детушки,
 По чужой по дальней по сторонушке,
 И как оставлена скачёная жемчужинка,
 40 Во чужом хоромном построеньице,
 И что на зимнем на холодном на подворьице.
 Он ведь годышками весь да молодешенек,
 Умом-разумом ведь он еще глупешенек,
 Так без винушки его да все повыбранят,
 И без ветрышка его да все повысушат.
 И за столом сидит, да брюшко голодно,
 И на печи, видно, лежит, да ножкам холодно.
 И не видать мне-ка скачёной жемчужинки.
 И пораздумаюсь как, победная головушка,
 50 И лучше выйти мне на крутой славный бережек.
 И ко этой ко быстрой ко реченьке,
 И завязать платком неясны свои очушки,
 И так упасть в струю той быстрое реченьки,
 И утопиться мне, победной головушке,
 Чем тосковать по своей по любимой по семейошке.
 Уж мной составлено письмо любимым моим детушкам:
 Уж вы послушайте, советны мои детушки,
 И вот вам тут моя казна да вся бесщётная,
 И уж вам тут письмо сердечным моим детушкам,
 60 И как вы съедете на родну мою родинку,
 И вы увидите сердечных моих детушек
 (То я потонуть собиралась, так письмо детям составляла)
 И вот вам тут патрет кручинной меня головушки.

И передайте-ко сердечным моим детушкам
И пусть любят на родитель свою матушку,
И расскажите моим белым лебедушкам,
Что утопиласе родитель матушка,
Она в реченьке лежит да утопимая,
Не перенесло ее ретливое сердечушко,
Крепкой ноченьки она да не сыпала,
70 Сытой выточки она да не едала,
Не столько водушки горюшица повыпила,
Сколько горьких слез победная повылила,
Быстры реченьки горючих слез пропущены,
Высоки горушки досадушки принакладены.
И тут стоят ведь все патрули вооруженные,
И стерегут тут нас победных головушек.
И нам работушка ведь дана не по силушке,
И рукодельице нам дано не по розмыслу.
А пораздумаюсь, победная головушка,
80 Может, все пройдет тут времячко печальное,
И переживем, сердечны мои детушки,
И, может, встретимся в любимую семеюшку
И во своем во хоромном строеньице
Поживем в любимой семеюшке.

А. Е. КРУПИНА

39. ПО МАТЕРИ

*(«Мать умерла, когда мне было 6 лет. Этот плач вопила
когда была девушкой»)*

Только сесть было обидной бедной девушке,
Как на эту на могилу на умершую
На свою да на родитель эту маменьку.
Вы не вейте стойко буйны ветрушки,
С божьей церкви крестов да не роните-ко,
На синем море кораблей да не топите-ко.
Только вейте-ка вы, буйны ветрушки,
А на эту на могилушку положеную.
Раскатитесь-ка, катучи сини камешки,
10 Откройся-ко, полотно да тонколянное,
Положись-ко там, родитель моя маменька.
Полетите-ко с неба, ангелы архангелы,
Вложите-ко вы силушки во резвые во ноженьки,

А маханьце вложите-ко во рученьки,
А ум-разум во младую головушку.
Уж ты стань-восстань, родитель моя маменька,
На свои да ты на резвые на ноженьки,
Ты забай, забай единое словечушко,
Ты со мной, обидной младой девушкой.

- 20 Слухай-ко, родитель моя маменька,
Уж как я расскажу свою великую кручинушку,
Как вы оставили, желанные родители,
Меня бедную обидну красну девушку,
Нет по ноженькам козловых сапоженек,
На себя-то нету светлого теперь платьица,
А по личику платочков разноборчатых,
А во русу косу нету белых алых ленточек
У меня-то ли у белой у лебедушки.
Я пришла, обидна бедна девушка,
30 Как на эту на могилу положеную,
Не осудят меня порой да люди добрые,
Хоть слезливое обидно причитаньце
У меня, обидной бедной девушки.
Вы послушайте, народ да люди добрые:
Как сегодняшним господним божьим денечком
Я повыстала по утричку ранешенько,
Я не ключевой водой да умывалася,
Не в тонколяное полотенечко утиралася;
Хоть умывалася, несчастна, горячими слезами,
40 Утиралася, несчастна, во белы рученьки.

(«Платка не было, утиралась руками, передник черный, так марты
нельзя было»)

- Уж я думала, обидна бедна девушка:
Как сегодняшним господним божьим праздничком
Как я буду справлять любимую покрутушку,
Нет по ноженькам козловых сапоженек,
На себя-то нету цветных мне-ка платьицев,
Нет по личишку платочков разноборчатых,
В русу косу нет алых белых ленточек.
Уж я прошу тебя, родитель моя маменька,
Ты попроси-ко да царицу как небесную
50 Обо мне да все об белой лебедушке,
Чтобы она прибрала меня белу лебедушку,
Не могу я более жить, родитель моя маменька,
Лучше иду я в рощицу зеленую
Ко тебе, моя родитель матушка.

40. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Ты послухай-ко, мое сердечно дитяtko,
На кого ты нас теперь да оставляешь,
На кого ты нас победных оставляешь,
Ты видишь мое сердечно дитяtko,
И меня, горюху горегорюкую,
Что моя силушка теперь да придержалася,
И мои ноженьки теперь да притоптались,
И мои рученьки теперь да примахались,
И примутился свет во ясных во оченках,
10 И поседела моя буйная головушка.
И как до этой поры да я до времячка,
Я ведь думала, победная головушка,
Я как вырощу свое сердечно дитяtko,
Мне будет легкая теперь да переменушка,
И будет легкое ведь мне послухмяннице,
И насущные ведь мне да будут хлебушка.
Я ведь думала, победная головушка,
И молилась я ведь господу поклонному,
Чтобы прекратилась война да кровопролитная,
20 Чтобы укротил господь врага да ненавистного
Уж находились мы у врага да супостатного,
Не на своей-то были мы на волюшке,
Как скитались мы по лагерям да заключенные,
Сидели мы за решетками чугунными,
Как во этой Кондопоге да во далекой,
Как получилось тут по красному по солнышку,
Как получилось тут по красному по денечку,
Что будто вороны со крутых гор слетались,
Красны соколы да к нам ведь все являлися,
30 Уж как мы обрадовались приходу нашей армии,
Что освободились мы от врагов да окаянных.
Как уехали враги да окаянные,
Как я пришла на родимую сторонушку,
Как я подошла к хоромному строеньицу,
Все разрушено хоромное строеньице,
Все разломаны косивчаты окошечки
И побиты все хрустальные стеколышки,
Все растворены сени решетчаты,
Все поломаны новы двери филенчаты,
40 И поломана кирпична нова печенка,
Поразворочены поля да все дубовые,
И приугнана скотина вся рогатая,
И приотнята ступистая лошадушка,
Все запущены поля да хлебородные

И позаброшены лужка да сенокосные;
Приобижены обидные головушки
Уж мы этим врагом да окаянным.
Я нонь думаю, победная головушка,
Что мне не жить в своем хоромном строеньице,
50 Уж придется мне шататься на чужой сторонушке.
Уж только думаю, победная головушка,
Что пройдет это времячко тяжелое,
Что прикончится война да кровопролитная,
И как явятся да ясны наши соколы,
Укротят они врага да окаянного
Пусть победа будет наша полная.

Ф. М. КРЮКОВА

41. ПО МАТЕРИ

Как сегодняшним господним денечком
Я повыбрала свободну пору-времечко,
Я на эту на могилочку умершую,
Я на эту на раскат-гору высокую,
Ко своей да ко родители ко матушке,
Пораздеять мне великую кручинушку,
Разогнать свою великую обидушку,
Со своей да со родителью со матушкой.
Уж ты стань-восстань, родитель моя матушка,
10 Пораздеем-ко великую кручинушку,
Ты бы знала как, родитель моя матушка,
Про меня да про кручинную головушку
Принакоплено великой обидушки,
Принакоплено великой досадушки,
В три неделюшки обидушки не выпомнить,
Во четыре мне великой не высказать,
Мне пером писать — обидушки не выписать,
Топором тесать — обидушки не вытесать.
Уж как сегодняшним-то учётным годышком
20 Потеряшечку-то я ведь потеряла.
Я оброночку теперь да обронила:
Поосталась я, скачёная жемчужинка,
По названьицу был святушко братец красно солнышко
По желаньицу родитель он мне татенька.
После тебя как, родитель моя маменька,
Как встречал меня, скачёная жемчужинка,

Все я думала, кручинная головушка,
Что вместо родителя он мне-ка будет матушки,
А уж как нонечи у меня да все теперяча,
30 Призапустила у меня родная вся родинка,
Тошнехонько мне на родинку захочется,
Поскорее-то от родинки отхочется,
Буйны ветрушки все нас ведь встречают,
Красно солнышко меня обогревает,
Вместо родной у меня все ведь матушки.
Только слушай-ко, родитель моя матушка,
Я тебе скажу, кручинная головушка,
Уж как у моей у скачёной жемчужинки
Приостались рождёные-то детушки,
40 Жаль мне от тоски всех белых лебедушек,
Мое рвется рвет ретливое сердечушко,
Уж обрывает меня тоска да неудольная.
Могу разуметь, кручинная головушка,
Уж я своим да ведь все белым лебедушкам,
Каково жить да без родителя без татеньки,
Без великого родительского желаньица.
Станут жить мои как белые лебедушки
Без родителя да все без татеньки,
Они вольные будут да самовольные,
50 Без винушки будут да виноватые,
Без причинушки будут они причинные.

О. И. КУВАНИНА

42. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Как я пришла, бедна горюша горегорькая,
Как на эту на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилушку умёршую
Я ко этим ко желанным родителям.
Только слушай-ко, родитель моя маменька,
Ты порасспроси у горюхи горегорькой
Как живу-то я, горюха горегорькая,
Как по белу свету, горюшица, шатаюся,
По чужим углам, горюшица, мотаюся,
10 Как нету миленьких рождёных моих детушек,
Нету доброго-то мне да доброумица,
Нету доброго от них мне-ка желаньица.
Ты можешь знать-ведать, родитель моя маменька,
Перетрескалось ретливое сердечушко,

Перелопалась несчастная утробушка,
Помешался ум во младой во головушке
И помутился свет во ясных во очушках,
Мои ноженьки теперь да притоптались,
Мои рученьки теперь да примахались,
20 Моя силушка у горюхи придержалась,
Нет надеюшки у меня да нет надёжушки.
Хоть уж есть у меня законная семеюшка,
Ты уж знаешь-ведаеть, родитель моя маменька,
У меня строгая законная семеюшка,
Как за этой я законной семеюшкой
Тёмной ноченьки я крепко не сыпала.
Только слухай-ко, родитель моя матушка,
Ты горюшица меня да породила,
Ты на белый свет меня да попустила,
30 Таланом-участью меня не наделила,
Ты меня бы лучше породила
Лучше б правую ногой да заступила,
Ты на белой свет меня да не спустила.
Только слухай-ко, родитель моя маменька,
Как бы была я теперь да сильнёшенька,
Как бы была я да богатёшенька,
Я бы объездила Россию свету белого
Я по этим городам Петрозаводским,
Я по этим городам да Петербургским.
40 И как бы была самолётна мала птиченька
И разыскала бы сердечных малых детушек,
Я бы съездила в столицу белокаменну
.....
Кабы узнать мне одно хотя словечушко
Про своих да про рождёных милых детушек.

43. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЕСТИ О СЫНЕ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Я по утрышку ранехонько вставала,
Я не до бела лицо да умывала,
А я горькими слезами обливала,
Я стоснулась по сердечному по дитятку.
Уж получила весточку нечаяну
От своего-то от сердечного дитятка,
Что жив находится сердечно мое дитятко.

Раз сижу я под косивчатым окошечком,
 10 Да прилетела малолетна мала птиченька,
 Она тоненьким носочком вытюкала,
 Она унылым голосочком вывопляла:
 «Что жив находится сердечно твое дитяtko,
 Ожидайте-ко, желанные родители,
 На побывку в дом хоромное строеньице».
 Уж как встретила сердечно свое дитяtko,
 Как подрезало мои да резвы ноженьки,
 И пропали мои да белы рученьки,
 Потерялся свет во ясных во очушках,
 20 Как захватила я сердечно свое дитяtko,
 Я как прижала к ретливому сердечушко,
 Уж по-звериному сама да закричала,
 Ключевой водой я слезы проливала.
 Упрошу я всех пристарших начальников,
 Чтоб пустили меня к Онегушку страховитому
 Посмотреть мне все там бережка песчаные,
 Не принесло ли там сердечно мое дитяtko,
 Что ль по этим волнам да скороводным.
 Уж как бы встретила сердечно мое дитяtko
 30 Осмотрела бы кручинная головушка,
 Я бы приняла на белы его рученьки,
 Расцеловала бы уста да во сахарные,
 Я бы принесла в дом хоромное строеньице
 Полюбовалась бы на него да не устрашилася.
 А потом бы сходила на умершую могилушку,
 Как стоснулася бы, кручинная головушка,
 Я пошла бы на раскат-гору высокую,
 Упросила бы небесных божьих ангелов,
 Чтоб рассыпались желты цветы пески макарьевски,
 40 Раскололи б гробову доску дубовую,
 Показали бы сердечно мило дитяtko.
 Я разделяла бы тут всю великую кручинушку,
 Распустила я сердечных милых детушек,
 Нет ни весточки от них ни грамотки,
 Как разъехались сердечны милы детушки,
 Призадумалось хоромное строеньице,
 Во слезах стоят хрустальные стеколышка,
 Как приду я тут, кручинная головушка,
 Со этой да со трудной со работушки,
 50 Так не радуется ретливое сердечушко,
 Что нету при доме сердечных моих детушек,
 Лучше бы дом сгорел хоромное строеньице,
 Пусть хоть забрана дворовая скотинушка,
 И пусть все отняты поля да хлебородные,

И пусть все заняты луга да сенокосные,
Только были бы при доме сердечны милы детушки.
Уж как прошло четырее учётных долгих годушка,
Уж мы прогнали злодейну эту силушку,
Разлучила нас злодейная-то силушка
60 На четыре на учётные на годушка.

М. Ф. КУКАНОВА

44. ПРО СВОЮ ЖИЗНЬ

Как была у желанных у родителей,
Одинокая была да одинокушка,
Только видела я добро доброумице
Дома жила у желанных у родителей,
Будто сыр в масле, лебедушка, каталасе,
Скачным жемчугом по тарелочке рассыпаласе.
Уж как выросла я до полного до возраста,
Мне-ка справлена была любимая покрутушка,
Мне по плечушкам было да цветно платице,
10 Мне по ноженькам были да все сапоженьки,
Мне по личику платочки шелковистые,
Изукрашена бажена моя волюшка,
Были куплены мне в косы алы ленточки,
Было дано мне свободно пора-времячко,
Была дана мне гостинная надеюшка,
Были пялышки мне сделаны точеные,
Иголки были да золоченые,
Опотешали мне прекрасну мою молодость.
Как исполнилось восемнадцать мне-ко годиков,
20 Как уж была прибрана любимая семеюшка
У меня по своему по уму-разуму,
Без согласица желанных родителей.
Были строгие желанные родители,
Уж огорчились как на бедную лебедушку.
Уж я не думала совет да думу крупкую,
Что со своими желанными родителями,
Уж мы тогда с ним вдвоем сговорилися,
Что нам покончить судьбу да вековечную.
Поразгневались желанные родители
30 Уж как на меня на белую лебедушку
И не выдали за удала добра молодца.
И прикончили любовь у нас горячую.

Уж я обиделась на желанных родителей,
 Вторую прибрала законную семейшку.
 Уж мне исполнилось тогда восемнадцать годышков,
 Уж тогда вышла на остуду чужу сторону,
 Я в большую во злодейную семейшку,
 Погубила я прекрасну свою молодость.
 Уж как с той поры да с того времячка
 40 Я во радости горюха не живала,
 Я веселица там бедна не видала,
 Уж туту стали копиться малы детушки,
 Уж тяжело мне-ка было да тяжелешенько,
 Мне-ка растити сердечных малых детушек,
 Как во это во злодейной во семейшки
 Дома не жил мой законная семейшка,
 Столько водушки я, горюшица, не выпивала
 Сколькo слез я, молоденька, повылила.
 Уж как с той поры да с того времячка.
 50 Стал мутиться свет во ясных моих оченьках,
 Стал мешаться ум во младой во головушке.
 Уж как растити сердечных малых детушек.
 Уж как я возростила сердечно мило дитятко
 Я до этого до среднего до возраста
 Уж он не в пору да не во времячко
 Он пошел на трудную работушку,
 С сохой поехал он во чистое во полюшко,
 Он с косою пошел да во лужка да сенокосные.
 Не по силушке мне была трудная работушка.
 60 Уж как доростила его до двадцати двух годиков,
 Я отдала во Красную во Армию,
 Тосковала я по бережёному своему дитятку,
 Темной ноченьки горюха не сыпала,
 Сытой выточки я бедна не едала,
 Как жалела я сердечно свое дитятко,
 Что я мучила на трудной на работушке.
 Уж как вышел он со Красной со Армии,
 Стал он помогать горюхе своей матери,
 Других растить он сердечных милых детушек,
 70 Посылал он золоту казну бессчётную.
 Как други выросли удалы добры молодцы
 Уж как до этой до Красной до Армии,
 Стали мы работать свою трудную работушку.
 Хоть и была в живности законная семейшка,
 Не заупьянслива хоть была надежная головушка,
 Уж наживал золоту казну бессчётную,
 Уж посылал он во злодейную семейшку.
 Нехватало нам казны его бессчётной

На большую-то на нашу на семеюшку.
80 Помогать пришлось сердечным милым детушкам.
Уж я стеснялась во семеюшки боялася,
Уж как этих светушков братцев богоданных,
Уж как этих неглядных мишутушок.
Погибала вся несчастна моя молодость.
Уж как растили сердечных милых детушек,
Проливала все я слезочки горючие,
Уж как на возрасте сердечны мои детушки,
Стала как распускать по чужой по сторонущке.
Еще больше прибыло великой обидушки,
90 На сердечушко великой досадушки.
Как у меня было три удалых да молодца,
У меня шесть было ведь белых лебедушек.
Я одну выдала на чужую сторонущку,
А вторую да растила до полного до возраста.
Вот исполнилось восемнадцать долгих годиков,
Как заболела моя белая лебедушка,
Тридцать денечков лежала во постелюшке,
Потом постигла ю злодейная смеретушка,
Схоронила я ведь белую лебедушку,
100 Не в пору я ведь ее да не во времячко.
Тут еще больше плакала я, горюха мать победная,
Я по своей по белой по лебедушке.
Уж как в этое да во скорое во времячко,
Подавала я телеграммы скороходные
Как во эти города Петрозаводские,
Как поехали удалы добры молодцы,
Уж как мой-то да сердечны милы детушки.

45. О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

Как во это-то во скорое во времячко
Уж как исполнился учётный долгий годышек,
Тут настала война да как всемирная,
Уж как встретила невзгодушка великая
Уж как меня горюху бедну матушку.
Опять забрали сердечных моих детушек,
Как на эту войну да супостатную,
Уж как забрали двух удалых добрых молодцев,
Как отправила я сердечных своих детушек,
10 Я со своего хоромного строеньца
Как во эту да во дальнюю сторонущку.

Как я плакала, горюха мать победная,
Уж я по своим сердечным милым детушкам,
Как уговаривали рожёны меня детушки,
Что ты не плачь, родитель наша матушка,
Уж скоро кончится война да та великая,
Покорим врага да супостатного,
Ты с победой жди, родитель моя матушка.
(«Так нам наказывал сыночек, когда провожала я его»)

Еще говорил сердечно мое дитяtko,
20 Что вы сойдите во леса да во дремучие
(«Сын говорил, что временно вам придется окопаться в лесу»)

Вы эти-то во щелья все во каменны.
Там вы сделаете место для спасения,
Чтобы сохраниться от врага да супостатного,
Заберите вы продуктов на два месяца.
Уж как прошли да три учётные неделюшки,
Тут накрыли как враги да супостатные,
И повыгнали со хоромного строеньица,
Запрягали мы ступистых лошадушек,
Отвезли свою любимую семеюшку,
30 Мы на этою на чужую на сторонушку.
Мы за этии за двадцать пять километров
Тут поделали утратушки великоей,
Потеряли мы ведь все с хоромного строеньица.
Как мы съехали на чужую сторонушку,
Уж как этии враги да супостатные
Уж стали отправлять белых лебедушек
Как на эти на тяжела на работушки.
Уж как исполнилось три учётных долгих годышка,
Как распущены сердечны у меня детушки,
40 Как по этой по чужой по сторонушке.
Ясны соколы на фронте погибают,
Белы лебеди окопушки копают,
Уж как эти-то фашисты окаянные,
Они увели моих белых лебедушек,
За семь километров за границу да белофинскую,
Они окопушки ведь им да там копали,
Там дороженьки да им ведь починяли.
Тут нагрянула да вскоре Красна Армия,
Как спасла ведь белых лебедушек,
50 Уж я дождалась белых лебедушек,
Уж я во своем да во хоромном строеньице
Как приехали мои белые лебедушки,
Они прожили по учётной по неделюшке
И опять отправили моих белых лебедушек,
Как во эти во леса да во дремучие,

- Как во эти во сплава да во пловучие.
Нету радости горющице весельица,
Уж исполнилось три учётных долги годушка,
Нету весточки горюхе бедной матери
- 60 Мне-ка от своих сердечных милых детушек,
Все я жду, горюха бедна, не дождусь,
Как от своих-то я от ясных от соколов,
Дожидаю я ведь скорую все грамотку.
Уж как один-то, сердечно мое дитятко,
Он оставил болезно мало внучатко,
Недоросшую в лесу да деревиночку,
Недозрелую в лесу да ягодиночку.
Мне-ка прибыло великой обидушки.
Уж я вздумаю, горюха горегорькая,
- 70 Уж как стану я растить болезно мало внучатко,
Уж у меня ноженьки победы притоптались,
Мои рученьки теперь да примахались,
Стали рученьки мои да не таланные,
В руках пальчики мои да несчастливые,
Уж если не вернется сердечное мое дитятко,
Уж как мы выростим болезное мое внучатко?
Нету силушки во больных во рученьках,
Нету хоженьица во резвых во ноженьках,
Не могу пойти на трудную работушку,
- 80 Вся придержана у меня силушка материнская,
Уж как растити сердечных своих детушек.
Уж я думала, горющица победная,
Мне-ка хлебушка от них будут безыменные.
Уж я думаю, горюха горегорькая,
Что пока нету мне великой победушки,
На своих сердечных милых детушек,
Не надеяться, горюхе горегорькой матери,
Мне-ка на свою законную семенюшку,
Что уж, может, будет он работать в чистом полюшке,
- 90 Раздирать он пустыря да трехгодичные,
Может будут тут уж хлебушки надежные,
Может, выростим болезных малых внучушков.
Как приехали мы в дом хоромное строеньице,
Уж как в эту деревеньку садовитую,
Как заросли все путь широкие дороженьки,
Приразломаны хоромные строеньица,
Тут приломаны косивчатые окошечка,
Приразбиты все хрустальные стекольшка.

46. ПО СЫНУ, ПОГИБШЕМУ НА ВОЙНЕ

- Как один прошел учётный долгий годышек,
Началась уж тут война да белофинская,
Тут уж взяли в Армию сердечно мое дитятко,
Как отправили сердечно мое дитятко,
Как на эту военную позицию.
Он работал там при штабе при военном,
Старшим писарем он штаба был военного.
Десять месяцев война да была с белофиннами.
Получала я писемочка скороходные
- 10 Я от своего рожёного от дитятка,
Все я плакала, горюха мать победная,
Уж как в эту холодну я во зимушку,
Уж как выходила я на широкую на улицу,
Слышно выстрелы со проклятой со Финляндии,
Как разрывались там ведь бомбы тяжелые.
Уж как болело мое ретивое сердечушко,
Как разрывало мою несчастную утробушку,
Уж мое ведало победное сердечушко,
Что там погибнет мое сердечно мило дитятко.
- 20 Тут уж не стали приходить мне скоры весточки.
Все я плакала, горюха мать победная.
На печи лежу горюха — ноги холодны,
За столом сижу, горюха, — брюхо голодно.
Уж мое ведало ретивое сердеченько,
Что не видать мне-ка скачёной жемчужинки,
Уж как эту восемнадцатую девизию,
Окружили там враги да супостатные,
Может с голоду их там да заморили,
Уж тут как в скором да было времячко,
- 30 Тут покончилась война да с белофиннами,
Уж стали приезжать солдатики военные
Уж как с этой войны да с белофиннами,
Уж как я бедная горюха горькая
Уж я не дождалась сердечно своего дитятка.
Я со этой войны да с белофиннами,
Там погибла моя умная головушка.
Я не знаю как, горюшица, не ведаю,
Где побросаны его кости молодецкие,
Может, зверюшки его да растерзали,
- 40 Чёрны вороны его да расклевали.
Уж потом дождалась я весточку нерадостну.
Я про своего сердечно про дитятка,
Что погиб мое сердечно мило дитятко.
Как я плакала, горюха горегорькая,

Как получила я уж весточку нерадостну.
Написала мне непрядна нештушка,
Что нету в живости любимой семейшки.
Тут случились порядовые соседушки,
Как я рвала волос со несчастной со головушки
50 Так унимали меня спорядовые соседушки,
Что ты не плачь-ко, мать горюшица победная,
Уж други выросли у ты удалы добры молодцы,
Тебе хлебушки ведь будут безызыменные,
Тебе скорее от них да послуханьице,
Уж как легкая от них да переменушка.
Уж я подумала, горюха горегорькая,
Что не выплакать оттуль сердечна мила дитятка.

47. ПО ПОГИБШЕМУ СЫНУ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Как по этому по раннему по утрышку,
Прилетала перелётна мала птиченька,
Она ко моему хоромному строеньицу,
Она искала меня, кручинную головушку.
Уж я думала, кручинная головушка,
Где поёт та перелётна мала птиченька,
Я одумалась кручинная головушка,
Что вожупляет перелётна мала птиченька,
10 Она принесла мне весточку нерадостну,
Как от моего сердечного от дитятка.
Уж я бедная горюха горегорькая,
Получила как я весточку нерадостну
Я от своего сердечного от дитятка,
Что он в боях погиб, удалая головушка.
Он описывал в письмах да скорых грамотках,
Как походил он в бой, удалая головушка,
Так не жалел он буйной головушки,
Уж проливал он кровь свою горячую,
20 Уж защищал свою любимую Родину,
Защищал наши колхозы большевистские.
За учётные-то за три долги годушка
Запустили все поля да хлебородные,
Заросли наши лужочки сенокосные,
Уж как погиб сынок за власть да за советскую
И покинул нас, победных головушек,
Престарелых желанных родителей,

Он молодёшеньку жену да как любимую,
Он и малого сердечного да дитятка,
30 Недорослую в лесу да деревиночку,
Недозрелую в саду да ягодиночку,
Он оставил мне болезно мало внучатко
На заботушку он мне да на сухóтушку.
Уж я вздумаю, кручинная головушка,
Как буду растить я болезно моё внучатко:
Уж нету силушки в болезных моих рученьках,
Нет могушки во резвых во ноженках.
Уж как в этот я учётной долгий годушек
Потеряла свет во ясных во оченьках,
40 Помешался ум в кручинной головешке,
Столько водушки я бедная не выпила —
Сколько слез бедна горюшица повылила,
Я по своим по сердечным по детушкам.
Потеряла трёх удалых добрых молодцев,
На кого была великая надеюшка,
На сердечных удалых добрых молодцев.
Ночь не знаю я, горюшица, не ведаю,
Как мне жить ещё да на белом свете,
К кому приклонить болезную головушку,
50 Кому покорить болезное сердечушко,
Чтобы не бросили меня да не покинули,
Меня бедную, горюху горегорькую.
Уж я думаю, кручинная головушка,
Что приклоню я ко ветлянной ко нештушке,
А пораздумаюсь кручинная головушка,
Не до меня да им, горюхам горегорьким,
У неё есть сердечно мило дитятко,
Как оставил ей, надёжная головушка,
Наб его вырастить до полного до возраста.
60 Уж как за его погибшую головушку
Нету помочи престарелым родителям,
Как от этих от начальников военных.

М. И. КУЛАТОВА

48. ПРИ ВСТРЕЧЕ С ДОЧЕРЬЮ

Уж как я встретила вас, сердечны мои дитятки,
Как во лесу-то вас да во темном,
Во бору-то да во зеленоем,
У холодного да вы у камушка:

Приохраниться нам некуда,
 Приоборониться-то вам некуда,
 Нету у вас при себе рождёной милой маменьки
 И нету у вас кирпичной белой печеньки
 И приклонить некуда вам младую головушку.
 10 Уж вы слушайте, сердечны милы детушки,
 Как уж завелась война кровопролитная,
 Как напали на нас да звери лютые,
 И рассыпали всех нас в разные сторонушки,
 И по лесу-то разъехались по темному,
 И по бору-то ведь все да по зеленому.
 Вы рожены мои да милы детушки,
 Как будет собратья вам, рожены милы детушки,
 Как бы во свое мило строеньице
 Да ко теплой кирпичной белой печеньки.
 20 Уж я встретила, сердечны милы детушки,
 Вас во лесу-то во этом темном
 И по этим борам да по зеленым
 И по этим елкам да вересовым.
 Приклонить головушки вам некуда.
 Как во этом во лесу во темном,
 Как от этих супостатов белофинских
 Как была у нас заведена война кровопролитная
 Как рассыпались вы по темным по ноченькам.
 Как по этим по ночам да по холодным,
 30 Что ль по этим по вьюгам да по темным,
 И увидли ли вас сердечны милы детушки
 Со всей радостью сердечною большою.
 Как я встретила, сердечны милы детушки,
 Во лесу я вас во темном,
 Я печенькой теплой вас не обогрела,
 А ласковым словом вас приласкала,
 Я хлебушкам вас-то угостила,
 И картошечкой я вас снабдила.
 Было занято мое хоромное строеньице,
 40 Жили людюшки у меня эвакуированы.
 Я всю ноченьку тогда да не сыпала,
 Я все думала, сердечны милы детушки,
 Как бы печенькой да вас бы обогреть,
 Мягким чтобы вас да кусочком накормить,
 Только думала о вас, сердечны милы детушки.
 На вторую ночь меня арестовали,
 Посадили в лагеря да белофинские
 И наставлены на меня были левольверы,
 Все допрашивали меня о партизанушках.
 50 Не надеялась я вас увидеть, милых детушек,

Повезли меня во черной кибиточке,
Уж я ждала тогда лютую смеретушку.
Как уж встретила я сердечных милых детушек.
Нашу славную-то да Красную Армию,
И как взрадовались все
Как пришли тут катера да по Онегушке,
Как по этому глубокому озерушку,
И встречали мы их с красными все флагами,
И встречали мы их с хлебом да и солью.

Е. А. КУЛИКОВА

49. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Ой как сегодняшним господним божьим денечком
Ой прилетала перелетна мала птиченька,
Ой обманула перелетна мала птиченька.
По этому по раннему по утрышку,
Она тонким голосочком прокликала:
«Чего долго спишь, кручинная головушка?»
Как сегодняшним господним божьим денечком
Как на нашей умершей могилушке — скопище
Владычиц будет праздничек,
10 Ноньку есть построено хоромное строеньице,
Есть обнесены дубовы белы лавочки,
Есть прорублены косивчаты окошечки,
Складена кирпична бела печенька».
Я скочила по раннему по утрышку,
Все спешила на родну на могилушку,
Ох подходила я к умершей ко могилушке,
Обманула перелетна мала птиченька,
Нет построено хоромного строеньица,
Нет прорублено косивчатых окошечек,
20 Нету складено да теплой белой печеньки,
Нет прорубленных новых дверей решетчатых.
Слухай, милая родитель моя маменька:
Обманула перелетна мала птиченька,
Ох повеяли бы хоть буйны ветрышки,
Ох раскололась хоть на родной гробова доска,
Ох восстала бы да родитель моя маменька,
Сотворила бы иисусову молитовку,
Перекрестила бы что я да ясны оченьки,
Благословила бы ты дитятко родимое,
30 Ох меня назвала бы сердечным милым дитятком.

Я бы рассказала всю великую кручинушку,
 Легче было бы ретивому сердечушку,
 На моем ретивом на сердечушке
 Много горя ли обидушки,
 Не по малому кручинушка приложилась,
 Горькая великая кручинушка.
 Первая великая кручинушка —
 Порастеряны сердечны детушки,
 Ну ведь друга великая кручинушка —
 40 Поразрушено хоромное строеньице,
 Поразломаны кирпичны белы печеньки.
 Третья великая кручинушка —
 Парасстроилась дворовая скотинушка.
 Можешь ли ты знать, родитель моя маменька,
 Мы работали на полях хлебородных,
 Ноньку рученьки теперь да примахались,
 Силушка теперь да придержалась,
 Резвы плеченьки приустила,
 Помутился свет во ясных во оченьках.
 50 Верно гнев несешь, родитель маменька,
 Давно я не хожу на могилушку умершую,
 На раскат-гору высокую
 Нельзя было притти мне, да родитель маменька,
 Сторожа сторожили там не русские,
 Не пропускали пройти на родную на родинку,
 На твою на умершую на могилушку.
 Много было породы родовитой,
 Здесь оставлены сердечны детушки,
 Оставлена родитель родна маменька,
 60 И там стоят патрули чужеродные,
 Не пропускают нас на могилушку умершую,
 Не пропускают на раскат-гору высокую,
 («Они пропуску не давали и без пропуску ходить не велели»)
 Мы по будочкам ведь бедны нашаталися,
 Мы голодненьки да наскиталися.
 Подсобил бог прогнать да фашиста окаянного,
 Он сбавил нашу родну родинку,
 Нам пути ведь да теперь широкие,
 Мы путем идем не торопимся,
 По сторонам идем да не поглядываем,
 70 А до этой поры да до времени
 Нельзя было ходить да на родну сторонку.
 Здесь стояли враги да несчастные,
 Знала ли ты, родитель моя матушка?

50. В ОЖИДАНИИ ВЕСТЕЙ ОТ СЫНА

- Я сегодняшним господним божьим денечком
Рано выстала по раннему по утрышку,
Быстро стряпала стряпню да суетливую,
Я спешила на тесову белу лавочку,
Поглядеть было в косивчато окошечко,
Не прилетит ли перелетна мала птиченька,
Два теперешних учётных долгих месяца,
Ходит почта скороходная,
Всем-то возит скоры грамотки,
10 Привезли от братцев дружков родимых,
Привезли от сестричухек родимых,
Только нету от сердечного от дитятка,
Не могу я спать по полным долгим ноченькам.
Погляжу я по раннему по утрышку,
Прилетала ль перелетна мала птиченька,
Она села на косивчато окошечко,
Принесла бы скорописчатую грамотку,
Из-за дальних городов да незнакомых,
От рожёна мила дитятка,
20 Мне-ка нету скорописчатой грамотки.
Распеки-ко, тепло красно солнышко,
Обогрей мне ретивое сердечушко,
Мое бедное ретивое сердечушко
Не все зябнет от морозу от трескучего,
Оно зябнет не от буйных ветрышков,
Оно зябнет от великой кручинушки.
Не убавилось кручинушки — прибавилось,
Я приехала на родную родинку —
Приразрушено хоромное строеньице,
30 Разрушены кирпичны белы печеньки,
Негде жить мне, кручинной головушке.
Ну а вторая великая кручинушка —
Не приходят скорописчатые грамотки
От милого от сердечного от дитятка.
Ну а третья великая кручинушка —
Пораспущена дворовая скотинушка,
Не в чем нету доброумица
На нашем на прекрасном Хашозере,
Призапущены поля да хлебородные,
40 Призапущены лужочки сенокосные.
Мы мечтали, кручинные головушки,
Когда пустят нас на родну на сторону,
По чужим углам мы бедны нашаталися,
По подворьяцам мы бедны наскиталися.

Хоть приехали на родную сторонушку,
Не убавилось кручинушки — прибавилось.
Приразрушено хоромное строеньеце,
Не засеяны поля да хлебородные.
Ночь приходит студена скоро зимушка,
50 Голоднешеньки мы бедны холоднешеньки,
И согреться нет кирпичной теплой печеньки.

С. С. КУРОЧКИНА

51. В ОЖИДАНИИ СЫНА

Как уж встала я по раннему по утрышку,
Не водой я умывалася, а горячими слезами обливалася.
Уж как вспомню я рожёно свое дитятко.
Как до этих до учётных долгих годышкоч
Не торопилась я вставать по раннему по утрышку,
На работушку ведь я не спешиласе
Был как при доме рожёно мое дитятко,
Я тихошенько справляласе, на работах да снаряжаласе.
Я со своим любимым дитятком я сидела со внучатками,
10 Он держал меня за гостыцу,
Почитал он за родителя за матушку.
Как живу я эти учётны долги годышки
При обидушке да при досадушке
Без своего да без рожёного без детушка.
Я встаю ночь по утрышку ранешенько,
Снаряжаюсь на крестьянскую работушку.
Как по раннему по утрышку,
Укатилось все великое желаньеце
И пришлось мне проводить рожёно дитятко,
20 Но подумала бы умышком,
Что проводила бы рожёно дитятко
Со своим бы я родительским благословением.
Приоставил он рожёных своих детушек.
Сам он знает, сам он ведаёт
Он своей законной семьеюшке
На заботушку оставил, на расстроюшку.
Как остались рожёны бедны детушки
От родителя от татеньки.
Сытой выточки они да не едали,
30 Сладкой едушки они да не видали,
Как жили ночь да без рогатой без коровушки
Молока да не пивали.

Дождались нонь мы теперь своих товарищей,
Как дадут они рогатую скотинушку
И воспитаем мы любимых своих внучаток.
Ожидаю я рождена своя дитятка
Не прикатится ль великое желаньице,
Не успокоится ль великое сердечушко?

Н. В. МАКАРОВА

52. О СКИТАНИЯХ ПО ЧУЖИМ ПОДВОРЬЯМ

- Под окно пришла ступистая лошадушка,
Вооруженные выходят неприятели,
Уж как эти-то враги да супостатые,
Объявляют нам, кручинным головушкам,
Что уезжайте из домов да вы скорёшенько.
Собрали мы любимую скотинушку,
Мы коровушек да за рога вели,
А другу скотинушку на лошадях везли,
Сами плакали, слезами обливались.
- 10 Приходила тут разливна красна вёснушка,
Стали говорить нам бедным выговаривать,
Что отберут от нас да всю любимую скотинушку,
А тут пришли денёчки нам слезливые,
Ой приказали нам, кручинным всем головушкам,
Ой гнать на скотный двор любимую скотинушку,
Ой никаких боле приказов мы не слушали,
Ой со слезами-то скотинушку проводили,
Ой мы остались тут кругом да все беднёшеньки.
- И как пришла разливна тут да вёснушка,
20 Ой у нас хлебушко да приотóбрали
Ой перво ели мы песочки и листики,
Потом как выросла трава да всё шелковая,
Ой как уж ели мы да клеверны подушечки.
Ой у меня как у кручинной головушки,
Ой всё престарелой да ноньку дедушка,
Сядет чистить он дудочки пóженны,
Что свистели для потехи наши дегушки.
Ещё скажу я вам, кручинные головушки,
О своем да я сердечном милом дитятке:
- 30 Уж как времячка прошло да немалёшенько,
Уж все шлют ноньку весточки родителям
Уж как в эти-то я в три учётных долгих годышка

Часто-пóчасту сажусь к косивчату окошечку,
Ожидаю самолётну малу птиченьку,
Что не прилетит ли на косивчато окошечко,
Она не даст ли мне знать кручинной головушке,
Мне-ка ждать ли скорописчатой грамотки?
Не прилетит ко мне самолётна жалка птиченька,
И не сядет на рамочку на белую,
40 Ночь не радует ретливое сердечушко,
Ой верно нету в живности скачёной жемчужинки,
Во вторых сердечна мила дитятка.
Ой оставил мне любима мила внучатка,
И хоть есть у него родитель родна маменька,
Он ведь маленькой у нас всё малёшенькой,
Он ведь умышком да разумом глупёшенькой.
Ой когда я, бедная кручинная головушка,
Ой получила весточку нерадостну,
Ой ночь уж я, несчастная головушка,
50 Ой все годушки да я продумала,
Ожидала скорописчатой грамотки,
А ноньку нет верно сердечна мила дитятка,
Ой нет надеюшки у кручинной головушки,
Куды приклонить свою престарелую головушку.
Уж живу я ночь, кручинная головушка,
Уж я ежду по безродной по сторонушке,
И болит моё ретливое сердечушко
По своему-то по хоромному строеньицу,
Уж и сожгано оно белобандитами.
60 Проходила я, кручинная головушка,
Мимо своего хоромного строеньица,
Уж если была бы кругом да путь дороженька,
Я бы обошла кругом хоромное строеньице,
Тут одна осталась да тёпла парна баенка.
Как я жить буду кручинная головушка?

А. М. МИШИНА

53. О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

Как заехали фашисты окаянные,
Нас повыгнали с хоромного строеньица,
Разлучили со сердечным малым детушкам,
И нарушили хоромное строеньице.
Поотправили горюх да горегорьких,
Во леса во эти во дремучие,

Во мхи да во топучие.
Как привидели мы голоду да холоду,
Были согнаны в хоромное строеньице,
10 Спорядовые да три наши соседушки,
Не натоплена кирпична бела печенька,
Не закрывается хоромное строеньице,
А снежок летит в косивчаты окошечка,
Лютый ветер дует с запада и с севера.
Принуждали нас работать окаянные,
Непосильную тяжелую работушку,
Издевались над нами горегорькими.
Как придем домой все три соседушки,
Малы детушки у дому нас встречают,
20 Желты ротушка они да открывают,
Хлеба нет у нас у бедных у горющиц.
Уж как вздумаем горюхи горегорькие,
Пораспущены да были мои детушки,
Были согнаны да наши белы лебеди,
Как во эти лагеря да во фашистские,
Уж их мучили злодеи окаянные,
Не по силе была трудная работушка,
И сидели за колючей проволокою.
Как я справлюся, горюха горегорькая,
30 Посмотреть я на свое да на строеньице,
Попрошу я у злодеев этих пропуска,
И пойду я на родиму на сторонушку.
Приужахнулось ретивое сердечушко,
Как подошла я ко хоромному строеньицу:
Приразбиты все хрустальные стеколышка,
Как приразломана стоит да бела печенька.
Как я выйду во широкое во полюшко,
Я как сяду там горюха горегорькая,
Уж я вспомню своего сына любимого,
40 Как не стало у меня сына любимого,
Как не стало у меня сердечна дитятка,
Приоставлен он во щельях во дремучиих,
Как во этих во болотах во топучиих,
Даже птиченька туда не залетает,
И лютой зверь туда не забегает.
Как направились я в осенню темну ноченьку
Как во эти-то во щелья во высокие,
Спожалели меня спорядовые соседушки,
Они вывезли горюху горегорькую
50 Из-за этого глубокого озерышка.
Теперь уехала оттуль я горегорькая.
На свою да на родимую сторонуюшку,

Уж как пришла я на хоромное строеньице,
Как подправила хоромное строеньице,
Но не радуется мое ретливое сердечушко,
Как уж нету у меня сыночка милого.

А. И. МОШКИНА

54. О ПЕРЕЖИТОМ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Хоть пришла-то я, горюха горегорькая,
Я на свою на родиму на сторонушку,
Ко своему-то я хоромному строеньицу,
Как у моего-то у хоромного строеньица
Всё пустынно нонь-тепереча пустёхонько,
Холодным теперь ведь всё да холоднёшенько.
Как напали тут враги да супостатные,
Раскрыли-то хоромное строеньице,
10 Разбили мои светлые да свётлицы,
Разнесли столовы новы горенки,
Обидели горюху горегорькую,
Нарушили тут сердечных милых детушек.
Я как растила сердечных своих детушек,
Не жалела я могутной своей силушки,
Всё я думала, горюха горегорькая,
Под старость легкая мне будет переменушка,
Скорое мне будет послушаньице
И насущные мне будут хлебушки.
20 А напали тут враги да супостатые,
Меня выгнали с хоромного строеньица,
Не пустили на родиму на сторонушку
Поглядеть да на хоромное строеньице,
Как по утру не спустили нас ранешенько
И по вечеру ведь нас поздешенько.
Не дай господи на сем да белом свете
Кинаречке во клеточке свиваться,
А нам бедным у фашистов обживатьсья.
Отпустила я, кручинная головушка,
30 Я ведь сердечных милых внучаток
Я за сине славное ведь их да за Онегушко,
На малогребной уехали на лодочке.
С еропланов моих внучаток стреляли

Бомбы в эту лодочку бросали,
И с оружия во лодочку стреляли.
Все я думала, горюха горегорькая,
Что нету в живности сердечных моих детушек,
А настал счастливый этот денечек,
Когда прогнали ведь врагов да окаянных,
40 И вернулись-то сердечны мои внучатки.
Не холодны они теперь да не голодны,
Обуты мои внучатка одеты.
Еще радость получила горюха горегорькая
Пришла мне скорописчатая грамотка
От моей да от скаченной жемчужинки,
Он за храбрость награжден заслугами
Мое-то сердечно ноньку внучатко.

А. Т. МУХИНА

55. НА МОГИЛЕ ДОЧКИ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Прилетела малолётна жалка птиченька,
Она носиком в окошечко колотила,
Голосочиком она да говорила,
Обсуждала меня, горюшу горегорькую:
«Как у твоего-то да у сердечного у дитятка
Там построено хоромное строеньице,
Там обложена кирпична бела печенька,
Там споделаны косивчаты окошечки,
10 Там обнесены брусомы белы лавочки».
Как пришла я на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилушку умершую,
Как обманула малолётна мала птиченька.
Как у моей-то у белой у лебёдушки
Не построено хоромное строеньице,
Не споделаны косивчаты окошечки,
Не обнесены брусомы белы лавочки.
Как у моей-то ли у белой у лебёдушки
Не согреты самоварчики шумячие,
20 Не заварены кофеи да всё горячие,
Не накладены закусочки сахарные.
Ну пойду домой, горюха горегорькая,
Что обманула малолётна мала птиченька,
Меня столь горюшу горегорькую,

Мне бы подойти, горяшице, да потихошеньку,
 Мне-ка сесть было, горяше, поблизёшеньку,
 Мне-ка попустить было, горяше, жалкий голосок
 Как по своей по белой лебёдушке.
 Только слухай, моя белая лебёдушка:
 30 Как сегодняшним господним божьим денечком
 Как я встала по раннему по утрышку,
 Не ключевой водой, горяша, умывалася,
 Я не в бело полотёнышко утиралася,
 Я в кручинушку с оби�ушкой вытиралася —
 Только слухай, моя белая лебедушка,
 Как сегодняшним господним божьим денечком,
 Все собрались нонче сродчи да и сроднички,
 Ведь твои советны милы подружки,
 Что ль на твою унылу нонче свадебку.
 40 Мне-ка сесть было да на бросову белу лавочку,
 Мне-ка сесть было к косивчату окошечку,
 Мне открыть нонь край косивчата окошечка,
 Поглянуть на путь-широкую дороженьку,
 Там не топают ли копыта лошадиные,
 Там не едут ли светушки братья родимые,
 Что ль на эту на унылу твою свадебку,
 Что ль на это на слезливо обливаньце.
 Как приедут светушки братья родимые
 К своей любушке сестрице ко родимой,
 50 Как порасстреляна сестричушка родимая,
 Как у этих у злодеев у несчастных,
 Как у этих-то у лайбаков проклятых.
 Как проведали светушки братья родимые
 Как про свою-то про сестричушку несчастную,
 Порасстреляна сестрица-то любимая,
 Пошли в бой они, на первую позицию
 Защищать сестру свою любимую,
 Отомстить пошли злодеям окаянным.
 Мне-ка жаль сердечных своих детушек,
 60 У меня рвётся рвёт ретливое сердечушко,
 Разрывает моё бесчастье утробьце.
 Уж я с этой-то тоски да и с досадушки
 Лучше выстать бы мне на́ гору высокую,
 Лучше пасть бы мне да в воду во глубокую,
 Мне-ка в озеро да в наше во Онежское.
 Как моя-то да ведь белая лебёдушка
 На речах была она да щекотливая,
 На походочку была да щепетливая.
 До меня столько кручинной головушки
 70 Так было вложено великое желаньце,

Как говорила мне, кручинной головошке,
Что не покину тебя, родитель моя маменька,
Что кормить буду до злодейной до смерётушки.
Мне-ка жаль ее тошнёхонько,
Как приотняли злодеи супостатные,
Посадили дочь за крепкие решёточки,
И не дали молвить ласкова словечушка
Со моей-то белой лебёдушкой.
Как пришла я ко злодеям супостатным,
80 Мне сказали да злодеи супостатные,
Что расстреляна моя белая лебёдушка,
Я как пала на сыру землю холодную,
Я ведь обмерла в обморушку безумную,
Не несли меня домой да ноги резвые,
И тоска меня долила неудольная
По своей по белой лебёдушке.
Я пришла домой, горюха горегорькая,
Как всё пустым пусто хоромное строеньице,
Нету при доме сердечна мила дитятка,
90 Мне-ка жаль её да всё тошнёхонько,
Погубили мою белую лебёдушку,
Приоставили грустить горюшу горегорькую.
Как уж эти-то злодеи супостатные
Поразрушили моё хоромное строеньице,
Как я нонь, бедна горюха горегорькая,
Как я в эти три учётных долгих годушка,
Как по чужим углам да наскиталася,
На чужой печи да належалася,
На печи-то я лежу да ножкам холодно,
100 За столом-то я сижу да брюшку голодно.
Как у меня, бедной горюхи горегорькой,
Как увезли у меня хоромное строеньице,
Уж как эти-то злодеи супостатные,
Уж как эти-то да лайбаки проклятые.
Ноньку я, бедная горюха горегорькая
Не знаю как дожить до злодейной до смерётушки,
Как у меня, бедной горюхи горегорькой,
Нету в живности сердечных моих детушек.
У нас ноженьки-то нонь да притоптались,
110 У нас рученьки-то нонь да примахались,
Помутился свет во ясных во очушках,
Призастало нас велико престареньице,
Нас пристáрела война да кроволитная.
Как у меня, горюхи горегорькой,
Как во эту ли войну да во несчастную
Приубили как несчастных моих детушек,

Как оставили сердечных малых внучаток
На тоску они там да неудольную.
Уж я не знаю, я не ведаю

120 Как мне выростить сирот да бесприютных,
Воспитать моих сердечных малых детушек,
Как у них нету при доме родителя да батюшки,
Как нету в живности родителя да маменьки,
Как я, победная горюша горегорькая,
Как во несчастный день во среду спосеяна,
Я не в таланный день во пятницу спорожена,
На белый светушко да я ведь всё попущена.
Как мне сходить было, горюше горегорькоей,
Мне на эту на раскат-гору высокую,

130 Да на эту на могилушку умершую,
Мне-ка звать домой сердечно моё дитятко:
«Ты пойдём домой, сердечно моё дитятко,
Как во твоём во хоромном строеньице,
У нас споделана кирпичатая печенька,
У нас покрытое хоромное строеньице,
У нас вымыто хоромное строеньице».
Нонь я жду тебя, горюха горегорькая,
Жду тебя я, белая лебёдушка,
Ко своим да ко сердечным милым детушкам,

140 Как ко этой ко станичке неудольной.
Они ждут тебя, родитель наша маменька,
Вспоминают сироты да бесприютные.
Как нету при доме родителя да маменьки,
Как нету при доме родителя у них папеньки.
Глупо сделали сердечны детушки,
Как не заложили сеней своих решётчатых,
Как запустили в дом злодейную смерётушку.
Уж я клоню свою непоклонную головушку,
Я корю своё сердечко непокорное,

150 Я своим сердечным нонче детушкам,
Я своим столько ветлянным нешүтушкам,
Уж приласкайте вы горюху горегорькую,
Уж приглубьте вы кручинную головушку.
Как пришли да эти лайбаки проклятые,
У нас сделали все обыски повальные
Разорили дом хоромное строеньице,
Прибидели моих сердечных детушек:
Одной прострелили да ейны груди белые,
Другой оторвали ейны резвы ноженки,
А у сына оторвали буйну голову,
Приоставили сердечных малых детушек.
И приобрали казну мою бессчётную.

56. ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ В РОДНУЮ ДЕРЕВНЮ

- Ты раздайся-ко, мать сыра земля,
 Расколись-ко, гробова доска,
 Уж ты встань, мое рожёно сердечно дитяtko,
 Раздей мою великую кручинушку,
 Расскажу тебе свою бесчastную досадушку,
 Уж как я растила твоих рожёных детушек,
 Темной ноченьки, горюша, не сыпала,
 Крепкой выточки, горюша, не едала,
 Впереди меня бесчastьице родилося,
 10 Впереди меня в купели окрестилося,
 На белый свет да попустилося.
 Как живу-то я, кручинная головушка,
 При обидушке живу да при досадушке,
 Рвутся рвет мое бесчastное сердечушко
 И болит моя да ноньку грудь да белая.
 Как проводила я своих рожёных детушек,
 Как во эту во солдатинку,
 Нету мне насущных-то хлебушков,
 Некому мне платочек одевати,
 20 Некому мне ножек обувати,
 Уж ты слухай-ко, мое сердечно дитяtko,
 Нету мне да весточки от рожёных своих дитяtkoв,
 Как жила я три учётных долгих годушка
 Была выслана у проклятых фашистов,
 Была выслана за широку путь-дороженьку,
 Была заперта за колючую за проволоку,
 Темной ноченьки, горюша, не сыпала,
 Крепкой выти я, победна, не едала,
 А свою сторонку я, горюха, вспоминала.
 30 Уж я была у злодеев супостатых,
 Как у этих да у фашистов окаянных,
 Строго-настрога нас лайбаки держали,
 Ночью на улицу выгоняли,
 Уж мы горющицы дрожали,
 Господа бога вспоминали,
 В церковь мы ходили,
 Богу мы молились,
 Как бы сбить-то нам от фашистов окаянных.
 Мы ходили в церковь богомольную,
 40 Мы просили-то у господа,
 Чтoбы вернуться на свою сторону,
 Во свое-то во хоромное строеньице.

Как пришли-то наши детушки рождёные,
И возрадовалось наше ретивое сердечушко.
Мы пошли-то на свою да на сторонущу,
Во свое-то во хоромное строеньице,
Уж как нонечку-таперечку
Стала я богатая богатинка,
Есть удоиства коровушка,
50 Живу-то во хоромном строеньице.

М. В. НАСОНОВА

57. ПО УМЕРШЕЙ ДОЧКЕ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Прилетела малолётна мала птиченька,
Она тоненьким носочком колотила,
Она жалким голосочком говорила,
Кручинную головушку побудила.
«Уж ты стань-восстань, кручинная головушка,
Ты справляйся во сердечное гостібище,
Тебя ждёт в гости законная семеюшка,
Тебя ждут в гости сердечны милы детушки,
10 Не могу прибрать ума-разума в головушку,
Мне в котору сторону съездить во любимое гостібище,
Да порассказать великую кручинушку?
Как у меня, у кручинной головушки,
Три полюшка кручинушки посеяно,
Два озёрышка горьких слёз проронено,
Мне-ка только выйти на широкую на улицу
И присесть на недвигучий синий камешек,
Тут порассказать велику всю кручинушку.
Уж как завтрашним господним божьим денечком,
20 Мне-ка сделать свободну пору-времячко,
Сходить во сердечно во гостібище.
Уж как приду во любимое гостибище,
Уж как сяду на могилушку умершую
Я ко своему рождёному ко дитятку,
Мурава трава да размуравься,
Раскатитесь-ко, катуци сини камешки,
Прирассыпьте-ко, желты-мелки песочки,
Приоткройся-ко, колода тёсу белого,
Расшейтесь-ко, саванчики тонколянные,
30 Налетите с неба ангелы архангелы,

И вложите-ка душу во белы груди,
Наречёнице да со названьем.
Тут уж стань-восстань, ты белая лебёдушка,
Ты сердечно рождено моё дитяtko,
Уж мы здеем с тобой доброе здорoвьце,
Мы забаем хоть единое словечушко.
Ты спрoси-кo у гoрющицы победной
Нoнь как я живу, победная гoрющица.
У меня да у победной гoлoвушки
40 Раздеать не с кем великой кручинушки,
Нету талой у меня да ведь талиночки,
Уж ты знать моя, сердечно мило дитяtko,
Мои ноженки теперь да притоптались,
Мои рученьки теперь да примахались,
И помешался ум во младой во гoлoвушке
Помутился свет во ясных во очушках.
Кабы было в живности сердечно мило дитяtko
У тебя было бы вложено великое желанье
У тебя, бедной гoрюши гoрегoрькой.
50 Ещe скажу, кручинная гoлoвушка,
Во снях ты мне да не покажешься,
Наяву ты мне, рождена, не объявишься.

А. А. НОВОЖИЛОВА

58. ПО РАСТЕРЯННОЙ СЕМЬЕ

Мне-кo сесть было, кручинной гoлoвушке,
Как на эту на раскат-гору высокую,
Мне на эту гoгилушку умершую,
Мне кo своей сестрицы кo родимой.
Раскатись-кo ты, раскат-гoра высокая,
Расколись-кo, грoбoва дoска нетесана,
Вы раскиньтесь-кo, саваночки тонколянные,
Уж ты стань-восстань, сестрица моя любимая,
Уж мы сделаем с тобой великое здорoвьце,
10 Пуще старoгo теперь, да пуще прeжнего,
Уж ты знай-ведай, сестрица родная,
Прo мою да прo великую невзгoдушку,
Нету в живности да у меня великой семьеюшки,
Так приoставил-тo законная семьеюшка
Мне-кa малых сердечных милых дeтушек,
Недорослых в лесу да дeрeвиночек,

- Недозрелых в саду да ягодиночек.
Как я стану растить-то, кручинная головушка,
Без своей законной семеюшки?
- 20 Много горя я да перевидела
Два этих учётных долгих годышка.
Не надеялась я, кручинная головушка,
Что нету в живности тебя, родимая сестричушка,
Как я проведала, горюшица победная,
Как я получила скорописчатую грамотку
От твоей-то от законной семеюшки,
Что нету в живности сестрицы моей любимой.
Уж как я пришла в дом хоромное строеннице,
Как я села на брусову эту лавочку,
- 30 Да под это под косивчато окошечко,
Захватила я сердечных своих детушек
И порассказала я сердечным своим детушкам
Я про эту великую невзгодушку,
Что нету в живности желанной вашей тетеньки,
Ночь не в ком искать вам великого желаньица.
Вы поразъедетесь-ко, мои желанны милы детушки,
Вы по этой по чужой по сторонущке,
Вы не бросьте меня, горюху победную.
Как у меня горюхи победной
- 40 Нет ни сродцев у меня, нет ни сродничков,
Не с кем разведать мне великой кручинушки.
Уж как сходится тоска неугасимая
По своей да по законной семеюшке,
Уж как схожу на раскат-гору высокую,
Я на эту на раскат-гору высокую,
Уж как потянут меня горюшицу победную,
Уж удивляются победы-то людюшки:
Многоумный был разумная головушка,
Ты моя-то законная семеюшка.
- 50 Как нашим-то сердечным милым детушкам
Была справлена любимая покрутушка,
От моей-то от законной семеюшки.
Уж как за эти-то учётны за два годышка
Не цветет на них цветно платьице,
Нет на ноженьках сапоженек по ноженькам,
Хоть один да есть удалый добрый молодец,
Да он ростом-возрастом еще да не сравнялся,
Ума-разума в голову да не набрался.
Спотешает меня, горюшицу победную,
- 60 Как пойду да я на трудную работушку:
«Как я с ростом, возрастом сравняюсь,
Ума-разума в головку набираюсь,

И не покину тебя, родитель матушка». *(«Сын говорит: „Мама, не плачь, я вырасту, дак восьмушку чаю куплю, а когда трактористом буду — воз хлеба привезу“»)*

Е. Ф. НОВОЖИЛОВА

59. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Впереди меня несчастьеце родилося,
И впереди меня несчастьеце крестилося,
И на чужу сторонушку катилося,
Уж как вышла на чужу на сторонушку,
Как на этой я на чужой на сторонушке,
Как вставала я по ранним все по утрышкам
Да не водой я тут да умывалась,
А горячими слезами я бедна обливалась.
Не было в живности законной семеюшки,
10 Как я растила сердечного я дитятка.
Тяжело было победной мне головушке,
Молодешенька я была да глупешенька.
Как жила у богоданных у родителей,
Не словечушка я не видала гладкого,
Не обиды не видала я не сладкой.
За работницу ведь они меня держали,
За подворницу они да меня почитали.
Тут прираздумаюсь, кручинная головушка —
Не пожалела я сердечно свое дитятко,
20 Я придам ему чужу названну татеньку —
Уж я бросилась за другу законную семеюшку.
Одна я знаю да одна я и ведаю,
Как приходилось жить мне за законной семеюшкой.
Обвязали тут сердечны меня детушки.
Не по силушки была крестьянская работушка,
Моя силушка теперь да придержаласе,
Белы рученьки теперь да примахалися.
Хоть подростила сердечных милых детушек,
Взяли детушек на службу на военную
30 Также мою ведь законную семеюшку.
Нонь осталась я, кручинная головушка,
Со малыми со рожёными со детушками.
Как настали эти годушки тяжёлые,
Разлучили меня со сердечными со детушками,

Да с моей законной семеюшкой.
Как уж мою-то уж белую лебедушку,
Приотправили на чужу на сторонущим,
Как ко этим да людям незнакомым,
Как во эти лагеря да во фашистские,
40 Трудно было мне, кручинной головушке
Переносить ведь эти неприятности.
Темной ноченькой я тут да не сыпала,
Я ведь досыта тут и не едала.
Все я думала, кручинная головушка,
Что настанет ли пора да тое времячко,
Что удалятся все враги да неприятеля,
Освободят ли нашу родную землю-матушку.
И получу ли я скорописчатую грамотку
Я от своей от законной семеюшки
50 И от своего да от сердечна мила дитятка.
Хоть долго ждала я, кручинная головушка,
Но дождалася я великой я радости —
Освободили родную землю-матушку
Как от этих врагов да супостатных.
Уж как мое-то сердечно мило дитятко,
Недорослая в лесу да ягодиночка,
Недоспелая она да ягодиночка,
Он пошел во Красну Армию,
Отомстить врагу да супостатному
60 И помочь родителю своему татеньке,
И он своему светушку братцу родимому.
И осталась я, кручинная головушка,
Опять со малыми со детушками,
Я уж умышком не могу и подумать,
Я и мыслями не могу помыслить,
Доразивать сердечных милых детушек.
Только надеюсь, кручинная головушка,
Что вернется мой законная семеюшка
И сердечны милы мои детушки,
70 И помогут доростить милых моих детушек.

Д. И. ОСОВА

60. ПРИ ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С СЫНОМ

Прилетала птичка-пташица
Ко мне, горюше горегорькой,
Говорила мне, горющице,

Что наступает сила неверная
На деревенку красовитую.
Как наехали враги да супостаты,
Разорили деревенку красовитую,
Разорили все хоромные строеньица.
Как началась тут война да кроволитная,
10 Налетели еропланы неприятельски,
Они спускали бомбы разрывчатые,
Сбушевали всё шумливое Онегушко,
Всех повыгнали с хоромного строеньица,
Призабрали как сердечных наших детушек,
Как на эту войну да кроволитную.
Приосталась я, горюха горегорькая,
Как одна ведь я да одинёхонька,
Нет заступушки да и заборонушки,
Уж просила я пречисту богородицу,
20 Чтобы помиловал господь сердечных детушек
Как от пуль от этих неприятельских,
Да от бомб-то разрывчатых.
Как в четыре-то учётных долгих годушка,
Я дождалась скорописчатой грамотки
От своих да от рождённых от детушек.
Я сижу как под косивчатым окошечком,
И гляжу я на почтовую дороженьку,
Там не идёт ли почтальон да шибко грамотный,
Не несёт ли долгожданного писёмышка
30 От моих да от детей-то от любимых.
Как у меня нонь, у горюхи горегорькой,
На слезах стоят хрустальные стеколышка,
Прикручинивши перёные крылечушка,
Жалки песенки поют да птички-пташечки.
Как сегодняшним господним божьим денечком
Получила скорописчатую грамотку,
От меньшого я рожёна мила дитятка,
Как головушка моя да взвеселилася,
И сердечушко моё да срадовалось.
40 Как я увижусь всё, кручинная головушка,
Со своим да со любимым со дитятком,
Уж как я встречусь со рождённым со дитятком,
Уж не во сне ли он мне покажется,
Али наяву да он объявится,
Как прижму его к ретивому сердечушку,
Приласкаю я ко белому ко личушку,
Как расскажу тебе, любезно моё дитятко,
Про большую я да про невзгодушку,
Как погиб наша скачёная жемчужинка,

- 50 Наше красное да старшо братец солнышко.
Положил свою он буйную головушку,
Защищал он грудью свою Родину,
Я живу теперь одна да одинёшенька,
И нигде нет никого да никогошеньки,
Дожидаюсь со дня на день я смерётушки,
Только хочется доростить милых внучаток,
И остались четыре малых детушки,
Без отца да без родителя без татеньки,
Как возростит-то родитель ихна матушка
60 Своих сердечных малых детушек.

61. ПО РАСТЕРЯННОЙ СЕМЬЕ

- Намоталася, горюха горегорькая,
По этому по белому по светушку,
Потеряла я хоромное строеньице,
И всю эту красовитую деревенку,
И всю мою любимую семейку,
И всех болезных милых внучаток,
Как сидела за колючей, бедна, проволокой,
Как у этих у врагов да у проклятых,
Не было нам ни выходу ни выезду
10 И со этой да с колючеёй-то проволоки,
И нас парили в парилках во парильных,
Выводили нас по темным по ноченькам
Как на эту на широку славну улицу,
И рубашки-то у нас да скидывали,
И вшей-то у нас все искали,
И волосы у нас все поснимали.
Приходили-то враги к нам распроклятые,
Как во эту-то во темную во ноченьку,
Как повывели на широку славну улицу,
20 Становили-то в ряды нас порядовочкой,
Задрожали наши бедные-то ноженьки,
Заболело наше ретивое сердечушко,
И закручинилась наша буйная головушка,
Мы уж думаем, горюхи горегорькие,
Чтот увезут нас во леса да во дремучие,
И дрожало наше ретивое сердечушко,
Чтот снимут нашу буйную головушку
И растерят нас, горюх да горегорьких.

Отступали-то враги да супостатые,
30 От этого да города Петрозаводска
Что приходит любимая наша Красная Армия,
И мы ходили-то ко синему Онегушку
И дожидались наших славных добрых молодцев,
И дожидались мы рождённых своих детушек,
И встречали-то мы их с причетью от радости,
Престарелые родные родители.
Разнесли-то нам бумажечки-повесточки
И отправили горюх да горегорьких
На свою-то на родиму на сторонушку.
40 Как приехали ко славному Онегушку,
Все разрушено хоромное строеньице,
Как пришла я во свою садовую деревенку,
Я пришла, бедна горюха горегорькая,
Уж как села на катуце на бревешечко,
Уж как вспомнила, горюха горегорькая,
Как я шла в свое да во строеньице,
Ноньку все оно да запустело,
И травой-то оно да заросло,
И пошла я ко суседу спорядовому
50 И пустил меня, горюху горегорькую,
Во свое да во хоромное строеньице,
Обогрел меня, горюху горегорькую.
Уж как нету-то хоромного строеньица,
Уж я плакала, горюха горегорькое,
И собрать бы мне свою любимую семеюшку,
Приотстроить мне хоромное строеньице,
Чтобы не шататься горюха горегорькой
По чужим углам да по подворьяцам.
Уж я плакала, слезами уливалася,
60 И соседей нету доброродных
Все раскиданы по белому по светушку.
Написал-то мне рождено мое дитяtko
Мне-ка, горюхе горегорькой,
Что нету в живности светушка братца родимого,
А моего рождённого сердечна мила дитяtko.
Мое рвется рвет ретливое сердечушко,
И болит моя несчастная утробушка
По своим да по рождённым милым детушкам,
По своим да по ветлянным невестушкам.

И. Н. ПАВЛОВА

62. ПРИ ВСТРЕЧЕ С ДОЧЕРЬЮ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Как по раннему по утрышку,
Как на моем на перенем на крылечушке,
Что ль не чудушко да сочудилося,
Дивно дивушко да удивилося,
Не в глазах ли мне да это показалось,
Не во снях ли мне да пригрезилося,
Что передо мной стоит сердечно мое дитятко.
Только слушай-ко, сердечно мое дитятко,
10 Я поприжму тебя к ретливому сердечушку,
Я приму тебя на белы свои рученьки,
Хоть не в дальнем жили расстояньице,
Не в бывалоем с тобой свиданьице.
Только слухай-ко, сердечно мое дитятко,
Да доспрос возьму, горюха горегорьякая,
Уж ты имела ли связь с светушками братьями родимыми,
А со моими со детушками со милыми
И со своей со законной семеюшкой?
И порасскажи-ко, мое сердечно дитятко,
20 Ведь не три прошло учётных семидневных неделюшки,
А ведь три прошло учётных долгих годушка,
Как нахожусь в разлуке я со детушками.
Я порасскажу, горюша горегорьякая,
Про свою я жизнь немилую.
Жаль мне от тоски сердечно мило дитятко,
Что не проводила я тебя до пристани,
Попрощались мы с тобой на часочки,
А попростили да мы годочки.
Только слухай-ко, сердечно мило дитятко,
30 Мне ведь легче было бы переживаньице
После своей да как законной семеюшки,
Хоть осталась я, горюха горегорьякая,
С великим стадушком сердечных своих детушек.
Будто курица осталась со цыплятами,
Будто утушка осталась со дитятами,
Но остался двор рогатой скотинушки.
Хоть уж маленьки сердечны были детушки,
У меня пахари во полюшке не понукивали,
Дровосекушки под окном не потукивали
40 И ловушечки не лежали на горушечке.
А уж теперь дожила сердечно мило дитятко,
Что сквозь хоромышки воронышки летают,

Сквозь тынишка воробьишка гнезда вьют,
На дворе-то кони не лягаются,
Во хлеву коровы не бодаются,
Во засекушках мыши не подавляются.

А. М. ПАНОВА

63. ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

Пойду я, бедна, потихошеньку,
Да присяду я, победна, полегошеньку
Я ведь к своему к сердечному ко дитятку,
Я спрошу тебя, сердечно мило дитяtko:
Не затай, скажи кручинной головошке,
Куда справилсе сердечно мое дитяtko,
Ты в какую путь широкою дороженьку?
В города ль ты в Петрозаводские
Или ко владычному пошел ты ко праздничку?
10 А по твоему по цвeтнoму по платьицу
Пошел ты на раскат-гору высокую
На эту ли могилушку умершую.
Ширина этой дорожки не примерена,
Далека эта дорожка бесконечная.
Спрошу тебя, сердечно мило дитяtko:
На кого оставил ты любимую семеюшку
И побросил сердечных своих детушек?
Ведь как будут жить сердечны твои детушки
Так провеют на их буйны ветрушки,
20 И приобают многи добры людюшки,
И обсмеют-то их соседи спорядовые.
Будет уличка ходить да им низешенька
И дороженька ходить да неторнешенька.
И придет разливна красна веснушка,
Прирастают-то суметы снегу белого,
Призальется кругло малое Онегушко.
И как придут-то владычны божьи празднички,
Малы детушки пойдут-то ведь с отцами,
А молоды жены пойдут-то ведь с мужьями,
30 А у вашей матушки кручинной головошки
Не будет ведь любимой семеюшки,
Будете ходить вы по уличному по праздничку
Да розыскивать родителя вы батюшку,
Узнавать его по белому по личушку,
И по молодой по головошке и по желтым по кудерышкам,
Не найдете вы, сердечны милы детушки,

Своего родителя да батюшку.
Как вечер бедна по позднему по вечерку,
Приклонить хочу я младую бедную головушку,
40 Да кроватюшка моя вся прирастрепана,
А постелюшка моя да все расширена,
Одеялышко мое да все повырвано.
Я легла ведь спать, кручинная головушка,
А прилетела перелетна мала птиченька,
Она тоненьким носочком поклевала,
Она жалким голосочком возжупляла,
Меня бедную старуху разбудила,
Говорила мне кручинной головойке:
«Ты пойди-ко на раскат-гору высокую,
50 У твоих-то у сердечных у детушек,
Где построено хоромное строеньице,
Там ведь складена кирпична бела печенька,
Там прорублены косивчаты окошечка,
Приобнесены брусовы белы лавочки,
Там поставлены столы да все дубовые,
Разостланы там скатерти самобранные,
Там нагреты самовары золоченые,
Там есть кладены стаканчики хрустальные,
Там накладены закусочки ведь разные,
60 Тебя ждут в гости, кручинную головушку».
Я скочила со сна, кручинная головушка,
Я горючима слезами умывалась,
Я кручинушкой, победна, утиралась,
А пошла как на раскат-гору высокую,
Так во слезах бедна дороги не видала,
Обманула перелетна мала птиченька,
А не ждут меня сердечны в гости детушки,
Побужу бедна горюха своих детушек:
Уж ты стань-восстань на резвы свои ноженъки,
70 Ты любимое сердечно мое дитятко,
Ты раздей со мной великое здоровьице,
Я поприжму тебя к ретливому сердечушку,
Я приложу тебя ко белому ко личику
И сотворю тебе великую обидушку.
Зачем вздумала перелетна мала птиченька
Обмануть меня, кручинную головушку?

64. ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ К РАЗРУШЕННОМУ ДОМУ

Уж как сегодняшним господним божьим денечком,
Уж я сяду на брусову белу лавочку,
Как под этое косивчато окошечко,

Погляжу, бедна кручинная головушка,
 На красу-басу на широко на улицу,
 И на эту путь широкоую дороженьку:
 Не бежат ли там ступистые лошадушки,
 Не едут ли сердечны милы детушки?
 А пойду я на крылечушко переное,
 10 Повстречать буду сердечных своих детушек,
 Прижимать буду к ретливому сердечушку,
 Прилагать буду ко белому ко личушку,
 Расскажу я им великую обидушку,
 Что прирастрепано хоромное строеньице
 И приломана кирпична бела печенька,
 Все растрепаны окошечки стекольчатые,
 Не стоят ноньку столы у нас дубовые,
 И не посланы скатерки тонкобранные.
 Все растащены самовары золоченые
 20 И прибиты все стаканчики хрустальные,
 Нечем подчевать, сердечные вас детушки,
 Не вырос хлебушко на полях да хлебородных,
 Призапущены луга да сенокосные,
 Нет ступистых лошадушек,
 И нет рогатой скотинушки,
 И нет ни свинушек и ни овечушек,
 Только есть одна животная скотинушка-кошечка,
 Да и то не толкует сесть на окошечко,
 Не до скотинушки нам, кручинным головушкам,
 30 Не коровушек травушкой кормили,
 А травушку кручинные головушки поели,
 Не овечушкам плюсеньки варили,
 А вместо мяска сами ели.

А. Е. ПОРОЖСКАЯ

65. НА МОГИЛЕ МУЖА

Мне-ка сесть было, победной головушке,
 Мне-ка сесть было у законной у семеюшки,
 Я не знаю, многобеднушка, не ведаю,
 Мне-ка в ноги сесть аль в голове,
 И супротив ли сесть ретливого сердечушка,
 Насупротив ли сесть бумажна бела личушка,
 Порассказать тебе, законная семеюшка,
 Что сегодняшним господним божьим денечком
 И подходила я к косивчату окошечку,

- 10 И прилетала там жуплива мала птиченька,
Она тоненьким носочком выколачивала,
Она жалким голосочком выговаривала:
«И ты справляйся-ко, кручинная головушка,
Как сегодняшним господним божьим денечком,
Ждёт в гости горющицу победную,
Там поставлены столы у него дубовые,
Постланы салфетки шитобранные,
Сложены там кушанья сахарные,
И стоят там пítьеца медвяные».
- 20 Срадовалось ретливое сердечушко
И я справлялася, горющица победная,
Как на эту на раскат-гору высокую.
Пораздумаюсь, горющица победная,
Видно век того не водится
Да и живой с мёртвого не родится,
А со могилки не воротится.
Уж как у меня да у победной головушки
Придержалась могутна моя силушка,
И пристали мои ноженьки шагаючи.
- 30 И пристали мои рученьки махаючи.
И как нонече-теперече,
Как живу теперь, победная головушка,
От обиды у меня рот да не отворится,
От досадушки язык не поворотится,
И перетрескало ретливое сердечушко,
Перержавела несчастна вся утробушка.
Я гляжу бедна, кручинная головушка,
Я на своего любимого-то внукушка,
Не по-старому сидит да не по-прежнему.
- 40 Я гляжу, бедна несчастная головушка,
Будто уточка во клеточку врублёная,
Будто рыбонька во сеточку словлёная.
Как поведут тебя, любимое моё внукушко,
Как на эту-то на лагерную жирушку,
Как на эту-то на тяжёлую работушку,
Как заведут тебя в палату во тюремную,
Да и кладут тебя под мерку арестанскую,
И соймут желты кудёрышка со молодой со головушки,
А и красушку со белого со личушка,
- 50 Приужахнется ретливое сердечушко,
Помутится свет во ясных во очушках,
Ум со разумом смешается.
Как пришли уж эти лайбаки проклятые,
Как повыгнали с хоромного строеньица,
Повезли его за лесушки за тёмные.

Как живу одна, несчастная головушка,
Все потеряны рожёны мои детушки
И порассеяны несчастны мои внукушки.
Столько водушки горющицы не выпили —
60 Сколько слёз, бедны горющицы, повылили.
Как были растеряны рожёны мои детушки,
Как по этой да по чужой по сторонущке.
Как прошло-то три учётных долгих годушка
Пришёл слых-то от рожёных моих детушек,
Взрадовалось ретливое сердечушко,
Уж как это-то болезно мое внучатко
Как на этой на войне да государскоей,
Как нам пишут скорописчатые грамотки.
Мы со твóей со родителью со маменькой
70 Уж как ждём тебя, сердечно мое внучатко,
С часу на час ждём, скачёная жемчужинка,
Уж как со твóей с родителью со маменькой
Просим господа, святую богородицу,
Чтобы кончилась война да кроволитная
И вернулся наш бы внучушко с победою,
Не покинул бы нас, победных головушек.

А. П. ПУДИНА

66. НА МОГИЛЕ МУЖА

Мне-ка сесть было печальнойей головушке,
Как на эту на бросову белу лавочку,
Как под это под косивчато окошечко,
Как ко этому ко мёртвому ко тельишку,
Как ко этой ко законнойей семеюшке.
Что ведь слухай-ко, печальная головушка,
Как сегодняшним господним божьим денечком
Я вставала как по утрышку ранёшенько,
Не своё я личико как будто умывала,
10 Я не светлойей водой да умывала,
Я ведь горькими слезами обливала.
Сожалею я тебя, законная семеюшка,
Как я жить буду, законная семеюшка,
Как я рóстить-то сирот да горегорьких,
Осталось стадышко у меня да всё детиное,
Как этиих сирот да горегорьких.
Наши детушки будут да самовольные,

- На деревенку пойдут так самовольные,
А домой придут да ведь трясу́чие,
20 За столом сядут они все едúчие,
На печи будут сидеть — да ножкам холодно,
За столом будут сидеть — да брюшку голодно.
Не дай-ко господи на сём свете на белом,
Как жить-то без законной семеюшки
Нам вдвоем да горегорьким,
Буйны ветрушки ведь в поле принавеются,
Добры людюшки про нас ведь принабаются,
Чёрны вороны в кусту да принаграются.
Только слухай-ко, законная семеюшка,
30 Я скажу, горюха горегорькая,
Хоть любимая была моя семеюшка,
Как вчерашним я господним божьим денечком
Глупо сделала, печальная головушка,
Как не сидела у складного у зголовьца,
У твоей да у тяжёлой у постелюшки,
Допустила я злодейную смерётушку.
Кабы знала я, печальная головушка,
Что придёт к тебе злодейная смерётушка,
Заложила бы новы сени решётчаты,
40 Я бы подперла ворота все дубовые,
Я бы заперла косивчаты окошечка.
Пришла бы всё злодейная смерётушка,
Постучала бы в новы сени решётчаты,
Да я спросила бы, печальная головушка:
«Ты чего пришла, злодейная смерётушка,
Если голая, так мы тебя обнадёнем,
Если босая, там мы тебя обуем,
Если голодная, так мы тебя накормим,
Буде нету золотой казны бессчётной —
50 Мы заложим всё хоромное строеньице,
Мы заложим всю любимую покрутушку,
Ведь этии поля да хлебородные,
Мы ведь справим тебе казну да всю бессчётную,
Ты оставь мою любимую семеюшку
На один да всё учётный долгий годушек,
Чтоб подросить нам сирот да горегорьких».
Как сегодняшним господним божьим денечком
Солнце к западу сегодня всё двигáется,
День ко вечеру сегодня коротается.
60 Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
На тебя да всё, законная семеюшка,
На твоё да всё на цветное на платьице,
Я спрошу, бедна горюха горегорькая,

Я тебя да всё, законная семеюшка:
«Ты в какую путь-дорожку отправляешься,
Ты ко праздничку ль пойдешь да ко владычному,
Али во любимое пойдёшь да во гостибище?»
Как я раздумаюсь, печальная головушка,
Что не к праздничку пойдешь да не в гостибище,
70 На раскат пойдешь да на гору высокую,
Как на эту на умершую могилушку.
Хоть не дáльна путь-дорожка, вековечная,
Поворотная оттуль да не бывает,
Письма-грамотки оттуль не посылает,
Больше наяву ведь ты да не покажешься,
Буде во сне ты мне прísнишься.
Глупо сделала я, печальная головушка,
Не ходила я во лавочку торговую,
Не купила лист бумажечки гербовой,
80 Мне нанять бы писарей да скорописчатых,
Срисовать бы мне портрет да бело личушко,
Когда сходится тоска неугасимая
По тебе да всё законная семеюшка,
Я возьму портрет да бело личушко,
Я прижму да всё к ретливому сердечушку,
Тут уходится тоска неугасимая,
Тут уходится тоска да неудольная.

67. ПО ДОЧКЕ

Мне-ка сесть было, печальнойей головушке,
Как на эту на бросову белу лавочку,
Как ко этому косивчату окошечку,
Ко своему-то ко сердечному ко дитятку.
Только слухай-ко, сердечно мило дитятко,
Как сегодняшним господним божьим денечком
Я повыстала по утрышку ранёшенько,
Умывала своё личушко белёшенько,
Я не светлойей водой да умывала,
10 Я ведь горькими слезами умывалася.
Сожалела я, сердечно мило дитятко,
Жаль мне от тоски, сердечно мило дитятко,
Затопляла я кирпичну малу печеньку,
Я ведь стряпала стряпню да всё пушистую,
Я согрела самоварчики шумячие,
Я ведь собрала любимый весь народушко,
Я не первая теперь, да всё последняя.
Только слухай-ко, сердечно мило дитятко,

Возбуждать буду сердечно мило дитяtko,
20 Я тебя да всё печальная головушка.
Уж ты стань-восстань, сердечно мило дитяtko,
На свои да всё на резвые на ноженьки,
Уж ты сделай-ко великое здоровьице
Со своей да со любимой со поробушкой,
Ты не первая теперь, да всё последняя.
Уж я раздумаюсь теперь, горюха горегорькая,
Верно мёртвы телеса да не вставают,
Верно мёртвые уста не принимают.
Только слухай-ко, сердечно мило дитяtko,
30 Глупо сделала, печальная головушка,
Упустила я родного своего дитяtka,
Посидеть бы у складного у зголовица,
У твоей да у тяжёлой у постелюшки,
Не пустить бы мне смерётушки,
Постучалась бы злодейная смерётушка.
Мне спросить бы всё печальной головешке
Эту злодейную смерётушку:
«Ты чего пришла, злодейная смерётушка,
Если голая, так мы тебя обнаденем,
40 Если босая, так мы тебя обуем,
Если голодная, так мы тебя накормим,
Если нет золотой казны бесщётной
Так мы справим всю казну бесщётную,
Мы зложим дом хоромное строеньице,
Всю твою да мы любимую покрутушку»
Откупили бы от злодейной от смерётушки
Хоть тебя да всё сердечно мило дитяtko.
Жаль мне от тоски печальной головешки
От тебя да всё сердечно мило дитяtko,
50 Рвутся рвёт моё ретливое сердечушко,
Только слухай-ко, моё сердечно дитяtko,
Как лежала при тяжёлой при постелюшке,
Я жалела всё, печальная головушка,
Я тебя да всё, сердечно мило дитяtko,
Я искала всё великое здоровьице,
Я тебя, да белая лебёдушка.
Я отправила тебя в города Петрозаводские,
Как во эту во больницу во болезную,
Как ко этим докторам да многознающим
60 Хоть на эти на ножи да я на вострые,
Я ведь думала, печальная головушка,
Что найти тебе великое здоровьице,
Только слухай-ко, сердечно мило дитяtko,
Как сегодняшним господним божьим денечком

Солнце к западу сегодня всё двигáется
И ко вечеру сегодня коротается,
На уход пойдёшь, сердечно мило дитяtko,
Хоть не в дальнюю дорожку вековечную,
Не пришлешь оттуль письма да ты, ни грамотки,
70 Никакой оттуль да весточки ты радостной.
Только слухай-ко, сердечно мило дитяtko,
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
На твоё да дом хоромное строеньице,
Не по разуму тебе, не по характеру,
Не прорублены окошечка косивчаты,
Не накладки кирпичны малы печеньки,
Не обнесены брусовы белы лавочки.
Только слухай-ко, сердечно мило дитяtko,
Как сойдешь ты на раскат-гору высокую,
80 Как на эту на могилушку умершую,
Там увидишь как народу родовитого,
У нас много там родни, да много сродников:
Во-первых, родитель твой да батюшка,
Как твоя да там законная семеюшка,
А во-вторых, жалóстлива родна там бабушка,
А во-третьих, жалóстливый там дедушка.
Ты сложи-ка им поклон да понизёшеньку,
Ты сложи-ко им поклон да до сырой земли,
Ты не первая скажи да им последняя.
90 Только слухай-ко, сердечно мило дитяtko,
Ты поедешь на раскат-гору высокую,
Ты на эту на умершую могилушку,
Мимо лавочки поедешь ты торговой,
Мы зайдём во лавочку торговую,
Купим мы лист бумажечки гербовой,
Я найму как писарей да скорописчатых,
Я срисую как портрет да бело личушко.
Когда сходится тоска да неудольная,
Когда сходится тоска неугасимая
100 По тебе, моё сердечно мило дитяtko,
Жаль мне от тоски печальной головышки.

А. Д. РОМАНОВА

68. НА МОГИЛЕ МУЖА

Уж как шла я, бедная, путью-дороженькой,
Столь дороженька дороженьки торнее,
Столь могилушка могилушки милее,

Уж я приду верно, горюша горегорькая,
Я на эту на раскат-гору высокую,
Я на эту умершую могилушку,
Я ко своей-то законной семеюшке:
«Слушай, миленька законная семеюшка,
Поразвей со мной великую кручинушку,
10 Поразбай со мной единое словечушко».
Уж я скажу, горюха горегорькая,
Как во этом сорок первом во годушке
Началась война да кроволитная,
Пришли лайбаки к нам белофинские,
Погубили нашу жизнь счастливую.
А у меня как у молодой у молодёшеньки,
Были два горя горюхи горегорькие,
Одно горюшко было несказное,
Как пришли ко мне да партизанушки,
20 Партизанушки они ведь наши, красные,
Приобрадело моё ретливое сердечушко,
Как пришёл ко мне любимый зятюшко.
Я спасла удалых добрых молодцев
От зверей тех лютых окаянных,
Как пошёл удалый добрый молодец,
Мой любимый родный зятюшко,
Ко своим братьям да ясным соколам,
На переднюю пошёл позицию,
Рассказать про лайбаков проклятых.
30 Как попал он в плен, мой милый зятюшка,
В руки к этим лайбакам проклятым,
Они пили кровь его горячую,
Он хотел рубить себе да буйну голову,
Закипело сердце во белой груди,
Засверкала шашка во правой руке
И покончил жизнь свою он молодецкую,
Не сдался в руки неприятеля.
А второе горе было неудольное,
Как пришлое мне да молодёшеньке
40 Отвечать за молодцев удалых,
Во тюрьме сидеть да за решётками,
Голову держать ниже лесу подрублёного,
Ниже травушки да подкошёной,
Как сижу я будто рыбинка со сеточке изловлена,
Будто птиченька во клеточку поймана.
Уж я сижу победная, горюха горегорькая
Я под этими замками под тюремными,
И за этими решётками за крепкими,
Разрывает моё ретливое сердечушко

- 50 По своим да по сердечным милым детушкам.
Как бы были самолётны малы крылышки,
Я слетала бы к сердечным малым детушкам,
Как живут они, горющицы горегорькие,
Без своих да без желанных родителей,
В чёрном лесушке да чёрны вороны принагрáяли,
Добры людюшки про них да принабаяли,
Они вольные растут да самовольные.
Как приходили эти звери лютые,
Как открывали двери крепкие,
60 Они били меня да всё без жалости
А по моей груди да по женской,
Отломали они мне как рученьки,
Помутился свет во ясных во оченьках,
Помешался ум во младой во головушке.

А. А. РЯСКИНА

69. ПО СЫНУ, СИДЕВШЕМУ В ЛАГЕРЯХ

- Только слухай-ко, рожёно мое дитятко,
Воспитал моих рожёных малых детушек,
Не спустил ты по белу свету скитаться
И по этим лагерям да все шататься.
Уж как я, бедная кручинная головушка,
Я сидела в лагерях да заключенных,
Как за этой за колючей проволокою,
Как у этих у фашистов белофинских.
Уж я думала, кручинная головушка,
10 Не видать мне-ка рожёных своих детушек,
Уж как мне нонько, кручинной головушке,
Прираскрылися широкие воротушка,
И выпала мне путь широкая дороженька
Ко своим да ко рожёным ко детушкам.
Как за эти учёны за три годышка,
Как мои ноньку рожёные да детушки
Находилися они босые да голые.
Только слухай-ко, рожёно мое дитятко,
Спаси бог тебя, рожёно мое дитятко,
20 Что воспитал сердечных моих детушек.
Уж были трудности тебе да все тяжелые,
Уж ты милое рожёно мое дитятко,
С толком возрастом ты ведь не сравнялся,

А работушкой да ты ведь надрывался.
Уж как ты, мое рожёно мило дитятко,
Уж как ты рос без родителя без батюшки,
У тебя, мое рожёно мило дитятко
Было много разумов в твоей младой головушке.
Как ушёл ты от врагов да супостатых,
30 Из под этой да колючей проволоки,
Ты прибрал рожёных милых детушек
Во свое да во хоромное строеньице.
Как мои ноньку рожёны милы детушки
Были круглые они ноньку сиротушки,
Добры людюшки да их ведь приобаяли,
Буйны ветрушки да их ведь приобвеали.
Принасели на меня да добры людюшки,
Приотправили во лагеря да во тюремные,
Не пожалели тут рожёных моих детушек.
40 А теперь, мое рожёно мило дитятко,
Как пошёл ты во Красную во Армию,
Защищать пошёл свою родную сторону,
Отбивать пошёл врага ты супостатного.

А. Ф. РЯСКИНА

70. О ЖИЗНИ В НЕВОЛЕ

Уж как я, бедная горюшица победная,
Приосталась без законной без семеюшки,
Уж осталась стадушко да малых детушек,
Много умышка наб во младую головушку,
Размышленьице в ретливое сердечушко,
Как возвращать сердечных милых детушек.
Прискиталась я, горюша горегорькая,
Я по этим-то по трудным по работушкам,
Ни надеюшки у меня, ни переменушки.
10 Как возростила сердечных милых детушек,
Тут увидели у горюхи горегорькой,
И оторвали тут сердечных милых детушек,
Приотняли от горюхи горегорькой,
И растеряла всех сердечных милых детушек.
Теперь в ком искать великого желаньица,
Ноньку в ком искать великой переменушки,
Мои годушки теперь уж престарелые,
Резвы ноженьки меня больше не носят,

Да и рученьки мои теперь не служат,
20 Потерялся свет во ясных моих оченьках,
Потутился ум во молодой во головушке,
Прирастроено ретливое сердечушко,
Жду все весточки от сердечных милых детушек.
Как взгляну горюха горегорькая
Я во это во косивчато окошечко,
Не прилетит ли самолетна мала птиченька,
Не принесет ли она мне весточки от детушек?

.
Как была бедная горюха горегорькая,
Как три годышка во финской аккупадии,
30 Было трудно мне, горюхе горегорькоей,
Мне воспитывать сердечных милых детушек,
Все давали мне как трудную работушку,
И как были мне удары принанесены,
Как во время этих обысков несчастных,
А как мое-то ведь роже́но мило дитятко
Находился в лагерях он белофинских,
И жила я это времечко тяжёлое
Со своими я со белыми лебедушками.
Как до этой-то еще до Красной Армии
40 Тут вернулося мое сердечно дитятко
Ко своей-то ко родителю ко матушки,
Повстречался он со родителю со матушкой,
Была рада я, горюха горегорькая,
Как дождалась я сердечно мило дитятко.
Ноньку рада я, победная, радешенька:
Его приняли во Красную во Армию,
Где ведь были светушки братцы родимые,
Хоть отправлен он в одну с ними сторонушку.

Е. Ф. САННИКОВА

71. ПО УМЕРШЕЙ МАТЕРИ

Только слухай-ко, родитель моя маменька,
Приоставила сирот да бесприютных,
Как я жить буду, белая лебедушка,
Я возвращивать светушков братцев родимых?
Уж как сесть мне-ка белой лебедушке
Как на эту на бросову белу лавочку,

Как под это под косивчато окошечко
 Ко своей да ко родителю ко маменьке.
 Мне не первой сесть да все последней,
 10 На допрос возьму, родитель тебя маменьку:
 Куда бросила ты нас да все покинула?
 Глупо сделала я белая лебедушка,
 Не надеялась злодейной смеретушки,
 Так бы заперла я двери все филенчаты
 И заложила бы заложечками медными,
 Не пустила бы злодейной смеретушки.
 Еще расспрошу, родитель тебя маменька:
 Придь-ко засмотришь сирот да бесприютных;
 Но когда придешь ко мне, родитель моя маменька?
 20 Ты по утрышку ли к нам придешь ранешенько,
 Иль ко вечеру да ты придешь позднешенько,
 К обеду ли придешь да к полуденному,
 Али к ужину придешь да к полуночному,
 По месяцу придешь да ты по светлому,
 Али по солнышку придешь да ты по красному?
 Будем ожидать мы, белые лебедушки,
 Хоть тебя родитель да свою матушку.
 А и пораздумаюсь я, белая лебедушка,
 Что приобманешь ты, родитель наша маменька.
 30 Уж не дальняя дорожка безызвестная,
 Много есть туда ходцов, да мало выходцев.
 Ты еще слухай-ко, родитель моя маменька:
 Как сегодняшним господним божьим денечком
 Прилетала малолетна эта птиченька
 И садилась на косивчато окошечко,
 И будила меня белую лебедушку:
 «Ты вставай-ко, моя белая лебедушка,
 И справляйся проводить родитель матушку
 Как на эту на раскат-гору высокую,
 40 Как на это на кладбище положеное,
 Как во эту да дорогу безызвестную».
 Только слухай-ко, родитель моя маменька:
 Не носи гневу на меня, да лебедь белую,
 Что приотправляю я в путь широкою дороженьку,
 Но не любимая путь широка дороженька,
 Не по разуму хоромное строеньице,
 Не прорублены косивчаты окошечка,
 Не поставлена кирпична бела печенька,
 Не обнесены брусовы белы лавочки,
 50 Не согреты самоварчики шумячие,
 Не кипячены кофея да там горячие.
 Только слухай-ко, родитель моя маменька:

Глупа я молода да белая лебедушка,
Не спросила тебя родитель свою матушку,
Дай-ко умушка во буйну во головушку,
Размышленьица в ретливое сердечушко,
Как мне-ка жить будет да белой лебедушке,
Как мне расти твоих сердечных детушек,
Моих миленьких светушков братцев родименьких?
60 Глупо сделала я, белая лебедушка,
Не ходила я во лавочку торговую,
Не купила лист бумажечки гербовой,
Не наняла писаря я да хитроумного,
Чтобы снял на портрет да лицо белое.
Когда стошнется мне-ка, белой лебедушке,
Хоть твоим да все сердечным милым детушкам,
Так мы посмотрим на родитель свою маменьку,
Я бы к белой груди да прижимала,
Я к ретливому сердечку прилагала.
70 Как сегодняшним господним божьим денечком,
Как по этому по раннему по утрышку
Прилетала малолетна эта птиченька,
Возбуждала меня белую лебедушку:
Ты справляйся-ко к родителю ко матушке,
Хоть во это во любимое гостибище.
У твоей да у родителя у матушки
Как сегодняшним господним божьим денечком
Приотворено хоромное строеньице,
Приоткрыты все косивчатые окошечки,
80 И согреты самоварчики шумячие,
Скипячены кофеи да все горячие».
Уж я справилась тут, белая лебедушка,
Ко тебе, родитель моя маменька.
Обманула малолетна мала птиченька:
Не отворены новы сени решетчатые,
Не согреты самоварчики шумячие,
Не скипячены кофеи да все горячие.

72. НА МОГИЛЕ МУЖА

Как приду, бедна горюха горегорькая,
Как на эту на умершую могилушку,
Как на это на кладбище положеное,
Ко своей милой законной ко семейшке
Рассказать свою великую кручинушку,

Прираздеть всю великую обидушку.
 Ты послухай-ко, законная семеюшка,
 Как я ездила, горюха горегорькая,
 По белу свету по этому:
 10 Скоро сполнилось три учётных долгих годышка,
 Призабыла я, горюха горегорькая,
 Хоть тебя, мила законная семеюшка.
 Я порасскажу, законная семеюшка,
 Про свое великое я горюшко,
 Как я ездила, горюха горегорькая,
 Я по этой по безродной по сторонушке,
 Без своих да без сердечных милых детушек.
 Но еще слушай-ко, законная семеюшка,
 Я скажу тебе, горюха горегорькая:
 20 Хоть приехала я на родную сторонуюшку,
 Хоть ко своему хоромному строеньицу,
 Не убавила кручинушки — прибавила;
 Как посмотрела на хоромное строеньице —
 Приразвалено хоромное строеньице,
 Меж хоромышка вороньишка летают,
 На стенах птиченьки гнездышка свивают.
 Но еще слухай-ко, законная семеюшка,
 Что я скажу, горюха горегорькая:
 Как со этой со дальней со сторонюшки
 30 Приезжали все сердечны милы детушки.
 Они пожили в чужом, бедны, строеньице,
 Не убавили кручинушки — прибавили,
 Что пуста наша родимая сторонюшка,
 Заросли пути широкие дороженьки.
 Ты еще слухай-ко, законная семеюшка:
 Уж ты стань-восстань, законная семеюшка,
 Уж ты здей-ко со мной добро здоровьице
 И забай со мной единое словечушко.
 Ты спроси меня, горюху горегорькую,
 40 Где скитаешься горюшица победная?
 По чужой да по безродной по сторонушке.
 А верно гнев несешь, законная семеюшка,
 На меня на горюшицу победную,
 Что редко-поредко к тебя я заходила,
 Поминаньице тебе не возводила.
 Ты еще слухай-ко, законная семеюшка,
 Ты спроси меня, законная семеюшка.
 Нонь ходить буду, горюха горегорькая,
 Хоть на эту на могилушку умершую,
 50 Хоть на это на кладбище положеное.
 Спасет бог-то партизанов наших красных,

Что избавили от фашистов окаянных,
Освободили всю родную нашу сторону,
Путь широкую дороженьку;
Как ко этому кладбищу положенному
Я могу притти, горюха горегорькая,
Хоть к тебе, законная семеюшка.

73. ПРИ ВСТРЕЧЕ С СЫНОМ

Буйны ветрушки да призавеяли
Как со этой со злодейной со сторонушки,
Как налетели к нам фашисты окаянные,
И пришли на нашу на родиму сторону.
Как уж стали оружиями пристукивать,
Колотить они в полы да все прикладами:
Вы справляйтесь-ко, старушки да вы матушки,
Со этих-то домов да белокаменных.
Уж как я-то, горюша горегорькая,
10 Как я начала справлять любимых детушек:
Вы справляйтесь-ко, мои белые лебедушки,
Со своего да со хоромного строеньца.
Как пошли мы со хоромного строеньца
Да слезами-то горючими обливались.
Как уж выехали на чужу на сторонушку
По чужим углам да мы скиталися,
По чужой сторонушке шаталися,
Да все горькими слезами обливались,
Что ледяночки в Онеге колыхалися.
20 Не надеялись, горюхи горегорькие,
Когда придут к нам солдатики да красные
И избавят от фашистов от проклятых.
Подхожу как я, горюха горегорькая,
Как ко этому хоромному строеньцу,
Подломилися мои да резвы ноженьки
Лучше б вырвало ретливое сердечушко,
Уж как рвет мою несчастную утробушку.
Приотпустила я несчастных своих детушек
Как на эту на несчастну на сторонушку,
30 Как я жить буду, горюха горегорькая,
Хоть одна да бесприютна сиротиночка,
Уж как я бедная горюха горегорькая,
Сирота ведь я, горюха бесприютная.

- Моя силушка теперь да придержалась,
 Мои рученьки теперь да примахались,
 Мои ноженьки теперь да притоптались.
 Как я жить буду, горюха горегорькая,
 Сирота да этта бесприютная.
 Надо уезжать горюхе горегорькоей
 40 Опять на чужу на безродну на сторонущу,
 Опять на чужу согревающу на печеньку.
 Как мое-то да хоромное строеньице
 Приразломано у финнов окаянных.
 Приразломана кирпична бела печенька,
 Приразломаны полы да все дубовые,
 И приугнана рогатая скотинушка.
 И питаюсь я, горюха горегорькая,
 Я не вижу тут, горюшица победная,
 Ни ужина ни обеда ведь ни сладкого. . .
-
 50 Как я ждала тут, горюха горегорькая,
 Своего-то я сердечна мила дитятка,
 Слава богу, слава господу,
 Дождалась своего-то я сердечна мила дитятка
 И увидела, горюшица победная,
 Обрадело у меня ретливое сердечушко,
 Рассказала я сердечну милу дитятку,
 Как меня били у фашистов окаянных,
 Как сидела я во будке окаянной,
 Была больными ударами приударена,
 60 Была грубыми словами приогрублена.
 Уж я все перенесла, горюха горегорькая,
 Как ведь все эти удары да больные.
 Я сижу, бедная горюха горегорькая,
 На печи сижу — да ножкам холодно,
 За столом сижу — да брюшку голодно,
 Нет надеюшки у горюхи горегорькоей,
 Нет надеюшки да мне и заборонушки
 Негде повзыскать великого желаньица.
 Раз я собралась, горюха горегорькая,
 70 Хоть во это да во чистое во полюшко
 Собирать себе, как птица, хлебны зернышки
 Набрала-то я, горюха, их немножечко
 И пошла я в путь широкую дороженьку.
 А по той да по широкой дороженьке
 Налетала туча черная, страховитая,
 Накололась на фашиста на проклятого.
 Он ведь ехал на ступистой на лошадушке,
 Он приотнял колоски да эти хлебные,

Изломил из лесу палку толстую,
80 Он исклопал тут горюху горегорькую.
Я во ноженьках у него клубышком каталась,
Я как червышком во ноженьках свивалась,
Уж я горькими слезами обливалась,
Извинялась у фашиста у проклятого.
Не пожалел меня, горюхи горегорькоей,
Он повез меня во будку окаянную,
Как ворону со темна леса растрепану.
Посадили тут горюшу горегорькую
Как во эту будку да во темную,
90 Как за эти за решеточки железные.
Как со этих со окопов со несчастных
Приходила ко мне дочка на свиданьице,
Но не допустил враг проклятый полицейский
Она горькими слезами обливалась:
«Как стою я у решеток у железных
Как у этой я у будки окаянной,
Уж я горькими слезами обливаюся,
И прошу я тут начальника тюремного:
Покажи-ко ты родитель мою матушку,
100 Занести хоть ей кусочек бедной хлебушка.
Не пустил меня начальник супостатоей,
Приотправилась я, бедная лебедушка,
Не увидела родителя своей матушки.
Как пошла я тут да белая лебедушка
Во слезах пути-дороженьки не видела,
Всю дороженьку я рыдом ведь рыдала,
Всю дороженьку я плаком оплакала.
Тут спросили меня белые лебедушки,
Дороги мои да все подруженьки:
110 Ты не плачь наша да белая лебедушка,
Может, кончится война да государева,
Как придут наши удалы добры молодцы,
Как со этого отряда партизанского,
Разомкнут они тюремные решеточки
И разрубят проволоки все железные,
И отпустят родитель твою маменьку
На родимую твою да на сторонушку
Ко своим да ко сердечным ко детушкам».

74. ПРИ ВСТРЕЧЕ С ПЛЕМЯННИКОМ

- Как приду я на раскат-гору высокую,
 Как на эту на могилушку умёршую,
 Как ко своей ко сестричушке родимой:
 Расплетись-ко, мурава трава шелковая,
 Раскатитесь-ко вы, камешки катучие,
 Расколись-ко, гробова доска дубовая,
 Оттуль стань-восстань, сестричушка родимая,
 Налетите-ко вы, ангелы, архангелы,
 И внесите-ко душеньки в белы груди,
 10 А белый светушко во ясные во очушки.
 Ты восстань, моя сестричушка родимая,
 И пораздеем-ко великую кручинушку, —
 Я порасскажу, кручинная головушка,
 Я тебе, моя сестричушка родимая,
 Как приосталась я, кручинная головушка,
 Как со этими со малыми со детушками
 Как во этом Заонежском заточении.
 И трудно было мне, победной головушке,
 Как воспитывать сердечных милых детушек.
 20 Знаешь-ведаешь, любимая сестричушка,
 Ведь рученьки мои да примахались,
 Ведь плеченьки мои да придержались.
 Дожидаюсь я, победная головушка,
 И смотрю я во косивчаты окошечка,
 И выхожу на путь широкую дороженьку
 Не идет ли там любимый племятко?
 Ты, послушай-ко, родимая сестричушка,
 Получила скорописчатую грамотку
 Из того да Ленинграда из далёкого,
 30 Я взяла свою болезную-то внучушку
 И прижала ко ретливому сердечушку:
 «Ты послушай-ко, наша белая лебёдушка,
 У тя в живности желанные родители,
 Ты увидишь родитель свою маменьку,
 И прижмёт тебя родитель твоя маменька
 Ко своей-то белой грудушке».
 Ты послушай-ко, любимо моё племятко,
 Не покинь меня, победную головушку,
 Содержи меня, горюху горегорькую,
 40 Как до этой до злодейной до смерётушки.
 Ты послушай-ко, любимо моё племятко,
 Ты приедешь со родимой со сторонушки

Как во наше Заонежье красовитое,
Как ты встретишь свою белую лебёдушку
И прижмёшь к ретливому сердечушку.
Ты послушай-ко, любимо моё племятко,
Не покинула рождёно твоё дитяtko,
Воспитала я, горюша горегорькая,
Хоть и трудно было мне, победной головушке,
50 В этих три учётных долгих годышка.

А. Ф. СИЛКИНА

75. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Уж ты слушай-ко, родитель моя маменька,
Как на горочке судьбинушка стояла,
Тебя смерётушка там, верно, дожидала,
Ты уж слушай-ко, родитель моя маменька,
Как после тебя, родитель моя маменька,
Как я стану жить, кручинная головушка,
Мне тошнёшенько на родину захочется.
Как я приду на родимую на родинку
Приобомрет моё ретливое сердечушко,
10 Как я приду на родимую на родинку,
Как я погляжу на родимого на татеньку,
Как он сидит под косивчатым окошечком,
(«Отец был слепой»)
Как глядит он на раскат-гору высокую,
А на эту на могилушку умершую,
Воскликает тебя к обеду к полудённому,
А в вечеру ко позднему, ко ужину,
Всё он ронит ведь обидны горючи слёзы.
Я приду за́смотреть моего да татеньку,
Приобомрёт моё ретливое сердечушко,
20 Как вспомнишь памятью ретливое сердечушко,
А твоё-то да великое желаньице.
Нонь как стану жить, кручинная головушка,
Принакопится обидушки в головушке,
И никто по мне болезно не растужится,
И никто по мне ведь слёзно не расплачется.
Вспомню памятью великое желаньице,
Как приходила я на родную на родинку,
Как на перёном-то крылечушке встречали,
Ты плотнёшенько к сердечку прижимала,
30 Во сахарные уста да целовала,

Ты бы спрашивала у кручинной у головушки:
«Уж ты как живёшь, рождёно моё дитятко,
На чужой-то ты на дальней на сторонушке?»

Е. Т. СКОРНЯКОВА

76. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Не по старому теперь да не по прежнему
Не на местечке дом хоромное строеньице,
Не в ту сторону косивчатые окошечка,
Упавшее переное крылечечко.
Пораздумаюсь я, кручинная головушка,
Не во сне ли мне-ка это показалось,
Вот зашла я на переное крылечушко,
Не стоит моя родитель родна маменька
10 На этом на переноем крылечушке.
Не стречат меня, кручинной головушки.
Не обошлась ли я, кручинная головушка,
Я во этоем во чистоем во полюшке,
На этой на широкой на дороженьке,
Не на трудной ли была на на работушке
Моя милая родитель мила маменька?
Вот зашла я в дом хоромное строеньице,
Вот открыла я двери ихние дубовые,
Посмотрела я на лавочки брусковые,
20 Тут лежит моя родитель родна маменька,
Она под этими под белыми полотнами.
Тут подрезались мои да резвы ноженьки
Дыбом выстали волосушки на головушке,
Тут увидела я, кручинная головушка,
Не крепким сном моя родитель высыпается,
Она в глубокую могилушку справляется.
Тут жалела я, кручинная головушка,
На последнеем ведь я да на прощаньице
Не была я у родители у маменьки,
30 Ейна скорая была все смеретушка.
Далеко живу, кручинная головушка,
Я от своей от родимой от родинки,
От своих да от желанных от родителей,
Не успели светушки братцы родимые
Сообщить мне-ка, кручинной головушке,

Они об смерти об родители об маменьки.
Как жалела я, кручинная головушка,
Я не светлою водою умывалась,
А долго горькими слезами обливалась,
40 Я ходила на раскат-гору высокую
Я ко этиим ко желанным родителям,
Уж как в нынешню пору да все ли времячко
Я не птиченька там ведь чивыкала —
Во всю голову да там я все рыдала.
С того дня того, кручинная головушка,
Много на веку пережито-перенесено,
Много всячины у меня да перетерплено,
Не раскатывается могилушка укладиста,
Не выходят оттуль родители желанные
50 Не разделят со мной великой кручинушки,
Не принимают моей великой обидушки.
Лучше сесть мне-ка, кручинной головушке,
Уж на этот на катучий мне на камешек,
Мне повырыть тут великой обидушки,
Не узнают многи добрые ты людюшки
Про всю мою великую обидушку,
Не расскажут мне ведь добры людюшки.
Не показались мои желанные родители,
Не разделяли великой кручинушки,
Не приняли великой обидушки.
Пойду, бедная кручинная головушка,
Я со всей своей великой обидушкой,
Верно закроются мои-то ясные оченки
Со этой великой обидушки.

77. О ЖИЗНИ В НЕВОЛЕ

Только слушайте, народ, да люди добрые,
У меня как у кручинной у головушки
На своем веку на долгом
До этих пятидесяти годушков
Много горюшка пережито-перетерплено,
Неприятностей-то всяких перенесено.
Глупа-молода была белая лебедушка,
Молода вышла на остуду — чужу сторону,
Были строги богоданные родители,
10 Много боялась я, кручинная головушка,
Уважала богоданными родителями.

Столько водушки я ведь не пивала
Сколько слез горючих бедна проливала.
У меня как у кручинной у головушки
Много годушков надежная головушка
Не был при доме надежная головушка,
Не в бурлакушках он был да Петроградских,
И не во солдатушках он был да во запасных,
Он на этих на войнах кровопролитных,
20 Он во этих во окопах да во зяблых,
Он во этих во пленах да горегорьких.
Как вернулся мой надежная головушка —
Тут обрадовалася я, кручинная головушка,
Ноньку жизнь пойдет ведь мне-ка все хорошая.
Стали растить мы сердечных малых детушек,
У нас детушки были ведь послушные,
От их скорое мне было послушаньице,
От их великая была мне переменушка.
Вот пошли они во школы во учебные
30 Тут учились мои родны милы детушки
На хорошие они да на отличия.

.
Будет проклят этот злодей да окаянный
Уж как этот Гитлер кровопивный,
Он открыл эту войну кровопролитную,
Отогнал от нас сердечных милых детушек.
Скорописчатой мы грамотки не получали
Про своих да про сердечных не знали,
Про своих милых скачѣнных жемчужин.
Три я годушка кручинная головушка
40 Столько водушки я бедна не пивала,
Сколько слез бедна горюха проливала,
Я последнее здоровье потеряла.
За своих сердечных милых детушек
Все просила я ведь господа-то бога,
Я ведь эту царицу все небесную,
Чтобы унес господь фашиста окаянного
От нас да кручинных головушек,
Принес бы господи сердечных милых детушек.
Услышал господи моленье мое грешное,
50 Вот уехали фашисты окаянные,
Тут узнала я, кручинная головушка,
Про своих да про сердечных милых детушек,
Получила скорописчату я грамотку.
Слава богушку теперь да слава господа
До сих пор мои сердечны милы детушки,
. Мои миленьки скачѣнные жемчужинки

Они в живости теперь да и в сохранности.
 Мне бы жить теперь, кручинной головушке,
 Петь бы песенки теперь да веселиться,
 60 А уж я бедная кручинная головушка
 Я не песенки сижу теперь спеваю,
 А все горькими слезами обливаю.
 Уж как этии фашисты окаянные
 Они великой обидушкой обидели,
 Они великую покражу обокрали —
 От меня сердечное дитячко отняли,
 Уж как этую одну дочь единственную
 Они поехали с собой-то ю забрали,
 Не по охотушке, а, бедную, по неволюшке.
 70 Много горюшка ведь я перетерпела,
 Много трудностей да я ведь пережила
 Уж при этих фашистах окаянных,
 При этих напастниках проклятых.
 Они отняли у нас хлебушко трудовой,
 Много страсти да от них ведь мы привидели,
 И здоровьице да я ведь потеряла,
 И без памяти из за них да я лежала.
 Как уж прогнали фашистов всех проклятых,
 Тут поехали в свои мы во деревенки,
 80 Стали подъезжать к хоромному строеньицу —
 Дыбом выстали волосушки на головушке,
 Тут подрезались наши резвые ноженьки;
 Порастрепаны брусовы наши рамочки,
 Поразломаны хрустальные стеколышки,
 Сквозь хоромьишка вороньюшка летают.
 Сквозь окнишко воробьи все залетают.
 Тут страшилась я, кручинная головушка,
 Как мы заберем косивчаты окошечка,
 Но пораздумалась, кручинна я головушка,
 90 Мне не нужно хоромно ведь строеньице
 Я увижу ли пору да тое времечко
 Что увижу я сердечных милых детушек?
 Я больная мать, кручинная головушка,
 Призабаюсь с ними единое словечушко.
 За этих три горегорькних-то годушка
 Принаскоплено великой обидушки,
 Рассказать бы мне сердечным милым детушкам.
 У меня-то во кручинной во головушке
 Нет породушки у меня да родовитой,
 100 Нету при доме сердечных милых детушек,
 Не с кем разделять ведь сердечной кручинушки,
 Некому рассказать великой обидушки,

Нету в живности желанных родителей,
Нет в породушки сестричушек родимых,
Нету при доме светушков братцев родимых,
Не в бурлакушках они, также в солдатушках
Уж на этой войне кровопролитной.
Нонько жду конца войны кровопролитной,
Жду я в живности сердечных милых детушек
110 На раздеюшку великой обидушки,
Я больная мать, горяша горегорькая.
Мои рученьки от работушки приломались,
Мои ноженьки от дороженьки притопались,
Моя силушка да вся ведь придержалась,
Помешался ум во младой во головушке,
Размысленьице в ретливое сердечушке.
Уж как во эти три учётных долгих годушка
Столько водушки у меня да не перепито,
Сколько слез да у несчастных перелито,
120 Переболела вся несчастная утробушка
Перержавелось ретливое сердечушко
По своим да по сердечным по детушкам.
Нонь дождаться бы сердечных милых детушек
На свою да на родимую сторонушку,
Много раз бы я молитовку сотворила,
Перед господом глаза перекрестила,
Как бы увидеть мне сердечных милых детушек.

А. Ф. СТАФЕЙКОВА

78. ПО СЫНУ, ПОДОРВАВШЕМУСЯ НА ВРАЖЕСКОЙ МИНЕ

Натащило эту тученьку громовитую,
Налетели эти вóроны граючие
Как на нашу на деревню на Лисицыно,
На наши-то дома да на колхозные,
Разгромили всё моё хоромное строеньице,
Приразбили все хрустальные стеколышка,
Растеряли всю любимую скотинушку,
Запустили все поля да хлебородные.
Как во эти три учётны долгих годушка,
10 Как приехало начальство грубиятое,
Как наехало господ златопогонных,
Закричали, зарычали, словно нехристи.
Собралися с порядовыми соседушками,

Мы каточками горюхи все каталися,
Червущками горегорькие свивалися,
Как уезжали из деревни из Лисицыно,
Покидали мы хоромное строеньице.
И ещё скажу, горюха горегорькая:
Растеряла я всю любимую семеюшку,
20 Своих миленьких сердечных многих детушек,
(«Было 12 человек, а теперь осталась одна „белая лебёдушка“»)
Разудалых этих добрых молодцев.
Как я стану жить нонь, горюшица победная,
Без своих-то соколочков яснокрылых?
Будьте прокляты, злодеи супостатые,
Приобидели сердечна мого дитятка,
Как вы взяли во проклятые во лагеря,
За колючие за эти загражденьица.
Как три годышка сердечно моё дитятко
Будто птиченька во клеточку засажена,
30 Как у этих у фашистов окаянных.
Моё прирвало ретливое сердечушко,
Как уж в эти три учётных долгих годышка,
Сколько воды горюшица не выпила
Сколько слёз горючих я прóлила.
Помешался ум во младой во головушке,
И помутился свет во ясных моих óчушках.
Уж как вспомню я, горюшица победная,
Как учила я сердечных своих детушек,
Как я думала, горюшица победная,
40 Будут хлебушки мне-ка безыменные,
И не надеялась я этой скорой смерётушки
Я сердечному-то своему дитятку.
Уж как три прошло учётных долгих годушка
Потеряла я сердечного-то дитятка,
Ни письма мне нет ни грамотки,
Никакой мне нету ноньку весточки.
Я так и думаю, горюшица победная,
Что не видать сердечного мне дитятка,
Уж как вспомню сердечно своё дитятко,
50 Его ласковы прелестные словечушка.

79. О РАЗРУШЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

Как вернулась я от фашистов окаянных,
Как от этих палачей да немилосердных
В свою милую красивую деревенку,

В которой не бывала два года с половиною.
Зарослася путь широкая дороженька
В эту милую красивую деревенку,
Как мы не были два года с половиною,
И не видали мы кругла малого озёрышка,
И не видели мы пароходов скороходных,
10 И не видели мы моторочек колхозных,
И не получали мы писем-грамоток,
Как говорил мне-ка сердечно мило дитятко,
Что погибнул от злодеев супостатных:
«Хорошо теперь, родитель моя маменька,
В нашей милой красивой деревенке,
Я пойду гулять на круглое озёрышко,
Буду кормить тебя рыбкой всё хорошей».
Не пришлось удить сердечному моему дитятку,
Не пришлось бывать на круглом на озёрышке.
20 Приходили мы в свою милую красивую деревенку,
Заросли все пути да все широкие дороженьки,
И опустели все хоромные строеньица,
И поломаны все хоромные строеньица,
Порасшиблены хрустальные стеколышка,
Порастрёпаны кирпичны белы печеньки,
Порассвистаны двери наши дубовые,
И увезены хоромные строеньица,
Или пожганы палаты белокаменны.
Посмотрели как на нашу на деревенку,
30 Собралися спорядовые соседюшки
Как во эту во деревенку Лисицыно,
Порасплакались горюхи горегорькие,
Порасстроились несчастные головушки.
Как мы жить станем, горюхи горегорькие,
Как позапущены поля да хлебородные,
Нету при доме надёжных головушек,
Нету на дворе ступистых лошадушек,
Не на ком пахать полей да хлебородных
Нету на дворе любимых коровушек.
40 Как растить будем любимых своих детушек,
Как не доит у нас любимая коровушка,
Поубивали их всех враги да окаянные.
Погоревали мы спорядовые соседюшки,
Погрустили о домах да о строеньицах,
Поразрушены хоромные строеньица,
Позаброшены поля да хлебородные,
Позапущены луга да сенокосные
И поразвезены богатства все колхозные.
И решили все спорядовые соседюшки

- 50 Выйти гуртом на поля да хлебородные,
Как на эти на лужка да сенокосные,
Как ходили до фашистов до проклятых,
Как до этих-то злодеев супостатных.
Закипела у нас трудная работушка,
Стали пахать поля да хлебородные,
Стали скашивать лужка да сенокосные,
Протоптали все пути широкие дороженьки
Как во эту во любимую деревенку.
А из нашей-то деревенки Лисицыно
- 60 Протоптали мы широкую дороженьку,
Поведёт широкая дороженька
В Москву матушку великую,
К дорогим сыночкам красным воинам.

80. ПО СЫНОВЬЯМ

(Запись 1945 года)

- Как началась война да кроволитная,
И мы остались да престарелые головушки,
Как у этих у фашистов у проклятых,
Потерпели много горюшка-досадушки.
Как у меня да у кручинной головушки,
Было два всего сыночка красных сокола,
Недорослые они да деревиночки,
Недозрелые они да ягодиночки,
Как попали ко фашистам окаянными,
- 10 Увезли их в лагеря да заключённые,
Уж как мой-то нонь сердечно мило дитятко,
Как сынок да мой Иванушко,
Не подчинялся он фашистам окаянными,
Не хотел работать ихнюю работушку,
Заставляли как работать его плётками,
Избивали моего сердечна дитятка,
Как не бьёт пастух своей скотинушки,
И не бьёт охотник зверя лютого,
Так избивали моего сердечна дитятка.
- 20 Кровь ручьем лилась со младой со головушки,
Уж как мой-то сердечный милый дитятко,
На походочку да он ведь чвакотливенький,
На разговорушко да он ведь щекотливенькой,
Но попал он на лихих злых врагов,

Всё искал он путь-широкую дороженьку,
Чтобы уйти да от фашистов от несчастных,
Но не пришлось уйти сердечному-то дитятку,
Арестовали его фашисты окаянные
И замнули под замки да они крепкие,
30 Мою миленьку скачѐную жемчужинку,
Моего милого красавца ненаглядного.
Уж как в сорок-то четвертом да годышке,
Наша доблестная Красная Армия,
Наши ясны сокопочки сизокрылые,
Освободили как сердечна моего дитятка,
И пошѐл моѐ сердечное-то дитятко,
Он пошѐл да на защиту своей Родины,
Бодро дрался он с фашистом окаянным,
Направлял он минометы бысролетные,
40 Как на этих на фашистов окаянных.
Как моего-то сердечна дитятка,
Как за его да боевые проявления,
Наградило как советское правительство.
А теперь моѐ сердечное-то дитятко,
Он лежит да во больнице во военной,
Его лечат доктора да многознаючи,
Уж он пишет скорописчатые грамотки,
Уж он хочет повидаться со родителем.
А второй-то ведь сынок Васильюшка,
50 Недорослая ведь он да деревиночка,
Недозрелая ведь он да ягодиночка,
Как исполнилось ему шестнадцать годышков,
Погубили его вороги проклятые,
Буде прокляты они да разнесчастные!
Как пошел моѐ сердечна дитятко
Посмотреть окопы белофинские,
Там оставлена ведь мина разрывчатая,
И взорвалась эта мина окаянная
И погубила как сердечна моѐ дитятко.
60 Уж как мой-то он любимый сынушко,
На походочку он был да чвакотливый,
На разговорушко-то щекотливый,
И красавец-то он был да ненаглядный,
Много приняла тоски да и досадушки,
Я во сорок-то четвѐртом этом годушке.
Лучше выстать бы мне на гору высокую,
Да и пасть бы мне во водушку глубокую,
В это круглое Онежское озѐрышко,
Чем расстаться со сердечным милым дитятком,
70 С этим милым соколочком сизокрылым,

Жалко от тоски сердечна мила дитятка,
Уговаривал сердечно мило дитятко,
Как успокаивал кручинную головушку:
«Не грусти, моя родитель мила маменька,
Не грусти, моё родительско желаньице,
Как я повьучусь удалый добрый молодец,
Как ко этим ко наукам многоучным,
Буду-ко работать на советской на работушке,
Буду кормить-поить родитель тебя, маменька,
80 Я засыплю как казной да все бессчётной».
Вспомню-вспамятую, кручинная головушка,
Его милые прекрасные словечушка.
Рвутся рвет моё ретивое сердечушко,
Разрывает да материнскую утробушку,
Как я растила сердечных милых детушек,
Много видела я голоду и холоду,
И теперь ноженьки мои да притаскались,
Мои рученьки теперь да примахались,
90 Помешался ум во старой во головушке,
Как доростить мне станицу неудольную,
Как доростить мне любимых моих детушек?

81. ПО УМЕРШЕМУ МУЖУ

(Запись 1957 года)

(«Я на могилу как прихожу»)

Как мне сесть, кручинной головушке,
Как на эту на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилку на дернистую,
Как мне ко своей сесть ко надежной все головушке.
Как сегодняшним господним божьим денечком,
Как по этому по раннему по утрушку,
Я спала на перинной на постелиньке,
Как на этой на пуховой на подушечке,
Прилетела скоропеччатая пгиченька
10 Она тонким носочком колотила,
Она жалким голосочком воспевала:
Уж ты встань-восстань, кручинная головушка.
Ты иди-ка на раскат-гору высокую,

- Тебя ждет твоя надежная головушка
Он ведь в живности, надежная головушка,
Там построен дом хоромное строеньеице,
Тебя ждет в гости надежная головушка.
Согрей ты самоварчик-то шумячий,
Покладены там чашечки фарфоровы,
20 Положены там прянички медовые.
Поставлены там вина да заморские.
Как вскочила тут кручинная головушка
И пошла она на раскат-гору высокую,
Обманула скоропевчатая птиченька —
Нету в живности надежной головушки.
Я расстроилась, кручинная головушка,
Я от малости в радости не бывала,
От рожденьица весельица не ведала,
Росла я сиротой да бесприютною.
- 30 Не исполнилось трех учётных долгих годушков,
Тут не стало ведь у меня родителя родна батюшка,
Только-только мне двенадцать миновало —
Померла родитель моя маменька,
А шестнадцать только лет мне миновало —
Вышла замуж на чужедальнюю сторонушку,
Вышла замуж во семью да во большую,
(«Шестнадцать человек было»)
Не любили там горюхи да горегорькоей.
Принакопила я станицу малых детушек
Мои ноженьки от дороженьки притопталися,
40 Мои рученьки от работушки примахалися.
Помутился свет во ясных во оченьках.
Помешался ум во старой во головушке.
Как прошел мой век-то уж в работушке, в заботушке,
Я ходила все по лавочкам по торговым,
Я искала много доброго здоровьица
Своей миленькой надежной головушке,
Не нашла я ему доброго здоровьица
Кабы знала я, кручинная головушка,
Что в кой час придет злодейная смеретушка,
50 Не пожалела бы я да казны да все бессчётной,
Откупила бы надежную головушку.
Нашлись тут как врачи да незнаючи,
Погубили тут надежную головушку
И так рассталась я с надежною головушкой.

82. О СЫНЕ, КОТОРЫЙ ПОГИБ ОТ ВЗОРВАВШЕЙСЯ МИНЫ

(Запись 1957 года)

- Мне-ка сесть было, кручинной головушке,
Как на эту на зеленую дубравушку,
Ко своему сердечному-то дитятку:
Слушай миленько, сердечно мое дитятко,
Что ты сделал, мое миленькое дитятко,
Ты оставил меня, горюшу горегорькую.
Буде прокляты фашисты окаянные,
Буде прокляты эти лайбаки проклятые.
Погубили наших сердечных милых детушек.
10 Принаставили минищев этих вредных,
Пошел мое сердечно мило дитятко
Посмотрети на устройство майорово
(«Землянка, которую занимал майор»)
И взорвалась там мина та окаянная,
Там погиб мой сердечный милый дитятко.
Как угваривал сердечный милый дитятко:
«Не горюй, родитель моя матушка,
Настала нонь пора наша советская,
Как повыучусь, удамый добрый молодец».
Мой-то миленький сердечный милый дитятко
20 На походочку он был да щекотливый,
На разговорushках ведь он да чвакотливый
(«Ну такой он был развитый парень»)
Жалко от тоски кручинной головушке
Лучше выстать бы мне на гору высокую,
Лучше пасть бы мне во водушку глубокую,
В круглое Онежское озерушко,
Чем расстаться мне с сердечным милым дитятком.
Я увижу друзей его товарищей
Рвется-рвет мое ретиво сердечушко,
Нет недеюшки кручинной головушке,
30 Не придет твой сердечный милый дитятко.
Навсегда ушел сердечный милый дитятко.
Засыпало землей его навеки.

(Ну а больше я не могу. Я была там, где он погиб. Мы пошли туда за картошкой. Вдруг взрыв, как будто 100 оружий, один за другим залпы. Я и подумала, что ребята наши там. И их взорвало. Их не нашли. Мой сын шел впереди, он 28 года рождения, шел с фонарьком. Интересно было посмотреть ему — там майор жил).

83. ПО СЫНУ, ВЗОРВАВШЕМУСЯ НА ВРАЖЕСКОЙ МИНЕ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Как спала я на перинной на постелюшке,
Как на этом крутоспальном на зголовице,
Прилетела скоропеччатая птиченька,
Она села на крутоспальное зголовице:
«Ты вставай, вставай, горюха горегорькая,
Ты иди в гости к сердечному своему дитятку.
Тут приехали многоучны миномётчики
И присняли они мины окаянные,
10 Что поставили злодеи супостатные,
Тебя ждёт в гости сердечно мило дитятко».
И пошла теперь, горюха горегорькая,
Как на эту на раскат-гору высокую,
Где погибнул мой сердечно мило дитятко,
Дорогой мой сын Васильюшко,
Как от этой от мины окаянной,
Как от этих от злодеев супостатных.
Нету в живности сердечна мила дитятка
Хоть говорила скоропеччатая птиченька:
20 «Тебя ждёт в гости сердечно, мило дитятко,
Там поставлена палата белокаменна,
И прорублены косивчаты окошечка,
Там обнесены брусовы белы лавочки,
И постланы скатерти там тонколянные,
Там согреты самоварчики шумячие,
И поставлены там чашечки канфорные,
Поставлены вина там заморские,
И налажено там пряничков медовых».
— Я пришла да на раскат-гору высокую,
30 Там стоят только землянки окаянные,
Нету в живности сердечна моего дитятка,
Нету в живности соколочка сизокрылого,
Нету в живности красавца ненаглядного,
 Попрошу я пресвятую богородицу,
Чтобы завеяли ветрышки буйные,
Разнесло бы там земелюшку песковатую
И раскололась бы да гробова доска дубовая,
И разорвались бы саваночки тонколяные.
Уж ты стань-восстань, сердечно моё дитятко,
40 Заговори со мной ласково словечушко,
Если б знал ты мой, сердечно мило дитятко,
Как я страдала всё, горюха горегорькая,
По тебе, моё сердечно мило дитятко.
Как я увижу всех друзей твоих товарищей,

Как пойдут они на учёбу многознающе,
И рвутся-рвёт моё ретливое сердечушко,
Разрывает мою несчастную утробушку,
Как я жалею тебя, сердечно мило дитятко.
Не пришлось тебе учиться да доучиваться.
50 Вспоминаю я твои ласковы словечушки
Как уговаривал меня сердечно мило дитятко:
«Не грусти, моя родитель мила маменька,
Поизбавят нас от злодеев супостатных,
Так я выучусь, удалый добрый молодец,
Буду работать на работах на советских,
Помогать тебе буду, родная матушка».
А вот что сделалось с сердечным милым дитятком,
Как говорила я сердечному своему дитятку:
«Не ходи, сердечно мило дитятко,
60 Как во эти во вредные во Тѣмбицы,
Как на этот ты на берег на крутой,
Что наставлено там минов окаянных».
Не послушал мой сердечный милый дитятко.
Если бы знала я, кручинная головушка,
В какой час придёт злодейная смерётушка,
Не пожалела бы я казны да бессчётной,
Я бы продала хоромное строеньице,
Всю бы продали любимую скотинушку.
И откупили бы сердечна своего дитятка:
70 «Ты иди, иди злодейная смерётушка,
Ищи старого, злодейная смерётушка,
Ищи малого, злодейная смерётушка,
Или убогого, злодейная смерётушка,
Ты оставь моего сердечна мила дитятка,
Моего да соколочка сизокрылого,
Этого милого красавца ненаглядного».
Будьте прокляты, злодеи супостатые,
Трижды прокляты, злодеи окаянные,
Чтобы разорвало их да окаянных.
80 Погубили вы сердечна мила дитятка,
Жалко от тоски сердечна мила дитятка.
Не могу забыть ни днем, ни ночью.

А. П. ТИФАКИНА

84. О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

Как моя-то уж кручинная головушка
С камешков да она складена,
С кирпичу сердечко сложено,

Бела грудь с железа скована.
Как в моей-то уж в кручинной головушке
Накопился кручинушки в головушке,
А в сердечушке обидушки
В летний денечек не высказать,
В вешний денечек не выписать.

10 Уж как первая кручинушка —
Нету при доме законной семенюшки,
Нету в живности сердечных милых детушек.
Как за эти учётны долги годушки
Растеряла я рождёных милых детушек,
Я отправила не в город во бурлакушки.
Не приходит скорописчатая грамотка,
Верно нету в живности рождёных моих детушек.
Уж вторая-то обидушка —
Приобидели кручинную головушку,

20 Меня выгнали с хоромного строеньца
Уж как эти-то злодеи супостатные.
По чужим углам скитаюся,
Я слезами обливаюся.
Приотняли как удоисту коровушку,
Приобидели злодеи супостатные,
Нарушили дом хоромное строеньце
И разбили нонь кирпичну белу печеньку.
Как приду я тут, горюшица, —
Все пустым стоит пустёшенько,

30 Принарушена усадьба красовитая,
Призапущены поля да хлебородные,
Призарощены лужка да все зеленые.
Уж как жили три учётных долгих годышка
Как у этих-то злодеев у несчастных,
У зверей да у косучиих,
У фашистов у проклятиих.
Надрывалися, злодеи, издевалися,
В лагерях за проволокою
Над моим баженым дитятком.

40 Как поехали злодеи супостатые,
Повезли мою скачёную жемчужинку.
Сделал ловкость тут рожёно мое дитятко,
Убежал он со пути да со дороженьки,
Прибежал да ко несчастной ко мне маменьке.
А уж как нонечку-теперечку,
Пожелал он в Красну Армию,
Отомстить врагам проклятым.

85. В ОЖИДАНИИ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ

- Рассказать мне-ка, горюхе горегорькой,
 Про свою мне-ка ведь жизнь да горегорькую,
 Как осталась я от родителя от маменьки,
 Годами-то осталась я малешенька,
 А умом разумом осталась я глупешенька.
 Уж я возросла до полного до возраста,
 Но от рожденьица весельица я не видала,
 И без своей как без родителя без матушки
 Себе прибрала да я законную семеюшку,
 10 И вышла я на чужу на сторонушку.
 Наносила я сердечных-то детушек.
 Тут отпустила я законную семеюшку
 Как во эти во бурлаки во топорные,
 И осталась я со малыми со детушками,
 А семья-то вся была да не союзная,
 И трудно тяжело было жить горюхе горегорькой.
 Тут открылась как война-то да гражданская,
 Тут и взяли мою законную семеюшку,
 Я осталась тут горюха горегорькая
 20 И со малыми со детушками.
 Как я растила-то сердечных-то детушек,
 Столько водушки-то я, горюха, не выпила
 Сколько слез я горюха повылила.
 Получила я, горюха горегорькая,
 Как от миленькой от законной от семеюшки,
 А не радостну я весточку — печальную,
 Что нету в живности законной семеюшки,
 И осталась тут горюха горегорькая,
 Сирота да бесприютная.
 30 На печи-то я сижу — да ножкам холодно,
 За столом-то я сижу — да брюшку голодно.
 Уж как растила я да сердечных малых детушек
 Ведь годами-то, горюха, не старешенька,
 Моя силушка стала да вся малешенька,
 Притоптались мои резвые да ноженьки,
 Примахались мои белые-то рученьки,
 Помешался ум во молодой во головушке,
 А размышленице в ретливом во сердечушке,
 Помутился свет во ясных во очушках.
 40 У меня, бедной горюхи горегорькой.
 Все от трудной крестьянской работушки,
 От тоски да той неугасимой.

Мои выросли сердечны милы детушки,
Уж я выдала на чужую их на сторонушку,
Сама ездила горюха горегорькая,
Как на эту на чужу на сторонушку.
Уж я пожила на чужой на сторонушке,
Захотелось мне, горюше горегорькоей,
Ко своим-то ко сердечным милым детушкам,
50 Ко своим-то ко болезненным ко внучаткам.
А потом выдала я рождёного да дитятка
Как на эту на чужую на сторонушку,
Пять лет жило сердечно мое дитятко.
И тут открылась как война да кровопролитная,
Как уехало сердечно мое дитятко
И со малыми болезными-то внучатками,
И нападала как тоска неугасимая
На мое белое ретливое сердечушко.
Никогда да я, горюха горегорькая,
60 Не забыла сердечно мило дитятко.
День и ночь бедная горюха я все думала,
Все головушку бедну свою ломала,
Что увижу ли я сердечно свое дитятко?
Получила тут я весточку да радостну
Есть ведь в живности сердечно мило дитятко,
Мои миленьки болезные-то внучатки.
Я на радости-то, горюха горегорькая,
И не мечтала я, горюха горегорькая,
Что увижу я сердечного-то дитятка.
70 И вот уснуло сердечное-то как дитятко
И смотрю я на него да не наглядаясь,
Потому бедная горюха горегорькая,
Что бесприютная да я, горюха горегорькая.
И нонь мечтаю я, горюха горегорькая,
Что придут у них законные семеюшки
Ко своим-то да ко малым ко детушкам.

А. Л. ТИХОНОВА

86. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПИСЬМА

Сяду я да на поляну хлебородную,
Как на этии лужка да сенокосные,
Распушу я свой унылый жалкий гóлосок.
(«Пашу, пашу да лягу и зарычу, встану да опять пашу»)

Вспомню я про прежнюю про жирушку,
Как жила ведь я с законной семеюшкой,
Много было сердечных малых детушек,
Но было легче жить кручинной головушке.
Как отправила законную семеюшку,
Как на эту войну на кроволитную,
10 Получила скорописчатые грамотки
От своей да от законной семеюшки.
Заступили как враги да лиходейские
Как на наши на поля да хлебородные,
Растащили всё хормное строеньице,
И нарушили рогатую скотинушку,
Увели да всех ступистых лошадушек
У меня, да у горюхи горегорькоей,
У моих да у сердечных малых детушек.
Тяжело мне жить, кручинной головушке,
20 Со своими со сердечныма со детушкам
Как без этой без рогатой без коровушки.
Как наехали злодеи супостатые,
Приужахнулось ретливое сердечушко,
Они сделали ведь обыски повальные,
Приобидели рождёных моих детушек
И приотняли кусок последний хлебушка.
Как запросят хлеба мои рожёны детушки,
Я уж бранными словечками ругала
Уж я больными ударами ударяла:
30 «Не просите-ко, рожёны мои детушки,
Негде взять кручинной головушке,
Отобрали всё злодеи супостатые,
Рвётся-прирвало ретливое сердечушко
У меня, кручинной головушки».
Как теперешней порой да порой времячком,
Дождалась я скорописчатую грамотку,
От своей да от законной от семеюшки,
Что ль со этиих рядов да с Красной Армии,
Тут растаяло ретливое сердечушко.
40 Через этиих да долгиих три годышка
Наскопилось великой кручинушки,
И пораздумаюсь, кручинная головушка —
Напишу я скорописчатую грамотку
Своей миленькой законной семеюшке:
«Уж ты бей врага проклятого,
Отомсти ему за эти за три годышка,
Как держали нас в плену да в окаянном».
Я возрощу сердечных малых детушек
Я отправлю во ряды да Красной Армии

- 50 И накажу я им, кручинная головушка:
«Уж вы бейте-ко врага да окаянного,
Отомстите-ко за эти за три годышка,
За горюху горегорькую,
За мою кручинную головушку»

О. М. ТРОШКОВА

87. О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

- Как сегодняшним господним божьим денечком,
Получила я великую невзгодушку,
А невзгодушка была да страховитая,
А разлукушка была да нам немерная,
Как увезли моего законную семеюшку,
Как уж взяли в города да незнакомые,
Во прозваньица взяли тяжелые,
Под замки его да под железные,
А под стражу его да под заключенную,
10 Не видать ни письма и не грамотки
От своего-то законного семеюшки.
И осталась я, горюха горегорькая,
Со своими я со рожёными со детушками.
Недорослые они да деревиночки,
Недозрелые они да ягодиночки.
Приужахнулось ретивое сердечушко:
Как я выращу рожёных своих детушек?
Воспитать-то ведь их надо по-хорошему,
А уж я теперь стала престарешенька,
20 Резвы ноженьки мои да притоптались,
Белы рученьки мои да примахались,
Моя силушка теперь да придержалась,
Потерялся свет во ясных во очушках,
Голова стала моя да преседаю,
Ума-разума в головушке нехватает,
А размышления в ретливом сердечушке,
За столом сижу — да брюшко голодно,
На печи лежу — да ножкам холодно.
У нас не сладко было уеданьице,
30 И не чайно было да упиваньице.
Придут празднички годовые,
У нас слезушки были готовые,
После своей-то законной семеюшки
Как у моих у рожёных у детушек

Вся обутка придержалася
 И одежда вся прирвалася,
 Не в чем выступить рождённым моим детушкам.
 Все завидовали спорядовые соседушки,
 Что не скружили меня детушки
 («Что небольшое стадушко»)

40 Уж я думала, кручинная головушка,
 Что переживу учётны скудны годышки,
 Как повыростут мои рожёны детушки,
 Заживу я будыто сыр в масле катаючи.
 Ноньку выросли они до полного до возраста,
 Испотребовали их на службу на военную,
 Защищать пошли свою да Родину
 От врага да супостатного.
 Наступали тут враги да супостатные
 Они заняли Заонежье наше заонежское,

50 Разделили нас со рожёнными со детушками,
 Не получала я не писем и не грамоток
 От своего от рожёна мила дитятка.
 А со вторым-то с рожённым со дитятком
 Как остались у врага да супостатного.
 Нас разбили со рожённым милым дитятком
 По лагерям по этим по незнакомым,
 По лесам да по дремучиим,
 По проволочкам по колючиим,
 Сторожа да были строгие,

60 Со кнутом и со винтовками.
 А работы были тяжелые.
 Тут не знала про рожёна я про дитятка,
 Потеряла я из глаз рожёно дитятко.
 Работушка мне была непосильная:
 Все гоняли на дорогу, окаянные,
 Землю черпали да все лопатами,
 Разбивали камни и коренья кирками.
 Потеряла я там все здоровьице.
 Уволили кручинную головушку

70 Как с этого со лагеря проклятого.
 Еле ноженьки да я передвигала,
 Еле рученьками я тогда махала,
 Потеряла свет во ясных во оченках,
 Лишь тогда меня со лагеря уволили.
 Уж как мое рожёное-то дитятко,
 Он три годушка был в лагерях дорожных,
 Как наступила Красна Армия могучая,
 Как побежали эти финны окаянные,
 Как забирали они рожёных наших детушек,

- 80 Посажали во моторки во моторные,
Не хотелось им уехать с родной стороны,
Как со этими врагами окаянными.
Разбегались по лесам да по дремучим,
Разбегались по селам по жилецким
И урвались на родиму на сторонушку.
Как уехали супостаты белофинские,
Тут пришел мое сердечно дитяtko,
Ко своей-то ко родимой ко матушке,
Чуть не голешенок он, да чуть не босешенок.
- 90 Уж я обрадовалась, кручинная головушка,
Что я дождалась свое роженое мило дитяtko.
Пожила я учётную неделюшку,
Как призвали моего сына в Красную Армию,
Отомстить врагу да супостатному,
Что с три года мучили его, роженое дитяtko,
В лагерях да этих белофинских.
Приобрадовалось ретивое сердечушко,
Что стоит он на пути да на дороженьке,
Что он учится во школе пулеметной,
- 100 Но осталась я, горюха горегорькая,
Безо всякой да я без надеюшки.
Так я думаю, кручинная головушка,
Как доживать буду до злодейной до смеретушки,
Уж не топить мне-ка кирпичной белой печеньки,
И не кормить себя, кручинной головушки.
Ноньку думаю, кручинная головушка,
Кабы прикончили врага да супостатного,
Уж вернулись бы сыночки все родимые,
Уж не бросили бы родителя да маменьки.
- 110 Уж и зажили бы мы да не по-старому,
Не по-старому бы зажили, по-новому,
Кабы прикончили врага да супостатного,
И улучшилась бы жизнь наша по-лучшему.

А. А. ТРОФИМОВА

88. В ОЖИДАНИИ ПИСЕМ

Как повыстану, кручинная головушка,
Я по утрышку ранёшенько,
Обойду я по сараям колесистым,
По своёму по хоромному строеньицу,
Погляжу я на косивчато окошечко,

Не выстало ли красное праведное солнышко.
Как повыйду я на широку на уличку,
Погляжу я под полуденну сторонущу,
Не идёт ли пароходик скороходливой,
10 Да не едут ли рожёны мои детушки,
Не с бурлакушков они да со солдатушков,
Да с войны они с кровопроливчатой.
Я обрадуюсь, кручинная головушка,
Как увижу я рожёных своих детушек.
Наверно век того не водится,
Да живой с мертвого не родится,
Да во сне они мне не покажутся,
Да наяву они мне не объявятся.
Мне-ка жаль своих рожёных детушек,
20 Крепко рвёт моё ретивое сердечушко,
Ушибат меня тоскливая тоскинушка.
Я желаю своих рожёных детушек
Повидать, хотя бы правым своим глазочком.
Кабы была я птицей-пташицей,
Если б были у меня златые крылышки,
Я слетала бы на фронт да на могилушку,
Разыскала бы я ихние-то косточки,
Придала бы я их ко матушке-сырой земле,
Я повыклала бы буювку-могилушку,
30 Я со дёрну да со зелёного,
Я поставила бы да цветочки лазурные,
Да сходила бы на буювку-могилушку,
Каждый день к рожёным своим детушкам.
Но я не сделаюсь птиченькой да пташечкой,
И не слетать мне ко рожёным своим детушкам,
И не собрать мне ихни косточки.
Не богатая ведь я богатенька,
Не словутушка ведь я словутная,
Нет у меня да золотой казны бесщётной.
40 Как решились у меня рожёны детушки,
Положили они свои младые ведь головушки,
За свою ведь Родину великую,
Я ведь растила, кручинная головушка,
Я ведь многих рожёных своих детушек,
Одно стадушко я растила гусиное,
Друго стадушка я растила лебединое.
Распустила я рожёных своих детушек,
Я по службам по военным,
Нет надеюшки у мя да переменушки,
50 От рожёных от бажёных моих детушек.

89. ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

Уж как встану я да беднушка,
 Я, горюха горегорькая,
 Я по утрышку ранешенько,
 Погляжу-ко я в косивчато окошечко,
 Сквозь хрустальные стекольшка,
 Там не катится ль карета темнобархатна,
 Там не едет ли законная семеюшка,
 Как ко мне да ноньку ко лебедушке,
 Ко своим-то роженным милым детушкам?
 10 Уж я вышла на крылечко на переное,
 Там не едет ведь законная семеюшка,
 Он ко мне да ко законной ко семеюшке,
 Он ко своим ко рожёным малым детушкам.
 Тут сказали люди добрые,
 Что убита ваша законная семеюшка,
 Он во сне да не покажется,
 Наяву да он не объявится,
 Тут убили как злодеи супостатные
 Как мою-то да законную семеюшку.
 20 Вы послушайте, рожёны малы детушки,
 Что скажу ведь вам, горюха горегорькая,
 Уж я солдаточка победная,
 Как нет у вас в живности родителя-татеньки
 И нет великого желаньица.
 Там убили все злодеи супостатные
 Уж как вашего родителя все татеньку.
 Добры людюшки по нем все находились,
 Добры конюшки по нем все натоптались,
 Черны вороны глаза на нем повыклевали.
 30 Уж как умер бы законная семеюшка,
 Как на своей на брусовой белой лавочке
 И тут бы знала ноньку беднушка,
 Что был при доме хоть законная семеюшка.
 Уж я ходила на Искат-гору высокую
 Я на эту на умершую могилушку,
 Я по утрышку ранешенько,
 Я по воскресному обедушку
 И рассказала бы я беднушка,
 Свою ноньку я кручинушку,
 40 Я великую обидушку.
 Что как нету у меня законной семеюшки,
 Как убили у меня у беднушки,

Все злодеи супостатные,
Нонь законную семеюшку.
Ты послухай-ко, законная семеюшка,
Что скажу я ведь ноньку, беднушка:
Была выгнана с хоромного строеньица,
Уж как жила я ведь беднушка,
Как на чужой на сторонушке.
50 И ты послухай-ко еще, законная семеюшка,
Что скажу еще я, беднушка:
И нет ступистой лошадушки,
И нет удойной коровушки.
И у меня ноньку у беднушки
Нонь поломано хоромное строеньице
И поломаны хрустальные стеколышка,
И поломана кирпична бела печенька.
И ты послухай, законная семеюшка,
Что скажу тебе, кручинная головушка,
60 Как у меня ноньку у беднушки,
Нет во живности рожёного сердечна дитятка.
Уж как сделалось тяжелое раненьице,
Уж как свезен в города да незнакомые,
Во прозваньица тяжелые,
К докторам да незнакомым,
Уж как умер нонь сердечно мило дитятко,
Уж не видала я ведь, беднушка,
Своего сына рожёного.
При последи поры времячко,
70 При его трудной тяжелой постелюшке,
Как увезеный за водушки глубокие,
Он за горушки высокие,
Он за лесушки за темные.
Уж не бывать как мне-ка, беднушке,
Как на этой на умершей могилушке,
Он во сне мне не покажется,
Наяву да не покажется,
Хоть и есть у меня рожёны малы детушки,
Недорослы деревиночки,
80 Недозрелы ягодиночки,
Нет на них да мне надеюшки,
Нет от них да переменушки,
Как на этой на крестьянской на работушке,
На кого была надеюшка,
На кого да переменушка,
Тот убрался, мое рожёно мило дитятко.

90. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

- Только сесть было обидной бедной девушке,
Как на эту на могилу на умершую
Ко своей да ко родители ко маменьке.
Вы не вейте, стойно буйны ветерочки,
Со божьей церкви крестов да не роните,
На синем море кораблей да не топите,
Только вейте-ка вы, буйны ветерочки,
А на эту на могилушку положёную,
Раскатитесь-ка, катучи сини камешки,
10 И откройся полотно да тонколянное,
Покажись-ко там, родитель моя маменька,
Прилетите с неба, ангелы-архангелы,
Вложите вы силушки во резвые во ноженьки,
А маханьца во резвые во рученьки,
Размысленьца во младую головушку.
Уж ты стань-восстань, родитель моя маменька,
На свои да ты на резвые на ноженьки,
Ты забай со мной единое словечушко,
Ты со мной, обидной младой девушкой.
20 Уж ты слухай-ко, родитель моя маменька,
Уж как я расскажу свою великую кручинушку,
Как вы оставили, желанные родители,
Меня бедную обидну красну девушку,
Нет по ноженькам козловых сапоженек,
На себя-то нету светла теперь платьца,
А по личику платочков разнобóрчатых,
А во русу косу нету алых ленточек,
У меня-то ли, у белой у лебёдушки.
И пришла тут я, обидна бедна девушка,
30 Как на эту на могилу положёную,
Не осудят меня порой да люди добрые,
Хоть слезливое обидно причитаньце,
У меня младой, обидной бедной девушки.
Вы послушайте, народ да люди добрые:
Как сегодняшним господним божьим денечком
Я повыстала по утречку ранёшенько,
Я не ключевой водой да умывалася,
Не в тонколянное полотенечко утиралася,
Хоть умывалася, несчастна, горячими слезами,
40 Утиралася, несчастна, во белы рученьки.
Уж я думала, обидна бедна девушка:
Как сегодняшним господним божьим праздничком,

Как я буду справлять любимую покрутушку,
Нет по ноженькам козловых сапоженек,
На себя-то нету цветных мне платицев,
Нет по личушку платочков разноборчагих,
В русу косу нет разных алых ленточек.
Уж я прошу тебя, родитель моя маменька,
Ты попроси-ко да царицу как небесную
50 Обо мне да всё белой о лебедушке,
Чтобы она прибрала меня, белую лебедушку,
Не могу я жить, родитель моя маменька,
Лучше я пойду во рощицу зелёную
Ко тебе, моя родитель мила матушка.

91. ПО СЫНУ, ПРОПАВШЕМУ БЕЗ ВЕСТИ

Мне-ка сесть было, кручинной головушке.
Как на белу бросову эту лавочку,
Да под белое косивчато окошечко.
Погляжу, горюша горегорькая,
На широку путь да на дороженьку,
Там не топат ли копыта лошадиные,
Не бежит ли там ступивчата лошадушка,
Вслед не катится карета золоченая,
Там не едет ли сердечно мое дитяtko,
10 Моя милая скачёная жемчужинка.
Я встречать буду скачёную жемчужинку —
Мое милое сердечно бедно дитяtko:
Где ты пробыл, да скачёная жемчужинка,
Во бурлакушках ты был да молодецких,
У владычного был да ты у праздничка?
Приадумаюсь, несчастна бедна матушка —
Как на этой на войне да бесконечной.
Уж мне-ка не видать тебя, скачёная жемчужинка,
Уж мне проведать бы, несчастной твоей матушке
20 Про умершую твою да про могилушку.
Я хоть завтрешним господним божьим денечком
Я хоть выстану по утречку ранешенько,
Я пойду искать умершую могилушку,
Во леса ли мне пойти да во дремучие,
Во бора ли мне пойти да во высокие?
Уж не добратся мне да до умершей до могилушки,
И пойду я как несчастная да матушка
Во большо пойду во полюшко во чистое

- Там я приберу некатучий синий камешек,
30 Я порасскажу великую кручинушку.
Этот камешек по чисту полю не катается,
Моя обидушка в добры люди не раскатается.
Я прошу тебя, скачёная жемчужинка:
Хоть бы ты в ночь пришел по ясному по месяцу,
А ты бы по утрышку по красному по солнышку.
Крепко ждут тебя желанные родители,
Во других тебя сердечны милы детушки,
А во третьих-то любимая семеюшка.
Я порасскажу, сердечно мое дитяtko,
40 Как живут твои сердечны милы детушки,
Они ведь шестой живут учётный долгий годышек,
Они водушки столько не пивали,
Сколько слез они несчастны проливали,
Не могу глядеть, кручинная головушка,
На твоих-то я сердечных милых детушек.
Уж как у твоих сердечных милых детушек
Хлеб да соль как нонче приедается,
Стосковалася любимая жемчужинка,
А по тебе, моя любимая жемчужинка.
50 Знаешь ли, миленько сердечно мое дитяtko,
Как я живу, несчастна бедна матушка,
Столько водушки, несчастна, не пивала,
Сколько слез, горюша, проливала.
Коль прошу тебя, скачёная жемчужинка,
Что попроси-ко ты царицу да небесную
Об своих-то об рожёных об детушках,
Обо мне-то об несчастной твоей матушке;
Был бы ты в живности, скачёная жемчужинка,
Я встречала б у крылечка у переного,
60 Провожала бы во полюшко во чистое...
Вспомни-ко, милая скачёная жемчужинка,
Как ты был при дому у родителя у матушки,
Когда мы думали с тобой крепкую-то думушку,
Как вели с тобой крестьянскую работушку.
Коль как прескажу, несчастная тебе матушка,
Как без тебя живем, скачёная жемчужинка:
Призапали все поля да хлебородные;
Призаросли все лужочки сенокосные;
Коль бы милая скачёная жемчужинка
70 Как пришел он к нам, скачёная жемчужинка,
Как пришел бы к нам, сердечно моё дитяtko —
Поглядел бы на лужочка сенокосные,
Поглядел бы на поля да хлебородные.
Уж нам не по силушкам крестьянская работушка,

Не по размыслу великая заботушка.
Как у моей-то у ветлянной у невестушки
Бедны ноженьки у ей да притопталися,
Белы рученьки у ей да примахалися,
Помешался ум со разумом в головушке
80 Об сердечных об рождёных об детушках.
Не надеюсь я, горюха горегорьякая,
Как мы вырастим сердечных милых детушек;
Я прошу тебя, сердечно мое дитяtko,
Я прошу тогда царицу да небесную
Об своих да об рождёных об детушках,
Она не пришлет ли все злодейной смретушки
По сердечным по малым по детушкам,
По старушкам да по этим стародревним
И по родители-то своей матушке.

92. О СОСЕДСКИХ ДЕТЯХ

Как сердечны малы детушки,
Как остались без родитель вашей матушки,
Как приувезена родитель ваша матушка,
За леса да за дремучие,
За песка да за сыпучие.
Тут сказала одна белая лебедушка:
«Как мы будем жить без родитель нашей матушки,
Уж не затопит нам кирпичну белу печеньку,
Уж не положит спать в пуховую перинушку».
10 Уж я схожу как спорядовая соседушка,
Уж я скажу сердечным малым детушкам:
«Уж как ваша-то родитель бедна матушка
Приувезена за темные за лесушки,
Как за эти за решетки за железные,
За замки за эти за тюремные».
Уж как заплакала тут белая лебедушка,
Подняла несчастны свои рученьки,
Уж захватила тут за младую головушку:
«Теперь пойду-ка я, обидна бедна девушка,
20 Уж во леса пойду-то я да во дремучие,
Уж ко разливному пойду да ко Онегушку
И скажу пойду братцу родимому:
«Ты послухай-ко, светушка братец родименький,
Я кладу теперь свою буйную головушку
Я во это да во синее во морюшко,

Не могу я жить без милой нашей маменьки». Только слухай, светушко братец родименький, У меня не хватает ума-разума в головушке, Не в полном возрасте я, белая лебедушка, 30 Как приувезена родитель наша матушка, Проклятым да фашистом тем начальником, Уж как посажена родитель наша матушка Как за ту ли за решетку за железную». Уж пожалейте-ко народ да люди добрые, Уж как этих-то несчастных малых детушек.

93. ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ К РАЗРУШЕННОМУ ДОМУ

Уж как я завоплю, горюха горегорькая, Да и несчастна бедна матушка, Не надеялась да я, горюха горегорькая, На сердечушке много детушек носила, Да белой грудью много деток воспитала, На работушку подолгу не спускала, Все я думала, горюха горегорькая, Что скоро будет мне-ка легкая-то переменушка, Да скоро будет легкое-то мне-ка послухмяньице, 10 Думала, хлебушки мне будут беззаботные. Коль раздумаюсь я, несчастна бедна матушка, Что уж мне нету скоро легкой переменушки, Нету скорого да мне-ка послухмяньица, Как раздумаюсь несчастна бедна матушка, Как до этих-то учётных до годушков Было как при своих сердечных моих детушках: У нас сады тогда росли да заграничные, У нас чай росли тогда росли да ленинградские. Будь ты проклята, война да бесконечная, 20 Она прибрала сердечных да всех детушек, Запустели у нас поля да хлебородные, Заросли у нас лужочки сенокосные, Призапала путь ведь широка дороженька Как ко нашему хоромному строеньицу Без сердечных да без наших детушек. Когда пройдет эта война да бесконечная, Когда мы встретимся со родными со детушками, Как мы будем жить да обживаться? Приразделаем поля да хлебородные, 30 Приобчистим мы лужка да сенокосные,

Приездут путь широкие дороженьки
Добры людошки ко нашим ко хоронным строеньицам,
Да ко нашему переному крылечушку.
Уж я встречать буду сердечных своих детушек
И всех-то добрых-то людошек.
Потом поставить как столы да все дубовые,
Самовары скипятить да золоченые,
Полагать буду закусочки медовые,
Будет весело сердечным моим детушкам,
40 Будет радостно сердечным моим внучаткам,
Вся-то радостна будет порода родовитая.
Уж как скитались мы в три учётных этих годушка,
Будто мы в лодочке по озерушку катаемся,
А по белу свету в людошках скитаемся.
Как вернулись мы на свою родиму сторонушку —
Припилены все столы да как дубовые,
Приломаны косивчаты окошечки,
Приразбиты как хрустальные стеколышка,
И приломаны кирпичны белы печеньки,
50 И привынесены брусовы белы лавочки,
И приугнана рогатая скотинушка,
На дворе нету ступистой лошадушки,
А во дворе нету любимой скотинушки.
И подумаем мы крепкую да думушку
Со своими со любимыми со детушками.
Пораздумайтесь, сердечны мои детушки
Как будем жить да разживаться?

94. ПРИ ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С СЫНОМ

У нас приотняли сердечных наших детушек,
Приобидели желанных родителей,
Нас повыгнали с хоронного строеньица,
Мы простились с родимой сторонушкой,
Мы простились со хоронным строеньицем,
Мы простились со лугами сенокосными,
Мы простились с полями хлебородными.
Думали, что в лодочке по озёрышку кататься,
А нам пришлось да по белу свету скитаться,
10 Как расставались со любимой со сторонушкой,
И не думали, не чали и не гадали.
Расставались с сердечными со детушками,
Приключилася война да кроволитная,
И как длилася четыре долгих годушка.

Прилетала перелётна мала птиченька,
И садилась на перёное крылечушко,
А со нашего перёного крылечушка
Она садилась на косивчато окошечко,
Уж как жалобно она да воспевала
20 Круто носиком в околенку клевала,
Разбужала как несчастных родителей,
Приносила скорописчатую грамотку,
Что прошла у нас война да бесконечная,
Как на радости желанным родителям,
Да на весельице сердечным-то детушкам.
Как мы выходим на поля да хлебородные,
И поглядим на путь широко дороженьку,
Все поглядим ступистую лошадушку,
Там не топает ли копыто лошадиное,
30 Там не катятся ли сани самокатные,
И не едут ли сердечны наши детушки,
И не едут ли скачёные жемчужинки?
Как за эти-то за долгие за годушки
Столько подушки горюшица не выпила,
Сколько слёз, бедна горюшица, я вылила
Как по сердечным своим да я по детушкам.
Уж теперь ходим мы встречать сердечных детушек,
Мы встречать ходим во чистое во полюшко,
Провожать будем на лужочка сенокосные.
40 Мне-ка бедной не видать сынка любимого,
Не видать мне-ка скачёной жемчужинки,
Не видать его умершей могилушки.
Не летает перелётна мала птиченька,
Не приносит скорописчатую грамотку
Я ожидаю перелётну малу птиченьку .
Может скажет, где умёршая могилушка.
Я все думаю, кручинная головушка,
Что я вырошу сердечных своих детушек,
Что мне будет лёгкая-то переменушка,
50 Будет скорое-то мне да послухмяннице,
Да и хлебушка-то будут беззаботные.

А. И. ШАТОРИНА

95. ПЛАЧ ПО ДОЧКЕ

Ты сердечное рождёно мое дитяtko,
На допрос возьму, кручинная головушка,
Что ты в котору путь-дорожку отправляешься,

И ты в котору путь-дорожку снаряжаешься,
Ты гулять ли пошла на широку на улличку,
Ай ко владычному ко божьему ко праздничку,
Аль ко своим родным в сердечно во гостебище?
Только вижу я, кручинная головушка,
Тебя, моя сердечна моя дитятка,
10 А по твоему я по цветному по платьцу,
Что отправляешься ты на тотсветную на жирушку,
Ты на этую могилушку умершую,
Ты на эту раскат-гору высокую,
Ты ко этому престолу ко господнему,
И там увидишь ты, родитель-батюшка,
Передай поклон от кручинной головешки,
Не забудь сказать, сердечно мое дитятко,
Расскажи-ко про кручинную головушку,
Про матерную победну мою жирушку,
20 Буде есть сия да вольна волюшка,
Он прежду пресвятую богородицу,
Чтобы прибрал господь меня, кручинную головушку,
Чтоб от этой от матарной бедной жирушки.

96. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Мне-ка сесть было, кручинной головешке,
На свою да на бросову лавочку,
То ль ко этому косивчату окошечку.
Я гляжу-смотрю, кручинная головушка,
Как сегодняшним господним божьим денечком,
На собрании все спорядные соседушки,
На приезде наша порода родовитая,
Они на проводах удалые головушки,
Не в бурлакушки поезжают в петербургские,
10 Не на наживушку ведь они да мужицкую,
Поезжает он во службу государскую,
А ко этим ко пушкам заряженным,
Он ко этим ко саблям обнаженным,
Если сбудется война да страховитая,
И там положат буйну младую головушку,
И будет век ведь нить ретивое сердечушко,
По своему да сердечному по дитятке,
Все я думаю, кручинная головушка,
Что живой ли, нет он там на чужой на сторонушке.

97. О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

- Ты удалый добрый молодец,
Ты разумна буйна головушка,
Не расстраивай горюхи горегорьковой,
Не давай тоски на ретиво на сердечушко,
Не печаль кручинную головушку.
Без огня моё сердечко разгорается,
Без великой зазнобы зазнобляется.
На моём как на ретивом на сердечушке,
Много множество великой обидушки,
10 В буйной младой во головушке
Много множество великой кручинушки.
Я бы три поля кручинушки посеяла,
Я бы три моря зазнобой зазнобила,
Мне-ка вешним днём кручинушки не высказать,
Во осенню тёмну ноченьку не выплакать,
На осенний тонкий лёд мне-ка не выписать.
На проходе три учётных долгих годушка,
Как на нашу на родиму на сторонушку
Прилетели эти вороги граючие,
20 Они прирвали мосты белодубовые,
И меня, кручинную головушку,
На чужу угнали на сторонушку.
Посадили меня в лагеря да заключенные,
Посадили за колючую решёточку,
И сидели мы, кручинные головушки,
Дожидали мы сердечных своих детушек.
И после этой я великой кручинушки,
Сытой выточки, горюха, не едала,
Крепким сном, несчастна, не сыпала,
30 Поседела буйна младая головушка,
Помутился свет во ясных моих оченьках.
Все просила я владыку царя небесного,
Я пречисту пресвятую богородицу,
Чтоб помиловал господь родимую сторонушку.
Я прослышала, кручинная головушка,
Что наступать стали сердечны наши детушки,
Буде господом ведь богом буде сужено,
Я приеду на родиму на сторонушку;
Я приеду-то к крутому-то ко бережку,
40 И тут увижу я хоромно построеньице.
При кручинушке домова моя жирушка,
На слезах стоят косивчатые окошечки,
Дожидаются кручинную головушку.
Зарослася путь широкая дороженька

Муравой-травой зеленою,
Не обзаперто моё хоромно построеньице,
И призастыла моя кирпична бела печенька.
Как я буду жить теперь, кручинная головушка?

С. М. ШЛЫКОВА

98. ПЛАЧ НА МОГИЛЕ СЫНА

Проходила многобеднушка,
На умершую могилушку,
Прошла три пути да три дороженьки,
Перва путь прошла во церковь богомольную,
Нет золотой казны бессчетной,
Ставить свечей да воскояровых,
Не пойду я, многобеднушка,
По этой пути я по дороженьке.
Друга путь пришла — широкая дороженька,
10 Ко владычному ко праздничку,
Нет ни роду, нет ни племени,
Нет ни сродцев, нет ни сродничков
И пойду я, многобеднушка,
На умершую могилушку
Ко рождёному ко дитятку.
Как во этих три учётных долги годышка
Не проторена путь широкая дороженька,
У зайки не проскакана,
У горностая не пробежана,
20 Проторю я путь широкую дороженьку
На умершую могилушку,
Ко рождёному ко дитятку
Как отправила я дитятку
Не во бурлакушки я вольные,
И не по денежки по вольные,
И отправила я, бедная,
Во матушку во сыру землю.
Как после тебя, рожёно мое дитятко,
Наскопила я обидушки в утробушке
30 И кручинушки в головушке.
Как приду я, многобеднушка,
На трудную крестьянскую работушку,
Ожидаю я тебя, рожёно мое дитятко,
Ко завтраку тебя ко денному,
И к обеду полуденному.

И крепко жду тебя, рождёно мое дитяtko,
Ко вечерней поздней ужине.
Ты сейчас во сне мне не покажешься
И наяву мне не объявишься,
40 Нет мне письма, нет ни грамотки,
Нет не весточки мне радостной.
Как встает твоё рождёно дитяtko
Как по раннему по утрьшку,
Вспоминает вскормильца своего татеньку.
Как отцовы дети, матерни
По колено ножки в серебре,
По локоть да ручки в золоте,
А как у сиротских да малых детушек
По локоть руки сломятся,
50 По колен ножки сломилися:
Нет по праздничкам покупочки,
По воскресеньям нет обновочки,
Не вложенья с проклинаньями,
А суженьица с пинаньями.
(«Отец не родной»)
Как от чужих — не от желанных родителей,
Нет сапоженек по ноженькам,
Нет цветна платьица по плечикам,
Нет великого желаньица.
А как выйдут на широкую на улицу
60 Безотцовы дети матерни,
Они вольны самовольные,
На платьица они держучие,
На обуточку топучие,
За столом они едучие,
И на улочке рыкучие.

99. ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ К РАЗРУШЕННОМУ ДОМУ

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Я вставала поранешенько,
Не ключевой водой я умываласе,
А горючими слезами обливаласе.
Как я вспомнила рождёно своё дитяtko,
Не встает по-раннему по утрьшку,
Не справляется на трудную работушку,
И подумала я, бедная головушка,

- Как я стану жить, горюшица,
10 Без сердечного любимого дитятка:
Как я стану ведь работать трудную работушку,
Годами стала я старешенька,
Моя силушка малешенька,
На щепину подтыкаюся,
Посошком я опираюся,
Как я стану жить, горюшица,
Буду на печи холодная,
Буду за столом голодная.
20 По подворьям нашатаюся,
И куска напринимаюся.
И как иду я, многобеднушка,
На умершую могилушку,
Не протоптана тут широкая дороженька,
Уж как я три годика шаталася,
По лагерям да я наскиталася,
Темной ноцењкой на широкой уличке настоялася,
За колючей проволокой я насиделася.
Придрожало ретивое мое сердечушко,
Как от финнов этих супостатных
(*Было страстей*)
- 30 Как приехала я, беднушка,
На родиму на судиму на сторонушку,
Не стоит хоромное строеньице,
Нет кирпичной белой печеньки,
Нет моих косивчатых окошечек
И не светятся хрустальные стеколышка.
И подумала я, беднушка:
Я куда пойду, кручинная головушка,
Нет ни роду у меня, да нет ни племени,
Нет ни сродцев у меня да нет ни сродничков,
40 Нет рожёных при мне детушек,
По подворьям я да нашатаюся,
У чужих людей да наскитаюся,
Как сидели мы да беднушки,
За колючею за проволокой,
Ожидали мы да Красну Армию,
Мы рады были да радешеньки,
Что сбавили нас из-под гнета несчастного,
И от колючих этих проволок,
И от финнов супостатных.
- 50 Хоть мои рученьки и примахались,
Мои ноженьки хотя и притоптались,
Но слава богу, слава господу,
Что возвратились мы на родимую сторонушку.

Уж я и думаю, кручинная головушка,
Что не покинут меня, беднушку,
Многи добрыи да людюшки.

М. Г. ФИЛИНА

100. ПРИ ОЖИДАНИИ ПИСЕМ

Я по утрышку повыстала ранёшенько,
Я не свежеей водой да умывалася,
Я не белым полотенцем утиралася,
Я горючими слезами уливалася,
Уж как растила рожёных своих детушек,
Без своего кормильца я без батюшка,
Я повырастила рожёных своих детушек,
В добры людюшки да я их повыпустила.
Я не знаю да я не ведаю
10 Сама, бедная горюшица,
Как мне жить ноньку-теперича,
До старой до старости,
Все разошлись рожёны детушки,
Поразъехались по белу светушку,
Меня беднушку да приоставили.
Я не знаю да не ведаю,
Как дожить-то мне бедной до смерётушки,
Хоть и есть рожёны детушки,
Уж как кладены в войну кровопролитную,
20 Нет ни слыху нет ни ведома,
Скорописчата писёмышка,
Нету скорой телеграммушки,
От рожёного от дитятка.
Приоставил он нас бедных,
Он малёхоньких, старёхоньких,
Как была бы я, победнушка,
Сероплавной малой утушкой,
Была бы белой я лебёдушкой,
Я бы по морю туда поплыла,
30 Я бы лебедью к нему слетала,
Я узнала бы про рожёно моё дитятко,
Я бы, беднушка, слетала,
Про него бы всё узнала,
Успокоила свои бы белы грудушки,
И своё-то ретивое сердечушко.

101. ПЛАЧ ПРИ ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С СЫНОВЬЯМИ

- Пришла вёснушка красивая,
Пришло времячко тоскливое,
Как пошли-то пароходы скороходные,
Уж как стала ждать своих рождёных детушек,
С городов да незнакомых,
Со прозваньицев тяжёлых.
Как приехали рожёны мои детушки,
Моё сердечушко ведь вновь да срадовалось,
Мои белы груди-то сволновалися,
- 10 На мою-то на несчастную головушку,
Распекло-то тёпло красно солнышко,
На моём-то на ретивом на сердечушке,
Прирастаяли сугробы снежку белого,
Как я увидела рожёных своих детушек.
Не надеялась я да не начаялась,
Что увижу своих рожёных детушек.
На сараях хомутистых,
На дворах да колесистых
Нет лошадушек ступистых,
- 20 Да нет коровушек удоистых.
Мы надеемся да на рожёных своих детушек,
На своих на сыновей да драгоценных,
Что не покинут нас рожёные-то детушки,
Матерей да нас несчастных.
Уж дождалися того времечка,
Как полянушки распашутся,
Уж как хлебушки наростятяся,
На полях станут лошадушек понукивать,
А как на широком на шумячем на Онегушке
- 30 Как появятся ловцы да рыболовные,
Они наловят всё уловну свежу рыбоньку,
И накормят многих добрых людюшек
И старух нас престарелых.
Два пришло рожёных дитятка,
Ещё один есть на чужой на сторонушке.
Уж как эти три учётных долгих годушка
Жили мы на чужой на сторонушке,
А как приехали мы, беднушки,
Мы на любимую на родину,
- 40 Зарослось-то всё ведь травушкой-муравушкой,
Зарослись-то все пути наши дороженьки.
Как пришли мы ко хормному строеньицу,
Приужахнулось ретивое сердечушко,
Там изломаны кирпичны белы печеньки,

Там привыняты полы белодубовые,
И приломаны косивчатые окошечка,
Нам нельзя зайти в хоромное строеньице,
Всё приобрано, да приразломано,
Всё приломано да прирастаскано.
50 Уж как приехали мои рождёны детушки,
Так распекло да красно солнышко
На моём ретивом на сердечушке,
Будут сложены кирпичны белы печеньки
И приубрано хоромное строеньице.

А. И. ФИЛЬКИНА

102. О РАЗРУШЕННОМ ДОМЕ

Состарилась старушка стародревняя,
Стали годышки старешеньки,
А силушки малешенько,
Хожу да подтыкаюся.
Расскажу тебе я про несчастну свою жирушку:
Тридцать лет, как нет законной семеюшки,
Приоставил он, законная семеюшка,
Сирот малых, милых детушек.
Уж я растила, рожала мила дитятка,
10 Его взяли на войну на кроволитную.
Я не видела тела мертвого,
Я не видела личика блеклого
И много-множество увидла я, беднушка,
И много-множество провидла я кручинушки.
Уж с этой со обидушки великой
Покатилась бы в водушку глубокую,
Уж как с этой-то с обидушки
Сошью себе я лодочку,
А с кручинушки я сделаю веселешка.
20 Уж как сяду я, кручинная головушка,
Как во это-то я во лодочку,
И отправлюсь в далеко во сине море.
И потомлю свою великую обидушку,
Я оставлю там злодейную смеретушку.
Уж я так обтосковалася,
Уж я так да обтерпелася,
Уж я дожила до глубоких лет, до старости
Во своем да во хоромном во строеньице,
А уж как нонечку-теперечку

- 30 Оставили старушку стародревнюю
Без хоромного строеньица,
Без брусчатых белых лавочек.
Я приехала, победная головушка,
Со чужой да со сторонуншки,
У меня дверь не отворяется
И соседи не являются.
Нет ступистой лошадушки,
Нет удистой коровушки,
Круче рвет мое ретивое сердечушко.
- 40 Я с обидушкой темну ноченьку коротаю,
Я с кручинушкой по утрышку вставаю.
Погляжу я на хоромное строеньице
Я живу да на подворьице,
По чужим углам скитаюся,
Нонь только смерти дожидаюся.

М. Я. ФИЛЬКИНА

103. О РАЗРУШЕННОМ ДОМЕ

- Уж как сегодняшним господним божьим денечком
Подходила тут родитель моя маменька,
Как к кроваточке дубовой,
Ко постелюшке пуховой:
«Ты вставай-ко, моя белая лебедушка,
Задушевна красна девушка,
Ты вставай-ко поскорешенько,
Ты справляйся, снаряжайся-ко
На родимую сторонуншку».
- 10 Как у нашего переного крылечушка
Тут подогнаны ступистые лошадушки,
Тут подъехали извозчики толковые,
Все соседи спорядовые.
Как я ехала, обидна красна девушка,
На родимую на эту на сторонунку,
Днем я ехала по красному по солнышку,
Ночь я ехала по светлому по месяцу.
Мне на этой почтовой дороженьке
Мне три встречушки встречались:
- 20 Перва встречушка — обидушка,
Друга встречушка — кручинушка,
Третья встреча — горячи слезы.

Как подъехала я к любимой ко деревенке,
 Как ко этому шумливому Онегушку:
 Волны круто поднимаются
 Да о берег все плескаются.
 Как свернула я с дороженьки почтовой
 На улочку эту плановую,
 Как подъехала к хоромному строеньицу,
 30 Тут пустым да все стоит пустешенько
 Холодным да холоднешенько.
 Порастрепана деревня красовитая,
 Пообтянута колючей проволокою
 Как у этих у злодеев у супостатных,
 Понаставлено мин этих разрывных,
 По полям да этим хлебородным,
 А по бережку по этому шумливому
 Поразрушено хоромное строеньице
 Не от грома, не от молнии,
 40 Не от снарядов от разрывных,
 Разломано хоромное строеньице
 Как у злодеев белофинских.
 Если был бы у меня
 Кормилец родной татенька,
 Да скачёная жемчужинка,
 Они заново б построили
 Нам хоромное строеньице
 И столу нову горницу,
 Да и светлую-то светлицу.
 50 Как уж свезен мой родитель татенька
 На Искат-гору высокую,
 Как на эту на умершую могилушку.
 Как отправлен братец красно солнышко
 Он на службу на военную
 И положил он тут буйну голову,
 Защищая свою Родину.
 А я не знаю, я не ведаю,
 Какая смерть его постигла,
 Потонул ли он во синем море,
 60 Аль разорвало его снарядами неприятельскими?
 Как посмотрела я, обидна бедна девушка,
 На почтовую на эту на дороженьку,
 Как идет родитель моя маменька.
 Она без ветрышка шатается,
 Без дождя она слезами умывается.
 Я обидушку не стала ей рассказывать.
 Я по сердечушку обидушку разгладила,
 Я сказала своей маменьке:

— Ты не плачь, родитель маменька,
70 Как во столице белокаменной,
Есть защитушка надежная,
.
Не оставят нас ведь, беднушек,
И горюх да горегорьких.

А. И. ЯКУШКИНА

104. ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ К РАЗРУШЕННОМУ ДОМУ

Мне сесть было кручинной головушке
Со своим да со сердечным со дитяткам,
Мне на эту на брусову белу лавочку,
Мне ко этому косивчату окошечку:
Только слушайте, сердечны милы детушки,
Во-вторых, да престарелые родители,
Как я жить стану, горюха горегорькая,
Как отпустила я законную семеюшку,
Что ль ведь вашего родителя да татеньку,
10 Не в бурлакушки его да отпустила,
Что ль на ту да он на службу на военную.
Ну пораздумаюсь, кручинная головушка,
Хоть спустила я законную семеюшку,
Что ль лишь вашего родителя ведь батюшку,
Станет помогать казна нам государственна,
Стану растить вас, сердечны милы детушки.
Что ли вас я, богоданные родители,
Я ведь обжилась, горюха горегорькая,
После своей я законной семеюшки.
20 Залетали тут незнакомые-то птиченьки,
Ведь пошла стрельба неугомонная,
И заступила тут ведь власть да незнакомая.
Устрашилась я, горюха горегорькая,
Что ли убоялась я народу незнакомому.
Что ли стали нас народ да вакуировать,
Со своего да со хоромного строеньица,
Как со этыма со мильма со детушкми,
Не хотелось мне поехать со хоромного строеньица,
Строго-настрого они нам приказали
30 Приоставить дом хоромное строеньице.
Как вступила я в поля да хлебородные
И тут взглянула в лужки да в сенокосные,

Запустели у нас поля да хлебородные,
Заросли у нас луга да сенокосные.
И пришла я ко своему да ко хоромному строеньицу,
Ко своему переному крылечушку.
Как во моем хоромном строеньице
Сквозь хоромушки воробушки летают,
На палатях птички гнездышки свивают.
40 Устрашилась я, горюха горегорькая,
Подошла уж я к переному крылечушку.
Приуселась на перено на крылечушко,
Устрашилась я горюха горегорькая,
Утерjala свет во ясных во очушках,
Помутился ум во младой во головушке.
Как взглянула я в косивчато окошечко,
Негу там хрустальных да стеколышек.
Потом вступила я, горюха горегорькая,
И как во свое-то я во хоромное строеньице,
50 Потом как взглянула я в хоромное строеньице,
А там пустым стоит да все пустехонько.
(«Ни столов, ни стульев — ничего нет»)
Разорено все хоромное строеньице,
Негу в доме у нас брусowych белых лавочек,
Все приломано да все притоптано.
Пораздумаюсь, горюха горегорькая,
И покорю свое сердечко непокорное,
Поклоню свою головку непоклонную,
Но не тем да я злодеям разорителям,
А своим-то я родным освободителям,
60 Чтоб не покинули горюху горегорькую.

А. П. ЯРИЦИНА

105. ПЛАЧ НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Как я пришла, бедна горюша горегорькая,
Как на эту на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилушку умершую,
Я ко этим ко желанным ко родителям.
Только слухай-ко, родитель моя маменька,
Ты порасспроси у горюхи горегорькой,
Как живу-то я, горюха горегорькая,
Как по белу свету горюшица шатаюсь,
По чужим углам горюшица мотаюсь,

- 10 Как нету миленьких рождёных моих детушек,
 Нету дорогого-то мне да доброумьца,
 Нету доброго от них мне-ка желаньица.
 Ты можешь знать-ведать, родитель моя маменька,
 Перетрескалось ретливое сердечушко,
 Перелопалась несчастная утробушка,
 Помешался ум во младой во головушке,
 И помутился свет во ясных во очушках.
 Мои ноженьки теперь да притоптались,
 Мои рученьки теперь да примахались,
- 20 Моя силушка у горюхи придержалась,
 Нет надеюшки у меня да нет надеждушки.
 Хоть уж есть у меня законная семеюшка,
 Ты уж знаешь-ведаешь, родитель моя маменька,
 У меня строгая законная семеюшка,
 Как за этой я законной семеюшкой,
 Темной ноченьки я крепко не сыпала.
 Только слухай-ко, родитель моя маменька,
 Ты горющица меня да породила,
 Ты на белый свет меня да попустила,
- 30 Таланом-участью меня не наделила.
 Ты меня бы лучше породила,
 Лучше правойей ногой да заступила,
 Ты на белой свет меня да не спустила.
 Только слухай-ко, родитель моя маменька,
 Кабы была я теперь да сильнешенька,
 Кабы была я да богатешенька,
 Я бы объездила Россию свету белого,
 Я по этим городам Петрозаводским,
 Я по этим городам да Петербургским,
- 40 И как бы была самолетна мала птиченька,
 И разыскала бы сердечных малых детушек,
 Я бы съездила в столицу белокаменну,

 Кабы узнать мне хотя одно словечушко
 Про своих да про рождёных милых детушек.

106. НА МОГИЛЕ МУЖА

Только слушай-ко, законная семеюшка,
 Как сегодняшним господним божьим денечком
 Прилетала малолетна мала птиченька

Она ко моему косивчату окошечку,
Ко этому хрустальному стеколышку,
Она тоненьким носочком выколачивала,
Она тоненьким голосочком выговаривала:
«Уж ты стань-восстань, горюха горегорькая,
Как у твоей-то у законной у семеюшки,
10 Как сегодняшним господним божьим денечком,
Есть владычный-то господний божий праздничек,
Есть построено хоромное строеньице,
Есть ведь складена кирпична бела печенька,
И составлены столы у него дубовые,
И наложены закубочки сахарные,
И поставлены кушанья-то разные».
Я как выстала, горюша горегорькая,
Как сегодня я по раннему по утрышку,
Мне выпало три пути да три дороженьки:
20 Одна выпала путь широка дороженька
Мне на эту на раскат-гору высокую;
Друга выпала путь широка дороженька
Мне на эту на трудливую работушку,
А третья выпала широкая дороженька
Мне ко владычному ко этому ко праздничку.
Я раздумалась, горюха горегорькая,
Мне куда пойти, горющице победной.
Не пойду я ко владычному ко праздничку,
Не пойду я на трудливую работушку,
30 А пойду я на раскат-гору высокую,
Я на эту на могилушку умершую,
Я ко миленькой законной семеюшке.
Я пришла как на раскат-гору высокую,
Я на эту на могилушку умершую,
Как взглянула я, горюша горегорькая,
Обманула самолетна мала птиченька.
Как уж у моей законной семеюшки
Нет состроена хоромного строеньица,
Нету складено кирпичной белой печеньки,
40 И нет поставленных столов да там дубовых
И не наложено закубочек сахарных.
Только слушай-ко, законная семеюшка,
Уж ты стань-восстань на резвые на ноженьки,
Уж ты забай со мной единое словечушко,
Ты повыспроси у меня, горюши горегорькой,
Как живут твои рожёны милы детушки?
Ты бы знал-ведал, законная семеюшка,
Как трудно-тяжело жить без законной семеюшки,
Ветрушки буйны меня да приобведают,

50 Добры людюшки меня да приобают,
Пустословьица они да понаскажут,
Как нет заступушки за меня да заборонушки.

107. НА МОГИЛЕ ДОЧЕРИ

Уж только слухай-ко, родитель моя маменька,
Как я приехала ко белой ко лебедушке,
Я взглянула как на белую лебедушку,
Мое ужახнулось ретливое сердечушко,
Как лежит-то моя белая лебедушка,
Как на этой на брусовой белой лавочке,
Одолила меня тоска да неудольная.
Ейны оченьки у лебедушки призаперты,
Алы розовы губоньки прижажаты,
10 Белы рученьки к сердечушку да прижаты,
Не забаяло сердечно мое дитяtko,
Как со этой со родителю со маменькой,
Верно разгневалась моя белая лебедушка,
Как на эту на родитель родну маменьку,
Верно разгневалась моя белая лебедушка,
Как на эту на родитель родну маменьку,
Что не приехала я к злодейной к смеретушке,
Не наказала мне-ка белая лебедушка
Как мне жить, бедной горюше горегорькой,
20 Не рассказала мне-ка белая лебедушка
Про свою да про злодейную смеретушку.
Так долила меня тоска да неудольная
Как схоронила я белую лебедушку,
Как на эту на раскат-гору высокую,
Как уж я ехала по пути широкой дороженьке,
Так я не видела, горюша, свету белого,
Я дороженьки-пути да этой дальнейей,
Как потеряшечку я горюха потеряла,
Я единственну доченьку одну да схоронила.
30 Уж как я приехала, горюха горегорькая
В дом хоромное свое да во строеньице,
Как взглянула в три четыре во сторонушки,
Нигде-то нет моей ведь белой лебедушки.

108. ПО РАСТЕРЯННОЙ СЕМЬЕ

- Как взглянула, горюша горегорькая,
Я во эти во четыре во сторонушки,
Где-то есть мое сердечно мило дитяtko?
В чистом полюшке оно да прирасстреляно,
Его косточки собаки растаскали,
Его глазушки вороны расклевали,
Как долит меня тоска да неудольная,
Как по этому сердечному да дитяtko.
Как бы ждала я самолетну малу птиченьку:
10 «Прилети-ко, самолетна мала птиченька,
Расскажи-ко про сердечна мила дитяtko»,
Ты бы знал, моё рожёно мило дитяtko,
Как живут твои желанные родители,
Нету миленьких твоих братьев родименьких,
Нету нам теперь ведь легкой переменушки,
Нету скорого ведь нам да послухмянница.
И как я вспомню вас, сердечны милы дитяtkи,
Долит тоскечушка меня неодолимая.
Я порасскажу тебе, сердечно дитяtko,
20 Как три годушка мы горькие шатались,
Как три годушка мы горькие сиротались,
Столько водушки несчастная не выпила,
Сколько горьких слез да я повылила.
Не так легко на чужой на сторонушке,
Не так легко по чужим углам скитаться,
Нам обидушки горюшицам не выпомнить,
На осенний день обидушки не выносить,
А на вешний лед обидушки не вывозить,
Как легко нам жить без вас, сердечны милы детушки.
30 Как я выстану по раннему по утрышку
Я победная горюха горегорькая,
Я взгляну как в три-четыре во сторонушки,
И все как жду я скорописчатой грамотки,
От своих да от сердечных милых детушек,
Но никак не могу, горюшица, дождаться.
Я еще жду, горюша горегорькая,
Как я эту самолетну малу птиченьку —
Может не принесет ли она мне весточки от детушек
Мне-ка, бедной горюше горегорькоей.
40 Как пришла я ко хоромному строеньицу,
Я бедна горюша горегорькая,
Я взглянула я на хоромное строеньице —
Не стоит мое хоромное строеньице,
И не топится кирпична бела печенька.

Я горюшица стояла приужахнулась,
Что я буду делать, горюша горегорькая,
У меня не стало как хоромного строеньца,
Нет надеюшки у меня да переменушки,
Три сыночка мои да взяты в Красну Армию,
50 На защите стоят они своей Родины.
Как остались стародревние родители
Как вперед мы будем жить да доживати?

109. В ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ С СЫНОМ

Как сегодняшним господним божьим денечком
Как вставала-то по раннему по утрышку,
Прилетала самолётна мала птиченька,
Ко моёму ко косивчату окошечку,
Она тоненьким носочком выколачивала,
Она тоненьким голосочком выговаривала:
«Уж ты стань-восстань, родитель моя маменька,
Принесла тебе я весточку да радостну,
Что приедет сердечно мило дитятко».
10 Как я горюшица со радости вскочила,
Да я на радостях горюша полетела
Какую радость я, горюша, получила,
Что встречу я сердечно мило дитятко.
Как распекёт-то красно ясное-то солнышко,
Пораздвинется как ясной этот месяцек,
Как я увижу сердечного да дитятка
Уж как я выйду со перёного крылечушка,
Как увижу я сердечушко рожёное
Тут подрежутся мои резвые-то ноженьки,
20 Не видала его четырёх учётных долгих годушкав,
Приужахнется ретивое сердечушко,
Я прижму его к ретивому сердечушку,
Приложу его я личко белое,
Обойму я сердечного да дитятка,
Я порасскажу сердечному-то дитятку,
Как жила-то я, горюха горегорькая,
Эти долгие учётные-то годушки.
Уж ты слушай-ко, сердечно мило дитятко,
Ты порасспроси горюху горегорькую
30 Как мы жили три учётных этих годушка,
У фашистов-то у этих у несчастных?
Столько водушки, горюша, я не выпила

Сколько слёз, горюша, бедна вылила.
Уж принакоплено великою обидушки,
Принакоплено великою досадушки,
На осенний лёд обидушки не выносить,
И на вешний лёд обидушки не вывозить.
Ты порасспроси, сердечно моё дитяtko,
Что тебя встретила не во своей хоромное строеньице,
40 Как лишились мы рогатой скотинушки,
Не пахали мы полей да хлебородных,
Не косили мы лужков да сенокосных,
По белу свету мы ходим да скитаемся,
По чужим углам шатаемся?
Перелопало ретливое сердечушко,
Перетрескала несчастная утробушка.
Ты, моё сердечно дитяtko,
Мне ответил-то сердечно дитяtko:
«Не расстраивайся, родитель моя матушка,
50 Мы долги годы сражались за свою Родину
И проливали за неё мы кровь горячую.
Теперь воины домой да собираются,
Теперь кончилась война кровопролитная
Ты дождалася рожёна своего дитяtka.
Мы вернулись на свои места родимые
Как ко своим-то ко желанным родителям,
Отдадим мы всю могутну свою силушку
На воспитанье детей малых».
Как от радости сердечко успокоится
60 Да и доброе здоровьице прибавится
У меня, у бедной у горющицы.

П. И. ЯРИЦИНА

110. В ОЖИДАНИИ СЕСТРЫ

Уж я сяду на бросову белу лавочку,
Погляжу в косивчато окошечко,
Буду ждать сестрицу я родимую,
Моя милая сестричушка родимая,
Она съехала далеко ведь далешенько,
Что ль за эту за Свирь-реку сердитую,
И за это за Онего страховитое,
И во эти города да очень дальние,
И не идет ко мне в любимое гостебище,

- 10 Ты скажи, моя сестричка да родимая,
Когда ждать тебя, победной мне головушке,
И что ль по этому по раннему по утричку,
И по этому по позднему по вечеру?
И пораздумаюсь я, победная головушка,
Буду ждать сестрицу да родимую,
Когда придет уж разливна красна веснушка,
Порастают когда сумяты снегу белого,
Поразольется Онего страховитое,
Да заходят пароходы ленинградские,
20 Тогда буду ждать я сестрицу свою родимую.
И вот я дождалась разливной красной веснушки,
Что растаяли суметы снегу белого,
Поразлилось Онего страховитое,
Только не пришли пароходы ленинградские,
И что ль ко нашей да разбитой Шуньгской пристани,
И не приехала моя сестрица да родимая,
И так скучаю я, победная головушка.

111. ПО БРАТУ

- Мне-ка сись было, победной головушке,
Что ль под это под косивчато окошечко,
Да на эту на бросову белу лавочку,
Погляжу-ка я на широку на уличку,
Там ведь много шло удалых добрых молодцев,
Нет ли моего светушка братца родимого,
Одинокоей скачёной жемчужинки,
Буду я узнавать своего братца родимого,
Или по его росту по высокому,
10 Что ли по его-то личику по белому,
Да еще по русым по волосушкам,
Поглядела я, победная головушка,
Хоть и много шло удалых добрых молодцев,
Ну только не было моего братца родимого,
Да пораздумалась я, победная головушка,
Мой ведь миленький братец родименький,
Он ведь пошел не на игрище не на прокладбище,
Да отправлен не в бурлаки петроградские,
Да и не в этую наживу молодецкую,
20 А отправлен мой светушка братец родименький,
Что ль на этую войну кровопролитную,
И он не пошлет мне сторублевой посылочки,
Нет мне надеюшки победной головушке.

112. О РАЗРУШЕННОМ ДОМЕ

Уж я сяду на бросову белу лавочку,
Что ль под это под косивчато окошечко,
И расскажу свою великую обидушку,
Как я прожила, победная головушка,
Как я жила тяжелых два годышка,
По чужим деревням я шаталася,
По чужим домам, победная, толкалася,
Там ведь ветрышки меня да приобвеели,
Бессознательные люди приобидели,
10 И вот я дождалася счастливой той минуточки,
Что стало можно жить на родной опять родинке,
Во своем да во хоромном строеньице,
Была рада я, победная головушка,
И пошла я на родимую сторонушку,
Неузнаваема родимая сторонушка,
Там не вспаханы поля да хлебородные,
И не скошены луга да сенокосные,
Позапущены огороды кругодомовые,
А поглядела я на хоромное строеньице,
20 И напала тоска великая кручинушка,
Во моем как во хоромном строеньице,
Все разломаны косивчаты окошечка,
Разворочены поля белососновые,
И повыбитые двери все дубовые,
Поразвалены кирпичны белы печеньки,
Поразломаны бросовы белы лавочки,
И повыбиты ворота все тесовые,
Сквозь хоромушки воробушки летают,
Во моих сенях птички гнезда завивают,
30 Так что негде мне-ко, бедной, приютиться,
Мои ноженьки тогда уж подкосились,
Мои рученьки тогда уж опустились,
И заболело мое ретивое сердечушко,
Посидела я на разваленном крылечушке,
И пошла опять в чужой дом толкаться,
Опять ветрышки стали меня завевати,
Опять людишки стали меня обижати.

А. Я. ЗАВЬЯЛОВА

113. ПО УМЕРШЕМУ МУЖУ

(Запись 1957 года)

Мне-ко сесть ко законной семеюшке,
Ты послушай-ко, законная семеюшка,
Как наше-то хоромное строеньице
Все пошло нонь да в разореньице,
Пустым стало да пустешенько,
Не стало по дому хозяина,
Так нет большака да распорядчика,
Ты прощайся-ка, законная семеюшка,
Ты со родом да и со племенем,
10 Да с хоромным строеньицем,
Ты прощайся с белым светушком,
Ты прощайся с красным солнышком,
Ты в последний путь поехал во дороженьку,
Ты на эту на буюву на могилушку
Гробовой доской да ты закроешься,
Сырой землей матушкой зароешься.
(«А долгие старичка не смела плакать, у меня повышение
кровоного давления, и я не посмела плакать»)

114. ПО СЫНУ

(Запись 1957 года)

(«Хоронить приехала, так заплакала»)
Послухай-ко, рожёно мило дитятко,
Когда ждаться-то мне, кручинная головушка,
Утрышком ли ждаться тебя ранешенько,
Или вечером-то ждаться тебя позднешенько,
Или в обед-то тебя, в полденьшек.
Ты в последний путь поехал во дороженьку
Ты к своему хоромному строеньицу
Ты в буюву могилушку,
Гробовой доской ты да призакроешься,
10 Сырой землей зароешься,
Красно солнышко за лес да закатается,
Ты, рожёно дитятко, с белым светом расставаешься,
Ты с земелькой спознаваешься,
Ты оставил двух недорослых деревиночки,
Двух оставил незрелых ягодиночки,
Престарелых нас оставил родителей,

Да оставил молоду жену.
Ты, рождено милѣ дитяtko,
Ты не в пору-то, не во времячко
20 Потерял свое доброе здорoвьце,
Ты пошел на службу государеву
С восемнадцати годышков молоденьких,
Пошел ты за горы да за высокие,
За озерышки широкие,
В городочки незнакомые,
Во прозваньице пошел во тяжелые,
Ты во эти во полки да генеральские,
Во ряды да во солдатские,
Ты под этии под пулюшки свинцовые,
30 Ты под этии снарядушки тяжелые,
Ты под этии под таночки огневые,
Погубил ты жизнь свою да молодецкую,
Погубил свое да доброе здорoвьце,
Как бы знала я да ведала
Этую великую невзгодушку,
На булавочку тебя бы распоила,
На жемчуженку тебя раскатила,
Убрала бы под замочки ключевые,
Я глядела бы на тебя да ликовалася,
40 Я смотрела бы на тебя да любовалася.
(«Я много плакала причеть, да забыла все»)

III. ПУДОЖ

Н. Е. АГЕЕВА

1. ПРОВОДЫ СЫНОВЕЙ

На кого была надеюшка
У меня, бедной у горюшицы,
Надеялась я, беднушка,
На рождёных моих детушек,
Только думала, несчастная —
Будут хлебушки мне летные,
Перемена будет лёгкая.
На ту пору на то времечко,
На моё бедно несчастье
10 Как беда така случилася
От врага да от проклятого,
Да от немца разнесчастного.
Как приотправила я, беднушка,
Трёх сынков своих рождёных
За лесушки за тёмные,
За горы за высокие,
За болотушки топистые,
За реченьки за быстрые,
За круглисты за озёрушки,
20 За шумячее Онегушко,
За синее за морюшко.
Всё я думала, несчастная,
Что в бурлакушки я вольные,
Да по денежки довольные,
А как на тую пору-времечко
Погубили у меня, беднушки,
Как рождёных моих детушек,
Саму большую скачёную жемчужинку,
Саму меньшую скачёную жемчужинку.
30 Уж пристреляли ихни ноженки,

Да и бедные головушки,
И ретивое сердечушко.
У рождённых моих детушек
Уж пролили кровь горячую
За свою они за Родину,
За несчастных родителей.
Нынче я, бедна горящица,
Плотно-крепко уливаюся,
Да вслед их туда собираюся.
40 Говорю, бедна горящица,
Со своим рождённым детушкам,
Да со дочушкам любимым:
«Вы купите-ко, пожалуйста,
Как машины скороходные,
Аэропланы вы воздушные,
Вы отправьте-ко горящицу,
Меня бедную, несчастную,
Вы в державы чужестранные,
В городочки незнакомые,
50 Разыщу, бедна горящица,
Я могилушку военную,
Паду клубом на сыру землю,
Паду червом во сыру землю.
Не могу ль, бедна горящица,
Поразбавить-поразговорить,
Я рождённых своих детушек,
Я сыночков любимых?»
Видно век тое не водится
Из мертвых живы не родятся,
60 Да с могилы не воротятся.
Как возростила я, беднушка,
Как своих рождённых детушек.
Было стадушко детиное,
Да большое лебединое.
Всё я думала горящица:
Не возростить малых детушек
Мне до полного до возраста.
А как нонечу-теперечу
Я возростила горящица,
70 Растеряла всех я, беднушка,
Как рождённых своих детушек,
А того да не началась,
Что возрощу нынче, беднушка,
Самого да меньшего,
Да сынка моего любимого.
Как на тую пору-времечко,

Как на нас да принаехали
Эти немцы-то проклятые,
Да германцы-то злодейные.
80 Как моя маленька скачёная
Недоросла деревиночка,
Недозрела ягодиночка,
Говорил рождёный дитяtko:
«Погоди, родитель матушка,
Защитим свою мы Родину».
Так встречала я, горющица,
Его во зимнюю во порушку,
На путистой на дороженьке,
Думала, ворочу, бедна горющица,
90 Своего сынка рождёного,
Я возрощу, бедна беднушка,
Хоть до полного до возраста.
Ты моё бажёно дитяtko,
Пусть доросла деревиночка,
Пусть дозрела ягодиночка,
Не отпустили мне, горющице,
Своего сынка бажёного,
Защищал он свою Родину
В партизанском отрядушке.
100 Провожала я, горющица,
Надоела, многобеднушка,
Я начальникам всем высшим,
Помешала как я, беднушка,
Со слезами со горючими.
Говорила, многобеднушка,
Я начальникам всевышним:
«Как моего сынка бажёного
Как не встретит боле бабушка,
Да родитель его матушка
110 На путистой на дороженьке».
Вся я бедна срадовалася
Как положили сыночка-то бажёного,
С партизанов-то повывели,
Да в отряды-то повывели,
Как бывает да приостанется,
Да как домой да призаглянется.
На ту пору на то времечко
Рвутся пушки снаряжёные,
Да оружия большепулие
120 У моей да у скачёной,
У скачёной жемчужинки.
Его ноженьки приломаны,

Да сердечушко присóрвано,
Да совсем-то искалечено.
Как не мог рожёно дитяtko
Он бежать, да отдалитися,
От фашиста от проклятого,
Как припал да ко сырой земле,
Весь он кровью заливается.
130 Уж там хоромное строеньице
Не крепко ему сколочено,
Во сыру земелку кладено,
Да постелька не положена,
И оуткой не закрытое,
Уж во земелке перекатаной.
Мои слёзы не жемчужные,
Моё личико не бумажное,
А моё лицо не вымокнет,
А от ветрушка не выветрит,
140 И от солнушка не высохнет.
Уж подсохнет личко белое
От несчастных от солдатских слёз,
От несчастных от военных.
Кабы было тоё времячко,
Да законы тые верные,
Да жива тая могилушка,
Я уж скрылася бы, беднушка,
Во ту могилушку в сыру землю,
Уж того да мне тошнехонько,
150 Да того мне обиднёшенько.

П. Ф. АНДРИАНОВА

2. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНОВЕЙ

Как отправила я, беднушка,
Своего сына бажёного
На чужу дальнюю сторонушку,
Во солдатушки победные,
Во матросы горегорькие
За Онегушка шумливые,
За струисты речки быстрые.
Судьи-власти немилостивы,
У них сердечка нежалостивы.
10 Как живи, моё рожёное,
На чужой дальней сторонушке,

Ты вином не упивайся-тко,
Табакoм не занимайся-тко,
И картами не забавляйся-тко,
Кто играет в солдатах в карты
Того бьют да больно палками.
А кто вином да упивается,
Тот под стражу кладывается.
Ты пиши-тко, мой, пожалуста,
20 Как рожёно моё дитяtko,
Скорописчатую грамотку.
Придёт вёснущка разливная,
Будет летушко красиве,
Как затрубят в лесах пастыри,
А на полянках будут пахари,
Не могу дожидаться, беднушка,
Своего сына бажёного
Я со трудной со работушки,
Со поляны со распахотной,
30 А со лужков да сенокосных.
Так напиши-тко мне, пожалуста,
Скорописчатую грамотку,
Так ты пошли-тко мне, пожалуста,
Не по гусям не по лебедям,
Не по серым малым утушкам,
А ты пошли-тко мне, пожалуста,
По касатым летным ластушкам,
Прилетят да потихошеньку,
Припадут ко мне близёшенько,
40 Как расскажут мне-ко беднушке,
Про тебя, моё бажёное.
А сама стара-старешенька,
А здоровьицем плохoшенька,
Поясок ношу слабешенько.

Е. А. БАШКИРОВА

3. ПО УМЕРШЕМУ ОТЦУ

Мне повыстать было, беднушке,
Не от пения церковного,
Не от звону колокольного
Не от сегодняшнему денечку,
Видно надо обстыдितися,

Принародно обстыдитися.
По сегодняшнему денечку
Ко родителю ко батюшке
Зарослася путь-дороженька,
10 Да не ельничком, березничком,
Частым мелким орешничком,
Этот ельничек повысеку,
Я березничек повырублю,
Шелкову траву ногой стопчу,
Доберусь к родителю батюшку.
До сегодняшнего денечку
У родителя у батюшка
Там стояла нова горница
При косивчатых окошечках,
20 Там сидел кормилец батюшко,
Под косивчатым окошечком
Дожидался родну девушку
Ко годовому ко праздничку.
Там уж пели птички-пташечки,
Да спевали воробюшки,
Дожидали меня, беднушку,
Ко годовому ко праздничку.
Стала беднушка трогатися —
Стала горенка теряться,
30 Улетели птички-пташица,
Одна пташица осталася,
Говорила мне, победнушке,
Вижу птиценьку по пёрышку,
Сироту вижу по платицу.
Как у птицы перо сменное,
У сиротки платье бедное;
По сегодняшнему денечку,
К моему витому гнёздышку,
Прилетела птичка-пташица,
40 Говорила мне, победнушке:
«Ты вставай, моя голубушка,
Ты по раннему по утрышку,
До петуньего спеваньица,
До кукушьего кукованьица.
О годовом о праздничке
Буде угодничкам прощеньице,
С того свету распушеньице,
Ты зайди, сиротна девушка,
В божью церковь во священную,
50 Там стоит кормилец батюшко
У свечей да продавателем,

У лампадок зажигателем».
Я зашла, сиротна девушка,
В божью церковь во священную,
Не стоит родитель батюшко
У лампадок зажигателем,
У свечей да продавателем.

А. П. БАЯННАЯ

4. В ОЖИДАНИИ ВЕСТЕЙ

Как сегодняшним-то денечком
Я сижу, бедна горюшица,
За столом да за дубовым,
За питьем да за медовым,
Да за яствами сахарными.
Досыта́ гость наедается,
Допьяна́ да напивается,
Со стола хлеб не теряется.
Верно ведает сердечушко
10 У моего сына бажёного,
Есть над головушкой досадушка,
На сердечке попеченьице,
Верно наб пойти, поехати
На чужу дальнюю сторонущу,
От своей да молодой жены,
От родительки от матушки,
Ему за волокы за дальние,
За лесушка-то тёмные,
За Онегушка шумливые.
20 Так закатилось солнце красное
У меня-то ведь, у беднушки,
У горюши, бедной матери,
За горы за высокие,
Так не станет пекчи солнышко,
Согревать да меня, беднушки.
Оно станет пекчи солнышко
Как по вечеру по позднему,
Да по утрушку по раннему,
Упекёт да по головушке,
30 Не зайдёт да во сердечушко,
У меня, бедной горюшице,
Не согреет меня, беднушки,

Ни весной да о христова дни,
А ни летом о петрова дни,
Погребочки ледку ярого,
А заносы снежку белого.
Своего сына жадобного
Отпустила я ведь, беднушка,
На чужу дальнюю сторонущу,
40 Не в бурлакушки во вольные,
Не по денежки довольные,
Не в сельсовет да председателем,
Не во лавочки торговые,
Продавцом да магазинным.
Отпустила я ведь, беднушка,
Как на службу государскую,
На военное на полюшко,
На большое я сраженьице.
На чужой дальней сторонущке
50 Нету завтраков-то ранних,
Нет обедов полудённых,
Нет ужинов вечерних,
Вместо ужинов вечерних
Там ложеньице-то позднее,
Вместо обедов полуденных
Как на полюшке на бранном
Разгулялася метелица,
Занесло да снежком белым
Как почтовые дороженьки,
60 Призамёрзли речки быстрые,
Ни пройти, да ни проехати
Моему сыну бажёному
На свою родиму сторону,
Ко своей родитель матушке.
Как родитель ведь да матушка
Была денна его заступница,
А ночна да богомольница.
Я сижу, бедна горющица,
Под косивчатым окошечком,
70 Дожидаюся я, беднушка,
Скорописчатую грамотку.
Как сегодняшним-то денечком
Прилетела птичка-пташица,
Как под правым-то под крылышком
Принесла весточку радостну.
Так применила я ведь, беднушка,
Ко тому ко личку другому,
Ко тому сердцу ретивому,

От своего сына бажёного
80 Я писемко долгожданное.
А пришел круглый долгий годичек,
Дождалась я ведь, беднушка,
Своего сына бажёного.
Как распекло да солнце красное
Во мое да вито гнездышко,
Прошел круглый долгий годичек,
Как пришло да расставаньице.
Уж накатилась туча темная
Со громами да со молнией,
90 Накатилась туча темная
На ретивое сердечушко.
Наб пойти, да наб поехать
На чужу дальну сторонушку,
На военное на полюшко,
На большое-то сраженьице
Моему сыну баженому,
Как к оружьям заряжённым,
Как ко пушкам начинённым.
Проводила его, беднушка,
100 Я родитель ему, матушка,
Наделила таланом-участью,
Чтобы хранил да его господи,
Его буйную головушку,
Да ретивое сердечушко
От злодея-неприятеля,
И от пушек начинённых,
От оружий заряжённых.
Говорила я, беднушка,
Своему сыну бажёному:
110 «Защищай-ко ты ведь Родину,
Рожёно моё дитятко,
Не жалея-ко своей силушки,
Не жалея своей могутушки».
Как моё рожёно дитятко
Защищал да свою Родину,
Не жалел да своей силушки,
Проливал он кровь горячую
На защите земли советской,
Получил он там раненьице
120 От злодея-неприятеля,
Как моё рожёно дитятко
Выполнял он все задания
Всех начальников всевышних.
И из пушек дальнобойных

Уложил он неприятеля,
Как за этое заданьице
Получил он награжденьице.
Как моё рождёно дитятко
Пишет он мне во писёмышке:
130 «Ты читай, родитель матушка,
Моё писемышко весёлое,
И газетку со заметочкой
О твоём сыне бажёном.
Как за все эти задания
Получил я награждение,
Получил я благодарности».

.

Как сегодняшним-то денечком
Прилетела птичка-пташица,
140 Правым крыльшком ударила
О мое-то о стеколышко,
Как побудила меня, беднушку:
«Ты вставай-ко поранёшенько,
Ты вставай-ко, мать обидная,
Принесла тебе я весточку,
Да известьице хорошее
От твоего сына бажёного,
Поздравляет сын с победою
Над фашистом неприятелем».

150 Уж я мать да взрадовалася,
Вся слезами уливалася,
От моих от слез горючих
Прокатилась речка быстрая,
Как за эти круглы годички
Теперь жду да дожидаяю
Своего сына бажёного.
Как провожала его, беднушка,
Так сказала ему матушка:
«Что не пришла мне-ка смерётушка
160 При тебе, жадобно дитятко».
Как ответил мне-ка, беднушке:
«Поживи, родитель матушка,
Посмотри, что вперёд деется».
Так дожидаяю его, беднушка,
И всё помню круглы годички
Его умные словечушка,
На ретивое сердечушке
А и дал ведь мне-ка господи,
Дал мне доброго здоровьица,
170 Как дождать его бажёного

Со чужой дальней сторонушки,
Со военного со полюшка,
Со большого со сраженьица,
Со большими со наградами,
Уж распекёт да красно солнышко
В моё косивчато окошечко.

А. А. БЕЗДЕЛЬНИКОВА

5. ПО ВНУКАМ

Как от наших слез горючих,
Касата летня ластушка,
Протекла-то речка быстрая,
Широка речка глубокая
Со шумячими порогами.
Ты достань, касата ластушка,
Свою дочь саму меньшую,
Она грамотна, толковая,
И напишет нам писёмышко.
10 Не кладём твоё писёмышко
Мы на почту скороходную,
В управленье переводное,
А кладём твоё писёмышко
Мы ко птиченьке соловьюшку,
И по право кладём крылышко,
Эта птиченька не выносна,
Пролетит она не выронит,
Пронесёт вместо снежиночки,
И отправим мы соловьюшка
20 В городочка незнакомые
По прозваньицу тяжёлые,
Где война была обширная,
Где боя были кровавые.
Эта птиченька, соловьюшко,
Полетат да поразыскиват
Как рождёных наших детушек.
Как гробы-то не состроены
И кресты-то не поставлены
И вернётся эта птиченька
30 К нам с тобой, рождено дитяtko,
И расскажет нам победнушкам
Про рождёных наших детушек,
Что гробы им не состроены

И кресты там не поставлены.
Допустите меня, беднушку,
На брусову белу лавочку,
Да под косивчато окошечко,
Да под туманную околенику.
Уж глядела б я, победнушка,
40 Уж я отдали в окошечко,
Как на хоромное строеньице,
Как не пекло да красно солнышко,
А запекло да не по жалобну,
И согрело не по-летнему.
Как рождёны ваши детушки,
А бажёны мои внучатки
Как ушли они, победные,
Ну чужу дальнюю сторонушку,
Как война была горячая
50 И бои были кровавые,
Положили там головушки
Сыновья наши рождёные.

Е. Г. БОЛОТОВА

6. ПРИ ПРОВОДАХ МУЖА

Отправляю, многобеднушка,
Я законную семеюшку
Во чужу дальну сторонушку,
Я на службу на военную,
На войну кровопролитную.
Уж мы как с тобой расстанемся?
Поглядите, очи ясные,
На законную семеюшку,
При последней поре-времечке,
10 По сегодняшнему денечку
Говорю я, многобедная,
Лейтенантам-управителям,
Старшим всем руководителям:
«Вы оставьте-ко, пожалуйста,
Моего мужа любимого
Ко рождёным малым детушкам,
Как кормильца света-батюшка,
Я солдатка горегорькая,
Уж я мать многодетная,
20 Я бы им да заменилася,

Я деньгами б откупилася». Видно век того не водится,
Что оставят-ко мне, беднушке,
Как законную семьюшку,
Как уж мне этта тошнёхонько,
Мне гораздо обиднёшенько,
Мы рождёные, бажёные,
Глупы, малы недоросточки,
Уж я съездила-скаталася,
30 Я не в дальний город-Пудогу,
Отпустила да отправила
Своего мужа любимого,
Да от вас кормильца батюшка,
Я осталась, мать несчастная,
Со рожёными с бажёными
Будто курица с цыплятами,
Будто утица с утятами.
Погляжу, бедна горющица,
По высокому по терему,
40 Как у меня нонь всё потеряно,
Всё пустым стало пустёшенько,
Да у меня всё порознёшенько,
Да осередь нашей избушечки,
Невеликой фатерушечки
Стоит белая берёзонька,
Она без ветрышка шатается,
Листья к зёмле нагибаются —
Не берёзонька шатается,
Листья к зёмле нагибаются,
50 Тут сама я многобедная,
Вся слезами обливаюся.
Погляжу, бедна горющица,
На своих на глупых, малых,
Как я стану жить нонь, беднушка,
Со станицей неудольною?
У меня силушка малёшенька,
Да здоровьице плохёшенько,
Распекать своих рожёных,
Без кормильца света батюшка.

7. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Ты рожёное бажёное,
Погляжу я, многобедная,
На тебя моё рожёное,

Ты сердечно мое дитяtko,
Отправляю мать несчастная,
Тебя в годах несовершенных,
И в годах я глупых детских
Я на службу на военную,
Будто тоненьку тониночку,
10 Недорослу деревиночку,
Недозрелу ягодиночку,
В путь в дороженьку во дальнюю,
Да во дальню во печальную,
Я за горы за высокие,
За Онегушко глубокое,
Да за реченьки за быстрые,
За моря да за шумячие,
В городочки незнакомые,
Во прозваньице тяжелые.
20 Ты рождёно моё дитяtko,
Ты рождёное бажёное,
Как сердечно мое дитяtko,
Глупый малый недоросточек,
Отправляю мать несчастная,
Я несчастная детиная,
Я под танки скоробыстрые,
Да под пулюшки разрывные
Да под ружья дальнебойные,
Ты рождёно мое дитяtko,
30 Тепло красно моё солнышко,
Так болит моя головушка,
А не от жару, не от угару.
Как болит моя головушка
От великой от обидушки.
Как унывает сердце ретивое
От тоски большой досадушки.
До того да догоревано
Так во четвертый долгий годушек,
Как мои рождены детушки
40 Находились-наскитались
По фатерам натоптались,
Они кусочков насобирались.
Как бедной уж тошнешенько,
Мне гораздо обиднешенько.
Так богоданный братец-солнышко,
Разлюбезный милый кумушко,
Так поклоню буйну головушку
Покорю сердце ретивое.
Как у меня, бедной горющицы,

- 50 Со роженыма бажёныма
Вы не пейте, не кормите-ко,
Только словом не грубите-ко,
Вы меня со столу не гоните-ко,
Богоданный братец-солнышко,
Помогите мне-ка, беднушке,
Так воспитать своих рожённых
Содержать да малых детушек.
У меня у многобеднушки
У меня сила малешенька
- 60 Да здоровьице плохощенько.
Содержала, бедна, мучилась,
Я учила беспокоилась,
Все я думала, горющица,
Что будут хлебушка надеюшка,
Да мне-ка будет переменушка.
Верно то ль, бедна, счастливая,
Что у меня взяли да приотняли
Да меня бедную обидели.
Так отпустила да отправила
- 70 На чужу дальну сторонушку,
Как болит сердце ретивое,
Как унывает мое несчастное,
Мне-ка жаль тебя тошнёхонько,
Как от тебя бы не осталася,
Да с тобой бы не рассталася.

8. ПРИ ВСТРЕЧЕ С БРАТОМ МУЖА

- К нам машина подкатилася,
Дороги гости явились
Как со службы со военной,
Со войны кровопролитной.
Богоданной братец солнышко,
Кого ждали того дóждали,
Дождались так срадовались.
Богоданной братец солнышко,
Возлюбленный милой кумушко,
- 10 Говори-тко, не затаивай,
Меня бедной не обманывай.
Расскажи-тко, братец солнышко,
Где оставили, пожалуйста,
Своего братца родимого,

Моего мужа любимого,
 Там в убитых, али в раненых,
 Али у его без вести пропадено?
 У меня, у многобеднушки,
 Приотпущено, отправлено,
 20 Два удалых добрых молодца
 На чужу-дальну сторонушку,
 На службу на военную,
 На войну кровопролитную.
 Рожёное бажёное,
 Сердечно моё дитятко,
 Рожёное бажёное,
 Да сердечно моё дитятко,
 Да законная семеюшка,
 Так четвертый долгий годышек
 30 Не могу дожидаться, беднушка,
 Ни письма себе, ни грамотки,
 Да никакого нет известица,
 Так всю долит бедну обидушка,
 Да неудольная кручинушка.
 Отпустила да отправила
 На чужу дальную сторонушку,
 Так мне-ка жаль бедной тошнёхонько,
 Так всё болит моя головушка,
 А не от жару не от úгару,
 40 Как болит моя головушка
 От великой от обидушки,
 Как унывает сердце ретивое
 От тоски большой — досадушки,
 До того да догорёвано,
 Во четвёртый долгий годушек.
 Как мои рожёны детушки
 Находились, наскитались,
 По фатерам нашаталися.
 Как бедной да мне тошнёхонько,
 50 Мне гораздо обиднёшенько,
 Так богоданный братец солнышко,
 Разлюбезный милый кумушко,
 Так поклоню буйну головушку,
 Покорю сердце ретивое.
 Как меня бедной горющицы
 Со рожёныма с бажёныма
 Вы не поите, не кормите-ко,
 Только словом не грубите-ко.
 Вы меня с дому не гоните-ко.
 60 Богоданной братец кумушко,

Помогите мне-ка, беднушке,
Так воспитать моих рождённых,
Содержать да малых детушек.
У меня, у многобеднушки,
У меня силушка малёшенька,
Да здоровьице плохёшенько.

Д. Ф. БЫЧКОВА

9. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Как по сегодняшнему денечку
Выставала я ранёшенько,
Умывалась я белёшенько,
До петуньего спеваньица,
До загозья кукованьица.
Я пришла, да горе бедное,
Я пришла, да горе несчастное,
Ко родиму милу брателку,
Покорилась я да беднушка:
10 «Уж ты съезди, милый братушко,
За текущу быстру реченьку,
За добротушкой за матушкой.
Уж ты сядь, родимый братушко,
На кормы да и правителем,
А я сяду уж да беднушка,
Уж как в нос да во весёлышка.
Мы поедем, горебедные,
Через текущу быстру реченьку,
Ко милостивой троицы,
20 Ко святой да богородицы».
Мы пришли с родимым братушком
Да ко милоей да троице,
Ко святой да богородице,
Ко святому богомольицу,
Всё глядели да приглядывали --
Не могли увидеть матушки
По народу православному,
И ни с личеством ни с роднеством,
Ни кудрявыма волоскамы.
30 Да и отвернёмся мы, беднушки,
Да от милостивой троицы,
От пресвятой да богородицы.

И выходим, горебедные,
На перёное крылечушко
Летит птиченька по-птичьему,
Говорит по-человечьему:
«Ты поди, подружка милая,
Во зелёную во рощенку,
А во садку садовитую,
40 А в оградку градовитую,
Там твоя добротка матушка
Во зелёной-то во рошенке,
У ней наварено, напечено,
Из окна в окно мотается,
Всё тебя да дожидается».
Я пошла да только, беднушка,
Я во рощу садовитую
Я в оградку градовитую,
Поискать добротки матушки.
50 Вы не вейте, ветры буйные,
Вы не шатайтесь, леси тёмные,
Не трясись, роща зелёная,
Пропустите меня, беднушку,
Не сплетайсе, шелкова трава.
У моей доброты матушки
Там дорожка не натоптана,
Там у зайки не пробежано,
У горностайки не проскакано.
И притти да мне-ка, беднушке,
60 Протоптать мне-ка дороженьку,
Прокласть да следовицинька.
Это чудо сочудилосе,
Это диво сдивовалосе
У моей доброты матушки,
Нова горница срубиласе.
Стала горница трогатисе
Да в сыру землю хуцетисе.
Ты не пугайсе, доброта матушка,
Я твоя дочка любимая,
70 Я пошла, бедна, похвастала
Да своей сёструшки любимой,
Что приведу доброту матушку,
Во любимое гостибище.
Уж ты проклятая обидушка,
Впереди да не заскакивай,
А злодейная кручинушка,
По бокам да не заскакивай,
Не пройти да горю бедному

Я пришла к доброты матушки,
80 Куда сись да усадитися,
Да куда стать да устоятисе,
Да как сись ко буйной ко головушке —
У мя матушка осердится,
Как стать ко резвыим ко ноженькам —
Моя матушка схудоумится.
Сама знаю, сама ведаю
Сяду, горе бедное, ко ретивому ко сердечушку,
А ко личику ко блёклому,
А поразбаю-поразговорю
90 Да свою доброту матушку.
Мне на вешний день не выбаять,
На осенну ночь не высказать
Про своё да горе бедное,
Про свою да и обидушку.
Ты пойдём, доброта матушка,
Во моё чисто гостибище,
Я пошла, бедна, похвастала
Своей сестрице голубушке
А твоей дочке любимой,
100 Что приведу доброту матушку,
А уж век того не водится,
Мёртвый с погоста не воротится,
Не видать доброты матушки.
Хожу я только, беднушка,
Серы камешки наищуся,
К ретиву сердцу наприжимаюся,
Тебя, матушка, надождаюся.
Не могла дожждаться, беднушка,
Я тебя, доброта матушка.
110 На судимой-то сторонушке,
Надо жить моя голубушка,
Помягче шелковой да травушки,
Потише колодцевой да водушки,
Наб круто ходить — не бегать,
А весело жить — не смеяться,
А кручинно да и не плакати.
Круто ходишь — заспешиласе,
Тихо ходишь — залениласе.
По избы-то наб не бегати,
120 А в окошко не заглядывати,
А на судимой-то сторонушке
Надо силушка звериная,
А могут да лошадиная,
А вышла я да молодёшенька

У меня силушка малёшенька,
Десять лет изба не смывана,
Десять лет б́уки не бучены,
Всё меня да добиралися,
Моей силы догребалисе.
130 Нет у меня да заборонушки,
Уж как нет да и заступителя.
Я одна, бедна, несчастная,
Я одна да горегорькая,
Я сижу да с прсклятой обидушкой,
Да с несчастной кручинушкой,
Я в обиду заклекаюся,
Я в кручину заикаюся,
Некому выбаять обидушки,
Некому высказать кручинушки,
140 Чужа баба — не матушка,
Чужой мужик да и не батюшка.

И. Н. БЫЧКОВА

10. НА МОГИЛЕ МУЖА

Путь-дороженька кончалася,
Мне могилка показалася.
Как пришла, бедна горящица,
Как пришла да молода жена
На могилку на родительску,
На шукавку человеческу
К своему мужу законному,
К разговорной семеюшке,
Как отдали мне-ка не высказать,
10 Свысока мне-ка не выплакать,
Подойду к нему близёшенько,
Поклонюся я низёшенько,
Уж я сяду да повыплачу
Как с ретивого сердечушка
Я злодейную обидушку,
Как великую кручинушку
Своему мужу законному.
Как справлялася я, беднушка,
Я сегодняшним денечком
20 Во любимое гостибище,
Я справлялася скорёшенько,

Умывалася белёшенько,
Прилетела ко мне, беднушке,
Птичка веща, соловеюшко,
Право крылышко расправила,
По околентке ударила,
Как справляйся-тко, голубушка,
К своему мужу законному.
Как сегодняшним-то денечком
30 Есть ведь грешникам прощеньице,
А безгрешным разрешеньице
Как во будущем векушке.
Как я шла да торопилася,
Шла я улушкой плановой
Как дорожкой почтовой,
Где крута горка — бегом бегу,
Где бачажка — там червом пльву.
Уж я шла да торопилася
К своему мужу законному,
40 Попадали мне-ка, беднушке,
Попадали три мне встречушки:
Перва встречушка — обидушка,
Друга встречушка — кручинушка,
Третья встреча — горячи слезы.
Я с обидушки сошью лодочку
А с кручинушки весёлышки
Со моих-то слёз горячих
Побежали речки быстрые.
Уж как села я, победнушка,
50 Как во этую во лодушку,
Как приехала, горющица,
К своему мужу законному,
Так вы завийте, ветры буйные,
Растащайте пески жёлтые,
Как размойся-ко, могилушка,
Как откройся, гробова доска,
Покажись-ко тело мёртвое,
Тело мёртво, личко блёклое.
Прилетите с неба ангелы,
60 С неба ангелы-архангелы,
Пресвята да богородица,
Принесите-тко, пожалуйста,
Как во этое во телушко,
Как во этое сердечушко,
Принесите-тко здыханьице
Моему мужу законному,
Во рученьки маханьице,

А во ноженьки хожаньице,
Во уста да говореньице.
70 Как не скажет ли мне, беднушке,
От сердечушка словечушка,
От ретивого единого,
Я и тем буду радёхонька.
Но верно век того не водится,
Живой с мёртвого не родится.
Не дожидаться мне-ка, беднушке,
От сердечушка словечушка,
От ретивого единого,
Своего мужа законного,
80 От сговорной семеюшки.
Не столько я повыплакала,
Больше я повысказала,
Растерялася я, беднушка,
Как со своима родныма детушками.

И. Я. ВАХРАМЕЕВА

11. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Ох как пойти мне-ка, горющице,
Мне от пения церковного,
Мне от звону колокольного
Мне на буювку ильинскую,
На могилку на родительску,
Ко добротушке ко матушке,
Ко великому желаньицу.
После моего бываньица,
После моего хожаньица
10 Зарослася путь-дороженька
Ко добротушке ко матушке,
Зарослася путь-дороженька
Частым ельничком, березничком.
Частым ельничком, ересничком.
Порасчищу путь-дороженьку,
Секарев возьму едрёных,
Обирателей толковых.
Как сегодняшним денечком
Поезжала красна девушка
20 Ко годовому ко праздничку,
Утром выстала — не мылася,

Пошла — богу не молилася,
Всё к обедне торопилася.
Я стояла, красна девушка,
Возле церкви просвещёной
На обедне богомольной,
Я стояла все приглядала
По народу людям добрым,
Я по вольному по возрасту,
30 Да по личушку по блёклому,
Да по цветному по платицу,
Не могла увидеть, беднушка,
Я тебя, родитель матушка.
А пошла сиротка девушка
Я с обедни просвещёной,
А на правой-то на рученьке
Как увидла нову горницу,
Как во этой новой горенке
Как моя родитель матушка,
40 Стала к горенке двигатися —
Стала горенка терятися.
Как сегодняшнего денечка
Вы завейте, ветры буйные,
Разнесите, ветры буйные,
Со горушицы желты пески,
Подо мной сиротской девушкой
Расступись-ка, мать-сыра земля,
Расколись-ко, гробова доска,
Покажись-ко, личко блёклое,
50 Личко блёклое, тело мёртвое.
Дай-ко боже, дай-ко господи
Как моей доброте матушке
Во белых грудях дыханьца.
В могучих руках маханьца,
Во ясных очах миганьца,
Собралися дети бедные
Ко тебе, родитель матушка.
Как сегодняшним-то денечком
Поезжала я, горюшица,
60 Ко годовому ко праздничку,
Прилетала птичка-пташица
Ко косивчату окошечку,
Говорила мне-ка, беднушке,
Поезжай-ка, красна девушка,
Ко годовому ко праздничку.
На годовом-то праздничке
Будет грешникам прощеннице,

С того свету распушеньице.
Обманула птичка пташица, —
70 Не пришла родитель матушка.
Я пришла, родитель матушка,
На могилку на умёршую,
Не встават родитель матушка
Со могилки со сырой земли.

М. И. ГРОМОВА

12. ПО УМЕРШЕМУ СЫНУ

Как спала многобеднушка,
По раннему по утрышку
Прилетела ко мне, беднушке,
Соловейка, птичка вещая,
Как сказала мне-ка, беднушке:
«Ты вставай, моя голубушка,
Вещевая птичка вещая,
По сегодняшнему денечку
Новы чуда объявились,
10 Со мертвых живы родилися.
Ты вставай-ка поранёшеньку,
Умывайся не белёшенько,
Торопись-ко поскорёшенько,
На травку-борявку покровскую,
На могилку на родительску».
Но сказала птичка вещая:
Нам ко рожёному ко дитятку
Дороженька проторена,
Следочки прокладены.
20 Я ставала поранёшеньку,
Умывалась не белёшенько,
Торопилась поскорёшенько
На буявку на покровскую,
На могилку на родительску.
Прихожу я, многобеднушка,
Как дорожка не проторена,
А следочки не прокладены.
После моего бываньица,
Заросталась путь-дороженька,
30 Копорнягом она ельничком,
Тонким маленьким березничком,
Горьким тоненьким осинничком.

Пойти мне, многобеднушке,
 Ко рожёному ко дитятку,
 Проторить мне-ка дороженьку,
 Мне повыронить слезиночку,
 Пропустить мне ручейночки.
 Помолюсь богу, покланяюсь,
 Вы повийте, ветры буйные,
 40 Со четырёх всех сторонушек,
 Не сорвите, ветерочки,
 Со домочков шоломочки,
 Со часовенок кресточиков,
 Со божьих церквей главочиков,
 А сорвите, ветры буйные,
 Со могилушки песочки.
 Покажись-ка мне-ка, беднушке,
 Гроб-колода тёсу белого,
 Тёло мёртво, личко блёклое,
 50 Налетите с небес ангелы,
 Кладите в рученьки маханьца,
 В ноженьки хоженьца,
 Во ясны очи гляженьца,
 Во язык да говореньца.
 Прихожу я, многобеднушка,
 Ко рожёному ко дитятку
 На любимое гостебище,
 Как соврала птичка вещая,
 Дубовы столы не ставлены,
 60 Много кушаний не кладено.
 Ты рожёно мое дитятко,
 Ты хоть сядем, да подумаем
 И обидье рассоветуем
 Приходи-ко ко мне, беднушке,
 Ко добротушке ко матушке,
 Ты скажи, мое рожёное,
 Когда звать мне тебя, беднушке,
 Во любимое гостебище,
 Звать по раннему по утрышку,
 70 Аль по позднему по вечеру?
 Если по раннему по утрышку —
 Будут кушанья не спечены,
 Звать по позднему по вечеру —
 Будут кушанья приедены,
 Осередки денька белого —
 Может, дома не застанете,
 Буду на трудной на работушке.
 Не богатсе богатство,

Окаянно одиночество,
80 Приходи-ко ко мне, беднущке,
Придь на трудную работушку,
На одинку, без крещёнушек,
Тут ведь мы с тобой набаемся,
Мы довольно повидаемся,
Если во зимню пору-времячко —
Пригоню к тебе я, беднущка,
Пару конюшек вороных,
А во летню пору-времячко —
Пригоню к тебе я, беднущка,
90 Лёгку маленькую лодочку,
Охти мне-ка да тошнёхонько,
Да гораздо обиднёшенько.
Хоть ходила, многобеднущка,
Ко рождёному ко дитятку,
На любимое гостебище,
Я обиды не убавила,
Только больше поприбавила.
Как не ладно верно вздумала,
Верно век тоё не водится,
100 Со мертвых живо не родится.
Без тебя, моё рождёное,
Понаскоплено обидушки,
Мне во летний день не высказать,
На ербовой лист не выписать.
Нашлись бы люди смелые —
Распластали б груди белые,
И повыняли обидушку,
И повырыли кручинушку.
Придёт вёснушка красивая,
110 Пора-времячко тоскливое,
По полянкам пойдут пахари,
По лесам да пойдут пастыри,
Посмотрю я, многобеднущка,
Во косивчато окошечко,
На улицу на плановую,
На дорожку на почтовую,
Молодцы пойдут толпицами,
Красны девушки станицами.
Стану, беднущка, приглядывать
120 Своего рожёна дитятка,
Стану беднущка, приглядывать
Я по волосу, по возрасту,
Да по желтым кудёрышкам.

13. ПО СЫНУ, ПОГИБШЕМУ НА ФРОНТЕ

Сына в армию отправила
 Я на службу на военную,
 Я тем самым гордилася
 Что ушёл сыночек в армию,
 Мне родной сынок наказывал,
 И меня он уговаривал:
 «Ты не плачь-ко, моя матушка,
 Моя служба-то недолгая,
 Я вернусь скоро на родину
 10 И не забуду тебя, матушка».
 Уж как с сыном я прощалася,
 Благословляла своего сына
 Я на службу на военную,
 Наказала своему сыну:
 «Ты рождёно мое дитятко,
 Держи головушку поклонную,
 И сердечушко покорное
 Ко своим да ко начальникам,
 Будь солдатушкой примерным
 20 Если случится невзгодушка,
 Нападают враги коварные
 Встань защитой неизменной».
 Я уж с сыном порассталася —
 После долго обживалася,
 Деньки долгие казались,
 Бессонны ночки коротались,
 Мне худые сны казались.
 Как наставала туча тёмная,
 Туча темная, пригромная,
 30 Со стрелой туча со огненной,
 Туча скоро поднималася
 У меня у дома оказалась,
 Грома больше приударило,
 Огня больше поприбавило,
 По моей избы ударило,
 Мою хату опрокинуло.
 Тут я бедна просыпалася,
 Сердце клубышком свивалось,
 Нехорошо мне показалось,
 40 Не через долгу пору-времечко
 Как мой-то сны сбывались,
 И тут война-то объявлялася,

Тут я бедна догадалася,
Мои сны да разгадалися.
Не мою избу ударило,
А моего сына бажёного
Как во буйную головушку.
Как моё рожёно дитяtko
Был военным пограничником,
50 И его первая невзгодушка
С той поры и с того времечка
Не получаю, мать несчастная,
Ни письма да я ни грамотки,
Никакой-то нету весточки,
У меня, бедной горющицы,
Сердце кровью обливается,
И глаза не высыхаются.
Как я сяду, да победнушка,
Под косивчато окошечко,
60 Погляжу я в ту сторонущу,
Куда беднушка отправила
Я свое рожёно дитяtko,
Он во сне-то мне не кажется,
И наяву да не объявится.
Уж я думаю, победнушка:
Видно вражья пуля меткая
Прострелила груди белые.
Али буйную головушку,
Как опустились ручки белые,
70 И подломились ножки резвые,
И закатились очи ясные,
И не увидит красно солнышко
Он своей доброты матушки,
И не увидеть мне как, беднушке.
Не через долгу пору-времячко
Как мои-то сны сбывались,
И тут война-то объявилася.
Тут я бедна догадалася —
Мои сны да разгадалися —
80 Не мою избу ударило,
А моего сына бажёного
Как во буйную головушку.
Как мое рожёно дитетко
Был военным пограничником
И его первая невзгодушка,
С той поры и с того времячки
Не получаю, мать несчастная,
Ни письма да я, ни грамотки,

Никакой да нету весточки.
90 У меня бедной горющицы
Сердце кровью обливается
Своего сына любимого,
Лежит на полюшке на бранном,
Не сокручен, не налаженный,
В гробову доску не кладеный.

В. И. ЕРОХОВА

14. ПО УМЕРЩЕМУ МУЖУ

Уж как сесть было мне, беднушке,
На точёную скамеечку,
Напротив да личка блёклого,
Супротив сердца ретивого.
Уж спросить было мне, беднушке,
Куда справился-наладился,
Сокрутился да отправился
Уж ты, моя семья законная,
Да семеюшка сговорная,
10 Уж ты ко праздничку годовому
Да к воскресеньицу христовому,
Ко заутрене ко ранней,
Ко обедне к полудённой,
Аль на трудную работушку?
Уж сама знаю, сама ведаю,
Я вдова благочесливая,
Куда справился-наладился,
Не к заутрене ко ранней
Не к обедне полудённой,
20 Да не на трудную работушку.
Сама знаю, сама ведаю,
Я вдова благочесливая,
У ты платьице не празднично,
У ты платье не недельное
У ты платьице умёршее,
Уж ты справился-наладился
На искат-гору высокую,
На погост да к богородице,
Ты во матушку-сыру землю,
30 Нонь от нас да отдаляешься,
В сыру землю жить справляешься.

Нонь спрошу, бедна горящица,
Я вдова благочесливая,
У тебя, семья законная,
Да семеюшка сговорная,
На кого ты оставляешь
Своих бажёных малых детушек?
Как моим бажёным детушкам
В ком искать великого желаньица.
40 Как во ветрышках во буйных,
Аль во серых во камешках?
Когда камешек расколется —
Тогда желаньице откроется,
Куды ветрушки задуются —
Туды укатится желаньице.
Не видать бажёным детушкам
Как великого желаньица,
Как твои родимы детушки
Будут на улочке дракливые,
50 Да в избушке хлопотливые,
За столом да большевитные,
На работке малосильные,
Будут за плечушка потолнуты,
За волосушка подёрнуты,
Во головушку пощёлнуты,
Нету крепкой-то заступушки
Нынь кормильца света батюшка.
Нонь у нас-то у победных
Нету раннего бужателя,
60 Нету позднего ложателя,
На работку наряжателя,
Уж как нынечу-теперечу
Придёт вёснушка красивая,
Пора-времячко тоскливое,
Придёт рыбе нарастаньице,
Да жегожье кукованьице,
Пахаря пойдут в чисты поля,
Секари да во темны леса,
Рыболовы на сини моря,
70 Да на круглистые озёрышка.
Как у нас-то у победных
Нету пахаря в чистых полях,
Секаря да во темных лесах,
Рыболова на синих морях,
Ни на круглистых озерышках.
Как одолит меня, беднушку,
Та злодийная обидушка,

Окаянная кручинушка,
Сокрушат да горючи слёзы.

(«Кладут в гроб»)

- 80 Уж как сердечны малы детушки,
Собирайтесь-ко, бажёные,
Вы ко домику ко новому,
Да ко гробику к сосновому,
Уж как ваш родитель батюшка
В новый гроб да собирается,
И досками закрывается,
И гвоздями забивается,
Он от нас да отдаляется,
В сыру землю жить справляется,
90 Отвезем мы недалёшенько,
Спустим в землю глубинёшенько.
Уж как нынечу-теперечу,
Уж как век того не водится,
Живой с мёртвого не родится,
Да с погоста не воротится,
У ворот не поколотится,
У окна не постучается,
К нам в избу не подавается.
Уж не видать, бажёны детушки,
100 Вам кормильца света батюшка
Уж как веки нерушимые.

(«На могиле»)

- Как пойти мне было, беднушке,
От божьей церкви просвещёной
От главы да колокольней,
Да от пения церковного
Уж по бுவке петровской
На могилку человеческу.
Как после моего бываньица,
После долгого хожаньица
110 Не проторена путь-дороженька,
И у червущка не проплыто,
У горностая не пробежено,
Да у зайка не проскакано.
После моего бываньица,
После моего хожаньица
Зарослася путь-дороженька,
Она ельничком, березничком,
Тонким маленьким олешиничком,
Шелковой травой муравчатой,
120 На шелковой траве муравчатой
Расцвели цветы лазурьевы.

Уж как я, бедна горюшица,
Уж как ельничек повысеку,
Да березничек повырублю,
Да и олешничек повыломлю,
Зло кореньице повыведу,
Шелкову траву в ногах стопчу,
Я сомну цветы лазурьевы,
Проторю я путь-дороженьку
130 Ко своей семье законной,
Да к семейшке сговорной.
Слава богу, слава господу,
Путь-дорожка скороталася,
Да могилка показалася,
Я с умом-разумом смешалася.
Куда стать мне было, беднушке,
Стать во резвые во ноженьки —
Не услыхать да зычна голоса.
Уж как моя семья законная,
140 Да семейшка сговорная,
Уж как стану я, победная,
Да вдова благочесливая
Супротив да личка блёклого,
Супротив сердца ретивого,
Стану баять, стану говорить,
Не могу ли я, победная,
Поразбаять-поразговорить,
А своей семьи законной,
Да семейшки сговорной,
150 Не подаст ли мне-ка, беднушке,
Он своего да зычна голоса.
Как скажу, жена победная,
Я тебе, семья законная,
Как сегодня тёмной ноченькой
Мне-ка, бедной горюшице,
Прилетала птичка вещая,
У ворот да постучалася,
У окна да вещевалася,
Говорила мне-ка, беднушке:
160 «Ты вставай да горегорьякая,
Ты вставай, вдова победная,
Поспевай к заутрене ко ранней,
Ты к обедне к полудённой.
Как сегодняшнего денечку
У заутрени у ранней,
У обедни полудённой
Будет грешничкам прощеньице,

С того свету распушенице».
Я вставала-то ранёшенько,
170 Не умывалася белёшенько,
Уж я ехала-спешилася,
Шла дорожкой торопилася,
Уж я шла, бедна горюшица,
По путистой по дороженьке,
Уж я шла, бедна, шаталася,
Мне три стретушки стреталися:
Перва стретушка — обидушка,
Друга стретушка — кручинушка,
Третья стрета — горючи слезы.
180 Я обиде покорилася,
Я кручине помолилася,
Горючим слезам в покор пошла.
Не доли-тко меня, беднушку,
Как злодейная обидушка,
Да проклятая кручинушка,
Не долите, горючи слезы,
Дайте дойти да мне-ка, беднушке,
До обедни полудённой.
Как сегодняшним-то денечком
190 Да в обедне полудённой
Уж я стояла-то, победная,
Столько богу не молилася,
Всю обедню прослезилася,
Я глядела да приглядала
Уж тебя, семья законная.
Не смогла увидеть, беднушка,
Ни по росту, ни по возрасту,
Ни по платью ни по цветному.
Затем пошла, бедная горюшица,
200 К твоей могиле человеческой,
Уж я шла, бедная, шаталася,
Нова горенка казалася,
С одним маленьким окошечком,
Стала ближе-то трогатися —
Стала горенка терятися.
Не убойся-ко, пожалуйста,
Не недельна иду гостыюшка,
Не денна иду беседница,
Я иду, бедна, часовая,
210 Да часовая-минутная.
Пришла убавить я кручинушки,
Приулить да горючих-то слёз.
У меня горюшка два морюшка,

Да обиды три озёрышка,
 Горючих слёз три реки течёт,
 Сесть на летний день — не высказать,
 На осенню ночь — не выбаять,
 На гербовой лист — не выписать.
 Я наполнена обидушкой,
 220 Надоволена кручинушкой,
 Уж спрошу, бедна горющица,
 У тебя, семья законная,
 Когда посулишься к нам, наладишься,
 Во любовное во гостьбище,
 Аль о летнем о петровом дни,
 Аль о зимнем о христовом дни,
 Аль на буднеем недельном дни,
 Аль о христовом воскресеньице?
 Уж мы ждать-то будем, бедные,
 230 Дождать будем, несчастные.
 Верно век того не водится,
 Живой с мёртвого не родится,
 Не дават да мне-ка, беднушке,
 Он своего да зычна голоса,
 Уж помолюся да покланяюсь
 Пресвятой да богородице.
 Уж вы завейте, ветры буйные,
 Задожжите, дожди частые,
 Разнесите, ветры буйные,
 240 Со могилы человеческой,
 Вы по одной да по песочинке,
 Уж вы откройте, ветры буйные,
 Как его да гробову доску,
 Уж прилетите с небес ангелы,
 С небес ангелы архангелы,
 Дайте в рученьки маханьица,
 Да во ноженьки хоженьица,
 Во уста да говореньица,
 И во плечушка могутушки
 250 Как моей семье законной,
 Не могу, бедна горющица,
 Ни разбаять, ни разговорить
 Я своей семьи законной.
 Верно век тоё не водится,
 Живой с мёртвого не родится,
 И с погоста не воротится,
 Не сулится, да не ладится,
 К нам во любовное во гостьбище.

15. О СЫНОВЬЯХ-ФРОНТОВИКАХ

- Уж я встала утрышком ранёшенько,
 Умывалась белёшенько,
 Умывалась не водушкой,
 Умывалась горячьми слезами,
 До того я умывалась,
 Уж я вся да растерялася.
 Потеряла я, беднушка,
 Всех рожёных своих детушек,
 Всех прекрасных своих соколов,
 10 Сыновьев своих любимых.
 Как поехали рожёные
 Распрекрасны ясны соколы
 На войну да кроволитную,
 Я у их да подавалася,
 Я от их да поосталася,
 Я с има да порассталася.
 Говорила, многобеднушка,
 Уж я мать многодетиная,
 Голова многокручинная,
 20 Как своим рожёным детушкам:
 «Как я от вас да не остануся,
 Уж я с вами не расстануся,
 Уж я день пойду по солнышку,
 Уж я ночь пойду по месяцу».
 А приосталась многобеднушка
 На пути да на дороженьке,
 Я у заставушки Стеклянской,
 Я у бедной этой пристани.
 Как пошли они, поехали,
 30 Во печальную дороженьку,
 Я осталась, многобеднушка,
 На пути да на дороженьке,
 Со слезами со горячими.
 Провожала, многобеднушка,
 Сыновьев своих любимых,
 Говорила я, горюшица:
 «На широком на полюшке
 Вам постелька снежку белого,
 А зголовье ледку ярого,
 40 А одеяло — ветры буйные,
 А сердечные родители
 Вам ракитовые кустики,

Вам оружия заряжёные,
Да вам пулюшки готовые.
Куды вас да приотправили,
Вас троих да я отправила
На одной да на неделюшке».
Как я с нима распростилася,
Я домой да воротилася,
50 Как пришла я, многобеднушка,
У меня всё стоит пустёшенько,
Порозным да порознёшенько,
Цветны платьица по стопочкам,
Ихны шапочки по полочкам,
Приосталася я, беднушка,
Три я круглые неделюшки
Ни за что не принимаюся,
А слезами обливаюся.
Со путистой со дороженьки
60 Как я ждала-дожидалася
Письмеца от их, да грамотки,
Как христова воскресеньица.
Привезли моих рожёных
В города да незнакомые,
Во прозваньица тяжёлые,
Клали в службу их в военную,
Одного сыночка лётчиком,
А другого пулемётчиком,
Я наказывала, беднушка,
70 Своему сыну рожёному:
«Ты летай, рожёно дитяtko,
Ты летай-ко ясным соколом,
Прилети-ко ко мне, беднушке,
На родимую сторонушку».
Как написало мне рожёное
Он писёмышки частёшенько:
«Как я летаю, посражаюся,
Я с врагом да разнесчастным,
Да приеду во любимую деревенку
80 Ко своей любимой матушке».
Как попало моё рожёное
На врага да несчастного
Положил буйну головушку
На чужой дальней сторонушке,
Как послали мне-ка, беднушке,
Мне его да одеяньице,
Его сапоженьки со ноженек,
А шинелюшку со плеченок,

Лягу спать да прискутаюсь,
90 А его да одеяньицем,
Зимним согрewanьицем,
А летним красованьицем,
Всё равно да мне-ка, беднушке,
Он во снях да не покажется,
Наяву да не объявится.
Как увезен далекошенько,
Улетел да высокошенько,
Кабы были бы у беднушки,
У меня крылья гусиные
100 Да и перья лебединые,
Уж слетала бы я, беднушка,
На чужу дальну сторонушку,
Уж узнала бы я, беднушка,
Его живого или мёртвого.
Без своих сынов любимых
До того да у меня дожито,
На столе нету питаньица
Да на плечах одеваньица,
Да хоромное строеньице
110 Оно стоит да не по-старому,
А стоит да не по-прежнему.
Находилась наскиталася,
Без своих рожёных детушек,
По соседям спорядовым,
И кусочков насбиралася,
И глоточков напивалася.
Как узнала да проведала
Получила, многобеднушка,
Как узнала да проведала,
120 Получила, многобеднушка,
Про рожёного про дитятка,
Про вторую-то жемчужинку,
Уж как где оно находится
Был отправленной в военное,
Оказался он во пленном,
А и пленное-победное.
Как над им да надрыгалися,
Как над им да издевалися
Эти враги да разнесчастные,
130 Фашисты распроклятые,
Ходил да он голёшенек,
А и сидел да голоднёшенек.
А от третьего рожёного
Никакой да нет весточки,

Никакого нет писёмышка,
Ни живого нет, ни мёртвого,
Да нигде не оказалось,
Оно совсем да потерялося,
Потеряла, многобеднушка,
140 Всех рождёных своих детушек.
Как до этого-то времечка
Как я жила, многобеднушка,
Будто утица с утятами,
Будто курица с цыплятами,
А накоплено обидушки
Без рождёных моих детушек —
Сесть на вешний лёд — не выписать,
На осенний день — не выплакать.
Как уж дожито, у беднушки,
150 Нет ступистых лошадушек,
Нет удоистых коровушек,
Хоть я годами-то не старая,
А я стала приусталая,
Уж я вся приработалася,
Всё сыночков дожидалася,
И я вся порастерялася.
Встану я, многопобеднушка,
Я по утрышку по раннему,
Уж я вся порастерялася
160 И слезами обливаюся,
Унимают меня, беднушку,
Как рожёны мои детушки
А касаты мои ластушки
Говорю я своим детушкам:
«Не унимайте меня, беднушку,
Моё личко не бумажное,
Мои слезы не жемчужные,
Моё личушко несчастное
Мои слёзушки горячие».
170 Как я на то, бедна, сложилася,
Что не дожждаться мне-ка, беднушке,
Своего-то мне рожёного,
Да своего-то мне бажёного
Со стадушка детиного,
Детёночка любимого.
Я на то бедна сложилася,
Что землей-матерью покрылася,
А улетело-укачилось,
Да назад не воротилось,
180 Не могла дожждаться, беднушка,

Потеряла, многобеднушка,
Будто перстень со правой руки,
Будто крест да со белой груди,
Сыновьев своих любимых.
Кабы были вы бы при доме,
Так я и не была бы при горе,
Я бы вас да дожидалася
Я со трудной со работушки,
Как осталася я, беднушка,
190 Со рождённым со детушкам,
Со касатыма со ласточкам,
Как не во-пору не во-время,
Я вдовой да присталася,
Голова многобесщастная.
Недалёко приотправлена
Моя законная семеюшка,
А во матушку сыру землю
Боле взад да не объявится
И домой да не воротится.

Н. ЗАХАРОВА

16. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Порастроньтесь, люди добрые,
Припаду я ко могилушке,
И послушаю, несчастная,
Нонь не стонет ли сыра земля,
Не вопит ли моя матушка,
Не жалеет ли обидушки?
Ой не стонет мать-сыра земля,
Не вопит да моя матушка.
С гор катитесь, ручьи вешние,
10 Вы размойте пески жёлтые,
Поднимите гробову доску,
Пооткройте полотенечка,
Дайте раз взглянуть, горящице,
На родитель мою матушку.
Ой не льются ручьи вешние,
Не размоют песков жёлтых,
Не покажут моей матушки.
Вы взбушуйте, ветры буйные,
Да со всех ли четырёх сторон,

- 20 Размечите мать-сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку.
Не бушуют ветры буйные,
Не ударят в большой колокол
Не разбудят моей матушки.
Ох тошным да мне тошнѣхонько,
Пройдёт зимушка холодная,
Да наступит весна красная
Зацветут в рощах деревьица,
30 Запогуркивают голуби,
Запосвистывают соловушка.
У меня, бедной горюшицы,
Не сойдёт с сердца кручинушка,
Не убавится обидушка.
Распекёт да красно солнышко
Среди да лета тёплого,
Не согреет сиротинушки.
Лишь притеплит меня, беднушку,
Зелена да та дубравушка
40 На могиле моей матушки.

Т. Г. КАЛИНЦЕВА

17. НА ПРОВОДАХ ПЛЕМЯННИКОВ

- Как сегодняшним-то денечком,
Как пойдут рожёны детушки,
На чужу дальнюю сторонушку,
За лесушки за тёмные,
За Онегушко широкое.
Как сегодняшним-то денечком,
Как сидят мои бажённые,
За столом да за дубовым,
За хлебом-солью за отцовым,
10 Их уста не отворяются,
Со стола хлеб не теряется.
Как пойдёте, мои милые,
На чужу дальну сторонушку,
С города да на город,
С волока да на волок.
Чужа дальная сторонвишка,
Как не сахаром посыпана,
И не мёдом наполивана,

А слезами да горючима
20 Вы просите-тка, бажёные,
Как сердечных родителей,
Как божие благословеньице,
Как родительско прошеньице,
Со синя моря повыздынет,
На край бережка повыкинет,
С огня пламени повыведет,
Сбережёт да добрых молодцев,
От смертей да от несчастных.
Наделят да вас родители,
30 Как таланом да всё участью,
Да господней божьей милостью,
На чужой дальней сторонушке
Вы держите-ка, бажёные,
Во устах своих святителей,
Споминайте-тка родителей,
Сбережёт да вас ведь господи,
На чужой дальней сторонушке.
(«Сойдешь на буювку, так там приходит слово к слову,
сизу да и давай плакать»)

18. ПО БРАТУ

Как во нынешнем-то годичке,
Времена-то пошли новые,
Пошли смерти непутёвые,
Как пришла скорая смерётушка
К моему братцу родимому,
У ворот не колотилася,
У окошка не давалася.
Как бы у ворот поколотилася,
У окошка подавалася,
10 Я бы со смертью посудилася,
Посудила бы смерётушке
Я поля да со посевами,
Как лужка да сенокосные,
Да посулила бы я, беднушка,
Старого да либо малого
Человека волотящего.
А смерть на то не согласилася,
Взяла смеретушка человека самого лучшего,
Большого с дому начальника,

- 20 Оставила детей на сиротаньце,
А жену на поруганьце.
Да потеряли мы беднушки, потеряшечку
Обронили оброняшечку,
Потеряшечка стоит сто рублей,
Оброняшечка целу тысячу,
Как родимый братец светушка,
А всем кормилец батюшка.
Поглядите-тко, рожёны детушки,
На его-то тело мёртвое,
- 30 И на личушко на блёклое.
Не спускайте-тко, рожёные,
Своего кормильца батюшка,
Как во матушку-сыру землю.
Боле век вам не видатися
Со кормильцем светом батюшкой,
Вы простите-тко, пожалуйста,
Вы соседки порядовые,
Как соседушки порядные
Моего братца родимого.
- 40 У кого взяли не отдали,
Кому отдали — недóвзяли,
Чтобы дала богородица
Как во будущем-то векушке
Во резвы ноженьки хоженъице,
Во ясные очушки гляденъице,
Во уста да говоренъице.
-

19. О ПЛЕМЯННИКЕ В ДЕНЬ СМЕРТИ ЕГО СЕСТРЫ

- Только сесть да приосмелиться
На брусову белу лавочку,
Пропустить свой зычен голосок,
И умильно причитаньице,
Поспрошу, бедна горюшица,
Как душа с телом расставалася,
Тут никто да не попалися,
Ни сыновья твои любимые,
Мои племянчики бажёные.
- 10 Как одна-то сиротиночка
Небольшого да толку-малтанья,
А другое-то рожёно дитяtko
На чужой дальней сторонушке,
А в боях да он в великих.

Поспевай, любимый племячек,
Ко твоей родитель матушке,
Ко последнему прощаньицу,
Ко земному погребаньицу.
Есть ещё во живности,
20 Только нет его при близности,
Подавали мы рождёному
Скорописчатую грамотку,
О своей родимой матушке,
Не своя да воля вольная
На чужой дальней сторонущке,
Не спутили рождёного дитятка
Ко проследнему прощаньицу,
Ко земному погребаньицу,
Ко своей родитель-матушке.
30 Тут осталась сиротинушка,
Родимый братец светушко,
Ни отца нету, ни матушки,
Ходит по людям шатается,
Вслед желанья добирается.
Пришла вёснушка красивая,
Пришло времячко тоскливое,
Прилетели гуси-лебеди,
Серы маленькие утушки,
Так мы вышли с сиротинушкой
40 Как на улушку плановую,
Ко утехе речке быстрой,
Стали утушек выспрашивать
И лебёдушек испытывать:
«Каково вам гуси-лебеди,
Серы маленькие утушки, -
По холодной плавать водушке?»
Отвечали серы утушки:
«Как вам детушкам без матушки,
Без сердечных жить родителей,
50 Так же нам-то серым утушкам
По холодной плавать водушке.
Как сиротны малы детушки,
По бережку находятся,
Камешков насобираются
Ко сердечку накладываются,
Желаньица насобираются».
Так одно пекёт да солнышко,
По всему да свету белому,
Так живут олни родители,
60 Одни живут сердечные,

А чужи тетушки — не матушки
А чужи дядюшки — не батюшки.
Как сестрица моя, милушка,
Да любезна мила кумушка,
У тя не будет ли свиданьица,
На дороженьке — стретаньица
Со кормильцем светом батюшкой,
Со кормилицей моей матушкой,
Так расскажи-тко ты, пожалуйста,
70 Про моё-то житьё-жирушку
Как любезным милым племячкам,
И сердечным родителям,
Как живу, бедна горюшица,
Как хожу да я шатаюся,
О дубинку опираюся,
Я за щепку запинаяся,
Я хожу по горнице,
Я служу вместо подворницы.
Расскажи-тко ты, пожалуйста,
80 Как сердечным родителям
Про моё про сиротаньице,
И про бедно покликаньице.

20. НА МОГИЛЕ ПЛЕМЯННИКА

По сегодняшнему денечку
Я сидела только, беднушка,
Под косивчатом окошечком,
Ожидала только, беднушка,
От любезного от племничка
Я писёмышка, да грамотку.
А по сегодняшнему денечку
Прилетела птичка вещая,
Принесла да весть нерадостну,
10 Она в окно поколотилася,
А в стекло да постучалася,
Тут уж я да догадалася,
Видно нет его во живности,
Только нет его при близности.
Пришла весть да нехорошая
Со чужой дальней сторонушки,
Как я сошла, бедна горюшица,
На раскат зелену рощицу,

Я на буювку родительску,
20 На могилку человеческу,
Как не шуми, роца зелёная,
Не убойтеся, родители,
Не свечу везу рублевую,
Вам не перинушку шелковую,
Только тело везу мёртвое,
Как вам я личушко-то блёклое.
Пораздайся, мать-сыра земля,
Вы повеите ветры буйные,
Ты раздайся, мать-сыра земля,
30 Покажись-ка, гробова доска,
Покажись-ка, тело мёртвое,
Только личушко-то блёклое.
Моего племничка бажёного.
Как я схожу, бедна горюшица,
Писарев возьму умильных,
Лист бумаженьки ербовоёй,
И спишу я тело мёртвое,
Я срисую личко блёклое,
И кладу я эту карточку
40 Как на стёнушку лицевую,
День держать я стану во ясных очах,
А ночь держать я стану да на белой груди,
Только ждать я стану, беднушка,
Как во гости во любимые,
Во гостебище бажёное,
Пропущу, бедна горюшица,
Своима да горючми слезами
Я утеху речку быстрюю,
Возьму лодочку я лёгоньку,
50 Посажу за управителя
Как твою сестрицу милую,
Свою племничку любимую,
Сама сяду у весёлушка,
Как пешком пойдешь — пешком сведу,
А конём пойдешь — коня найму,
А привезу сына любимого
Как своей родитель матушке,
Ко сестрице ко голубушке,
Я любезного-то племничка.
60 Тут раздеем мы обидушку,
Тут повыбаем кручинушку,
Я тебя стану выпрашивать,
И своё стану рассказывать,
Как рожёно мое дитяtko

На чужой да на сторонушке,
Положил буйну головушку,
Как за веру, за отечество.

А. Г. КЕРЕЖИНА

21. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Отправляю я, беднушка,
Своего сынка любимого,
Соколочка златокрылого,
Я не первого-последнего
Во солдатушки военные,
На чужу дальнюю сторонушку.
За учётны долги годышки
Потеряла я, беднушка,
Всю семью свою любимую,
10 Сыновьёв своих бажёных
Да и детей своих рожёных.
А теперь я приосталася
Как одна да одинёшенка
Во хоромном строеньице,
Во углу сидит обидушка,
Во другом сидит кручинушка
У меня да у горящицы,
Моя печка запечалилась,
Все окошки затуманились.
20 Как рожёно моё дитятко,
Уж ты красно мое солнышко,
Как сойдешь, моё любимое,
На чужу дальнюю сторонушку
На войну да кроволитную,
Уж ты там дитя сражайся-ко,
И врагу не поддавайся-ко,
Уж ты в плен да не сдавайся-ко,
Защищай свою ты Родину
И родитель свою матушку.
30 Ты рожёно моё дитятко,
Пришло времячко расстатися,
Мне одной надо остатися,
Как умом своим подумаю
И сердечушком разведаю,

Уж мы как да порасстанемся,
Мы водой ли поразольемся,
Жемчужком да поразъедемся,
Аль конём мы поразведемся,
Мне-ка ждать тебя тошнёхонько,
40 Да пришло времячко расстатися
И одной надо остатися.
Как бы была птицей-пташицей,
Я имела б легки крылышки,
Так слетала бы я, беднушка,
На чужу дальнюю сторонушку,
На полюшко на бранное,
Ко тебе, рожёно дитятко,
Посмотрела бы я, беднушка,
На тебя, моё любимое,
50 Уж ты чем да занимаешься,
Уж ты чем да завлекаешься
Как на полюшке воснном,
Как закрыла бы я, беднушка,
Как дитя моё любимое,
Я от пулюшки летучеёй,
Я от бомбы от шипучеёй,
От врага от неприятеля.
Но я не птичка да не пташечка,
Не имею лёгких крылышек,
60 Не могу слетать я, беднушка,
В ту во дальнюю сторонушку,
Я на полюшко на бранное,
Где съезжаются-слетаются
Наши детушки любимые,
Со врагом да неприятелем,
Проливают кровь горячую
Ручейками-то кипучими,
Где ложатся наши детушки
Как на полюшко на бранное,
70 А их зголовьице — ракивов куст,
Им постелюшка — земелюшка,
А одеялышко-то небушко.
Как рожёно моё дитятко,
На родимой на сторонушке
Как ходила я ведь, беднушка,
Круг тебя, моё рожёное,
Как рожёное, бажёное,
Ты держал меня, горющицу,
Как родитель свою матушку,
80 Будто крест да на белой груди,

Будто перстень на правой руке,
Где работка не слюбилася,
Там тобой я заменилася.
А как нынечку-теперечку,
По сегодняшнему денечку,
Я с тобой да порассталася,
Я на годышки на долгие,
Уж как нынечу-теперечу,
Стала я, бедна, старёшенька,
90 Стало силушки малёшенько.
Я без ветрышка шатаюся,
За соломку спотыкаюся.
Как рожёно моё дитятко,
Ты уж красно моё солнышко,
Уж ты пиши да мне уписывай
Скорописчатую грамотку,
Уж как кладу, бедна горюшица,
Скорописчатую грамотку
Ко тому личку, ко другому,
100 Ко ретивому сердечушке
На ретивом сердечушке
У твоей родитель матушки
Есть запасы снежку белого,
Погребочки ледку ярого,
Не растают снежки белые
В вешню пору до христова дни,
А не растают ледки ярые
В летню пору о Петрова дни,
А как растают ледки ярые,
110 В тую пору в тое времячко,
Как вернёшься, моё дитятко,
Как со службы со военной
Ты с победушкой великой,
Так распекёт тут красно солнышко,
Распекёт оно светлёшенько,
Обогреет жалобнёшенько
Мою буйную головушку,
А на ретивом сердечушке
Порастают ледки ярые.

—

22. ПЛАЧ В ОЖИДАНИИ РАНЕНОГО СЫНА

Как отправить мне-ка, беднушке,
 Тебя, рождено моё дитяtko,
 Не в бурлакушки во вольные,
 Не по денежки довольные,
 Наб на службу государскую.
 Как то знаю, многобеднушка,
 Что нонь идут законы новые,
 Времена идут тяжёлые,
 Идут годушки военные.
 10 Войны, битвы непомерные,
 Так увезут тебя, бажёное,
 Да рожено моё дитяtko
 Во губерни в чужедальние,
 В городочка незнакомые,
 Во прозваньица тяжёлые,
 За морюшка за синие,
 За Онегушко шумливое,
 За реченьки за быстрые,
 Да за круглистые озёрышка,
 20 Нонь за лесушка за тёмные,
 Да за горы за высокие.
 Если будешь ты, рождёное
 Да бажёно моё дитяtko,
 Во боях будешь, сраженьицах,
 Да во опасном положеньице,
 Защищай да свою Родину,
 Ты борись, моё бажёное.
 Со врагом со супостатыим,
 Со фашистом-неприятелем.
 30 Дождать да буду, беднушка,
 От тебя, рожено дитяtko,
 Письма-грамотки да весточки,
 Да известьица весёлого,
 Я сидеть буду, горюшица,
 Под косивчатым окошечком,
 И глядеть я буду, беднушка,
 На уличку на плановую,
 На дорожку на почтовую.
 День по красному по солнышку,
 40 Ночь по светлому по месяцу,
 Дождать да письма-грамотки.
 А того не знаю, беднушка,
 Мне с какой да ждать сторонушки,

От полудня ждать от севера,
Аль от востока ждать от запада?
Уж дождалася я, горющица,
Письмо-грамотку нерадостну,
Да известье невесёлое,
Что война да сотворилася,
50 И боя да очутилася,
И злодеи-неприятели
Как фашисты супостатые,
Они хитрые да лютые,
Они хитрые, лукавые,
Забралися супостатые
Они на землю да на русскую,
На территорию советскую,
Погубили людей добрых,
Да сыновей наших бажёных.
60 Как получила-то я, беднушка,
Письмо-грамотку нерадостну,
Да известье невесёлое,
Как моё рожёно дитятко
Оно всё перекалечено,
Как от пульей-то от вражеских,
Да от снарядов неприятельских.
Да и пришлось моему рожёному,
Моему сыну бажёному
70 Лежать на полюшке на бранном,
Во крови да во сраженьице,
Целых семь да круглых суток.
Подобрали люди добрые,
Санитары те военные
Отвезли его во госпиталь.
Врачи добрые, учёные,
Излечили сына милого,
Сына милого, любимого.
Все начальство наше высшее,
Да наша Красная-то Армия
80 Как злодея-неприятеля
И фашиста супостатого
С земли русской-то повыгнали,
Да с территории повыжили,
Освободили людей русских
Как от ига от германского.
Благодарим мы Красну Армию
И своих главнокомандующих,
Отстояли нас победных
От фашиста-неприятеля.

23. ПО СЫНУ-ПАРТИЗАНУ

Уж как я, бедна горющица,
 Я от ветрушка спорожена,
 Я от камешка засеяна,
 Не в счастливый день родилася — во середу,
 Во несчастный день крестилася — в пятницу.
 Я в ту порушку родилася,
 Христа бога не случилось,
 А пресвятая богородица
 За престолом пригодилася,
 10 Наделила как меня, беднушку,
 Не таланом и не участью,
 А злодийным несчастьицем,
 И большим бесталаньицем.
 Как я росла, бедна, горющица,
 У сердечных у родителей,
 Как родители старёшеньки,
 Как мне пришлось, бедной горющице,
 По миру скитатися,
 И кусочки собирать.
 20 Возросла, бедна горющица,
 Я до полного до возрасту,
 Я всего, бедна, привидела
 И с церквой божьей ознакомилась,
 («Замуж вышла»)
 И принесла, бедна горющица
 Двух сынов, бедна, любимых,
 Голубочков златокрылых,
 И возростила горющица,
 Всё я думала, беднушка,
 Будут хлебушки столовые,
 30 И надеюшка вековая.
 Через множка поры-времечко,
 Как напали звери лютые,
 А враги-то непомерные,
 Как война да приоткрылася,
 И моря привзбушевализя,
 Как уж взяли у меня, у беднушки,
 Сыновъёв моих любимых,
 Как отправила горющица
 По путистой по дороженьке
 40 За реченьки за быстрые,
 За озёрышка круглистые,

За онегушка шумячие,
За морюшка за синие,
В городочка-то во дальние,
Во губерни незнакомые,
Во прозваньица тяжёлые,
Не в бурлакушки во вольные
И не по денежки довольные,
А отправила, горюшица,
50 Я на полюшка на бранные,
Бить врага да неприятеля,
Супостата ядовитого..
Наказала я, горюшица,
Сыновьям своим любимым:
«Вы со победушкой вернитесь-ко
Во витое во гнёздышко,
Во хоромное строеньице
Как ко мне, бедной горюшице,
Будет на сердце легошенько,
60 На несчастном веселёшенько».
Как у меня, бедной горюшицы,
Уж вся силушка приправлена,
Могутá да вся придержана,
А на несчастном сердечушке
Сумётцы снежку белого,
А погребá да ледку ярого,
А были веснушки красивые
Так тых ледочков не повынесло,
Да и снежочки не растаяли
70 С моего сердца ретивого,
И потому да не растаяли —
Нет сынков дома любимых.
А как нынечу-теперечу,
Как война да уходилася,
Нынче всё приусмирилося,
Сама скатна, сама большая жемчужинка
Как осталася во живности,
Хоть и нет его при близности.
Я сижу, бедна горюшица,
80 Под косивчатым окошечком,
Не снимаю глаз с путистой дороженьки,
Всё я жду, бедна горюшица,
Как сынков своих любимых.
А как меньшую жемчужинку
В партизаны приотправила,
Я на службу на военную,
Да я на бранное на полюшко.

Так этот круглый третий годичек
Не могу дожждаться, беднушка,
90 Я ни весточки, ни грамотки,
Никакого я известьица,
Мни-ка вьявь да он не явится.
Не могу дожждаться, беднушка,
Ни по утрышку ранёшенько,
Ни по вечеру позднёшенько,
Ни середки дня красивого,
Ни со трудной со работушки,
Я ни с позднего гуляньица,
Я ни с ранней со беседушки,
100 Я ни от годового от праздника.
Видно, однажды приотправила
Своего сынка бажёного,
Как враги да супостатые,
Как злодеи-неприятели
Его да приугробили
Во лесушке во тёмном,
Во болотушке топучеем,
(«Убит в болоте»)
А во мхах, да во зыбучьих.
Там лежит да тело мёртвое
110 Своего сынка бажёного,
Тело мёртвое не вымытое,
Личико бело не прикрытое,
Растаскали звери лютые,
Да расклевали чёрны вороны.
А как мне, бедной горющице,
Были крылышки гусиные,
А были б крылья лебединые,
Я слетала бы, горющица,
Разыскала бы я, беднушка,
120 Своего сынка бажёного,
Я бы пала бы, горющица,
На его на тело мёртвое,
На его да личко блёклое,
Подрочила бы, горющица,
По жёлтым кудёрышкам,
По всему стану человечьему,
Как мне тут да приоблегчило,
Своему сердцу несчастному.
Нынь на то, бедна, надеюся,
130 Что за сынушка любимого,
За партизанушка молодого
Не покинут люди добрые.

Уж я жду, бедна горющица,
Старшу саму жемчужинушку,
Так уж тот будет воскармливать.
Дождалась бы, бедна горющица,
Своего сынка любимого,
Я бы пала тут, горющица,
На его плечи могучие,
140 Целовала бы я, беднушка,
Я бы в тоё личко, в другое,
До того бы срадовалася
Я спросила бы, горющица:
«Ты откуль да появилися,
Со громов ли со великих,
Али со тученьки со тёмной,
Али со молвии со быстрой».
Сама знаю, сама ведаю,
Что явилось-показалось
150 Со бранного со полюшка,
Со боев да со великих,
Дождалася того, беднушка,
Своего сынка бажёного,
Голубочка сизокрылого.
Я ещё прошу, горющица,
У своего сына бажёного,
Где оставил братца солнышка,
Моего сына рожёного,
Ты ведь где да приобъехался,
160 Со своим братцем любимым,
На путистых дороженьках,
На поездах да на тяжёлых,
Аль на машинушках на скорых?
Видно, тут ты приобъехался —
На морюшке на синеем,
На параходушке красивоем,
Видно, тут да приобъехался
Со своим братцем родимым,
Не привёз ты мне-ка, беднушке,
170 Ты ни весточки, ни грамотки,
От своего братца родимого,
А от моего сынка любимого,
Видно нет его во живности.
И не дожждаться, многобеднушке,
Своего сынка любимого,
До матушки сырой земли,
До самой гробовой доски.

24. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНОВЕЙ

- По сегодняшнему денечку,
 По теперешнему времячку
 Принесли да извещеньице,
 Как моим рождёным детушкам.
 Уж как я, бедна горящица,
 Снарядила да отправила
 На чужу дальню сторонушку,
 Я на службе государскую,
 На войну кровопролитную
 10 Уж я в ротушку солдатскую.
 Уж как эта пора-времячко
 Для меня было тяжёлое,
 От моих да слёз горячиих
 Протекала быстра реченька,
 По лицу она катилася —
 Она на двое двоилася,
 Перва речка — слезевистая,
 Друга речка — кровянистая,
 Далеко они катилися,
 20 В одно место съединялися,
 По лесам они катилися —
 Лесы с корня поломилися,
 По полям они катилися —
 Так вся травонька покупяла.
 Только я, бедна горящица,
 Как весной-то я, кукушица,
 Во лесу на деревиночке,
 А в чистом полюшке на прутьшке,
 Закукую одинёшенько
 30 О своих да милых детушках.
 У меня, бедной горящицы,
 Сердце кровью обливается,
 На моем сердце ретивоем
 Сумет да снежку белого,
 Погребок да ледку ярого,
 Так не вытекет, не вытает,
 С моего сердца ретивого
 Весной да о христова дни,
 А летом с петрова дни.
 40 Как у меня, у беднушки,
 Темной ноченьки не проспано,
 А белы денечки проплаканы.

На моем сердце ретивое
Принакоплено кручинушки,
И злодейной обидушки,
Мне-ка в летний день не выбаять,
А в осенню ночь не высказать.
И на бумаженьку не выписать,
Как всю обидушку описывать,
50 Так наб бумаженьки с чисто поле,
А наб чернильницу синё море.

25. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

По сегодняшнему денечку,
По теперешнему времячку,
Принесли да извещение
Как моим рождёным детушкам.
Уж как я, бедна горюшица,
Снарядила, да отправила
На чужу дальнюю сторонушку,
Я на службу государскую,
На войну да на германскую,
10 Уж я в ротушку солдатскую.
Уж как эта пора-времячко
Для меня было тяжёлое,
От моих да слёз горючих
Протекала быстра реченька,
По лицу она катилася,
Она на двое двоилася,
Перва речка — слезенистая,
Друга речка — кровянистая,
20 Далеко они катилися,
В одно место съединялися,
По лесам они катилися —
Лесы с корня подломилися,
По полям они катилася —
Так вся травушка покуляла.
Только я, бедна горюшица,
Как весной-то я, кукушица,
Во лесу на деревиночке,
А в чистом полюшке на прутышке,
Закукую одинёнешенько,
30 О своих да милых детушках,
У меня, бедной горюшицы,

Сердце кровью обливается,
 На моём сердце ретивом
 Сумёт да снежку белого,
 А погребок да ледку ярого,
 Так не вытекёт, не вытает
 С моего сердца ретивого,
 Весной да о христова дни,
 А летом о петрова дни.
 40 Как у меня, у беднушки,
 Тёмной ноченьки не про́спано,
 А белы денечки проплаканы,
 На моём сердце ретивом
 Принакоплено кручинушки
 И злодейной обидушки,
 Мне-ка в летний день не выбаять,
 А в осеню ночь не высказать,
 И на бумаженьку не выписать.
 Как всю обидушку описывать
 50 Так наб бумаженьки с чисто полё,
 А наб чернильница с синё море.
 Охти мнешенько тошнёшенько,
 Моему сердцу тяжелёхонько.
 Потеряла я ведь, беднушка,
 Своего сыночка милого,
 Голубочка златокрылого.
 Уж я клубышком каталася,
 Уж я червушком свивалася.
 Получила весть нерадостну,
 60 Как по сегодняшнему денечку
 Утром по утру по раннему
 Налетела птичка вещая —
 Птичка вещь поднебссная,
 Она крылышки расправила,
 По стекольшку ударила,
 Она запела как по-птичьему,
 Заговорила по-человечьему:
 «Ты вставай-ко, мать обидная,
 По сегодняшнему денечку».
 70 А мне пришло да извещеньице
 От рожёного-бажёного,
 Дорогого сына милого,
 Что погиб моё бажёное
 От руки да он от вражеской
 На чужой дальней на сторонушке,
 Эта пуля была меткая,
 Разлетелась и ударила

Моему сынку любезному
Прямо в грудь, да во сердечушко.
80 Как упал, моё бажёное,
На сыру да на земелюшку,
Не сказал да он словечушка
Своим милым товарищам,
И остался без дыханьица
Мой рожёный милый дитятко,
Положил свою головушку
Не у сердечных родителей,
Не во горенке во новой,
Не на столиках дубовых,
90 Не на лавочках тесовых —
Во лесах да во дремучиих,
Во корбах во топучиих,
Во болотах во зыбучиих.
При тяжёлом раненьице,
При последнем вздыханьице
Не стояла родна матушка,
Не сидела молода жена,
Не вились да малы детушки.
Охти мнешенько тошнёшенько,
100 Моему сердцу тяжелёхонько,
Как бы были у меня, беднушки,
Были крылышки да пёрышки,
Уж я слетала бы, победнушка,
На чужу дальнюю сторонюшку,
Я на братскую могилушку,
И облила бы там я, беднушка,
Ту дернистую могилушку
Своима слезами горькими,
Испустила бы я, беднушка,
110 Неумильно причитаньице.
Вы завейте, ветры буйные,
Растащите пески жёлтые,
Растаскайте мать-сыру землю
Вы на все четыре стороны,
Вы раскройте гробову доску,
Покажись-ка мне-ка, беднушке,
Тело мёртвое, личко блеклое,
Встань-проснись-ка, дорогой сынок,
Ты клади во грудь дыханьице,
120 Во белы руки маханьице,
Во резвы ноги хоженьице,
Во ясны очушки блаженьице,
И язычно говореньице,

Сядь на край, дитя, могилушки,
Расскажу я тебе, беднушка,
Про своё да житьё — жирушку.
Долго ждала тебя я, беднушка,
Ты не встал, рождёно дитяtko.
Уж вы милые товарищи,
130 Не оставьте меня, беднушку,
Отомстите неприятелю
За рождёного, бажёного,
За меня старуху старую.

П. З. КОЛЕСОВА

26. ПО СЫНОВЬЯМ-ФРОНТОВИКАМ

Не успело солнце выстать —
Красно солнце закатилось.
За лесочки обрядилось.
У меня они отправлены
На войну да кроволитную,
Под ружьица калёные,
Под штыки да сабли острые,
Под аэропланы-то летучие,
Да под пушки-то гремучие.
10 Сыновьям моим бажёным
Вместо рожёных-то детушек
Даны штыки да сабли острые,
Вместо своих да молодых-то жён
Даны оружица калёные.
Наб пойти да им спроситися,
Как на вольную-то волюшку,
Наб притти да им сказатися,
Что откуль пришли, бажёные,
Сыновья да солнца красные,
20 Да и дочь моя бажёная.
Там им нету вольной волюшки,
Там начальнички — не батюшки,
Ихни женушки — не матушки,
Не подрочат по головушке,
Не назовут да их жадобушки.
Только зовёт добротна матушка
Сыновьев своих бажёных,

Дочек красных-то солнышек,
Да подроцит по головушке,
30 И погладит по сердечушку,
Уж как я, бедна, наказывала
Своим детушкам бажёным:
«Защищайте-тко родимую,
Вы родимую сторонушку
На войне да государевой».
Они моего наказа слухали,
Получили как жадобные
Да наградушки на грудушки,
Уж и пишут мне-ка, беднушке,
40 А идны детушки в сырой земле,
А лежат да без гробной доски,
И могилочки незнаемы,
И могилки невидаемы,
И не сходишь и не выкопаешь,
И платочком не вымоешь,
И во яснѣ очи не увидишь
Как своих сынков бажёных.
Дожидаюсь их я, беднушка,
Я уж матушка детиная
50 Со войны да государевой,
Распекѣт да красно солнышко
Во витое-то да гнездышко,
Да во косивчато окошечко.
Как одно придет бажёное
У него нету молодой жены,
Как отошла от меня беднушки,
Как его да молода жена,
Так у мня головушка загнула,
Да и сердечушко заржавело.
60 Пристыдила, прибесчестила
Моего сына любимого,
Свою удалую головушку
И весь род-племя великое.
Как без сына без бажёного
Она оставила мне, беднушке,
Мне-ка маленьку малюточку,
Своего сына бажёного
Моего внука любимого,
Придѣт сын да красно солнышко,
70 Обвинит он меня, беднушку,
Как доброту эту матушку.
Я скажу сыну бажёному:
«Я пытала ю убавать,

Я пытала уговаривать,
Всё равно она не слухала,
Не могла унять я, беднушка».

Е. П. КОЛЫНИНА

27. ПО РАНЕНОМУ СЫНУ

Провожали мы бажёных
Своих детушек рожёных
За вóлки далекие,
За лесушка дремучие,
За болотушка топучие,
За корбы за дремучие,
В города-то незнакомые,
За Онегушко шумливое,
За морюшко за синее.
10 Проводили бажёных,
Прощались плотнёшенько,
А ворочались нескорёшенько,
А мне-ка да теперечу,
Не могу дожждаться, беднушка,
Своих детей рожёных
С чужой дальнейей сторонушки,
С городов да незнакомых.
Провожала я их, беднушка,
В Красну Армию бажёных,
20 А как нынечу-теперечу
Не могу дожждаться, бедная,
От одного да от бажёного
Дождалися мы ведь весточки,
Его писёмышко весёлое,
А как дру́го-то писёмышко
Получили мы, бедные,
Так не порато весёлое.
А как нынечку-теперечу
Ему было поранение,
30 Как во ноженьки во резвые,
Под Берлином чужим городом.
Уж мы можем ли дождатися
Своего сына любимого.
Не можем мы беднушки
Как дождать того писёмышка.
Как дождать того известьица

Прошла недолга пора-времячко,
Дождалися мы, беднушки,
Как печального известьица,
40 Да нерадостную весточку.
Прилетала ко мне, беднушке,
Летна птиченька касатая,
Право крылышко расправила,
По околence ударила,
Говорила мне-ка, баяла,
Как про сынушка рожёного,
Про рожёного, бажёного,
Что нигде да не находится,
Ни в живых да ни в убитых,
50 И ни в раненых госпиталях,
А послали нам известьице,
Что он без вести окончился.
Как у меня-то ведь, у беднушки,
Не пекé да красно солнышко,
Без рожёных без детушек
Как во витеом во гнездышке,
И не радуют нас, беднушек,
Как цветы-то да лазурьевы,
Как у меня-то, у беднушки,
60 Как у матери-кормилицы,
До того у мня доплакано,
Что потеряла очи ясные,
А ретиво-то сердечушко
Оно клубышком катается,
Да и червышком свивается
По рожёным по детушкам.
Как у одного бажёного
Да не оставлена семеюшка,
А у другого-то бажёного
70 Как приоставлена семеюшка,
А жена да молодешенька,
А родители старешеньки
Батюшко да матушка.
Ну подумаю я, беднушка,
Как во тую ли сторонушку
Туды много отправляются,
А оттуль мало ворочаются,
А мои рожёны детушки
Защищали свою Родину,
80 И положили свою голову
Там моё рожёно дитяtko.

28. ПЛАЧ ПРИ ВСТРЕЧЕ СЫНОВЕЙ

Как сегодняшним-то денечком
 Получили весть нерадостну,
 Да известье невесёлое
 Нам сказали люди добрые,
 Как на нашу власть советскую
 Напал зверь да со темна леса,
 Выплыл змей да из-под земля
 Из-под западной сторонушки.
 Как у проклятого у Гитлера
 10 В груди сердце разгорелось,
 Знать, кончины ему захотелось,
 Напустил своё оружие
 На велику нашу Родину.
 Мы, несчастны молоды жёны,
 Получили весть-то скорую,
 Что рождёных наших детушек
 Призывают в Красну Армию,
 Защищать страну советскую.
 Как отправили, многобеднушки,
 20 Мы своих рождёных детушек,
 Проливали слёзы горькие,
 Все мы клубышком каталися,
 Все мы червышком свивалися,
 Мы наказывали, беднушки,
 Как своим рождёным детушкам:
 «Вы служите-ко по-честному
 Дорогим своим родителям,
 Да и всей стране советской,
 Не допустите змея супостатого.
 30 Вы до нашего селеньица,
 Сохраните жизнь несчастных
 Матерей вы престарелых,
 Да детей вы малолетних.
 Принагрянула туча тёмная,
 Туча тёмная, страховитая,
 Со громами туча, со молнией
 Из под западной сторонушки.
 И пришлось нам, многобеднушкам,
 Пережить да много горюшка,
 40 Да и горюшка великого.
 Пришлось с домом порасстатися,
 Со витым гнездом расстатися.

Повезли нас, многобеднушек,
На чужу дальнюю сторонушку,
Нам нелегко было многобеднушкам
Со своим домом расстатися,
Со витым гнездом прощатися.
Растеряли, многобеднушки,
Мы законные семеюшки,
50 И рожёных своих детушек,
А сама пошла скитатися,
А только думала я, беднушка,
Как остались мы во живности.
Как мои рожёны детушки,
Так животы бы мы принажили
И нашли бы мы хоромное строеньице,
И заправили бы мы удоисту коровушку.
Не могли мы, многобеднушки,
Позабыть полей колхозных,
60 Приходили и работали,
Под великой тучей тёмною
И под темной страховитой.
Как начнут палить с орудия,
С того берега Онежского,
А как налетят-то хищны вороны,
Ястреба да злые финские,
Как уж сбросят бомбы страшные —
Мы не знаем куда деться,
Мы бежим да, многобеднушки,
70 Мы уж с малыма да с детушками,
Мы бежим да во темны леса,
Во темны леса спасатися.
Как утихнет буря вражеска
Мы домой да возвращаемся,
На колхозную работу собираемся.
Мы без устали работали,
Чтоб помочь рожёным детушкам
Победить врага да лютого,
Когда наши добры молодцы,
80 Наша доблестна да Красна Армия
Приотпятила врага злодейного,
Как откатилась туча тёмная,
Туча тёмная страховитая,
Тут и у нас от ретива сердечушка
Откатился серый камешек,
Показался свет во ясных очах,
Собрались мы, многобеднушки,
Как во виты свои гнездышки,

А у многих людей добрых,
90 Как злодеи супостатные
Принарушили хоромные строеньица,
Горевать людей заставили.
А как в разрушенном селеньице
Жизнь пошла у нас по-прежнему
Закипела у нас трудная работушка,
На колхозных наших полюшках,
Та работушка тяжёлая,
Как несчастны молоды жены,
Встают утрышком позднёшенько
100 Приходят вечером позднёшенько,
Со полей да со колхозных,
Говорят они да думают:
Уж как скоро ли законные сёмеюшки
Да рожёны наши детушки,
Доколотят врага лютого,
И когда дождутся беднушки,
Мы любимого словечушка,
Что победила Красна Армия,
Как злодея врага лютого,
110 До того ли Гитлера проклятого.
Он нанёс да свету белому
Много бед да много горюшка,
Растеряли многобеднушки
Мы детей своих рожённых,
Всех мы сродцев своих сродничков.
Одним ранним-то мы утрышком,
Мы услышали весть радостну,
Как герои-то советские,
Поднебесны наши соколы
120 Тучу с громом приотдвинули,
На Берлин они надвинули,
Как уж эта туча грозная,
Над Берлином вся рассыпалась,
А властители германские,
Этой тучи испугались,
Они все да разбежались
Будто зайушки за кустышки,
Горностаюшки за камешки,
Злые звери во темны леса,
130 Шипучи змеи во сыру землю.
В эту пору, в это времячко,
Уж мы ждали, многобеднушки,
Мы со фронта вести радостны.
Одним ранним-то мы утрашком,

Уж мы дождалися словечушка любимого
 Говорят, война закончилась,
 Уж как сбылись слова вещице
 О победушке великой.
 Как победушка великая
 140 За Красной Армией осталася.
 В тую пору, в тое времечко,
 Мы не знаем, что и творится,
 В избах свет да рассветается,
 Распекло да красно солнышко,
 Обогрело сердце матерно.
 У кого в живности рожёное,
 Как сердечные-то детушки
 Тот дождется встречи радостной,
 Как в своем-то витом гнёздышке,
 150 Пораздеем всю обидушку,
 Порасскажем всю кручинушку.
 Как мы жили и моталися
 По чужим углам скиталися,
 А нам расскажут ведь рожёные-то детушки,
 Как с врагом они сражалися,
 Да победы добивалися,
 А у которых у несчастных,
 У горящих у горегорьких,
 Как не вернутся рожёные,
 160 Сердечные детушки бажёные,
 У несчастных этих матерей,
 Сердце кровью обливается,
 С сердца камешек не скатится.
 Застудило ретиво сердце,
 На ретивое сердечушко
 Принапало снежку белого,
 У их горюшка три морюшка,
 У них слез да три озёрушка.
 Если были бы у беднушки,
 170 У их крылья-перья лебединые
 Они поднялись бы победные,
 Выше лесушков стоячих,
 Ниже облаков ходячих,
 Да слетели бы победные
 Под западную сторонушку,
 Поискали бы, горящицы
 Там умёршие могилушки,
 Там своих рожёных детушек,
 Где лежат кости разломаны
 180 У злодеев супостатных.

Не бывать да, многобеднушкам,
На чужой дальней стороншке,
Не видать да им горюшицам
Как умершей могилушки,
И своих рождёных детушек.
А если была бы у беднушки
Золота казна бессчётная,
Я слетала бы, горюшица,
На машины скороходные,
190 Да и съездила бы, беднушка,
Во фашистскую Германию,
Отомстила бы я, беднушка,
Уж я Гитлеру проклятому
Со его да свитой чёрной
За рождёных своих детушек,
Я рукой да материнской,
Я с груди бы сердце вырвала,
Из нутра бы печень вынула,
Я бы тело-то злодейное,
200 Ко сырой земле не придала,
На огне бы его прижгла.
Хоть и нет у многобеднушек,
Нету в живности рождёных
И сердечных наших детушек,
Мы надеемся, победные,
На своих руководителей,
.....
Не покинут они их, бедных,
Нас горюш да горегорьких,
Обогреют солнцем красным.

Е. М. КУЗНЕЦОВА

29. ПО СИРОТЕ

Ай рожёно моё дитяtko,
Далеко ли ты справляешься,
Да в путь дорожку отправляешься,
На военную на службушку,
Под винтовочку железную,
А как под несчастны медны пулюшки.
А ты убито там, положено,
А на чужой дальней стороншке,

Не у сердечных ты родителей,
10 Не на своей брусовой лавочке
Там ведь не было нас сродничков,
Ни родительки ни матушки,
Да ни кормильца света батюшка,
Ни сестриц да ни голубушек.
Да ты оставил нас да бедных,
А как твоя родитель матушка
За соломку запинается,
А потожком да опирается,
А как не грее её, беднушку,
20 В летню порушку да красно солнышко,
А в зимню порушку тепла печенька.
Да погляжу, бедна горюшица,
О годовых о праздничках,
О христовых воскресеньицах,
У соседок, у голубушек,
Как есть у которых детушки,
Пойдут в платьицах во цветных,
На годовые гуляньица,
А о христовом воскресеньице,
30 Как на весёлые беседушки,
А я гляжу, бедна горюшица,
Гляжу да узнаваю всё
Нет сынка у меня любимого,
Ни в какой толпе-гуляньице,
Да на веселых беседах,
Да на весёлых играньицах,
Нет сынка у меня любимого.
Как потеряно у беднушки
На века на все долгучие
(«Давно, так все вызыбывано»)
40 Всё растеряно, всё потеряно,
Все рождены мои детушки.
А ещё мне как оставлено
Как слеза моя горячая,
Недозрела ягодиночка,
Как зелёная травиночка,
За столом сидит сидливая,
А на улушке драчливая,
(«Все щелкают, обижают бедную сиротушку»)
Нет ни батюшки, ни матушки,
Одна бабушка старинушка,
50 Будто червушко приплавлена,
Потеряла она, беднушка,
Своих сердечных родителей,

По подушке она набродится,
Камешка наприбирается,
Да ко сердечку накладывается,
Всё желанья добирается,
Только нет того желаньица
Как от родителя — от матушки,
Как от родителя — от батюшки.

И. Д. КУЗНЕЦОВА

30. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНОВЕЙ

Проводила рождёных детушек
По путистой дороженьке,
По широкой почтовой,
Нонь за лесушка за тёмные,
Да за горы за высокие,
За подушки глубокие,
За моря да за широкие,
В города да незнакомые,
По прозваньицу тяжёлые,
10 Не в бурлакушки я вольные
Не по денежки довольные,
Я на службу государскую,
На войну да на германскую,
А своих-то я сердечных
Как рождёных моих детушек
И сынков своих любимых
И удалых головушек,
А я воинов да храбрых,
Отпустила да отправила
20 По всем по разным сторонушкам:
Четыре буйные головушки,
И на юге, и на севере,
И во городе во Мурманске.
Дожидалась я писёмушек
От рождёных своих детушек,
От сынков своих любимых.
Как хожу я в своей комнатке
Как по тёплой по избушечке,
Дожидаюся я, беднушка,
30 Почтальона письмоносица,
Да не идёт ли почта лёгкая,

Не несёт ли мне писёмышка
От рождёных моих детушек,
Хоть получить бы мне писёмышко
Так прочитала бы я весточку,
И узнала бы про детушек,
Что живые ли находятся
Во боях ли во тяжёлых,
Аль сразила пуля вражеска.
40 Хоть того дождать словечушка,
Что домой скоро прикатятся
Да и с нами повидаются.
Мы как встретимся, увидимся,
Здеем доброе здоровьице,
Уж прижму я правой рученькой
К своему сердцу материнскому.

31. ПРИ ВСТРЕЧЕ СЫНА

Как увидят очи ясные,
Как идёт моё рождёное
Как по чистому по полюшку,
Как идет да катит-жалует
По почтовой по дороженьке,
По улочке по плановой,
Я бежу да, обиднёшенька,
Как на улочку плановую,
Со перёного крылечушка.
10 Мне сказали люди добрые:
«Как идёт твоё рождёное,
Твой сынок идёт да катится,
О дубинку опирается.
Я иду да потихошеньку
Как встречать своего рождёного,
Как мои ноженьки сломилися,
Стрепеталось ретиво сердце,
Ну я с радости глубокой
И с обидой неудольной
20 Как иду встречать рождёное,
Сынков своих любимых.
Как одолила меня, беднушку,
Злодеюшка-обидушка,
И несчастная кручинушка,
Как не видала я ведь, беднушка,

Своего-то я рождёного,
 Сердечного, любимого,
 Сынка своего милого
 Семь я годышков учетных.
 30 Да погоди-ка ты, злодейная
 Распроклятая обидушка,
 Не доли-ко меня, беднушки,
 Меня матери несчастной
 И головушки престаршей,
 Дай с сынком да поздороваться,
 Сделать доброе здоровьице.
 Как он пришёл со поля бранного,
 Со войны да со несчастной,
 Пусть он скажет мне словечушко:
 40 «Слушай мама, не обидуйся,
 Я иду да со победою
 На родну свою сторонушку,
 На природную земелюшку,
 Ко своим углам родительским,
 На родительско поместьице,
 Уж я являюся, встречаюся
 Со своей родитель матушкой,
 Со своим-то родным папушкой».
 «Как пройди во светлу горенку,
 50 Поразденься, мой рождёной,
 Ясный соколок крылатой
 Уж как с пугистой дороженьки,
 Ты откушай да отведай-ко
 Деревенских калиточек.
 Уж вы, сядьте, да покушайте,
 За столы да за дубовые,
 А за скатерти шелковые,
 И потом я буду спрашивать
 Уж вы как да там сражались
 60 С неприятелем фашистами».
 Уж я молилась богу господу,
 И просила я рождёное,
 Пресвятую богородицу,
 То сохрани-тко да помилуй-ко,
 Пресвятая богородица,
 Моих детушек рождёных,
 И сынков моих любимых,
 В огне их да плящих,
 В боях да их страшных,
 70 От фашистов от проклятых,
 От пуль да накалённых.

Я все ждала-дождалася
Той победушки я радостной
Над врагом да неприятелем,
А как в день мая девятого
Как сказали да нам бедным,
Матерям да нам обидным,
Да всем жёнушкам кручинным,
Что война да замирилася,
80 И победа объявилася
Над врагом да неприятелем.
Так с великою мы радости
Как мы по земле каталися,
Всё слезами уливалися,
Нонь мы ждать будем писёмушек,
Со дня на день дожидатися,
Что остались ли в живности
Как рожёные наши детушки,
Как вы остались во живности,
90 Вы бы к нам да появились.
Я не знаю, что случилось,
Уж распекло да красно солнышко,
Как рассветил ясный месяц-то,
Засверкали ярки звёзочки,
Как пришло да прикатилося
Нонь моё рожёно дитятко
Со войны да со великою,
Привела судьба великая
Как в живых да приосталися
100 Вы, рожёны мои детушки,
Но не знаю, что случилось,
Как сынки ко мне явились.
Уходи, моя обидушка,
Отдались, моя кручинушка,
Не доли, да не расстраивай,
Не мешай-ко мне да, беднушке,
Нонь я буду всё рассказывать
Я своим да ведь рожёным,
Уж своим да я сердечным,
110 Ненаглядным своим детушкам,
Как мы жили да, обидные,
Этих семь годков учётных.
Мы без вас так рожёные,
Вы сердечны наши детушки,
Так ведь мы были приобижены,
Да мы были придосажены,
Как большими как обидами.

Всё скопила я ведь, беднушка,
Припасала всё злодейную
120 Распроклятую обидушку,
Всё обидушке корилася,
Да кручинушке молилася,
Погоди-ко ты, несчастная,
Не доли-тко меня, беднушки,
До такой ты поры-времячка,
Все я ждать да буду, бедная,
Я ведь мать многодетинная
Я своих да ведь рождённых,
Рождённых сердечных,
130 Сынков своих любимых.
Когда встретим-увидимся,
Так все повыскажу-повыбаю
Ведь свою-то я злодейную,
Как проклятую обидушку
Рождёным своим детушкам:
Поглядите-ко, рождёные,
Вы бажёны мои детушки,
Уж много-много мы постарели,
Волоса да поседатели.
140 Всё мы вас да не выдаючи,
Всё домой да дожидаячи.
Слава богу, слава господу.
Пресвятой да богородице.
Сохранила, да помиловала
Как рождёных моих детушек.
Как пришли да прикатилися,
Они к нам да появились.
Уж нонь обидушку порасскажу,
Да и кручинушку повытолкну,
150 Будет сердце моё радостно.
И хожу я нонь по комнате,
Во моих да очах ясных
Будто есть у меня рождёные,
Мои детушки бажёные.
Нонь моё сердце веселёшенько,
Веселёшенько, радёшенько,
Что остались рождёные
От такой войны несчастной,
Да на сём на свете белом.
160 Пусть живут они на радостях,
Хоть маленько искалечены,
Но работать они в силушке,
Самы лучшие у них годушки.

Как война несчастна кончилась,
Пойдёт жизнь да веселёшенька
По всей стране советской,
И на том я успокоюся.

М. Ф. КУЗНЕЦОВА

32. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА...

Как во сегодням во годике
Только я, бедна горющица,
Провожала своего родного дитятка
На чужу дальнюю сторонушку,
Только было расставаньица
Со сыном да со любимым,
Со своим рожёным дитятком,
Было жалко расставаньице,
Было тяжкое прощаньице.
10 Как по сегодняшнему денечку
Уж отправила я, беднушка,
В города да я во дальние,
За лесушка дремучие,
За болотушка топучие,
За Онегушка шумливые.
Ты, рожёно моё дитятко,
Защищай-ко нашу Родину
От врага да от проклятого.
Как уехал моё дитятко
20 На военную на служебку,
Воевать с проклятым Гитлером.
Я осталася, победнушка,
Как со малым со детушкам,
С недорослой ягодиночкой,
С недозрелой семяниночкой,
Только я, бедна горющица,
Как до этого да времячка,
Много приняла я горюшка,
Много горюшка великого
30 Как без тебя, рожёно дитятко.
На моём сердце ретивоем
Как стоит котёл кручинушки,
Как другой стоит печалушки,
Как во сегодням во годике

Мимо моего зголовьица
Протекала речка быстрая
От моих от слёз горючих,
Как ещё бедна горющица
Погадаю я, подумаю,
40 О тебе, рождено дитятко,
Уж как росила я, беднушка,
Своего сына любимого
Восемнадцать этих годиков,
Как не далось мне горющице
Как пожить мне с сыном милым,
Только я стала старёшенька,
На ногах ходить слабёшенька.
Послужи-ка, сын мой миленький,
Эту служебку тяжёлую,
50 Воротись, бажёный дитятко,
Ко своей старушке-матушке,
И ко брателку любимому.
Только я, бедна горющица,
Я ходить буду тихошенько,
И встречать тебя радёшенька.
Я живу, бедна горющица,
Я вставаю утром ранешенько,
Умываюся скорешенько.
У меня да много горюшка,
60 Много горюшка великого.
Сам ты знаешь, рождено дитятко,
Каковое было житьвице,
Как во эту пору-времячко,
Как уж приняли мы беднушки
Много горюшка великого.
Пораздеем-ко обидушку,
Как рождено мое дитетко,
Поразговорим кручинушку,
Как ходил, да ты шатался-то
70 По чужой дальней сторонушке,
Как во малых во детушках
В ФЗУ ты поучилося.
Как у твоего-то батюшки
Не видал словца гладкого,
Не едал обеда сладкого.
(«Много знаю, все забыла»)
Как во прежнее во времячко
Может будет нам встретенъице,
На дороженьке прощанъице.
Только вспомни, мое дитятко,

80 Ты про все, про это горюшко,
Вспоминай да и рассказывай,
По сердечушку разглаживай.
Только было раньше времячко
Я тебя, рожёно дитяtko,
Как поила да и Frostила,
He спускала я тя, беднушка,
Ha работушку тяжелую.
Как сама я заменялася,
Я сама больше работала,
90 Я жалела тебя, дитетко,
Обижать тебя словечушком.
Как сынок ты мой, ясный сокол,
Прилети-ко к нам ранёшенько,
Расскажи-ко нам скорёшенько,
Про военную про службушку,
Про чужу дальну сторонушку.

Х. В. КУЗНЕЦОВА

33. ПРИ ОЖИДАНИИ ВЕСТИ

Получила я уж, беднушка,
Как нерадостную вестушку,
Я нерадостну, печальную,
Как у меня у многобеднушки
Сердце кровью обливается,
Я ведь растила, скиталася,
Кое-как я обрывалася,
И всё думала я, беднушка,
Что все тоски притоскованы,
10 Все горя перегорёваны.
Как я повырастила, беднушка,
Разудалых добрых молодцев
Я крылатых ясных соколов,
Как была надеюшка мне крепкая,
Будут стоги перегодные,
Да у меня хлебы безыменные.
Уж как нонечку-теперечку,
У меня у многобеднушки
Как тут взяли да приотняли
20 Быстрокрылых ясных соколов
Ha эту службу на военную,

На войну на кроволитную.
Уж приосталась нонче, беднушка,
Я одна да одинёшенька,
У меня слёз да сине морюшко,
А обидушки с три полюшка,
Уж я без ветрушка шатаюся,
Без дождя я умываюся.
Уж сирота я нынче круглая,
30 Нет надёженьки да крепкой,
Если бы были бы у беднушки,
У меня удалы добры молодцы,
Уж крылаты ясны соколы,
Не ходила бы я, беднушка,
Я на трудную работушку
Уж сама стала старёшенька,
Моя силушка малёшенька,
Не могу дожждаться, беднушка,
Я рожёного, сердечного,
40 Своего сына бажёного.
Как пришло да прикатилося,
Да моё рожёно дитятко,
Дак во моём во витом гнёздышке,
А во хоромном строеньице
Распекло бы красно солнышко,
Распекло бы да по-летнему,
Обогрело меня, беднушку,
Обогрело по меженому.
Я хожу бедна по терему,
50 А всё желаньице потеряно.
Как отправила я, беднушка,
Я под пулюшки летучие,
А под снаряды под тяжёлые,
Бат, растащило его косточки
По широкому по полюшку.
Не могу тогда я, беднушка,
Никакой дожждаться весточки,
Кабы были бы у беднушки
У меня крылышки гусиные,
60 Были бы перья лебединые,
Так я слетала бы тут, беднушка,
В городочка незнакомые,
А во прозваньица тяжёлые,
А разыскала бы я, беднушка,
Я рожёных своих детушек,
Сыновъев своих любимых,
Своих малых милых внучаток,

Бат, нашла бы их да косточки,
К земле-матери их придала,
70 Так легче было бы сердечушку.

В. Ф. ЛАНЕВА

34. ПО УМЕРШЕЙ ДОЧЕРИ

Не знала я, беднушка,
Что придёт скорая смерётушка,
Пришла смерть-то нерассудная,
Голова-то неразумная
Она не там бере, где надобно.
Как взимала бы смерётушка
Хоть бы старых волокитных,
Хоть бы малых нежалимых
Не взимала бы смерётушка
10 Хоть от малых от детушек.
Обсиротала малых детушек,
Не оставила у бедных
Ни бабушки, ни дедушки.
Как возила я касатушку
К докторам-то самолучшим,
А ко врачам-то самоглавным,
Думала я, беднушка,
Что перехватят боль великую.
Была умная, разумная,
20 На речах да постановная,
Со людьми-то обиходная,
Мне-ка жаль её тошнёхонько.
Обидным да обиднёхонько.
Сокрутила да наладила
Я во платьце во цветное
Я касату свою ласточку,
Свою белую лебёдушку,
Свою птичку кинареечку,
Я одела видно, беднушка,
30 Думала, платьце-то цветное,
А это платьце умершее,
Да это платьце обидное.
Как оставила голубушка
Своих маленьких-то детушек,

Жить-то на́ горе, что на море,
На обиде на морской волне,
На кручине на морских валах.
Собирались сродчи, сроднички,
И её-то крёсна матушка
40 Ко купели ко святой воды,
Ко душевну расставаньицу,
Ко телесну погребаньицу.
Поспевай-ко ты, голубушка,
Крёсна ейна матушка,
Ко душевну расставаньицу,
Ко телесну погребаньицу.
Как простояли мы, прохлупали,
Проглядели да проглупали
Мы на пеляны шелковые,
50 Да на свечи на рублёвые.
Как спасет бог, благодарствую,
Вам отцам-попам духовным,
Вам служителям церковным
На душевном отпеваньице,
На телесном погребаньице.
Как возле твоего бываньица,
Как касата моя ласточка,
Как во твоё вито гнездышко,
Как обойти было нёможно,
60 Да зайти-то было нёпошто,
Так я приду, бедна горящица,
Погляжу я, беднушка,
На своих сирот победных,
Как сидят мои бажёные
По конец да дубова стола,
Они глядят куска поданого
И под последним окошечком,
И живут тише ключевой воды,
Да и ниже травы шёлковой.
70 Как я возьму, бедна горящица,
Свою меньшую сироточку,
Как на белые на рученьки,
И унесу свою бажёную
Во свое во вито гнездышко,
Прижму к ретивому сердечушку.

М. П. ЛЕБЕДЕВА

35. ПРИ ПРОВОДАХ МУЖА

Как сегодняшнего денечку,
Да того года сорок первого,
Да того июня месяца
Все-то земли сволновались,
Все моря да сбушевались,
Враг напал на нашу землюшку,
И пошли полки народные
На защиту нашей родины.
Как мы отправили, победные,
10 Мужевьев своих законных,
Соколов братьев любимых
По дороженьке почтовой,
В города да понизовые,
Во названьица тяжёлые.
Сама знаю, сама ведаю,
Мы отправили любовных
Да семеюшек законных
Не в бурлакушки наёмные,
Не по денежки довольные,
20 А во солдатушки военные
Да во матросы корабельные.
Я осталася, победнушка,
Со малыма со детушками
Без витого без гнёздышка,
Будто утушка на водушке,
Да лебедушка на травушке.
Как я жила да горевалася,
Нету слов — а горя реченька,
Горя реченька бездонная.
30 Ожидали мы, победнушки,
Со фронтов да со позиции
От мужьев да от законных
Скорописчатые грамоток.

36. ПРИ ВСТРЕЧЕ РАНЕНОГО МУЖА

Получила я, победнушка,
Из госпиталя военного
От сестёр да милосердных
Скорописчатую грамотку,

По тяжёлому раненьицу
Мужа моего законного.
Стала ждать да дожидатися
Я семеюшку законную,
Из окна в окно кидатися.
10 Вышла я встречать, победнушка,
На почтовую дороженьку
Со своим да витым гнёздышком
Со малыми со детушками,
Как идёт моё любимое
С бурачком да не по-прежнему,
С батожком да по калецкому.
Получил, моё любимое,
Как раненьице тяжёлое,
Он от пуль да от свинцовых,
20 От снарядов от тяжёлых,
Во головушку круженьице,
На сердечко воспаленьице,
Во белой груди боленьице.
Погляжу, бедна горюшица,
На свою семью любовную,
Как моё да ретиво сердце
Оно червущком завернется,
Оно кровью приобольется,
Ни с какой теперь сторонушки
30 Да у мя нету оборонушки.
Как мои-то малы детушки
У соседев порядовых
Будут словом приобижены,
Будут в плечушки натканы
Да и в головушку нащёлканы,
Всей обидушки не высказать,
Всего горюшка не выплакать,
И всему война проклятая,
Да она была виноватая.

37. О ПОГИБШЕМ БРАТЕ.

Дожидали мы, победнушки,
Во своё во вито гнездышко
Сокола да сизокрылого,
Да брателка любимого,
Со фронтов да со позиции,

Да на птичущке крылатой,
На машинушке пернатой,
Прилетит птичка крылатая
Да под косивчато окошечко,
10 Да во наше вито гнёздышко,
Выйдем мы встречать, победнушки,
Своего брата родимого,
После долгого свиданьица,
Да после долгого сбываньица
Будем мы его выпрашивать,
Будет он да нам рассказывать
Про войну да кроволитную.
Не дождались мы-ка, беднушки,
Этой птиченьки крылатой,
20 И машинушки пернатой
Со фронтов да со позиции,
Сокола да сизокрылого,
Брателка любимого.
Получили мы, победнушки,
Скорописчатую грамотку,
Что погиб в боях за Родину.
Нету слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная.

Е. А. ЛЕВИНА

38. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Как уж спала я, победнушка,
Я во темную во ноченьку,
Как прилетела птичка ранняя
Ко косивчату окошечку,
Она пропела по-птичьему,
Говорила по-человечьему:
«Ты справляй-ко, мать победная,
Своего сына бажёного
Как во солдатущки военные,
10 На войну на государьскую».
Тут я да ведь проснулась,
Тут я мать да испугалася:
Сколько лет я жила, беднушка,
Не слыхала птички эдакой.
Как утром выстала я, беднушка,

Да сон мне сбылся кряду, беднушке:
На столе лежит бумажечка,
Она чернилами написана,
И в словах да упомянуто.
20 Я справлять стала, победнушка,
Своего сына рождёного
Я на службу государскую,
На войну да на германскую
За болотушка топучие,
За озерышка круглистые,
А за дороженьки железные.
Как я отправила победнушка
Любимую семью законную
Одного деньку с сыноченьком,
30 На войну да государскую.
Уж говорила я, победнушка,
Своему сыну бажёному
И законной семеюшке:
«Ты воюй-ко, красно солнышко,
Со своим родитель-батюшкой
За свою да ты за Родину.
Не дорожи своей головушкой,
Ты уж бей врага проклятого
Из большого ты орудия.
40 Уж если счастлива головушка,
Так спасет тебя ведь господи,
Он повыздынет с синя моря,
Он повыведет с большого огня».

39. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Уж как мать-то я несчастная,
Я работала на полюшке,
На колхозном широком,
И на круглистом озёрышке,
Ворона́ птица вещёвая
Над моей да над головушкой
Как три раза прокружилася,
Тут я, мать, да догадалася,
Что придёт да весть нерадостна,
10 Задрожали белы рученьки,
Подломились резвы ноженки.
Как я пошла да с чиста полюшка

Я во вите во гнёздышко,
Как бежат навстречу детушки
Уж не с радостной да весточкой:
«Дорогая наша матушка,
Как потеряли мы бажёного
Соколка братца родимого,
И твоего сынка любимого».
20 Уж как тут, победнушка,
Я упала на сыру землю,
Я каталася, победнушка,
Три денёчка я всё клубышком,
Сердце кровью обливалося
За своё рожёно дитяtko.
Как бы была я, победнушка,
Помоложе я, несчастная,
Я приделала бы крылышки,
Я слетала бы в Германию
30 Отомстила бы я Гитлеру,
Я б волосушки повырвала
Из фашиста ядовитого,
За рожёного бажёного.
Во моей во витой горнице
Не печёт да ясно солнышко
Во косивчато окошечко,
Да не греет меня, беднушку.
Не увидетъ мне как, беднушке,
Своего сынка бажёного,
40 Ни о празднички-гуляночки,
Ни на вечорке на игрище.
Как верно то да ведь не водится
Живой с мёртвого не родится.
(«Тоска ушибет, так все забудешь»)

П. И. ЛЕОНТЬЕВА

40. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Как сегодняшнего денечка
Пришла почта скороходная,
Пришла вестъ да неприятная,
Принесли да мне ка беднушке,
Как нерадостную весточку,
Как нерадостну, печальную,

Как моё сердечно дитяtko,
 Как в тяжёлом раненьце,
 При тяжёлом положеньце,
 10 Как при тяжёлой смерётушке,
 Как в его цветущих годышках,
 С белым светушком прощается,
 С белым светом расстаётся.
 Как не сидела я, победная,
 У своего сына любимого,
 Как у крутого у зголовница,
 Как при тяжёлой при смерётушке,
 Уж как я не была, беднушка,
 При душевном расставаньце,
 20 При телесном погребаньце.
 Как не напишет мне-ка, беднушке,
 Скорописчатой грамотки,
 Была б рада я радёшенька,
 Скорописчата писёмышка,
 Получила бы я, беднушка,
 Приложила бы я, мать победная,
 Ко ретивому сердечушку.
 У меня у бедной матери,
 Как в году недели считаны,
 30 В месяцу деньки записаны,
 Всё гляжу я, мать победная,
 Как на круглое озёрышко,
 И на чистое на полюшко,
 Не могу увидеть, беднушка,
 На озёрышке катаючись,
 И на полюшке гуляючись,
 Сыновьёв своих любимых,
 Не на позднеем гуляньце,
 Не на колхозном собраньце.
 40 Уж как я растила, победная,
 Не в богатом богатестве,
 Были детушки артельные,
 Были годышки не хлебные,
 Как не это бédны думали,
 Что мне заменушка не рóдится,
 Теперь некем заместитися.
 Покуль гнутя ручки белые,
 Покуль ходят ножки резвые,
 У меня, у бедной матери,
 50 Были б крылышки гусиные,
 Были б перья лебединые,
 Я слетела бы, победная,

В города да поднизовые,
На могилушку солдатскую,
К моему сыну любимому,
Рассказала бы я, беднушка,
Всю обидушку великую.
Здесь обидушки не высказать,
На гербовый лист не выписать,
60 Писарей да наб умильных,
Грамотей да надо дильных,
Не жалеть да поры-времечка.
И верно век того не водится,
Живой с мёртвого не родится,
Наяву да не объявится,
И во сне да не покажется.

И. М. ЛУКИНА

41. В ОЖИДАНИИ ПИСЕМ

Уж мни-ка сисьть да было, беднушке,
Как по сегодняшнему денечку,
Ко столу сисьть ко дубовому,
Ко косивчату окошечку,
Мни-ка взять да было, беднушке,
Взять письмо да было грамотку
Своего сына любимого,
Мни-ка дитятка сердечного.
Прочитать было скорёшенько,
10 Мни заплакать горячешенько,
Уж у его рученьки писали,
Уж в ручках перстиги сгибалися,
Посылал рожёно дитятко
На родимую сторонушку,
Уж как своей доброте матушке,
Ты лети, письмо, скорёшенько.
Уж он писал да добрый молодец:
«Уж как слова у мня нескладные,
Несут весточки обидные,
20 Уж как получит их да, бедная,
Уж как моя родитель-матушка,
Уж как сердечная не обидится ль,
Уж как читать будет не с радости,

Уж как потекут да слёзы горькие». Ты прости, доброта матушка,
Ты прости, родитель матушка,
Уж не гляди, доброта матушка,
Во моё да во бело лицо,
Уж как с моей белой головушкой
30 Уж я простился тут крепёшенько,
Говорил я доброте матушке:
Ты умела нас повыростить,
Не умела в люди выпустить,
Не помогла, доброта матушка,
Воротиться нам, победным,
Во края эти домашние.
Уж я ли нонечку-теперечку,
Уж я, бедна мать, схватилася,
Уж лучше так бы, бедна сделала,
40 Лучше крылышка приделала,
Я слетала бы, победная,
К своему сыну любимому,
К недорослой ягодиночке,
К незрелой земляничинке,
Умом-разумом да с малым.
Уж как взяли добрых молодцев,
Под винтовочки тяжёлые,
Не дожидаться нонче, беднушке,
Не дожидать рожёна дитятка,
50 Ни по волосу по желтому,
Ни по росту по высокому;
Уж как гляжу, бедна горюшица,
Как на круглое озёрышко
Не идёт, рожёно дитятко,
Он не с молодцами на вечёрочку,
Он не с девицами на гуляночку.
Нонь у печки сижу холодна,
У кладовки сижу голодна,
Нонь не будет у меня, беднушки,
60 Ни на улушке заступника,
На работе помогельника,
Много ростила я, беднушка,
Уж потеряла всех я детушек,
Всех рожёных милых детушек,
Как одни есть захоронены,
А другие так не знаю где.

42. ПО ПОГИБШЕМУ СЫНУ

Буйны ветрушки повеяли,
 А у меня все детушки потеряны.
 У меня, бедной горющицы,
 Как в учётные-то годички
 Как хожу, горюша беднушка,
 Без рождённых-то детушек,
 Да без державной я головушки,
 Так по заложенным воротечкам
 Да по запертым окошечкам,
 10 За спичёнку подтыкаюся,
 О посошок я опираюся,
 Так стала я старёшенька,
 У меня силушка малёшенька.
 Так пришла вёснушка красивая,
 А пора-времячко тоскливое,
 Как погляжу, горюша беднушка,
 Я на чистые на полюшка,
 Так на суседушек порядных,
 Так ходят удалые головушки,
 20 Да дорóдни добры молодцы,
 Так не могу прибрать я, беднушка,
 Своих ясных-то соколов,
 Так не по полному-то возрасту,
 Не по жёлтым кудёрышкам,
 Да не по зычному-то голосу.
 Так приотпущены у беднушки,
 Как ясные-то соколы
 Во чужую сторонушку,
 Дак не могу дожждаться, беднушка,
 30 Я ни весточки, ни грамотки,
 Да никакого я известьица.
 Так у меня замнула головушка,
 Призаржавело сердечушко,
 Как умом головушка обóвьется,
 А сердце кровью приобóльется,
 Только сяду я, беднушка,
 Под косивчато окошечко,
 Возьму маленькую куколку,
 Как любезну свою внукушку,
 40 Так пораздёю с ей обидушку,
 Да повыскажу кручинушку,
 Да схожу я, беднушка,

Как во рощицу шумливую,
А повыскажу я, беднушка,
Своей удалой-то головушке
Как злодейную обидушку,
И великую кручинушку.
Как приотпущены у беднушки
Как рожёны, у меня, детушки,
50 А не в гости, да не в праздники,
Не в клубá да во весёлые,
Не на трудную работушку,
На войну да государскую,
Под пушечки военные,
Под снарядушки тяжёлые.
Так одно-то пекé красное,
Тёплое-то солнышко,
Так одни живут родители,
А у нас-то, у беднушек.
60 Одни живут рожёны детушки.
Так от тяжёлых снарядушек,
Так от войны да государской,
От испугу сердце лопнуло,
От снарядов голова болит,
Так они вси да порасстроены,
Так не пишут мне, беднушке,
Ни весточки, ни грамотки.
Так я вставаю поранёшенько,
По утрышку по раннему,
70 Умываюсь не белёшенько,
Так прилетала птичка вещая,
Так она крылышка расправила,
Да об околенку ударила:
«Ты не плачь-ко, мать обидная,
Голова твоя кручинная,
Как твои рожёны детушки
На войны-то государской,
У снарядушков тяжёлых».
Принесла мне-ка, беднушке,
80 Птичка весточку нерадостну,
Скорописчатую грамотку
Как от сына от любимого,
Что убили бажёного,
От самолёта быстрокрылого.
Так получила я, беднушка,
Да под косивчатым окошечком
Эту весточку нерадостну,
Так у меня лопнуло сердечушко,

Как от этой-то от грамотки
 90 Как головушка развиялась,
 Так я вся, бедна, расстроилась.
 Взяла малу сиротиночку,
 Как позяблю ягодиночку,
 Она в годах несовершенных,
 А во летах не во молодых,
 Как не видала кормильца батюшка.
 Так ещё скажу я, беднушка,
 Не могу дождать, горюшица,
 Как от другого бажёного
 100 Ни весточки, ни грамотки,
 Да никакого я известица,
 Так его нету да при близности,
 Уж верно нет его во живности,
 Он не пишет мне-ка, беднушке.
 Как ожидаю я, беднушка,
 В эти круглые-то суточки
 Как своего-то я бажёного.
 Как я встретила бы, беднушка,
 У перёного крылечушка,
 110 У ступенчика у первого,
 Так стала бы держать, беднушка,
 Ясны очушки в окошечках,
 Белы ручки на заложечках,
 Резвы ноженьки на дороженьке,
 Как сказали б мне-ка, беднушке,
 Что идёт твоё бажёное,
 Что с войны да с государственной,
 Так почитала бы я, беднушка,
 Будто крест да на белой груди.
 120 Будто перстень на правой руке.
 Тут сказала бы я, беднушка,
 Что распекло да красно солнышко
 Во косивчато окошечко,
 Так повырыла бы, беднушка,
 Я злодейскую обидушку,
 Да великую кручинушку
 Своему сыну любимому.
 Как в учётные-то годушки,
 Нажилась без тебя, мое жадобное.
 130 Как на печке сердцу холодно,
 А за обедом брюшку голодно
 Так, верно, нет у меня надеюшки,
 Видно, нету переменушки.
 Так судьи власти немилостивы,

Да сердечком нежалостливы.
Как взяли да приотняли
У меня ясных-то соколов
На войну на государскую.

А. А. МЕНЬШИКОВА

43. ПРИ ПРОВОДАХ МУЖА

Уж как хожу я, многобеднушка,
Уж по сегодняшнему денечку,
Уж как гляжу, бедна горюшица,
Уж на законную семеюшку.
А стоит все да не по-старому,
Стоит все да не по-прежнему
Уж отправляю, многобеднушка,
Уж не в бурлагушки покольные,
Да не по денежки довольные,
10 Уж я на службу на военную,
На войну да на проклятую.
Уж нападают нас на бедных
Супостаты да проклятые,
Оставляют многобеднушек
Матерей многодетинных.
Уж вы глядите-ко, рождёные,
Уж на кормильца света-батюшка,
Уж как уедет да укатится
Он за горы за высокие,
20 Да за водушки глубокие,
Будем ждать, многопобедные,
Уж мы письма да только грамотку.
Ты уедешь, да укатишься,
Ты рожёно мое дитятко,
Ты годами молодешенек,
Умом разумом глупешенек.
Уж как растила я, беднушка,
Да без кормильца света-батюшки
Уж ты, рожёно мое дитятко,
30 Мне-ка жаль тебя тошнешенько.
Уж я с ясных очей ты выпущу,
А с ума с разума не выпущу.
Уж на моем, да на ретивоем
Уж сердце кровью обливается.
Приотправлен как у беднушки

Моя законная семеюшка
Да рожёно ты дитятко.
Уж мы где станем приглядывать,
Уж мы где станем присматривать.
40 Да ты, рожёно мое дитятко,
Ты пиши-ко письмо-грамотку.
Уж приотправлено у беднушки
Все да сродичи, да и сроднички
Все-то братцы, как родимые,
Зятевья мои любимые.
Как долит меня обидушка
И проклятая кручинушка.
Как приду, бедна горюшица,
Со колхозной со работушки,
50 Уж как сяду, многобеднушка,
За столом да за дубовые
Да за скатерти шелковые
За столом-то брюшко голодно,
Во обутке ножкам холодно.
Уж пустым у меня пустешенько,
Холодным да холоднешенько
Во витом да у меня гнездышке.
Уж не дай господи, не приведи
Уж никому роду крещеному
60 Уж как живого расставаньица
Уж с живыми да прощаньица.

—

44. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Приезжаю, многобеднушка,
Уж со колхозной со работушки,
Как сказали мне-ка, беднушке,
Мне-ка весточка нерадостна,
Уж известье невесёлое.
Уж захожу, бедна горюшица,
Я во хоромное строеньице,
Уж как сажусь, бедна горюшица,
Уж на брусову белу лавочку,
10 Не могу терпеть я, беднушка,
Уж сердце кровью обливается,
Да слезами заливаюся.
Уж как ложусь, бедна горюшица,
Уж на кровати пуховые,

Уж на подушечки перовые,
Уж не во снях ли показалось.
Уж прилетела птичка вещая
Уж ко косивчату окошечку,
Уж она крылышком похлопыват,
20 Уж острым носиком постукиват:
«Уж ты вставай, моя голубушка,
Уж не кручинь своей головушки,
Ты не верь-ко письму-грамотке,
Собирай-кось ты, голубушка,
Обувай-ко резвы ноженьки,
Да одевай-ко цветно платьце,
Уж ты поди-ко на почтовую дороженьку,
Ко домам да ко казённым,
Ко начальникам служённым».

30 Уж как я шла да, многобеднушка,
Уж я вся да истомилася,
Уж резвы ножки подломилася,
Уж как шла, бедна горящица,
По почтовой по дороженьке,
Уж как долит меня обидушка,
И проклятая кручинушка,
Уж я обидушке корилася,
Да кручинушке молилася,
Допусти-ко меня, беднушку,

40 До хоромного строеньица,
До брусовой белой лавочки,
Да до косивчата окошечка.
Уж как сяду, многобеднушка,
Да ко косивчату окошечку,
Уж как вырою я, беднушка,
Да проклятую обидушку,
Уж неудольную кручинушку.
Подходила, многобеднушка,
Ко домам я ко казённым,

50 Уж ко начальникам стужённым,
Ко столам-то ко дубовым,
Уж получала, многобеднушка,
Я бумаги заслужённые
И медали награждённые,
Уж за законную семеюшку,
Уж сердце кровью обливалося,
Да я слезами уливалася.
Уж как я шла, да многобеднушка,
По почтовой по дороженьке,

60 Во моих слезах несчастных

Ясны очи помутилися,
 Уж я с дороженьки побился.
 Нашептали ветры буйные,
 Наговорили лесы тёмные,
 Обогрело красно солнышко
 Как ретивое сердечушко,
 А сердце кровью обливалось.
 Не могла дожидаться, беднушка,
 От законной от семейшки
 70 Я писцово́й его грамотки,
 Как получила, многобеднушка,
 Не его рукой написано,
 Да не его сердцем рассказано.
 Уж как садилась, многобеднушка,
 Уж я на серые на камешки,
 От моих от резвых ноженек
 Серы камешки катилися,
 Шелкова трава валилася,
 Уж от моих от слёз горючих
 80 Вся дороженька смочилася,
 Да я не в чувстве очутилася.
 Как открыла очи ясные,
 Над моей буйной головушкой
 Буйны ветры расшумелися,
 Красно солнце показалось,
 Уж как брала я, многобеднушка,
 Во свои могучи рученьки
 Уж я медали заслужёные,
 И бумаги невесёлые.
 90 Уж как его сердце ретивое
 Оно пулями разбитое,
 Оно кровью всё политое.
 Протекла да кровь горячая
 На медали награждёные,
 И на бумаги заслужёные.
 Мне-ка жаль его тошнёхонько,
 Что не видела я, беднушка,
 При последнем вздыханьице,
 При последнем говореньице
 100 Свою законную семейшку.
 Кабы были крылья, пёрышки,
 Уж слетала бы я, беднушка,
 Как за лесушка дремучие,
 За болотушка гибучие,
 И за горы за высокие,
 За моря да за глубокие,

Уж собрала бы я, беднушка,
Как законную семьюшку,
Уж и прибрала бы, беднушка,
110 Его да тело мёртвое,
Тело мёртвое, личко блёклое.
Уж кабы были люди смелые,
Они склали бы груди белые
Клали бы в ноженьки хоженьице,
Во белы ручки маханьице,
Уж во белы груди дыханьице,
В алы щёки шевеленьице,
Во язык да говореньице,
Заговорили бы со мной, беднушкой,
120 При последней поре-времечке.
Уж сама знаю, сама ведаю,
Только век тое не водится,
Уж со мертвых живой не родится,
И домой да не воротится,
И во снях мне не покажется,
Наяву да не объявится.
Как дожждаться бы мне, беднушке,
Хоть своего сына бажёного,
Уж своего сынка рожёного.

45. ПРИ ВОЗВРАЩЕНИИ ДОМОЙ

Как пришла я, многобеднушка,
Уж я вся да истомилася,
Уж резвы ножки подломилися,
Уж как шла бедна горюшица
По почтовой по дороженьке.
Уж как долит меня обидушка
И проклятая кручинушка.
Уж я обидушке корилася,
Да кручинушке молилася:
10 Допусти-ко меня, беднушку,
До хоромного строеньица,
До брусовой белой лавочки.
Уж как сяду, многобеднушка,
Да к косивчату окошечку,
Уж как вырою я, беднушка,
Да проклятую обидушку.
Уж ты слухай-ко, рожёное,
Подходила многобеднушка

Ко домам я ко казенным.
 20 Уж ко начальникам служеным,
 Уж получала, многобеднушка,
 Уж я бумаги заслуженные
 И медали награжденные.
 Уж за законну за семеюшку
 Уж сердце кровью обливалося.
 Да я слезами умывалася.
 Уж вы слушайте, голубушки,
 Уж вы, соседки подугольные,
 Да соседи порядовые.
 30 Уж не дай господи, не приведи
 Никому роду крещеному,
 Уж как отправила я беднушка
 Уж как законную семеюшку
 Уж на войну да на проклятую.
 Уж как я шла, да многобеднушка,
 Почтовой-то дороженькой.
 Уж кабы были-то у беднушки
 Да и крылышка утиные,
 Были б перья лебединые,
 40 Уж слетала бы я, беднушка,
 Уж я за воды за глубокие,
 И за горушки высокие,
 И за морюшко за синее.
 Поглядела бы я, беднушка,
 Где лежит моя законная семеюшка,
 Как во чистом во полюшке
 Нету гробила дубового,
 Нету сродцев да и сродничков
 На последнем на прощаньице
 50 Во моих очах несчастных.
 Уж ясны очи помутилися
 И с дороженьки я сбилася.
 Уж как садилась, многобеднушка,
 Я на серые на камешки,
 Уж как брала, многобеднушка,
 Во свои могучи рученьки
 Уж я медали заслуженные,
 Я бумаги невеселые.
 Уж как его сердце ретивое
 60 Уж оно пулями разбитое,
 Оно кровью все облитое.
 Мне-ка сколь его тошнешенько,
 Что не видела я, беднушка,
 При последнем здыханьице,

При последней поре-времячке
Свою законную сговорную семейшку.
Кабы были крылья перышка,
Уж слетала бы я, беднушка,
Как за лесушки дремучие,
70 За болотушки сгибучие
И за горы за высокие,
За моря да за глубокие.
Уж собрала бы я, беднушка,
Уж законной бы семейшки,
Преобрала бы, беднушка,
Как его да тело мертвое,
Тело мертвое, личко блеклое.
Уж кабы были люди смелые,
Уж склали б груди белые,
80 Клали в ноженьки хоженъице,
Клали в рученьки маханъице,
Во белы груди здыханъице,
В алы щеки шевеленъице,
Уж во язык да говоренъице.
Заговорил со мной, с беднушкой,
При последней поре-времячке,
Чтобы помнила я, беднушка.
Стала бы помнить, многобеднушка,
Уж как его последнее словечушко
90 При последней поре-времячке.

46. ПРИ ВСТРЕЧЕ С ЗЯТЕМ

Уж как встречаю, многобеднушка,
Уж я воина любимого,
Уж милого братца любимого.
Уж выхожу, бедна горюшица,
Уж на почтовую дороженьку,
Уж как долит меня обидушка,
Да и проклятая кручинушка.
От меня да ведь, от беднушки,
По почтовой по дороженьке
10 Серы камешки катилися,
Шелкова трава валилася,
Уж я огнём да загоралася,
Уж сердце кровью обливалосся,
Я слезами уливалася.
Уж расскажу, бедна горюшица,

Уж братец красно моё солнышко
 Про своё житьё несчастное,
 Уж получила я ведь, беднушка,
 От законной от семеюшки
 20 Уж я медали награждёные,
 И бумаги невесёлые.
 Уж верно толь да я счастливая,
 Уж верно толь я таланливая.
 Уж не начались, не надеялись,
 Уж буде вам да распушеньице,
 Уж до войны да замиреньице.
 Уж братец, красно моё солнышко,
 Ещё есть у меня, у беднушки,
 Уж как отправлено рожёное,
 30 Уж больша скачёная жемчужинка.
 Уж как рожёно моё дитятко,
 Уж он в моря да во глубокие,
 На корабли да на высокие,
 Хоть дождаться бы мне, беднушке,
 Уж своего сына бажёного.
 Уж как я растила ведь, беднушка,
 Уж без кормильца света батюшка
 Уж рожёных своих детушек.
 Уж до того у меня похожено,
 40 Боль не носят ножки резвые,
 Да болят мои ручки белые.
 Уж от тяжёлой от работушки.
 Уж братец красно моё солнышко,
 Уж как в эти учётныи,
 Уж как в учётны эти годушки
 Так не столько воды выпито,
 Уж сколько слёз у меня вылито.
 Уж кабы знала я нонь, беднушка,
 Про законную про семеюшку,
 50 Так получила многобеднушка
 Уж нелюбимое словечушко,
 Уж нелюбимое — вдовиное.
 Братец, красно моё солнышко,
 Уж есть у мя, у беднушки,
 Как отправлено рожёное,
 Как моя белая лебёдушка
 На чужу дальну сторонушку,
 Никого да нет знакомого
 Со своей да со сторонушки,
 60 Нет ни сродцев, нет ни сродничков.
 Уж я спрошу, бедна горюшица,

У тебя, да братец солнышко:
«Ты на встречушку не встретился?
На попутнице не свиделся
Со моей сестрицей милою,
Уж с кумой твоей любимой?»
Как отправлено, у беднушек,
Идёт седьмой учётный годышек,
У нас без ей да без голубушки
70 Похоронена родитель матушка,
И обиды перенесено,
И кручины перевидено
Как за этое-то времячко.
Уж ещё, да братец солнышко,
У меня, бедной горющицы,
Как отправлено у беднушки.
Уж милой братца, красно солнышко,
Уж почитала, многобеднушка,
За мила братца родимого,
80 Да за кормильца света батюшка,
Уж никакого нет известица,
Ни письма, да нам ни грамотки,
Уж ни в живых нету, ни в раненых,
И наяву не объявляется.
Как гляжу, бедна горющица,
На его рожёных детушек,
Как его дети несчастные,
Да мои бажёны племятка,
Уж не дожидаться им ведь, беднушкам,
90 Своего кормильца батюшка.
Братец, красно моё солнышко,
Уж вы его детей несчастных
Хлебом солью не кормите-ко,
Только прямо поглядите-ко,
Уж почитать да будут бедные
За кормильца света батюшка.
Сама знаю, сама ведаю,
Что чужи батюшки — не батюшки,
Чужи тётушки — не матушки,
100 Уж только слухай-ко, голубушка,
Ты сестрица богоданная,
Уж ты живи, моя голубушка,
Со своима со рожёныма,
Со рожёныма, с бажёныма,
Да со малыма со детушкам,
Не найдется ли у беднушки
Твоя законная семеюшка,

А как мой братец родименький,
Провожать мы будем, беднушки,
110 Уж проклятую обидушку,
Да продольную кручинушку.

47. ПРИ ВСТРЕЧЕ С СЫНОМ

Уж не свет ли рассветается,
Дверь дубова отворяется,
Уж в избу гостюшко является.
Уж как стретаю, многобеднушка,
Уж своего сынка родимого,
Того воина любимого.
Уж по сегодняшнему денечку
Уж дождала, многобеднушка,
Уж ждала утром, ждала вечером,
10 Уж осередь да ночки тёмной,
Уж середи да денька белого.
Уж по сегодняшнему денечку
Уж с морей плывешь глубоких,
С кораблей да со высоких,
Уж волны в море уходились,
Корабли остановились,
К нам матросы появились.
Уж до сегодняшнего денечка,
Уж ты, рождено моё дитяшко,
20 Не пекло да красно солнышко,
Уж как не грело меня, беднушку.
А как по сегодняшнему денечку
Распекло да красно солнышко,
Обогрело меня, беднушку,
Уж у меня-то ведь, у беднушки,
Уж принаскоплено обидушки
В эти долгие-то годушки,
Уж крепко ноченька не сыпана,
Уж сыта выточка не едена,
30 Как не могу забыть рожёного,
Да сынка-то я бажёного.
Уж только слухай-ко, рожёное,
Как получено у беднушки
За твоего кормильца батюшку
Все медали награждённые,
Да и бумаги заслужённые.
Как уж не началсь, не надеялись,

Что придёт воинам распушение,
А войны да замирение.
40 Как уж твой кормилец батюшко
До последней поры-времечка
Защищал свою он Родину,
Он в рядах стоял во первых,
Он в боя ходил во громкие,
Про его да грудь несчастную
Как у немца у проклятого
Быстра пуля выливалась,
Во его грудь сядовáлася,
Уж как убила тут у беднушки
50 Мою законную семьюшку.
Я осталась, многобеднушка,
Я вдова многопобедная,
Да солдатка горегорькая.
Уж ты, рождёно моё дитятко,
Не покинь-ко меня, беднушку,
Уж я стала ведь старёшенька,
Поясок ношу слабёшенько.
Уж не могу работать, беднушка,
Я тяжёлой нонь работушки,
60 Да и нет у меня надеюшки
И ни в ком нет переменушки.

П. И. МИНАЕВА

48. О ПОГИБШЕМ СЫНЕ

В тую ночку мне не спалося,
Всю-то ноченьку болела грудь
И моё ведало сердечушко,
Там случилось несчастьеце
И великая невзгодушка,
Там погибла молодая жизнь
Моего сына любимого.
В эту темную осенню ночь
За лесами за дремучими,
10 За Онегами шумячими
За круглистыми озёрами.
Мне ведь жаль его тошнёшенько,
Сама знаю я ведь, беднушка,
Что мне с ним больше не видеться,
И на дорожке не встретятся,

Он положил свою головушку
На чужбине он за Родину.
Пришла весточка по радио
В эту тёплую весенню ночь,
20 Что победили неприятеля,
А я, бедная, несчастна мать,
Уж я знала да я ведала,
Что не придёт ко мне любимый сын,
Моё бедное сердечушко,
Оно кровью обливается.
Уж пришла пора да времечко,
Все полки освобождаются,
Все солдатики военные
Все на Родину съезжаются,
30 А не приедет мой любимый сын
Ко добротушке ко матушке.
Не судите меня, бедну мать,
Не судите, люди добрые,
Не судите, православные,
Если была бы я пташечка,
Если б были у меня крыльшки,
Так слетала бы я, беднушка,
На чужу дальну сторонушку,
К моему сынку любимому,
40 На могилку человеческу,
Я склонила бы головушку
От верху и до сырой земли,
Разделила бы я, беднушка,
Тоску-печаль кручинушку.
Как у меня, у беднушки,
От кручинушки порог шумит,
А от досады сердце ржавеет.
Я склонила бы головушку
Я на матушку-сыру землю,
50 Расступись ты, мать-сыра земля,
Покажись ты, тело мёртвое,
Покажись, рана смертельная,
Она нанесена злодеями.
 Попрошу, бедна горющица,
Пресвятую богородицу,
Уж как дай-ко, богородица,
Моему сыну любимому
Во резвы ноженьки хоженьице,
Во белы руки маханьице,
Во ясны очи смотреньице,
А во уста да говореньице

Мы побоем, да поговорим,
Про твоё да житьё-жирушку,
А про мою тоску-кручинушку.
Как у тебя, дитя рождёное,
Как остались малы детушки,
Как осталась молода жена,
И осталась стара матушка,
Уж ведь век так водится —
70 Жёнка плачет до замужества,
А сестра плачет до гуляньица,
А родитель его матушка
Плачет до гробовой доски.

Е. Е. МИРОНОВА

49. В ОЖИДАНИИ ВЕСТИ

Куда справился-наладился,
Ты моя семья любовная,
Да семеюшка сговорная?
Во солдатушки военные,
Да в матросушки победные.
Да оставаюся, победнушка,
Будто утушка с утятками,
А также я, бедная, с ребятками.
Как я нынечу-теперечу,
10 Я живу, бедна горющица,
Во своём да витом гнёздышке,
Я живу, бедна горющица,
Со своими сердечными детушками,
Нет на улушке заступушки,
Нет в избушке приголубушки,
Нет от ветрушка затульица,
Да от соседушек заступица.
Как за эти четыре годичка,
Я живу, бедна горющица,
20 На ретивом-то сердечушке
Как сумёты снежку белого,
Погребки да ледку ярого,
Как у меня, бедной горющицы,
Ретивó сердце соржавело,
Да головушка состарела,
Нету раннего бужателя,
На работку наряжателя,

Не могу дождаться, беднушка,
Я своей семьи любовной,
30 Ни писёмка да я ни весточки,
Никакой-то я грамотки,
Как твои сердечны детушки,
Они ходят да скитаются,
От шатра к шатру болтаются.
Не могут дождаться, беднушка,
Своего кормильца батюшки,
Да родительского желаньца,
Колесом к реке катилася,
Камешком в воду спустилася.
40 Я живу, бедна горюшица,
Без любовной семеюшки,
Не дождуся я, победнушка,
Ни писёмка, да ни грамотки,
У меня горюшка три морюшка,
Да обиды два озёрушка.
Как сегодняшнего денечка,
Богоданна моя матушка,
Как шла на трудную работушку,
Мне стреталося три стретушки:
50 Перва стретушка — обидушка,
Друга стретушка — кручинушка,
Третья стрета — горячи слёзы.
Я обидушке молилася,
Я кручине покорилася,
Горючим слезам покор дала.
Богоданна моя матушка,
Как четыре твои внучатка,
Нет кормильца света батюшка,
Нет родительска желаньца.

Т. Г. МИШИНА

50. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Не шуми, роща зелёная,
Не кипите, муравейнички,
Не убойтесь-ко, родители,
Не вода иду — не потоплю,
Не огонь иду — не обожгу,
Я иду, бедна горюшица,
Со великой со обидушкой,

Не с кутьёй иду, не с ладаном,
 Со злодейной со кручинушкой.
 10 Сдалека мне не накликаться,
 Свысока да не набаяться,
 Подойти да поблизёшенько,
 Мне-ка сесть да понизёшенько
 Мне-ка сесть да понизёшенько,
 На могилку человеческу.
 Вы повеите, ветерочки,
 Растащите-ко песочки,
 Расступись-ко, мать-сыра земля,
 Покажись-ко, гробова доска!
 20 Я просить буду, выпрашивать
 Я молить буду, вымаливать
 Запрестольну богородицу,
 Чтобы дала богородица
 Как родителю-то матушке
 В белы грудушки вздыханьице,
 В белы рученьки маханьице,
 Во ясны бы очи зреньице,
 Во уста бы говореньице.
 А просидела бы, беднушка,
 30 Со родителькой со матушкой
 Целу круглую неделюшку,
 Тут бы была да не несчастная,
 Весела бы пошла, радостна,
 Я со бுவки родительской,
 Со могилы человеческой,
 Как сама знаю, сама ведаю,
 Видно век того не водится,
 Со мертвых живой не родится.
 Ты родитель моя матушка,
 40 Расскажи-ко мне-ка, беднушке,
 Ты когда в гости посулишься?
 К вечеру бы посулилася,
 Я бы спать да не ложилася,
 Середи дня посулилася —
 Я пообедать не садилася,
 А по утру бы посулилася —
 Так вставала бы я, беднушка,
 Я до птичегю жупленьица,
 До пастушьегю трубленьица.
 50 До загожья кукованьица,
 До лягушки воркованьица.
 Сама знаешь, родитель матушка,
 Как в сиротском житьи-жирушке,

Как сову-то знать по пёрышкам,
А сироту-то знать по платьям,
На сове-то перья пёстрые,
На сиротках платья рёзные.
Знать загожку по кукóванью,
А сироту знать по горёванью.
60 А сиротные-то детушки
На улочке дракливые,
А в избушке хлопотливые,
За столом да большевётные. . .
У твоих рождёных детушек
Нету рóдного ни óдного,
Нет желанного ни я́дного,
А у тебя ведь не наказано
Нам ведь в ком искать желаньице.
У кормильца-то у батюшка
70 Ведь сердечушко коловое,
А желаньице часовое,
Пора-времячко обóйдется,
Тоска на сердце уходится,
Ему будет молода жена,
А как твоим рождёным детушкам
Нет родительки-то матушки,
Пекёт одно ведь красно солнышко,
По всему свету по белому,
Как одни живут сердечные
80 Без родитель своей матушки.
(«Каждое воскресенье ходила на могилу.
Почти у каждого покойника поплакала»)

Е. С. МОШНИКОВА

51. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Мне пойти да буде, беднушке,
По сегодняшнему денечку,
По сегодняму-господнему.
Я сегодня тёмной ноченькой
Мало спала — много видела,
Мне во снах много казалось.
Ты вставай-ко, дочь победная,
Умывайся-ко скорёшенько,
Одевайся веселёшенько.
10 Прилетела птичка-пташенька

Под косивчато окошечко:
«Ты пойди-ко, дочь несчастная,
Сирота да горегорькая,
Как ко пению церковному,
Да ко звону колокольному
Как на буювку ильинскую,
На могилку на родительску».
Приходила я, победнушка,
В божью церковь просвещённую,
20 И глядела я, победнушка,
Как по старым, да по малым,
И среди да веку среднего,
Не могла увидеть, беднушка,
Как своей доброты-матушки.
Обманули-облукавили
На словах меня поставили,
Мне от пения церковного
Да от звона колокольного.
Да пойти мне буде, беднушке,
30 Мне на буювку ильинскую,
На могилку человеческу.
После моего бываньица,
После моего живеньица
Зарослась да путь-дороженька,
Частым ельничком-березничком,
Кудреватым орешничком,
Я орешничек повысеку,
Я березничек повырублю,
Шелкову траву в ногах стопчу.
40 Доберуся я, победнушка,
До своей доброты-матушки,
Доброта желанна матушка,
Стала к горенке трогатися —
Стала горенка терятися.
Не теряйся, нова горница,
Не пугайся, родна матушка,
Не полк идёт солдатушков,
И не другой идёт матросушков —
Иду бедная с обидушкой,
50 С окаянной кручинушкой,
Впереди идёт обидушка,
Позади идёт кручинушка,
По бокам да горячи слезы.
Не доли меня, обидушка,
Не кручинь меня, кручинушка,
Не долите, горючи слезы,

Прилетите с неба ангелы,
С неба ангелы-архангелы,
Доберуся я, победнушка,
60 До своей доброты матушки.
Прилетите, чёрны вороны,
Вы расклюйте гробову доску,
Покажите тело белое,
Тело бело — личко блёклое,
Личко блёклое — тело мёртвое.
Прилетите с неба ангелы,
С небес ангелы-архангелы,
Дайте в рученьки маханьнице,
Дайте в ноженьки хожаньнице,
70 А во уста да говореньице.
Ты вставай, родитель матушка,
Ты пойдём, доброта матушка,
Во любовно часто гостьбище,
Как столы у мня расставлены,
У мня кушанья сготовлены.
Как не идёт родитель матушка,
Как чего да осердилася,
И на мня приогрубилася.
Люди счастливы-таланливы,
80 Есть родители желанные,
Мы как бедные, несчастные,
Да несчастные-бесталанные,
Я живу, бедна несчастная,
У кормильца света батюшки,
Я ни холодна ни голодна,
А обидушкой наполнена,
И кручиной надоволена.

52. ПРИ ПРОВОДАХ МУЖА

(Когда справляется из дому)
Мне-ка сись, да многобеднушке,
На бросову белу лавочку,
Под косивчато окошечко.
Попросить да мне-ка, беднушке
У тебя-то, милая семеюшка,
Ты куда да отправляешься,
Ты куда да снаряжаешься,
Как на летне ли сенокосице,

Аль на зимнее сеновозище?
 10 Сама знаю, сама ведаю —
 Не легче сенокосить,
 Сама знаю, сама ведаю —
 Самой можно догадаться.
 Отправляю тебя, беднушка,
 Молода жена несчастная,
 Я несчастна-бесталанная,
 Я на службу государьскую,
 На войну да на германскую.
 Как сегодняшнего денечка,
 20 И сегодняшнего господнего
 Потеряла я, победнушка,
 Большацка в доме хозяина,
 Уж я летнего коромщицка,
 Уж я зимнего извозщицка.
 У меня-то ведь, у беднушки,
 На ретивое сердечушке
 Как обидушки-то три морюшка,
 Горючих слез-то три озерышка.
 Без тебя-то, любимая семья,
 30 Насижуся, бедна, голодом,
 Нет обутоцьки, да одетушки
 У меня-то, многобеднушки.
 Мои годы-то немолодые,
 А как обидеть-то меня есть кому,
 А приголубить-то меня некому.
 Я живу бедна, несчастная,
 Бесчастная-бесталанная.
 Без тебя-то, любимая семья,
 Как во нашем-то витом гнездышке
 40 Все пустым будет пустешенько,
 И холодным да холоднешенько.
 Все-то рамочки почернятся,
 А все околени потемнятся.

53. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Мне-ка сесть буде, беднушке,
 На бросову белу лавочку,
 Под косивчато окошечко,
 Мне спросить да буде, беднушке,
 Своего сына любимого:
 «Ты сердечно моё дитятко,

Ты куда да снаряжаешься,
 Ты куда да отправляешься,
 Как на летне ли сенокосице,
 10 Аль на зимне сеновозице?
 Сама знаю, сама ведаю,
 Самой можно догадаться,
 Что на службу государскую,
 На войну да на германскую,
 Ты сердечно моё дитятко,
 Оставляешь меня, беднушку,
 Моя сила не молодая,
 Могута да не по-прежнему,
 Я обидушкой наполнена,
 20 Я кручиной надоволена.
 У меня-то уж, у беднушки,
 На тебя была надеюшка,
 Поезжашь, сугрева тёплая,
 Ты сердечно моё дитятко,
 Ты на полюшко на бранное
 Наб снарядами бождатися,
 Надо пуль остерегатися.
 Мне спросить да, многобеднушке,
 У тебя, сердечно дитятко:
 30 «Ты куда да снаряжаешься,
 Ты куда да отправляешься?»
 Сама знаю, сама ведаю,
 Самой можно догадаться,
 Что на службу государскую,
 На войну да на германскую,
 Не на зимне сеновозице,
 Да не на летне сенокосице.
 Как во нашем витом гнёздышке,
 Без тебя, сугрева теплая,
 40 Пустым стало пустёшенько,
 Холодным стало холоднёшенько,
 Все-то слуденьки потёмнелись,
 Все-то рамочки почёрнелись
 Все-то конюшки, коровушки
 Повесили головушки,
 Не поют да соловьи в саду,
 Не жуют да птички-пташечки
 Под косивчатым окошечком.
 Как сердечно моё дитятко,
 50 Было ношено да рожено,
 И желанье было вложено,
 Мне как жаль тебя тошнёшенько.

Я не эдак, бедна, думала,
Что нахожусь я наскитаюсе,
Да всего напринимаюсе
Без тебя, сугрева теплая,
И сердечно мое дитяtko.
Нет обуточки по ноженькам
И нету платъицев по плеченькам.

54. ПРИ ВСТРЕЧЕ С СЫНОМ

Охти мне-ко тошнихонько,
Как сегодняшнего денечка,
Как сегоднего господнего
Дождалась я, победнушка,
Своего сына любовного
По сегодняшнему денечку.
Мне-ка сись да буде беднушке
На бросову белу лавочку
Под косивчато окошечко.
10 Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадаться
До сегодняшнего денечка
Во моем да витом гнездышке
Все пустым было пустешенько,
Холодным да холоднешенько.
Как сегодняшнего денечку,
Сегоднего господнего
Все окошечка посветлились,
И все рамочки побелились.
20 Все-то конюшки-коровушки
Да не весят они головушки,
Заспевали птички-пташицы
Да под косивчатым окошечком,
Как поют да соловьи в саду,
Все ворота открывались,
Мы бойцов да дожидались.
Обрадели мы-ка, победнушки,
От великой победушки,
Хоть ходили и сражались,
30 Но в живых они остались.
У меня-то ведь, у беднушки,
На тебя, сугрева теплая,
Да сердечно мое дитетко,

На тебя была надеюшка.
Не покинь ты меня беднушку,
Чтобы я не наскиталася,
Не ходила бы не шаталася.

Т. Н. НИКОНОВА

55. ПО СИРОТАМ

А уж не дай господи, не приведи
Жить пустыням без монастырей,
Монастырям да без строителей,
Божьей церкви без служителей,
Сиротам жить без родителей,
Уж как сиротские-то детушки,
А на улочке дурливые,
А во избушке хлопотливые,
А за столом да большевытные,
10 Как сиротские-то детушки,
А на их платица тлеём тлеют,
А обуточка огнём горит.
Как сову вижу по пёрышкам,
А сироту вижу по платицам,
А на совы да перья пёстрые,
А на сиротке платья розные.
А как по сегодняшнему денечку
Как на сиротско вито гнёздышко
Не пекёт да красно солнышко,
20 А как до этого-то времечка,
Дак по утрышку по раннему,
Как распекало красно солнышко
На это вито гнёздышко,
А под косивчатым окошечком,
А цвели яблони кудрявые,
Виноградьца зелёные.
А уж как нынечу-теперечу,
А в саду яблони повянули,
Виноградьца посохнули,
30 В саду пташки задавилися,
А соловьи все заклекнулися,
Не пекёт да красно солнышко,
А на это вито гнездышко,
На сиротских бедных детушек.
Как спросила я ведь, беднушка,

Уж как у красного у солнышка:
«Уж как скажи-ко, красно солнышко,
Мне горюше, беднушке,
Когда пекёшь, да красно солнышко,
40 На сиротских на детушек?»
А говорило мне-ка, беднушке,
Как красно-то солнышко:
«Как я по утрышку по раннему
Пеку поля да хлебородные,
А осередь да деньку белого
Пеку лужка да сенокосные,
А на сиротских на детушек
Пеку по позднему по вечеру,
Да и то по резвым по ноженькам,
50 А не по буйным по головушкам
Уж хоть пеку да не теплешенько,
А согреваю не скорёшенько».
Уж как касата летна ластушка,
Да любезна мила племничка,
На кого ты приоставила
Уж как рожёного-то дитятка,
На доброту ли на матушку,
Аль на кормильца света батюшка,
Аль на братцев на родимых?
60 У тя батюшка старёшенький,
Да матушка древнёшенька,
Да по избы ходят тихошенько
Да поясок носят слабёшенько,
Дак не возростить им ведь бедным
Твоего рожёна дитятка.
А братцы-то родимые,
А на чужой дальней сторонушке,
Да на службах на военных,
Под замахама высокими,
70 А под ударама тяжёлыми,
А может господи не судит им
Принести буйной головушки,
А на родимую сторонушку.
Так на кого ты приоставила,
На суседушков порядных,
Аль на сродничков богатых?
У суседушков порядных
Есть свои жёны, свои дети,
А у сродничков богатых
80 Есть кирпичны белы печеньки,
Так не про их про бедных топлены,

Да обогрева мила тёплая
 Чтоб берегчи сиротских детушек.
 Говорила ведь я, беднушка,
 Уж сестрице-то голубушке:
 «Уж ты сестрица, ты голубушка,
 Да любезна мила кумушка,
 Уж проси господу, упрашивай,
 А богородичку умаливай,
 90 Чтобы дала богородичка
 Уж тебе ноженьки гусиные,
 Дала крылья лебединые,
 Уж слетала бы мать несчастная
 Уж ты на дальнюю сторонушку,
 Уж в эту ротушку солдатскую,
 Уж попросила бы ты, беднушка,
 А у бойцов да у товарищев,
 Уж ты про сына про бажёного,
 Уж как пришла ему смерётушка,
 100 Уж от замахушков высоких,
 От ударушков тяжёлых,
 И от пуль да неприятельских,
 Как ведь грудь бела старалася,
 Душа с телом расставалася.
 Положил буйну головушку
 Он на полюшке на братскомое,
 В этой ротушке солдатской,
 Приостались у бедного
 Мать его несчастная,
 110 Да рождёно мило дитятко.
 Как спрошу горюша, беднушка,
 У тебя ли, сердце милое:
 «Как пустили вы смерётушку
 Ко любезной милой племнячке?»
 Пришла смерть да не спросилася,
 У ворот не колотилася,
 Под окошком не стучалася.
 «Как пустили вы смерётушку,
 А вы с ей да не срядились?»
 120 Проводили бы смерётушку
 За белые за рученьки,
 За столы да за дубовые».
 Пришла с волока холодная,
 С за синя моря голодная,
 Накормила бы ю досыта,
 Напоили бы ю допьяна,
 Уж и дали бы смерётушке

Дали цветны бы ей платица,
На то смерть да не сложилася,
130 Тое смерти не слюбилося.
Вы ещё дали б смерётушке
Вы бессчётну золоту казну,
А на то да не сложилася.
Так ещё дали б смерётушке
Вы улётушку добрых коней,
Дали милой бы скотинушки,
Дали б во поле долиночки,
Не то в доме половиночки,
А на то смерть не сложилася,
140 Тое смерти не слюбилося.
Уж как с этой-то смерётушкой
Как князья-то с ей не судятся,
Да бояра с ей не рядятся,
Смерть та неподсудная,
А голова да нерассудная,
Ведь не таких берёт смерётушка,
Лучше брала бы смерётушка
Она старых, да древниих,
А людей да безнадейных,
150 А не таких берёт смерётушка —
Как от маленьких от детушек
Берёт сердечных родителей.

М. Р. ОНТОХИНА

56. СИРОТА ОБ ОТЦЕ

Как иду, бедна горющица,
Как сегоднешним-то денечком,
Как окольнічки туманятся,
Во дому да все печалются,
Как потеряли мы да беднушки
Своего родитель батюшку,
Куда сесть да мне-ка, беднушке,
Али в ноги, али в голову,
Аль супротив сердца любимого.
10 Во ногах-то стоят ангелы,
А во головушке архангелы,
Только сяду я ведь, беднушка,
Против ретивого сердечушка,
Не могу ли я ведь, беднушка,

Поразбаять-поразговорить,
Как своего батюшка любимого
Ко своим детям бажёным.
Как у меня, бедной горющицы,
У меня много приотпущено,
20 У меня много приотправлено,
Много сродцев, много сродничков
Как во будущее векушко.
Не могу дожидаться, беднушка,
Ни письма да я ни грамотки,
Никакого я известьица.
Как во будущих-то векушках
Там замочки принакладены,
Сторожа-то там поставлены,
А замочки не ржавеют,
30 Сторожа-то там не стареют.
Как сегодняшним-то денечком
Прилетела ко мне, беднушке,
Птичка вещь, соловеюшка,
Она во окошечко ударила,
Вещевала мне-ка, беднушке:
«Ты поди, моя голубушка,
Как сегодняшним-то денечком
Есть ведь грешничкам прошеньице,
С того свету распушеньице».
40 Я вставала поранёшенько,
Умывалася белёшенько,
Как бежала торопилася,
Дорожка надвое двоилася,
На пятинки четверилася.
Мне три встречушки встречались:
Перва встречушка — обидушка,
Друга встречушка — кручинушка,
Третья стрета — горючи слезы.
Я обидушке скорилася,
50 Горючими слезами спо́илася.
Не доли-тко меня, беднушку,
Как проклятая обидушка.
Я иду, бедна горющица,
Ко сердечным родителям,
Я во гости во любимые,
Во гостибища великие,
Как у сердечных родителей
Так у них печенька не топлена,
Избушка не метёная,
60 Я пришла, бедна горющица,

Как во гости во любимые,
Во гостибища великие.
Как я сошью да лёгку лодочку,
Сошью лодочку с обидушки,
А кладу весёлышка с кручинушки,
Посажу, родитель батюшка,
Посередь да тебя лодочки:
«Ты пойдём, родитель батюшка,
Буду я да не сиротная,
70 Буду я да не несчастная». Я от ветрышка наваяна,
От дождя да наполивана,
Я на камушке спорожена,
Я на свет была спопущена
У сердечных родителей
По белу свету шагатися,
А мне слезами уливатися.
Не видала только, беднушка,
Я от бладости до старости
80 Как осталась я да беднушка,
Как без сердечных родителей,
Как осталась я малёшенька,
Умом-разумом глупёшенька,
Уж по бережку нахоженось,
Камешка да наприбѣранось.
Не могла прибрать я, беднушка,
По ретивому сердечушку,
Не могла найти я камушка,
Как сердечных родителей.
90 Как без отцовых детей, матерных,
Не дай господи, не приведи,
Без сердечных жить родителей.
Без сердечных родителей
Нет обуточки по ноженькам,
Нет одеждочки по плеченькам,
У отцовых детей, матерных,
Придѣт праздничек — обновушка,
В воскресеньице — покупочка,
А у мя, бедной горющицы,
100 Придѣт праздничек — обидушка,
А в воскресеньице — кручинушка.
Безотцовы дети, матерны,
Как на улушке дурливые,
А за столом да большевытные,
На них платьца огнѣм горят,
А обуточка тлеѣм тлеет.

Как у мя, бедной горящицы,
Не с кем выбаять обидушки,
Да проклятой кручинушки.
110 Нету тѣтушек запольных,
Нету бабушек задворных,
Не с кем высказать кручинушку.
Попытаю я ведь, беднушка,
Я обидушку высказывать,
Да кручину выговаривать
Как по вечеру позднѣшенько,
Среди да ночи тѣмной.
Расскажу свою обидушку
Как косивчату зголовьицу.

57. В ОЖИДАНИИ СЫНА

Как пришла веснушка красивая,
Пора-времячко тоскливое,
Как повытают снежочки,
Побежат да ручейчики,
Как иду, бедна горящица,
На почтовую дороженьку,
И сажусь-то я, победнушка,
Как ко реченьке ко быстрой,
Дожидаю я, горящица,
10 Своего сына бажѣного
Со чужой дальней сторонушки,
С городов да со дальних,
Из-за лесушек из-за тѣмных,
Из-за гор из-за высокиих,
Со шумливого Онегушка,
Со кругливого озѣрушка,
На пароходах скороходных.
Как не могу дожидаться, беднушка,
Как четыре этих годышка,
20 Как уж живу, бедна горящица,
Я без сына без бажѣного,
У невестушек любимых.
Я иду, бедна горящица,
Я от дочери бажѣной,
Я ко витому ко гнѣздышку,
Ко сыновьему строеньицу,
Как иду я потихошеньку,

Как ступаю полегошеньку,
Как иду, бедна горюшица,
30 Ко перёному крылечушку,
Как зайду, бедна горюшица,
Я во витое во гнёздышко,
Как глядят да не милёшенько,
Говорят они грубёшенько.
Так уж не знаю как я, беднушка,
Как зайти во вито гнёздушко,
Мне тошнёшенько захочется,
Поскорёшенько отхочется.
Сердце клубышком катается,
40 Сердце кровью обливается.
Как про меня, бедну горюшицу,
У невестушек любимых
Как столы были не собраны,
Самовары не согрваны.
Как в четыре эти годышка
Наскопила я ведь, беднушка,
Как обидушки три морюшка,
А кручины три озерышка.
На моем сердце ретивое
50 Как суметы снежку белого,
А погребка ледку холодного,
А снежочки не вытают,
А ледочки не выгинут
С моего сердца ретивого,
До того у мя накоплено
Распроклятой-то обидушки
Как в четыре эти годышка,
Как без сына без бажёного.
Как мои рожёны детушки
60 Как во бедны дни родилися,
А во несчастные крестилися.
Как от матери от бедной
От несчастной родилися,
Так лучше бы были не ношены
И на белый свет не спущены.
Только я, бедна горюшица,
Сама знаю, сама ведаю,
Я от ветрушка навеяна,
От дождя да наполивана,
70 Я на камешке спорожена,
А на белый свет спопущена,
По белу свету шататися,
А мне слезами умыватися.

И цветы будут посажены
И сады будут разведены
Дождалась я ноне, беднушка,
Большечка себе начальника,
В себе в доме распорядчика.

Н. И. ОСИНА

58. ПЛАЧ ПО СЫНОВЬЯМ

Как отправляю, мать победная,
Своих-то бажённых,
Сыновьёв своих любимых
Не ко праздничку годовому,
Не на вечерушки-игралицы,
Отправляю, мать обидная,
Я на чужу дальну сторонушку,
Я на службу государскую,
На войну да кроволитную.
10 Положили там головушку
Из-за несчастного-то Гитлера,
Как на бранном на полюшке.
Как у меня-то у беднушки,
Кабы были у мня крылышки,
Так слетала бы я, беднушка,
Как собрала бы я косточки,
Да придала бы ко земелюшке,
А нынь не знаю я ведь, беднушка,
Как я мать многодетинная,
20 Как у своих-то у рождённых
Ведь и буевка незнаема,
И могилка потеряема.
Так со этой со сторонушки
Уж ходят почты парные,
Да не ходят одноконные,
Пешеходу нету выходу,
Оттуль птичке нету вылету,
Так не могу дожждаться, бедная,
Скорописчатой я грамотки,
30 Так за четыре-то за годика
У меня, бедной горющицы,
Все-то лавочки оплаканы,
И стеколышка оплаканы,
Так в избе у меня пустёхонько,

Как из-за этой из-за досадушки
Так не греет меня, беднушку,
Как кирпична бела печенька,
Как во ретивое сердечушко
Будто ножики поставлены,
40 Будто шилья накалёные.
Еще есть у меня, у беднушки,
Ещё два ёсти во живности,
Так дожидаю я, бедная,
Со чужой дальней сторонушки,
Быва призрят мя при старости,
Да приголубят меня при древности.
Ведь я растила, несчастная,
Как своих-то малых соколов
Не в прохладном житьи-жирушке,
50 Как у их не было у бажёных
Ни по плечикам надеточки,
Ни по ноженькам обуточки,
Я не знала, мать горюшица,
Ни праздничка годового,
Ни воскресенья я христового,
Ни отдоху полудённого.
Не видли люди добрые
Помогчи да мне как беднушке,
А как выросли мои соколы,
60 Так увидели люди добрые,
Судьи-власти немилостливы,
До сердечка нежалостливы,
И меня да приоставили,
Как одну горюшу горькую.
Как приметить меня некому,
Сама стала я старёшенька,
Стала силушка малёшенька.
Как во этии во годики
Наб бы силушку звериную,
70 Могуту да лошадиную.
Как осередь на ночки тёмной
Получила я ведь, беднушка,
Весточку ту радостну,
Что война остановилася.
Как нынь дожидаю я, горюшица,
Со чужой дальней сторонушки
Как своих-то я жадобных,
Сыновей своих любимых.

А. А. ПАВКОВА

59. О ПОГИБШЕМ СЫНЕ

Мне-ка сесть, бедной горющице,
К своему сыну любимому,
Ты рождено моё дитятко,
Ты далёко ли справляешься,
Ты куда да снаряжаешься,
Ты в бурлакушки во вольные,
Али по денежки довольные?
Сама знаю, бедна, ведаю,
Что не в бурлакушки во вольные,
10 Да не по денежки довольные,
Не ко праздничку годовому,
Не к воскресеньицу христовому,
А ты сходи, моё рождёное,
Недалёко, близко — порядку,
А за круглистое озёрышко,
К своему кормильцу батюшке,
А ты спрости, моё рождёное,
Своего кормильца батюшка,
На войне да у него бывано,
20 Да эта жизнь была испытана.
Как нонь остануся я, беднушка,
У мя в одном углу пустёхонько,
А в другом да порознёхонько,
Во фатерке холоднёхонько.
Я горевала, бедна, растила
Все я думала, горющица,
Что будет хлеб мне соль столовая,
И переменушка вековая,
Как на его-то на живленьице,
30 Да на егово на рошеньице.
Вдруг война прирасходилася,
А его годушки-то молодёшеньки,
Его взяли да отправили
Во разведки небывалые,
Во места да незнакомые,
Наб сходить было разведати
За шумливое Онегушко.
Как получила я, горющица,
Ту ли весточку нерадостну,
40 Рассказали мне-ка, беднушке,
Что на снежку лежит на белоем,
А на ледку лежит на яроем,

Тело мёртво не приубрано,
Бело личко не закутано,
А домовища не состроены,
Кабы были бы у беднушки,
У мя крылышки гусиные,
А полёты лебединые,
Так слетала бы горюшица
50 За горы за высокие,
Да за шумливое Онегушко,
Тело мёртвое да прибрала,
Да домовище бы состроила,
Приобмыла тело мёртвое,
Да призакрыла личко блёклое.
Пришла вёснушка красивая,
А пора-времячко тоскливое.
Как на горах снежки повайтуют,
А со лужков вода повайтекёт,
60 Вся земелька приголюются,
Да и озерка поразолюются,
По полям поедут пахари,
А во лесах загрубят пастыри,
А у меня-то ведь, у беднушки,
Как законная семенюшка
За круглистым за озёрышком,
Как на бுவекке покровской,
Да на могилке человеческой,
А рожёно мое дитятко,
70 Как в безвестной сторонюшке.
А я сама стала старёшенька
И поясок ношу слабёшенько,
А день в лесу да проболтаюся,
Так ночь на печке отогреваюся.

Е. И. ПАВЛОВА

60. НА МОГИЛЕ МУЖА

Вы не вейте, ветры буйные,
Не шуми, роща зелёная,
Я не огонь иду — не обожгу,
Я не змея плыву — не обкую.
Я иду, бедна горюшица,
Я ко мужу ко законному,
Ко удалой ко головушке,

Ко законной милой ладушке
С окаянной со обидушкой.
10 Так я разбаю да разговору
Окаянную обидушку,
Как я встала утром, беднушка,
Как до загожъя кукованьица,
И до петушья воспеваньица,
Как выходила только, беднушка,
А прилетала ко мне, беднушке,
Соловей птичка певучая,
Эта птичка говоручая.
Как говорила мне-ка, беднушке:
20 «Как сегодняшним-то денечком,
На Михайловской на улице
Годовой владычный праздничек
У сердечных у родителей».
Так только я, бедна горюшица,
Повернулася скорёшенько,
Как умываюсь горькими слезами,
А обтираюсь обидушкой,
Да говорила я им, беднушка,
Как своим детям бажённым
30 Как я сегодняшним денечком:
Я пойду, бедна горюшица,
Я на буювку родительску,
А на могилку человеческу,
Я к своему мужу законному,
Я к своему кормильцу папеньке,
Я пойду у их повыгошу,
Либо его в гости повызову,
Хоть на немножко поры-времечко,
Хоть на одно кругло обночьице,
40 Так мы побаем да поговорим,
Мы расскажем потом, беднушки,
Про своё про житъё-жирушку,
А про велику про обидушку.
Как в этих три-то круглых годышка,
Как у меня только, у беднушки,
Так у мня столько принаскоплено
Окаянной обидушки,
Как на моём-то на ретивоем
У мня заносы снежку белого,
50 А боровочки ледку ярого,
Они летом не потаяли,
Они весной да о христова дни,
Да они летом о Петрова дни.

61. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

- Ты, рождёно мое дитяtko,
Как сегодняшним денечком
Тебе час часу минуется,
А часу время коротается,
А день ко вечеру двигается,
Надо ехать тебе, молодцу,
Со родной да со сторонушки,
А на чужу дальню сторонушку.
Да ты поедешь, моё красное,
10 На чужу дальню сторонушку,
Поедешь с города да на город,
Ты рождёно моё дитяtko
Ты в города поедешь в шведские,
Во губерни во турецкие,
Так мне тебя будет не видети,
Да зычна голоса не слышати,
Так уж послухай-ко, что я скажу:
«Ты во солдатушки военные,
Во матросы корабельные.
20 Во солдатушках военных
Да ты смотри-ко, добрый молодец,
Там на чужой дальней сторонушке,
Как утром по утру по раннему
Переключки живут ранние,
Вместо завтраков-то утренних,
Вместо обедов полудённых
Живёт тяжёлое ученьеце,
А вместо ужинов-то поздних
Живёт строгое занятие.
30 Так рождёно моё дитяtko,
Там дают те добру молодцу
Как на головушку на тысячну
Фуражечку кладут месячну,
А на неделюшку — шинелюшку,
А в воскресеньице — мундиришко.
Так тебе надо будет молодцу
Летом в том наб красоватися,
А зимой в том наб согриватися.
А красно-то моё солнышко,
40 Ты рождёно моё дитяtko,
Послухай-ко, что я скажу:
«На чужой дальней сторонушке
Ты ведь будешь становитися
Ты во ротушку солдатскую

Со ружьём да семипулечным,
Так ты держи-тко, добрый молодец,
Во устах держи святителей,
А на уме держи родителей.
Так-то раскрое богородица
50 Грозну службу государьскую
Как ведь родительско прошение
Как при буре при страшенные
Так из синя моря повывыднет,
И на край бережка повыкинет,
И со темна леса повыведет,
Только дай-ко тебе, господи,
Дай тебе добра здоровица,
Во чистом да поле стоючись,
И во руках да ружьё дёржучись,
60 В каменну стену стреляючись,
Свою Россию защищаючись.
Красно тёпло моё солнышко,
Как рождёно моё дитяtko,
Без тебя, да добрый молодец,
Как не согреть мне ретивое сердечушко.
На кирпичной белой печеньке,
Только нынечу-теперечу
Как потеряла потеряшечку,
Обронила оброняшечку,
70 Как потеряшка стоит сто рублей,
А оброняшечки цены-то нет.

А. Н. ПЕРШИНА

62. ПО СЫНОВЬЯМ-ФРОНТОВИКАМ

Не доли-тко меня, бедную,
Злодейная обидушка,
Проклятая кручинушка,
Я ведь мать многодетинная,
Стала мать многообидная,
Три младых да ясных сокола
У меня ести приотпущены
На чужу дальну сторонушку,
За вóлки за дальные,
10 За большие перелесочки,
За водушку за тёмную,

За круглистые озёрышка,
За шумливые Онегушка,
За проточны быстры реченьки,
За Ладожское озеро.
Кабы у меня бессчастной матери
Были лёгонькие крылышка,
Слетала бы я, беднушка,
В города да незнакомые.
20 В вьездушка не на́шии
Поглядела бы я, беднушка,
Головушка обидная,
Сердечушко печальное.
Я в обидушке тяжёлоей,
Где головушки положены
У рождёных моих детушек,
Могилушки незнаемы.
Когда растила я, бедная,
Я головушка обидная,
30 Я артельных своих детушек,
Так топила печь не во-время,
Вела дóбедье не во-пору,
Только тó всё в уми думала,
Что возрощу я, бедная,
Сыновьёв своих бажёных,
И возростила я, бедная,
Крылатых, правильных,
Три ясных-то сокола.
Отпустила я, обидная,
40 На чужу-дальну сторонушку,
Где мои ясные-то соколы.
Пули летят будто гром гремит,
А с пулеметов палят, будто дождь дождит.
От руки от неприятельской
И от пулюшки от вражеской
Положили как головушку,
Не могу дожждаться, бедная,
Этот круглой-то годичек,
Ни писёмышка, ни грамотки,
50 Никакого нет известьица.
Мы родители старёшеньки,
Стала силушка малёшенька,
Поясок носим слабёшенько.
Ещё есть у мяя, у беднушки,
Старша буйная головушка
Уж мы родители старёшеньки,
Нонь мы ждём да дождемся

Сыновьев своих бажённых,
Как сегодняшним-то денечком
60 Как вставала я ранёшенько,
Умывалась не белёшенько,
Утиралась не сухёшенько,
Прилетела ко мне, беднушке,
Под косивчато окошечко
Птичка вещь подземельная.
Птичка крылышка расправила,
Об околелку ударила,
Говорила мне-ка беднушке:
«Как вставай, бедна горящица,
70 Вставай, мать многодетинная,
Вставай, мать многообидная,
Принесла тебе известьице,
Как сердечно твоё дитячко
Взяли придали к смерётушке,
Как на чистой на водушке,
На шумливом на Онегушке,
Принесла тебе известьице,
Я известьице нерадостно».
Скоро борзая смерётушка,
80 Как смерётушка неумная,
Была смерть та неразумная,
Лесом шла не заблудилася,
По горам шла не убилася,
Водой шла и не залилася,
У меня взяла да прибрала,
Всё желаньице отволила,
Меня бедную оставила.
Нынь у меня, бедной горящицы,
Всё желаньице в сырой земле,
90 А раданье в гробовой доске,
У меня есть ещё, у беднушки,
Как сердечно моё дитячко,
На чужой дальней сторонушке,
Получаю я писёмышка,
Бат не спокинет меня, беднушки!

В. П. ПОТАХИНА

63. ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОХОРОННОГО ИЗВЕЩЕНИЯ

Вы завейте, ветры буйные,
Ветры буйные, широкие,
Со всех четырёх со сторонушек,

Уж завейте со сторонущек,
Где бажёное, рожёное,
Да рожёно моё дитятко,
Где зарыты его косточки,
Где загребено бажёное.
Ты раздвойся, мать-сыра земля,
10 Отворись-ка, гробова доска,
Покажись-ка, тело мёртвое,
Тело мёртво, личко блёклое.
Охти мнешенько тошнёшенько,
Да гораздо обиднёшенько,
Куда сесть мне-ка горюшице,
Уж я не знаю, многобеднушка,
Сяду я, бедна горюшица,
Против сердечушка ретивого,
Попрошу, бедна горюшица,
20 Всех богов да всех святителей,
И пресвятую богородицу:
«Дай-ко бог, да дай-ко господи,
Как рожёному, бажёному,
Дай во рученьки маханьице,
И во ноженьки хоженьице,
И во глазушки гляженьице,
Во уста да говореньице,
Мне побаять да поговоришь,
Со рожёным моим дитятком».
30 Расскажу, бедна горюшица,
Всю великую обидушку,
Всю злодийную кручинушку,
Не могу, бедна горюшица,
Я разбаять, да разговоришь,
Я рожёного бажёного,
Да рожёного-то дитятка.
Сама знаю, сама ведаю.
Только век того не водится,
Живой с мёртвого не родится
40 И с могилки не воротится.
У бажёного, рожёного
Бувка незнаема,
И могилка потеряема.

64. ПЛАЧ ПО СЫНУ

По сегодняшнему денечку,
 Мне-ка, беднушке, не спалось,
 Всё худые сны казались.
 Утром выстала ранёшенько,
 Умывалась я белёшенько,
 Уж я села ко косивчату окошечку,
 Я глядела в ту сторонушку,
 Куда справлено-снаряжено,
 Моё милое рождёно дитятко.
 10 Налетела птичка вещая,
 Клювом по стеклу ударила,
 Растянула крылья, крякнула,
 Уж я, бедна, догадалась,
 Нет дорогого сына милого.
 Накатилась туча тёмная,
 На мою на хату бедную,
 Туча с громом раскатилась,
 Свет в окошечко пихается,
 В избу двери отворяются,
 20 Почтальон идёт к нам с сумкою,
 Подает мне извещеньице,
 Что моего сына любимого
 Уложила пуля вражеска
 Как на полюшке на бранном.
 Резвы ножки подломились,
 Белы ручки опустились,
 Ясны очи помутились,
 Я хожу, что очумелая,
 Я взяла его одеждушку,
 30 Я прижала ко сердечушку,
 Дважды клубышком каталасе,
 Дважды червышком свивалася,
 Не дожидаться мне-ка, беднушке,
 Своего сына любимого,
 Ни из полюшка колхозного,
 Ни из моря рыболовного,
 Ни от праздничка — с гуляньица,
 А ни с клуба — с танцеваньица.
 Кабы была сила прежняя,
 40 Я бы села на добра коня,
 И поехала в Германию,
 Я ко Гитлеру проклятому,

Я б с живого кожу содрала,
Изю лба глаза бы выдрала.
Есть у нас-то во Россиюшке
Судьи власти православные,

.....
Есть ведь Красная-то Армия,
Корабельщики-матросушки,
И удалые солдатушки,
50 Отомстят прокляту Гитлеру,
За моего сынка любимого,
За меня, старуху старую.

А. Е. РЕМИЗОВА

65. ПРИ ВСТРЕЧЕ СЫНА

По сегодняшнему денечку,
Как у нас в доме случилось,
Что-то в доме появилось,
Распекло да красно солнышко
Во косивчато окошечко,
Появилось ко мне, беднушке,
Как рожёно моё дитяtko.
Погляди, рожёно дитяtko,
По высокому по терему,
10 Что-то в доме есть потеряно,
Нет кормильца света-батюшка,
По фатерке не похаживает,
И он с тобой не разговаривает,
И тебя да не выпрашивает.
Хотя спрошу, бедна горющица,
Про детей своих любимых,
Как у тебя, рожёно дитяtko,
Далеко было уехано,
Широко было разъехано
20 В городочки незнакомые,
Во прозваньица тяжёлые,
Так навстретушку — не встретились ли,
На гуляньице не свиделись ли,
Как со братьями родимыми,
А с сыновьями да любимыми?
(«У меня их три там»)
Уж как ждала я, многобеднушка,
Пятый годышек учётный,

Сыновей своих любимых,
Так у меня, у многобеднушки,
30 Всё сердечко перержавело,
Вся утроба перетрескалась,
Голова моя вскружилася,
Очи ясны помутилися,
Как от тех-то слёз горючих.
Ночь дождалась, бедна горюшица,
Хоть одного сына любимого.
Я глядеть-то буду, беднушка,
На тебя, рождено дитяtko,
Дождать ночь стану, беднушка,
40 Как сыновей своих любимых,
Во своё-то вито гнёздышко,
Да во хоромное строеньице,
Уж как рада-то я, беднушка,
Что мои дети любимые,
Три моих да ясных сокола,
От войны-то кроволитной,
Все во живности осталися,
Как мои-то ясны соколы
Все вернутся со победою.
50 Уж я рада да радёшенька,
Хоть стара стала, старёшенька,
Я встречаю, многобеднушка,
В чистом поле на дороженьке
Сыновей своих любимых.

М. Т. РЕМИЗОВА

66. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Ты, рождено моё дитяtko,
Ты куда да отправляешься,
Ты куда да снаряжаешься?
Во путистую во дальнюю дороженьку,
Во солдатушки победные,
Во матросы корабельные
Вы за морюшка за синие,
За Онегушка шумливые,
Ты за реченьки за быстрые,
10 В городочки незнакомые,
По прозваньицу тяжёлые.
Ты, рождено моё дитяtko,

Как сойдешь, рожёно дитяtko,
Напиши-тко мне писёмышко,
Ты своей родитель матушке.
Я возьму, бедна горющица,
Как твоё-то ведь писёмышко,
Во свои-то руки белые,
Прижимать-то буду, беднушка,
20 Ко тому личку, ко другому,
Ко ретивому сердечушку.
Ты рожёное, бажёное,
Ты сердечно моё дитяtko,
Уж как растила я, беднушка,
Я своих рожёных детушек,
Всё я думала, победнушка,
Как повырощу сыновей своих бажёных,
Так везде будет заменушка
И на работе переменушка,
30 А как нонечку-теперечку,
И ниоткуль нет переменушки.
А как за долгих четыре годушка,
Ни письма нету, ни грамотки,
От сынушка бажёного,
От скачёной жемчужинки.
Кабы были бы у беднушки,
У меня, бедной горющицы,
Были крылышка гусиные,
А были перья лебединые,
40 И слетала бы-то, победнушка,
В городочки незнакомые,
И во прозваньица тяжёлые,
Видно нет у мя, у беднушки,
Нету сынушка во живности,
И при себе видно при ближности.
Как слетаю я ведь, беднушка,
На чужу дальнюю сторонушку,
Я на бранное на полюшко,
Не лежит ли тут бажёное,
50 Как на бранном на полюшке,
Так прибрала бы я тут, беднушка,
Как его-то бы я косточки,
Так я клала бы да в местечко.
А как телушко-то мертвое,
Тело мёртво, личко блёклое,
Тело мёртво непомытое,
А личко бело не прикрытое,
Моего сына бажёного,

Я уж вывезла бы беднушка,
60 На свою да на сторонущку,
Похоронила бы я, беднушка,
У Покрова богородицы.
Уж как стала бы я, беднушка,
Я ходить бы почащёшенько,
Я сидеть бы подолгёшенько
У своего сына бажёного,
У соколочка златокрылого.
Когда обидушки накопится,
У меня, бедной горющицы,
70 Я сходила бы к рожёному,
Рассказала бы бажёному,
Своему сыну любимому,
Что стала мать да безнадийная,
Стала матушка старёшенька,
У ней силушки малёшенько.

П. И. РОДИНА

67. ПО МУЖУ И СЫНУ

Уж как сегодняшним-то денечком
Как долит меня обидушка,
И проклятая кручинушка,
Уж как нет у меня, у беднушки,
Нет законной-то семеюшки,
Потеряла, многобедная,
Я законную семеюшку,
Как отравила, наладила,
Я законную семеюшку
10 Не на долгу пору-времечко.
Не прошло и много времечка
Как пришла весточка нерадостна,
Что погиб моя законная,
Моя сговорная семеюшка,
Колесом-то его прижало,
А водой-то его залило,
Не вернулся во вито гнездо
Ко своим рожёным детушкам.
Не могла сходить я, беднушка,
20 Посмотреть свою сговорную
Я законную семеюшку,
Как я осталась, многобедная,

Как с роженными со детушкам,
Уж они мал мала малёшенька,
Я ходила и шаталася,
Вся слезами уливалася,
Как ходила я, скиталася,
Я корилася, молилася,
Богоданным своим братицам,
30 Что не покиньте меня, беднушку.
Как мои рожёны детушки
Ходят по миру шатаются,
Они желанья добираются.
Уж я хожу, бедна горющица,
Как на трудной на работушке
Так не вижу света белого,
Как долит меня обидушка.
Как у меня, бедной горющицы,
Принаскопилось обидушки,
40 Да много на́ сердце кручинушки
Уж как заносы снегу белого,
Да погребя как ледку ярого.
На ретивое сердечушке
Уж возросли да малы детушки.
Как отправила я, беднушка,
Я на службу государскую
Как на три учётных годушка,
Как уж в эти-то три годушка
Уж война да объявилася,
50 Все фашисты обозлилися.
Как отправила я, беднушка,
Своего-то ведь рожёного,
Там рожёного бажёного
Как на службу на военную,
На войну да с белофиннами.
Как летал, рожёно дитяtko,
Как по светушку по белому,
Выше лесушка стоячего,
Ниже облака ходячего,
60 Защищал свою он Родину
На самолёте быстрокрылом,
Служил верою и правдою.
За свои границы верные.
Как фашисты окаянные
Сбили птичку самокрылую
И погубили его голову.
Как рожёно моё дитяtko,
Уж как вспомню, многобедная,

Как его-то я рощеннице,
70 Не рощеннице — мученнице
Как сегодняшним-то денечком
Да долит меня обидушка,
И проклятая кручинушка,
Кабы были крылья-пёрышки,
Так слетала бы я, беднушка,
Как за лесушка за тёмные,
За горы за высокие,
За моря да за глубокие,
Разыскала бы я, беднушка,
80 Как фашиста-неприятеля,
Отомстила бы я, беднушка,
Я за сынушка рожёного,
За рожёного, бажёного.
Кабы была сабля острая
Я снесла бы буйну голову
Я тому да неприятелю,
Что напал на нашу Родину,
Разорил он нас ведь, беднушек,
Матерей-то он несчастных,
90 Да и жён-то горегорьких,
Горевать по свету белому.
Вспоминать мы будем, беднушки,
На века да мы на долгие
Эту войну да со фашистами,
Проклинать их будем повеки.
Уж как я-то, мать несчастная,
Не в счастливый день родилася,
Во несчастный день крестилася,
Не в счастливый день — во середу,
100 Во несчастный день — во пятницу.
Как у меня-то ведь, у беднушки,
Всё здоровьице потеряно,
Как не стало у меня силушки,
Так не могу работать, беднушка,
На тяжёлой на работушке,
Уж как нет у меня надеюшки,
Как я стану жить, победнушка,
Уж я пойду, бедна горющица,
Как во лесушка во тёмные,
110 Как искать я буду, беднушка,
Как уж тую ведь тропиночку,
Где ходил рожёно дитяtko
По лесам да по дремучиим,
По болотушкам сгибучиим.

Как на службе на военной
Он сидел, рождёно дитяtko,
Выполнял свои задания
Во окопах во глубоких,
120 Проявил он смелость храбрую.

Не покиньте меня, беднушки,
Горемыки его матери,
Что воспитала его, растила,
И отпустила и отправила
На защиту нашей Родины,
На защиту вождей мудрых.

П. Е. ТЕРЕНТЬЕВА

68. В ОЖИДАНИИ ВСТРЕЧИ

Встану я, победнушка,
По раннему по утрьшку,
Погляжу я хоть, беднушка,
Во косивчато окошечко,
Рыбаки едут с озёрышка,
Пахаря едут со полюшка,
Дровосеки со темна леса,
А у меня-то, у победнушки,
Рыбаков нету с озёрышка,
10 Пахарей нету со полюшка,
Мелки люди идут с разных работушек
У меня-то, у победнушки,
Со работушки не дождешся,
Про работушку не спросишься.
Пооставлены мне, беднушке,
У сердечного у дитяtka
Хотя мало мне-то внучатко,
Деревинка недорослая,
Ягодинка незрелая.
20 Как моя хата несчастная,
Со низу стоит немшёная,
Со верху да невершёная,
У косивчатых окошечек
Не сидят сердечны детушки.
Погляжу, бедна, несчастная
На своих сердечных детушек,

Нет хозяина-то верного,
А наживщика сердечного.
Я хожу бедна тихохонько,
30 А ступаю-то легохонько,
У меня нонь, у победнушки,
И работка не по силушке,
И работка не по размыслу.

Т. М. ТЕРЕХОВА

69. ПО МУЖУ

По сегодняшнему денечку,
Прихожу, бедна горющица,
Как со трудной со работушки,
Как у меня, бедной горющицы,
Верно ведало сердечушко
Про большую про невзгодушку.
По сегодняшнему денечку,
Да по вечеру по позднему
Получила я ведь, беднушка,
10 Я ведь весточку нерадостну,
Телеграммку невесёлую,
Как погинула головушка
Моего мужа законного
На чужой дальней сторонushке,
Около полюшка широкого,
Около морюшка глубокого.
Мне бы легче было, беднушке,
Кабы похоронила я, горющица,
Я со витого со гнёздышка,
20 Со брусовой белой лавочки,
И свезла б на буювку родительську
На могилку человеческу,
Клала бы во матушку во сыру землю,
А во разлуку гробову доску.
Как раскину умом-разумом:
Как удалая головушка
Как на бранном на полюшке,
Он от пуль-то от свинцовых,
От снарядов от тяжёлых,
30 Да от тяжёлого раненьица,
Накатался, может, клубышком,
Насвивался, может, червушком.

Как умом-разумом подумаю,
Как я стану жить, победнушка,
И ростить да малых детушек,
Без удалой-то головушки,
Без кормильца-то без батюшка,
Нет по плечикам надетушки,
Нет по ноженькам обуточки.
40 Как погляжу, горюша беднушка,
На своих да на жадобных,
Так мы от господа обижены,
А от людей да мы понижены.
Сама знаю я, горюшица,
Что сову видать по перьям,
А сироту видать по платьицам,
На совы да перья пёстрые,
А на сиротке платья розные.
Уж как мне, бедной горюшице,
50 Без удалой-то головушки
Не по силушке работушка,
Не по размыслу заботушка,
У меня, бедной горюшицы,
Без угару голова болит,
А при досаде сердце ржавеет.
Во годочках во молодых
Бело личушко состарееет,
Голова да поседатеет,
Так лучше б бедная была, да нужная,
60 Но жена была бы мужняя.
Не дай господи, не приведи,
Как вдоветь да ведь молодым,
А сиротать да малым детушкам.

70. В ОЖИДАНИИ ПИСЬМА

Как гляжу, бедна горюшица,
На удалую головушку,
Как удалая головушка
Досыта да наедается,
Со стола хлеб не теряется,
Права ручка не вздымается.
Как по утрышку по раннему
Выходила я ведь, беднушка,
На сараи колесистые,
10 На дворы на хоботистые

К своим дойным коровушкам,
Наши дойные коровушки
Стоят в убрóд да шелковóй травы,
По колен да ключевой воды,
Как стоят они невеселы,
У них головушки повешены,
Они не пьют да ключевой воды,
Не едят да шелковой травы,
В доме чувствуют невзгодушку,
20 И в житье да переменушку.
Отпущу, бедна горюшица,
Как удалую головушку
Не на трудную работушку,
Не на весёлое гуляньице,
Как отпущу, бедна горюшица,
Я удалую головушку
На войну да на германскую.
Как удалая головушка,
Ты не пей там зелена вина,
30 Не играй там в кости, картами,
Кто вином да упивается,
Тот под стражу кладовается.
Кто играет костью, картами,
Того бьют да больно палками.
Как удалая головушка,
Там не будет вам ведь, беднушкам,
Ни праздничка годового,
Ни воскресеньица христового,
Придет праздничек — ученьице,
40 А воскресеньице — сраженьице.
Как удалая головушка,
Как повыдадут вам, бедным,
На неделюшке шинелюшки,
В воскресеньице мундирышки,
Как удалая головушка,
Ты пиши да нам уписывай
Скорописчатые грамотки,
Не посылай-ко этой грамотки
Ни по гусям, ни по лебедям,
50 Ни по серым малым утушкам,
Эта птиченька пугливая,
Она до водушки падливая,
Как подмочит твою грамотку.
Ты пошли-ка свою грамотку
Как по вёснушке красивой,
По косатым летным ластушкам,

Эта птиченька прилётная,
До людей она приветная,
Принесет нам эту грамотку,
60 Насидимся да набаемся,
Твоё письмо да начитаемся.
Как удалая головушка,
Как о годовых о праздничках,
Я пойду, бедна горюшица,
На плановую на улочку
Как стоят да жены мужние,
Говорят речи ненужные.
У меня бедной горюшицы
Призаржавеет сердечушко.

М. Н. УСКОВА

71. НА МОГИЛЕ БРАТА

Я иду, бедна горюшица,
Как со сердечным родителям,
Уж вы меня да не убойтесь-ко.
Уж как мне, бедной горюшице,
Утром три встречушки встречались:
Перва встречушка — обидушка,
А друга встречушка — кручинушка,
А третья встреча — горюти слёзы.
Уж вы не вейте, ветры буйные,
10 Не шуми, роща зелёная,
Не доли-тко меня, беднушка,
Как злодейная обидушка.
Зарослася путь-дороженька
Она ельничком, березничком,
Частым мелким олешничком,
Я повыкину олешничек,
Я повысеку березничек,
Проторю да путь-дороженьку
К милому братцу родимому.
20 Уж вы не вейте, ветры буйные,
С подсеверной сторонушки,
Вы повеите, ветры буйные,
С полудённой со сторонушки.
С полудённой со сторонушки
Веют ветрушки-то тёплые,

Падут воздуха́-то лёгкие,
И поразвейтесь, ветерочки,
И раздуйте желты песочки,
И порастронься, мать-сыра земля,
30 Ты раскройся гробова доска,
Покажись-ко, блёкло личушко,
Мне-ка мёртвое-то тельшко.
Я того буду радёшенька,
Братец красно моё солнышко,
Ты не ходишь почастёхонько,
Не говорю с тобой дольгёхонько,
Верно, крепко осердился,
Хоть бы въявь да объявился,
А во снах да показался.
40 А только знаю я да, беднушка,
Что век того не водится,
Мёртвый с погоста не воротится,
Там замочки не ржавеют,
И сторожа стоят не старые.
Как у меня ведь, у беднушки,
Приласканьце в сырой земле,
Пожеланьце в гробовой доске,
У меня-то как у беднушки,
Приотправлен братец солнышко,
50 На военное-то полюшко,
Так никакой-то нету весточки,
Не худой да не хорошей,
Не могу дождаться, беднушка,
Не могу глядеть-повыглядеть,
Видно, ждть да нё дождатися
Ни по голосу, да ни по возрасту,
Да и ни по жёлтым волосушкам.
Уж я видла как побѣдучи,
А увижу ли приедучи,
60 Как у меня, бедной у горющицы,
На ретивом сердечушке
Горюшка три морюшка,
Слѣз горючих три Онегушка.
Прошла вѣснушка красивая,
Пришло летушко гульливое,
Пароходы пошли скорые,
Как суда да двухмачтовые,
На полянку пришли пахари,
На лужка да сенокосники,
70 А у меня-то как у беднушки
Нонь головушка состарила,

А сердечушко заржавело
Как его да дожидаячись,
Своего братца любимого.

А. Л. ФАДЕЕВА

72. ПО СЫНОВЬЯМ

(При проводах)

По сегодняшнему денечку
Накатилась туча тёмная
На хоромное строеньице,
Как хоромное строеньице
Стоит по вóну, покосилось,
По нутру да разрешéтилось,
Стоят бедные коровушки
Все повесили головушки.
Сама знаю, сама ведаю,
10 То не тучка накатилась,
Война с немцами накатилась,
Наступили да набросились
Озверелье разбойники.
По сегодняшнему денечку,
Уж вы, детушки рожёные,
Во солдатушки справляйтесь-ко,
Вы на фронт да снаряжайтесь-ко.
Погляжу я, многобеднушка,
У тебя, рожёно дитяtko,
20 Волос к волосу не ладится,
И головушка не гладится,
Сама знаю, бедна беднушка,
Ты не в бурлакушки справляешься,
Уж на войну да снаряжаешься,
Как на полюшки военные,
Зимни платьица холодные,
Летни платьица тяжёлые.
Как на полюшке военном
По ногам да ядра катятся,
30 По головкам пули сыплются,
По колену во броду стоят.
Мне-ка где тебя приглядывать,
Только утром или вечером,
Со девицами во толпищах,

С молодцами во стáницах,
 Аль по личишку по белому?
 Ты пиши-ка мне-ка, беднушке,
 Мне писёмко да грамотку,
 Скорописчату записочку.
 (При получении похоронной повестки)

40 По сегодняшнему денечку
 Прошла зимушка холодная,
 Пришла веснушка красивая,
 Пора-времячко тоскливое,
 Со полей снежки поваляют,
 Со озёрышка ледки снесёт,
 Пастушки станут потрубивать,
 Пахаря станут понукивать,
 Как налетят да гуси-лебеди,
 Серы малые лебёдушки,

50 Да касаты летни ластушки,
 Тая птичка прилетливая,
 Она летит-то ведь низёшенько,
 Да садится уж близёшенько.
 Птичка крылышко расправила,
 Да об околenu ударила,
 Говорила мне-ка, беднушке:
 «Вот вам весточка нерадостна,
 Да известие несчастливое,
 Как рожёны твои детушки

60 Как убиты, да загублены
 Как на полюшке военном».

Кабы были бы, у беднушки,
 Крылья, перья гусиные,
 Как слетала бы я, беднушка,
 В городочки незнакомые,
 Во прозваньица тяжёлые,
 Как нашла бы, бедна беднушка,
 Где головушка положена,
 Где могила похоронена

70 У рожёного, бажёного.
 Попрошу я, бедна беднушка:
 «Вы повеите, ветерочки,
 Вы сорвите, ветерочки,
 Со вершиночек вершиночки,
 Со берёзочек листочки,
 Со могилки камешочки,
 Пораздвинься, мать-сыра земля,
 Покажись-ко, тело мёртвое,
 Тело мёртво, личко блёклое,

80 Прилетите с неба ангелы,
 С небес ангелы-архангелы,
 Дайте в рученьки маханьце,
 Во белы груди дыханьце,
 Тогда я, бедна горюшица,
 Все обидушки повыскажу,
 Про боя у тя повыспрошу.
 Расскажи-ко мне-ка, беднушке,
 Как убит да где ты раненой».

По сегодняшнему денечку
 90 Со обиды сошью лодочку,
 Со кручинушки весёлышки.
 Со горячих слёз быстру реку,
 Посажу я, бедна беднушка,
 О серёдке этой лодочки
 Своего сынка бажёного,
 Повезу я в свою сторону,
 Буду знать я, бедна беднушка,
 Как домой будет привезеной,
 На могилку похороненой.

100 Когда стоснется, да собиднется
 На сердечке худоумьце,
 Тогда схожу, бедна горюшица,
 Ко рожёному, бажёному,
 Всю обидушку повыскажу,
 Всю кручинушку повыплачу.
 Как за эти круглы годушки
 Как обиды накопилось
 На ретивое сердечушко,
 Сесть — на вешний день — не высказать,

110 На ербовой лист не выписать.
 Без тебя, рожёно дитятко,
 На моем сердце ретивоем
 Веют ветрушки холодные,
 Уж холодливы, морозливы,
 Принапало снежку белого,
 Призамёрзли ледки ярые.
 На ретивом на сердечушке
 Не растают ледки ярые
 В летню пору о Петрова дни,

120 В зимню пору о христова дни.
 От того снежки не таяли,
 Что пи письма нет ни грамотки.
 Как убиты, похоронены
 Три рожёных, бажёных,
 Три скачёных жемчужиночки,

Так без угару голова болит,
 Без обиды сердце ржавеет.
 Как нашлись бы люди смелые —
 Распорол б груди белые,
 130 Поглядели бы, у беднушки,
 На ретивое сердечушко,
 Как за четыре этих годышка
 Так поседеет чёрна ворона,
 Посерее сера каменья,
 Я в несчастный день спорожена,
 Во несчастный день крещёная,
 Во несчастливый день — во пятницу.
 Когда я, бедна, родилася —
 Христа дома не случилось,
 140 Были кузницы состроены,
 Кузнецы были поставлены,
 Мне сковали груди белые —
 Со свинца сердечко вылили,
 В эти круглые учётные
 Все сердечко перержавело.
 Как война приусмирилася,
 Уж больша битва уходилася,
 Уж у меня, у многобеднушки,
 Уж как убиты да угроблены
 150 Как на полюшке военном
 Сыновья мои любимые,
 Уж не дожждаться будет беднушке
 Мне рожённых, бажённых,
 Мне домой да в свою сторону.
 (*При встрече*)
 По сегодняшнему денечку
 Мне не много ночью спалося,
 Прилетела птичка вещая,
 Птичка вещь соловеюшко,
 Говорила мне-ка, беднушке:
 160 «Что ты спишь да прохлаждаешься?
 По сегодняшнему денечку
 У тебя, у многобеднушки,
 У крыльца растут садочкики,
 На окнах цветут цветочкики,
 Распекло солнце по-летнему,
 Обогрело уж по-прежнему,
 Погляди, бедна горющица,
 Красно солнышко повыстало
 Из-за лесушек за тёмных,
 170 Из за гор из-за высокних».

Сама знаю, бедна беднушка,
Как не солнышко повыстало,
Больша битва уходилася,
Да и война призамиралася,
Как приехали явились
С городочков незнакомых,
Со прозваньица тяжёлого,
Уж как со полюшка военного
180 Как во витое во гнёздышко
Ко сердечным родителям
Сыновья свои бажёные.

А. М. ФЕДУЛОВА

73. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Как по сегодняшнему денечку
Я услышала, победная,
Скорописчато писёмышко.
Мне сказали люди добрые,
Что курьер пришел из Питера,
А славна почта с каменной Москвы.
Как мне сказали люди добрые
Как все земли сволновалисе,
И все полки да взбунтовалисе,
10 И все цари-то своевалисе,
И вызывают туда детушек,
Сыновьев наших рожёных,
И всех мужьёв законных,
И семеюшек сговорных,
Всех богатых благодетелей,
Фельдшеров и всех учителей
Как на службу государскую,
На войну да на германскую.
Как сегодняшним-то денечком,
20 Куда справилсе-наладилсе,
Как рожёно мое дитятко,
Ты ко праздничку ль годовому,
К воскресеньицу ль христовому,
На гуляночку ль весёлую.
Сама знаю, сама ведаю,
Не на гуляночку весёлую,
И не к праздничку годовому,
Да и не к девушкам гуляючи,

Да и не с молодцами выпиваючись,
30 А на службу государскую,
На войну да на немецкую,
И в города да в поднизовые,
И во прозванья-то тяжёлые.
Уж ты пойдя, сугрева тёплая,
И рождено моё дитяtko,
Как на службу государскую,
Ты со немцами сражатися,
И с Германией стыкаться,
И ты стреляй, сугрева тёплая,
40 Ты со пушек большеядных,
И со пулемётов со зенитных,
И со бомбов разрывчатых,
И ты гони, сугрева теплая,
Ты фашистов-то злодейных,
Со своей-то земли-матушки,
И чтобы не были проклятые,
Как во нашей во Россеюшке,
Не обижали бы злодейные
Нас головушек победных.
50 Как от тебя, сугрева тёплая,
Как рождено моё дитяtko,
Мы остались красно солнышко
Во усадьбе садовитоей,
Во палате грановитоей,
Во своем-то витем гнёздышке.
У тебя родители старёшеньки,
У тебя братья молодёшеньки,
Здоровьицем родители плохёшеньки,
По избе ходят тихошенько,
60 И поясok держат слабёшенько.
Воротись, сугрева теплая,
Ты вернися со победою,
Со победою да великою,
Во свои края родимые,
Во своё-то вито гнёздышко,
Ко своим братьям родимым,
И к родителям желанным.

74. ПО ПОГИБШЕМУ СЫНУ

Как не могла дожидаться, беднушка,
Своего сынка родимого
Во своё-то вито гнёздышко,

А дождалася я, беднушка,
Как ту весточку нерадостну,
Как убили у меня, беднушки,
Моего сынка рожёного,
Соколочка сизокрылого,
Как на службе гсударскойей,
10 На войне да на германскойей,
Как со пушек большерядных,
С пулеметов со зенитных,
И разнесло бажёны косточки,
Как по полюшку военному.
Похоронили красно солнышко,
Как рожёно моё дитятко,
С дорогой честью военною,
И с медалью со почётною,
И на кладбище ростовское,
20 И не видать да будет, беднушке,
Как рожёного-то дитятка
И не прибрать будет несчастного
И ни по среднему по возрасту,
И ни по русому по волосу,
И ни по громкому мужскому голосу,
И ни о праздничках годовых,
И ни о воскресеньицах христовых,
И ни на гуляночках весёлых,
И ни с девушками гуляючись,
30 И ни с молодцами выпиваючись.
Не увидеть мне, победнушке,
Своего сынка рожёного,
Ни на тóньках рыболовных,
Ни на лодушках подводных.
Уж как нынечу-теперечу
Не ловить сугреве тёплойей
Как ни рыбки да не сёмженки,
Ни другой рыбки пальевинки,
Не видать мне ныне, беднушке,
40 Как по чистому по полюшку,
Да ни на конюшках катаючись,
И на работке работáючись.
И как мы будем жить, победные,
Без тебя, рожёно дитятко,
Оба братья молодёшеньки,
И родители старёшеньки,
И здоровьицем плохёшеньки,
По избы ходят тихошенько
И поясок держат слабёшенько.

50 Он погиб, сугрева тёплая,
Как на войне да на немецкой,
Он во годики молодые,
Да и в годики цветущие,
Он как снёс бажёны косточки
Как во матушку-сыру землю.
Как осталось наше гнёздышко —
Не колечком завивается,
А в конец да разорется,
А как есть у добрых людюшек
60 Как у наших порядовых соседушек
Как родители счастливые,
Сыновья да не несчастные,
Они живы, да здоровые,
Они домой идут бажёные,
Со войны да со победушкой,
Они идут да веселёшеньки,
А родители радёшеньки.
А как я, бедна горящица,
Не могла дождаться, беднушка,
70 Своего сына рожёного,
Как домой да со победушкой,
У меня-то как, у беднушки,
Всё сердечушко повыржавело,
А головушка повыболела
По тебе, сугрева тёплая.
Как ушёл, рожёно дитяtko,
Как во матушку-сыру землю,
Ты во своих цветущих годиках,
Я взгляну, бедна беднёшенька,
80 Я на стенку да на карточку,
Я тоской затосковалася,
Я слезой зазаливалася.
Как уж придут красны девушки
Как во клуб да во весёлый,
Заиграют во гармошиньку,
Так у меня-то ретиво сердце —
Сердце кровью обливается
По тебе, сугрева тёплая.
А как идут его товарищи
90 Во весёлую кампанию,
А как тебя нету, красно солнышко,
Как рожёно моё дитяtko,
Так я не вижу тебя, беднушка,
Ни по русому по волосу,
И ни по звонкому по голосу,

И ни песенок спеваючись,
И ни в кадрили да плясаючись.
Он погиб, сугрева теплая,
От войны да от немецкой,
100 От фашистов от злодейных,
Не забыть мне будет, беднушке,
До кончания смерётушки
Своего сынка рожёного,
Голубочка златокрылого.

М. А. ФИЛИМОНОВА

75. В ОЖИДАНИИ СЫНОВЕЙ

Вы, рожёны мои детушки,
Вы куда да отправляетесь,
Вы куда да снаряжаетесь,
И не в бурлакушки ли вольные,
А не в денежки ль довольные,
Кабы в бурлакушки справлялись,
Веселы бы были, радостны.
Как я гляжу, бедна горющица,
Уж я мать многобессчастливая,
10 Голова многопечальная,
А сердечушко кручинное,
Уж как знаю, многобеднушка,
Вы справляетесь, снаряжаетесь,
Во солдатушки победные,
А на службу на военную,
Как вы кручинные печальные,
Ваше личушко сменилось,
А в личке кровь переменялась.
Вы рожёны мои детушки,
20 Как вы служите-ко по-верному,
А повинуйтесь по-хорошему,
Всем своим да вы начальникам.
Дорогие мои детушки,
Оставаюсь, многобеднушка,
Уж годами-то старёшенька,
Уж я здоровьицем плохёшенька,
Уж я без ветрышка шатаюся,
Без дождя я уливаюся.
Уж как у меня, у многобеднушки,
30 Уж во хоромном во строеньице

По углам у меня снежочки,
 А на серёдке ледочки,
 Уж не растаять мне-ка, беднушке,
 Среди да красна летушка,
 В вешню пору о христова дня,
 И в летню пору о петрова дня.
 Как мое-то ведь хоромное,
 Да строеньице бесщастное,
 Уж оно по вѣну покосилося,
 40 А по нутру разрешетилося,
 А у меня, многобеднушки,
 Уж на сердечушке кручинушки,
 А в головушке обидушки,
 А как в очах да горючи слезы.
 Уж потеряла, многобеднушка,
 Всех рождёных своих детушек,
 Уж как я ростила-надеялась,
 Уж будут хлебушки готовые,
 Уж мне-ка кушанья медовые,
 50 А вместо хлебушек готовых,
 Уж как печаль-тоска кручинушка,
 Ой да великая обидушка.
 Уж как я стану жить нонь, беднушка,
 Уж будет печенька не топлена,
 Уж наживуся холоднёшенько,
 А нахожуся голоднёшенька,
 Ни на кого не приукинешься,
 Ни на кого не приоглянешься,
 На детей не принадлеешься,
 60 Уж вы, рождены мои детушки,
 Уж как с вами я порасстануся,
 Уж как с вами я поразъедуся.
 Уж растеряла, многобедная,
 Уж всех четырёх ясных соколов,
 А по чужой дальней сторонушке,
 Уж будто заюшки по полюшкам,
 А горностаюшки по полюшкам.
 Уж распустила своих детушек,
 А за круглые озёршка,
 70 А за шумливое Онегушко,
 А за тёмны быстры реченьки,
 Да за лесушка за тёмные,
 А за горы за высокие,
 А как на службу государеву.
 Уж как не нами ведь заведено,
 Да не нами ведь закончится,

Да вы рожёны мои детушки,
Не забудьте меня, беднушки,
А пишите письмо-грамотку,
80 Да скорописчато писёмышко.
Буду ждать я, победнушка,
Уж будто птичка красна девушка,
Буду ждать от вас известица.
Уж вы, рожёны мои детушки,
Сами знаете, сами ведаете,
Уж я вас растила, заботилась,
Уж не ходили вы босёхоньки,
А не ходили голоднёхоньки,
Уж тёмна ночка не сыпана,
90 Уж сыта выточка не едена.
Уж как рожёны мои детушки,
Уж накажу я, мать несчастная:
«Уж вы служите не вертитесь-ко,
А на службе государевой».
Как почитали меня, беднушку,
Не посудачу, не поретую
Я на вас рожёны детушки.
Уж была словом не огрублена,
Уж про дело было спрошено,
100 Уж как пришли да было сказано,
Так почитайте, мои детушки,
И на службе государевой.
Уж я радею вам ведь, беднушка,
А прослужить вам по-хорошему,
Да победить врага несчастного,
А вернуться на родину,
Да на родную на сторонущку.
Уж как пойдёмте-ко, рожёные,
Уж как сядем в лёгку лодочку.
110 Уж как мы сели да поехали,
Уж по круглистому озёрышку,
Уж раньше ездили, каталисе,
Уж на озёрко любовалисе,
А как теперь едем, да бедные,
Уж наб подправить мне-ка, беднушке.
Отвезти многогорюшице,
Как рожёных своих детушек,
Как на этое на времечко,
Уж я мать бы не родиласе
120 На белый свет не спустиласе.
Уж как распрощалася я, беднушка,
Посадила своих детушек,

На машину на военную,
Уж я тут клубышком катаюся,
Ой я червышком свиваюся,
Да и слезами обливаюся,
Уж я на эту пору времячко,
За этот круглый годушек,
Столько водушки не выпила,
130 Ой сколько слёз горючих вылила.
Ещё скажу я, многобедная,
Провожала я, горющица,
Уж я самого да меньшего,
А путистой я дороженькой,
Шла дорожку с ним я дальнюю,
Говорила я всё тайною,
Тут обида расходилася,
Уж проливала горючи слёзы,
Уж унывало моё сердечушко
140 Уж по рождённым по детушкам.
Уж от моей тоски-кручинушки
Шелкова трава сповянула,
Лазуревы цветы спосохнули,
Уж от моей-то от досадушки.
Уж как-то ли я счастливая,
Уж как-то ли я таланная,
Уж я на то была спорожена,
Да и на белый свет попущена,
Не видала многобеднушка,
150 От роженница весельица,
А от младости я радости,
Не видать мне видно, беднушке,
До своих-то гробовых досок,
Уж сперва жила в сирочестве,
А потом жила в замужестве,
Две войны было проважено,
Всё ходила я, работала,
А одна да одинёшенька,
Всё я растила, трудилася,
160 А своих рожёных детушек,
Уж как заботилась, трудилася,
Чтобы были дети годные,
Как мои рожены детушки.
Уж дождусь когда я, беднушка,
Когда домой они появятся,
А на глаза да мне покажутся.

76. ПО ДОЧЕРИ, ОТЪЕЗЖАЮЩЕЙ НА «ДАЛЬНЮЮ
СТОРОНУШКУ»

Как сегодняшнего денечка,
Да по раннему по утрушку
Уж справляется, сряжается,
Как рождёно мое дитяtko
Во дальню путь-дороженьку,
Во дальню незнакомую,
За озёрушки глубокие,
За Онегушко шумливое,
В города-то незнакомые,
10 Во прозваньица тяжёлые,
На трудну на работушку.
Как касата моя ластушка,
Пойдешь, моя голубушка,
По деревням незнакомым,
Там есть часовни богомольные,
Есть и церкви-то соборные,
Ты зайди, моя касата,
Да и в церковь богомольную,
Помолись-ко богу-господу,
20 Ставь-ко свечи тут рублёвые,
Клади пёлены шелковые,
Чтобы господи помиловал
От работушки тяжёлой,
Чтоб людям была послушная,
Ко наукушке смышлёная,
И всему миру полезная.
Ты живи, моя голубушка.
Как касата летна ластушка,
На чужой-то на сторонушке
30 Ты потише ключевой воды,
Ты пониже шелковой травы,
Чтобы ветрушки не веяли,
Добры людюшки не баяли.
Ты пиши, моя голубушка,
Скорописчатую грамотку
Ты своей родитель матушке,
Чтобы я была довольная
Твоей новой работушкой,
Чтобы мне была помощница,
40 Государству-то пособница.
Хоть была я не детиная

Не детиная, вдовиная,
Воспитать я вас стремилася,
Всю я силушку потратила
Я на трудной на работушке,
Умом-разумом я мыслила,
Что не плохой я была матерью
Для своих рождёных детушек,
Как при старости, при древности,
50 Не забудьте своей матери,
Вы, рождёные мои детушки.

Н. Т. Ф О Ф А Н О В А

77. ПРИ ВСТРЕЧЕ СЫНА

Как сегодняшним-то денечком
Я сидела, многобеднушка,
Под косивчатым окошечком,
Ожидала, многобеднушка,
Своего сына бажёного
Из-за Онегушка шумливого,
Из-за гор из-за высокиих,
Из-за лесушек дремучиих.
Как рожёно моё дитятко,
10 Как в четыре круглых годичка
Не пекло да красно солнышко
В моё косивчато окошечко,
Как потеряла я, беднушка,
Всех я сродцев, всех я сродничков,
И законную семеюшку.
Как у меня в четыре годушка
Была печка холоднёхонька,
И сама уж я старёхонька,
Была сила не по-старому,
20 Могута да не по-прежнему.
Я ждала да не началась,
Дождалась да срадовалася
Своего сына бажёного,
Бажёного рожёного.
Как спросила, многобеднушка:
«Не видал ли братца родимого?»
Как от братца от родимого
От моего сына любимого,
Мне-ка вести нет, ни грамотки

30 Этот третий круглый годышек.
Дождалась хоть, многобеднушка,
Одного сына любимого,
Запекло да красно солнышко
У меня в косивчато окошечко,
Во избе стало светлѣшенько,
И на сердце веселѣшенько.

О. С. ФРОЛОВА

78. ПЛАЧ ПО СЫНУ

По сегодняшнему денечку,
У меня, бедной горющицы,
На сердечушке грустнѣшенько,
На уме невеселѣшенько,
Надо мне, бедной горющице,
Будто серенькой кукушице,
Отпустить сына бажѣного,
На чужу дальну сторонушку,
Как со витого со гнѣздышка,
10 Со любимой со семеюшки
За лесушки дремучие,
За болотушки топучие,
Как за горушки высокие,
За города да незнакомые,
По названьицу тяжѣлые.
У сердечного у дитятка,
По сегодняшнему денечку,
Только рот не открывается,
Со стола хлеб не теряется,
20 Как слышало сердечушко,
Надо ехать добру молодцу,
На чужу дальну сторонушку.
На чужой дальней сторонушке,
Не сердечные родители,
Судьи-власти немилостивы,
У их сердца не жалостливы,
Как будить станут по-скорому,
Вечеру ложить по-позднему.
Не печалься, добрый молодец,
30 Пройдѣт времячко служебное,
Как наступит этот денечек,
Ты отслужишь службу государскую,

Взад в деревенку воротисься
Ко сердечным родителям.
Ты послухай, моё дитятко,
Как наказ родитель матушки:
«Ты при службе будь смиреншёнёк,
На посылочку скорёшенек,
Как полюбят добра молодца
40 Все служители военные —
Тобой будут похвалятся,
А я буду радоватися,
Ты держи-ка, добрый молодец,
На уме держи святителей,
На сердечушке родителей,
Пиши весточки частёшенько,
Посылай домой крутёшенько».
Только я, бедна горюшица,
У окошечка буду посиживать,
50 И в окошечко поглядывать,
Дождать писёмко лёгкое
Только весточку я скорую.

А. М. ХВОРОСТОВА

79. ПРИ ВСТРЕЧЕ С СЫНОМ

Как отправила я, беднушка,
Своих рожёных детушек
На чужу дальнюю сторонушку,
На войну кровопролитную.
Как осталась я, победнушка,
Я одна да одинёшенька,
Как у меня, бедной горюшицы,
Как злодейной обидушки,
У вдовы многопобедной,
10 Головы да престарелой,
Как злодейной обидушки
Как осталось у беднушки.
Мне писать — не выписать,
Мне читать — не вычитать,
Наб бумаги с чисто полюшко,
Наб чурнил да с сине морюшко.
Мне не дóроги, беднушке,
Ни палаты мне каменны,
Ни мосты мне-ка мраморны,

- 20 Ни бесщётна золота казна,
Только дóроги беднушке
Рождёные детушки.
Дождалась, многобедная,
Хоть одного сынка бажёного,
Хоть и ранен он, беднушка,
Я того рада, несчастная,
Что пришёл он во вито гнёздышко.
Три сыночка бажёныи
На чужой дальней сторонушке,
30 Хоть того я рада, беднушка,
Что хоть ходят известьица,
Дожидаюсь с часу на час
Я бажёных детушек.
Как сегодняшним денечком
Налетела птичка вещья
Ко косивчату окошечку,
Птичка крылышки расправила,
Об околенку ударила,
Извещала меня, беднушку:
40 «Что ты не плачь, горемычная,
Что сегодняшним денечком
Как приедет рожёное дитятко
Во своё вито гнёздышко».
Выхожу, бедна горющица,
На дороженьку почтовую,
Дожидаю многобедная
Я рожёных детушек,
Как куда были провожены,
Во которую сторонушку
50 Уж все глазушки прогляжены
У меня, бедной у горющицы.

80. ПРИ ВСТРЕЧЕ С РАНЕНОЙ ДОЧКОЙ

Как увидела, беднушка,
Почтальона знакомого,
Как сказал мне-ка, беднушке,
Что рожёная ранена,
Уж я вышла, несчастная,
На дорожку почтовую,
Побежала горющица
Ко злодейной обидушке,

Путь дороженька мешалася,
10 А мать земля да подгибалася
От моих от слёз горючих.
Как прибежала горемычная
Во деревню во Семёнову,
Попросилася я, беднушка,
К своей дочке рождёной
Как мне сказали горющице:
«Погоди, моя голубушка,
Престарелая головушка,
Подбери свои слёзушки,
20 Не пропустим горемычная
К твоей дочери раненой
Со горючими слезами».
Как пришла, бедна горющица,
Задержали меня, беднушку,
Часовые стоят с ружьями,
Я потом уговорилася,
Что не буду плакать, бедная,
Как у раненой у дочери,
А как увидла я, беднушка,
30 Я свою рожёну доченьку
Так не знаю, многобедная,
Что тогда со мной случилось,
На ретиво на сердечушко,
Как упала, кручинушка,
Залилася, победная,
Я слезами горючими.

А. М. ШИБАНОВА

81. НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Как пойти было мне, беднушке,
Сиротинке красной девушке
От попа божья церковного,
Да от звона колокольного,
Как пройти да было, беднушке,
Ко родителю ко матушке,
Как ко бுவекке ильинской,
На могилку на родительську.
После моего бываньяца
10 Зарослась да путь-дорожица

Частым ельничком, березничком,
Она мелким олешничком.
Я все ельнички повырублю,
А березнички повысеку,
Все олешнички повыломлю,
Проторю да путь-дороженьку.
После моего бываньяца
У червущка не проплыто,
У лисички не пробегнуто,
20 Да у зайка не проскакано,
Проторю да путь-дороженьку.
Как не знаю того, беднушка,
Куда встать да будет, беднушке,
Ко родителю ко матушке.
Как сегодняшнего денечка
Я вставала, красна девушка,
В божьей церкви просвещёной,
Не столько богу я молилася,
Сколько в церкви прослезилася,
30 Как приглядала я, беднушка,
Я свою родитель матушку,
Как у свеч да закупаются,
У лампад да зажигаются,
Не могла прибрать я, беднушка,
Я ни голосом, ни возрастом,
Ни цветными я платьями.
Поезжала красна девушка
Ко годовому ко праздничку,
Вещевали мне-ка беднушке,
40 Что будет грешникам прощеньице,
С того света распушеньице,
Видно, век того не водится,
Живой с мёртвого не родится,
А с погосту не воротится.
Кабы были люди смелые —
Распороть бы груди белые,
Как у меня у красной девушки
Принаскоплено обидушки
Без родители без матушки.
50 Вы завейте, ветры буйные,
А со всех четыре стóроны,
Разнесись-ка, мать-сыра земля,
Покажись-ка, гробова доска,
Покажись-ко, тело мёртвое,
Тело мёртвое, личко блёклое.
Прилетите с небес ангелы,

С небес ангелы, архангелы,
Вы кладите-ко, пожалуйста,
Ко моей родитель матушке
60 Как во грудушки вздыханьице,
А во ручушки маханьице,
Во глаза да дайте зреньице,
Во уста да говореньице.
А на летний ноньку денечек,
На осенюю темну ноченьку
Всю обидушку повыскажу,
На ербовый лист повыпишу,
В летний день сказать —
Не высказать,
70 В тёмну ночь писать —
Не выписать,
Наскопилось обидушки
Без родители без матушки,
А обидушка скопилася,
Крепко на сердце садилася.

А. М. ШЕЛЬШАКОВА

82. ПРИ ПРОВОДАХ СЫНА

Далеко ли ты справляешься,
Куда да снаряжаешься,
В путь-дорожку собираешься,
Со родными сопрощаешься,
Ты ко праздничку годовому,
Или на летне на гуляньице,
Или на зимне на катаньице,
Или на позднюю вечерочку,
Или на весёлу ты беседушку,
10 Или на службу государскую?
Забирай с собой, рожёное,
С собой много ума-разума,
На двенадцати добрых конях,
На пятнадцати да кораблях,
Живи на службе государственной
Ты потише ключевой воды,
Ты пониже шелковой травы,
Пойдёшь с города да на город,
Пойдёшь с волока да на волок.

- 20 По деревням, по селеньицам,
По городам да незнакомым,
Только ты, моё рождёное,
После этой поры-времячка
У окошечка не спросишься,
У ворот не поколотишься.
Как с тобой мы порасстанемся,
Мы водой ли поразобьемся,
Или огнём мы поразóжгемся,
Ветерком ли пораздуемся?
- 30 Мне-ка жаль тебя тошнёшенько
Нет тошнее того времячка
Как жива пришла разлукушка.
-

84. ПЛАЧ НА МОГИЛЕ МУЖА

- Вы повейте, ветры буйные,
Не шуми, роца зелёная,
Не убойтесь-ка, родители,
Не убойтесь-ка, сердечные,
Я не полк иду с солдатами,
Не другой иду с бурлаками,
Я иду, бедна горюшица,
Я на буювку родительську,
На могилку человеческу
- 10 Как ко своей родитель матушке,
Как к тебе, родитель матушка,
Зарослася путь дороженька,
Она ельничком березничком,
Частым мелким орешничком,
Как этот ельничек повырублю,
Орешничек повысеку,
Порасчищу путь-дороженьку.
А утром-поутру по раннему
Я вставала поранёшенько,
- 20 Я справлялась поскорёшенько,
И пошла сюда-спешилася,
Путь-дорожка перебилася,
Подходила я, победнушка,
Как на буювку родительську —
Много чудо чудовалосся,
Много диво сдивовалосся.
Как у родителей сердечных
Новый домичек повыстроен,

Как окошечка поставлены,
30 На них воротца приотложены,
Столы дубовые наложены,
Полны кушаньев наошены.
Мне сказали люди добрые
Как сегодняшним-то денечком
Есть мёртвым дозволеньице,
Есть тюремным распушеньице.
Только тое умом думала,
Что у сердечных родителей
Стало в грудушках здыханьице,
40 Во белых руках маханьице,
Как язычно говореньице.
Стала ближе приближаться —
Стала горенка теряться,
Стали окошка запиралися,
Там крылечко поломалося,
Всё строеньице стерялося
Не застала я, беднушка,
У родителей сердечных
Я во грудушках здыханьице,
50 В белых рученьках маханьице,
Не пришлось мне-ка, беднушке,
Рассказать тоски-обидушки,
Мне повыплакать причинушки.
Эти круглые-то годушки,
Как на моей буйной головушке,
Как на каждой волосиночке
Всё висело по слезиночке,
Во головушке котёл кипит,
На сердечушке порог шумит.
60 Призаржавело сердечушко
В эти круглые-то годушки,
Были годики военные,
Времена были несмирные,
Я без старости постарилась,
Я без боли вся повысохла,
По своим-то по рождённым.
Было хожено да ношено,
Было мученось и рожено,
Было нянчено и рошено,
70 От сердечушка отпущено
На чужу дальнюю сторонушку.
У меня рождёные отпущены,
Во сыру земельку спущены.
Моему сынку любимому

Пришла смёртушка неумная,
Такая неразумная,
Она злая да свирепая,
Пришла с пушкою да с ядрами,
Со штыками, да с саблей острою,
80 Как повырвала смерётушка
У меня крест да со белой груди,
У меня перстень да со правой руки,
У меня вьюном ретиво сердце,
У меня нож да с ретива сердца.
Как не стало-то у беднушки
Во витом во гнездушке
А соловья у меня певучего,
Голубочка говорящего,
А наше вито-то гнёздышко
90 Не колечушком завилося,
Помаленьку разопилося.

83. ПРИ ВСТРЕЧЕ С ДЕМОБИЛИЗОВАННЫМИ ФРОНТОВИКАМИ

Долго ждали, дожидались,
Дождались — не начались,
Увидали — взрадовались,
Дождались гостей любимых,
Мы солдатиков служилых,
Мы не с летнего гуляница,
Мы не с зимнего катаньца,
Не с работушки крестьянской,
Мы со службы государственной,
10 Со войны да со тяжёлой.
Поспрошу, бедна горящица,
Я у вас, удалы молодцы,
Воевали, долго билися,
Вы с победой воротилися.
Уж вы не видали ль, добры молодцы,
Сыновей наших любимых,
Наших братицев родимых,
Не бывало ли свиданьце,
На дороженьке, встречаньце,
20 На ночлеге, ночеваньце,
В городах вам повиданьце,
В огне пламени сраженьце?

Мы не знаем да не ведаем
Про своих мы про рождённых,
Они убиты или ранены,
Аль на сырой земле валяются,
Аль по белу свету шатаются,
А, может, ихние-то косточки
Там лежат без погребеньца,
30 Телеса без поминаньца,
А эти круглые мы годышки,
Мы не знаем, да не ведаем,
Ни письма нету ни весточки,
Никакого нам известьца.
Только жалко нам тошнёшенько,
Что положили буйны головушки
На чужой дальней на сторонuşке
Во годах да во молóдых,
Во летах да неучётных.
40 Только жаль того тошнёшенько,
Что не пришлось нам победным
У своих рождёных детушек
У трудной сидеть постелюшки,
У тяжёлого зголовьца,
А по ихней-то по бுவевке
Век свой будет мне не хаживать,
Носовым платком не махивать.
Мы остались старёшеньки,
Мы здоровьцем плохёшеньки,
50 Только нет у нас надеюшки,
Не осталось переменушки,
А осталось у бедных,
Только столько тоски-горюшка,
На сердечушке обидушки,
На ретивоем кручинушки,
В летний денечек не выплакать,
На гербовой лист не выписать.
Верно наши-то рождёные
Уродились несчастливые,
60 Возросли неталанливые,
Верно в то время родилися,
Когда пушки, ядра лилися,
Кузнецы ковать училися,
Цари на думушку съезжались
Все государства взволновались.
Как у меня, бедной горющицы,
В эти круглые-то годики
Пали на́ сердце лединочки,

Крещенские снежиночки,
70 Не тают эти льдиночки,
Весной да о христова дни,
В летню пору о петрова дни,
Уж тогда растают льдиночки,
Да крещенские снежиночки,
Когда увижу беднушка
Своего сына любимого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

85. А. Т. КОНАШКОВА

ПЛАЧ ПО СЫНУ, ПОГИБШЕМУ НА ФРОНТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Собственноручная запись)

Уж как сегодня ночью темною
Что-то беднушке не спалось,
Уж мне худые сны казались!
Я вставала утрышком ранёшенько,
Уж как садилась я, горюшица,
Ко косивчату окошечку,
Уж поглядела в ту сторонушку,
Куда отправлено-снаряжено
Мое рожоно мило дитятко.
10 В эту пору в это времечко
Прилетела птичка вещая,
Она села на околенку
И запела жалким голосом;
А у меня-то ведь, у матери,
Как у матери несчастной,
Уж сердечушко занояло,
Уж я сразу тут завояла!
Говорю я птичке-пташечке:
«С чем прилетела, птичка вещая?»
20 С доброй вестью иль не с доброю?»
Птичка крылышки расправила,
По стеклу клювом ударила
И пропела жалким голосом.
Уж я сразу догадалась,
Что недобро с сыном случилось:
Как на полюшке на бранном
Со врагом ведь он сражается!
Неужели пуля вражеска
Прострелила груди белые
30 Моему-то ведь баженому,
Соколинчику рожоному?

Уж гляжу я, мать несчастная:
 Красна зорька поднимается,
 Свет в окошечко пихается,
 А за зорькой туча темная,
 Туча темная с пригромами
 На мою хату надвинулась —
 Туча громом разразилась!
 В эту пору в это времечко
 40 В хату двери открываются,
 Почтальон в избу пихается,
 Подает мне извещеньице,
 Что моего сына бажёного
 Как на полюшке на бранном
 Уложила пуля вражеска!
 У меня-то ведь, у матери,
 А у матери несчастной,
 Резвы ноги подломились,
 Белы руки опустились
 50 И очи ясны помутились.
 Охти мнешеньки тошнешенько,
 Больно сердцу тяжелешенько!
 Уж как жаль мне ведь бажёного,
 Уж мне сынушка рожоного!
 Уж не дожидаться больше, беднушке,
 Уж ни с полюшка колхозного,
 Да и с моря рыболовного,
 Ни от праздника с гуляньица
 И ни с клуба с танцеваньица!
 60 Уж не прибрать теперь мне, беднушке,
 Уж ни голосом, ни возрастом
 И ни цветными его платьями!
 Как взяла его одежицу,
 Прижала я ко сердечушку,
 Уж я клубышком каталася,
 Два дня червышком свивалася,
 С угла на угол металася;
 Уж как сердце материнское
 Всё на части разрывается!
 70 Я уж сяду да подумаю,
 Что мне делать, многобеднушке:
 Только было и надеюшки
 На рожоного, бажёного
 Своего сына родимого!
 Уж я тогда лишь успокоюся,
 Когда сырой землей заруюся,
 Гробовой доской закроюся!
 Уж мне жаль того тошнешенько,
 Что года мои состарились,
 80 Мои силушки ослабили,
 А то я села б на добра коня,
 Поскакала бы в Германию,
 Уж я к Гитлеру проклятому!
 Уж я Гитлеру проклятому,
 Я с живого кожу б выдрала,
 Изо лба глаза бы вырвала,
 Отомстила бы я, беднушка,
 Я за сынушка рожоного!

Уж я знаю, верно ведаю,
90 Что у нас в стране советской
Есть печальщики народные,
Есть ведь Красная-то Армия;
Наши верны корабельщики,
Наши верные кормильщики
Отомстят злодею Гитлеру
За меня, старуху старую,
За рожоно мое дитяtko!

ПРИМЕЧАНИЯ

В сборник входят тексты, записанные в 1942—1945 гг. Тексты располагаются в соответствии с географическими районами записей: Печора, Заонежье, Пудожье. Такое распределение поможет, с одной стороны, полнее раскрыть традицию и местную специфику, с другой — показать различные темы, связанные с событиями народной жизни в годы Великой Отечественной войны и движение жанра причитаний. Внутри разделов тексты помещаются по исполнителям в алфавитном порядке.

Для того чтобы лучше судить о творческом процессе и судьбе жанра, собиратели производили повторные записи, которые также публикуются в сборнике.

В названиях принята наиболее распространенная форма, употребляемая самими вопленицами: «По мужу», «По сыну, отъезжающему на фронт Великой Отечественной войны», «Про свою жизнь» и т. д. Ремарки печатаются в тексте курсивом. В текстологическом редактировании приняты принципы, выработанные для издания «Памятников русского фольклора». При быстром исполнении причитаний, особенно в момент самого обряда, невольно страдает фонетическая запись. Диалектные особенности, уловленные слуховым восприятием собирателей, сохраняются. Тексты даются в современной орфографии.

В примечаниях сообщаются сведения об исполнительницах плачей, различные биографические данные, необходимые для понимания текста причитаний, творческой истории отдельных произведений. В основе комментария — дневниковые записи В. Г. Базанова, научного руководителя и участника трех экспедиций, специально занимавшегося собиранием данного жанра народной поэзии. Частично используются путевые очерки, вошедшие в книги: В. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943; В. Базанов. За колючей проволокой. Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945. Непременной участницей всех трех экспедиций и помощницей в собирании причитаний была А. П. Разумова, в то время студентка историко-филологического факультета Петрозаводского университета. Тексты, записанные А. В. Беловой и Н. К. Митропольской, оговариваются особо. Плач-сказ А. Т. Конашковой в ее собственноручной записи дается в приложении. «Словарь местных слов» составлен Т. И. Орнатской.

1. ПЕЧОРА

Записи 1942 г.

1. Дуркина Анна Леонтьевна, 70 лет, дер. Уег. До сих пор не может забыть обиды на первого мужа, с которым жила плохо: «Сердце-то болит, так как ключом кипит... Жила у старого грозного отца, замужем не посчастливилось, одна утеха осталась — дочка». Вместо родных сыночек она воспитала двух племянников, которые погибли героической смертью, защищая Родину. Летом 1942 года она проводила второго мужа в армию.

2. Дуркина Ефросинья Алексеевна, 45 лет, дер. Уег. Тридцати лет осталась сиротой без матери. Была замужем, но потом разошлась и теперь почти не вспоминает о своем замужестве. Пятнадцать ее братьев и «братанов» (двоюродных братьев) на фронте, и за каждого из них она переживает. «Вот выйду в поле, ну и плачу, вроде полегче станет». Плач начинается с традиционного обращения к матери: «Потяните-ко да ветры буйные». Чаще всего она вспоминает о своем родном брате.

3—4. Дуркина Мария Васильевна, 69 лет, дер. Уег. Сыновья-фронтовики пишут матери и сестрам: «Работайте лучше в тылу, тогда быстрее врага разобьем». Один из сыновей погиб в 1940 году во время советско-финской войны. Не только сыновья, но и внуки М. В. Дуркиной защищали Родину от немецких захватчиков. Стремится в традиционную причет включить современные мотивы. Не случайной женщины Уега говорили, что «от Марьи можно учиться плакать». Ее дочь Парасья тоже вопленица. Приплакивать Парасья училась у матери. Родство их плачей совершенно очевидно (см. плачи Парасковьи Федоровны Поздеевой, №№ 53, 54). К плачам М. В. Дуркина относится исключительно серьезно. Она говорит: «Приплакивать-то надо не с борку, да не с веретейки, а чтобы слово в слово родилось». В плачах она находит утешение и успокоение, а также большое эстетическое наслаждение. Сидя целыми днями у люльки маленькой внучки, Мария Васильевна по порядку вспоминала всю свою жизнь. Особенно часто она вспоминает о своих внуках. Им она посвятила свои плачи.

5—7. Дуркина Матрена Григорьевна, 50 лет, Среднее Бугаево. В записи Н. К. Митропольской. Обычно оплакивает свою неудавшуюся жизнь, вспоминая все пережитое. 18 лет ее отдали насильно замуж за нелюбимого человека. Муж был пьяница и с очень крутым характером. Нескоро раз М. Г. убегала от него, но каждый раз ее вновь возвращали в дом мужа с помощью урядника. После смерти мужа на ее руках остался единственный сын, которому в то время было 4 года. С первых дней советской власти на Севере М. Г. Дуркина проявила себя как активная общественница, была организатором сельского совета. Вскоре случилось новое несчастье: сын М. Г. Дуркиной, воспитанию которого она отдала все свои силы, тяжело заболел. Несчастная мать в течение пяти лет ухаживала за больным сыном (№ 7)

8. Дуркина Марфа Дмитриевна, 78 лет, дер. Уег. «В семье нас было шестеро. Нечего обижаться, замуж я походила хорошо. Нашли мне хорошего жениха-солдата, служил он в Архангельске, был первой статьи матрос, сигнальщик на корабле „Полярная Звезда“. Семь лет служил, табаку не куривал. А петь я любила — беда. Отец выпивал и под веселую руку рассказывал много старин и сказок, от него-то я и повыкла. Ведь природа-то пуще науки». Под старость Марфа Дмитриевна осталась «одна одинёшенька»: из девяти детей не осталось ни одного. Всю свою материнскую любовь она перенесла на племянника. От М. Д. записан всего один плач о племяннике, раненном в боях с немецкими оккупантами.

9—11. Ларикова Ульяна Леонтьевна, 68 лет, дер. Уег. О своей жизни рассказывала: «Муж у меня был хороший, моложе меня на пять лет, жили мы хорошо. Подошло время — умер муж, детей живых осталось трое: дочь да два сына. Жаль было хозяина, да что сделаешь. Ну, поплакала немного, потому что ребят осталось мало, все были большие, обутые, одетые, так и это радовало. Вот об детях я пуще плачу. Все глаза выплакала. Похоронили отца, старший сын остался один в дому, да и застрелился. Ему было 26 лет, вот сразу два горя. С тех пор заболела я, не могу и поправиться».

Второго сына провожала на Великую Отечественную войну: «Пароход скоро ушел, заголосила я, да како-то рестант крикнул на меня, я испугалась да и плакать перестала», — рассказывала Ульяна Леонтьевна. Сын шлет матери с фронта письма: «Погоди, мамаша, — пишет сын, — врага разобьем,

домой приду, снова хорошо заживём». Записанный нами текст (№ 11), видимо, в какой-то степени отражает мотивы плача при проводах.

12—29. Носова Авдотья Кондратьевна, 73 лет, дер. Карпушевка (в окрестности Усть-Цильмы). 15 лет осталась сиротой и пошла в чужие люди. В деревне Авдотью Кондратьевну зовут «старой девой». О себе она в шутку говорит: «Мужа не бывало и без мужа не сыпала». В молодости любила петь песни, плясала под гармонию, «да и нынче, — говорит она, — выпью, так всё пою». Мать у нее была мастерица-вопленица. Еще с детства прислушивалась к плачам и запомнила их. По-настоящему она начала оплакивать с 14 лет. Первым ее плачем был плач по отцу, а потом плач по девушке. Дед был коновал, прожил 102 года (№ 13).

Без мужа воспитала двух сыновей и дочь. Старший сын несколько лет тому назад умер (№ 20). После сына осталось трое внучат. Через четыре года невестка вышла замуж за «приезжего», жить с собой взяла только дочку, а сыновей оставила бабушке. А. К. любит своих внучат, но воспитывает их строго, и внуки беспрекословно слушаются бабуку (см. №№ 20 и 27). Авдотья плачет и по своему и по чужому горю. В молодости она водила «заручень», учила плакать невест, потом стала оплакивать умерших. Плачет она обо всем, что придет на ум. Когда «заболит сердце», она садится у окна и причитает: «Поплачу, то как будто легче». Рассказывая о своей жизни, она заметила: «У меня горюшка-то много, как листочка на лесу. Дай мне господи здоровья, может, всё перенесу».

Провожала на Отечественную войну односельчан и своих близких родственников; двух племянников, двух «братанов» и внука. «Так ревела, — говорит она, — что с ног пала, не могла устоять». Плачи А. К. Носовой имеют семейно-бытовой характер; они состоят из традиционных формул и общих мест (№№ 28 и 29).

В течение 3 дней было записано от А. К. Носовой свыше 20 плачей.

30. Носова Анастасия Артемьевна, 67 лет, дер. Трусово на р. Цильма. От А. А. Носовой А. В. Беловановой записано 7 былин. 7 сказок, несколько свадебных плачей, плач о сыновьях при проводах на Отечественную войну, публикуемый в данном сборнике. Знание причитаний не прошло бесследно для ее былинного сказительства. В былинах А. А. Носовой можно встретить отдельные художественные формулы, взятые из поэтики причитаний. Былины А. А. Носовой см. в сб. Былины Печоры и Зимнего берега (Изд. АН СССР, 1961. №№ 1—7).

31. Осташова Ксения Кондратьевна, 50 лет, дер. Уег. При проводах на «краю Печоры» голосила о племяннике (о муже Елены Поздеевой, замечательной вопленицы Печорского края, см. №№ 35—45).

32—34. Поздеева Акулина Виссарионовна, 69 лет, дер. Кривая Виска. На вид живая и бойкая старушка. В молодости жила плохо. «В горе жито, — говорит она, — так и плакать умела. Когда на самом деле плачешь, а не выдумываешь, так и лучше выходит». Быстро переоделась в новый сарафан, села на стул посреди комнаты и стала причитывать. Она жаловалась на свою память и говорила, что стала забывать свои «плаксы». «Висаровна», как А. В. Поздееву зовут односельчане, рассказала нам, что ее племянница Офимья Чупрова переняла «плаксы», да еще «сама прибавила» и теперь плачет лучше нее (см. №№ 63—66).

35—45. Поздеева Елена Федоровна, 24 года, дер. Уег. Самая молодая и, безусловно, талантливая вопленица Печорского края. Росла она без отца; четырнадцать лет вышла замуж и уже тогда оплакивала свою «русую девью косу». Все ее плачи имеют бытовой характер, связаны с пережитым. В них говорится о смерти бабушки (№ 35), о двоюродной сестре, утонувшей в Печоре (№ 36), о разлуке с матерью, которая уезжает на «чужу дальнюю сторонушку» (№ 37). Особенно сильно Елена Поздеева пережила смерть единственной дочери. Дочь умерла в отсутствие матери. Е. Ф. в то время ездила на колхозные курсы в с. Ижму. Вернувшись в деревню и узнав

о потере, Е. Ф. пошла на кладбище, вырыла прах любимой дочки из могилы и слезно оплакала свою «белую лебедушку». После того как обряд был совершен, Е. Ф. снова зарыла гробик в могилу, не переставая при этом причитывать (№ 38). В плаче о матери вспоминаются братья-фронтовики, т. е. в нем содержится новый мотив, связанный с событиями Отечественной войны (№ 37).

В годы Отечественной войны Е. Ф. с утра до позднего вечера работала в поле и была организатором фронтовой бригады. Часто ей приходилось ездить по просторам Печоры. Девушки наперебой старались заручить ее к себе в лодку. Однажды нам удалось ехать вместе с Еленой Поздеевой из Уега в Хабариху. Лодка шла парусом, женщины были свободны от весел, пели песни и приплакивали «плаксы». В этой обстановке Елена Поздеева исполнила плач о своей жизни (№ 39). Отъезжая от берега она начала его словами: «Охти, мнеченько да мне тошнехонько, уж я села бедна в легку лодочку, по реке пошла да я по матушке, я сказать пошла да про своё житье». Все внимательно слушали ее причетъ: вопленица рассказывала о своем вдовьем житье, о втором муже, которого проводила на фронт Отечественной войны. При провадох муж присил не плакать в его присутствии. Е. Ф. стала причитывать, когда услышала прощальный свисток парохода (№ 43). Во время проводов на фронт она оплакивала братьев и «братанов» (№ 44), своих подруг (№ 41), председателя колхоза, потому что «его жена плакать не умела» (№ 42).

Через шесть месяцев после первых записей Е. Ф. была приглашена в г. Сыктывкар для участия в декаде народного искусства Коми АССР. Ни разу не бывавшая дальше Ижмы, печорская сказительница была доставлена в центр Коми АССР на самолете. Понятно, каких больших переживаний и впечатлений стоило ей это путешествие из далекого Уега. Здесь, в Сыктывкаре, Е. Ф. выступала со своими «плаксами» на открытом заседании кафедры литературы и фольклора Карело-Финского Государственного университета и Коми пединститута. Тогда же был произведен ряд повторных записей, публикуемых в сборнике вслед за основными текстами (№№ 40 и 45).

Повторные записи еще раз вводят в специфическую лабораторию вопленицы. В плаче по братьям Е. Ф. значительно сократила ту часть плача, которая раньше вполне соответствовала моменту проводов, сцене «прошаньца», личным переживаниям вопленицы, стоявшей на берегу Печоры в ожидании парохода. Вместо утраченных эпизодов в сюжете появились новые наслонения. Вопленица теперь рассказывает о братьях-фронтовиках, которые пишут письма на родину; под впечатлением этих писем созданы многие образы плача о братьях в повторной записи. Повторные записи свидетельствуют о том, что причитания неразрывно связаны с повседневными думами и переживаниями носителей фольклора. Они же свидетельствуют о том, что текст, записанный в обстановке самого обряда или сразу же после него в значительной мере отличается от повторных вариантов.

Учитывая особый интерес причитаний Елены Поздеевой для понимания бытования печорской причети и тех процессов которые происходили в данном жанре, мы предлагаем следующие схемы мотивов учитывая первую и повторную редакции

Плач по бабушке (№ 35)

Свидетельствует о том, что Елена Поздеева прекрасно владеет приемами традиционной причети. В этом плаче содержатся основные мотивы, характеризующие печорскую похоронную причетъ:

1. Обращение к ветрам: «Уж вы подуйте-ка, да ветры буйные...» с просьбой расколоть «мать-сыру землю», раздуть «желты пески», открыть «гробову даску» (1-8).

2. Обращение к умершей разомкнуть «уста сахарные», открыть «очи глупые» и встать из гроба (9—17).
3. Описание «новой горенки» (18—21).
4. Мотив посылки «письма-грамотки» (22—25).
5. Мотив невозможности возвращения с того света (26—42).
6. Просьба простить за кажущееся невнимание к умершей и сетование на разлучницу «мать-сыру землю» (43—69).
7. Мотив воспоминания о прежней совместной жизни (78—90).
8. Мотив благодарности за воспитание (90—103).
9. Мотив сожаления и обращение при посещении могилы (104—111).
10. Мотив невозможности возврата умершей во вито гнездо (112—123).

По сестре, утонувшей в Печоре (№ 36)

В плаче изображается реальное событие. В Печоре утонула двоюродная сестра воспленицы. С этим фактом связаны многие образы причети:

1. Мотив великого горя (1—5).
2. Характеристика сестры, описание ее внешности (6—15).
3. Описание поездки по Печоре в лодке (16—30).
4. Рассказы сестры, которая не пострашилась ехать на лодке, хотя на реке была непогода (31—40).
5. Картина встречи лодки с проходившим мимо пароходом (41—47).
6. Описание гибели сестры (48—72).
7. Рассказ о безуспешных поисках утопленницы (73—90).
8. Изображение наступающей весны на Печоре (91—109).
9. Мотив получения вести об утонувшей, которую наши «люди добрые» (110—120).
10. Мотив возвращения во «вито гнездо» и проводы на кладбище (121—175)..

По матери, уехавшей на чужую сторону (№ 37)

С этим плачем Е. Ф. провожала мать на новое место жительства. И в этом плаче, имеющем бытовой характер, широко используются приемы традиционной причети:

1. Плач начинается обычным вопрошением:

Ты куда, наша, да отправляешься,
Ты куда, наша, да собираешься... (1—6).

2. Мотив упрека: упрек адресуется «злой лихой хате», выжившей из дому хозяйку (7—14) (этот мотив встречается и в других похоронных плачах Е. Ф.).
3. Выражение благодарности матери за воспитание детей (15—21).
4. Изображение детей-сирот, оставшихся жить в одиночестве (22—60).
5. Мотив материнской кручины (61—80).
6. Обращение к матери не забывать детей (81—108).
7. Мотив сожаления о долгой разлуке, так как мать живет «позавони роду-племени» (109—143).
8. Выражение надежды на встречу (114—151).
9. Повествование вопленицы о своей жизни и личных переживаниях (152—197).
10. Рассказ о братьях, которые находятся на военной службе (198—252)

По дочке, умершей в отсутствие матери (№ 38)

Этот лирический плач явился в результате потери единственной дочери, которая умерла в отсутствие Е. Ф. Схема основных мотивов:

1. Зачин плача (1—5).
2. Мать бросает упрек «злой лихой хате», которая повыжила «лебедь белую» (6—11).
3. Мотив сожаления о дочке, которую мать воспитывала и нежно любила (12—28).
4. Обращение к дочке, вырытой из земли (29—49).
5. Обращение к умершей — почему убралась с этого света дочь? Чего побоялась? (50—59).
6. Мотив сетования: зачем прокараулила смерть дочку? (60—73).
7. Повторное обращение: «где я стану тебя сыскивать?..» (75—84).
8. Мотив тоски и жалоба матери (85—94).
9. Мотив прощания с дочерью: мать оставляет ребенка на «надежную няньку» — сырую землю (95—105).

Про свою жизнь (№№ 39—40)

Записан в двух вариантах. Первый вариант записан на берегу Печоры. В «зачине» содержится указание на место исполнения:

Уж я села, бедна, да в легку лодочку,
По реке пошла да я по матушке,
Я разыскивать пошла родных родителей,
Я сказать пошла да про своё житье...

Во втором варианте меняется зачин, он приурочивается к конкретной обстановке, в которой она исполняет плач:

Уж я села нынь, бедна, на лавочку,
Я на лавочку да на брусовую,
Ко окошечку да ко косявчату,
Ко стеколышку да ко заморскому...

Во втором варианте более подробно изображены проводы первого мужа в армию (1-й вариант — 42—71, 2-й вариант — 91—130). В описание жизни между первым и вторым замужеством во 2-м варианте вставлен рассказ о смерти бабушки, который можно выделить как самостоятельный плач (171—209). Проводы второго мужа в армию во 2-м варианте даются более развернуто, отмечен даже такой факт, как поездка «молодых», в ожидании парохода, на другой берег Печоры в рыбацкий стан:

Мы поехали да по быстрóй реке,
По Печоре мы да славной матери,
Во еловой-то да легкой лодочке... (257—271).

Более подробно во 2-м варианте рассказывается о возвращении в пленницы домой после проводов мужа.

1-й вариант

Я легла, бедна, да во мягкó место,
На мягкó место круто зголовище,
Я покрылася да одеялицем,
Вспомянула да ладу милую,
Я на то, бедна горе, решилася,
Я дожду ладу да со победушкой,

2-й вариант

Села я бедна, на лавицу,
Поглядела я да на вокруг его,
Негу моей лады милоей,
Оно пусто стоит, порознье,
Боле не придёт мне да ладо милое,
Не придёт да дума крепкая.

Со победушкой да я со верной,
Со верной да неизменной.

Он не в ту дороженьку отправился,
Он во дальнюю да во печальную,
На большу войну да кроволитную.
Будем просить мы ему да веку дол-
гого,

Силушки-то богатырской,
Ждать будем да со победою,
Со победою да со великой,
С речью-то да со покатой,
Со жизнью-то да неизменной,
Не изменять нам чтобы да друг
друга,
Провести свою да молоду пору,
На завидость да людям добрым,
До волосу да нам до белого,
До зуба да как до последнего.

Вторая запись этого плача увеличилась свыше чем на 100 строк (1-й вариант — 256, 2-й — 363).

По девушкам, отъезжающим на великую
Отечественную войну (№ 41)

Вопленица рассказывает о проводах девушек-подруг на фронт Отечественной войны.

1. Плач начинается с обычного вопрошания:

Ты дружна моя ближна подружечка,
Ты вторая моя сестра родимая,
Ты куда круто да снарядилася,
Ты куда, моя, да сподобилася... (1—8).

2. Вопленица дает ответ на свои вопросы:

На большу войну да кроволитную,
Ты под пулюшку да там под быструю... (9—13).

3. Просьба к подружке — писать письма-грамотки (14—20).

4. Обещание самой вопленицы выполнять колхозные нормы, работать в тылу на защиту Родины (21—26).

5. Обращение к уезжающим на фронт уничтожить врага:

Ты не бойся там да пули быстрой,
Уничтожай врага, проклята Гитлера... (27—34).

6. Традиционный мотив воспоминания о совместной жизни подруг (35—37).

7. Мотив тоски родителей по дочери (38—66).

8. Мотив расставания с подругами (67—79).

9. Мотив похвалы подружек (80—93).

10. Наказ отъезжающей не сдаваться врагу на «искитанье», бороться до последней капли крови с ненавистным врагом. Надежда на новую встречу (94—125).

При проводах председателя колхоза на великую
Отечественную войну (№ 42)

Плач создан вопленицей в момент проводов двоюродного брата (председателя колхоза) в Красную Армию. Композиционная схема:

1. Зачин плача (1—4).

2. Обращение к уезжающему — куда он собирается? (5—12).
3. Повествование о предстоящей «пути-дорожечке» (13—19).
4. Мотив сиротства (20—33).
5. Описание внешности отъезжающего (34—58).
6. Похвала председателю колхоза (59—64).
7. Наказ-просьба брата к сестре, чтобы не бросили детей в его отсутствие (72—81).
8. Обращение вопленицы к «молодушке» (жене председателя) (82—89).
9. Повествование о сборах и проводах (90—100).
10. Наказ председателя колхозникам о работе в тылу (101—107).
11. Мотив присыла письма-грамотки с фронта (111—124).
12. Рассказ вопленицы о ее личном участии в колхозной работе (129—137).
13. Мотив скорого возвращения с великой победой» (138—145).

При проводах мужа на Великую
Отечественную войну (№ 43)

1. Обращение к мужу и вопрошание «куда сподобляется ладо милое»? (1—9).
2. Ответ на свой вопрос: муж отправляется на «кроволитную войну» (10—15).
3. Воспоминание о совместной жизни (16—29).
4. Жалоба на свою одинокую участь (30—46).
5. Обращение к мужу — просьба писать письма с фронта (47—58).
6. Ответ мужа: муж советует не тужить, не печалиться (59—65).
7. Рассказ о поездке на другой берег реки в ожидании парохода (66—93).
8. Сцена расставания с мужем на пристани (94—117).
9. Описание чувств и переживаний вопленицы при «последнем прощаньице» (118—121).
10. Возвращение домой с причетью (122—147).
11. Сетование у «косивчата окошечка» на то, что не проводила мужа до центральной пристани (148—158).
12. Мотив тоски по мужу «тёмной ночью» (162—174).
13. Ожидание письма-грамотки (175—187).
14. Рассказ о своей жизни без мужа (188—193).
15. Мотив возвращения мужа с победой (194—204).

При проводах братьев и братанов на Великую
Отечественную войну (№№ 44—45)

Записан дважды. В первой редакции отчетливо обозначена конкретная фабула:

1. Подробное описание внешнего облика братьев, их личных качеств; изображение реальной обстановки проводов — момент ожидания парохода (1—95).
2. Выражение сожаления о том, что не удалось проводить одного из братьев, т. к. в то время Елена была в Ижме (96—110).
3. Изображение проводов на Отечественную войну (111—118).

... Защищать пошли да родну сторону,
Защищать Россию-матушку,
Уничтожать пошли да зла врага.

4. Изображение бесчинств гитлеровцев, которые губят добрых молодых, оставляя сирот и вдов (119—132).
5. Описание героической смерти одного из братьев (133—145).
6. Обращение к родственникам, находящимся на фронте — где ее родные братья? (154—171).
7. Выражение ненависти к врагу и веры в победу (172—177).
8. Выражение надежды на возвращение братьев с фронта (178—181).

9. Изображение жизни колхозников в тылу (191—198).
10. Описание фашистского плена (191—198).
11. Обращение к братьям-фронтовикам (199—212).
12. Пожелание скорее победить проклятого врага (213—221).

При повторной записи плач сократился почти на 70 строк (1—153, 2—222). Уменьшение плача произошло за счет сокращения описания прежней жизни братьев и некоторых эмоциональных вопрошений, связанных непосредственно с моментами проводов. Первая запись произведена в день проводов, вторая запись произведена через шесть месяцев после первой. Ряд эпизодов, связанных непосредственно с проводами, утрачен. Но во втором варианте введены новые мотивы и факты:

1. Зачин — традиционное вопрошание «куда собираются братья?» (1—4).
2. Традиционный мотив рекрутской причеты, сопровождающийся реальным фактом — проводами на берегу Печоры (5—22).
3. Описание жизни братьев до службы в армии (23—64).
4. Вопрошание к брату — «где тебя сыскивать?» (65—70).
5. Описание наружности второго брата (75—88).
6. Мотив надежды на возвращение братьев с победой (99—105).
7. Мотив посылы письма братьями с фронта с наказом сберечь родителей (106—134).
8. Мотив посылы ответного письма на фронт, наказ сестры — не бояться врага и бить его беспощаднее (135—145).
9. Концовка плача — выражение надежды на победу над врагом (146—152).

46. Поздеева Ирина Николаевна, 45 лет, дер. Уег. Многосемейная женщина. В августе 1942 года провожала своего племянника на фронт Отечественной войны. Причитывала на берегу Печоры, в ожидании парохода.

47—52. Поздеева Марфа Борисовна, 52 года, Усть-Цильма. Родилась в бедной семье, долгое время жила в чужих людях. В молодости любила петь песни. О себе однажды сказала:

Песни петь я мастерица,
И петь охотница была,
А за гармонщика попала
Много слез я пролила.

В свое время была профессиональной вопленицей. «Начну, то хоть целу ночь», — заметила она, вспоминая о печорской свадьбе. В отличие от Авдотьи Носовой М. Б. Поздеева на плачи смотрит несколько скептически. Если Авдотья Носова держится пережитков старины, то М. Б. Поздеева живет только настоящим. До 1926 года М. Б. была неграмотной женщиной, а потом вместе с дочкой Таней она занималась в кружке для малограмотных, научилась читать и писать. В 1930 году в числе первых она вступила в колхоз, а в 1931 году ее приняли в ряды ВКП(б). Кроме традиционных похоронных плачей (№№ 47—49), от нее записан плач «О своей жизни» (№ 50), в котором говорится и о проводах сыновей на Великую Отечественную войну. Сыновей она провожала с причетью. Во время ожидания вестей от сыновей-фронтовиков тоже приплакивала (№ 51). В последнем плаче (о дочке, участвовавшей в боях с немецкими захватчиками, № 52) сказалось общее тяготение к патристическому плачу-сказу, включающему материнский наказ («Уж ты бей врага, наша, без промаха»). Умерла М. Б. Поздеева в октябре 1943 года, через год после нашей встречи.

53—54. Поздеева Парасковья Федоровна, 45 лет, дер. Уег. Парасья, как ее зовут в Уеге, «пласкам» научилась у матери — Марии Васильевны Дуркиной (см. №№ 3—4). В 1942 году П. Ф. проводила любимого племянника в Красную Армию. В своем плаче о племяннике она ограничилась изображением чувства разлуки. Детей своих Парасья не имела. Она воспитывала родного брата. Когда провожала брата на фронт, то «причетом ревела до потери

сознания». От нее записано два плача: по племяннику и по брату, погибшему на фронте. Плачи П. Ф. Поздеевой значительно уступают плачам ее матери — М. Ф. Дуркиной.

55. Поздеева Степанида Матвеевна, 50 лет, дер. Хабариха. «Муж был пылкий, мотуший, по году от вина не просыпался. Покрасовалась в житие я только в девках», — говорила о себе вопленица. У С. М. Поздеевой умерла двадцатилетняя дочь. На руках С. М. осталось двое внучат, да своих пятеро было. Вот тогда она и научилась приплакивать: «само горе учит, само горе и плачет». От С. М. Поздеевой записан плач о сыне, которого она в 1941 году проводила на войну с немецкими захватчиками. Ее плач ограничивается выражениями личных чувств к «дитя сердечному». Записывали в домашней обстановке. Кончив плач, она сказала: «Ну, будет! Плакса ведь не песня, докуль плачешь — дотуль конец. У песни есть конец, а плакса все ново, какое горе ляжет на сердце, то и плачешь».

56—61. Тиринова Татьяна Никифоровна, 61 год, Усть-Цильма. Со слезами на глазах вспоминает о прошлой жизни: «С первым мужем, — говорит она, — жила всего шестнадцать недель, его зарезали в драке. Полгода проводила и за второго вышла; с ним полтора года прожила и осталась солдаткой. Поехал он с отрядом в гражданскую войну вниз по Печоре, а белые напали около Росвина, руки отсекали и в воду бросили. Я долго не знала, что он убитый, никому не верила, потом уж поверила — мужик один приехал и рассказал всё». От Т. Н. записано 5 плачей. Все они имеют автобиографический характер. Вопленица оплакивала смерть первого и второго мужа (№№ 56 и 57). Во время нашего пребывания в Усть-Цильме Т. Н. с притчетью похоронила дядю и с притчетью проводила свою любимую племянницу в Ижму, которая поехала учиться (№ 59).

Плач по племяннице и племяннику не имеет прямого отношения к проводом на фронт. В основе его лежит рассказ-воспоминание о растерянной семье, о племянниках, которые давно не пишут писем (№ 60). Плач о сыне (№ 61) также не связан с обрядовым моментом. Этот «плач» был создан значительно позже отъезда сына на фронт и, вероятно, возник в связи с общим интересом к современной теме. Фактически это не плач, а сказ.

62. Чипсанова Анна Леопольдовна, 70 лет, дер. Уег. «Умом-то, — говорила эта старушка, — стала забываться, ногами-то заплетаться». Жила у внучки, которую воспитывала, а в 1942 году ростила и правнуков. Один из ее сыновей был убит во время первой империалистической войны. А. И. до сих пор вспоминает его. На фронт Отечественной войны она провожала семейных внуков. Публикуемый плач возник в связи с ожиданием писем с фронта.

63—66. Чупрова Офимья Ильинична, 34 года, дер. Уег. Слывет по деревне лучшей плакальщицей. «Никто лучше Офимьи не сплачет», — говорят о ней ужанки. Без отца она осталась 13 лет и уже тогда голосом оплакивала смерть своего «кормильцы» (№ 63). Жила в нужде и горе: «Даже глаза от слез-то болят, всю жизнь плачу, ум-то весь выплакала». Через 4 года после смерти отца умерла мать (№ 64). Офимья была старшей из сестер и на ее долю выпало воспитывать малышей. Сейчас у Офимьи своих пять человек детей. В беседе выяснилось, что она причитывать может только в том случае, если горе пережила глубоко и сердечно. Лучшим из записанных от нее плачей оказался плач по сестре, утонувшей в Печоре (№ 65). После сестры остались две девочки, которых воспитывает Офимья Ильинична.

С притчетью провозжала мужа на войну с фашистскими захватчиками. «Переплакать так, как плакала на краю Печоры, признавалась Офимья Ильинична, — сейчас, пожалуй, не могу. Прошло уже больше года с того дня как я мужа провозжала». В притчети говорится о «ладе милон» и о «солнце красном», т. е. о брате, которого О. И. Чупрова провозжала на фронт одновременно с мужем.

Из сопоставления плачей О. И. Чупровой с плачами А. В. Поздеевой (см. №№ 32—34) видно, что ученица далеко превзошла свою учительницу.

II. ЗАОНЕЖЬЕ

Записи 1944 г.

1. **Акинфин Михаил Георгиевич**, 70 лет, дер. Тявзия. Освобожденный из петрозаводских лагерей Советской Армией, вернулся в свою родную деревню. Он подошел к полуразрушенному дому, в котором прошла почти вся его жизнь. Старик опустился на завалинку своей «хоромины» и, обхватив свою седую голову, горько заплакал. Глухой старческий голос доносил протяжные слова: «Нет у меня да друга верного». Вечером, когда дед устроился на квартиру, мы решили навестить этого одинокого и глухого старика. Из-под нависших бровей выглядывали добрые серые глаза. На листе бумаги мы писали большими печатными буквами. Михаил Георгиевич по складам читал наши записки и в ответ на них рассказывал о своей жизни. Наконец мы решились спросить: «Дедушка, расскажи, откуда ты знаешь причеть?». Старик покачал головой и как-то по-детски улыбнулся. Он понял, что мы слышали его причеть у разрушенного дома. Давно, несколько лет тому назад, когда умер единственный сын, М. Г. Акинфин работал печником в деревне Узкие и там, на крестьянских полатях, нашел потрепанную книгу. «Подобрал я эту книгу и стал читать. Прочитал и забопил. Хозяйка спрашивает: „Что вопишь?“ — „Да это про мою жизнь написано, вот и воплю“. С тех пор давно не плакал, а вот сегодня посмотрел на свою хоромину и не стерпел, вопить стал». Дед повторил свою причеть. По содержанию не трудно было догадаться, что в книжке, которую он когда-то читал, было напечатано «Раздумье селянина» А. В. Кольцова.

2—3. **Акинфина Александра Сергеевна**, 66 лет, дер. Тявзия. Одинокая старушка, знает свадебные и похоронные причитания. Используя традиционную форму похоронного плача, вопленица говорит о растерянных детях, о сыне, который был посажен захватчиками за колючую проволоку лагерей. Плакала на могиле мужа.

4. **Алешина Анна Михайловна**, 54 года, дер. Блиновщина.

5—6. **Алешина Фекла Михайловна**, 42 года, дер. Тамбицы. С плачем встречала свою племянницу, потерявшую в годы войны родителей. Муж и сын Ф. М. Алешиной были на фронтах Отечественной войны. Известий от них не имела. «Три учетных долгих годышка» — здесь и в других заонежских причитаниях, публикуемых в сборнике, означают три года, проведенных в оккупации. В обоих плачах содержится рассказ о жизни в фашистской неволе.

7—8. **Амбарова Акулина Назарьевна**, 54 года, дер. Огаровское. Была выслана из своей деревни. За три года пребывания в оккупации побывала на семи подворьях. Захватчики отправили сына на сплав, где он утонул за три дня до освобождения Заонежья.

9. **Андреева Ирина Андреевна**, 56 лет, дер. Ивантеевцы. 6 сентября 1945 года получила извещение о смерти сына-воина. Убитая горем, с утра до позднего вечера, не обращая внимания на уговоры соседок, оплакивала свое «рожено дитятко». Плакала в свой избе и на могиле мужа. Плач был записан в день получения похоронного извещения.

10—11. **Архипова Анна Васильевна**, 48 лет, дер. Пустошь. Плач о разрушенном «хоромном строеньице» был записан во время полевых работ.

12. **Богданова Акулина Гавриловна**, 70 лет, дер. Тявзия.

13—14. **Боровлева Евдокия Федоровна**, 45 лет, дер. Тявзия. В первом плаче говорится о растерянной семье в годы оккупации, о встрече с сыном, освобожденным из фашистских лагерей. Сын уходит на фронт сражаться с захватчиками. Отсюда второй плач-сказ: вопленица дает материнский наказ.

15—17. **Бровина Варвара Ивановна**, 57 лет, дер. Алексеевское. Муж умер во время первой империалистической войны. До сих пор ходит на его

могилу. «Вот и теперь, — говорит она, — приехала на свое место и пошла рассказать мужу, как жила да скиталася». Во время оккупации Заонежья работала скотницей, укрывала партизан в хлеву. Была арестована и посажена в «будку». Детей своих у нее нет. Два племянника на фронте, о них тоже говорится в плаче-воспоминании.

18. Ваганова Дарья Алексеевна, 50 лет, дер. Пустошь. Сын пропал без вести. Отсутствие вести, тоска по детям — основной мотив этого лирического плача.

19. Григорьева Евдокия Павловна, 57 лет, дер. Таровцы. Образец механического воспроизведения плача. См. № 21.

20. Дорохова Анна Николаевна, 48 лет, дер. Загорье.

21. Егорова Евдокия Григорьевна, 57 лет, дер. Таровцы. В 1941 году с причетью провожала единственного сына на фронт. «Как живет, — сказала она, — так и плачется».

22—23. Журавлева Анна Александровна, 58 лет, дер. Шустиково. Несовершеннолетний сын подорвался на mine, оставленной фашистскими захватчиками, о нем и говорится в плаче (№ 23).

24—26. Зарубина Ульяна Петровна, 64 года, дер. Вороний Остров. О себе сказала: «Одиннадцать годов я остаюсь от матери, плакала на могиле так, что все люди дивовались». Муж умер в годы оккупации. Детей всего было семь человек, на фронте два сына. Вспоминала о жизни в неволе: «Пострадала я через фашиста, — семь скотин отняли, выселены были в лес дремучий, в болотистое место, там и старик мой умер. Похоронить было некому — ни лопатки, ни лошадки, ни мужика одного в деревне».

27—28. Иванова Екатерина Васильевна, 56 лет, дер. Тамбицы. «Наставала тучи темная» — появление фашистских захватчиков в Заонежье. Три сына на фронте.

29. Кадетова Надежда Григорьевна, 50 лет, дер. Рим.

30—31. Калининна Александра Кирилловна, 57 лет, дер. Паяницы.

32. Карцева Мария Павловна, 54 года, дер. Пабережье. В записи А. В. Беловановой. Четыре сына сражались на фронтах Отечественной войны. Один из них погиб в борьбе за родину. Записывали в поле, где колхозники жали овес.

33. Касьянова Александра Федоровна, 58 лет, дер. Лисицыно. В детстве слушала причитания Ирины Федосовой. Записанный от А. Ф. Касьяновой «Плач на могиле мужа» вошел в сб. «Русские плачи Карелии» (№ XV). «По горю и плачу», — сказала А. Ф. при нашем первом знакомстве, потом поведала о своем горе: «Однажды пришли финны и сказали, чтобы сын мой отправился в наряд с подводой. Ладно, думаю, не разбужу, пусть выспится мой Коля. Потом пришли снова. Ну, делать нечего, разбудила сына и стала отправлять. Ни обуви, ни шубенки, а было холодно. Лошадь запряг и уехал. Жду, а его все нет. Потом соседи пришли и сказали, что замерз мой Коля в болоте: лошадь туда завезла. Пошла на болото, гляжу лежит, он скорчился от холода. Там и причитывать стала».

Плач в записи 1944 года имеет вполне конкретный сюжет, соответствующий прозаическому рассказу о погибшем сыне. Интересно отметить, что при встрече с одним из участников экспедиции (В. Г. Базановым) в 1957 году А. Ф. Касьянова в плаче о сыне не вспомнила тех обстоятельств, при которых погиб ее сын, в частности, совершенно исчезли детали и отдельные описания, связанные с событиями военного времени. Причеть о сыне как бы снова вернулась к прежней традиционной форме, к сравнительно нейтральной поэтике. Это очень важно для понимания судеб причитаний записи 1944 года. Образы и мотивы, вызванные тяжелыми переживаниями в фашистской неволе, постепенно стираются и потухают в памяти воплеиц. Приводим плач о сыне А. Ф. Касьяновой в записи 1957 года:

Мне-ко сесть было на брусову белу лавочку,
 Как ко этой ко умершей ко постелюшке,
 Как ко этому складному сголовицу,
 Как ко миленькой скаченой жемчужинке,
 Будить стану тебя, сердечно мило дитятко:
 Ты уж стань-восстань, скаченная жемчужинка,
 Как со этой со брусовой белой лавочки,
 Как со этой со постелюшки умершей.
 Уж истоплена кирпична бела печенька,
 10 Состряпана стряпня да суетливая,
 Согреты самоварчики шумячие,
 Наливать будем чашечки горячие,
 Принакрыты столы новодубовые,
 Убраны скатерти тонкобранные,
 Поставлены закусокки сахарные,
 Поставлены бутылочки с зеленым вином,
 Вся в собраньице любимая народушка,
 Ждут тебя, сердечно мое дитятко,
 Не первый раз садится, а последний.
 20 Еще слухай-ко, сердечно мое дитятко,
 Как у твоего жалостливого у дядюшки
 Сделано тебе там хоромное строеньице,
 Во вторые гнездышко уютное.
 Уж ты встань-восстань, сердечно мое дитятко,
 Обсмотрим дом — хоромное строеньице.
 А уж мне, бедной горюхе горегорькой,
 Не по разуму твое гнездышко уютное,
 Что не навешены двери ходовые,
 И не поставлены столы новодубовые,
 30 И не внесены лавочки брусовые,
 Не прорублены косивчаты окошечки,
 Не сядешь на брусову белу лавочку
 И не посмотришь во косивчато окошечко,
 И не выйдешь на путь-широкую дороженьку,
 И не посмотришь на родиму на сторонушку,
 И не встретишь меня, горюхи-горегорькой,
 И не примешь меня во любимое гостибице.

(Вот и всё. Разозлишься да возвопишься и прикончишь)

34. **К а ш и н а** Мария Николаевна, 40 лет, дер. Сафроновская. Была выслана захватчиками в дер. Пурино. Вернувшись в родную деревню, она увидела свой дом без окон и дверей. Все было разграблено. Тогда М. Н. пошла на кладбище и там, на могиле отца, высказала свое горе в форме традиционной причети-сетования. Муж был на фронте, от него тогда не получала известий.

35. **К о с т и н а** Елена Васильевна, 46 лет, дер. Хашозеро. Муж был на фронте. Воспитывала шестилетнего сына. Во время оккупации выселялась из своей деревни. Дом сгорел. Традиционный плач на могиле умершего мужа приспособлен для выражения чувств, явившихся в результате тяжелой жизни в фашистском плену: растерянная семья, разрушенный дом, «недорослое дитятко». Плакала на кладбище.

36. **К о т о в а** Анна Петровна, 43 лет, дер. Шильта.

37—38. **К о ч и н а** Александра Федоровна, 50 лет, дер. Полежаево. Встретилась в поле, где она работала вместе с другими колхозницами. А. Ф. рассказала тяжелую повесть о своей жизни. Захватчики отобрали у нее корову, теленка, барана, семью разбросали по лагерям. Дочь сослали в кондопожские

лагеря, а мать в медвежегорские. Тринадцатилетний сын был оставлен в деревне на произвол судьбы. «Жили мы в лагерях в такой глущи, что ни одна ворона не каркнула. Тоска заберет, сядешь ночью к окну, — рассказывала Александра Федоровна, — положишь руку под щеку и причитываешь. Река бежала под окном, как эта почтовая дорога, думала часто, что вот пойду и брошусь в реку. Без ветра там высохли, и без солнца завяли. А потом поду-маешь, может быть, и переживу, кого-нибудь из своих увижу. Так вот и дожила». Прежде чем начать причет, она сказала: «Горе учило причитывать, три года пугалась на чужой стороне, так и причитывать научилась». Плач был записан в поле во время обеденного перерыва. В нем вопленица рассказала о том, как увезли «за лесушки за темные», о тоске по сыну, о письме, которое она сложила в своей голове, когда тосковала по растерянной семье.

39—40. Крупина Анастасия Евстигнеевна, 55 лет, дер. Кузьмина Гора. Деревни Кузьмина Гора осенью 1944 года не существовало, она дотла была разрушена захватчиками. Жила А. Е. Крупина в дер. Харловке, у нее четверо детей и слепой муж. Во время оккупации Заонежья сын ее был в лагерях в Кондопоге. Мать переживала разлуку и плакала о сыне: «Работа была непосильная, да и стегали их». Сразу же после освобождения Заонежья сын пошел на фронт.

41. Крюкова Федосья Михайловна, 50 лет, дер. Петрово. «Этак я вопила недавно у матери на могиле» — сказала вопленица, прежде чем начать свой причет. В плаче вспоминается брат, погибший в империалистическую войну 1914 года.

42—43. Куванина Офимья Ильинична, 57 лет, дер. Онтово. Долгое время не имела известия от сына-фронтовика. Отсюда плач по сыну: мать идет к «Онегушку страховитому» и там на берегу озера находит погибшего сына. В действительности же сын был жив и приехал в Заонежье. О. И. Куванина встретила сына причетью, в которой рассказала о своей материнской кручине. Вопленица удачно использовала мотив о птичке, принесшей на этот раз радостную вест.

44—47. Куканова Мария Федоровна, 57 лет, дер. Александровка. В первые дни Отечественной войны проводила своих сыновей на войну с немецкими захватчиками. Но фронте три сына; один погиб в борьбе за родину. Провожала сыновей с причетью и с причетью встретила похоронное известие. В годы оккупации Заонежья была выселена из родной деревни. Временно прекратилась переписка с сыновьями-фронтовиками. В плаче говорится о материнской кручине, о тяжелой жизни в оккупации. Первый плач (№ 44) имеет традиционный характер, хотя и не лишен автобиографических моментов.

48. Кулатова Мария Ивановна, 59 лет, дер. Харловка. Во время оккупации привлекалась за связь с партизанами. Встретив партизан в лесу, Мария Ивановна истопила для них баню, снабдила на дорогу хлебом и картошкой, партизаны благодарили мать-старуху и снова отправились в поход. Вскоре старушка из Харловки была арестована и посажена за колючую проволоку. Вместо обычного плача о своей жизни от М. И. Кулатовой мы записали своеобразный рассказ о встрече с партизанами. Субъективно вопленица понимала свой рассказ как причет. Сознание ее настолько сроднилось с причетью, что даже тогда, когда в ней не было прямой необходимости, она свои чувства выражала в форме своеобразного плача о пережитом. При чем не рассказывала, а именно приговлашивала эту маленькую повесть о своей жизни, когда встретилась с дочерью, вернувшейся в освобожденное Заонежье.

49—50. Куликова Евдокия Андреевна, 54 года. Хашозеро. В записи А. В. Беловановой. Была выселена в дер. Мязозеро. После освобождения Заонежья возвратилась в родную деревню, но там не нашла ни своего дома, ни «дворовой скотинушки». Осенью 1944 года Е. А. Куликова в деревне Хашозеро жила в чужом доме. В годы оккупации, несмотря на официальные запрещения и преследования, она часто ходила на кладбище и там причитывала.

тывала. Записанные от нее традиционные плачи по матери и по сыну включают мотивы, связанные с воспоминаниями о жизни в фашистской неволе.

51. Курочкина Степанида Степановна, 55 лет, дер. Зародницы.

52. Макарова Наталья Васильевна, 68 лет, дер. Кузаранда. Встретилась в дер. Ламбасручей, куда она была выслана захватчиками. В плаче рассказывает о скитаниях по чужим подворьям. Дом в Кузаранде разрушен. От сына-фронтовика не было известий.

53. Мишина Аксинья Макаровна, 56 лет, дер. Царево. Высылалась из родной деревни, об этом и говорится в ее плаче.

54. Мошкина Александра Ивановна, 67 лет, дер. Скурино. Два плача по мужу вошли в сборник «Русские плачи Карелии» (№ XXV). Осенью 1944 года оплакивала свое разрушенное «хоромное строеньеце». Одновременно она в своем плаче рассказала о дочери и внучатах, которые эвакуировались из Заонежья осенью 1941 года и были обстреляны вражеской авиацией. Александра Ивановна не знала об их судьбе и думала, что они погибли. В сентябре 1944 года в освобожденном Заонежье состоялась счастливая встреча. Вернулись дочь и ее дети. Один из внуков прислал с фронта старушке письмо. Горечь пережитого и радость настоящего объединились в один плач-сказ.

55. Мухина Анна Трофимовна, 60 лет, дер. Кузаранда. О А. Т. Мухиной и ее дочери Тане, расстрелянной фашистами см. во вступительной статье к сборнику, стр. 24.

Летом 1957 года один из участников экспедиции (В. Г. Базанов) при посещении Заонежья в дер. Мезино встретился с Ириной Григорьевной Мухиной (44 года), женой брата Тани. Она рассказала, что родственники часто посещают могилу Тани. От нее был записан следующий плач по Тане:

Как привезли-то мы сестричешку родимую
Как во это во хоромное строеньеце,
Ничего-то она нам да не сказала.
Не пригобуила да племяток любимых

(Она моих ребят любила)

Что во этом во хоромном строеньеце
Собралось народу полна комната,
Всем нам жалко нашу Тасеньку любимую,
Порушили ее тут да звери супостатые,
Они пытками ее да все пытали,
10 С автомата белы груди расстреляли.
Ты послушай-ко, сестричушка родимое,
Тут остались ведь родители-то старые,
Кто кормить-то их до старости ведь станет,
Светушки-братцы ведь в армии,
Хоть и есть у тя сестричушка,
Окружили ее да малы детушки,
Но послухай-ко, любима наша Тасенька,
Не забудем мы тебя до смерти,
Отомстим врагам да супостатым.
20 Как узнают тут братцы да все родимые,
Отомстят врагу да окаянному.

(Тут и все плакали. Давно было, нынче не помню)

56. Назарьева Наталья Васильевна, 69 лет, дер. Потаповская. Выслалась в лагерь для престарелых. Причитывала на могиле матери.

57. Насонова Матрена Васильевна, 75 лет, с. Великая Губа.

58. Новожилова Александра Антиповна, 43 года, дер. Поля.

59. Новожилова Евдокия Федоровна, 44 года, дер. Поля. Сын и дочь при захватчиках находились в лагерях. После освобождения Заонежья сын ушел добровольцем в армию, чтобы «помочь родителю своему татеньке», т. е. отцу-фронтовику.

60—61. Осова Дарья Ивановна, 68 лет, дер. Ильмичевцы. Два сына сражались на фронте: один погиб, другой жив и собирается приехать в отпуск в Заонежье. Сама Д. И. Осова оставалась в оккупированном Заонежье и полтора года при захватчиках пробыла в петрозаводском лагере № 7. «Когда сказали, что Красная Армия идет, все глазашки крестили», — говорила она. При первой же возможности поехала в родную деревню. В Ильмичевцах было 25 домов, из них двадцать разрушено. Не нашла своего дома и Дарья Ивановна: «Пришла к тому месту, где стояло хоромное строеньеце, села на куче бровешко, вспомнила горе, как скиталась по лагерям, вспомнила о хоромине и завопила».

62. Павлова Ирина Никитична, 47 лет, дер. Батово. У нее семь детей, трое из них оставались в оккупированной зоне Заонежья. За годы неволи умер муж, захватчики разрушили дом и отобрали корову. Старшая дочь была в Петрозаводске и три года не видела мать. В сентябре 1944 года дочь приехала в освобожденное Заонежье. Радостная встреча сопровождалась слезами и причетью. В плаче при встрече с дочерью И. Н. Павлова кратко рассказала о пережитом за годы разлуки.

63—64. Панова Анастасия Михайловна, 80 лет, дер. Падмозеро. «У бабушки горя-то три моря», — сказала она, прежде чем начать причеть. Во время оккупации ее выселили из дома. В образах традиционной причети выражено личное горе: «прирастрепано хоромное строеньеце».

65. Порожская Анна Егоровна, 77 лет, дер. Пороги. Внук ее отправлен захватчиками в лагерь. По этому поводу она и плакала, посещая могилу мужа. После освобождения Заонежья внук пошел добровольцем на фронт. Старушка часто вспоминала своего любимого внука и с нетерпением ждала его возвращения.

66—67. Пудина Анна Павловна, 55 лет, дер. Петрово. Десять лет тому назад оплакивала умершего мужа. Один из немногих случаев, когда в традиционную похоронную причеть не входят новые мотивы, связанные с воспоминанием о жизни в фашистской неволе. Плачи А. П. Пудиной состоят из традиционных форм и общих мест.

68. Романова Анна Дмитриевна, 45 лет, дер. Кривоногово. За связь с партизанами была посажена в Киндасовскую тюрьму, где провела год и семь месяцев. О себе говорила: «Ничего помнить не стала, память у меня всю злодеи вышибли». «В Киндасовской тюрьме в это время находилось до трехсот человек. Люди размещались скученно, в камерах всегда была непролазная грязь и невыносимое зловоние. Камеры кишели клопами и вшами. Кормили очень плохо, а работать заставляли на лесозаготовках по 10—12 часов в сутки. Если человек был сегодня болен, то с этим не считались и выгоняли на работу... Издевательство и избивание заключенных были любимым занятием всей охраны тюрьмы. Не проходило дня, чтобы кого-нибудь не били». (См. «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР. Сборник документов и материалов», 1945, стр. 137—138).

69. Ряскина Анна Андреевна, 40 лет, дер. Харловка. Вместе с М. И. Кулатовой (№ 48) привлекалась за связь с партизанами. Малолетние ребятишки были оставлены на попечение старшего шестнадцатилетнего сына, которому посвящен плач. Позже и сына захватчики отправили в лагерь. С плачем А. А. Ряскина входила в свою деревню после освобождения из лагерей.

70. Ряскина Анна Федоровна, 59 лет, дер. Андреевка. Три сына сражались с немецкими захватчиками. Осенью 1944 года провозжала на фронт четвертого сына, освобожденного Советской Армией из фашистской неволи.

Сама А. Ф. Ряскина в годы оккупации жила в дер. Андреевке с десятилетней дочерью.

71—73. Санникова Елена Федоровна, 62 года, дер. Ильмичевцы. См. вступительную статью, стр. 24—26.

74. Сидоркова Ирина Яковлевна, 63 года, дер. Палтега. Плач основан на действительном факте. Из Ленинграда летом 1941 года в Заонежье приехала пятилетняя внучка Нэлли. Мать и отец этой девочки работали на одном из ленинградских заводов. Началась война. Нэлли осталась с бабушкой во временно оккупированном Заонежье, а родители ее с оружием в руках защищали родной Ленинград. Бабушка бережно хранила свою внучку, воспитывала и кормила ее, делясь последним куском хлеба. Как только Заонежье было освобождено, в Палтегу приехал отец Нэлли, майор Советской Армии, Нэлли простилась с бабушкой и уехала в Ленинград, где ее ждала мать. И. Я. Сидоркова в форме традиционного обращения к умершей сестре рассказывает о внучке («белой лебедушке»), которую она воспитывала в тяжелые годы оккупации, а также о «любимом племятке», приехавшем за дочерью из Ленинграда.

75. Силкина Александра Федоровна, 79 лет, дер. Погост. Слепая старушка. Мать ее умерла сорок лет тому назад, до сих пор А. Ф. ходит на кладбище и причитывает.

76—77. Скорнякова Елена Трофимовна, 49 лет, с. Воронинское. В свое время была подголосицей. От нее записаны свадебные причитания. Три сына на фронте. Единственная дочь была угнана захватчиками в Финляндию. Плакала о растерянной семье.

78—82. Стафейкова Авдотья Федоровна, 56 лет, дер. Лисицино. Живет в деревне, где родилась и выросла Ирина Федосова. Замуж вышла семнадцатилетней, на свадьбе оплакивала свою молодость, а потом оплакивала невест, была подголосицей. Записанные от нее свадебные причитания в этом сборнике не публикуются. Любит свои плачи и старается перенять от других воплениц. Принадлежит к числу тех талантливых сказительниц, которые легко импровизируют и создают на основе традиционной поэтики причитаний своеобразные сказы.

В годы оккупации Заонежья А. Ф. Стафейкова пережила много горя и обиды. Из родной деревни она была выселена и скиталась по чужим углам. Сын ее взорвался на вражеских минах. Вместе с сестрой, Анной Федоровной Стафейковой (№ 83), она ходила в Тамбицы, где погибли три кузарандских мальчика, и там причитывала.

При посещении Заонежья в 1945 и 1957 гг. были произведены повторные записи. При встрече в 1957 году Авдотья Федоровна сама попросила непременно записать еще раз плач о сыне, погибшем от мины. Повторная запись свидетельствует о значительном сокращении прежнего текста и потухании самой традиции причитаний.

83. Стафейкова Анна Федоровна, 63 года, дер. Лисицино. Старшая сестра Авдотьи Федоровны Стафейковой. О себе говорила: «Раньше не плакала, за три года научилась, сына потеряла, из деревни выгнали, вот и причитала». Сын Анны Федоровны погиб вместе с Васей Стафейковым и Петей Федосовым в Тамбицах. Каждое утро ходила она на почтовую дорогу: «все рычала, оплакивала своего сыночка».

84. Тифакина Анастасия Петровна, 57 лет, дер. Типиницы. Выселялась из своей деревни. «Вернулась, так и дома своего не видела, все приломано, скотина приотнята, живу в чужом доме», говорила она. Четыре сына сражались против фашистских захватчиков.

85. Тихонова Агафья Андреевна, 57 лет, дер. Тязвизя.

86. Тихонова Анна Лукинична, 35 лет, дер. Тязвизя. Воспитывала пятерых детей. Фашисты отобрали у нее корову, двух овец и теленка. Осенью 1944 года проводила своего старшего сына на фронт. В первой части плач-сказа говорится о жизни в оккупации и запущенных полях. Во второй — со-

держится мотив посылки письма мужу-фронтовику из освобожденного Заонежья. Записывали в поле, где А. Л. Тихонова работала вместе с другими колхозницами, вернувшимися в родную деревню из фашистских лагерей.

87. Трошкова Ольга Михайловна, 56 лет, дер. Поля. Вместе с сыном была отправлена в лагерь. При отступлении из Заонежья пытались ее сына увезти в Финляндию, но он бежал из-под конвоя, скрывался в лесу. Сразу же после освобождения Заонежья пошел служить в Советскую Армию. Осенью 1944 года мать получила письмо о зачислении его в пулеметную школу.

88. Трофимова Анастасия Андреевна, 51 год, дер. Воробьи. Выселялась захватчиками в лагерь. Три сына сражались на фронтах Отечественной войны.

89. Устинова Анна Васильевна, 40 лет, дер. Гапнаволоок. В годы оккупации Заонежья захватчики выгнали ее из «хоромого строеньица» и отобрали корову. «Все поломано, — говорила она, — да все похрястано». Ее шестнадцатилетний сын взорвался на вражеской мине. А. В. Устинова хорошо знает похоронные и свадебные плачи, но осенью 1944 года оплакивала только свое недавнее горе.

90—94. Шамшина Наталья Егоровна, 65 лет, дер. Долгая Нива. Детей было двенадцать человек. Три сына сражались на фронтах Отечественной войны. Прежде оплакивала сына, погибшего на войне 1939 года. Во время записи все время посматривала на мужа, так как «муж не любил бабьих глупостей». Вспоминая жизнь в оккупации, вопленица сказала: «Все прибито да разбито, как осиново корыто». От нее записан плач (№ 92) о А. Д. Романовой и ее детях (см. № 68).

95—97. Шаторина Александра Ивановна, 60 лет, дер. Рогатовщина. Встретилась в одном из стандартных барачных лагеря № 1 на Кукровке в Петрозаводске. В этом бараке содержались престарелые женщины из Заонежья. Среди них были памятные старушки, прекрасные знатоки старинных свадебных и похоронных причитаний. Освобожденные из фашистского плена, они ждали скорейшего возвращения в Заонежье. Вспомнив о пережитом, А. И. Шаторина опустила свою голову на ладонь правой руки и в уютном бараке, уставленном деревянными топчанами, напоминавшими нары, протяжно завопила. Это был первый плач (№ 97), который участники экспедиции записали в обстановке самого лагеря, сразу же после освобождения Петрозаводска от немецко-финских захватчиков. Тогда же были записаны от нее традиционные плачи по дочке и по сыну.

98—99. Шлыкова Степанида Матвеевна, 65 лет, дер. Тамбицы. Имела шестерых детей и все они умерли. Осталась совершенно одинокой. Во время оккупации содержалась в лагерях престарелых. «Было страсти в лагерях, — вспоминала она, — и плетью бывало потчевали». Ее дом оказался разрушенным.

100—101. Филина Матрена Григорьевна, 73 года, дер. Курьеницы. Три года провела за колючей проволокой фашистских лагерей. Вернулась в Заонежье в сентябре 1944 года. Три сына сражались против немецких захватчиков, двое из них демобилизованы и живут в дер. Курьеницы, восстанавливают разрушенный колхоз.

102. Филькина Анна Игнатьевна, 70 лет, дер. Тамбицы. Вместе с дочерью, Марией Филькиной (см. № 103), выселалась из родной деревни. Вернулись к пустому месту. Временно проживала у Ф. М. Алешиной (см. № 5—6). Из уст воплениц, матери и дочери, одновременно оплакивавших свое разрушенное «хоромое строеньице», возникли вполне оригинальные плачи: в них рассказывается о возвращении на родину, о встрече в пути с «кручи-нушкой» и «обидушкой», о разрушенном доме, об умершем «родителе-гаченьке», и о сыне-брате, который сложил «буйну голову» на поле брани. Но М. Филькина говорит не только об обиде и кручине, но и просит свою престарелую мать успокоиться, не лить горючих слез, позабыть тоску-кручину.

103. **Филькина Мария Яковлевна**, 30 лет, дер. Тамбицы. См. прим. к № 102.

104. **Якушкина Аксинья Ивановна**, 66 лет, дер. Никитинская. Выслалась из родной деревни, дом разрушен. Плакала, глядя на развалины своего дома.

105—109. **Ярицина Александра Петровна**, 58 лет, дер. Шибановское. Каждый плач имеет автобиографический характер. Часто плакала по первому мужу, по матери, особенно по детям. В 1932 году умерла единственная дочь. Три сына на фронте, один убит, а от двух долгое время не получала известий. Собиралась с причетью встречать сыновей при возвращении домой. В оккупации перенесла много горя.

110—112. **Ярицина Прасковья Ивановна**, 58 лет, дер. Пабережье. В записи А. В. Беловановой. Одинокая старушка, брат на фронте, сестра — в Ленинградской области. Рассказывает о тоске по брату и сестре, говорит о разрушенном «хоромном строеньице». Во время пребывания экспедиции в Заонежье была нездорова, но очень желала, чтобы плачи ее были записаны. В собственноручной записи она послала свои причитания сразу же после того, когда экспедиция вернулась из Заонежья в Петрозаводск.

113—114. **Завьялова Анна Яковлевна**, 66 лет, дер. Гарницы. Записи производились при посещении Заонежья в 1957 году. Хорошо помнит Трофима Григорьевича и Ивана Герасимовича Рябининых. О последнем сказала: «В двенадцати державах был». В западной Гарнице, где когда-то стоял дом Рябининых, осталось из 13 домов всего 5. Дом Рябининых не сохранился. Муж А. Я. Завьяловой, Федор Константинович Завьялов, в семидесятитрехлетнем возрасте умер незадолго до нашего приезда в Гарницы. Он знал былины, с ним ушел последний былинщик Заонежья, хранитель традиций Рябининых. От А. Я. Завьяловой записано два плача: по мужу и по сыну. Сын, участник Отечественной войны, директор Кижской школы, умер в 1953 году. Охотно согласилась исполнить плачи: «будто не причитывала, причитывала!» Записанный от нее плач свидетельствует об умирании и этого жанра традиционного фольклора.

III. ПУДОЖ

Записи 1945 г.

1. **Агеева Наталья Егоровна**, 62 года, дер. Лядина. Дочь А. А. Бездельниковой, см. № 5. Три сына в армии. Один из них был в партизанском отряде, действовавшем в Заонежье. Последняя встреча матери с сыном была в дер. Милентевой. Во время боя был тяжело ранен. От ранения скончался.

2. **Андрианова Прасковья Федоровна**, 54 года, дер. Гагарка. С причетью провожала сына на фронт.

3. **Башкирова Екатерина Алексеевна**, 40 лет, дер. Гутар-Наволок. Традиционный похоронный плач. В записи А. В. Беловановой.

4. **Баянная Александра Прокопьевна**, 67 лет, дер. Каршево. Сын участник Отечественной войны. Во фронтовой газете была помещена заметка, в которой говорилось, что гвардии сержант Николай Баянный неоднократно проявлял в бою мужество и стойкость. Награжден многими орденами и медалями.

5. **Бездельникова Авдотья Алексеевна**, 81 год, дер. Лядина. Плакала в думе дочери о внуках, пропавших без вести. См. № 1.

В Пудожском крае зафиксирован ряд случаев, когда по одному и тому же лицу одновременно приголашивали несколько воплениц: бабушка, мать и сестра. Одна из воплениц начинает обычно причет, а другие невольно присоединяются к ней. В результате получается «хоровой» плач, плач в несколько

голосов, скрепленный одной и той же темой повествования. В дер. Лядина (Авдеево) в семье Бездельниковых записано несколько плачей о сыновьях и внуках. У восьмидесятилетней Авдотьи Алексеевны семеро внуков сражались на фронте. Каждого из них старушка провожала с причетью. Почти каждое воскресенье эта вопленица заходила на кладбище и там начинала свою традиционную похоронную причеть. Вдоволь поплавав на могиле, на обратном пути Авдотья Алексеевна обычно заходила к своей замужней дочери и в ее избе продолжала причитывать. Не могла сдержаться и Наталья Егоровна Агеева — мать фронтовиков, — и также начинала причитывать.

6—8. Болотова Елена Гавриловна, 43 года, дер. Климово. Муж на фронте с первых дней войны. Старший сын тоже на фронте. На руках осталось восемь человек детей. От мужа долгое время не получала известий. Встречала с причетью брата мужа, см. № 8.

9. Бычкова Дарья Филипповна, 68 лет, дер. Водла. Традиционный похоронный плач. В записи А. В. Беловановой.

10. Бычкова Ирина Николаевна, 58 лет, дер. Бочарово. Традиционный похоронный плач.

11. Вахрамеева Ирина Яковлевна, 72 года, дер. Пильмасозеро. В пятилетнем возрасте осталась сиротой. Часто посещает могилу матери.

12. Громова Мария Ивановна, 79 лет, дер. Октябрьская. Традиционный похоронный плач.

13. Егорова Степанида Яковлевна, 53 года, дер. Малая Пога. Сын-пограничник погиб в первые дни войны. Сюжет плача связан с суеверным отношением к сновидению. В Водлозере до сих пор некоторые старики утверждают, что если во сне приснится мертвая рыба, например налим, то обязательно перед плохой вестью, а если тянешь сети с живой рыбой и крупной — это непременно к радости. Горох и пшено — к слезам, деньги — получишь весть и т. д. Особенно большой популярностью пользуется примета, связанная с появлением перелетных птиц. Появление птицы на подоконнике означает получение скорого известия. Сорока может принести и хорошую и плохую весть; дятел прилетает обычно только к плохой вести. Если ворон кружится над избой и каркает — значит, будет какое-то несчастье. Ворон для водлозер — вещая птица. Старики охотно рассказывали предания и легенды, в которые они и сами мало верили. Правда, о водянике рассказывали вполне серьезно. Восьмидесятилетний Дмитрий Захарович Карпин уверял нас, что в Пегострове «добыли водяника». «Кожа у него черная. В невод попал. Верно, захотел попасть, а так бы и не поймать его. Когда в гору понесли, то он и говорит: „Нет! Нет! Нет!“, а к воде понесли, так он говорит: „Да! Да! Да!“ Значит, люблю ему было». О поимке водяника рассказывал в Пильмасозере шестидесятилетний Михаил Васильевич Парамонов. Судя по его рассказу, водяник, когда его поймали и понесли в деревню, назвал себя «Митькой». В Коскосадме нам показали Железные ворота, известные по описанию В. Харузиной в книге «На Севере» (М., 1890, стр. 95—96). В этих воротах водяник якобы схватил мужика с лошастью и стал топить: «Лошадь вышла, а мужика вода приняла». Акулина Кузьминична Устинова из Загорья рассказывала, как о действительно факте, что в Падуе во время сплавных работ водяник выходил из воды, садился на бревно и умывался. Судя по местным преданиям, водяник живет около мельницы на устье (Чуяла, Вама); особенно часто он появляется в Железных воротах близ Коскосалмы. Встретить водяника — плохая примета. Среди водлозер существуют и другие суеверия. Так, например, увидеть во сне Рагнозеро, да еще если в Рагнозере угощали, значит, будет большая радость. Само название Рагнозеро водлозеры производят от слова «радость». И, наоборот, видеть во сне Охтамостров означает несчастье, беду или убыток в хозяйстве, поскольку название «Охтамостров» по местным повериям происходит от слова «наохаешься». Наименование «Чуяла» — от слова «чудо», и видеть это селение во сне предвещает какое-либо чудо или невероятное событие.

Степанида Яковлевна рассказывала о своем сновидении: «Будто туча стала подниматься большая, большая, темная такая, с громом и молнией» и т. д. См. вступительную статью, стр. 30—31. В прямой зависимости от этого сновидения находится плач, в частности образ тучи:

Мне худые сны казались:
Как наставала туча темная
и т. д.

14. Ерохова Василиса Ивановна, 56 лет, дер. Ковасалма. Традиционный похоронный плач. Муж умер в 1941 году. Знает свадебную причетъ.

15. Ефремова Мария Васильевна, 54 года, дер. Ижгора. Три сына в армии. Всех сыновей провожала на одной неделе. После смерти сына-летчика получила из части его шинель и сапоги. Чтобы сын показался во сне, мать часто покрывается шинелью. От младшего сына давно не получала писем.

16. Захарова Настя, 12 лет, дер. Большая Пога. См. статью, стр. 32.

17—20. Калинцева Татьяна Григорьевна, 63 года, дер. Нишуково. Во всех записанных плачах речь идет о племянниках: при проходах на фронт, при посещении могилы умершей сестры, сын которой не мог приехать на похороны матери, при получении похоронного извещения о гибели одного из племянников на войне.

21. Кережина Александра Григорьевна, 52 года, дер. Теробовская. Провожала сына. См. вступительную статью, 33—34.

22. Козина Анна Николаевна, 58 лет, дер. Алексеевская. Сын был тяжело ранен во время боя, подобран санитарями и отправлен в госпиталь. Последние десять строк навеяны окончанием Отечественной войны.

23. Козина Офимья Ивановна, 61 год, дер. Алексеевская. Два сына сражались против захватчиков: один погиб в партизанском отряде, другой прошел героический путь до Берлина и собрался домой на побывку. На ее плач ссылается И. К. Ремизов, см. прим. к № 65.

24—25. Кокунова Евдокия Алексеевна, 67 лет, дер. Колово. Четыре сына на фронте. Провожала с причетью и плакала о погибшем сыне при получении похоронной повестки. Известна по сб. «Русские плачи Карелии»: плач-сказ о В. И. Ленине (№ 66) и сказ о гибели дирижабля (№ 100).

26. Колесова Прасковья Захаровна, 65 лет, дер. Якушево. Семь сыновей в армии. На фронте была дочь. Ждала одного из сыновей и к встрече приготовила причетъ. Старушка жила с невесткой и маленьким внуком. О внуке и идет речь в концевых стихах.

27. Колынина Евдокия Петровна, 58 лет, дер. Черново. На фронте воевали два сына. Один из них погиб. От второго не было долгое время известий. «Писемышко веселое» — полученное письмо от сына. Сын писал, что находится в госпитале на излечении и обещал приехать домой на побывку.

28. Корешкова Анна Николаевна, 57 лет, с. Песчаное. Плач по мужу, погибшему в годы Гражданской войны (в записи В. В. Чистова), входит в сб. «Русские плачи Карелии», № 37; здесь же опубликован плач по В. И. Ленину (№ 70). Ошибочно в оглавлении: А. И. Корешкова. Во время войны Песчаное находилось в 12 километрах от линии фронта. Фашистские захватчики обстреливали из дальнобойных орудий и несколько раз бомбили деревню. Много разрушено домов, имелись жертвы. Колхозники эвакуировались в глубь района, но потом снова вернулись в Песчаное. Ни на один день они не переставали работать на колхозных полях. Об этом и говорится в причети. У Анны Николаевны на фронте два сына. Оба живы. В своем плаче она и говорит от лица всей деревни о сыновьях-воинах. Ее причетъ можно назвать небольшой повестью. Колхозники с. Песчаное рассказывали в газете «Ленинское знамя» о своей жизни: «Жили мы до Великой Отечественной войны счастливой, зажиточной жизнью. Село наше Песчаное расположено на берегу Онежского озера — большое благоустроенное село. Вокруг

него на несколько километров раскинулись поля, луга и пастбища. В колхозе было три животноводческих фермы — молочно-товарная, свиноводческая и овцеводческая. Было у колхоза более ста лошадей.

Были у нас школа, клуб, изба-читальня, медицинский, ветеринарный пункты, детские учреждения.

Разразилась война. В первые дни войны 120 мужчин колхозников ушли в Красную Армию. Коварный враг — немецко-фашистские захватчики — подползали к самому селу Песчаное. Пятнадцатикилометровая полоса Онежского озера отделяла нас от деревень, оккупированных врагом.

Почти три года обстреливали наше село захватчики. Много раз подвергалось оно бомбежке с воздуха. Были и такие случаи, как 22 марта 1944 года, когда 24 вражеских самолета-бомбардировщика сбросили на село 300 фугасных и зажигательных бомб. Много пережило наше село, наши люди. . . За годы войны нам пришлось два раза эвакуироваться в глубь страны района, два раза возвращаться обратно. Крепко держались мы за свою землю, начеку закрепленную за колхозом.

Последний раз вернулись в свой колхоз в октябре 1943 года. Враг еще нависал над нашим селом. Продолжались налеты с воздуха. В июне 1944 года Красная Армия мощным ударом отбросила врага.

Наступил 1945 год. Своевременно подготовились и в сжатые сроки провели весенний сев. Все — и старые и молодые колхозники трудились на полях.

С большой радостью встретили все наши колхозники закон о демобилизации из Красной Армии. Мы готовим им достойную встречу. Несмотря на трудности, на недостатки рабочей силы, мы нашли возможность выделить звено стариков для ремонта жилья возвращающихся бойцов Красной Армии. Заботимся о семьях воинов, погибших в боях за отечество. Сейчас отремонтировано 24 дома, семьям военнослужащих мы отчисляем один процент от общего валового сбора зерна, овощей, картофеля. Горячие дни в нашем колхозе. Но чем больше дел, тем сильнее наш напор в труде» («Ленинское знамя», 1945, от июля 28).

В сказе А. М. Корешковой содержатся те же факты, те же переживания и думы колхозников, которые мы видим в приведенном выше письме, хотя сказ создавался независимо от газетного материала.

29. Кузнецова Елена Михайловна, 65 лет, дер. Остров. Сын погиб на фронте, воспитывает внуку.

30—31. Кузнецова Ирина Дмитриевна, 60 лет, дер. Остров. Четыре сына на фронте. Одного из сыновей ждала на побывку. Сын после ранения находился на излечении в госпитале. К встрече с сыном и был подготовлен плач (№ 31).

32. Кузнецова Мария Федоровна, 58 лет, дер. Остров. Провожала сына.

33. Кузнецова Хавронья Васильевна, 75 лет, дер. Маткажа. Причитывала при получении похоронного извещения о сыне.

34. Ланева Варвара Федоровна, 72 года, дер. Каршево. Причитывает на могиле дочери.

35—37. Лебедева Мария Петровна, 30 лет, дер. Большая Пога. Провожала и встречала мужа с причетью. Муж — Лебедев Михаил Осипович — был пулеметчиком, сражался на Карельском фронте, одним из первых вошел в Петрозаводск. 13 июля 1944 года был тяжело ранен осколком снаряда. Часто выходила на дорогу и приплакивала в ожидании мужа.

38—39. Левина Евдокия Александровна, 50 лет, дер. Большая Пога. Провожала сына с причетью и плакала при получении похоронного извещения.

40. Леонтьева Парасковья Ивановна, 50 лет, дер. Гумар-Наволоок. В записи А. В. Беловановой.

41. Лукина Ирина Михайловна, 51 год, дер. Гумар-Наволоок. В записи А. В. Беловановой.

42. Малашова Анастасия Ивановна, 70 лет, дер. Кичаково.

43—47. Меньшикова Агафья Абрамовна, 47 лет, дер. Климово. Провожала на фронт мужа и сына. В плаче при получении похоронного извещения (№ 45) рассказывает о том, как вызвали в райвоенкомат, где вручили ордена мужа и наградное удостоверение, которое было смочено кровью воина. Причитывала в пути из Пудожа в деревню и у себя дома. С плачем встречала зятя, вернувшегося по демобилизации. Готовилась встречать сына-краснофлотца. Агафья Абрамовна рассказывала, что женщины часто просили ее поучить причитывать: «Вчера, когда шли с покоса, бабы просили: „Ганя, поучи причитывать, скорее, может, наши мужики придут с войны“».

48. Минаева Прасковья Ивановна, 62 года, дер. Малая Пога.

49. Миронова Екатерина Егоровна, 42 года, дер. Малая Пога. Плакала о муже, пропавшем без вести.

50. Мишина Татьяна Григорьевна, 77 лет, дер. Ларюшина. Традиционный похоронный плач.

51—54. Мошникова Екатерина Спиридоновна, 56 лет, дер. Рахкола. Провожала мужа и сына. Все ее плачи могут служить примером механического приспособления традиционных форм к новым обстоятельствам.

55. Никонова Татьяна Никитична, 71 год, дер. Харлово. Постоянно вспоминает об умершей племяннице, муж племянницы погиб на фронте. Воспитывает внука.

56—57. Онтохина Мария Романовна, 70 лет, дер. Гагарка. См. вступительную статью, стр. 32. Готовилась к встрече сына. Отсюда ее второй плач, № 57.

58. Осина Наталья Ивановна, 62 года, дер. Корчагино. Одного из сыновей похоронила во время финской войны 1939 года. Четыре сына сражались на фронтах Отечественной войны.

59. Павкова Анна Алексеевна, 59 лет, дер. Мелентьево. Сын погиб в партизанском отряде, защищая Карелию.

60—61. Павлова Екатерина Ивановна, 57 лет, дер. Новзима. Муж скончался 20 лет тому назад. До сих пор ходит на могилу и причитывает. Так возник и плач о сыне, отъезжающем на фронт.

62. Першина Анна Николаевна, 65 лет, дер. Гора. Многодетная мать. Родила 20, в живых осталось 10 человек детей. Награждена орденом «Материнской Славы» 1-й степени. На фронте было три сына. Один из них погиб — служил во флоте. Знает свадебную причетъ. Мать ее была первой подголосицей в деревне.

63. Потахина Варвара Петровна, 68 лет, дер. Непашинская. При получении похоронного извещения о сыне.

64. Ремизов Иван Кузьмич, 60 лет, дер. Алексеевская. На пороге нас встретил седой, но еще крепкий и бодрый старик. Это был Иван Кузьмич, бобыль, как его зовут в деревне. Грамотный и несомненно одаренный старик с восхищением нам рассказывал о Робинзоне. И сам он — своеобразный Робинзон, собиравшийся всю свою жизнь посмотреть неизвестные ему края, но так и не выбравшийся никуда далее Петрозаводска. Иван Кузьмич знает «старинны» и прекрасно их поет. Особенно он любит былинку об Илье Муромце. Этот еще неизвестный науке сказитель петь былины учился у Н. Прохорова, о котором он вспоминает с восхищением: «Как сядет о праздник, головой покачивает и поет. Голос был хороший. Спевал всякие старинны, и про Илью Муромца и Микулу Селяниновича. Бывало соберется к нему стариков со всей волости и слушают всю ночь». Узнав, что мы пришли записывать от старух причети. Иван Кузьмич сказал, что и Илью Муромца на богатырские подвиги Матрена Тимофеевна провожала с причетью. «Илья Муромец просил у отца благословеньца, а Матрена Тимофеевна в это время причитывала:

Ох ты чадо мое милое,
Дитяtko любимое,

Ты положишь буйну головушку
На полюшке на бранном
Не за денежку не за медную.

А Илья Муромец отвечал ей:

Не сырой ли дуб к земле клонится,
Не листочки ли по земле расстилаются,
Просит сын прощения перед батюшкой:
— Ох, ты гой еси, родитель-батюшка,
Дай ты мне прощение благословеньице,
Дашь ты мне прощеньица — поеду я,
И не дашь ты мне прощеньица — поеду я
Ко тому-то ко городу ко Киеву,
Ко тому ли князю ко Владимиру,
Защищать от врага неверного
Сирот да вдов да малых детушек.

И наши бабы, — продолжал Иван Кузьмич, — третьего дня на поле при-
голашивали. Офимья Ивановна Кузина спела о своих сыновьях:

Отправлено два сынушка,
Два ясных соколика,
На дальнюю сторонушку,
Защищать свою Россиюшку.
Нет ни весточки, ни грамотки
От моих детей любимых,
Верно уложила пуля вражеска
На полюшке на бранном,
Я живу старуха старая
Без своих рождённых детушек.

Сестра Ивана Кузьмича, Матрена Кузьминична в это время суетилась с ухватом у печки, но как только она услышала слова «Нет ни весточки ни грамотки», подошла к нам, села за стол и стала приглашивать свою причеть (см. № 65).

Иван Кузьмич внимательно прослушал причеть своей сестры, два сына которой сражались с немецкими захватчиками, а потом, когда мы закончили запись, он сказал, что знает как нужно приглашивать, но голосом не умеет. «Приглашивать я не буду, — говорил он, — дайте лист бумаги, так я сам напишу свою причеть». Мы, понятно, не могли пропустить такого случая. Иван Кузьмич сидел за столом и шептал что-то про себя, потом писал, снова что-то шептал и снова писал. В результате мы получили плач в собственноручной записи И. К. Ремизова, повествование в котором ведется от лица престарелой матери. Плач И. К. Ремизова представляет собой значительно сокращенный вариант плача-сказа А. Т. Коначковой, опубликованного в 1945 году на страницах петрозаводской газеты «Ленинское знамя». Влияние плача-сказа А. Т. Коначковой мы находим и в других пудожских записях, см., например, Е. А. Левину (№ 39) и А. Н. Корешкову (№ 28).

65. Ремизова А. Е., 60 лет, дер. Алексеевская. Жена умершего в годы Отечественной войны сказителя Н. А. Ремизова (см. «Былины пудожского края». Петрозаводск, 1941, №№ 31—41). Три сына сражались на фронте.

66. Ремизова Матрена Тимофеевна, 63 года, дер. Алексеевская. Родная сестра И. К. Ремизова. Два сына на фронте, от одного из них долгое время не было известий.

67. Родина Пелагея Ивановна, 55 лет, дер. Климовка. Сын-летчик погиб, сражаясь за родину. В письме к матери он писал: «Мама, иду в бой

за родину, если погибну — тебя не оставят». Муж погиб на войне 1939 года. В причети на первом плане — смерть сына-героя.

68. Терентьева Пелагея Евстигнеевна, 76 лет, дер. Загорье. Два сына на фронте. Во время их отсутствия умер муж.

69—70. Терехова Татьяна Михайловна, 35 лет, дер. Ярцево. С первым плачем провожала мужа на империалистическую войну 1914 года. Вторым плач о сыне, участвовавшем в Отечественной войне.

71. Ускова Мария Никитична, 60 лет, дер. Бочалово. Часто посещает могилы умерших братьев, одновременно вспоминает о брате-фронтовике, пропавшем без вести.

72. Фадеева Анастасия Леонтьевна, 63 года, дер. Ижгора. Известна по сб. «Былины пудожского края» (№№ 53—58). Во время нашего посещения была поглощена исключительно переживаниями о сыновьях, погибших в борьбе за родину. Три самостоятельные плача — при проводах, при получении похоронного извещения и возможной встрече — объединила в одну композицию.

73—74. Федулова Анисья Михайловна, 62 года, дер. Коскосаалма. В 1938 г. М. М. Михайлов записал два плача — «Плач при отправлении мужа на войну» и «Плач по дочке», не вошедшие в сборник «Русские плачи Карелии». Первый плач, с которым Анисья Михайловна провожала мужа на империалистическую войну 1914 года, для нас представляет особый интерес. Приводим текст этого плача, сохранившийся в архиве Института истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР:

Куды справился-наладился,
Как семья моя любовная?
Как ко праздничку ль годовому,
Иль к носкресеницу христовому,
Во любовное во гостбище,
Ко своим родным любимым?
Сама знаю я, победушка,
Как не ко праздничку годовому,
Не в любовное во гостбище,
10 Как на службу государскую,
На войну да на германскую.
Как пришло письмо да грамотка,
Кульер пришел из Питера,
Славна почта с каменной Москвы,
Вся земля да сволновалася,
Там война да своевалася,
Все полки да сбунтовалися,
Все понадобились людюшки,
Все купцы и благодители,
20 Фершала и все учителя.
Оставляешь ты меня, победушку,
Как семья да моя любовная,
Со своим да малыма детушкама,
Будто утушку на лугушку,
Как лебедушку на водушке.
Так меня победушку
Со своим дитяма бедным,
После тебя, сугрева теплая,
Как у нас буде у беднушек,
30 Как во нашей палате грановитоей,
Во углу будет пустешенько,
Во другом да холоднешенько,
Как у хлеба будем голодны,

А у печки будем холодны.
Как после тебя, сугрева теплая,
Как не прибыло, не убыло,
Все ситом да расситилось,
Решетом разрешетилось.
Как прожить, сугрева теплая,
40 Без тебя, семья любовная?

Прошло 27 лет с тех пор, как А. М. Федулова причитывала о муже. В 1941 г., когда немецкие захватчики напали на нашу Родину, Аксинья Михайловна провожала своего сына на Великую Отечественную войну. Обряд проводов, исчезнувший из народного быта в мирное время, в годы войны возродился снова, и вместе с ним возродилась «завоенная» причеть. Нам удалось записать от А. Ф. Федуловой вариант того плача, с которым она провожала своего сына. Многие образы и мотивы плача по сыну восходят к плачу по мужу. Наряду с традиционными приемами повествования в нем содержатся мотивы и образы, predetermined чувством советского патриотизма. К таким несомненно новым мотивам относится материнский наказ, обращение матери-старухи к сыну-воину с просьбой скорее победить «фашистов злодейных». В августе 1944 года в Коскосалму пришло похоронное извещение. «Красноармеец Василий Яковлевич Федулов, уроженец КФССР, Пудожского района дер. Коскосалма в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 8 марта 1943 года и похоронен с отданием воинских почестей ст. Искрое, Ростовской области». Извещение о смерти сына послужило стимулом к созданию нового плача. Глядя на сыновью фотокарточку А. М. причитывала этот плач во время нашего присутствия в Коскосалме. В тот же день, когда был записан плач о сыне, участники экспедиции наблюдали, как А. М. работала и пела частушки:

Пойду, выстану на гору,
Я увижу белый гроб,
От войны немецкой дитятко
В сыру могилу лег.

Что я, что я расплясалась,
Что развеселилась,
Не мое ли мило дитятко
Домой сулилося.

Что я, что я расплясалась,
Что на пляску повело,
Не моё ли мило дитятко
С войны домой идё.

Так причеть уживается с частушкой и песней, образуя один круг повседневных чувствований и переживаний современной пудожской деревни. В отличие от песни и частушки, причеть является достоянием старшего поколения женщин, и бытует она в минуты сильного горя или при воспоминании о нем.

75. **Филимонова Меланья Антоновна**, 65 лет, дер. Ижгора. Четыре сына сражались на фронтах Отечественной войны.

76. **Фирсова Варвара Никифоровна**, 52 года, дер. Нефедовская. Провожала дочь в Беломорск.

77. **Фофанова Наталья Тимофеевна**, 75 лет, дер. Климово. Жена известного певца были И. Т. Фофанова, см. «Былины Пудожского края», №№ 17—30. Два сына на фронте. Старшему сыну — лейтенанту армии Фофанову А. И. — присвоено звание Героя Советского Союза. Мать в июле

1945 года встречала сына-героя, приехавшего на побывку в родную деревню. В причёты говорится и о другом сыне, от которого мать давно не получала писем.

78. Фролова Ольга Степановна, 58 лет, дер. Новзима. Провожала мужа на империалистическую войну 1914 года. Традиционный плач механически приспособила к проводам сына на войну.

79—80. Хворостова Анастасия Минична, 68 лет, дер. Наволок. Четыре сына и дочь на фронте. Дочь была в партизанском отряде. После ранения в тяжелом состоянии привезена в Пудож. Узнав о случившемся, мать пошла в больницу. В плаче рассказывается об этом эпизоде.

81. Шибанова Александра Михайловна, 62 года, дер. Пильмасозеро. Причёты о матери помнит еще с десятилетнего возраста.

82—84. Шельшакова Анастасия Михайловна, 56 лет, дер. Ченежа. С причёты встречала демобилизованных односельчан.

85. Конашкова Александра Тимофеевна, 43 года, дер. Семеново. Перед Великой Отечественной войной жила в г. Петрозаводске. В 30-е годы создавала песни и сказы на современные темы (см. «Народное творчество КФССР». Петрозаводск, 1940, стр. 102—103, 199). Сын А. Т. погиб на фронте Великой Отечественной войны. Плач по сыну известен в записи сказительницы. Опубликован в петрозаводской газете «Ленинское знамя» в 1945 г.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ¹

Б

бабушечки — игрушечки. (Пч). *Я делала тебе всякие игрушечки, / Игрушечки всякие, бабушечки.*

бажéный — милый, любимый, желанный.

байна, баенка — баня. (Э, Пч). *Парну баенку вам истопила.*

бáской — красивый, хороший. (Пч).

бат — бывает, возможно, может быть. (Пд, Пч). *Бат бы удобрила да ретиво сердце.*

батожок (уменьш. от батог) — палка, посох. (Пд, Пч). *Как идет мое любимое / С бурачком да не по-прежнему, / С батожком да по-калеукому.*

бачáжка (уменьш. от бачага) — лужа. (Э, Пч.). *Где крута горка — бегом бегу, / Где бачажка — там червом плыву.*

безнадежный — безнадежный. (Пч).

блaдaя — молодая. (Пч).

блажéнице — зрение. (Пч). *Во ясны очушки блажéнице.*

богодaный — родственник не по крови, а по жене или мужу. (Э, Пч.).

бождатся — биться. (Пд, Пч). *Наб снарядами бождатся.*

большак — старший в доме, хозяин; муж. (Э). *Не стало по дому хозяйина / Так нет большака да распорядчика.*

большевытные — прожорливые. (Э, Пч). *Как сиротские-то детушки / За столом да большевытные.*

боровóчки — высокие гряды под овощами, парники. *У меня заносы снежку белого / А боровочки ледку ярого.*

братан — двоюродный брат. (Пч).

буде — если. (Э).

будка — место заключения во время оккупации.

бук — бочка, в которой кипятят белье. (Э, Пч).

буяна, буевка — могила. (Э, Пд).

бурачок — (уменьш. от бурак) — корзина с одной ручкой. (Пд, Пч).

бúчить — кипятить воду, опуская в нее раскаленные камни. (Э, Пч.).

В

важívная — модная, красивая. (Пч).

важítь — ласкать, ухаживать. (Пч).

Уж я тешила тебя да важила.
варóвый — быстрый, удачный, проворный. (Пч). *Умная был, разумная, / Старое был, варовое.*

верáться — прятаться. (Э). *Как вералась ты в жаратках муравейниках.*

вéред — чирей. (Пч). *Не ознобом да познобилася, / Я не вередом да вередилася.*

верédить — 1) расстраивать. (Пч). *Он вередил мое да ретиво сердце; 2) повредить (см. пример к слову „веред“).*

вересóвая — смолистая, пахнущая хвоей. (Э). *И по этим борам да по зеленым / И по этим елкам да вересовым.*

¹ В скобках указано, в причитаниях каких районов данное слово употребляется. Условные обозначения: Э — Заонежье, Пд — Пудож, Пч — Печора.

ветляная — приветливая.

вечкотливая — ворчливая. (Пч). Ты ругатлива была да вечкотливая.

вещёвая — вещая. (Пд). Ворона́ птица вещьвая.

возбуждать — будить. (З). Возбуждать буду сердечно мило дитятко / ... Уж ты стань-востань, сердечно мило дитятко.

возжуплять — см. **жупеть**. (З).

волять — хотеть, желать. (Пд).

во́лок — 1) расстояние от одного селения до другого; 2) переезд, расстояние. (З, Пч). Ему за во́локи за дальние.

волоки́тный — старый, бездельный, бесполезный. (Пд, Пч). Как взяла бы смеретушка, / Она старых волоки́тных.

волота́щий — старый, бездомный (человек). (Пч).

волюшка — девичий головной убор в виде широкой ленты. (З).

во́н — внешняя сторона (например, избы). (Пч). Стоит по во́ну покосилась, / По ну́тру да разрешетилась.

во́нная — посторонняя, не в своем хозяйстве (работа). (Пч).

вору́й — лесистые места для ловли дичи. (Пч). На бора ли на сосновые, / На вору́й да на высокие.

выть, выточка — еда. (З).

Г

га́литься — издеваться. (Пч). Пусть не галится над тобой, / Да лебедь белая.

горочка-катушечка — место праздничного гулянья. (Пч). Я гуляла да бедна тешилась, / Я на горочках да на катушечках.

го́стбище, гостёбище — пир, угощение, переносн. — кладбище. (З, Пд).

государская — государственная (служба).

грамотка — письмо, записка.

граю́чие — крикливые (вороны).

греть — греть. (З).

гря́дочка — перекладина в комнате, на которую вешают одежду. (Пд, Пч).

гу́мажное (от бумажное) — белое, румяное (лицо). (Пч).

Д

дельный — дельный. (Пч). Писарей да наб умильных, / Грамотей да надо дельных.

добе́дь — хозяйство. (Пд, Пч). Как топила печь не во-время, / Вела добе́дь не во-пору.

доли́ть — одолевать. (Пд, Пч). Так всю доли́т бедну обидушка.

домови́ще — гроб. (Пд, Пч).

дося́льный — старый, прежний, древний.

дро́чить — гладить, ласкать. (З, Пч). Подрочила бы горящица / По желтым кудерышкам.

Е

еговы — его. (Пч). Еговы-то друзья-приятели, / Еговы-то родны братья.

э́дера — еда. (Пч).

едрёный — крепкий, здоровый, сильный. (З, Пч). Секарей возьму едрёных.

ербо́вая — гербовая. (З, Пд). Видно, бумази нет ербовоёй, / Видно пера нету орехова.

есва, есва, есвушка — кушанье, пища. (З, Пч). У тя есва были переменные.

Ж

жадо́ба — ласковое обращение — милый, хороший, желанный.

жадо́бный — приятный, желанный, любимый.

жа́рoвая — быстрая, увертливая. (Пд, Пч). Тонка была да жаровая.

жего́за, заго́за — кукушка.

жего́жье — кукушечье. (З).

жератка — углубление в оштетке перед устьем печи для хранения углей. (З).

жи́рушка — жизнь.

жупеть — звонко петь (о птице). (З).

жу́пильная — певчая. (З). И прилетала там жу́плива мала птиченька.

З

за́емно — взаимнообразно. Мы работали работаньки все заемно.

заго́бье — кукушечье (пение).

закле́нётся — подавиться. *Я в обиду заклеаюся, / Я в обиду заикаюся.*

залётная — старая. (Пч). *Я старая стала, залетная.*

закры́лиа — защита, укрытиё. (Пч). *От мокра дождя нету закрылины.*

заложить — запереть. (З). *Заложила бы новы сени решетчаты.*

заложка, заложечка — щёколда. (З, Пд).

залоговать — выполнять работу по договору, с залогом до окончания работы. (Пч).

заморёкне — привезенные из-за моря. (Пч).

заносы — пустые пчелиные соты. (Пд). *У меня заносы снежку белою.*

запра́дка — заправская, лучшего качества. (Пч).

зароды — стога (сена). (Пч). *У нас кучи да были скучены, / Зароды да были сметаны.*

засекушки — лари в амбаре для засыпки зерна. (З). *Во засекушках мыши не подавляються.*

заструги — уступы у берега реки, в которых ловят рыбу. (Пч). *Рыба спустилося / Во заструги глубокие.*

зату́льце — защищенное место, укрытие. (Пч).

здейть — сделать. (З).

здынуть — поднять. (Пч).

злыденны — горемычные, бедные, сирые (руки).

зык — крик, гул.

И

Искат-гора, раскат-гора — высокая крутая гора.

искитанье — издевательство. (Пч). *Не сдавайся ты прокляту врагу, / Ты на галанье, да на искитанье.*

искитаться — издеваться. (Пч).

К

калёцкий (по-калецкому) — увечный. (З, Пч). *С батожком да по-калецкому.*

калёточка — ватрушка, лепешка с кашей и со сметаной или с тво-

рогом. *Ты откушай да отведай-ко / Деревенских калиточек.*

канаться — униженно просить. (Пч).

Я просила тебя, каналася.

каффорные — фарфоровые (чашки).

(З).

касатая — ласковая, милая.

кагучие — круглые (камешки).

кагучеки — см. **горочка-кагучека**. (Пч).

калёные — калёные (ружья). (Пч).

колопан — пренебрежительная кличка белофиннов в период временной оккупации. (З, Пч).

копорняга — старая ель с обнаженными корнями. *Заросталась путь-дорожечка / Копорнягом она ельничком.*

корбы — густой лес. (Пд, Пч).

кориться — покоряться. (Пд).

косивчатое, косячатое — с косяками и рамой (окно).

кружало — казенное питьёное заведение. (Пч).

кругоспальное зголовьце — высокое изголовье, состоящее из нескольких подушек. (З, Пч).

кряж — крутой берег, обрыв. (Пч).

Л

лайбак, лайдак — лодырь, негодяй, плут; ругательная кличка для немцев и белофиннов в годы войны. (З).

легчить — кастрировать, скопить (Пч). *Ты легчил ходил да коней добрых.*

ломленая — битая. (Пч). *Я не бита была, не ломлена.*

М

малтанье — понимание, разумение. (З, Пч). *Брала бы смертушка малого, / Небольшого толку — малтанья.*

марьяное, морьяное — багряное, румяное (солнце). (Пч).

матица — балка поперек всей избы, удерживающая потолок. (Пч).

меженный — летний (день). (Пд, Пч).

могута — мощь, сила. (З, Пч). *Не жалей своей могутушки.*

мóлвия — молния. (Пд).

моту щий — расточительный. (Пч)

мшбная — конопаченая мохом (изба). (Пд, Пч).
мя — меня. (Пд, Пч). *Ты убе-
решься ли у мя, укачишься.*

Н

наб — надо бы. (З, Пд). *Наб круто
ходить, не бегаги.*
надоволить — наделить вволю, вдоволь. (З, Пч). *Я наполнена оби-
душкой, / Надоволена кручи-
нушкой.*
наждабить — наградить. (Пч).
наколбась — наткнулась, встрети-
лась. (З). *Наколбась на фашиста
на проклятого.*
невершная — с непокрытой крышей
(изба). (Пд).
немецкое — заграничное (о стекле).
(Пч). *Я гляжу, бедна злосчаст-
ная, / Во стеколышко да во не-
мецкое.*
неодноуэробная — неродная (дочь),
(З).

непошто — незачем. (Пд).
непрядная — нерасторопная, ленивая
(пример см. ниже, нешутушка).
(З).
неудольная — неодолимая, глубокая
(тоска, обида). (З, Пд).
нешутушка — невестка, жена брата.
(З) *Написала мне непрядная не-
шутушка / Что нету в жив-
ности любимой семеюшки.*
носок — мыс. (Пч). *На крутой но-
сок, / Да на желтой песок.*
нужная — нуждающаяся, бедная.
(Пд). *Так лучше б бедная была
да нужная, / Но жена была бы
мужняя.*

О

обидное — бедное, плохое (платье).
(Пд, Пч). *А это платьеце умер-
шее / Да это платьеце обидное.*
обидье — обида. *Сядем да поду-
маем / И обидье расоветуем.*
обночьице — ночь. (Пд).
обрядиться — убраться. *Не успело
солнце выстати / Красно солнце
обрядилось, / За лесочки зака-
тилось.*
одинка — одна, в одиночку. (Пд,
Пч). *Придь на трудную рабо-
тушку / На одинку, без креще-
нушек.*

одноуэробная — родная. (Пч).
однодворьице — постройка, выне-
сенная за пределы селения. *В за-
холустье жила да однодворьице.*
ока́тнстый — громкий, резкий, обры-
вистый (голос). (Пч).
околенки — оконные рамы.
окутка — рогажа. (Пч). *И окуткой
не закрытое, / Уж во земельке
перекатной.*
о́нный — другой, иной (свет). (Пч).
*Отправляю свою белую лебе-
душку / Я на онный свет на
онно соживленьице.*
осередки — среди. (Пч).
осистый — прил. от ость (длинный
волос в меху бобра, соболя).
(Пч). *Ресницы да бобра осис-
того.*
осту́дный — постылый, нелюбимый.
(З).
оттуль — оттуда. (З).
отредить — отправить. *Много вас
там отредила.*

П

пармакище — овод. (З). *Комарища
там да все фунтовые, / Парма-
кища там да все пудовые.*
пастырь — пастух. *Как затрубят
в лесах пастыри / А на полянках
будут пахари.*
пелядь — название рыбы; здесь упо-
требуется как ласкательное имя.
(Пч). *Слободили бы тебя, да
пелядь свежую.*
перёное — с перилами (крыльцо).
(Пч).
перепалася — испугалася. (Пч).
пету́нье — петушиное (воспеваньице).
(Пд).
пйтера — питье, напитки. (Пч).
плановая — прямая, ровная (улица).
(З, Пд).
плюсенья — отбросы от овощей. (З).
*Не овечушкам плюсенки ва-
рили.*
победная — горемычная, несчастная.
(З, Пч).
повову — снаружи. (З, Пч). *Как
мое-то ведь строеньице, / Оно
повову покосилось.*
повыдожить — отстоять. (Пч).
повыздреть — вырастить. (Пч). *По-
выздрел меня белый вольный
свет.*

повыздынуть 1) поднять. *Со синя моря повыздынет; 2) вырастить. Ты повыздынул меня, повыздынул.*

повызнять — вытащить. (Пч). *Повызнял ты со низ быстрой реки.*

повырыть — бросить. (Пд). *Так повырыла бы, беднушка, / Я злодейную обидушку.*

погреб — могила.

подповетный — стоящий под поветью. (Пч).

подрочить — погладить, поласкать. *Подрочила тебя по младой по головушке.*

подтыкаться — спотыкаться. (Пд).

подушечки (клеверны) — цветы клевера. *Ой как уж ели мы да клеверны подушечки.*

пожня — сенокосный луг. (Пч).

позавони — в отдалении, отдельно. (З). *Далеко живет мати родимая, / Позавони да роду племени.*

позорные (от позор — беда, неприятность, мучение) — бедные. (Пч). (к детям: *Вы позорные да маятливые*).

позориться — терпеть нужду, горе, мучиться. (Пч). *Маялась я, позорилась.*

покатая — гладкая, складная, приятная (поговоруха). (Пд).

покор — 1) упрек, укор. (З). *Отнесу покор, подневольна красна девушка; 2) покорность. (Пд). Я обиде покорилася, / Я кручине помолилася, / Горючим слезам в покор пошла.*

покрутушка — одежда, платье. (З).

поку́ль — пока. (Пч).

поку́лять — повясть, увянуть (о траве). (З, Пч). *Уж вся травушка покуляла.*

помогельник — помощник. (Пд).

попáриться — подружиться. (Пч).

поплесице — отдельное место. (Пч). *Живут на пустом месте да на поплесице.*

пораздэять — разделить. (З).

порáто — сильно, очень. (Пд, Пч).

поретоват — см. **ретоват**.

порядовые, спорядовые — живущие рядом (З).

поседáтеть — поселить. (Пд, Пч).

поскорбéть — пожалеть. (Пч).

послухмяньице — покорность. (З).

построчни́на (от слова срок) — отрезок времени, установленный по договору при найме на работу. (Пч).

посулить — пообещать. (Пч).

посудачить, посудьячить — см. **судьячить**.

потожо́к (уменьш.) — палка, посох. (Пд, Пч). *За соломку запинается, / А потожком да опирается.*

приворотчик — сторож, привратник. (Пч).

примать — принимать. (Пч). *Я примала много да нужды-бедности.*

приобграть — обругать, накричать на кого-либо.

прираздэять — разделить. *Прираздэять всю великую кручинушку.*

притомное — свое, собственное. (Пч). *Сидела на притомном да баском местечке.*

притульице — закрытие. (Пч). *От буйна ветра не было у нас притульица.*

продкладбище, прокладбище — место для гуляния. (З).

прозваньице — название. (З, Пч).

прохолмоня́ть — прогулять, простоять. (Пч). *...Они-то в уми да еще думали, / Как бы не прохолмоня́ть бы им, / Да не простоять бы им.*

пурловские баконщики — рабочие бакенщики, служащие в Печорском управлении речного пароходства.

Р

рада́нье — утеха, услада. (Пд., Пч). *...Все желаньице в сырой земле, . А раданье в гробовой доске.*

разопнитья — развалиться. (Пч). *А наше вито-то гнездышко / Не колючушком завилося, / Помаленьку разопилося.*

распекать — обогрывать, согревать, (Пч).

распарить — разлучить. (Пч).

раструбистый — со множеством оборок (сарафан). (Пч).

расшишкать — растрепать. (Пч). *А постельюшка моя да вся расшишкана.*

ретливое, ретивое — горячее, от-
зывчивое (сердце). (Пд).
ретовать — сердиться, браниться,
упрекать. (Пч).
робить — работать, делать. (Пч).
рównюша — однолетка.
россоха — сухой бор. (Пч).
рутить — лить, проливать (слезы).
рык — крик. (З, Пд).
рыкучие — крикливые (о детях-си-
ротах). (З, Пд).

С

сакегливый — вздорный. (Пч). *Дитя
было не спорливое, не здорливое, /
С соседями да не сакегливое.*
сегонзый — нынешний (год). (Пч).
семирная — всемирная (война).
семья, семейюшка — 1) семья; 2) муж.
(Пд). *Уж ты моя семья закон-
ная / Да семейюшка сговорная.*
си — все. (Пч). *На си веки да не
сысветные.*
сись — сесть.
скатный — ровный, круглый (жемчуг)
(З, Пч).
скопище — собрание. (Пч).
скоробая — быстрая, старательная.
(Пч). *В молоду пору была бойка,
скоробая.*
славутный — славный, известный.
(З, Пч).
слуденьки (уменьш.) — слюда, встав-
ленная вместо стекла. *Все-то слу-
деньки потемнели.*
соборная кукушка — боровая ку-
кушка. (З).
сокрутить — собрать. (З, Пч).
спесливая — спесивая, гордая.
сповыорать — вспахать. (Пч).
сподобляться — собираться. (Пч).
*Ты куда да собираешься, / Ты
куда да сподобляешься.*
сроднички — родственники. (Пч).
станица — гурьба, ватага. (З, Пд).
*Как я стану жить нонь, бед-
нушка, / Со станицей неудоль-
ною.*

стеклянская заставушка — пристань
на реке Воdle.
стоснется — взгрустнется. (Пч). *Ког-
да стоснется мне, белой лебё-
душке.*
стрета — встреча. (Пд).
ступничата, ступистая — бодрая (о
лошади). (З).

субойная — шумливая, быстрая (ре-
ка). (Пч). *Я пойду брошуся да
лучше кинуся, / Во большой су-
бой да мать быстру реку.*
сугрева (ласкат.) — родной(ая), ми-
лый(ая), сердечный(ая). (Пд, Пч).
судимый — суженый. (З, Пч).
судьячить — жаловаться, порицать.
(Пч).
суметы — сугробы. (З, Пд).
супостатный (от супость — зло-
ба) — злощый, проклятый.
сусек — ларь в амбаре для ссыпки
зернового хлеба и муки. (Пч).
сухотница — жальещица. (З, Пч).
*Денна моя сухотница, / Ночна
да богомольщица.*
сухотушка — забота. (З). *Он оста-
вил мне болезно мало внучатко /
На заботушку он мне да на
сухотушку.*
сякие — всякие. (Пч).

Т

талан — счастье, удача, судьба. (З).
таліночка — ива, верба (здесь —
обращение к дочери). (З).
талая — ласковая, приветливая. (З).
тамка — там. (Пч).
те — 1) то (постпозитивный член).
Куреваты-те да баски сосенки.
2) тебе. (Пч). *Уж я че те слиш-
ком наскучила.*
тонколянно — тонкое, льняное (по-
лотенце). (З, Пч).
тoни, тoньки — места, где рыбу ло-
вят неводом. *Не увидеть мне,
победнушке, / Своего сына рожё-
ного / Ни на тoньках рыболов-
ных.*
тужельщик — печальщик. (Пч).
туша — корпус, тело человека. (Пч).
Складна туша кирпичата.
тя — тебя. (Пч). *У ласкова у тя у
дедушки.*

У

удобрить — уговорить, порадовать.
(Пд, Пч). *Ты удобрила мое да
ретиво сердце.*
украиный — крайний, отдаленный.
укретное — укрытое. (З). *Где ис-
кать я буду местечко укретное.*
умершее — траурное (платье). (З,
Пч).

умылочка — улыбочка; умыльная поглядочка — взгляд с улыбкой. (Пч). *Разговорюшко тихой-смирной, / Тихо смирное да со умылочкой.*

упáная — спокойная, ровная. (Пч). *Походочка баска упавая.*

установная — чинная, степенная, красивая (походка). (Пч).

Ф

Фатерушка (уменьш. от фатера) — квартира. (З, Пд).

Х

хоботистый — излучистый. (Пч). *Все ходила я ведь, беднушка, / На сахараи колесистые, / На дворы на хоботистые.*

хрозькáться — скитаться. (Пч). *Мы ходили с тобой мотались, / Из двора во двор хрозькалися.*

хрястать — ломать, рушить. (З).

хуцётся — прятаться. (З, Пч). *Стала горница трогатисе / Да в сыру землю хуцетисе.*

Ч

чвакотливая — хорошая, ладная, красивая. (З). *На походочку она ведь чвакотливая.*

черкальское — черкасское (седло) (Пч).

чаять — ожидать. (З). *Не надеялась я да начаялась.*

чѣ — что. *Где твои очи, че завидели.*

Ш

шеломчики, шоломчики — желоба на коньке кровли, под которые запускается тес. (З, Пч).

шукавка — могила. (З, Пч). *Как пришла я, мать-горющица, / На могилку на родительску, / На шукавку человеческу.*

Щ

щадная (от щадить — жалеть, беречь) — жадная. (Пч). *Я ничем была горе не жадная, / Я ничем была горе не щадная.*

щельи — пологие каменные берега. (Пч).

щепетливая — изящная (походка). (Пч).

Ю

ю — ее. *Они поехали с собой-то ю забрали, / . . . Я пытала ю убавить.*

Я

Ярый — чистый, не покрытый снегом (лед).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вас. Базанов. Причитания русского севера в записях 1942— 1945 годов	3
I. ПЕЧОРА	
<i>Дуркина А. Л.</i>	
О своей жизни	45
<i>Дуркина Е. А.</i>	
О брате-фронтовике	51
<i>Дуркина М. В.</i>	
При проводах внука на Великую Отечественную войну	55
По сыновьям-фронтовикам	57
<i>Дуркина М. Г.</i>	
На могиле отца	62
По умершей сестре	63
По больному сыну	65
<i>Дуркина М. Д.</i>	
О племяннике, раненном в боях с немецкими захватчиками	68
<i>Ларикова У. Л.</i>	
На могиле мужа	69
По умершему сыну	71
При проводах сына на Великую Отечественную войну	72
<i>Носова А. К.</i>	
По бабушке	74
По дедушке	75
По отцу	77
По матери	82
По дочке, сгоревшей в огне	85
По дочке, утонувшей в Печоре	87
По мужу пьющему	91
По хорошему мужу	92
По сыну	96
По сестре	101
По дяде	102
По свекрови	104

По невестке	105
По вдове	109
По А. В. Журавскому	110
Про свою жизнь	113
При проходах на Великую Отечественную войну	116
По внукам, отъезжающим на Великую Отечественную войну	121
<i>Носова А. А.</i>	
При проходах сына на Великую Отечественную войну	123
<i>Осташова К. К.</i>	
При проходах племянника на Великую Отечественную войну	126
<i>Поздеева А. В.</i>	
На могиле матери	128
По умершему мужу	129
При проходах сына	129
<i>Поздеева Е. Ф.</i>	
По бабушке	130
По сестре, утонувшей в Печоре	133
По матери, уехавшей на чужую сторону	137
По дочке, умершей в отсутствие матери	142
Про свою жизнь	145
Про свою жизнь. (Повторная запись)	150
По девушкам, отъезжающим на Великую Отечественную войну	158
При проходах председателя колхоза на Великую Отечественную войну	161
При проходах мужа на Великую Отечественную войну	165
При проходах братьев и „братанов“ на Великую Отечественную войну	169
При проходах братьев и „братанов“ на Великую Отечественную войну. (Повторная запись)	174
<i>Поздеева И. Н.</i>	
При проходах племянника на Великую Отечественную войну	177
<i>Поздеева М. Б.</i>	
По матери	180
По брату	181
По мужу	182
О своей жизни	183
О сыновьях-фронтовиках	186
О дочери, участвовавшей в боях с фашистскими захватчиками	187
<i>Поздеева П. Ф.</i>	
О племяннике-фронтовике	188
По брату, погибшему на Великой Отечественной войне	190
<i>Поздеева С. М.</i>	
О сыне, пропавшем без вести	191
<i>Тиронова Т. Н.</i>	
По первому мужу	192
По второму мужу	196
По дяде	198
По племяннице, отъезжающей на „дальнюю сторонушку“	201

По племяннице и племяннику	203
По сыну-фронтовику	206
<i>Чипсанова А. Л.</i>	
По внукам	208
<i>Чупрова О. И.</i>	
По отцу	210
По матери	211
По сестре, утонувшей в Печоре	213
При проходах на Великую Отечественную войну	217

II. ЗАОНЕЖЬЕ

<i>Акинфин М. Г.</i>	
Плач старика	222
<i>Акинфина А. С.</i>	
По мужу	222
О растерянной семье	223
<i>Алешина А. М.</i>	
По сыну	225
<i>Алешина Ф. М.</i>	
Плач о своей жизни в оккупации	226
При встрече с племянницей	227
<i>Амбарова А. Н.</i>	
О сыне, погибшем во время сплава	229
О своей жизни в оккупации	230
<i>Андреева И. А.</i>	
По сыну при получении похоронного извещения	231
<i>Архипова А. В.</i>	
В ожидании встречи с сыном	234
О разрушенном доме	235
<i>Богданова А. Г.</i>	
По матери	235
<i>Боровлёва Е. Ф.</i>	
При ожидании встречи с сыном	236
О сыне	237
<i>Бровина В. И.</i>	
Про свою жизнь	238
По мужу	240
При возвращении в разрушенную деревню	242
<i>Ваганова Д. А.</i>	
О растерянной семье	243
<i>Григорьева Е. П.</i>	
При проходах сына	245

<i>Дорохова А. Н.</i>	
На могиле мужа	246
<i>Егорова Е. Г.</i>	
При проходах сына на фронт	247
<i>Журавлева А. А.</i>	
О своей жизни	248
По сыну	249
<i>Зарубина У. П.</i>	
По умершему сыну	250
При проходах сына	250
О своей жизни	251
<i>Иванова Е. В.</i>	
По брату-партизану	252
О растерянной семье	253
<i>Кадетова Н. Г.</i>	
По мужу	255
<i>Калинина А. К.</i>	
О дочке, расстрелянной фашистскими захватчиками	256
По сыну при получении похоронного извещения	258
<i>Карцева М. П.</i>	
При получении похоронного извещения	261
<i>Касьянова А. Ф.</i>	
По сыну, замерзшему в болоте	262
<i>Кашина М. Н.</i>	
По отцу	264
<i>Костина Е. В.</i>	
На могиле мужа	265
<i>Котова А. П.</i>	
По сыновьям	267
<i>Кочина А. Ф.</i>	
По мужу и сыну при проходах на фронт	268
О жизни в фашистской неволе	270
<i>Крупина А. Е.</i>	
По матери	272
При проходах сына	274
<i>Крюкова Ф. М.</i>	
По матери	275
<i>Куванина О. И.</i>	
На могиле матери	276
При получении вестей о сыне	277
<i>Куканова М. Ф.</i>	
Про свою жизнь	279
О жизни в оккупации	281

По сыну, погибшему на войне	284
По погибшему сыну	285
<i>Кулатова М. И.</i>	
При встрече с дочерью	286
<i>Куликова Е. А.</i>	
На могиле матери	288
В ожидании вестей от сына	290
<i>Курочкина С. С.</i>	
В ожидании сына	291
<i>Макарова Н. В.</i>	
О скитаниях по чужим подворьям	292
<i>Мишина А. М.</i>	
О жизни в оккупации	293
<i>Мошкина А. И.</i>	
О пережитом	295
<i>Мухина А. Т.</i>	
На могиле дочери	296
<i>Назарьева Н. В.</i>	
При возвращении в родную деревню	300
<i>Насонова М. В.</i>	
По умершей дочке	301
<i>Новожилова А. А.</i>	
По растерянной семье	302
<i>Новожилова Е. Ф.</i>	
При проводах сына	304
<i>Осова Д. И.</i>	
При ожидании встречи с сыном	305
По растерянной семье	307
<i>Павлова И. Н.</i>	
При встрече с дочерью	309
<i>Панова А. М.</i>	
По умершему сыну	310
При возвращении к разрушенному дому	311
<i>Порожская А. Е.</i>	
На могиле мужа	312
<i>Пудина А. П.</i>	
На могиле мужа	314
По дочке	316
<i>Романова А. Д.</i>	
На могиле мужа	318

<i>Рякина А. А.</i>	
По сыну, сидевшему в лагерях	320
<i>Рякина А. Ф.</i>	
О жизни в неволе	321
<i>Санникова Е. Ф.</i>	
По умершей матери	322
На могиле мужа	324
При встрече с сыном	326
<i>Сидоркова И. Я.</i>	
При встрече с племянником	329
<i>Силкина А. Ф.</i>	
На могиле матери	330
<i>Скорнякова Е. Т.</i>	
На могиле матери	331
О жизни в неволе	332
<i>Стафейкова А. Ф.</i>	
По сыну, подорвавшемуся на вражеской мине	335
О разрушенной деревне	336
По сыновьям. (Запись 1945 года)	338
По умершему мужу. (Запись 1957 года)	340
О сыне, который погиб от взорвавшейся мины. (Запись 1957 года)	342
По сыну, взорвавшемуся на вражеской мине	343
<i>Тифакина А. П.</i>	
О жизни в оккупации	344
<i>Тихонова А. А.</i>	
В ожидании окончания войны	346
<i>Тихонова А. Л.</i>	
При получении письма	347
<i>Трошкова О. М.</i>	
О жизни в оккупации	349
<i>Трофимова А. А.</i>	
В ожидании писем	351
<i>Устинова А. В.</i>	
По умершему сыну	353
<i>Шамшина Н. Е.</i>	
На могиле матери	355
По сыну, пропавшему без вести	356
О соседских детях	358
При возвращении к разрушенному дому	359
При ожидании встречи с сыном	360
<i>Шаторина А. И.</i>	
Плач по дочке	361
При проводах сына	362
О жизни в оккупации	363

<i>Шлыкова С. М.</i>	
Плач на могиле сына	364
При возвращении к разрушенному дому	365
<i>Филина М. Г.</i>	
При ожидании писем	367
Плач при ожидании встречи с сыновьями	368
<i>Филькина А. И.</i>	
О разрушенном доме	369
<i>Филькина М. Я.</i>	
О разрушенном доме	370
<i>Якушкина А. И.</i>	
При возвращении к разрушенному дому	372
<i>Ярицына А. П.</i>	
Плач на могиле матери	373
На могиле мужа	374
На могиле дочери	376
По растерянной семье	377
В ожидании встречи с сыном	378
<i>Ярицына П. И.</i>	
В ожидании сестры	379
По брату	380
О разрушенном доме	381
<i>Завьялова А. Я.</i>	
По умершему мужу. (Запись 1957 года)	382
По сыну. (Запись 1957 года)	382

III. П У Д О Ж

<i>Агеева Н. Е.</i>	
Проводы сыновей	384
<i>Андреянова П. Ф.</i>	
При проводах сыновей	387
<i>Башкирова Е. А.</i>	
По умершему отцу	388
<i>Баянная А. П.</i>	
В ожидании вестей	390
<i>Бездельникова А. А.</i>	
По внукам	394
<i>Болотова Е. Г.</i>	
При проводах мужа	395
При проводах сына	396
При встрече с братом мужа	398

<i>Бычкова Д. Ф.</i>	
На могиле матери	400
<i>Бычкова И. Н.</i>	
На могиле мужа	403
<i>Вахрамеева И. Я.</i>	
На могиле матери	405
<i>Громова М. И.</i>	
По умершему сыну	407
<i>Егорова С. Я.</i>	
По сыну, погибшему на фронте	410
<i>Ерохова В. И.</i>	
По умершему мужу	412
<i>Ефремова М. В.</i>	
О сыновьях-фронтовиках	418
<i>Захарова Н.</i>	
На могиле матери	422
<i>Калинцева Т. Г.</i>	
На проводах племянников	423
По брату	424
О племяннике в день смерти его сестры	425
На могиле племянника	427
<i>Кережина А. Г.</i>	
При проводах сына	429
<i>Козина А. Н.</i>	
Плач в ожидании раненого сына	432
<i>Козица О. И.</i>	
По сыну-партизану	434
<i>Кокунова Е. А.</i>	
При проводах сыновей	438
При получении похоронного извещения	439
<i>Колесова П. Э.</i>	
По сыновьям-фронтовикам	442
<i>Колынина Е. П.</i>	
По раненому сыну	444
<i>Корешкова А. Н.</i>	
Плач при встрече сыновей	446
<i>Кузнецова Е. М.</i>	
По сироте	450

<i>Кузнецова И. Д.</i>	
При проводах сыновей	452
При встрече сына	453
<i>Кузнецова М. Ф.</i>	
При проводах сына	457
<i>Кузнецова Х. В.</i>	
При ожидании вести	459
<i>Ланева В. Ф.</i>	
По умершей дочери	461
<i>Лебедева М. П.</i>	
При проводах мужа	463
При встрече раненого мужа	463
О погибшем брате	464
<i>Левина Е. А.</i>	
При проводах сына	465
При получении похоронного извещения	466
<i>Леонтьева П. И.</i>	
При получении похоронного извещения	467
<i>Лукина И. М.</i>	
В ожидании писем	469
<i>Малашова А. И.</i>	
По погибшему сыну	471
<i>Меньшикова А. А.</i>	
При проводах мужа	474
При получении похоронного извещения	475
При возвращении домой	478
При встрече с зятем	480
При встрече с сыном	483
<i>Минаева П. И.</i>	
О погибшем сыне	484
<i>Миронова Е. Е.</i>	
В ожидании вести	486
<i>Мишина Т. Г.</i>	
На могиле матери	487
<i>Мошникова Е. С.</i>	
На могиле матери	489
При проводах мужа	491
При проводах сына	492
При встрече с сыном	494
<i>Никонова Т. Н.</i>	
По сиротам	495
<i>Онтохина М. Р.</i>	
Сирота об отце	498
В ожидании сына	501

<i>Осина Н. И.</i>	
Плач по сыновьям	503
<i>Павкова А. А.</i>	
О погибшем сыне	505
<i>Павлова Е. И.</i>	
На могиле мужа	506
При проводах сына	508
<i>Першина А. Н.</i>	
По сыновьям-фронтовикам	509
<i>Потахина В. П.</i>	
При получении похоронного извещения	511
<i>Ремизов И. К.</i>	
Плач по сыну	513
<i>Ремизова А. Е.</i>	
При встрече сына	514
<i>Ремизова М. Т.</i>	
При проводах сына	515
<i>Родина П. И.</i>	
По мужу и сыну	517
<i>Терентьева П. Е.</i>	
В ожидании встречи	520
<i>Терехова Т. М.</i>	
По мужу	521
В ожидании письма	522
<i>Ускова М. Н.</i>	
На могиле брата	524
<i>Фадеева А. Л.</i>	
По сыновьям	526
<i>Федулова А. М.</i>	
При проводах сына	530
По погибшему сыну	531
<i>Филимонова М. А.</i>	
В ожидании сыновей	534
<i>Фирсова В. Н.</i>	
По дочери, отъезжающей на „дальнюю сторонущку“	538
<i>Фофанова Н. Т.</i>	
При встрече сына	539
<i>Фролова О. С.</i>	
Плач по сыну	540
	597

<i>Хворостова А. М.</i>	
При встрече с сыном	541
При встрече с раненой дочкой	542
<i>Шибанова А. М.</i>	
На могиле матери	543
<i>Шельшакова А. М.</i>	
При проходах сына	545
Плач на могиле мужа	545
При встрече с демобилизованными фронтовиками	548
Приложение:	
<i>Конашкова А. Т.</i>	
Плач по сыну, погибшему на фронте Великой Отечественной войны. (Собственноручная запись)	551
Примечания	554
С л о в а р ь м е с т н ы х с л о в	581

РУССКАЯ НАРОДНО-БЫТОВАЯ ЛИРИКА

(ПРИЧИТАНИЯ СЕВЕРА)
В ЗАПИСЯХ В. Г. БАЗАНОВА И А. П. РАЗУМОВОЙ 1912—1945 гг.

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Редактор Издательства П. П. Быстров
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Н. Ф. Виноградова
Корректоры В. Г. Андронов, Р. Г. Гершинская, Л. Д. Данилова,
Ф. Я. Петрова и Э. В. Типикина

Сдано в набор 23/III 1962 г. Подписано к печати 15/VI 1962 г. РИСО
АН СССР № 80—109В. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бум. л. 18^{3/4}. Печ. л. 37^{1/2} =
37^{1/2} усл. печ. л. Уч.-изд. л. 38,59. Изд. № 1596. Тип. вак. № 619. М-42071.
Тираж 1500.

Цена 2 р. 52 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1)

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
(Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

Богуславский А. О., Диев В. А. Основные проблемы развития русской советской драматургии. Том I. 1917—1935. 29 л. Цена 1 р. 90 к.

Евнина Е. М. Современный французский роман. 30 л. Цена 2 р.

История русского романа. В двух томах. Том I. 50 л. Цена 3 р. 20 к.

Первый систематический опыт истории русского романа от его истоков до эпохи первой русской революции. В томах выясняются особенности реалистического метода и мастерства крупнейших русских романистов XIX в., исследуются их методы изображения человека и общества, анализируются национальные особенности и мировое значение русского романа. Первый том охватывает развитие русской романистики от ее возникновения до 50-х годов XIX в. Отдельные разделы тома посвящены Пушкину, Лермонтову, Гоголю, первым романам Тургенева и Гончарова. Том завершается разделом „Герцен и проблемы романа“.

История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. 100 л. Цена 4 р. 20 к.

Фундаментальный библиографический труд по истории русской литературы XIX в. Книга включает литературу по общим вопросам истории литературы и литературоведения и обширный свод персональных библиографий (около 300 имен). Задача библиографии — помочь общему изучению развития истории русской литературы.

Ковалев В. А. Творчество Леонида Леонова. 25 л. Цена 1 р. 70 к.

Литературное наследство. Том 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. 60 л. Цена 3 р. 80 к.

В томе публикуется богатейшее собрание писем Горького к советским писателям и писателькам Горькому (свыше 500).

Основы текстологии. 35 л. Цена 2 р. 30 к.

В книге обобщен опыт дореволюционной и советской текстологии, установлены принципы выбора текста произведений для научных изданий писателей-классиков и его комментирования.

Проблема характера в современной советской литературе. 20 л. Цена 1 р. 60 к.

Реализм и его соотношения с другими творческими методами. 25 л. Цена 1 р. 70 к.

Теория литературы. В трех томах. Том I. Основные проблемы в историческом освещении. Образ—метод—характер. 45 л. Цена 2 р. 90 к.

Якимович Т. К. Французский реалистический очерк. 1830—1848. 20 л. Цена 1 р. 30 к.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ „АКАДЕМКНИГА“
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

- Бушмин А. С.* Сатира Салтыкова-Щедрина. 1959. 644 стр. Цена 2 р. 67 к.
- Десницкий В. А.* Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. 1958. 403 стр. Цена 1 р. 77 к.
- Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. 1959. 442 стр. Цена 1 р. 84 к.
- История русской критики. В двух томах. 1958. Цена за оба тома 6 р. 75 к.
- Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. 1959. 430 стр. Цена 1 р. 81 к.
- Муратова К. Д. М.* Горький в борьбе за развитие советской литературы. 1958. 486 стр. Цена 2 р. 11 к.
- Некрасовские сборники.
Том II. 1956. 516 стр. Цена 2 р. 37 к.
Том III. 1960. 396 стр. Цена 2 р. 23 к.
- Пруцков Н. И.* Творческий путь Глеба Успенского. 1958. 188 стр. Цена 93 к.
- Светлов Л. Б. А. Н.* Радищев. Критико-биографический очерк. 1959. 304 стр. Цена 58 к.
- Творчество М. Горького и вопросы социалистического реализма. 1958. 502 стр. Цена 2 р.
- История английской литературы. Том III. Литература от 70-х годов XIX в. до 1955 г. 1958. 730 стр. Цена 2 р. 88 к.
- Иващенко А. Ф.* Гюстав Флобер. 1955. 490 стр. Цена 1 р. 43 к.
- История немецкой литературы. В пяти томах. Том I. Литература IX—XVII веков. 1962. 470 стр. Цена 1 р. 75 к.

Книги продаются в магазинах конторы „Академкнига“. В этих же магазинах принимаются предварительные заказы на печатающиеся книги.

АДРЕСА МАГАЗИНОВ:

Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); Центр, Б. Черкасский пер., 2/10 (контора „Академкнига“, отдел „Книга-почтой“). Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57. Свердловск, ул. Белинского, 71в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горяиновский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13. ^{тв}

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
19	22 сверху	оказалось	сказалось
29	21 снизу	(№ . . .)	(№ 79)
152	7 сверху	камушечкам,	катушечкам,

Русская народно-бытовая лирика

